

РУССКОЕ СЛОВО

АВГУСТЪ.

1863

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Наша университетская наука. (Окончаніе). Д. И. Писаревъ.

Афонъ.— Путевыя впечатлѣнія. (Статья третья). Н. А. Благовѣщенскій.

На чужбинѣ. (Стихотвореніе). В. Буренинъ.

По дорогѣ (разсказъ). Н. Ѳедоровичъ.

Женитьба отъ скуки (разсказъ; окончаніе). Г. Лунинъ.

Кутчанское Происшествіе (очеркъ изъ сельскаго быта). А. З.

Золотой Телецъ (романъ Чарльза Левера. Часть третья).

См. наоборотъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ЗЕМЛЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. Н. В. Шелгуновъ.

Естественная исторія міроздaнія. Съ нѣм. пер. Карла Фогта, перев. доп. примѣч. А. Пальховскій. М. 1863. — Физіологическія письма Карла Фогта. Перев. Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Вып. I-й. СПБ. 1863. — Физіологическія картины Л. Бюхнера. перев. съ нѣм. С. А Усовъ. М. 1862.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. В. А. Зайцевъ.

Ученіе о пищѣ, общепонятно изложенное Я. Молешоттомъ. Изд. кн. магазина Серно-Соловьевича. СПБ. 1863. — Міръ до сотворенія человѣка, сочиненіе Д-ра Ф. А. Циммермана. Перевелъ съ 12-го нѣмецкаго изданія Павелъ Ольхинъ. СПБ. Изд. Вольфа. 1863.—Стихотворенія А. А. Фета. 2 части. Изданіе Солдатенкова. М. 1863.—Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная подъ редакціею А. Милюкова. Т. II. книга 2.—Исторія итальянской литературы, составлена В. Костомаровымъ. СПБ. 1863.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефренъ.

Пустозвонство англійскаго парламента. — Оригинальный процессъ Уильяма Ропеля. — Политика Англіи въ отношеніи Китая и Японіи. — Религіозная, политическая и соціальная конституція японской имперіи. — Консервативная и либеральная партіи въ Японіи. — Покровительство благородныхъ лордовъ американскимъ плантаторамъ. — Послѣдніе симптомы американской войны.— Паденіе Виксбурга и дальнѣйшія побѣды Сѣвера надъ Югомъ. — Истощеніе силъ и разныя продѣлки рабовладѣльцевъ. — Близкая кончина плантаторской олигархіи. — Наполеонъ III—императоръ Мексики. — Гуманныя обѣщанія побѣдителя, приводимыя въ исполненіе вовсе негуманными зуавами. — Фокусы-покусы генерала Форея. — Можетъ ли удержаться французская монархія въ Мексикѣ, если американскимъ плантаторамъ не удастся основать у себя систему абсолютнаго правительства? — Насильственное обращеніе еврейской дѣвочки въ католическую вѣру въ Римѣ.—Конгрессъ германскихъ государей во Франкфуртѣ.—Мечты нѣмцевъ о національномъ единствѣ.—Характеристика прусской конституціи. — Желаніе габсбурговъ стать въ головѣ германской федераціи.

См. на оборотѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„РУССКАГО СЛОВА."

въ 1864 году.

«Русское Слово» въ 1864 г. будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ до сихъ поръ. — Подробная программа будетъ сообщена въ слѣдующей книжкѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ пересылки	12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой	14 » — »

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

РУССКАГО СЛОВА.

По случаю пріостановленія «РУССКАГО СЛОВА» на 8 мѣсяцевъ въ прошломъ 1862 году, Редакція почла долгомъ немедленно приступить къ удовлетворенію своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала. Съ этою цѣлью она повѣстила каждаго изъ тѣхъ своихъ подписчиковъ, адресы которыхъ были извѣстны Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», особеннымъ письмомъ, предложивъ на выборъ слѣдующіе три способа удовлетворенія: 1) или получить обратно деньги — 7 р. за недоданныя книжки; 2) или принять нижеозначенными изданіями на сумму, равную 7 р.; 3) или оставить слѣдующія къ возврату деньги на 1863 годъ, въ счетъ будущей подписки на «РУССКОЕ СЛОВО», изданіе котораго, по истеченіи запретнаго срока, должно было возобновиться съ 1 февраля настоящаго года. Срокъ удовлетворенія былъ назначенъ отъ іюля по 1 декабря, т. е. впродолженіи пяти мѣсяцевъ; по мнѣнію нашему, этого времени было совершенно достаточно для заявленія желанія или требованія со стороны каждаго подписчика, какъ бы мѣстожительство его отдаленно ни было.

Кромѣ этого предложенія, сдѣланнаго въ особенныхъ письмахъ, адресованныхъ на имя каждаго подписчика, Редакція по нѣскольку разъ объявила о тѣхъ же условіяхъ во всѣхъ болѣе распространенныхъ газетахъ. Большинство гг. подписчиковъ благоволило отвѣтить Редакціи своевременно, оставить слѣдующія къ возврату деньги въ счетъ подписки на 1863 годъ. Нѣкоторые пожелали получить изданіями, которыя и были высланы имъ; потребовавшіе обратно деньги были удовлетворены согласно ихъ требованію.

Но не смотря на многія публикаціи и частныя письма, нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ до сихъ поръ не извѣстили Редакцію ни о своихъ адресахъ, ни о своемъ желаніи получать «РУССКОЕ СЛОВО». Не зная адресовъ (старые могли въ теченіе 8 мѣсяцевъ

---

*) Изданія, предложенныя для удовлетворенія гг. подписчиковъ, были слѣдующія: **Сочиненія А. Островскаго**, въ 2 большихъ томахъ, 3 р., съ пересылкою 3 р. 75 к. **Сочиненія А. Майкова**, въ 2 томахъ, 2 р., съ пересылкой 2 р. 75 к. **Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова**, въ 2 томахъ, 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. **Сочиненія И. Панаева**, въ 4 томахъ, 3 р., съ пересылкой 4 р. 50 к. **Сочиненія Л. Мея**, въ 3 томахъ, 3 р. съ пересылкой 4 р. 50 к. **Памятники старинной русской литературы**, составленные подъ редакціей г.г. Костомарова и Пыпина, въ 2 большихъ выпускахъ, 3 р. съ пересылкой 3 р. 75 к. На всѣ эти изданія, отлично выполненныя въ типографскомъ и хозяйственномъ отношеніи сообразно крайне-умѣреннымъ ихъ цѣнамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны. Та же уступка сдѣлана и при удовлетвореніи гг. подписчиковъ за недоданныя книжки «РУССКАГО СЛОВА»!

Измѣниться), Редакція не рѣшилась высылать таковымъ подписчикамъ самый журналъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ нихъ извѣщенія *куда* и *на чье имя* адресовать его. Между тѣмъ въ послѣднѣе время мы получили нѣсколько писемъ, въ которыхъ упрекаютъ насъ будто бы за недовѣріе тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ мы не получили никакихъ отвѣтовъ и поэтому не выслали имъ «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ. Такой упрекъ намъ кажется неосновательнымъ. Если Главная Контора пріостановила высылку тѣмъ изъ нихъ, которыхъ мѣстожительство не было заявлено ей, то это вовсе не потому, что не были получены отъ нихъ въ свое время добавочные 7 р., а по той очень понятной причинѣ, что Редакція доселѣ не знаетъ, кому и куда слѣдуетъ посылать книжки. Положимъ, что подписчикъ X получалъ «РУССКОЕ СЛОВО» въ 1862 году въ городѣ N; старый его адресъ въ книгахъ Конторы сохранился; но почему же знать, что и въ 1863 году господинъ X находится въ томъ же городѣ N? Вотъ это-то обстоятельство и заставило Редакцію пріостановить высылку журнала тѣмъ изъ подписчиковъ, которые не озаботились сообщить свои адресы своевременно. О недовѣріи же здѣсь не можетъ быть и помину.

Поэтому еще разъ просимъ покорнѣйше господъ, неотвѣтившихъ намъ доселѣ, прислать ихъ адресы, по которымъ и вышлются имъ книжки «РУССКАГО СЛОВА».

Съ тѣмъ вмѣстѣ Главная Контора «РУССКАГО СЛОВА» проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ, которымъ уже высылается «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ и которые не доплатили 7 р. къ оставшимся отъ прошлаго года, поспѣшить высылкою этихъ денегъ. Въ противномъ случаѣ Главная Контора, опять не зная положительно — желаютъ ли они получать журналъ за весь 1863 годъ или ограничатся полученіемъ только первыхъ шести книжекъ, будетъ поставлена въ затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ. Высылка же денегъ разрѣшитъ наше сомнѣніе и доставка книжекъ будетъ продолжаться безостановочно.

Для скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ и требованій со стороны гг. подписчиковъ, подписавшихся въ книжныхъ магазинахъ, Редакція повторяетъ свою просьбу относиться съ этими жалобами и требованіями прямо въ Редакцію «РУССКАГО СЛОВА» (адресъ ея почтовому вѣдомству извѣстенъ). Только тогда можно разсчитывать на безотлагательное исполненіе просьбъ иногородныхъ подписчиковъ и на своевременные отвѣты по ихъ письмамъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 сентября. 1863 г.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

Общее образованіе.

I.

Намъ постоянно случается слышать, что молодые люди, неимѣющіе почти никакихъ средствъ къ существованію, приходятъ изъ отдаленныхъ губерній въ университетскіе города, чтобы учиться, перебиваются со дня на день во время четырехлѣтняго курса, переносятъ всевозможныя лишенія, и наконецъ достигаютъ своей цѣли, то есть, благополучно, а иногда и блистательно выдерживаютъ выпускной экзаменъ. Всякому, кто бывалъ въ нашихъ университетахъ, случалось видѣть въ аудиторіяхъ молодыхъ людей бѣдно одѣтыхъ, худыхъ и блѣдныхъ, истомленныхъ бѣготнею по грошовымъ урокамъ и, не смотря на то, усердно посѣщающихъ и записывающихъ всѣ назначенныя по росписанію лекціи. Исторія Ломоносова повторяется у насъ въ Россіи каждый день, а между тѣмъ Ломоносовы такъ же рѣдки теперь, какъ были рѣдки въ прошломъ столѣтіи. Мы привыкли указывать на молодыхъ людей, приходящихъ пѣшкомъ въ университетскіе города, какъ на живыя доказательства того сильнаго стремленія къ образованію, которое существуетъ и проявляется порою въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества и въ самыхъ забитыхъ слояхъ нашего общества. Существуетъ

дѣйствительно, или не существуетъ это стремленіе — это такой вопросъ, за рѣшеніе котораго я не берусь, потому что судить объ этомъ дѣлѣ можетъ только тотъ, кто знаетъ наше общество вдоль и поперекъ, кто наблюдалъ его долго и внимательно и кто серьезно обдумалъ свои наблюденія. Я скажу только, что примѣры молодыхъ людей, переносящихъ тягостныя лишенія во время своего университетскаго курса, оказываются при внимательномъ разсмотрѣніи доказательствами слабыми, односторонне понятыми и превратно истолкованными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только предложить себѣ вопросъ: куда дѣваются эти молодые люди? Что съ ними дѣлается послѣ блистательнаго выпускного экзамена? Дѣлается то, что и со всѣми дѣлается: они идутъ въ чиновники, въ учителя, въ ученые, сливаются съ общею массою и ничѣмъ замѣчательнымъ не проявляютъ свою личность и дѣятельность. А вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Кто прошелъ сотни верстъ и пережилъ сотни полуголодныхъ дней только потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ непреодолимое и безкорыстное стремленіе къ знанію, тотъ стоитъ цѣлою головою выше общей массы, тотъ не сольется съ ея грошовыми заботами и неудовлетворится ея куриною хлопотливостью. Кто въ глуши, среди гнетущей бѣдности, искалъ безъ устали истины и свѣта, тотъ вынесетъ свои стремленія неподавленными и неусыпленными даже изъ мертвящей аудиторіи какого нибудь Креозотова. А что эти стремленія останутся неудовлетворительными въ подобной аудиторіи, и слѣдовательно, будутъ искать себѣ удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ, это само собою разумѣется. Стало быть, если исторія Ломоносова повторяется съ незначительными варіаціями каждый день, а между тѣмъ Ломоносовыхъ не является, то остается предположить, что повторяется только внѣшняя сторона этой исторіи. Борьбу съ лишеніями мы видимъ, энергію и терпѣніе также видимъ,—не видимъ только бездѣлицы—побудительной причины; а между тѣмъ, именно въ этой бездѣлицѣ заключаются, въ большей части случаевъ, смыслъ и разгадка всего явленія. Если бы молодой человѣкъ шелъ пѣшкомъ въ университетскій городъ только за образованіемъ, то у насъ уже теперь было бы много дѣйствительно образованныхъ людей, и вліяніе этихъ людей чувствовалось бы въ общественной жизни. Но такъ какъ этого нѣтъ, то надо предположить, что дѣйствительнаго стремленія къ образованію молодой человѣкъ не чувствуетъ, или покрайней мѣрѣ, это стремленіе существуетъ въ немъ съ очень значительною примѣсью посто-

ронняго вещества. Не трудно догадаться, какое это вещество. Кромѣ знаній сомнительнаго достоинства, университеты даютъ своимъ слушателямъ еще права, которыхъ достоинство уже вовсе несомнительно. Кто не идетъ въ университетъ, какъ въ храмъ науки, тотъ идетъ въ него, какъ въ преддверіе карьеры. Для бѣднаго и незнатнаго человѣка университетъ составляетъ кратчайшую дорогу къ чинамъ, къ почестямъ, къ большому жалованію, и слѣдовательно, ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни. Эта кратчайшая дорога очень крута и усѣяна многими препятствіями; поступить въ уѣздный судъ писцомъ и перебиваться въ уѣздномъ городѣ копѣечнымъ жалованіемъ все-таки легче, чѣмъ идти на авось, пѣшкомъ, въ неизвѣстную даль, и потомъ четыре года жить невѣрными уроками,—но за то писцу уѣзднаго суда нѣтъ перспективы въ будущемъ, а передъ кандидатомъ университета открыта жизнь, съ ея опасностями, но также и съ ея заманчивыми надеждами. Чтобы пойти на встрѣчу лишеніямъ и грозной неизвѣстности судьбы, чтобы изъ рѣчного затишья выдти въ открытое море жизни, необходимо обладать предпріимчивостью и энергіею, а предпріимчивость и энергія—свойства очень почтенныя; но все таки между этими свойствами и безкорыстно сильнымъ стремленіемъ къ образованію лежитъ цѣлая бездна. Молодые люди, пробивающіе себѣ дорогу въ жизнь энергіею, трудолюбіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ, заслуживаютъ полнаго уваженія, но образованіе тутъ ни при чемъ. Молодые люди идутъ завоевывать себѣ счастіе, но не знанія; и до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ давать своимъ слушателямъ какія нибудь права, до тѣхъ поръ, пока университетскій дипломъ будетъ открывать дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыхъ не могутъ занять люди, неимѣющіе дипломовъ, до тѣхъ поръ всякія сладкія рѣчи и стремленія общества къ образованію будутъ относиться къ легіону нашихъ патріотическихъ самообольщеній. Въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдному молодому человѣку, старающемуся выбиться изъ бѣдности, необходимо идти въ университетъ и добывать дипломъ, въ этомъ обстоятельствѣ, говорю я, нѣтъ ничего утѣшительнаго. Это значитъ только, что одна коронная служба считается у насъ прочнымъ обезпеченіемъ. Это значитъ, что иниціатива общества крайне слаба; это значитъ далѣе, что общество собственнымъ умомъ не умѣетъ оцѣнить силы и способности своихъ членовъ и требуетъ, чтобы эти силы и способности были оцѣнены правительствомъ и засвидѣтельствованы дипломомъ. Нанимая домашняго учителя для своихъ дѣтей, отецъ

семейства не можетъ самъ испытать его познанія, и потому разсмасматриваетъ его дипломъ или аттестатъ. Въ дѣлѣ образованія мы требуемъ отъ правительства такой же гарантіи, какой требуютъ отъ него возникающія общества желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ образованія, мы непремѣнно желаемъ, чтобы правительство платило намъ проценты съ нашего умственнаго капитала, или покрайней мѣрѣ, чтобы оно своимъ ручательствомъ рекомендовало насъ почтенной публикѣ. Я не думаю, чтобы такое положеніе дѣлъ говорило особенно убѣдительно въ пользу развитости нашего общества, или въ пользу его горячаго стремленія къ образованію.

Въ 1860 и 1861 годахъ проявилось въ столичной молодежи сильное желаніе посѣщать университетскія лекціи. Въ аудиторіяхъ петербургскаго университета стали появляться посторонніе слушатели, офицеры и дамы. Фактъ самъ по себѣ хорошъ, но надо понимать его, какъ слѣдуетъ. Въ чью пользу говоритъ этотъ фактъ: въ пользу ли общества, или въ пользу университета? То есть: пробудилась ли потребность просвѣщенія въ самомъ обществѣ, или университетъ прославился настолько, чтобы разбудить общество и привлечь его въ свои аудиторіи? Стоитъ только поставить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ придти къ его разрѣшенію. Очевидно, что общество пробудилось совершенно независимо отъ университета, и что пробужденію общества содѣйствовали во-первыхъ реформы, предпринятыя правительствомъ, во-вторыхъ, оживленіе журналистики, которое въ свою очередь находилось въ связи съ общими реформами. Пробудившееся общество увидѣло, что ему необходимо образованіе,—а гдѣ его искать? Въ университетѣ,—не потому, чтобы въ университетѣ слышались особенно живые и свѣжіе голоса, а потому—что больше искать негдѣ. На безрыбьи и ракъ рыба. И общество хлынуло въ университетъ, и скоро съумѣло отличить менѣе усыпительныя аудиторіи. Но эти аудиторіи (за исключеніемъ развѣ одной костомаровской) все-таки не могли удовлетворить потребностямъ общества, и оно навѣрное само отхлынуло бы назадъ, если бы университетъ не предупредилъ его и не отогналъ отъ своихъ дверей непосвященную и неплатящую чернь. Стало быть, тотъ фактъ, что офицеры и дамы бывали на лекціяхъ вовсе не доказываетъ того, чтобы между обществомъ и университетомъ существовало сознательное сочувствіе. Что университетъ вовсе не сочувствуетъ обществу, это онъ доказывалъ неоднократно, словами и поступками своихъ отдѣльныхъ членовъ и

даже цѣлой корпораціи. Но и общество также не сочувствуетъ университету; оно ожидало отъ него живого и разумнаго слова, и готово было полюбить его за это слово, но ожиданія не исполнились, и общество, конечно, будетъ искать себѣ умственной пищи за предѣлами университетовъ, въ самостоятельномъ чтеніи, точно также, какъ уже всѣ дѣльные студенты работаютъ теперь надъ своимъ развитіемъ совершенно независимо отъ профессорскихъ лекцій и записокъ. Отстранивъ такимъ образомъ тѣ факты, которые люди невнимательные могли бы принять за признаки сочувствія общества къ теперешней университетской наукѣ, я приступлю прямо къ критикѣ нашего общаго и высшаго образованія.

II.

У насъ составилась привычка различать два рода образованія: общее и спеціальное. Эта привычка, какъ и большая часть нашихъ привычекъ, не оправдывается ничѣмъ, кромѣ давности лѣтъ, и оказывается несостоятельною при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое спеціальное образованіе? Ничто иное, какъ навыкъ въ какомъ нибудь ремеслѣ, умѣнье взяться за какое нибудь дѣло, умѣнье приложить къ этому дѣлу именно тѣ пріемы, которые въ данное время признаны опытомъ наиболѣе удобными. Что такое образованный спеціалистъ? Если отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ здравый смыслъ и правильное пониманіе употребляемыхъ словъ, то намъ придется сказать, что образованный спеціалистъ есть человѣкъ, получившій общее образованіе и потомъ изучившій какое нибудь ремесло. Если же отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ обыкновенное разговорное употребленіе словъ, то намъ придется сказать, что образованный спеціалистъ есть человѣкъ, изучившій основательно избранное имъ ремесло. Я, конечно, беру тутъ «ремесло» въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Подъ это понятіе подходятъ всѣ профессіи, требующія знаній и сноровки. Ремесленниками оказываются и земледѣлецъ, и портной,

и медикъ, и артиллеристъ, и законовѣдъ, и педагогъ, и литераторъ. Всѣ эти занятія требуютъ извѣстнаго напряженія мускуловъ и нервовъ; въ однихъ преобладаетъ умственный трудъ, въ другихъ — физическій; одни производительны, другія непроизводительны,—но эти различія не имѣютъ для насъ въ настоящее время никакого значенія, потому что для нашего разсужденія важно только то, что всѣ они требуютъ практическаго навыка и нѣкоторыхъ знаній. Чтобы быть полезнымъ членомъ общества, необходимо работать, слѣдовательно— имѣть какое-нибудь ремесло, слѣдовательно — быть спеціалистомъ. Польза, которую я приношу обществу, а слѣдовательно и самому себѣ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ успѣшнѣе идетъ моя работа; а работа моя пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ основательнѣе я изучилъ свое ремесло. Общество видитъ и цѣнитъ результатъ моей работы, и если результатъ оказывается хорошимъ, то общество заключаетъ, что я знаю хорошо свое ремесло, и называетъ меня образованнымъ спеціалистомъ. Но общество не всегда поступаетъ такъ: если я сапожникъ и шью превосходные сапоги, то оно только заваливаетъ меня заказами и называетъ меня отличнымъ сапожникомъ, а объ образованномъ спеціалистѣ не говоритъ ни слова; если же я горный инженеръ и хорошо разыскиваю золотоносныя жилы, то меня производятъ въ образованные спеціалисты, потому что я ношу эполеты, и потому что общество считаетъ невѣжливымъ назвать меня хорошимъ ремесленникомъ. Если я технологъ и управляю какимъ нибудь сахарнымъ заводомъ, то и тутъ я еще могу, по мнѣнію общества, носить титулъ образованнаго спеціалиста. Ну, а если я агрономъ и управляю чьимъ нибудь имѣніемъ, да еще небольшимъ, тогда титулъ образованнаго спеціалиста начинаетъ колебаться, и общество начинаетъ находить, что меня удобнѣе называть хорошимъ прикащикомъ. Разрозненность сословій и чиновная іерархія перепутала всѣ наши понятія и исказила нашъ разговорный языкъ. Очевидно, что образованный спеціалистъ такой же титулъ, какъ «ваше превосходительство», или «ваше высокоблагородіе». Но послѣдніе два титула совершенно безвредны, а первый подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и къ неясности представленія. Извѣстно, что неправильное употребленіе словъ ведетъ за собою ошибки въ области мысли, и потомъ въ практической жизни. Когда мы называемъ человѣка образованнымъ спеціалистомъ, то намъ уже кажется неправдоподобнымъ, чтобы этотъ человѣкъ былъ неучемъ и полудикаремъ. Если мы даже

видимъ факты, ясно намекающіе на эти печальныя истины, то мы стараемся перевѣсить эти факты другими фактами утѣшительнаго свойства. Конечно, разсуждаемъ мы, этотъ господинъ имѣетъ много предразсудковъ; конечно, онъ имѣетъ самыя смутныя понятія о достоинствѣ человѣка, объ интересахъ общества, объ отношеніяхъ гражданина къ своимъ согражданамъ, и семьянина къ своему семейству,—но за то онъ отлично умѣетъ ввести корабль въ гавань, или подъискать статью въ сводѣ законовъ, или навести понтонный мостъ, или выстроить колонну къ аттакѣ. Мы краснорѣчиво разработываемъ это *но*, и доходимъ до того, что основательныя ремесленныя познанія начинаютъ намъ казаться такою штукою, которая имѣетъ сходство съ образованіемъ и во многихъ случаяхъ можетъ замѣнить его, съ пользою для отдѣльнаго лица и для общества. Дойдя до такого результата, мы очевидно потеряли уже изъ виду и дѣйствительное значеніе спеціальности, и настоящую цѣль общаго образованія. Начинается погоня за двумя зайцами, которые уходятъ отъ насъ по двумъ рознымъ дорогамъ. Возникаютъ общеобразовательныя заведенія съ намеками на спеціальность; являются спеціальныя заведенія съ претензіями на общее образованіе. Наконецъ, что всего хуже, въ обществѣ укореняется мысль о томъ, что можно въ одно и то же время, одними и тѣми же уроками дѣлать Васиньку или Коленьку образованнымъ человѣкомъ и, напримѣръ, хорошимъ морякомъ, или дѣльнымъ юристомъ. Развелась пропасть разныхъ образованій: это, говорятъ, юридическое, а вотъ это—техническое, а вонъ то—военное. Идя по этому пути, можно дойти до образованія кирасирскаго, отличающагося отъ гусарскаго и уланскаго, до образованія свойственнаго чиновнику казенной палаты, и совершенно непохожаго на образованіе сенатскаго или почтамтскаго чиновника, до образованія кожевника, неимѣющаго ничего общаго съ образованіемъ мыловара или мясника. Когда мы доведемъ свое развитіе до такого невиданнаго совершенства, то намъ останется только утѣшаться, глядя на тысячи образованныхъ спеціалистовъ. Радость наша будетъ такъ безпредѣльна, что мы даже не замѣтимъ того, какъ общее образованіе совершенно уничтожилось и превратилось въ миѳъ, потому что сотни различныхъ образованій растащили его по кусочку. Образованныхъ людей у насъ не будетъ, — а такъ какъ только образованные люди составляютъ и поддерживаютъ благоустроенное гражданское общество, то и общества не будетъ, а будутъ сотни цѣховъ, находящихся между собою въ

такихъ же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся къ прускихъ гражданамъ прускіе офицеры, поминутно обнажающіе оружіе противъ безоружныхъ своихъ соотечественниковъ, за такія обиды, которыя понятны только этимъ храбрымъ воинамъ. Къ сожалѣнію, всякій ошибочный принципъ только въ теоріи можетъ быть доведенъ до своей нелѣпой крайности; жизнь рѣдко бываетъ логична, и обыкновенно сворачиваетъ въ сторону, когда натыкается на нелѣпый выводъ, прямо вытекающій изъ принятаго ею принципа. Поэтому принципъ остается непобѣжденнымъ, скрывается на время внутрь и притихаетъ, а потомъ опять поднимаетъ голову и производитъ разныя мелкія глупости, которыя обыкновенно замазываются такими же мелкими полліативными средствами. Такъ и ползетъ жизнь черезъ пень-колоду, обходя нелѣпыя крайности, сражаясь ежеминутно съ крошечными аномаліями и безропотно уживаясь съ основной причиной этихъ аномалій. Такимъ образомъ нельзя подвигаться впередъ быстро и успѣшно, но объ этомъ почти никто и не заботится. Объ образованіи толкуютъ всѣ, кому только есть время и охота толковать; составляются проэкты, измѣняются программы, увеличивается или уменьшается число учебныхъ часовъ, передвигается порядокъ занятій, чувствуется во всемъ ходѣ образованія какая-то общая нескладица,—но передѣлки производятся робко и нерѣшительно, и все въ одномъ и томъ же узкомъ кругу идей, составившемся Богъ знаетъ когда, и охватившемъ насъ Богъ знаетъ зачѣмъ. Раздаются голоса, говорящіе рѣшительно и ясно о томъ, что слѣдуетъ формировать человѣка, а не моряка, не чиновника, не офицера. Всѣ слушаютъ — и умиляются, и начинаютъ дѣйствовать, а между тѣмъ въ результатѣ оказываются только переименованія и передвиженія. Призракъ спеціальнаго образованія никакъ не рѣшается исчезнуть и до сихъ поръ мѣшаетъ нашему обществу разглядѣть дѣйствительный смыслъ и настоящую задачу образованія. Вмѣсто того, чтобы съ корнемъ вырвать ошибочный принципъ, вмѣсто того, чтобы навсегда прогнать нелѣпый призракъ, мы все хлопочемъ о томъ, чтобы заключить невозможную мировую сдѣлку между призракомъ и дѣйствительностью, какъ будто возможны какія-нибудь сдѣлки между истиною и безсмыслицею, между здравымъ смысломъ и предразсудкомъ. Мы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служимъ Богу и мамону; мы никогда не относимся къ образованію просто и безкорыстно; всякое знаніе мы забираемъ въ голову, какъ источникъ будущихъ доходовъ;

на всякую книгу мы готовы смотрѣть, какъ на руководство къ изученію повареннаго искусства, или какъ на рецептъ для соленія грибовъ и брусники; эти корыстныя цѣли конечно никогда не достигаются; каждая кухарка знаетъ, что никто еще не сдѣлался поваромъ по книжкѣ; каждая деревенская хозяйка скажетъ вамъ, что человѣкъ неопытный при самомъ подробномъ рецептѣ испортитъ грибы и бруснику. Но лукавые виды на грибы и бруснику не даютъ намъ покоя и не позволяютъ намъ дорыться до правильнаго взгляда на образованіе. Да и какъ дорыться, когда мы сваливаемъ въ одну кучу воспитаніе, образованіе и изученіе ремесла? Воспитаніемъ мы очень дорожимъ, потому что нашему сердцу безконечно отрадно видѣть въ дѣтяхъ и юношахъ благонравіе и кротость. Изученіемъ ремесла мы тоже дорожимъ по своему, потому что жалованье и казенная квартира отъискиваютъ себѣ чувствительное мѣсто въ самомъ стоическомъ сердцѣ. А что такое образованіе—этого мы не знаемъ. Тамъ, на границѣ между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла, есть какая-то неопредѣленная амальгама, какая-то переходная тѣнь, которую мы и называемъ образованіемъ и къ которой мы, по правдѣ сказать, чувствуемъ глубочайшее равнодушіе. Но такъ какъ намъ совѣстно питать такія не-европейскія чувства къ такому великому дѣлу, какъ образованіе, то мы, ради приличнаго замаскированія, и придумали назвать образованіемъ всю кучу нашихъ педагогическихъ отправленій, т. е. и воспитаніе, и изученіе ремесла, и узенькую полоску неинтересной для насъ амальгамы. Тутъ дѣло не въ словахъ: можно, пожалуй, столъ назвать стуломъ, но зачѣмъ же садиться на столъ? Это и неудобно, и неприлично. Можно какъ угодно назвать наши педагогическія упражненія надъ дѣтьми и юношами, но зачѣмъ же сдавливать образованіе между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла? Зачѣмъ отодвигать образованіе на самый задній планъ и выдвигать впередъ воспитаніе и спеціальность, которыя должны имѣть второстепенное значеніе? Воспитывать вообще слѣдуетъ какъ можно менѣе, а выборъ спеціальности всегда долженъ быть безусловно предоставленъ самому молодому человѣку, получившему уже хорошее и полное образованіе. Я говорю здѣсь о такой спеціальности, которая требуетъ сильной и постоянной умственной работы и которая даетъ всей послѣдующей жизни человѣка опредѣленное направленіе. Что же касается до простого ручного ремесла, то ему можно учить ребенка съ малолѣтства, потому что такое ремесло нисколько не мѣ-

шаетъ общеобразовательнымъ занятіямъ, не направляетъ ума въ ту или въ другую сторону и, не вредя никакимъ другимъ умственнымъ или житейскимъ успѣхамъ, развиваетъ здоровье и всегда остается запаснымъ капиталомъ, на случай нужды или неудачи.

III.

Я сказалъ, что воспитывать слѣдуетъ вообще какъ можно менѣе. Эта мысль можетъ показаться парадоксальною, а между тѣмъ она чрезвычайно проста и совершенно неопровержима. Конечно, не я первый высказываю эту мысль, которая, какъ всѣ простыя и свѣтлыя мысли, не принадлежитъ никому въ частности, и непремѣнно приходитъ въ голову каждому человѣку, задумывающемуся серьезно и добросовѣстно надъ отношеніями взрослыхъ къ подрастающему поколѣнію. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ знаменитою идеею Бёкля о томъ, что человѣчество подвигается впередъ при помощи знаній и открытій, и что нравственныя истины не имѣютъ почти никакого вліянія на быстроту и успѣшность историческаго развитія. Приложите эту мысль къ жизни отдѣльной личности, и вы увидите ясно, что ребенокъ нуждается въ знаніяхъ, а не въ правоученіяхъ. А какъ только сообщаются какія нибудь знанія, какимъ бы то ни было образомъ, и по какому бы то ни было поводу, такъ уже начинается образованіе и самодѣятельное умственное развитіе будущаго человѣка. Чѣмъ раньше начинается это образованіе и развитіе, тѣмъ лучше. Воспитаніе же должно продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не начнется образованіе. Какъ бы ни были разнообразны пріемы воспитанія, но всѣ они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ типамъ: къ воспитанію розгой, или къ воспитанію авторитетомъ. Въ первомъ случаѣ воспитатель говоритъ ребенку: «дѣлай это и это, или я тебя высѣку. Не дѣлай того и того, или я тебя высѣку». Объ этомъ случаѣ распространяться нечего. Во второмъ случаѣ воспитатель пріобрѣтаетъ себѣ безусловное довѣріе ребенка, и потому уже просто говоритъ ему: «дѣлай это, не дѣлай того». Ребе-

нокъ повинуется изъ любви и уваженія къ воспитателю, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Воспитатель говоритъ: «это хорошо, а то дурно», и ребенокъ запоминаетъ это,—и въ этомъ также нѣтъ ничего хорошаго. Всевозможныя нравоученія сводятся на послѣднюю формулу, съ тою только разницею, что они бываютъ обыкновенно гораздо длиннѣе и утомительнѣе. Во всѣхъ этихъ нравоученіяхъ нѣтъ ни одного аргумента, ни одного такого доказательства, которое ребенокъ могъ бы самъ провѣрить, или по крайней мѣрѣ, понять. Все дается на память и на вѣру. Стало быть, для мысли нѣтъ никакой пищи, и самодѣятельность будущаго человѣка остается совершенно незатронутою. Поступать такимъ образомъ съ ребенкомъ позволительно только тогда, когда онъ еще не можетъ воспринимать знаній. Если годовой ребенокъ лезетъ на горячій самоваръ, тогда конечно, его, прежде всего, слѣдуетъ оттащить въ сторону, но и тутъ можно ему позволить прикоснуться къ самовару кончикомъ пальца. Опытъ не пропадетъ даромъ. Но когда ребенокъ уже говоритъ и разсуждаетъ, тогда заставлять его вѣрить на слово совершенно недобросовѣстно. Отцы и гувернеры, матери и гувернантки обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ потому, что имъ лѣнь объяснять ребенку причины разныхъ своихъ распоряженій, или перечислить ему возможныя послѣдствія его собственныхъ поступковъ. Кромѣ лѣни, есть еще причина: именно неумѣнье или даже невозможность объяснить ребенку, почему появляются приказанія или запрещенія. Въ кодексѣ нашей житейской морали почти всѣ вопросы рѣшаются безаппеляціонно словами: «нравственно» или «безнравственно», «прилично» или «неприлично», «принято» или «не принято». Спросите: почему? и вамъ не отвѣтятъ, потому что причины дѣйствительно не имѣется. Когда ребенокъ сталкивается съ однимъ изъ такихъ вопросовъ, то его осаживаютъ однимъ изъ вышеприведенныхъ рѣшительныхъ словъ. Онъ это запоминаетъ, и такимъ образомъ его дрессировка подвигается понемногу впередъ. У насъ принято воспитывать, т. е. дѣйствовать авторитетомъ до тѣхъ поръ, пока есть какая нибудь возможность поддержать авторитетъ. Вслѣдствіе этого, даже мужья воспитываютъ своихъ женъ, т. е. читаютъ имъ нравоученія; иногда бываетъ и на оборотъ, что также имѣетъ свою оригинальную прелесть. Теперь, я думаю, будетъ понятно, почему я говорилъ, что воспитывать слѣдуетъ какъ можно менѣе, и что воспитаніе уже въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ и должно уступать мѣсто образованію.

Воспитаніе ставитъ воспитателя между ребенкомъ и окружающею природою, а образованіе ставитъ ребенка въ непосредственныя отношенія къ этой природѣ. Воспитаніе заставляетъ только повиноваться, а образованіе учитъ будущаго человѣка жить и распоряжаться своими силами. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что образованіе можетъ и должно начинаться съ перваго проблеска мысли въ ребенкѣ, и что оно во всякомъ случаѣ, даже у насъ, начинается гораздо раньше перваго книжнаго ученія.

IV.

Я особенно настоятельно обращаю вниманіе читателя на ту мысль, что у насъ образованіе сдавлено между нравственнымъ воспитаніемъ и изученіемъ спеціальности. Эта мысль, къ которой мы пришли путемъ предшествующихъ разсужденій, даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ странныхъ явленій нашей педагогической практики. Когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить, то первыя старанія родителей направляются на то, чтобы покорить возникающую силу, подчинить ее посторонней волѣ, не допустить ее до сознанія того, что она сама — сила, способная крѣпнуть, развиваться, расширять свою дѣятельность и свои права. Прежде всего ребенокъ долженъ быть послушнымъ сыномъ или послушною дочерью; поэтому ему внушается ежеминутно, что онъ самъ ничтоженъ, слабъ, зависимъ, неспособенъ понимать, что ему полезно и вредно; стараются даже доказать ему, что онъ не умѣетъ различать пріятное и непріятное; но этому послѣднему посягательству на его чувства и волю ребенокъ не поддается никогда. На различіи пріятнаго и непріятнаго онъ основываетъ всю свою оппозицію противъ притязаній взрослыхъ. Онъ знаетъ очень хорошо, чего ему хочется и чего не хочется; его желанія называютъ капризами, но это его не смущаетъ; въ капризахъ проявляются первые задатки характера, и эти задатки, противъ которыхъ направлены всѣ условія воспитателей, все-таки развиваются и въ концѣ концовъ заставляютъ признать свою законность. Вѣдь

и Меттернихъ считалъ національныя стремленія итальянцевъ предосудительнымъ капризомъ, а теперь непризнаваніе итальянскаго королевства покажется всякому здравомыслящему человѣку пустымъ дипломатическимъ упорствомъ. Такъ точно бываетъ и въ частной жизни съ тѣми воспитателями, которые ведутъ ожесточенную войну съ такъ называемыми капризами своихъ питомцевъ. Эта ожесточенная война нисколько не ослабѣваетъ тогда, когда начинается книжное ученіе. Напротивъ того, книжное ученіе даетъ каждый день новые матеріалы для педагогическихъ распрей. Ребенокъ лѣнивъ, ребенокъ невнимателенъ, все это надо побѣждать и искоренять; гдѣ же тутъ думать о перемиріи? Воспитаніе широкою волною врывается въ собственное поле образованія. Знанія превращаются въ нравоученія. Учитель не спрашиваетъ объ умственныхъ потребностяхъ ребенка, не старается ихъ пробудить и не заботится объ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя уже пробудились сами собою. Всякая умственная потребность, являющаяся безъ призыва, встрѣчается, какъ незванная гостья,—а извѣстно, что незваный гость хуже татарина. Такая нескромная потребность обыкновенно считается такимъ же капризомъ, какъ и всякое другое желаніе ребенка, невходящее въ педагогическіе расчеты воспитателя. Ученіе не отвѣчаетъ на вопросы ребенка и никогда не бываетъ расположено такъ, чтобы ребенокъ самъ понималъ его необходимость. Ребенку говорится съ самого начала, что онъ долженъ учиться для своей же пользы. Эти сакраментальныя слова: «это, душенька, для твоей же пользы» хорошо извѣстны всякому ребенку. Эти слова всегда произносятся въ заключеніи каждаго нравоученія, каждой распечки, даже каждаго наказанія розгою или другимъ орудіемъ. Это послѣдній аргументъ, *ultima ratio*, послѣ котораго воспитатель говоритъ себѣ, что онъ все объяснилъ ребенку и что ребенокъ окажется неблагодарнымъ животнымъ, если не дастъ съ радостью завязать себѣ глаза и не побѣжитъ съ завязанными глазами, по голосу своего воспитателя, всюду куда прикажутъ. И дѣйствительно, надо сказать правду, только особенно даровитые ребята оказываются неблагодарными животными. Большинство дѣтей такъ благовоспитано, что путешествіе съ завязанными глазами не представляетъ уже для нихъ ничего необыкновеннаго. Нельзя сказать, чтобы слова: «это, душенька, для твоей же пользы» особенно глубоко врѣзались въ ихъ умъ; они вовсе не думаютъ, что это ихъ польза; они не пылаютъ фана-

тическою вѣрою въ непогрѣшимость своихъ учителей, потому что такую фанатическую вѣру способна возбудить только высоко даровитая личность. Они просто измяты и усыплены воспитаніемъ; они привыкли кому нибудь повиноваться и не умѣютъ ни разсуждать, ни горячо вѣрить. Они смотрятъ на свои уроки, какъ мужики на барщину. Нельзя же безъ этого. Добромъ не сдѣлаешь, такъ насильно заставятъ. Они и дѣлаютъ добромъ, чтобы не вышло непріятности. Такимъ образомъ пріобрѣтается привычка, которая всегда сохраняется далеко за предѣлами дѣтства и часто сопровождаетъ человѣка до гробовой доски. Ребенокъ учитъ урокъ, потому что такъ велѣно, гимназистъ зубритъ къ экзамену, потому что такъ заведено, студентъ записываетъ безтолковую лекцію, потому что она назначена по расписанію, гимназическій учитель требуетъ отъ ученика твердаго знанія урока, потому что онъ на то поставленъ, профессоръ читаетъ безтолковую лекцію, потому что его за тѣмъ посадили на каѳедру. Словомъ, одинъ толкаетъ другого, не зная куда и зачемъ, и другой также не знаетъ, куда и зачѣмъ толкаетъ его одинъ,— но не распрашиваетъ объ этомъ, слѣдуетъ импульсу, и затѣмъ въ свою очередь начинаетъ толкать невиннаго третьяго. *Perpetuum mobile*, котораго тщетно ищетъ механика, блистательнымъ образомъ найдено и осуществлено въ нашей педагогической и житейской практикѣ. Такъ какъ образованіе наше нисколько не объусловливается собственными потребностями ребенка, то чѣмъ же опредѣляется кругъ предметовъ, входящихъ въ его составъ? Если ребенку слѣдуетъ поступить въ казенное заведеніе, то кругъ предметовъ опредѣляется печатною программою; а если ребенокъ — дѣвочка, и если ей предстоитъ закончить свое образованіе въ родительскомъ домѣ, то кругъ предметовъ опредѣляется тѣми требованіями, которыя возбуждаютъ неопредѣленный идеалъ *jeune personne charmante et bien élevée*. Вы видите, что къ воспитательному элементу примѣшивается элементъ спеціальности. Иногда примѣшивается съ первыхъ дней жизни ребенка. Бываютъ родители, которые знаютъ заранѣе, что старшій ихъ сынъ будетъ фельдмаршаломъ, второй адмираломъ, а третій министромъ финансовъ. Сообразно съ этими предначертаніями располагается и воспитаніе, но такихъ родителей уже теперь немного; кромѣ того, это уже крайности, а я хочу говорить только о лучшихъ явленіяхъ нашей педагогической практики. Даже въ этихъ лучшихъ явленіяхъ элементъ спеціальности примѣшивается къ обра-

зованію очень рано. Что касается до женщинъ, то онѣ всѣ специалисты, потому что воспитываются или для свѣтской жизни, или для кухни, или для мѣста гувернантки. Но о женскомъ воспитаніи я говорить не буду. Посмотримъ, какой же кругъ предметовъ назначается и требуется печатными программами, которыя имѣютъ такое неотразимое вліяніе на ходъ образованія мальчиковъ въ достаточныхъ и просвѣщенныхъ классахъ нашего общества. Мы можемъ принять за норму програму гимназіи, потому что всѣ другія програмы гражданскихъ и военноучебныхъ заведеній представляютъ, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ, очень незначительныя уклоненія отъ програмы гимназіи.

V.

Перечислить отдѣльные предметы, входящіе въ гимназическую програму, очень легко, но опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, планъ и характеръ нашего гимназическаго образованія совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что плана и характера въ немъ положительно нѣтъ.

Представьте себѣ, что я держу въ рукахъ маленькую и очень простую акварельную картинку. Вы умѣете рисозать и сидите въ другой комнатѣ; передъ вами лежатъ на столѣ листъ бумаги, кисти и всѣ тѣ краски, которыми нарисована моя картинка. Я начинаю вамъ диктовать: полвершка желтой краски, три штриха зеленой, два вершка въ длину и полтора въ ширину лиловой, и т. д. Я диктую совершенно вѣрно, и систематически-послѣдовательно иду сверху внизъ, и отъ лѣвой руки къ правой, но не смотря на то, и не смотря на вашъ художественный талантъ, я позволяю себѣ усомниться въ томъ, чтобы на вашей бумагѣ изобразилась моя картина, или вообще какая нибудь другая картина. Именно такимъ образомъ диктовала намъ Европа, и особенно Германія, програмы своихъ заведеній, такія програмы, которыя и на своемъ-то мѣстѣ не приносили никакой пользы. А ужъ что изъ нихъ вышло унасъ — такъ этого и разсказать невозможно. Въ послѣднее время, съ легкой ру-

ки «Русскаго Вѣстника», за подобную диктовку хотѣла приняться Англія. Являлось въ журналахъ мнѣніе, что слѣдуетъ усилить у насъ классическое образованіе, потому, дескать, что оно господствуетъ въ Англіи, а Англія держава просвѣщенная, и граждане пользуются всѣми благами общественной жизни, и ораторы ея очень замѣчательны, и государственные люди дальновидны, и ученые глубокомысленны. Покуда мы съ приверженцами классическаго образованія не будемъ ни спорить, ни соглашаться. Замѣтимъ только, что школьное образованіе въ Европѣ находится еще подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя вложили въ него гуманисты, жившіе въ эпоху возрожденія и во время реформаціи. Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI столѣтія, всѣ мыслящіе люди Европы были увлечены обожаніемъ классической древности, и это было хорошо, потому что лучше увлекаться идеями Цицерона и Платона, лучше восхищаться красотами Гомера и красивыми словами Виргилія, чѣмъ тупѣть надъ средневѣковой схоластической гнилью. Увлеченіе греками и римлянами конечно хватило черезъ край. Латинскій языкъ, постоянно оставшійся языкомъ церкви и права, вытѣснилъ народные языки изъ литературы и науки. Даже лютеровъ переводъ библіи на нѣмецкій языкъ не положилъ предѣла тираническому господству латинскаго языка. На латинскомъ писались и стихотворенія и богословскіе, трактаты и ученыя изслѣдованія, и политическіе памфлеты. При такомъ положеніи дѣлъ, латинскій языкъ долженъ былъ твердо укорениться въ школахъ.

Кромѣ того, все школьное образованіе должно было сложиться по образцу классической древности, съ тѣми только измѣненіями, которыхъ требовала христіанская религія. Такимъ образомъ и являлось на свѣтъ такъ называемое гуманное образованіе, которому противуполагаютъ образованіе реальное, и котораго жалкіе и искаженные лохмотья составляютъ нашъ гимназическій курсъ. Въ Греціи и въ Римѣ образованіе было исключительно словесное. Преподавались грамматика, риторика и философія. Къ этому присоединялось кое-что изъ математики и разныя гаданія объ астрономіи. Естественныхъ наукъ не было. Наука вообще въ древнемъ мірѣ не существовала, потому что соображенія Аристотеля и Платона о мірозданіи и человѣкѣ, нравившіяся такъ сильно древнимъ и среднимъ вѣкамъ, конечно не могутъ быть названы наукою. Математика была еще мало развита, и вліяніе ея на общее образованіе было незначительно.

Стало быть, грекъ или римлянинъ въ школѣ выучивался только хорошо говорить и хорошо писать. Апоѳеоза фразерства была доведена до такой наивной крайности, до которой она не можетъ дойдти въ нашъ лицемѣрный вѣкъ. Мы фразерствуемъ стыдливо и стараемся увѣрить всѣхъ, что говоримъ просто и дѣльно, а грекъ и, глядя на него, римлянинъ фразерствовали гордо и откровенно, потому что фразерство было и наукою, и искусствомъ, и высшимъ достоинствомъ человѣка, и лучшею доблестью гражданина, и вѣрнѣйшимъ средствомъ ворочать, по своему благоусмотрѣнію, судьбою городовъ и республикъ. Фразерство пользовалось всемогуществомъ во время лучшихъ дней греческой и римской свободы, и это всемогущество фразы было, конечно, одною изъ мрачныхъ сторонъ этого быта. Когда пала свобода Грецiи и Рима, тогда фраза потеряла свою силу, потому что эта сила перешла въ македонскую фамангу и въ преторіанскую когорту. Но въ школѣ фраза продолжала господствовать, потому что больше не на чемъ было построить обученіе. Изъ римскихъ школъ фраза, потерявшая смыслъ и силу, перешла въ средневѣковыя училища, потомъ въ школы гуманистовъ, гдѣ она немножко освѣжилась отъ соприкосновенія съ литературными памятниками классической древности, и наконецъ отъ гуманистовъ къ намъ, черезъ Польшу и Кіевъ, черезъ заиконоспаскую академію и бурсы; та же самая классическая фраза забралась въ гимназіи и даже въ кадетскіе корпуса. Кое-что приставили, кое-что урѣзали, и образовался гимназическій курсъ, въ которомъ, какъ я уже говорилъ, всѣ предметы враждуютъ между собою и неутомимо преслѣдуютъ и истребляютъ другъ друга. Чтобы доискаться до какого нибудь смысла въ нашемъ гимназическомъ или общемъ образованіи, необходимо было отправиться въ историческую экскурсію и добраться до грековъ, потому что только тамъ, въ этомъ первобытномъ источникѣ, словесное или гуманное образованіе имѣло смыслъ и значеніе, а мы обнашиваемъ теперь чужіе обноски, въ которыхъ уже не видно ни цвѣта, ни покроя, ни качества матеріи. Я, конечно, оставляю, въ моемъ обозрѣніи, преподаваніе закона божія встороны; судить о томъ, хорошо или дурно ведется это преподаваніе, я предоставляю спеціалистамъ, какъ людямъ болѣе компетентнымъ. Но, кромѣ закона божія, мы имѣемъ великое множество наукъ.

Исторія, географія, математика, физика, русская грамматика, риторика съ піитикой, носящія болѣе современное названіе теоріи

словесности, исторія русской литературы, латинскій языкъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ греческій, языки французскій и нѣмецкій. Помилуйте! Да можетъ ли быть что нибудь роскошнѣе этой программы, особенно если мы вспомнимъ, что вмѣсто греческаго языка въ большей части гимназій преподаются законовѣдѣніе и естественная исторія? (Sic!) Но замѣчаете ли вы странное явленіе. Математика и физика стоятъ совершенно одиночно въ этой роскошной программѣ, точно незваные гости, зашедшіе по ошибкѣ въ незнакомое общество. Онѣ такъ и жмутся другъ къ другу; обыкновенно учитель математики преподаетъ и физику. А въ тѣхъ классахъ гимназіи, гдѣ еще нѣтъ физики, математика оказывается совершенной сиротой, и потому поневолѣ примѣняется къ обычаямъ и манерамъ всего остальнаго общества. Всѣ другіе предметы обращаются къ памяти учениковъ; такое обращеніе вовсе не нравится математикѣ, но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, и она, скрѣпя сердце, покоряется господствующему порядку. Значитъ, математику и физику, какъ личности страдательныя и ни въ чемъ неповинныя, мы можемъ оставить всторонѣ. Онѣ и рады были помочь горю и предохранить гимназистовъ отъ угрожающаго имъ отупѣнія, но сила остальныхъ наукъ слишкомъ велика, такъ что противъ нихъ невозможно бороться. Вотъ, напримѣръ, исторія. У насъ принято думать, что это великая и прекрасная наука, что дѣти и юноши должны развивать свой умъ и облагороживать сердце, читая дѣянія патріотовъ Греціи и Рима и умиляясь думою надъ священными страницами отечественнаго бытописанія. У насъ принято даже говорить объ исторіи высокимъ слогомъ, что я и старался исполнить въ предъидущей моей фразѣ. У насъ, далѣе, принято негодовать противъ гг. Кайданова, Смарагдова, Зуева и Устрялова; принято утвѣрждать, что эти почтенные дѣятели написали очень плохіе учебники, и что только по милости этихъ учебниковъ не достигаются тѣ возвышенныя цѣли, къ которымъ должно вести преподованіе исторіи въ гимназіяхъ. Кто только не бранилъ поименованныхъ господъ, кто не изощрялъ надъ ними своего копѣечнаго остроумія! «Намъ, говорятъ эти остряки, необходимы хорошіе историческіе учебники для гимназій. Это наша настоятельная потребность. Пора, пора обратить на нее вниманіе». Затѣмъ слѣдуютъ знаки восклицательныя, многоточія и другія печатныя выраженія взволнованныхъ чувствъ. А между тѣмъ, все это пустяки. Учебники никуда не годятся, это правда. Но но-

выхъ учебниковъ совсѣмъ не нужно; они также никуда не будутъ годиться, потому что учебникъ исторіи для гимназій—безсмыслица, невозможная книга, неосуществимая мечта. Раціональное преподаваніе исторіи въ гимназіи также мечта, которая ни при какихъ условіяхъ осуществиться не можетъ.

VI.

Мое мнѣніе объ исторіи требуетъ доказательствъ, и я не откажу въ нихъ читателю, но предъупреждаю его, что мнѣ придется доказывать это довольно долго, и что поэтому читатель не долженъ гнѣваться на меня за отклоненіе отъ главнаго предмета статьи. Въ настоящее время исторія есть списокъ собственныхъ именъ, связанныхъ между собою разными глаголами и пересыпанныхъ цифрами годовъ Антонъ поколотилъ Сидора въ такомъ-то году, а потомъ Сидоръ соединился съ Егоромъ, и пошелъ на Антона въ такомъ-то году, и вздулъ его при такомъ-то городѣ, и выгналъ его изъ такого-то царства. Потомъ Сидоръ съ Егоромъ передрались за добычу; потомъ Егоръ женился на дочери Сидора, Феклѣ, въ такомъ-то году, и получилъ за него въ приданое такіе-то города; потомъ... Ну, и такъ далѣе,—вотъ обращикъ той исторіи, которую изучаютъ наши гимназисты. Говорятъ, это нехорошо; это говорятъ, отъ учебниковъ; слѣдуетъ ученикамъ видѣть внутреннее развитіе народной жизни, слѣдуетъ понимать историческій колоритъ событій, слѣдуетъ постигать связь между великими причинами и великими слѣдствіями... Ну да! Мало ли что слѣдуетъ! Да вѣдь все это однѣ фразы! Вы попробуйте приложить ихъ къ отдѣльному историческому эпизоду. Возьмите, напримѣръ, изъ римской исторіи, дѣятельность Гракховъ. Гимназистъ бойко разскажетъ вамъ, что Тиверій и Кай Гракхъ были украшеніемъ и гордостью матери своей Корнеліи, потомъ Тиверій сдѣлался народнымъ трибуномъ и захотѣлъ раздѣлить между бѣдными гражданами общественныя земли—*ager publicus*, потомъ сенатъ перепугался и сталъ хитрить, наконецъ перехитрилъ Тиверія, и

наконецъ — Тиверія убили въ народномъ собраніи. И это онъ вамъ разскажетъ по Смарагдову, и конечно гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ я вамъ разсказалъ. Ну чего жъ вамъ больше? Какого вамъ историческаго колорита? Вѣдь все, кажется, на своемъ мѣстѣ: и сенатъ и народное собраніе, и трибунъ, и плебеи, и даже по-латыни ager publicus. Вы отъ гимназиста ничего больше требовать не можете, а между тѣмъ, это то же самое, что повѣствованіе о Егорѣ, Антонѣ, Сидорѣ и дочери его Феклѣ. Гимназистъ очевидно не понимаетъ, отчего Тиверію вдругъ вздумалось осчаслививить бѣдныхъ, и отчего именно землею, а не деньгами, и откуда взялись эти бѣдные, и отчего сенату было выгодно, чтобы они оставались бѣдными, и отчего сенату удалось перехитрить Тиверія, и отчего все предпріятіе рухнуло, и очего бѣдные никакъ не могли сдѣлаться землевладѣльцами. Словомъ, гимназистъ во всей дѣятельности Тиверія Гракха не понимаетъ ничего и понимать ничего не можетъ. Его нисколько не удивило, если бы вдругъ оказалось у Смарогдова, что Тиверій настроилъ кораблей, посадилъ туда всѣхъ бѣдныхъ, поѣхалъ съ ними черезъ Геркулесовы столбы, присталъ къ берегамъ Британіи, основалъ королевство и сдѣлался родоначальникомъ династіи Гракховъ. Гимназистъ принялъ бы этотъ исходъ дѣла такъ же равнодушно и разсказалъ бы его такъ же краснорѣчиво, какъ онъ принимаетъ и разсказываетъ дѣйствительное событіе. Чтобы не было этого равнодушія и краснорѣчія, гимназисту слѣдуетъ знать и понимать такое множество различныхъ вещей, которое рѣдко совмѣщается въ надлежащей полнотѣ и ясности въ почтенной головѣ профессора исторіи. Ему надо знать напримѣръ, что такое трудъ и капиталъ, въ какихъ отношеніяхъ они находились между собою въ древнемъ Римѣ, каково было въ римской республикѣ распредѣленіе богатства, какія причины содѣйствовали переходу имуществъ изъ рукъ въ руки и сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ семействъ, каково было умственное и нравственное положеніе богачей и бѣдняковъ; далѣе, такое же множество разнородныхъ знаній необходимо и для пониманія личнаго характера Тиверія, для оцѣнки интригъ сената, для разумѣнія тѣхъ мрачныхъ и разрушительныхъ страстей, которыя сенатъ умѣлъ возбудить въ массѣ бѣдняковъ противъ того самого человѣка, который захотѣлъ ихъ облагодѣтельствовать. Вотъ и смекайте. Вѣдь чего добраго, для пониманія одного эпизода о Гракхахъ придется гимназисту прочитать нѣсколько объемистыхъ томовъ,

придется заглянуть и въ политическую экономію, и въ философію исторіи, и въ римскія древности Нибура. Какъ же вы это желаете въ учебникъ вмѣстить? Если вы внесете въ учебникъ всѣ эти знанія въ видѣ краткихъ афоризмовъ, то книга значительно увеличится въ объемѣ, а гимназисту, вмѣсто одной исторіи о Сидорѣ и Егорѣ, придется заучивать десять исторій, потому что ваши краткіе афоризмы будутъ для него голыми фактами, которые онъ будетъ брать приступомъ, на память, съ равнодушіемъ и краснорѣчіемъ. Надо вообще твердо запомнить, что тысяча прочтенныхъ страницъ можетъ оставить по себѣ ясное понятіе о предметѣ, а экстрактъ изъ этихъ тысячи страницъ, заключающій въ себѣ, напримѣръ, страницъ пятьдесятъ, не оставляетъ никакого понятія, и можетъ быть только затверженъ на память. Стало быть, приходится—или удовлетвориться разсказомъ по Смарагдову, или написать учебникъ всеобщей исторіи томовъ въ пятьдесятъ, или наконецъ, прежде изученія исторіи сообщить ученику множество юридическихъ, политическихъ и экономическихъ свѣдѣній. Но Смарагдовымъ вы удовлетвориться не хотите, и я тоже не хочу. Стало быть, напишемъ учебникъ въ пятьдесятъ томовъ. Хорошо. Но это будетъ не учебникъ, а книга для чтенія. Ну, такъ начнемъ сообщать предварительныя свѣдѣнія, а потомъ уже учиться исторіи. Опять-таки хорошо. Но тогда намъ придется въ гимназіи сообщать предварительныя свѣденія, а исторію отложить на будущее время, и тогда уже читать лекціи исторіи, а не задавать уроки по учебнику. Противъ этихъ двухъ выходовъ я ровно ничего не могу возразить. Пусть гимназисты читаютъ историческія сочиненія, если они ихъ понимаютъ и находятъ ихъ занимательными. Пусть имъ преподаютъ въ гимназіи основныя понятія о народномъ хозяйствѣ, о государственныхъ системахъ, о юридическихъ отношеніяхъ, ежели только съумѣютъ преподавать эти мудреныя и щекотливыя вещи такъ, чтобы онѣ были понятны и оставались неизуродованными. Но пусть не сваливаютъ этого разнороднаго матеріала въ одинъ общій ящикъ съ надписью «учебникъ исторіи», и пусть не требуютъ отъ этого учебника такихъ чудесъ, которыя онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершить. Вѣдь исторія не наука; это — приложеніе всѣхъ наличныхъ знаній и всего наличнаго ума человѣка къ пониманію прошедшей жизни; поэтому, два различные человѣка на основаніи однихъ и тѣхъ памятниковъ напишутъ двѣ исторіи совершенно различнаго достоинства; поэтому пониманіе

важныхъ историческихъ событій измѣняется съ каждымъ десятилѣтіемъ, хотя бы въ это десятилѣтіе и не открылось никакихъ новыхъ памятниковъ и матеріаловъ. Самый тупой и неразвитый человѣкъ можетъ написать исторію, но она будетъ отражать въ себѣ безсмысленную физіономію своего творца. А если напишетъ исторію геніальный и очень образованный человѣкъ, то его твореніе будетъ великолѣпно и безсмертно. Понимать исторію мы также можемъ только сообразно съ нашими умственными силами и съ шириною нашего развитія. Шекспиръ самъ по себѣ не измѣняется, но если вы читали его, когда вамъ было четырнадцать лѣтъ, и потомъ прочли его, когда вамъ минуло двадцать лѣтъ, то навѣрное первое впечатлѣніе было значительно слабѣе и смутнѣе послѣдняго. Исторія, написанная замѣчательнымъ человѣкомъ,—тотъ же Шекспиръ; а исторія, составленная какимъ нибудь Капфигомъ или г. Устряловымъ, то же самое, что романъ г. Воскресенскаго или Рафаила Зотова. Перваго рода исторію слѣдуетъ понимать, а второго рода—со всѣмъ читать не стоитъ. А чтобы понимать, надо стоять на извѣстной степени развитія. Но, если никто не принуждаетъ гимназистовъ читать историческія книги, тогда нѣтъ бѣды въ этомъ, что они возьмутъ въ руки такія сочиненія, которыя еще не вполнѣ доступны ихъ пониманію. Не поймутъ—такъ оставятъ, а если будутъ читать, значитъ—находятъ удовольствіе и, стало быть, что нибудь понимаютъ. Я возстаю только противъ обязательнаго изученія исторіи и противъ обязательнаго чтенія историческихъ книгъ. Эта обязательность прямо наваливаетъ на молодой умъ непосильный грузъ и, слѣдовательно, неизбѣжно ведетъ за собою отупѣніе и упадокъ мыслительной силы.

VII.

Географія, конечно, можетъ и должна быть предаваема въ гимназіяхъ, но конечно не такъ, какъ она преподается теперь. Вину плохого преподаванія сваливаютъ на учебники, и въ этомъ случаѣ крестовый походъ противъ плохихъ учебниковъ оказывается такою

же смѣшною несообразностью, какою онъ оказался въ дѣлѣ гг. Смарагдова и компаніи. Существенный недостатокъ въ преподаваніи географіи заключается въ томъ, что политическая географія преобладаетъ надъ физическою, а этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ только тогда, когда географія будетъ преподаваться въ тѣсной связи съ геологіею, ботаникою и зоологіею. Въ нашихъ географическихъ учебникахъ стоятъ на первомъ планѣ имена горъ, рѣкъ, озеръ, мысовъ и особенно городовъ; но въ нихъ есть также замѣчанія о почвѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. На эти замѣчанія ни учитель географіи, ни его ученики не обращаютъ никакого вниманія, и дѣйствительно, вниманія обращать не стоитъ, потому что замѣчанія гласятъ обыкновенно, что почва плодородная, климатъ благорастворенный, или умѣренный, или холодный, произведеній много, и всѣхъ не упомнить. Стало быть, если о плодородіи почвы отозватьзя умѣренно, а о климатѣ сообразить приблизительно по градусу широты, то дѣло сойдетъ благополучно. А насчетъ произведеній учитель рѣдко спрашиваетъ; вѣдь онъ видитъ, что ученикъ запомнилъ нѣсколько десятковъ, именъ, означающихъ горы, рѣки и города; къ чему же ему гнаться еще за дюжиною именъ въ родѣ банановъ, пататовъ, боабабовъ, кокосовыхъ пальмъ, орангъ-утанговъ, тапировъ, кенгуру, орниторинксовъ; для ученика, незнакомаго съ естественными науками, это все такія же имена, какъ Камбоджа, Брамапутра, Давалагири, Чандернагоръ и. т. д. А если бы учитель взялся объяснять каждое изъ именъ, означающихъ диковинныя растенія, или принадлежащихъ диковиннымъ животнымъ, то ему пришлось бы сдѣлать въ преподаваніи своего предмета цѣлый переворотъ, и переворотъ этотъ принесъ бы очень мало пользы, потому что двѣ самостоятельныя науки, ботаника и зоологія, не могутъ быть сообщены ученикамъ между прочимъ, въ прибавленіи къ урокамъ географіи. Ни учебникъ, ни учитель географіи не могутъ своими средствами исправить общій недостатокъ системы. Географія прежде всего должна быть описаніемъ земли. Она должна дать ученику рядъ картинъ, показывающихъ ему, какъ размѣщены на земномъ шарѣ минераллы, растенія, животныя и люди. Она должна объяснить ему связь, существующую между этими произведеніями съ одной стороны и устройствомъ поверхности, орошеніемъ, свойствами почвы и климатическими условіями съ другой стороны. Словомъ, дѣло географіи показать общую связь отдѣльныхъ частей; ея дѣло нарисовать общія

картины природы. Но исполнить эту важную и трудную задачу она можетъ только въ томъ случаѣ, если отдѣльныя части будутъ уже извѣстны учащимся. Географія можетъ и должна опираться на всѣ естественныя науки, но замѣнять ихъ собою она не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ ей пришлось бы обратиться въ необъятную энциклопедію, наполниться множествомъ эпизодическихъ подробностей, и слѣдовательно, совершенно упустить изъ виду свою единственную законную цѣль. Стало быть, учебники наши ни въ чемъ невиноваты, они совершенно соотвѣствуютъ общимъ требованіямъ системы, и хорошіе учебники могутъ возникнуть только тогда, когда будетъ перестроена вся система. Теперь преподаваніе географіи впадаетъ въ тѣ же роковыя ошибки, которыя я указалъ въ преподаваніи исторіи. Вмѣсто того, чтобы описывать землю, географія старается описывать государства, или другими словами, старается представить картину современной жизни человѣчества, точно также, какъ исторія усиливается представить картину прошедшей жизни человѣчества. Старанія географіи въ этомъ случаѣ такъ же безплодны, какъ усилія исторіи. Могутъ ли ученики понять, что такое правительство монархическое неограниченное, монархическое ограниченное, республиканканское? что такое религія римско-католическая, лютеранская и англиканская? что такое университеты, ученыя и учебныя заведенія, заводы, фабрики и мануфактуры, гавани и крѣпости, и другія слова, которыми для разнообразія пересыпаны собственныя имена городовъ? что такое каналы, доки, верфи, таможни, биржи? что такое мѣсторожденія замѣчательныхъ людей, которыхъ имя попадается ученику въ первый разъ въ жизни, и что такое памятники, воздвигнутые въ честь этихъ людей или въ воспоминаніе событій, о которыхъ ученикъ также не слыхалъ никогда? Чтобы объяснить ученику различные образы правленія, надо прочитать ему сравнительный обзоръ европейскихъ конституцій; чтобы слова римско-католическій. лютеранскій и т. д. не были для него звуками, лишенными значенія, надо познакомить его съ параллельною исторіею религій; другія, приведенныя мною, слова: университеты, заводы, гавани и т. д. употребляются нами такъ часто, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ ихъ неясности; но подумайте, возбуждаютъ ли эти слова въ умѣ ученика какія нибудь опредѣленныя представленія? Онъ присмотрѣлся къ нимъ; слово знакомо, но о томъ предметѣ, который обозначается этимъ словомъ, онъ не имѣетъ никакого понятія. Чтобы дать ему

это понятіе, надо, по поводу каждаго отдѣльнаго слова, прочесть ему нѣсколько лекцій; въ географіи надо будетъ ввести множество экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и техническихъ свѣдѣній и подробностей. А всего лучше поступить съ преподаваніемъ политической географіи также, какъ я совѣтовалъ поступить съ преподаваніемъ исторіи. Политическая географія предметъ очень сложный; поэтому слѣдуетъ преподавать ее тогда, когда ученики усвоятъ себѣ понятіе о простыхъ элементахъ, входящихъ въ ея составъ. Но политическія и экономическія свѣдѣнія вообще должны быть передаваемы юношамъ уже развитымъ и способнымъ мыслить; стало быть, всего лучше отложить о нихъ попеченіе въ гимназіи и сосредоточить все вниманіе учениковъ на физической географіи, поддерживаемой основательнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ. Кстати о естественныхъ наукахъ. Многіе замѣтятъ, быть можетъ, что естественныя науки и теперь преподаются въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ нѣтъ греческаго языка. Это замѣчаніе конечно не можетъ считаться серьезнымъ. Вы можете себѣ представить, что это за преподаваніе. Припомните только, что вмѣсто одного греческаго языка вводятся два предмета: законовѣдѣніе и естественная исторія. Стало быть, всѣ естественныя науки, вмѣстѣ взятыя, соотвѣтствуютъ половинѣ греческаго языка. Потомъ, что это за наука «естественная исторія»? Это винегретъ изъ минералогіи, ботаники и зоологіи, и винегретъ этотъ подается на столъ однимъ учителемъ. Тутъ, очевидно, можно ожидать только изобилія терминовъ и класификацій, или же, для разнообразія, бюффоновскихъ разсказовъ о трогательной вѣрности собаки и объ изумительной смышлености бобра. Такія естественныя науки, конечно, не могутъ служить опорою для физической географіи. Но даже естественная исторія все-таки лучше всеобщей исторіи и политической географіи. Вѣрность собаки и смышленость бобра по крайней мѣрѣ понятны ученикамъ, а дѣйствія Тиверія Гракха или монархическое ограниченное правленіе Англіи оказываются для учениковъ китайскою грамотою. Надо принять себѣ за неизмѣнное правило ту основную педагогическую истину, что ученику слѣдуетъ говорить только то, что его интерисуетъ, или то, что онъ можетъ вполнѣ понять. Пріобрѣтаемая въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ привычка встрѣчать незнакомыя понятія и свыкаться съ ними, не проникнувъ къ ихъ смыслъ, привычка читать книги, не отдавая себя отчета въ ихъ содержаніи, привычка скользить надъ трудно-

стями, не желая ихъ замѣтить, эта привычка прямо ведетъ къ разслабленію и къ вялости мысли, къ неизлечимому фразерству, къ безсознательному и безъисходному шарлатанству.

VIII.

О преподаваніи русской грамматики распространяться нечего. Оно идетъ недурно, и, конечно, оно совершенно необходимо, какъ естественное и неизбѣжное продолженіе азбуки. Остается желать ему тѣхъ улучшеній, которые понемногу проникаютъ во всякое преподаваніе, по мѣрѣ развитія и уясненія общихъ понятій о раціональныхъ педагогическихъ пріемахъ. Въ грамматикѣ не можетъ быть никакихъ радикальныхъ преобразованій, и поэтому я отодвигаю ее всторону.

Но неугодно 'ли вамъ взглянуть на теорію словесности и на исторію русской литературы, поглащающія въ жизни гимназистовъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Эти два предмета начинаются въ четвертомъ классѣ и сопровождаютъ учениковъ до седьмого включительно. Подъ именемъ теоріи словесности укрываются, съ несвойственною имъ стыдливостью, риторика и піитика, тѣ самыя науки, которыя до сихъ поръ открыто свирѣпствуютъ въ семинаріяхъ, отравляя жизнь бурсака и наполняя его несчастную голову непроходимою чепухою. Къ этимъ двумъ знаменитымъ наукамъ присоединяется кусочекъ формальной логики; есть даже покушенія на эстетику; впрочемъ, гдѣ тотъ смертный, который отважится разграничить эти науки? Кто догадается, гдѣ кончается логика и начинается риторика? Кто отличитъ піитику отъ эстетики? И какой здравомыслящій человѣкъ объяснитъ намъ, на что годятся всѣ эти четыре науки, вмѣстѣ взятыя? Гимназическая программа желаетъ вѣроятно, чтобы онѣ умягчали жестокія сердца буйныхъ и строптивыхъ учениковъ. Извѣстно, что изящныя исскуства поселяютъ кротость и добродушіе въ суровые нравы дикарей; извѣстно, что даже животныя любятъ музыку и что камни слагались сами собою въ стѣны Фиванской крѣпости подъ зву-

ки лиры Амфіона. На основаніи всѣхъ этихъ историческихъ и зоологическихъ примѣровъ, гимназическая программа хочетъ умилить и растрогать юныхъ питомцевъ разсужденіями объ изящномъ и о различныхъ его проявленіяхъ. Я поневолѣ долженъ предположить въ теоріи словесности скрытую нравственную цѣль, потому что отыскать въ ея преподаваніи малѣйшую долю пользы для умственнаго развитія нѣтъ никакой возможности. Представленія, понятія и силлогизмы, метафоры, эпитеты, синекдохи, антитезы, опредѣленіе, опредѣленіе изящнаго, субъективность и объективность, пластическія и топическія искусства, художественность и поэзія, трогательное и наивное, юморъ и иронія, дидактизмъ, драматизмъ, эпосъ, лирика— да если бы я захотѣлъ, я могъ бы наполнить словами десятки страницъ; и это море словъ льется сначала широкими и правильными волнами съ кафедры къ скамейкамъ, потомъ журчитъ робкими и перемежающимися ручейками отъ скамеекъ къ кафедрѣ; и въ подобныхъ занятіяхъ учитель и его ученики проводятъ еженедѣльно часа по три впродолженіи двухъ лѣтъ; и учителю несовѣстно глядѣть на своихъ учениковъ; и ученикамъ не смѣшно смотрѣть на своего учителя. Не явное ли это доказательство того чарующаго и смягчающаго вліянія, которое разсужденія объ изящныхъ предметахъ оказываютъ на самыя разнородныя организаціи? Учитель изливаетъ море словъ и, убаюканный его величественнымъ шумомъ, перестаетъ понимать то, что онъ дѣлаетъ, перестаетъ чувствовать подавляющую нелѣпость своего занятія. Ученикъ изливаетъ журчащій ручеекъ словъ и, также убаюканный его серебристымъ журчаніемъ, теряетъ свойственную гимназисту способность видѣть смѣшную сторону вещей. Учитель и ученикъ баюкаютъ другъ друга, и затѣмъ расходятся, успокоенные и умиротворенные. Я прошу читателя извинить мой шутливый отзывъ о теоріи словесности; но мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ невозможно говорить серьезно. Вѣдь только тѣ остроумные люди, которые, при напряженіи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, дошли до отрицанія учебниковъ Кайданова и Смарагдова, только эти остроумные люди, говорю я, способны серьезно полемизировать противъ теоріи словесности. Я настолько уважаю моего читателя, что не причисляю его къ этимъ остроумнымъ людямъ. Поэтому я нахожу достаточнымъ напомнить читателю, что такое теорія словесности, и замѣтить ему, что этимъ предметомъ занимаются гимназисты впродолженіи двухъ лѣтъ. Этого напоми-

нанія и замѣчанія слишкомъ достаточно для того, чтобы произнести приговоръ надъ этою умиротворяющею наукой. Археологическое значеніе этой науки также заслуживаетъ вниманіе: мы сохранили ее со временъ Аристотеля въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Живучесть фразерства ясно доказывается этимъ любопытнымъ обстоятельствомъ.

За теорію словесности слѣдуетъ исторія русской литературы. Эта исторія, какъ и всѣ другія, представляетъ списокъ именъ, которыя навсегда останутся для ученика именами, равно ничего собою неозначающими. Жилъ-былъ Несторъ, написалъ лѣтопись; жилъ-былъ Кириллъ Туровскій, написалъ проповѣдей много; жилъ-былъ Даніилъ заточникъ, написалъ Слово Даніила заточника; жилъ-былъ Серапіонъ, жилъ-былъ, жилъ-былъ, и всѣ они жили-были, и всѣ они что нибудь написали, и всѣхъ ихъ очень много, и до всѣхъ нихъ никому нѣтъ дѣла, кромѣ гимназистовъ и изслѣдователей старины. Когда дойдетъ дѣло до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнѣе; приходится запоминать названія одъ и отрывки изъ нихъ, до которыхъ также дотыкаются только гимназисты и изслѣдователи. А ужъ когда доберутся до Пушкина, тогда надо спѣшить, потому что ученый годъ приходитъ къ концу; да и кромѣ того, гимназистамъ не полагается знакомиться съ новѣйшею литературою подробнѣе, чѣмъ съ словомъ Даніила Заточника и съ державинскою Фелицею. Читатель мой, вы патріотъ, и я тоже патріотъ; вы всей душой любите русскую литературу, и я тоже люблю ее всей душой. Но допустимъ на минуту предположеніе, что наши высокія чувства не помрачаютъ нашего проницательнаго ума; въ одну изъ такихъ предполагаемыхъ свѣтлыхъ минутъ, приложимъ перстъ ко лбу и подумаемъ: слѣдуетъ ли преподавать исторію русской литературы? Отрицательный отвѣтъ не замедлитъ привести насъ въ ужасъ, потому что, пока мы будемъ размышлять, свѣтлая минута пройдетъ, и отвѣтъ врѣжется въ туманъ нашихъ чувствъ, какъ зловѣщая молнія. Но если настанетъ еще свѣтлая минута, тогда мы не побоимся сознаться передъ собою, что дѣйствительно сохранять отъ забвенія имена такихъ людей, которыхъ идеи и поступки не имѣютъ уже никакого вліянія на нашу умственную жизнь — трудъ тяжелый, неблагодарный, и кромѣ того, всегда безъуспѣшный. Имена эти удерживаются въ памяти учащихся только до вожделѣннаго дня послѣдняго экзамена. Первыя впечатлѣнія дѣйствительной жизни смы-

ваютъ безъ слѣды всѣ тепличныя растенія школы. Если случится, что молодой человѣкъ припомнитъ нечаянно какого нибудь Вассіана Рыло или Сильвестра Медвѣдева, или Аблесимова, Хераскова, Кастрова, или два-три стиха Тредьяковскаго, Ломоносова или Державина, то онъ только улыбнется и проговоритъ про себя или вслухъ: чертъ знаетъ, чему насъ учили! И это скажетъ молодой человѣкъ, потому что у насъ всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится тотчасъ непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ. Это враждебное отношеніе учащагося или учившагося къ школѣ составляетъ у насъ такое общее явленіе, къ которому мы совершенно приглядѣлись и въ которомъ мы не находимъ даже ничего ненормальнаго. А хорошо ли это явленіе? Не доказываетъ ли оно само по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ доказательствъ, что вся система нашего образованія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ, и что она можетъ освѣжиться и усовершенствоваться только вслѣдствіе радикальнаго переворота? Если бы были недовольны теперешнимъ преподаваніемъ десять, сто, тысяча воспитанниковъ и учениковъ, то причины этого неудовольствія могли бы быть случайныя, происходящія отъ собственной вины недовольныхъ. Но когда нельзя найти ни одного воспитанника, или ученика, который учился бы съ удовольствіемъ, изъ одной любви къ ученинію, когда эта непріязнь къ школѣ сохраняется у людей, уже вышедшихъ изъ-подъ ея вліянія, тогда дѣлается очевиднымъ, что школа не исполняетъ своего назначенія. Однако, патріотическое чувство наше все-таки оскорблено, читатель, и мы говоримъ, снова упиваясь туманомъ, что нельзя же народу забывать прошедшее своей умственной жизни. Но туманъ опять разсѣевается, и тогда мы соображаемъ, что прошедшее нашей умственной жизни всегда будетъ сохраняемо изслѣдователями. Кому надо ознакомиться съ стариною русской литературы, духовной и свѣтской, тотъ найдетъ къ ней дорогу, помимо учебника Зеленецкаго, утвержденнаго департаментомъ народнаго просвѣщенія. А кому такое знакомство не кажется необходимымъ, того не обратитъ на путь истины даже учебникъ Зеленецкаго. Я думаю, не было еще примѣра, чтобы гимназическій курсъ русской литературы вселилъ въ кого нибудь любовь къ этому предмету. Учитель русской словесности конечно можетъ подѣйствовать такимъ образомъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ разсуждать съ учениками, и слѣдовательно,

дѣйствовать на нихъ, какъ человѣкъ, а не какъ учитель. Наконецъ, не мѣшаетъ посмотрѣть на дѣло слѣдующимъ образомъ: если мы будемъ думать, что наше умственное прошедшее можетъ сохраниться въ нашей памяти только при содѣйствіи обязательнаго ученія, то мы, стало быть, будемъ сомнѣваться въ патріотизмѣ нашего юношества. Если патріотизмъ надо втолковывать въ школѣ и поддерживать экзаменами, то какой же это патріотизмъ? Вѣдь вынужденная добродѣтель теряетъ всю свою цѣну. Патріотъ поневолѣ — le patriote malgrélui — сюжетъ достойный Мольера и нисколько неуступающій въ комизмѣ сюжету: врачъ поневолѣ—le médecin malgrélui. Стало быть, нравственная сторона въ преподаваніи русской литературы оказывается несостоятельною. Что же касается до умственной стороны этого преподаванія, то несостоятельность ея не нуждается въ доказательствахъ. А что, если бы учитель, оставивъ въ сторонѣ теорію словесности и исторію русской литературы, началъ читать съ учениками лучшія поэмы и прозаическія сочиненія Пушкина, потомъ прочиталъ бы имъ всего Гоголя, кромѣ переписки съ друзьями, потомъ Кольцова, потомъ Тургенева и Островскаго, потомъ лучшія критическія статьи Бѣлинскаго и Добролюбова, потомъ нѣсколько народныхъ былинъ и пѣсенъ, нѣсколько легендъ и сказокъ? Какъ вы думаете? Вѣдь гимназисты считали бы классъ русской словесности наслажденіемъ для себя; вѣдь они съ благодарностью вспомнили бы о такомъ учителѣ до сѣдыхъ волосъ; вѣдь, пожалуй, даже интересы патріотизма были бы сохраняемы, пожалуй у нѣкоторыхъ учениковъ пробудилось бы дѣйствительное желаніе узнать что нибудь о предшественникахъ Пушкина. Пожалуй могло бы изъ этого выдти много хорошаго. Но вѣдь это неосуществимая мечта. Вѣдь ученикамъ тогда нечего было бы учить наизусть, и учителя согнали бы съ каѳедры послѣ перваго экзамена въ его классѣ. Вѣдь у насъ принято измѣрять и взвѣшивать плоды ученія, а такъ какъ умственное развитіе нельзя прикинуть ни на аршинъ, ни на безмѣнъ, то оно и считается миѳомъ и роскошью. Намъ подавай знанія, чтобъ ученикъ говорилъ на экзаменѣ полчаса, не переводя духа, и чтобъ онъ могъ проговорить два или три часа, если только его не остановятъ. Это мы любимъ, и этого мы достигаемъ.

VIII.

Языки латинскій и греческій обыкновенно преподаются въ гимназіяхъ недурно. Въ той гимназіи, гдѣ я учился, эти предметы преподавались отлично. Каждымъ изъ нихъ завѣдывали по два учителя, такъ что ни одинъ день не обходился у насъ безъ эллиновъ или римлянъ. Самые лѣнивые и невнимательные ученики принуждены были читать довольно правильно латинскіе стихи и спрягать безъ значительныхъ ошибокъ греческіе глаголы. Результатъ блестящій! Но къ чему это вело? Къ чему это могло вести? Можетъ быть, къ тому, что изъ тридцати учениковъ выработается со временемъ одинъ учитель латинскаго языка и одинъ учитель греческаго языка; а изъ трехъ сотъ учениковъ, можетъ быть, одинъ сдѣлается профессоромъ римской или греческой словести. Этотъ одинъ втеченіи своей профессорской дѣятельности образуетъ двоихъ или троихъ эллинистовъ или латинистовъ, которые потомъ въ свою очередь передадутъ свѣтильникъ своей науки немногимъ избраннымъ; десятилѣтія, вѣка пройдутъ надъ нашимъ обществомъ, а свѣтильникъ эллинизма или латинизма будетъ горѣть по прежнему въ двухъ трехъ кабинетахъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла; если бы этотъ свѣтильникъ погасъ, то никто бы этого не замѣтилъ, никто бы объ этомъ не пожалѣлъ; а между тѣмъ тысячи дѣтей и юношей постоянно тратятъ силы и время надъ грамматическими и синтаксическими трудностями классическихъ писателей, единственно для того, чтобы подливать въ этотъ тускло-горящій свѣтильникъ скудныя капельки масла. Зачѣмъ гибнетъ это время? Къ чему тратятся эти силы? Защитники классическаго образованія приводятъ въ его пользу два главные аргумента. Во-первыхъ, они говорятъ, что самый процессъ изученія древнихъ языковъ развиваетъ мыслительныя силы. Во-вторыхъ, они напоминаютъ о красотахъ классическихъ литературъ и говорятъ, что чтеніе въ подлинникѣ Гомера, Виргилія, Горація, Цицерона, Демосфена, Тацита, Фукидида, Платона составляетъ лучшую школу для ума, для сердца и для естетичечкаго чувства. Первый аргументъ вѣренъ, но его надо расширить, и тогда практическое примѣненіе его будетъ значительно измѣнено. Не изученіе древнихъ языковъ, а

вообще всякое изученіе иностранныхъ языковъ развиваетъ умъ, сообщая ему гибкость и способность проникать въ чужое міросозерцаніе. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ труднѣе, чѣмъ изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, но это обстоятельство вовсе не доказываетъ того, чтобы занятія перваго рода были полезнѣе для развитія ума. Трудности классическихъ языковъ, заключающіяся въ страшномъ изобиліи грамматическихъ формъ, въ сложности склоненій и спряженій, цѣликомъ ложатся на память, и усилія, необходимыя для преодолѣнія этихъ трудностей, вовсе не развиваютъ критическаго смысла учащагося. Обыкновенно случается такъ, что юный гуманистъ пріучается только къ мелочной внимательности, и что весь его умъ уходитъ на борьбу съ удареніями и метрами, съ временами и наклоненіями, съ предлогами и союзами, съ конструкціями и поэтическими вольностями. Древнія языки сложнѣе новѣйшихъ вовсе не потому, чтобы мысли тѣхъ временъ были богаче нашихъ, а напротивъ—потому, что въ древности форма преобладала надъ мыслью. Для насъ литература есть серьезное дѣло, а для аристократовъ и патриціевъ древности она была художественною забавою. Мысль придумывала для своего выраженія сотки ненужныхъ оттѣнковъ, которыхъ мы теперь не понимаемъ. Самая простота грековъ такъ богата украшеніями, что для насъ она кажется напыщенностью. Иліада въ буквальновѣрномъ переводѣ Гнѣдича поражаетъ насъ своею цвѣтистостью и высокопарностью, а между тѣмъ извѣстно, что удивительная простота рѣчи составляетъ главное достоинство Гомера. Поэтому, углубляясь въ изученіе классиковъ, мы рискуемъ увлечься преимущественно формою выраженія; мы тратимъ всѣ силы своего ума, чтобы вдуматься въ такіе оттѣнки рѣчи, которые для грека или римлянина были только капризами фантазіи, требовавшей разнообразія. Мы дѣлаемся педантами тамъ, гдѣ древній человѣкъ былъ сибаритомъ, тѣшившимся звучностью и прихотливостью своихъ выраженій. Силы, издерживаемыя на изученіе древнихъ языковъ, были бы употреблены гораздо болѣе производительнымъ образомъ, если бы мы обратили ихъ на изученіе живыхъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго. Въ этихъ языкахъ нѣтъ тѣхъ безплодныхъ, техническихъ трудностей, которыя заваливаютъ собою грамматики греческую и латинскую, а между тѣмъ, каждый изъ этихъ языковъ переноситъ насъ въ міросозерцаніе такого народа, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ греки и римляне, какъ въ области

мысли, такъ и въ области практической жизни. Но намъ говорятъ о красотахъ классическихъ литературъ, и это напоминаніе составляетъ второй аргументъ защитниковъ классическаго образованія. По правдѣ сказать, изъ всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей только Гомера и Тацита дѣйствительно стоитъ читать въ подлинникѣ. Всѣ остальные писатели древности не произвели ничего такого, чего бы мы не могли найти у современныхъ народовъ въ болѣе совершенной и сознательной формѣ. Но изучать два языка для того, чтобы прочитать въ подлинникѣ двѣ поэмы и четыре историческія сочиненія, о которыхъ все-таки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по хорошимъ переводамъ, — это, воля ваша, слишкомъ удивительный подвигъ самоотверженія; этотъ подвигъ могутъ совершать люди по доброй волѣ, но зачѣмъ возлагать его на невинныхъ гимназистовъ? Пусть учится древнимъ языкамъ тотъ, кто желаетъ этого, но зачѣмъ же обязательное ученіе? Если каждому образованному человѣку необходимо прочитать въ подлинникѣ Гомера и Тацита, то я не вижу, почему не было бы необходимости читать Саади и Гафиза въ персидскомъ подлинникѣ, Магабгарату и Саконталу въ санскритскомъ, сочиненія Конфуція въ китайскомъ, коранъ въ арабскомъ, и т. д. Навѣрное въ каждомъ языкѣ можно было бы найти такія красоты, которыя утрачиваются или по крайней мѣрѣ блѣднѣютъ въ переводѣ. Но такъ какъ жизнь человѣческая имѣетъ предѣлы и не должна тратиться на одно преслѣдованіе различныхъ красотъ, то для образованнаго русскаго можно признать совершенно достаточнымъ, если онъ, кромѣ своего родного языка, будетъ знать языки французскій, нѣмецкій и англійскій. Можно сказать безъ преувеличенія, что на этихъ трехъ языкахъ онъ найдетъ всѣ сокровища человѣческаго ума и человѣческой фантазіи, какъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ, такъ и въ превосходныхъ переводахъ со всѣхъ остальныхъ, мертвыхъ и живыхъ языковъ. Если бы гимназіи, обращающія такъ много вниманія на классическую древность, перенесли это вниманіе на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, то общество и учащаяся молодежь сказала бы имъ большое спасибо. Конечно, многіе молодые люди употребили бы свои лингвистическія познанія только для свѣтской болтовни, но за то всѣ они имѣли бы въ рукахъ ключи отъ трехъ богатѣйшихъ литературъ. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы, тотъ могъ бы воспользоваться этими ключами, а это много значитъ; намъ часто случается видѣть, что самое до-

бросовѣстное стремленіе къ образованію остается на степени стремленія только потому, что стремящемуся приходится начинать съ французской или нѣмецкой азбуки, чтобы добраться до серьезныхъ научныхъ сочиненій. Заниматься азбукою, вокабулами и грамматикою въ двадцать лѣтъ не всякому по силамъ, и прямая обязанность школы состоитъ въ томъ, чтобы облегчить своимъ питомцамъ дальнѣйшій ходъ занятій, сообщивъ имъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя такъ легко усвоиваются дѣтьми и которыя съ трудомъ и скукою пріобрѣтаются взрослыми. Французскій и нѣмецкій языки преподаются въ гимназіяхъ плохо и небрежно; англійскій вовсе не преподается. Если бы уничтожить въ гимназіяхъ латинскій и греческій, то сбереженное время могло бы значительно усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, и польза такой перемѣны была бы очевидна. Защитники классицизма обыкновенно приводятъ въ примѣръ Англію, воспитывающую свое юношество на греческихъ и латинскихъ писателяхъ и въ то же время преуспѣвающую на поприщѣ гражданской жизни. Аргументація этихъ господъ болѣе оригинальна, чѣмъ убѣдительна. Вотъ ихъ логика: Ивановъ — человѣкъ очень богатый. Онъ ѣздитъ обыкновенно на гнѣдыхъ лошадяхъ. Слѣдовательно, чтобы разбогатѣть, необходимо ѣздить такъ же на гнѣдыхъ лошадяхъ. Пока мы будемъ соблазняться такой логикой, или сражаться противъ нея, до тѣхъ поръ мы навѣрное не разбогатѣемъ, на какихъ бы лошадяхъ мы ни ѣздили.

IX.

Обзоръ предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, доказываетъ очень убѣдительно наше совершенное равнодушіе къ общему образованію. Воспитательный элементъ очень силенъ въ гимназіяхъ; для сохраненія благонравія между учениками принято множество мѣръ положительныхъ и отрицательныхъ. Къ первымъ относятся различныя наказанія, о которыхъ я не считаю нужнымъ распространяться. Вторыя заключаются въ той заботливости, съ которою

начальство слѣдитъ за преподаваніемъ и удаляетъ изъ него всѣ подробности, могущія повредить нравственной или умственной чистотѣ учащагося юношества. Спеціальный элементъ обнаруживается не такъ сильно, потому что гимназіи считаются преимущественно общеобразовательными заведеніями. Кто желаетъ изучить характеръ спеціальнаго элемента, тотъ долженъ обратиться къ такимъ заведеніямъ, въ которыхъ къ гимназической программѣ присоединены предметы, сообщающіе всему заведенію особый колоритъ и опредѣленное познаніе. Тамъ, конечно, наблюдатель увидитъ, что спеціальные предметы преподаются очень тщательно и оттѣсняютъ на самый задній планъ тѣ науки, которыя считаются у насъ необходимою принадлежностью общаго образованія. Даже въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ можно впрочемъ замѣтить признаки спеціализма. Они выражаются въ особенно-тщательномъ преподаваніи греческаго и латинскаго языка. Если бы программа нашего общаго образованія была составлена раціонально, то можно было бы пожалѣть о томъ, что это общее образованіе такъ часто приносится въ жертву спеціализму. Но теперь не о чемъ жалѣть. Воспитательный элементъ и спеціализмъ не могутъ повредить общему образованію, потому что нечему вредить; общее образованіе не можетъ пострадать, потому что оно не существуетъ. А почему оно не существуетъ, это довольно трудно объяснить. Можетъ быть потому, что наша программа списана съ устарѣлыхъ нѣмецкихъ программъ; а можетъ быть и потому, что составители нашихъ программъ упускали изъ виду общее образованіе и заботились только о воспитаніи и о спеціальностяхъ. Какъ бы то ни было, общее образованіе оказывается у насъ именно въ данной формѣ, съ очень опредѣленнымъ литературно-историческимъ направленіемъ. Съ этой формой и съ этимъ направленіемъ свыклась разсуждающая часть нашего общества; свыкнувшись съ ними, она стала поддерживать ихъ своимъ мнѣніемъ и своими предразсудками, она приглядѣлась къ тому типу, который она называетъ образованнымъ человѣкомъ; и потому очень смѣло объявляетъ необразованными тѣхъ людей, которые отвергаютъ и этотъ типъ, и ея требованія. Я не буду говорить о тѣхъ временахъ, когда незнаніе французскаго языка, или вѣрнѣе, непривычка говорить на этомъ языкѣ считалось рѣшительнымъ доказательствомъ необразованія. Эти времена отживаютъ свой вѣкъ, и ратовать противъ умирающихъ предразсудковъ смѣшно и безполезно. Я замѣчу, что даже лучшая часть нашего обще-

ства до сихъ поръ носится съ такими странными понятіями объ образованіи, которыя она приняла по наслѣдству, безъ малѣйшей критической повѣрки. Образованный человѣкъ, по господствующему мнѣнію, долженъ имѣть понятіе... На этихъ словахъ я долженъ остановиться, потому что нѣтъ никакой возможности выразить точно и опредѣлительно, о чемъ долженъ имѣть понятіе человѣкъ, признаваемый образованымъ. Онъ долженъ знать, что Сервантесъ написалъ Донъ Кихота, и что Донъ Кихотъ сражался съ мельницами, что Шекспиръ написалъ Гамлета, и что Гамлетъ былъ влюбленъ въ Офелію, что Беатриче была возлюбленною Данте, а Лаура возлюбленною Петрарки, что Жоржъ Зандъ проповѣдуетъ эмансипацію женщинъ, что Юлій Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ, что Байронъ хромалъ на одну ногу и сражался за свободу Греціи, что Людовикъ XIV сказалъ: «l'état, c'est moi,» а потомъ сказалъ: «il n'y a plus de Pyrénées», что графъ Уголино умеръ въ башнѣ съ голода, что Лютеръ бросилъ въ чорта чернильницей, что Марій сидѣлъ на развалинахъ Карфагена, что губернаторомъ острова св. Елены былъ Гудзонъ Ло, что Титъ считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлаль добраго дѣла, что Парижскія тайны написаны Еженемъ Сю, что... ну, все равно, довольно и этого, чтобы видѣть требованія общества. Образованный человѣкъ долженъ знать, кромѣ того, имена всѣхъ столичныхъ городовъ на земномъ шарѣ, а изъ математики—четыре правила ариѳметики и названія всѣхъ математическихъ наукъ. Нельзя сказать, чтобы требованія общества были обширны и глубоки, но за то въ предѣлахъ своихъ требованій общество очень строго. О Данте оно знаетъ напримѣръ только то, что онъ любилъ Беатриче и написалъ Божественную комедію; о Петраркѣ то, что онъ итальянскій поэтъ и пѣвецъ Лауры; о Титѣ— что онъ римскій императоръ и хорошій человѣкъ; о Людовикѣ XIV— что онъ le grand roi, и что при немъ былъ le siècle de Louis XIV, ну и потомъ M-lle de la Vallière, M-me de Montespan, M-me de Maintenon. Но если вы не знаете и этихъ вещей, тогда вы человѣкъ необразованный. Вы и не требуйте отъ общества отчета, почему именно необходимо знать эти вещи, и къ чему ведетъ это знаніе. Вамъ или совсѣмъ не отвѣтятъ, или отвѣтятъ съ изумленіемъ и досадой: «ахъ, Боже мой, да какъ же этого не знать? Это всѣ знаютъ. Какъ, къ чему ведетъ? Но даже имѣть понятіе.» Дальше этого отвѣта общество не идетъ; оно и само не знаетъ, какъ велики

предѣлы этихъ обязательныхъ знаній; не знаетъ и того, почему и съ какого времени они сдѣлались обязательными; оно только чувствуетъ непріятное ощущеніе, когда кто нибудь въ его средѣ выходитъ изъ границъ дозволеннаго невѣжества, и объявляетъ тотчасъ такого нарушителя границъ человѣкомъ необразованнымъ. Вы смѣло можете не знать ничего о физическихъ законахъ природы и можете признаваться обществу въ своемъ невѣжествѣ; но есть собственныя имена и историческія сплетни, которыя вы обязаны знать, если не желаете сдѣлаться предметомъ всеобщаго изумленія. Понятно, стало быть, что образованіе представляется обществу чѣмъ-то неопредѣлимымъ; этимъ именемъ называется что-то такое,—а что именно, неизвѣстно; да общество никогда объ этомъ и не спрашиваетъ. Ему досталось откуда-то, когда-то, по какому-то случаю, сумма какихъ-то разрозненныхъ знаній; оно къ нимъ привыкло, назвало ихъ образованіемъ, удовлетворилось ими, и теперь только иногда, точно сквозь сонъ, требуетъ частичныхъ усовершенствованій, новыхъ учебниковъ, нагляднаго преподаванія, улучшенія въ личномъ составѣ учителей. Ему даже въ голову не приходитъ спросить себя: да что же такое образованіе? чѣмъ оно должно быть, и въ какомъ положеніи находится оно у насъ? Молодые люди, выходящіе изъ учебныхы зиведеній, всегда недовольны школою, но всегда объясняютъ свое неудовольствіе мелкими и случайными недостатками: учебники нехороши, учителя плохи, начальство придирчиво. Потомъ это неудовольствіе стирается другими житейскими впечатлѣніями, и молодые люди, дѣлаясь отцами семейства, совершенно мирятся съ школьными неудобствами и безтрепетно подвергаютъ имъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, вліяніе общества на школу ограничивается только тѣмъ, что общество говоритъ: «надо имѣть понятіе...» а такъ какъ школа даетъ понятіе и о Гракхахъ, и о Несторѣ, и о синекдохахъ, то общество оказывается совершенно довольнымъ, и отцы каждый годъ проливаютъ слезы умиленія надъ успѣхами возлюбленныхъ дѣтей. Я теперь перейду къ университету, а потомъ въ заключеніе выскажу нѣсколько мыслей о томъ, чѣмъ должно быть общее образованіе.

X.

Лучшія надежды нашего отечества сосредотичиваются на университетахъ; университетская молодежь обыкновенно вноситъ въ практическую жизнь честность стремленій, свѣжесть взглядовъ и непримиримую ненависть къ рутинѣ всякаго рода. Обскуранты и рутинеры всегда нападали на университеты и предпочитали имъ систему закрытыхъ заведеній; но теперь эта порода обскурантовъ и рутинеровъ переводится и обращается въ палеонтологическую рѣдкость. Ихъ уже никто не боится и съ ними никто не споритъ. Теперь писатель, уважающій самого себя, не обязанъ безусловно защищать университеты; онъ можетъ спокойно разсматривать и указывать недостатки ихъ устройства. А недостатки эти очень многочисленны и крупны. Въ концѣ 1861 года появилось много статей объ университетахъ. Я теперь не имѣю ихъ подъ руками и не помню ихъ выводовъ. Можетъ быть, мнѣ случится въ чемъ нибудь сойдтись съ тою или другою изъ этихъ статей, но я не вижу въ этомъ большой бѣды. Если мысли мои будутъ вѣрны, то онѣ не потеряютъ отъ того, что будутъ высказаны во второй разъ. Если онѣ ошибочны, то повторенное вранье будетъ также безвредно для публики, какъ было безвредно вранье первобытное. То обстоятельство, что у меня нѣтъ подъ руками этихъ статей, даже благодѣтельно для публики; оно сокращаетъ мое разсужденіе, потому что отнимаетъ у меня возможность возражать тѣмъ писателямъ, которые раньше меня разрабатывали вопросъ объ университетахъ.

Важнѣйшее и единственное преимущество университета передъ всякими другими высшими учебными заведеніями заключается въ томъ, что учащіеся пользуются значительною степенью свободы въ выборѣ и въ направленіи своихъ занятій. Ни талантъ профессоровъ, ни ихъ усердіе, ни ихъ умѣніе сближаться съ студентами, ничто не можетъ возбудить въ молодомъ человѣкѣ ту энергію и самодѣятельность, которую возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ чувство собственной самостоятельности. Въ закрытомъ заведеніи, молодой человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ быть только благовоспитаннымъ и прилежнымъ школьникомъ. Въ университе-

тѣ онъ дѣлается человѣкомъ, сознательно распоряжающимся своими силами и способнымъ обращать въ свою пользу даже неблагопріятныя условія. Онъ часто увлекается, часто дѣлаетъ глупости, но надо помнить, что переходъ отъ дѣтства къ мужеству заключается именно въ томъ, что молодой человѣкъ, путемъ собственныхъ опытовъ, ошибокъ и паденій, выучивается твердо стоять на ногахъ и твердыми шагами направляться къ сознательно - выбранной цѣли. Кого заботливая рука удерживала отъ всякихъ паденій, тотъ или въ позднѣйшемъ возрастѣ наверстаетъ потерянное время, или останется на всю жизнь благовоспитаннымъ мальчикомъ, неимѣющимъ ни характера, ни оригинальности. Процвѣтаніе университетовъ всегда соотвѣтствовало той степени самостоятельности, которая предоставлена была студентамъ. Дѣятельность самыхъ талантливыхъ профессоровъ никогда не могла замѣнить собой эту драгоцѣнную самостоятельность. Умственное развитіе похоже въ этомъ отношеніи на кристаллизацію. Главное дѣло экспериментатора, желающаго добыть правильные кристаллы, заключается въ томъ, чтобы не тревожить сосуда, въ которомъ налитъ растворъ. Главное дѣло университетскаго начальства, добросовѣстно относящагося къ умственнымъ интересамъ студентовъ, не вмѣшиваться въ ходъ ихъ занятій регламентаціею и административными распоряженіями. Если бы начальство захотѣло напримѣръ ввести на лекціяхъ переклички студентовъ и репетиціи, то подобное распоряженіе повредило бы университету сильнѣе, чѣмъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ даровитѣйшихъ профессоровъ. Эта мѣра, можетъ быть, принудила бы десятокъ кутящихъ студентовъ проводить въ аудиторіяхъ часы, тратившіеся въ ресторанахъ, но за то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала бы сотни дѣльныхъ студентовъ на такихъ лекціяхъ, которыя не приносятъ имъ пользы. А истратить часъ времени на безполезной лекціи гораздо хуже, чѣмъ истратить часъ на болтовню или другое развлеченіе.

Студентъ возвращается съ лекціи утомленный и долженъ отдыхать, такъ что у полезной работы отнимается не часъ времени, а вдвое или втрое больше. Прибавьте къ этому постоянную досаду противъ нравственнаго насилія, и вы увидите, какъ некрасивы послѣдствія такого распоряженія, которое на первый взглядъ можетъ показаться довольно благообразнымъ.

Такъ какъ преимущества университета передъ другими высшими учебными заведеніями заключаются единственно въ самостоятельныхъ

отношеніяхъ студентовъ къ своимъ занятіямъ, то недостатки, обнаруживающіеся въ современномъ устройствѣ университетовъ, заключаются единственно въ ограниченіи этой необходимой и во всѣхъ отношеніяхъ полезной самостоятельности. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій неизбѣжны въ настоящее время и находятся въ связи съ общимъ положеніемъ образованія въ обществѣ; но во всякомъ случаѣ эти ограниченія оказываются недостатками, на которые должна указывать теорія, и объ исправленіи которыхъ должно заботиться общество. Если эти недостатки существуютъ сами по себѣ, то ихъ нетрудно устранить; если же они представляются только симптомами болѣе глубокаго зла, заключающагося въ образѣ мыслей и въ складѣ жизни самого общества, то мы тѣмъ болѣе не должны съ ними мириться. Какъ бы глубоко ни укоренилось зло, оно никогда не превращается въ добро; его надо искоренить рано или поздно, и анализировать его развѣтвленія и проявленія всегда полезно и своевременно.

Основная причина всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ самостоятельность учащихся, состоитъ въ тѣхъ правахъ, которыя университетъ даетъ своимъ студентамъ, окончившимъ курсъ и выдержавшимъ выпускной экзаменъ. Кто получаетъ права, тотъ, разумѣется, несетъ обязанности. Всякая обязанность налагаетъ извѣстнаго рода заботы, а всякая забота, неотносящаяся прямо къ интересамъ умственнаго развитія, мѣшаетъ этому развитію.

Права, предоставляемыя студентамъ, окончившимъ курсъ, ведутъ за собою два ближайшія послѣдствія. Во-первыхъ, университетъ раздѣляется на факультеты. Во-вторыхъ, являются обязательные экзамены. Оба эти послѣдствія вредятъ очень сильно самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ.

Раздѣленіе на факультеты обязываетъ молодого человѣка, стремящагося къ высшему образованію, выбрать тотчасъ же одинъ изъ факультетовъ. Выборъ этотъ всегда дѣлается на авось, потому что гимназія не даетъ понятія ни объ одной наукѣ. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, не знаетъ ни силъ, ни наклонностей своего ума, не знаетъ также и того, какой работы требуетъ та или другая наука, и какія умственныя наслажденія можетъ она доставить. Чаще всего случается такъ, что молодой человѣкъ дѣлается математикомъ, филологомъ, или юристомъ, смотря потому, за какіе предметы онъ получалъ въ гимназіи хорошіе баллы. Иногда онъ

угадываетъ вѣрно, но это только счастливый случай. Часто бываетъ такъ, что онъ перескакиваетъ изъ одного факультета въ другой и тратитъ года два на неудачныя пробы. Большею же частью бываетъ еще хуже. Поступивши на такой факультетъ, который ему не нравится, молодой человѣкъ остается на немъ: «все равно, думаетъ онъ: —какъ нибудь дотяну; стоитъ ли кидаться изъ стороны въ сторону? Еще, Богъ знаетъ, найдешъ ли на другомъ факультетѣ что нибудь получше?» — Когда студентъ разсуждаетъ такимъ образомъ, тогда, конечно, нельзя ожидать, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ съ любовью; онъ записываетъ лекціи, выдерживаетъ экзамены и получаетъ аттестатъ, не почувствовавши ни разу въ жизни живительнаго вліянія любимаго труда. Удивительно ли, что такой человѣкъ, бывши рутинеромъ на студенческой скамейкѣ, окажется рутинеромъ и въ практической жизни? Въ университетѣ онъ стремился къ аттестату, а въ жизни всегда найдутся постороннія цѣли, къ которымъ можно стремиться и которымъ можно приносить въ жертву интересы дѣла и собственное человѣческое достоинство. Но вы скажете, можетъ быть, что такой человѣкъ самъ виноватъ въ своей деморализаціи, и что эту деморализацію нельзя приписывать раздѣленію университета на факультеты. Вы скажете, что этотъ человѣкъ могъ перейти съ одного факультета на другой; что онъ могъ, наконецъ, поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ, и уже потомъ, изучивъ свои силы и наклонности, присмотрѣвшись къ различнымъ наукамъ, сдѣлаться студентомъ и сознательно выбрать себѣ факультетъ. Ваши разсужденія справедливы, но только до извѣстной степени. Вы берете отвлеченнаго человѣка, глубоко проникнутаго безкорыстнымъ и сознательнымъ стремленіемъ къ образованію; вы забываете, что эти чувства, мысли и стремленія обыкновенно пріобрѣтаются и очищаются только путемъ образованія и умственнаго труда; вы забываете, что въ университетъ поступаютъ не мудрецы, сознательно идущіе къ завоеванію истины, а юноши, прельщающіеся всѣми искушеніями жизни. Лучшіе изъ этихъ юношей приносятъ съ собою въ университетъ только неопредѣленную любознательность, передъ которою вовсе не умолкаютъ житейскіе разсчеты. Отъ университетской атмосферы зависитъ—или очистить эту любознательность отъ постороннихъ примѣсей, или напротивъ, совершенно задушить ее подъ этими посторонними побужденіями. Если любознательный юноша сразу заинтересуется какою нибудь

наукою, онъ станетъ выше своихъ разсчетовъ и будетъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ. Если же онъ ошибется въ своемъ выборѣ, то неудовлетворяемая любознательность можетъ замереть; юноша можетъ подумать, что эта любознательность была мечтательнымъ стремленіемъ къ несуществующимъ благамъ; разсчеты одержатъ рѣшительную побѣду, и юноша разсудитъ очень основательно, что переходить съ одного факультета на другой значитъ терять время, затруднять себѣ дорогу къ аттестату, отнимать у самого себя такіе годы, которые могутъ быть употреблены на дѣйствительную службу, ведущую къ чинамъ, къ знакамъ отличія, къ большому окладу жалованья. А поступить въ вольные слушатели? Подобная мысль не можетъ придти въ голову юношѣ, только что вышедшему изъ гимназіи; для этого надобно, чтобы онъ чувствовалъ недовѣріе къ своему собственному выбору. Кто же не знаетъ, что подобное недовѣріе немыслимо въ очень молодомъ и совершенно неопытномъ человѣкѣ? Кромѣ того, поступить въ вольные слушатели значитъ также потерять нѣсколько времени на размышленіе и попытки, а молодость торопится жить. Поступить въ вольные слушатели значитъ на нѣсколько времени отказаться отъ студенческой формы, а эта форма такъ обаятельна... Все это—мелкія побужденія, но они дѣйствуютъ. Мы должны имѣть въ виду не отвлеченную молодежь, а такую, какая дѣйствительно существуетъ. Эта молодежь черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ сама смѣяться и надъ своими расчетами, и надъ своими побужденіями; одни ей покажутся мелкими, другіе—ребяческими, но и тѣ и другія въ свое время сообщали ея поступкамъ опредѣленное направленіе. Ими нельзя пренебрегать; ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что отъ нихъ зависитъ часто сила и колоритъ умственной жизни цѣлаго поколѣнія. Этимъ-то мелкимъ расчетамъ и ребяческимъ побужденіямъ современное устройство университетовъ оказываетъ самую предосудительную поблажку. Говоря поступающимъ молодымъ людямъ: «выбирайте себѣ факультетъ!» университетъ самъ примѣшиваетъ идею карьеры къ идеѣ образованія и потакаетъ такимъ образомъ житейскимъ расчетамъ будущихъ Петровъ Иванычей Адуевыхъ. Конечно, молодой человѣкъ можетъ противустоять этимъ искушеніямъ; онъ можетъ сказать: «я не ищу правъ, я не хочу выбирать факультетъ. Я буду вольнымъ слушателемъ, выслушаю тѣ курсы, которые меня интересуютъ, и потомъ уйду изъ универкитета безъ

всякихъ экзаменовъ и дипломовъ». Онъ можетъ это сказать и сдѣлать. На это нѣтъ ни физической невозможности, ни запретительной статьи закона. А между тѣмъ очень невѣроятно, чтобы онъ поступилъ такимъ образомъ. Искушенія слишкомъ сильны. Всѣ предразсудки общества поддерживаютъ право, дипломы, экзамены, студенчество, носящее форму и распредѣленное по факультетамъ. Простое слушаніе лекцій, невознаграждаемое ни чинами, ни служебными преимуществами, до сихъ поръ кажется обществу пустымъ препровожденіемъ времени. Наука величественна, образованіе полезно, но практическія выгоды болѣе осязательны. Онѣ смягчаютъ самое жестокое сердце и примиряютъ съ университетами самые скептическіе умы престарѣлыхъ родителей. На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, мы можемъ принять за несомнѣнную истину, что покуда въ университетѣ существуютъ права и факультеты, до тѣхъ поръ большая часть молодыхъ людей будетъ бросаться въ эти факультеты, очертя голову, и въ случаѣ ошибки, будетъ дотягивать лямку, чтобы получить дипломъ.

— Ну хорошо, говорите вы:—молодой человѣкъ поступилъ на факультетъ. Кто-же ему мѣшаетъ слушать нѣкоторыя лекціи другого факультета? — Да, никто не мѣшаетъ; онъ слушаетъ, но изъ этого слушанія ничего не выходитъ. Онъ смотритъ на постороннюю лекцію, какъ женатый человѣкъ на легкую интрижку. Передъ нимъ лежитъ извѣстная дорога; надъ головой его висятъ извѣстные экзамены; практическое значеніе имѣютъ въ его глазахъ только труды по извѣстнымъ, факультетскимъ предметамъ. Какое же значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ посторонняя лекція? Она можетъ ему понравиться, какъ понравилась бы какая нибудь театральная піеса. Она можетъ возбудить въ немъ желаніе ходить для развлеченія въ аудиторію посторонняго профессора—и только. Что же тутъ за польза? Когда наука служитъ намъ развлеченіемъ и не возбуждаетъ въ насъ желанія трудиться, тогда она вовсе не исполняетъ своего назначенія. Комедія или концертъ всегда развлекаютъ сильнѣе, чѣмъ лекція,—стало быть, отъ лекціи не слѣдуетъ требовать развлеченія. Но положимъ, что лекція или рядъ лекцій посторонняго профессора заинтересовали студента очень серьезно и возбудили въ немъ желаніе познакомиться покороче съ этою наукою. Такое желаніе дѣлается для него несчастіемъ. Начинается борьба между искусственно сооруженнымъ долгомъ и естественнымъ влеченіемъ.

Съ любовью заниматься постороннею наукою значитъ отнимать время у факультетскихъ занятій, значитъ измѣнять интересамъ своей будущей карьеры, значитъ предпочитать пріятное полезному. Основаться на одномъ факультетѣ и заниматься предметомъ другого факультета значитъ дробить свои силы. Перейти на другой факультетъ? Но вѣдь тамъ, кромѣ одной любимой науки, придется заниматься десяткомъ наукъ вовсе непривлекательныхъ. Что же тутъ дѣлать? Положеніе драматическое, а между тѣмъ, весь драматизмъ происходитъ только отъ перегородки, поставленной между двумя факультетами и поддерживаемой обязательными экзаменами и правами. Если бы молодой человѣкъ былъ вольнымъ слушателемъ, то ему ничто бы не мѣшало слушать вмѣстѣ лекціи разныхъ факультетовъ; если бы онъ былъ вольнымъ слушателемъ, то любовь, почувствованная имъ къ какой бы то ни было наукѣ, наполнила бы его душу живѣйшею радостью и повела бы его къ серьезнымъ занятіямъ. Не было бы никакого драматическаго столкновенія. Конечно, студентъ всегда можетъ сдѣлаться вольнымъ слушателемъ. Физическій невозможности нѣтъ, но нравственныхъ препятствій много. «Вотъ, подумаетъ онъ:—если я останусь студентомъ и выдержу опредѣленный экзаменъ по программѣ факультета, то получу дипломъ и права. А если сдѣлаюсь вольнымъ слушателемъ и буду заниматься тѣмъ, что мнѣ нравится, то ничего не получу. Это обидно».—И не только обидно, а даже глупо, говорятъ студенту родители, опекуны и всѣ опытные совѣтники. Да ты объ этомъ и думать не смѣй, подтверждаетъ раздражительная маменька. А отчего они все это думаютъ, говорятъ и подтверждаютъ? Отчего переходъ съ одного факультета на другой подаетъ иногда поводъ къ семейнымъ сценамъ? Отчего такая простая вещь, какъ занятія тѣмъ предметомъ, который нравится, оказывается труднымъ подвигомъ, требующимъ отъ молодого человѣка почти ломоносовской силы характера? Все оттого, что университетъ даетъ права и составляетъ преддверіе карьеры. Если бы не было правъ, не было бы и факультетовъ. Вся учащаяся молодежь была бы вольными слушателями, посѣщала бы лекціи по собственному выбору и распоряжалась бы своимъ развитіемъ съ полною самостоятельностью.

XI.

Факультеты стараются образовать специалистовъ, и вмѣсто того, образуютъ только одностороннихъ теоретиковъ. Студентъ, по выходѣ изъ университета, находится въ положеніи Сократа: онъ знаетъ только то, что ничего незнаетъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что приложимо къ жизни и къ какой нибудь отрасли труда. Въ этомъ я и не упрекаю университета, совсѣмъ не его дѣло учить молодого человѣка ремеслу; но если все устройство университета видимо направлено къ тому, чтобы образовать нѣсколько сортовъ ремесленниковъ, и если, при всемъ томъ, ремесленники не выходятъ изъ университетовъ, а формируются и обучаются уже послѣ выхода подъ вліяніемъ практической дѣятельности, то очевидно, не достигается ни та широкая цѣль, къ которой долженъ бы былъ стремиться университетъ, ни та узкая цѣль, къ которой онъ направленъ въ настоящее время. Университетъ не дастъ намъ истинно образованныхъ людей, потому что его устройство ставитъ много препятствій на пути самостоятельнаго умственнаго развитія учащихся; университетъ не даетъ специалистовъ, потому что специалиста не можетъ образовать школа, его образуетъ только самая работа, —что же даетъ намъ университетъ? Людей, пропитанныхъ умозрѣніями, принимающихъ теоріи за аксіомы, уходящихъ отъ жизни въ книгу, и сохраняющихъ въ своихъ фразахъ и разсужденіяхъ отпечатокъ того факультета, въ которомъ они были замкнуты. Я очень хорошо знаю, что многіе изъ теперешнихъ и бывшихъ студентовъ вовсе не подходятъ подъ эту характеристику; я знаю, что между ними найдется много людей, смотрящихъ на жизнь свѣтло и разумно, но я знаю также, что эти люди развиваются помимо университета, и что всѣ неудобства современнаго университетскаго устройства сознательно чувствуются ими и производятъ на нихъ самое тяжелое впечатлѣніе. Защитники современнаго университетскаго устройства очень недовольны теперешними студентами, и неудовольствіе это началось именно съ тѣхъ поръ, какъ студенты поняли неудовлетворительность однѣхъ профессорскихъ лекцій и начали искать собственными силами, въ жизни и въ литературѣ, матеріаловъ для своего развитія.

Это значитъ, что современное устройство университетовъ не удовлетворяетъ ни тѣхъ, для кого оно составлено, ни тѣхъ, кто его защищаетъ. Для первыхъ, то есть, для учашихся оно стѣснительно. Вторые, то есть, заматерѣлые профессора, находятъ его слабымъ и неспособнымъ сдерживать развитіе студентовъ въ строю—въ опредѣленныхъ границахъ. Молодая жизнь вездѣ просачивается черезъ обветшалыя плотины, затрудненія обходятся, препятствія преодолѣваются, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы затрудненія и препятствія уже теперь были безвредны. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, чтобы увидѣть въ нихъ не содѣйствіе, а помѣху, молодому человѣку нужно много остроумія и проницательности; чтобы вступить съ ними въ борьбу и одолѣть ихъ, нужно много энергіи и много драгоцѣннаго времени. Часто большая половина университетскихъ годовъ уходитъ у студента исключительно на то, чтобы убѣдиться въ ложности и безплодности господствующаго направленія занятій. Конечно, испытывать разочарованія полезно, но, по всей вѣроятности, защитники современнаго университетскаго устройства ожидаютъ отъ университетовъ не того, чтобы они снабжали студентовъ разочарованіями.

Не одни студенты испытываютъ на себѣ неудобства современнаго университетскаго устройства; эти неудобства падаютъ и на профессоровъ. Профессоръ университета по роду своихъ занятій мало отличается въ настоящее время отъ учителя гимназіи. Вся разница между ними заключается въ томъ, что учитель спрашиваетъ уроки во время каждаго класса, а профессоръ спрашиваетъ уроки за цѣлый годъ, на экзаменѣ. Отношенія учителя къ ученикамъ гораздо проще и откровеннѣе, чѣмъ отношенія профессора къ своимъ слушателямъ. Учитель очень хорошо знаетъ, что ученики сошлись къ нему въ классъ по звонку, безъ всякаго особеннаго желанія учиться; обыкновенно учитель не придаетъ никакого значенія желанію или нежеланію учениковъ, ставитъ имъ за нежеланіе плохіе баллы, оставляетъ ихъ безъ обѣда или безъ отпуска, и дѣло съ концомъ. Профессоръ также можетъ предполагать, что большая часть его слушателей сидитъ въ его аудиторіи по долгу службы, и задабриваетъ его своимъ присутствіемъ для предстоящаго экзамена; но какъ убѣдиться въ этомъ? Какъ отдѣлить слушателей, любящихъ его науку и его лекціи, отъ слушателей, высиживающихъ въ его аудиторіи хорошій баллъ? Какъ узнать дѣйствительныя потребности слушателей, записывающихъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что благоугодно сказать господину профес-

сору? Какъ заговорить откровенно съ слушателемъ, который прежде всего видитъ въ профессорѣ будущаго экзаменатора? Положеніе добросовѣстнаго профессора чрезвычайно щекотливо. Добросовѣстный профессоръ знаетъ, что офиціальность студентовъ въ отношеніи къ нему совершенно оправдывается: во-первыхъ, общимъ устройствомъ университета, во-вторыхъ, личностью и дѣятельностью большей части другихъ профессоровъ. Онъ — добросовѣстный профессоръ, не формалистъ, но онъ знаетъ, что по настоящему онъ обязанъ быть формалистомъ; знаетъ и то, что въ сосѣдней аудиторіи сидитъ профессоръ формалистъ, которому нѣтъ никакого дѣла до умственныхъ потребностей слушателей. Конечно, между добросовѣстнымъ профессоромъ и дѣльнымъ студентомъ могутъ установиться разумныя отношенія, независимыя отъ экзаменовъ; но для этого надобно, чтобы профессоръ и студентъ узнали другъ друга, а это вовсе не легко, потому что они поставлены другъ къ другу въ обязательныя отношенія; профессору неловко сдѣлать шагъ къ сближенію съ студентомъ, потому что онъ видитъ съ его стороны офиціальность и недовѣріе; студенту также неловко, потому что профессоръ можетъ подумать, что студентъ заискиваетъ въ немъ для экзамена. Такая простая вещь, какъ довѣрчивое сближеніе между человѣкомъ знающимъ и человѣкомъ желающимъ знать, становится затруднительною, — а почему? Опять-таки потому, что существуютъ права, и вслѣдствіе того, обязательные экзамены. Эти экзамены, смотря по личности профессора, бываютъ или очень трудны, или очень легки. Если профессоръ формалистъ, то малѣйшее отклоненіе отъ записокъ принимается въ расчетъ, какъ доказательство непосѣщенія лекцій; если профессоръ не формалистъ, то онъ во всякомъ случаѣ и за всякій отвѣтъ ставитъ удовлетворительный баллъ. Въ первомъ случаѣ студентъ принужденъ зубрить, какъ гимназистъ, или какъ бурсакъ; во второмъ случаѣ онъ приходитъ на экзаменъ чтобы исполнить формальность. Очевидно, что въ первомъ случаѣ экзамены вредны, а во второмъ безполезны. Но конечно, полное отмѣненіе всякихъ экзаменовъ, и выпускныхъ и переходныхъ, возможно только тогда, когда университеты не будутъ давать своимъ слушателямъ никакихъ правъ. Поэтому, отмѣненіе правъ должно быть желаніемъ всѣхъ людей, принимающихъ къ сердцу судьбу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

XII.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ недостатки нашего гимнастическаго образованія и показали слабую сторону нашихъ университетовъ. Теперь нетрудно будетъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ преобразованія, въ которыхъ нуждаются гимназіи и университеты. Въ гимназической программѣ нѣтъ общаго плана; собранія словъ и фразъ называются науками; разсказы и гипотезы вытѣсняютъ собою серьезныя знанія; память учениковъ работаетъ постоянно, а мыслительныя способности ихъ находятся въ бездѣйствіи. Конечно, все это должно быть передѣлано. Въ программу должно быть внесено строгое единство общаго плана; фразы, называющіяся въ своей совокупности исторіею, политическою географіею, теоріею словесности, и т. д., должны быть оставлены за штатомъ; разсказы и гипотезы должны уступить мѣсто научнымъ аксіомамъ и теоремамъ; мыслительныя способности учениковъ должны вступить въ отправленіе своихъ естественныхъ обязанностей. Всѣ эти метаморфозы могутъ быть произведены только въ томъ случаѣ, когда будетъ измѣнена самая подкладка образованія. До сихъ поръ въ нашихъ школахъ изучали преимущественно человѣка и его духовныя произведенія, а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выдти изъ области догадокъ и предположеній, фразъ и возгласовъ, красивыхъ теорій и безсмысленнаго зубренія. Это единственное средство ввести учениковъ въ область точнаго знанія, добросовѣстнаго изслѣдованія и живого мышленія. Я доказалъ уже, говоря о преподаваніи исторіи и географіи въ гимназіяхъ, что изученіе человѣка и его гражданской жизни по своей сложности недоступно гимназистамъ; я доказалъ также, что изученіе это въ дѣйствительности не существуетъ, и что историческія и географическія знанія гимназистовъ составляютъ самый печальный оптическій обманъ. Одного этого обстоятельства уже достаточно, чтобы навсегда отложить попеченіе о такъ называемомъ гуманномъ образованіи; объ этомъ образованіи не стоитъ жалѣть; оно кажется удовлетворительнымъ только тогда, когда нѣтъ лучшаго; оно считалось хорошимъ тогда, когда естественныя науки были въ колыбели; оно существуетъ теперь по тому же самому, по-

чему существуютъ многіе аптики, давно осужденные на смерть наукою и здравымъ смысломъ; существуетъ потому, что крѣпка наша рутина, велико наше невѣжество, безгранично наше равнодушіе къ умственнымъ интересамъ подрастающихъ поколѣній. Благодаря невѣжеству и рутинѣ, естественныя науки такъ оклеветаны въ нашемъ обществѣ, что совѣтъ положить ихъ въ основу нашего школьнаго образованія покажется многимъ просвѣщеннымъ педагогамъ преступнымъ посягательствомъ на умственную непорочность учащагося отрочества. За естественными науками стоитъ призракъ матеріализма, выдуманный отъ нечего дѣлать волхвами и кудесниками московской журналистики. Доказать, что матеріализмъ намъ вовсе неопасенъ, что онъ у насъ даже вовсе не существуетъ — конечно нетрудно; но это доказываніе ни къ чему не поведетъ; когда общество наслушалось нелѣпыхъ толковъ, когда оно напугано ими, тогда оно не вѣритъ доказательствамъ. Попробуйте доказать крестьянскому мальчику, что нѣтъ на свѣтѣ домового, и вы увидите, какъ блистательная аргументація ваша разобьется объ укоренившійся предразсудокъ, превратившійся уже въ инстинктивное чувство. Я очень хорошо знаю, что мои мысли о гимназическомъ образованіи и о необходимости положить въ его основу естественныя науки будутъ приняты въ обществѣ очень недовѣрчиво; я знаю, что объ осуществленіи подобной мысли смѣшно даже мечтать. Но я думаю, что между журнальною статьею и дѣловымъ проектомъ существуетъ значительная разница. Проектъ долженъ быть практиченъ и непосредственно приложимъ къ дѣлу; онъ долженъ принимать въ соображеніе взгляды, мнѣнія и даже современные предразсудки общества. Что же касается до простой журнальной статьи, то ея дѣло просто бросить въ общество ту или другую мысль. Авторъ отвѣчаетъ только за честность этой мысли и за искренность собственнаго убѣжденія. Дѣло общества принять, или отбросить эту мысль, оспаривать ее, или оставить ее вовсе безъ вниманія. Поэтому, не смущаясь добродѣтельнымъ отвращеніемъ общества къ естественнымъ наукамъ и къ матеріализму, и въ тоже время не заботясь о практической приложимости моего разсужденія, я покажу, почему именно однѣ естественныя науки, положенныя въ основу общаго образованія, могутъ развить умъ и сообщить учащемуся прочныя знанія.

Во первыхъ, знанія о природѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума. Первые проблески ребяческой любозна-

тельности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія. Спрашиваетъ ли когда нибудь ребенокъ о томъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ? Нѣтъ, онъ и представить себѣ не можетъ такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, исторія дается ребенку помимо его желанія; она не отвѣчаетъ никакой потребности его ума. Спрашиваетъ ли ребенокъ: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картинка или игрушка, спрашиваетъ ли онъ: почему это мнѣ нравится? Конечно, нѣтъ. Отвлеченіе и анализъ собственныхъ впечатлѣній — такіе процессы, которые совершенно несвойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хламъ теоріи словесности даются ребенку помимо его желанія. Но вѣдь извѣстно, что ребенокъ постоянно пристаетъ къ взрослымъ съ вопросами. О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяцъ сегодня стоитъ на небѣ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглый? Отчего собака ѣстъ хлѣбъ, а кошка не ѣстъ? Отчего бутылка съ водою лопнула на морозѣ? Отчего облака по небу ходятъ? Отчего дождь идетъ? Вотъ вопросы ребенка, и ребенокъ такъ разнообразитъ ихъ, что вамъ становится очевиднымъ, какъ они родятся въ головѣ его подъ вліяніемъ свѣжихъ и постоянно измѣняющихся впечатлѣній. Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надоѣдаетъ спрашивать. Ему приходится думать одно изъ двухъ: или то, что на его вопросы вовсе не существуетъ удовлетворительнаго отвѣта; или то, что окружающіе его взрослые не понимаютъ нелѣпости своихъ отвѣтовъ. Въ первомъ случаѣ онъ мирится съ незнаніемъ, и любознательность его засыпаетъ; во второмъ случаѣ онъ ищетъ отвѣта, какъ искалъ отвѣта Ломоносовъ. Конечно, второй случай гораздо рѣже перваго. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ, знакомство съ естественными науками должно привести ребенка въ восхищеніе. Разумный отвѣтъ на одинъ вопросъ порождаетъ въ умѣ десятокъ новыхъ вопросовъ, и ребенокъ пріобрѣтаетъ прочныя свѣдѣнія, даже не подозрѣвая того, что онъ началъ учиться. Если естественныя науки преподаются ребенку сколько нибудь разумно, то, конечно, удовольствіе испытанное имъ при первомъ знакомствѣ съ законами природы будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ это знакомство будетъ дѣлаться болѣе короткимъ и сознательнымъ. Знаніе природы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ условіяхъ

жизни, ни въ какомъ общественномъ положеніи не можетъ быть мертвымъ капиталомъ ни для ребенка, ни для взрослаго человѣка. Всякая школьная мудрость забывается за порогомъ школы, потому что самое существованіе этой мудрости поддерживается и обусловливается только затхлою атмосферою школы; но природа окружаетъ человѣка вездѣ; стало быть, человѣкъ, однажды заинтересовавшійся изученіемъ ея силъ и законовъ, уже никогда не забудетъ того, что онъ о ней знаетъ, и всегда будетъ стремиться къ расширенію своихъ свѣдѣній. Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣйствительности; только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ область не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно, только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, неподкрашенною нравоученіями, не обрѣзанною системами, не сочиненною досужнымъ мышленіемъ философовъ. И между тѣмъ эти самыя естественныя науки до сихъ поръ считаются достояніемъ заклятыхъ спеціалистовъ; исторію, теорію словесности должны знать всѣ образованные люди; а законы и отправленія жизни, которая проявляется во всѣхъ органическихъ существахъ, начиная отъ лишаевъ и водорослей и кончая обезьяною и человѣкомъ, эти законы писаны только для двухъ трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами. Остальному обществу, называющему себя образованнымъ, до нихъ нѣтъ никакого дѣла,—ему, по русской пословицѣ, законъ не писанъ. Конечно, такое непостижимое равнодушіе къ тому, что насъ постоянно окружаетъ и постоянно дѣйствуетъ на насъ, можетъ быть объяснено только крайнею неразвитостью, которую, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно назвать полною умственною слѣпотою. Лечить отъ этой слѣпоты взрослыхъ уже, можетъ быть, поздно; но предохранить отъ нея дѣтей—это должно быть святою обязанностью всѣхъ отцовъ и воспитателей. Общество наше погружено въ спячку; у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ, а между тѣмъ великая книга природы открыта передъ всѣми, и въ этой великой книгѣ до сихъ поръ, трудами немногихъ замѣчательныхъ дѣятелей, прочтены только первыя страницы. Кто-же виноватъ въ томъ, что наши достаточные и soi-disant образованные классы ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не интересуются? Виновато очевидно направленіе ихъ образованія; школа ничѣмъ не заинтересовала ихъ, изъ

это обстоятельство даже дѣлаетъ честь ихъ природному уму, потому что въ нашихъ школахъ дѣйствительно заинтересоваться нечѣмъ. Если бы Александръ Гумбольдтъ учился въ русской гимназіи или въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, то по всей вѣроятности, онъ сдѣлался бы ревностнымъ посѣтителемъ баловъ и балетовъ, вмѣсто того, чтобы быть натуралистомъ и путешественникомъ. Вѣдь Александръ Гумбольдтъ былъ барономъ и богатымъ человѣкомъ,—стало быть, нѣтъ ничего несбыточнаго въ той мысли, что, при разумномъ направленіи образованія, даже высшіе классы нашего общества могутъ перейти отъ танцевъ къ другимъ занятіямъ, болѣе достойнымъ человѣка и болѣе полезнымъ для человѣчества. Кому же удобнѣе всего разрабатывать науку, какъ не тѣмъ людямъ, которые обезпечены въ матеріальномъ отношеніи? И эти люди дѣйствительно стали бы разрабатывать науку, если бы были заинтересованы ею съ дѣтства. А заинтересовать человѣка съ дѣтства можетъ только изученіе природы. Говорить о практической пользѣ естеттвенныхъ наукъ, указывать на паровыя машины, на желѣзныя дороги, на электрическіе телеграфы, на микроскопъ, химическій анализъ и успѣхи физіологіи—значило бы повторять фразы, встрѣчающіяся въ предисловіяхъ ко всевозможнымъ оригинальнымъ и переводнымъ книгамъ по естественнымъ наукамъ. Я воздержусь отъ этого словоизверженія. Читатель самъ понимаетъ, что все матеріальное благосостояніе человѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающей природой, и что это господство заключается только въ знаніи естественныхъ силъ и законовъ. Но читатель, можетъ быть, не обращалъ вниманія на то обстоятельство, что эти знанія до сихъ поръ вырабатывались только десятками людей; сотни и тысячи принимали уже выработанные результаты, питались готовыми кушаньями и слѣдовательно сами нисколько не помогали стряпнѣ. А почему они не помогали? Неужели потому, что они всѣ были неспособны помогать? Такое предположеніе совершенно неправдоподобно. Неужели наши мужики потому неграмотны, что неспособны выучиться азбукѣ? Вѣдь это уже очевидная нелѣпость. Мужики неграмотны, потому что разныя постороннія обстоятельства мѣшали имъ учиться; точно такъ же, сотни и тысячи образованныхъ людей оставались равнодушными къ изученію природы потому, что направленіе ихъ образованія не давало имъ познакомиться съ азбукою естествознанія. Но между мужиками находились и находятся люди, въ которыхъ же-

ланіе учиться такъ сильно, что оно вырывалось даже изъ-подъ гнета неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Точно такъ же между образованными людьми попадаются личности, замѣчательныя по своей любознательности, личности, умѣющія вырваться изъ того ограниченнаго круга идей и понятій, въ который ставитъ ихъ господствующее направленіе общаго образованія. Эти-то немногія личности, превращающіяся въ чудаковъ натуралистовъ, несутъ на плечахъ своихъ весь трудъ матеріальнаго прогресса человѣчества. Если бы этихъ личностей было больше, то, очевидно, завоеванія человѣчества въ области естествознанія совершались бы быстрѣе; а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся жизнь человѣчества представляла бы меньше лишеній и страданій, меньше горя и бѣдности. Если бы азбука естествознанія была также распространена, какъ та азбука, по которой мы учимся читать, то число изслѣдователей природы н.вѣрное увеличилось бы въ нѣсколько десятковъ разъ, и труды этихъ изслѣдователей сдѣлались бы также гораздо плодотворнѣе, чѣмъ теперь, потому что всѣ результаты изслѣдованія обобщались и прилагались бы къ жизни несравненно быстрѣе и полнѣе теперешняго. Рутина и предразсудки погибли бы на вѣки, потому что они держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвѣстны даже образованному обществу.

Наконецъ, самый законъ умовъ сдѣлается тверже, когда естественныя науки будутъ положены въ основу общаго образованія. Естественныя науки важны и замѣчательны не только по предмету своего изученія, но и по своему методу. Это — науки, основанныя исключительно на наблюденіи и опытѣ. Собственно говоря, только математическія и естественныя науки имѣютъ право называться науками. Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина. Эти науки сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученію, такую трезвость и неподкупность мышленія, такую требовательность въ отношеніи къ своимъ и къ чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы выбранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденія и поступки.

По всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ должно быть положено въ основаніе

нашей гимназической программы. Кромѣ этихъ наукъ должны оставаться только законъ божій, русская грамматика и новѣйшіе языки. Что касается до университета, то онъ нуждается только въ отмѣнѣ правъ и ограниченій. Реформа гимназій естественно отразится на немъ, и потребности слушателей выразятся сами собою, въ томъ обстоятельствѣ, что однѣ аудиторіи будутъ биткомъ набиты, а другія останутся пустыми. Въ гимназіяхъ должна *быть произведена* реформа, а университетъ *самъ себя* реформируетъ, если только будутъ устранены искуственныя препятствія. Реформа образованія должна быть начата съ низшихъ заведеній, потому что въ нихъ заключается корень нашего умственнаго безсилія. Все это теорія и мечта, скажетъ читатель, и я скажу тоже самое, и это нисколько не приведетъ меня въ смущеніе и въ раскаяніе. Я говорю о томъ, что должно быть, а не о томъ, что дѣлается теперь, и не о томъ, что будетъ дѣлаться въ будущемъ году.

1863 г.
24 Іюня.

Д. Писаревъ.

АФОНЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(*Посвящается Н. Г. Помяловскому.*)

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *)

VII.

Монастыри штатные (идіоритмы.)

Путь лежалъ намъ въ монастырь Иверскій, первый изъ штатныхъ монастырей, какой пришлось намъ увидѣть на Афонѣ. Медленно громоздились мы, съ нашею кладью, по патріархальнымъ святогорскимъ дорогамъ. Тощихъ муловъ усердно подгоняли тощіе погонщики, но афонскіе мулы, знать, не привыкли къ скорой ѣздѣ, и въ свою очередь усердно отмахивались хвостами. Поодаль ѣхалъ нашъ неизмѣнный спутникъ, о. Лукіанъ, напѣвая вполголоса «кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?..» Невесело что-то глядѣлъ онъ па свѣтъ божій.

— Что вы, отче, пріуныли? спросилъ я, подъѣхавъ къ нему.

— Унывать мнѣ нечего, а только и взаправду невесело переѣзжать изъ своей киновіи въ штатный монастырь. Тутъ вѣдь соблазну много.

— А вы побаиваетесь?

---

*) См. первыя статьи въ февральской и апрѣльской кн. «Русскаго Слова»

— Нѣтъ, не то, а все надо быть на сторожѣ: долго ль до грѣха? Вотъ вашему брату такъ тутъ раздолье полное, тутъ и говядину найдете... Ну-ка прислушайтесь, какъ птички-то поютъ! и не чуютъ, бѣдныя, что бѣда у нихъ на носу...

Я прислушался: издали слышалось оживленное пѣніе пѣтуховъ.

— Знакомыя пѣсенки?

— Знакомыя, отче.

— Да, тутъ ужъ міромъ пахнетъ; тутъ только держись, искушеніе!

Показались водопроводы и первыя пристройки Ивера. На травѣ передъ дверьми незатѣйливаго домика лежала группа болгаръ-работниковъ съ трубками и громко распѣвала свои національныя пѣсни. Съ ближайшаго холма красиво спускалось въ оврагъ стадо барановъ и слышалось ихъ блеянье и звонъ колокольчиковъ... И вправду міромъ пахнуло; знакомыя картины вызвали рядъ полузабытыхъ воспоминаній и заставили биться сердце мірское отраднымъ біеньемъ.

Наконецъ открылись предъ нами высокія стѣны и башни монастырскія. Широко раскинулись онѣ на ровномъ прибрежьи моря съ множествомъ разныхъ отдѣльныхъ пристроекъ, съ огородами, виноградниками, апельсинными и лимонными садами, напоминая скорѣе городъ мірской, чѣмъ смиренный монастырь святогорскій. На площадкѣ передъ монастыремъ прогуливались монахи, у всѣхъ лица свѣжія, поступь гордая, замѣтно что-то барское, внушительное. Съ любопытствомъ глядѣли они на наше приближеніе и перешептывались между собой. У воротъ встрѣтилъ насъ самъ эпитропъ (повѣренный) монастырскій, въ шолковой рясѣ и полушубкѣ, обшитомъ дорогими мѣхами; въ рукахъ онъ держалъ эпитропскій жезлъ съ серебрянымъ набалдашникомъ. Тутъ же стояло нѣсколько болѣе скромныхъ иноковъ, между которыми я замѣтилъ двухъ красивыхъ мальчиковъ, лѣтъ 14-ти, одѣтыхъ по монашески.

Послѣ чиннаго и гордаго привѣтствія, эпитропъ прежде всего повелъ насъ на поклоненіе главной святыни Ивера. Подлѣ воротъ, внутри монастыря, стоитъ небольшая часовня, гдѣ помѣщена «страшная видомъ» чудотворная икона Иверской Божіей матери *), называемая на

*) Копія съ этой иконы хранится въ Москвѣ и тоже прославилась разными чудесами. Страшною видомъ называютъ ее монахи за сердитое выраженіе лица Богоматери.

Афонѣ «привратницей,» потому что хотѣла оставаться непремѣнно при монастырскихъ воротахъ, не смотря на всѣ усилія монаховъ помѣстить ее въ главномъ соборѣ. Тутъ мы совершили обычное поклоненіе и затѣмъ уже отправились въ пріемный покой, гдѣ ожидали насъ власти монастырскія. Вошли мы въ чертоги, какихъ я еще не видывалъ на Афонѣ: потолки съ рѣзными орнаментами, на стѣнахъ дорогія гравюры, на полахъ дорогіе ковры; все отзывается роскошью и желаньемъ жить на широкую ногу. На диванахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣли старцы въ атласныхъ и бархатныхъ рясахъ, съ янтарными четками. При входѣ нашемъ они прошептали свое неизмѣнное «милости просимъ», и усадили на почетныя мѣста. Началось угощенье. По знаку старшаго эпитропа, явилась толпа монаховъ съ серебряными подносами, а на подносахъ вина и сласти разныя. «Да гдѣ-же это мы?..» подумалъ я, глядя на такую роскошь.

— Вотъ какъ мы живемъ! съ улыбкой произнесъ одинъ изъ старцевъ, замѣтивъ мое удивленіе.

— Да, признаюсь, не ожидалъ видѣть на Афонѣ такой роскоши,— отвѣтилъ я.

— Такъ знайте же, что здѣсь не киновія, а Иверъ, монастырь штатный. У насъ вы отдохнете; мы васъ пріютимъ и успокоимъ...

— Мы любимъ русскихъ, замѣтилъ другой: — въ Москвѣ наша икона.

— А вотъ мы сейчасъ поужинаемъ, да и спать ляжемъ, положительно сказалъ молчавшій до сихъ поръ старецъ, чтобы дать разговору другой оборотъ. Намъ, старикамъ, покой нуженъ, да и вамъ съ дороги не мѣшаетъ.

Мы конечно согласились съ нимъ.

Въ сосѣдней компатѣ былъ накрытъ столъ, за которымъ и усѣлись мы со всѣми властями. Блюдъ подавали множество; казалось, афонскіе повара-монахи нарочно рѣшились пощеголять передъ нами своимъ искусствомъ. Тутъ были и супы разные, и жаркія изъ мяса *), и фрукты, и соусы, вина вдоволь. Во все время стола шли оживленные разговоры о монастырскихъ имѣніяхъ и урожаѣ пшеницы и маслинъ, и ни слова объ искушеніяхъ и видѣніяхъ афонскихъ, точно дѣло происходило въ мірѣ, а не на св. горѣ. Затѣмъ старцы простились съ нами и одинъ изъ братіи повелъ насъ въ странно-

*) По снисхожденію къ слабости старческой, въ штатныхъ монастыряхъ разрѣшено вкушеніе мяса.

пріимные покои, гдѣ въ наше распоряженіе были отданы пять комнатъ съ отдѣльной домашней церковью. Въ комнатахъ тоже прилично и чисто, покрайней мѣрѣ снаружи, даже блохъ меньше, чѣмъ въ другихъ монастыряхъ. Здѣсь я нашелъ отца Лукіана, занятаго переборкой нашихъ вещей.

— Что, разговѣлись? спросилъ онъ, лукаво поглядывая на меня.

— Разговѣлся.

— Эко вамъ теперь раздолье, какъ погляжу! Словно сыръ въ маслѣ кататься будете... Глядите, однихъ подушекъ-то сколько натащили вамъ; спите себѣ въ сласть.

— А вы-то какъ же?

— Обо мнѣ не заботьтесь. Нашему брату доску подъ бокъ да камень подъ голову — вотъ и кровать готова. Скучно только жить будетъ: порядку никакого, никто ничего не знаетъ, всѣ врозь глядятъ, искушеніе! Ну да Богъ съ ними! Давайте-ка спать лучше; вонъ ужъ и птички ваши запѣли.

— Это вы все насчетъ пѣтуховъ?

— Да какая же другая птица теперь пѣть будетъ?.. Благословите! Пойду спать.

— Богъ благословитъ.

Но отецъ Лукіанъ спать не пошелъ, а заперся въ церкви читать полунощницу да канонъ править. А я сѣлъ къ окну и старался привесть въ порядокъ это множество новыхъ впечатлѣній. Такая роскошь, монахи въ шелку да въ бархатѣ, мясная пища, пѣсни работниковъ... неужели все это происходитъ на Афонѣ, суровомъ и строго цѣломудренномъ? Если такъ пойдетъ дальше, то ничего еще: жить можно...

Но все это продолжалось только въ первые дни нашего пребыванія въ Иверѣ, когда старцы видимо хотѣли пощеголять передъ нами своимъ богатствомъ. Впослѣдствіи насъ оставили въ покоѣ и дни за днями пошли обычнымъ афонскимъ чередомъ съ своимъ утомительнымъ, мертвящимъ однообразіемъ, а въ обѣдахъ нашихъ съ каждымъ днемъ появлялось нѣчто изъ прошлаго: святогорская травка входила въ свои права.

Роскошь и свобода жизни штатныхъ монастырей рѣзко бросаются въ глаза послѣ той строгости устава, какой мы видѣли въ киновіяхъ афонскихъ. Тамъ полное отреченіе отъ своей воли и безусловное подчиненіе игумену, а здѣсь, наротивъ, дѣло спасенья предоставлено на волю спасающагося, и потому каждый живетъ, какъ ему совѣсть позволитъ, имѣетъ деньги, ѣстъ и пьетъ что хочетъ, одѣвается по желанію и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ его дѣла. Такое измѣненіе устава сдѣлано по снисхожденію къ немощи человѣческой, по которой не всякій монахъ можетъ выносить жизнь киновіатскую или скитскую, а между тѣмъ всякому спастись хочется; и вотъ въ штатномъ монастырѣ монахи спасаются, вѣря въ силу мѣстнаго преданья, что Богъ спасетъ ихъ за то только, что они живутъ на Афонѣ, а не въ мірѣ. Законы монашества о формѣ костюма и внѣшняго образа жизни, конечно, и здѣсь сохраняютъ свою силу, но въ жизни келейной монахъ никому не даетъ отчета.

Игумена въ штатныхъ монастыряхъ не бываетъ (кромѣ Хиландарскаго монастыря, гдѣ должность игумена, по выбору братіи, правитъ икона Божіей матери троеручицы). Власть монастырскую составляютъ, такъ называемые, *проэстосы*, то есть, старцы болѣе или менѣе зажиточные и помогавшіе какимъ бы то ни было образомъ обогащенію монастыря (сборщики, вкладчики капитала и т. п.). Эти старцы образуютъ домашній синодъ и собща разсуждаютъ о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ монастыря. Они ежегодно избираютъ изъ среды своей эпитропа (повѣреннаго), которому поручаютъ наблюдать за порядкомъ въ церкви и трапезѣ. Проэстосы и эпитропъ составляютъ свой особый замкнутый кружокъ, нѣчто въ родѣ монастырской аристократіи, и на остальную братію смотрятъ они свысока, какъ и слѣдуетъ истымъ аристократамъ.

Натянутыя отношенія между проэстосами и братіею замѣтны съ перваго взгляда. Проэстоса сразу можно отличить отъ остальныхъ монаховъ по богатству его одежды, гордому взгляду и барской походкѣ; все остальное раболѣпно кланяется ему и будто за честь считаетъ вступить съ нимъ въ разговоры. При полной свободѣ устава монастырскаго странно видѣть такое раболѣпіе, но въ этомъ раболѣпіи выражается или простое смиреніе слабости передъ силой, или грѣшное желаніе умилостивить эту гордую силу въ надеждѣ на какія-то далекія выгоды. Нѣкоторые монахи живутъ въ штатныхъ монастыряхъ только ради свободы ихъ устава, не имѣя

при этомъ никакихъ корыстолюбивыхъ и тщеславныхъ цѣлей. Они стараются никого не затрогивать, не выдаваться изъ общаго уровня, и кланяются власти во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Но большинство монаховъ, вступивъ въ штатный монастырь, постоянно искушаются тщеславіемъ и мечтаютъ о санѣ проигумена и обществѣ проэстосовъ, какъ о конечной цѣли своего счастья. Такой монахъ иной разъ всю жизнь унижается передъ проэстосами, заискиваетъ ихъ расположенія, и усердно копитъ деньги. Прежде всего онъ старается получить санъ іеромонаха, потомъ начинаетъ понемногу сближаться съ проэстосами, угощаетъ ихъ вмѣстѣ и порознь, и когда замѣтитъ, что заслужилъ ихъ благосклонность, жертвуетъ въ пользу монастыря отъ 10 до 20 тысячъ піастровъ (500 — 1000 рублей). Въ благодарность за такую жертву, проэстосы принимаютъ его въ свой кружокъ и посвящаютъ его въ санъ эпитропа, какъ благодѣтеля монастырскаго. Посвященіе это происходитъ слѣдующимъ образомъ. За обѣдней, въ присутствіи всей братіи, на выбраннаго надѣваютъ архіерейскую мантію, даютъ ему въ руки жезлъ правленія и ставятъ на самое почетное мѣсто, гдѣ онъ вслухъ прочитываетъ «вѣрую» и «отче нашъ». Послѣ обѣдни выбранный устроиваетъ богатый обѣдъ для проэстосовъ, даритъ деньгами пѣвчихъ, поющихъ ему многія лѣта, даетъ милостыню бѣднѣйшимъ изъ братіи; словомъ, этотъ день становится праздникомъ для монастыря—вообще и для проэстосовъ—въ особенности. Съ этого дня новый проэстосъ круто перемѣняетъ свои отношенія къ остальной братіи, смотритъ на нихъ уже, какъ начальство Изъ всего этого видно, что только достаточный монахъ можетъ быть проэстосомъ; но не смотря на это, рѣдкій бѣднякъ въ монастырѣ не мечтаетъ объ жезлѣ и власти. Надѣется онъ конечно на случай и на помощь божію.

Званіе проэстоса заманчиво для братіи не только своимъ почетнымъ положеніемъ въ монастырѣ, но и тѣмъ особенно, что проэстосамъ предоставляется право ѣздить за сборомъ подаяній и управлять монастырскими землями внѣ Афона. Жизнь проэстоса привольная, барская; денегъ у него, по обыкновенію, много; столъ и обстановка хорошая, отъ братскихъ послушаній онъ свободенъ, прислуги множество, стоитъ только хлопнуть въ ладоши, и вмигъ явится предъ нимъ толпа иноковъ съ заискивающими взглядами: остается только взять на себя трудъ приказать. Монашескія

правила и каноны обязательны конечно и для проэстоса, но онъ ходитъ въ церковь, когда ему охота придетъ, и большею частью заставляетъ кого нибудь у себя на квартирѣ прочитывать вслухъ службы церковныя, а самъ сидитъ въ это время на диванѣ. Очень естественно, что при такомъ образѣ жизни у многихъ проэстосовъ развивается лѣнь непомѣрная, надъ которою лукаво подсмѣиваются киновіаты. Сказывали мнѣ, что многіе изъ проэстосовъ только въ томъ и проводятъ время, что лежатъ на диванѣ съ чубукомъ во рту *), Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ наполняется день проэстоса, испытываетъ ли онъ какія искушенія — это неизвѣстно. Какъ ни войдешь къ нему, онъ или спитъ, или сидитъ у окна съ трубкой. Разговоры его касаются чаще всего политики монастырской, да разныхъ афонскихъ скандальчиковъ, а въ богословскія пренія онъ не вдается. Афонъ кладетъ на проэстосовъ только тотъ отпечатокъ, что они сочувствуютъ всему, что касается св. горы, и увѣряютъ вмѣстѣ съ прочими, что ненавидятъ грѣшный міръ.

Въ каждомъ штатномъ монастырѣ множество наемной прислуги изъ окрестныхъ мірянъ, на обязанности которой лежатъ всѣ чорныя работы монастырскія. Если же работа требуетъ скораго окончанія, а рабочихъ рукъ не хватаетъ, то бѣдняки - монахи выходятъ изъ своихъ келій на общія послушанія и вмѣстѣ съ работниками таскаютъ кули и бревна. Къ каждому проэстосу, тоже въ видѣ послушанія, назначается для прислуги нѣсколько бѣднѣйшихъ и смиреннѣйшихъ братій, которые часто съ радостью принимаютъ эту должность, потому что пользуются даровымъ столомъ и даже иногда барскими подарками, какъ и вообще дворовая прислуга. Впрочемъ, кто не хочетъ нести тягостей послушанія, тотъ можетъ отъ нихъ откупиться; поэтому монахи, располагающіе средствами, или нанимаютъ, вмѣсто себя, каждый разъ какого нибудь келіота, или вносятъ въ монастырскую кассу опредѣленное число піастровъ и такимъ образомъ навсегда избавляются отъ обязанности участвовать въ братскихъ послушаніяхъ.

Каждый монахъ получаетъ изъ общихъ запасовъ монастырскихъ:

---

*) Во всѣхъ штатныхъ монастыряхъ, кромѣ Иверскаго, разрѣшено курить табакъ.

печеный хлѣбъ, оливковое масло, вино и крупу, и изъ этого матеріала готовитъ себѣ кушанье въ своей кельѣ, прибавляя разныя приправы уже на свой собственный счетъ, такъ же, какъ это дѣлается и въ скитахъ афонскихъ. Поэтому-то зданіе братской трапезы въ штатныхъ монастыряхъ обыкновенно запущено и оставляется безъ присмотра: полы грязные, столы опрокинуты, кромѣ нѣсколькихъ столовъ, на которыхъ совершаютъ свой ежедневный обѣдъ наемные работники и гости. Общій столъ для всей братіи и проэстосовъ бываетъ только два или три раза въ годъ, и то болѣе для формы, потому что сходятся обѣдать, большею частью уже пообѣдавши дома. Къ этимъ днямъ проэстосы обыкновенно припасаютъ нѣсколько провинившихся братій, и за трапезой въ видѣ наказанія, ставятъ ихъ передъ образомъ съ огромными тяжелыми четками, которыя они собща перебираютъ. Братія конечно съ любопытствомъ поглядываетъ на это рѣдкое для нея зрѣлище и назидается.

Таковъ складъ и устройство штатныхъ монастырей на Афонѣ. Очевидно, что здѣсь главную роль играютъ деньги, господствуетъ деспотизмъ богатства надъ бѣдностью, и бѣдняку подчасъ приходится очень плохо, особенно если, по простотѣ душевной, онъ не умѣетъ хитрить и обзаводиться богатыми покровителями. На долю его выпадаетъ много искушеній, только эти искушенія опять-таки особаго рода. Житель штатнаго монастыря пожалуй не увидитъ никакихъ видѣній, не будетъ томиться *искушеніемъ чрева*, то есть, голодомъ, но за то его зависть загрызетъ, измучатъ думы объ улучшеніи своего состоянія. Въ киновіяхъ, при общемъ равенствѣ и неимѣніи собственности, подобныхъ искушеній быть не можетъ, но здѣсь бѣднякъ всегда видитъ передъ собой богатаго, можетъ сличить обѣдъ собственный съ обѣдомъ сосѣда и позавидовать. Притомъ бѣднякъ, если только въ немъ еще не совсѣмъ угасло чувство самоуваженія, съ трудомъ можетъ выносить то обидное презрѣніе, съ какимъ смотритъ на него богатый. Будь онъ умница, будь онъ даже сановникъ какой, но если онъ не имѣетъ капитала, ему ходу не дадутъ: его будутъ выгонять на разныя послушанія, придираться къ его поведенію, чтобы заставить протянуть четки въ трапезѣ и т. п. Бѣдняку остается или вѣчными поклонами заискивать покровительства, или терпѣливо переносить всѣ придирки. Въ одномъ изъ штатныхъ монастырей живетъ бывшій епископъ Селеврійскій, сосланный на Афонъ

патріархомъ, за его неумѣнье управлять епархіей *). Почтенный старецъ не накопилъ себѣ въ мірѣ богатства, и долженъ поэтому испытывать на Афонѣ всѣ неудобства своей нищеты. Ему отдаютъ монахи положенный церковнымъ уставомъ почетъ только, когда онъ служитъ обѣдню, а остальное время онъ и въ церкви стоитъ вмѣстѣ съ бѣднѣйшею братіею, и на него никто не обращаетъ вниманія. Помѣщеніе отвели ему сырое, холодное, грязное, мебель у него убогая, посуда битая, и среди такой неприглядной обстановки, съ вѣчной нуждой перебивается со дня на день добрый пастырь, всѣми забытый и всѣми презираемый за то, что не умѣлъ нажиться на такомъ хлѣбномъ мѣстѣ. Изрѣдка проэстосы приглашаютъ его на свои пиры, но тамъ надъ нимъ подшучиваютъ, угощаютъ его съ высокомѣріемъ, будто благодѣяніе дѣлаютъ, и бѣдный старикъ не знаетъ, какъ держать ему себя на этихъ обѣдахъ. За то однажды я былъ свидѣтелемъ встрѣчи, какую учинили монахи сборщику, возвратившемуся изъ Россіи съ капиталами. Всѣ монастырскія власти, при колокольномъ звонѣ, вышли встрѣчать его за ворота, потомъ торжественно ввели его въ церковь и тутъ же предложили ему жезлъ эпитропскій.

Не смотря на такое корыстолюбіе и, повидимому, немонашескіе помыслы братіи, въ штатныхъ монастыряхъ иногда встрѣчаются отшельники, замѣчательные строгостью жизни и религіознымъ самоотверженіемъ. Между прочимъ въ Иверѣ мнѣ пришлось видѣть знаменитаго здѣсь старца Григорія, на котораго весь Афонъ смотритъ, какъ на святителя. Онъ имѣлъ трехъ учениковъ, которые пострадали за вѣру христову въ Константинополѣ и греческою церковью причислены къ числу мѣстныхъ святыхъ, подъ именемъ *новыхъ мучениковъ*. Объ этихъ мученикахъ я слышалъ на Афонѣ множество разсказовъ, и сущность ихъ вкратцѣ передаю здѣсь (**). Въ бытность свою въ Солунѣ, о. Григорій встрѣтилъ четырехъ юношей, увлеченныхъ въ малолѣтствѣ въ магометанство, но потомъ

*) Этому епископу приказано было доставлять патріарху ежегодный сборъ съ епархіи на сумму не менѣе 50 т. піастровъ, но онъ, зная бѣдность своей паствы, донесъ патріарху, что не можетъ собрать такой суммы, за что былъ немедленно лишенъ престола и сосланъ на Афонъ. На мѣсто его назначили другого, который нашелъ возможность сбирать ежегодно съ епархіи вдвое болѣе требуемой суммы.

(**) Въ жизнеописаніи новыхъ мучениковъ дѣло разсказано нѣсколько иначе, но я передаю его такъ, какъ слышалъ.

снова обратившихся ко Христу. Строгій старецъ сошелся съ ними, испыталъ степень ихъ вѣры, и сталъ проповѣдывать имъ общее на востокѣ повѣрье, что они только мученичествомъ могутъ загладить предъ богомъ свой прежній грѣхъ, и что иначе имъ нѣтъ спасенья. Видя нерѣшительность молодыхъ людей, старецъ взялъ ихъ съ собою на Афонъ и рѣшился, во что бы то ни стало, приготовить ихъ къ мученичеству. Здѣсь, въ глубокомъ подземельи, устроилъ онъ четыре отдѣльныя кельи и посадилъ туда юношей на строгій постъ. Шесть недѣль провели они въ этихъ кельяхъ, дни и ночи размышляя о смерти и читая покаянныя молитвы; старецъ самъ поучалъ ихъ, испытывалъ ихъ терпѣніе и настроивалъ ихъ мысли къ мученичеству. Наконецъ затворники, убѣдившись въ необходимости смерти, изъявили твердую рѣшимость пострадать за Христа. Обрадованный старецъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Константинополь и разными происками доставилъ имъ доступъ къ султану. Юноши предстали предъ свѣтлыя очи повелителя правовѣрныхъ и, движимые ревностью къ православію, начали проклинать Магомета и топтать ногами коранъ его. Султанъ конечно оскорбился и приказалъ заключить ихъ въ тюрьму, а потомъ казнить смертью. Григорій и въ тюрьмѣ не оставлялъ ихъ, опасаясь, чтобы ихъ рѣшимость не поколебалась. Въ день казни одинъ изъ юношей отказался отъ православія, а тремъ остальнымъ срубили головы. Старецъ купилъ тѣла ихъ и съ честью перевесъ на Афонъ, гдѣ и похоронилъ близь своей кельи въ скиту Іоанна Предтечи.

— А мощи ихъ открыты? спрашивалъ я разсказчика.

— Какъ же.

Въ штатныхъ монастыряхъ нѣтъ той мертвой неподвижности и замкнутости, какая бываетъ въ киновіяхъ; здѣсь больше жизни и движенья. Передъ воротами монастырскими, на площадкѣ, здѣсь обыкновенно устраивается большая бесѣдка, для вечернихъ отдыховъ и прохлажденія братіи. Къ этой бесѣдкѣ иногда пріѣзжаютъ карейскіе купцы съ товарами и, развѣсивъ по периламъ разно-

цвѣтныя матеріи, начинаютъ торгъ. Монахи по этому случаю цѣлый день толпятся около бесѣдки. Имущая братія запасается обновами, а неимущая просто глазѣетъ на товары, замѣчая, кто и что себѣ покупаетъ, и это потомъ служитъ предметомъ долгихъ разговоровъ. По праздникамъ окрестности штатныхъ монастырей особенно оживляются и принимаютъ слишкомъ мірской оттѣнокъ. Мірскіе работники, пользуясь отдыхомъ, собираются гдѣ нибудь на лужайкѣ и громко распѣваютъ пѣсни, или, подъ звуки доморощенной балалайки, пускаются въ плясовую, на потѣху братіи, наблюдающей за ходомъ праздника.

Въ Иверскомъ монастырѣ я былъ свидѣтелемъ обряда, совершаемаго тамъ въ праздникъ крещенія. Въ этотъ день монахи съ крестнымъ ходомъ выносятъ къ морю икону Богоматери, въ память ея чудеснаго плаванія (*), и совершаютъ тамъ литію, во все время шествія бьютъ въ била и клепала и трезвонятъ въ колокола, а работники, разсыпавшись по прибрежью, привѣтствуютъ икону ружейными выстрѣлами. На берегу одинъ изъ служащихъ іеромонаховъ подходитъ къ самому морю и бросаетъ въ волны его небольшой металлическій крестъ. Работники только этого и ждутъ: вслѣдъ за крестомъ, крича и толкаясь, они тоже бросаются въ воду отыскивать этотъ крестъ, имѣя въ виду, что нашедшему монастырь даетъ въ награду 20 піастровъ (1 рубль серебромъ). По окончаніи литіи, процессія тѣмъ же порядкомъ отправляется обратно къ монастырю, а работники иной разъ до поздняго вечера купаются въ морѣ, пока наконецъ кто нибудь изъ нихъ не отыщетъ креста. Волны сшибаютъ ихъ съ ногъ и разбрасываютъ въ разныя стороны, зимній холодъ пронизываетъ ихъ до костей, но удальцы упорно бьются съ этими препятствіями. Тутъ за рубль серебра идетъ рискъ, можетъ быть, на цѣлую жизнь, а монахи въ это время спокойно расхаживаются по прибрежью и подсмѣиваются надъ неловкостью удальцовъ. За годъ до этого, говорятъ, одному изъ работниковъ посчастливилось найти крестъ очень скоро, но другіе тутъ же бросились отнимать у него находку, и въ этой схваткѣ утопили счастливца. За то теперь, если кто найдетъ крестъ, то уже

---

*) Эта икона, по преданію афонскому, приплыла къ Иверу изъ Анатоліи. Приплыла она стоймя и вынута изъ воды инокомъ Гавріиломъ, которому передъ этимъ было сонное видѣніе.

не объявляетъ товарищамъ о своей находкѣ, а торопится скорѣе вылезть изъ воды и доѣжать до проэстосовъ... Откуда появился на Афонѣ этотъ странный обычай — неизвѣстно.

VIII.

Промыслы и торговля.

Міряне, пріѣзжающіе на Афонъ, для постриженія въ штатныхъ монастыряхъ, обыкновенно привозятъ съ собою значительные капиталы и живутъ, какъ мы видѣли, въ полномъ довольствѣ. Другіе заблаговременно обзаводятся въ мірѣ разными богатыми благодѣтелями и живутъ на ихъ счетъ, пока не оскудѣетъ этотъ источникъ. Нищіе примазываются къ какой нибудь общинѣ и тоже обезпечены. Но небогатые жители штатныхъ монастырей и особенно бѣдняки келіоты, неимѣющіе никакихъ благодѣтелей, должны жить на свой собственный счетъ и снискивать себѣ пропитаніе работой. Конечно, отшельнику келіоту требуется немногое: ходитъ онъ въ рубищѣ, такъ что единственная одежда можетъ хватить ему чуть не на цѣлую жизнь, для стола ему нуженъ только кусокъ хлѣба, да кружка воды и только изрѣдка развѣ фрукты да какая нибудь приправа къ супу; но все-таки если отшельникъ не захочетъ ходить по монастырямъ и просить милостыни, то долженъ заработывать копейку. Притомъ всѣ келіоты обязаны вносить ежегодно опредѣленную подать агѣ и ближайшему монастырю, а эта подать довольно значительна. И вотъ отшельникъ или нанимается къ богатому монаху въ работники, или у себя въ кельѣ занимается какимъ нибудь рукодѣльемъ.

Добытыя въ мірѣ ремесла и знанія (кромѣ научныхъ) на Афонѣ не пропадаютъ даромъ, и всѣ—башмачники, портные, печники и столяры остаются при тѣхъ же званіяхъ и въ монашествѣ. Афонъ строится, одѣвается и обувается своими мануфактурными трудами,

и такимъ образомъ мелкая торговая промышленность кипитъ во всѣхъ уголкахъ горы, приготовляя все нужное на потребу братіи. Но ремесла мірскія здѣсь не такъ выгодны, какъ выдѣлка вещей, которыя составляютъ исключительное производство Афона и сбываются многолюднымъ поклонникамъ его. Къ издѣліямъ такого рода принадлежатъ кресты, четки, иконы и другія вещи, въ огромномъ количествѣ закупаемыя пріѣзжими богомольцами. Поэтому-то большинство афонскихъ тружениковъ, кромѣ другихъ работъ, занимаются и этимъ ремесломъ. Они рѣжутъ изъ дерева или изъ единороговой кости разной величины кресты, съ мелкими изображеніями на нихъ священныхъ событій. Рѣжутъ небольшія, выпуклыя иконы; рѣжутъ наконецъ деревянныя ложки съ благословляющей рукой, и, надо сознаться, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ отличаются изумительною тонкостью, и много говорятъ о громадномъ терпѣніи монашескомъ. Есть артисты, что содержатъ мастерскія и занимаются рѣзьбою въ большихъ размѣрахъ; они рѣжутъ цѣлые иконостасы съ затѣйливыми орнаментами и заправляютъ рѣзными работами при отдѣлкѣ монастырскихъ зданій. Нѣкоторые монахи, чтобы не утомлять себя копотливой работой, заказываютъ металлическія формы и, размягчивъ въ кипяткѣ единороговую кость, оттискиваютъ на ней иконы. Такой работой занимаются преимущественно русскіе. Прибрежные келіоты ходятъ по берегу моря и собираютъ выброшенныя водой мелкія раковины. Эти раковины они потомъ нанизываютъ на проволоку и такимъ образомъ составляютъ разнокалиберныя четки. Четки изъ раковинъ самими монахами не употребляются для молитвъ, потому что послѣ долгой молитвы отъ нихъ болятъ пальцы, но эти четки, болѣе нежели другія издѣлія Афона, нравятся богомольцамъ и покупаются ими нарасхватъ. Для четокъ еще употребляются такъ называемыя «слезки Богоматери» (*), особенное огородное растеніе, имѣющее твердыя, круглыя сѣмена, которыя тоже нанизываютъ на проволоку.

Есть еще на Афонѣ особый родъ промысла, на который впрочемъ не всякій рѣшается. Это добываніе неувядаемыхъ «цвѣтовъ богородицы» (**), растущихъ на обрывистыхъ и неприступныхъ высяхъ

(*) Нѣсколько разъ спрашивалъ я у монаховъ, почему это растеніе называется слезками Богоматери, и всякій разъ слышалъ новую исторію.

(**) Цвѣтокъ богоматери, похожій на маленькую розу, принадлежитъ къ породѣ иммортелей и имѣетъ медовый запахъ. Про этотъ цвѣтокъ тоже ходитъ на Афонѣ много легендъ.

горы. Главная вершина Афона, полая, бѣломраморная, выдается высокой остроконечной пирамидой, темя которой составляетъ площадку, не болѣе какъ въ четыре квадратныя сажени. Отъ этой площадки идутъ крутые обрывы внизъ, особенно съ сѣверной стороны, гдѣ обрывъ составляетъ почти отвѣсную стѣну въ 300 саженъ, приблизительно. По этимъ-то страшнымъ обрывамъ, изъ мелкихъ скважинъ мрамора пробивается неувядаемый цвѣтъ. Собираютъ этотъ цвѣтъ для продажи бѣднѣйшіе келіоты, которымъ смертъ нестрашна. Ходятъ они обыкновенно партіями въ нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ карабкаются по обрывамъ, помогая другъ другу спускаться и висѣть надъ пропастью на веревкахъ. Вѣря, что безъ воли божіей смерти не будетъ, промышленники дѣлаютъ отважные подвиги: спрыгиваютъ на камни, которые едва держатся надъ бездной, цѣпляются за сухія корни и т. п. Многое сходитъ имъ съ рукъ благополучно, но иногда отъ неосторожности, или излишней самонадѣянности, бѣднякъ обрывается и вмѣстѣ съ добычею изчезаетъ въ пропасти. Въ бытность мою на Афонѣ было три несчастныхъ случая, изъ которыхъ послѣдній впрочемъ неожиданно превратился въ чудо. Одинъ изъ келіотовъ улетѣлъ въ сѣверный обрывъ, и отъ него потомъ нашли только кисть руки да камилавку; другой въ глазахъ товарищей на лету наткнулся на острый выдавшійся камень, такъ что даже не было возможности снять оттуда трупъ несчастнаго, и онъ долго торчалъ у всѣхъ на виду, какъ знакъ предосторожности для прочихъ смѣльчаковъ. Третій долетѣлъ до самого дна пропасти и—живъ остался. Объ этомъ чудѣ я слышалъ съ одинаковыми подробностями отъ многихъ афонцевъ, которые сами дивились ему. Инокъ этотъ, родомъ болгаринъ, съ двумя товарищами собиралъ цвѣты около самой вершины горы и, какъ то поскользнувшись на гладкомъ камнѣ, потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ въ бездну. На лету онъ зацѣпился кушакомъ за выдавшійся камень и повисъ. Надежда оживила болгарина и онъ сталъ ногами отыскивать какую нибудь опору, чтобы потомъ спросить у товарищей веревку, но только что оперся, кушакъ соскочилъ и несчастный опять понесся. У самого дна онъ опять зацѣпился подоломъ рясы за кустарники и оттуда уже самъ спрыгнулъ на землю, причемъ отшибъ себѣ обѣ ноги. Между тѣмъ товарищи его, протянувъ, по обыкновенію, четки за упокой погибшаго, осторожно спустились на дно пропасти поискать его косточки и взять собран-

ные имъ цвѣты, чтобы не даромъ пропали, — смотрятъ, а онъ сидитъ себѣ подъ кустомъ, обезумѣвъ отъ страха. Теперь этотъ болгаринъ служитъ предметомъ всеобщаго удивленія на Афонѣ. Онъ самъ едва вѣритъ своему паденью и спасенью; но съ этихъ поръ уже закаялся собирать цвѣты.

Ежегодно нѣсколько монаховъ гибнетъ, охотясь за цвѣтами. Но эти поучительные примѣры не вразумляютъ смѣльчаковъ; слишкомъ спокойно смотрятъ они на эту гибель и неустрашимо карабкаются по тѣмъ самымъ обрывамъ, съ которыхъ не одна камилавка улетѣла въ пропасть. Даже цѣна на цвѣты, не смотря на трудности ихъ добыванья, очень невысока: пучекъ изъ 10 цвѣтковъ стоитъ всего 5 к. с.

Однажды, покупая цвѣты, я разговорился съ монахомъ, который уже болѣе десяти лѣтъ торгуетъ ими. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ передавалъ мнѣ смертные случаи многихъ своихъ знакомыхъ и только безпрестанно крестился за упокой ихъ.

— Какъ же вы-то не боитесь послѣ этого? спросилъ я его.

— Тутъ бояться нельзя, отвѣтилъ тотъ: — потому чуть сробѣешь и пропалъ. Надо помнить, что если безъ воли божіей волосъ съ головы не погибнетъ, то какъ же монаху пропасть можно? Умереть Богъ не допуститъ, коли есть непрощенные грѣхи. Вотъ болгаринъ не погибъ, хоть и свалился; значитъ ему не всѣ еще грѣхи прощены. Да и чѣмъ же жить намъ, какъ не цвѣтами? Десять лѣтъ ими только и кормлюсь.

— Значитъ привычка?

— Тутъ никогда не привыкнешъ, никогда не понадѣешься на себя. Вотъ старецъ мой двадцат лѣтъ собиралъ цвѣты, да все-таки сгибъ въ прошломъ году, а я, можетъ быть, въ нынѣшнемъ сгибну. Я впрочемъ не одинъ хожу. Коли провалюсь, узнаютъ — поминать станутъ, а больше мнѣ ничего ненадо.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, какого закала отшельники преимущественно занимаются сборовъ цвѣтовъ богородицы.

Главный сбытъ рукодѣлій монашескихъ производится по субботамъ въ Kapeѣ на тамошнемъ рынкѣ, и труженики тащутъ къ этому дню въ Карею все, что успѣли наработать и пособрать втечении недѣли.

Карея—небольшой монашескій городокъ, подобный которому едва ли гдѣ отыщется на бѣломъ свѣтѣ. Этотъ оригинальный городокъ живописно помѣстился на восточномъ склонѣ афонскаго хребта, высоко надъ моремъ и въ самомъ центрѣ монашескаго царства. Состоитъ онъ изъ разнокалиберныхъ домиковъ, принадлежащихъ монастырямъ и отдѣльнымъ монахамъ, и заселены эти домики или самими монахами, или отдаются въ наемъ пріѣзжимъ мірянамъ. Всѣхъ домиковъ насчитываютъ здѣсь до двухъ сотъ, и при нихъ находится 120 церквей православныхъ. Карея недаромъ называется столицей Афона: къ ней дѣйствительно монастыри относятся, какъ провинціальные города къ своей столицѣ. Каждый монастырь имѣетъ здѣсь свое подворье (кунакъ), гдѣ живутъ монастырскіе повѣренные и останавливаются гости и поклонники. Здѣсь помѣщается афонскій протатъ — высшее правительственное собраніе, управляющее внѣшними и внутренними дѣлами всего Афона, и живетъ представитель турецкой власти съ своей канцеляріей. Здѣсь находится единственная на Афонѣ монашеская школа, гостиный дворъ и наконецъ главная тюрьма— высокая грязная башня, куда сажаютъ монаховъ за важныя преступленія.

Построена Карея на манеръ всѣхъ вообще восточныхъ городовъ. Дома сжаты въ кучу и лѣпятся другъ на друга; между ними проложены узкія, кривыя улицы съ канавкой по рединѣ, для стока нечистотъ; по улицамъ съ обѣихъ сторонъ устроены лавки, прикрытые сверху деревянными навѣсами, чтобы солнце не пекло, и въ этихъ лавкахъ заѣзжіе купцы продаютъ разные привозные товары. Тутъ, конечно, въ тридорога можно найдти все нужное для монашества— и разныя ткацкія матеріи, и съѣстные продукты, и рабочіе матеріалы, свѣчи, бумагу и даже душеспасительныя книги. Характеръ Кареи чисто коммерческій, городской; мірскіе купцы придаютъ ей замѣтный мірской оттѣнокъ, и потому въ ней, кромѣ должностныхъ лицъ, живутъ постоянно только монахи-спеціалисты по торговой части и разные ремесленники, а остальные монахи бываютъ проѣздомъ и, справивъ что нужно, торопливо уѣзжаютъ восвояси. Киновіаты и строгіе аскеты очень не жалуютъ Карею и, во избѣжаніе соблазновъ

грѣховныхъ, стараются бывать въ ней какъ можно рѣже. Жители штатныхъ монастырей и богатые келіоты напротивъ къ ней благосклонны и считаютъ поѣздку туда лучшимъ развлеченьемъ.

По субботамъ, въ базарные дни, на главной улицѣ Кареи ставится рядъ столовъ и на нихъ монахи грудами наваливаютъ кресты, четки, иконы и другія произведенія Афона. Городокъ оживляется, монашество толкается между столами, снуютъ пріѣзжіе поклонники, но все-таки продающихъ больше, чѣмъ покупающихъ. Между народомъ также порой пробиваются увѣчные и слабые келіоты, прося милостыню. Замѣчательно, что на этихъ базарахъ не слышно ни криковъ, ни шумнаго спора, все какъ-то обходится тихо и мирно: продавцы никому не навязываютъ своихъ издѣлій, а смиренно стоятъ у столовъ, опустивъ головы, и ждутъ кого пошлетъ имъ Господь. Купятъ рукодѣлье — келіотъ на вырученные деньги тутъ же покупаетъ себѣ съѣстные припасы на цѣлую недѣлю и матеріалы для дальнѣйшихъ работъ; не купятъ — молча сваливаетъ свой товаръ въ торбу и тащитъ его въ свою келью до слѣдующей субботы. Если народу мало въ Кареѣ, то на базарѣ полная тишина, и продавцы, стоя за столами, правятъ часы и тянутъ на четкахъ каноны. Три раза въ годъ—въ рождество, пасху и успенье въ Кареѣ бываетъ ярмарка. Къ этимъ днямъ изъ Солуня привозятъ на Афонъ большіе тюки съ товарами, и игумены монастырскіе закупаютъ для братіи матеріи и кожу, изъ которыхъ потомъ они шьютъ себѣ рясы и обувь.

Такъ какъ Карея не монастырь, то для нея сдѣланы нѣкоторыя послабленія афонскаго устава: на улицахъ свободно курятъ табакъ и продаютъ мясо, для чего нарочно устроены бойни барановъ. Со всѣхъ окрестностей свозятъ сюда пѣтуховъ, и пѣнье ихъ день и ночь раздается надъ Кареей. Замѣчательно, что безъ курицъ пѣтухи живутъ между собою очень дружно, вмѣстѣ прогуливаются и сидятъ на жердяхъ и огородахъ, заливаясь по очереди пѣснями, а если и дерутся, то очень рѣдко. На пѣтуховъ огромный вопросъ въ монастыри штатные и нѣкоторыя кельи *), и не разъ случалось мнѣ видѣть старцевъ, возвращающихся изъ Кареи съ пѣтухами подъ

*) Мясная пища строго запрещена въ Киновіяхъ и скитахъ афонскихъ. Жители же штатныхъ монастырей и богатые келіоты, смотря по достаткамъ, вкушаютъ и мясо. Афонъ смотритъ на это снисходительно.

мышкой. Тутъ же идетъ оживленная торговля котами, на страхъ крысамъ святогорскимъ.

Любилъ я Карею; въ ней есть что-то заманчивое, житейское, и въ то же время оригинальное. По улицамъ ея носится ароматическій запахъ табаку; лавки большею частью сквозныя, такъ что весь товаръ на лицо; сами хозяева сидятъ тутъ же, поджавъ ноги, и работаютъ: кто шьетъ, кто пилитъ, кто точитъ, изрѣдка только приподнимая голову и раскланиваясь съ знакомыми монахами. А монахи снуютъ по Кареѣ, переходя отъ лавки къ лавкѣ, то къ одному купцу присядутъ потолковать, то къ другому, и все это какъ-то мирно, тихо, по семейному. Въ переднемъ углу устроена лавочка живописца Пахомія, и самъ онъ всегда на лицо при своей лавочкѣ. Передъ нимъ кучами разложены печатныя изображенія Богородицы и разныхъ святыхъ; тутъ же стоятъ шкалики съ красною и желтою краской, и съ необыкновеннымъ проворствомъ смазываетъ Пахомій этими красками одежду и сіянье. Часто, бесѣдуя съ прохожими, онъ вовсе не глядитъ на работу, но привычная рука сама исполняетъ свое дѣло; иногда, конечно, мимоходомъ смажетъ она кое-что и лишнее, но Пахомій хорошо знаетъ невзыскательность своихъ покупателей и не унываетъ. Противъ него стоитъ башмачная лавка о. Исаіи, чеботаря, и самъ старикъ тутъ же сидитъ съ дратвой и шиломъ. Лавка его какъ-то бокомъ выдвинулась на главную улицу и потому рѣдкій монахъ не зайдетъ въ нее побесѣдовать. О. Исаія говорунъ большой руки, особенно если дѣло коснется похода Наполеона на Россію (онъ малороссъ). Сорокъ три года живетъ онъ въ Кареѣ, знаетъ всѣ окрестныя тайны и за свое покровительство русскимъ монахамъ и поклонникамъ прослылъ по всему Афону за русскаго консула. Любятъ о. Исаію монахи за его откровенную словоохотливость и издалека приходятъ къ нему за совѣтами и свѣжими новостями. Зайдешь, бывало, къ нему,—старикъ обрадуется, посадитъ на табуретъ и начнетъ сообщать, по секрету, что о. Паисія посадили на хлѣбъ, на воду за непослушаніе, что Геронтій вчера убѣжалъ куда-то изъ монастыря, а Ипатій себѣ рясу новую шьетъ. Изъ лавочки о. Исаіи вся Карея на виду; сидимъ себѣ, да наблюдаемъ за ходомъ торговли монашеской. Вотъ на разукрашенномъ мулѣ ѣдетъ гордый проэстосъ покупать себѣ шелку на рясу, за нимъ пробирается келіотъ-бѣдняга, промышляющій больше насчетъ съѣстного. Изъ-за угла, на средину улицы, выходитъ глашатай и

кричитъ на всю Карею, что такой-то капитанъ корабля завтра уѣзжаетъ въ Солунь и приглашаетъ желающихъ отправиться съ нимъ. Самъ капитанъ стоитъ тутъ же и ждетъ этихъ желающихъ для заключенія условій. Потомъ глашатай кричитъ, что такому-то келіоту денегъ въ долгъ повѣрять не слѣдуетъ, ибо онъ совсѣмъ промотался. Слушаютъ монахи эти вѣсти и потомъ разносятъ ихъ по всему Афону. — Вдали толпа разступается и по улицѣ важно проходитъ ага турецкій въ сопровожденіи слуги, который несетъ за нимъ длинный чубукъ и кисетъ съ табакомъ, а о. Исаій въ это время шепчетъ мнѣ, какъ ага былъ въ плѣну въ Россіи и два года таскалъ камни для кіевскихъ укрѣпленій. Но вотъ въ протатскомъ соборѣ зазвучалъ благовѣстъ къ вечернѣ. Карея зашевелилась, засуетилась, лавки торопливо закрываются, столы прячутся, и народъ дружно повалилъ въ церковь. Быстро затихъ городокъ и только одни угрюмые сардары (наемные полиціанты) мѣрно расхаживаютъ по опустѣвшимъ улицамъ его.

И такъ мирно, среди вѣчной работы, день за днемъ переживаетъ Карея. Мастера монахи понемногу заработываютъ денежки и строятъ новыя кельи и церкви, которыя потомъ отдаютъ въ наймы желающимъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку домиковъ и получаютъ съ нихъ значительный доходъ. Жизнь такихъ монаховъ проходитъ въ полномъ раздольи, и въ дѣлѣ спасенья они, какъ и жители штатныхъ монастырей, никому не даютъ отчета. Каждый зажиточный мастеръ имѣетъ при себѣ нѣсколькихъ учениковъ, которые помогаютъ ему въ работахъ, а по смерти хозяина пользуются его наслѣдствомъ и сами становятся мастерами. Многіе мастера, зная какое нибудь опредѣленное мастерство, не брезгаютъ и другими промыслами, если только они имъ подъ силу и приносятъ доходъ: такъ напримѣръ, часовыхъ дѣлъ мастеръ при случаѣ занимается переплетомъ книгъ, башмачникъ деньги въ ростъ отдаетъ и проч. Разъ какъ-то мнѣ понадобилось сшить себѣ дорожные брюки. Пріѣхавъ въ Карею, я спросилъ у монаховъ, нѣтъ ли тамъ мастера и по этой части?

— А вотъ понавѣдайтесь къ Панкратію, отвѣчали мнѣ: —онъ въ мірѣ портнымъ былъ, такъ можетъ не забылъ еще.

Я пошелъ. Въ небольшой темной келейкѣ, гдѣ-то на задахъ Кареи, отыскалъ я наконецъ Панкратія за шитьемъ рясы и объяснилъ ему свое дѣло. Панкратій выслушалъ меня и осмотрѣлъ внимательно съ ногъ до головы.

— Вамъ по французскому надо, или по турецки? спросилъ онъ.

— Конечно, лучше бы на европейскій манеръ.

— Что-жъ, это можно! И принялся снимать мѣрку.

Но тутъ я усумнился въ искусствѣ афонскаго портного:—сошьетъ онъ мнѣ, думаю, какое нибудь безобразіе, и спрашиваю: хорошо ли будетъ? Панкратій снисходительно усмѣхнулся и въ отвѣтъ на мои слова показалъ мнѣ большой и тщательно отдѣланный рисунокъ какого-то иконостаса.

— Вы вѣрно еще не знаете, что я за мастеръ, проговорилъ онъ самоувѣренно:—вотъ посмотрите-ка на мою работу—самъ дѣлалъ.

Я посмотрѣлъ, рисунокъ дѣйствительно оказался мастерскимъ.

— Что, хорошъ рисунокъ? спросилъ мастеръ.

— Хорошъ-то хорошъ, только я не понимаю, зачѣмъ вы показываете мнѣ этотъ рисунокъ?

— Странное дѣло! отвѣтилъ Панкратій: — ужъ если я такую мелкую работу могу справлять хорошо, такъ ваши-то брюки мнѣ ужъ нипочемъ!

Дѣлать нечего, надо было смириться предъ такимъ доказательствомъ и поручить Панкратію работу. Потомъ я еще болѣе убѣдился, что онъ мастеръ рисовать, а не шить.

Такіе образчики наивности не рѣдко приходилось встрѣчать между туземными ремесленниками.

Всѣ эти работы производятся внутри Афона и имѣютъ внутренній сбытъ. Что же касается до внѣшней торговли, то ею Афонъ занимается мало. Нѣкоторые монастыри продаютъ на заѣзжіе суда каштановые бревна и плоды, торгуютъ орѣхами и бѣлымъ мраморомъ, но все это сбывается въ незначительномъ количествѣ, потому что идетъ на собственную потребу. Притомъ Афонъ, по самой природѣ своей, вовсе не годится для внѣшней торговли. Онъ выдвинутъ далеко въ море на жертву всѣмъ вѣтрамъ, берега его высоки и обрывисты и нѣтъ ни одного залива, гдѣ бы можно было судамъ безопасно укрыться отъ бури. Пароходы, дѣлающіе рейсы къ Афону, зимою не имѣютъ здѣсь никакой постоянной пристани и пристаютъ то съ одной стороны горы, то съ другой, смотря потому, гдѣ можно пристать безопасно. Единственная пристань святогорская «Дафна», гдѣ помѣщена турецкая таможня, тоже не защищаетъ отъ вѣтра и волненья; въ нѣсколькихъ сотняхъ отъ берега здѣсь насчитываютъ до 70 саженъ глубины, такъ что вдали отъ берега стоять на якорѣ

невозможно, а близко подойти опасно. Поэтому втеченіи всей почти зимы вокругъ Афона не видно почти ни одного судна, и мірскіе капитаны, объѣзжая гору, стараются держаться какъ можно дальше отъ ея непривѣтливыхъ и опасныхъ береговъ. Самой природой Афонъ предназначенъ для царства монашескаго, отказавшагося отъ сношеній съ остальнымъ человѣчествомъ.

IX.

Состояніе наукъ на Афонѣ.

Еще въ то время, когда религіозные вопросы были въ силѣ, когда среди восточнаго монашества было много даровитыхъ ученыхъ и духовная литература процвѣтала, многіе міряне, постригаясь на Афонѣ, привозили съ собой изъ міра изрядныя количества рукописей, которыя по смерти владѣтелей поступали въ вѣчную собственность монастырей и скитовъ афонскихъ. Такимъ образомъ изъ этихъ пріобрѣтеній и мѣстныхъ литературныхъ трудовъ въ каждомъ монастырѣ и скитѣ образовались довольно значительныя библіотеки, которыя въ настоящее время составляютъ лучшее украшеніе Афона и его драгоцѣнность для науки. Въ этихъ библіотекахъ сохранилась на лицо вся ученость христіанской Византіи, есть много рѣдкихъ рукописей и дѣловыхъ актовъ, еще никогда небывшихъ въ печати, подробное изслѣдованіе которыхъ знакомитъ насъ съ бытомъ древнихъ грековъ и ихъ научнымъ складомъ *). Мы не будемъ здѣсь разбирать со-

*) Если бы собрать всѣ, хранящіяся на Афонѣ, книги въ одно помѣщеніе, то составилась бы библіотека, съ которой по богатству рукописей не сравнилась бы ни одна изъ европейскихъ библіотекъ. Большинство рукописей здѣсь конечно религіознаго содержанія, но между ними есть нѣсколько интересныхъ и еще неизвѣстныхъ міру изслѣдованій по части свѣтскихъ наукъ и искуствъ. Съ богатствомъ библіотекъ афонскихъ въ послѣднее время отчасти познакомили насъ архимандритъ Порфирій и г. Севастьяновъ.

держаніе и составъ рукописей, предоставивъ эту работу спеціалистамъ, а пока бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ относится къ этой учености современное намъ афонское монашество.

Послѣ погрома византійскаго, грečаская ученость начала быстро исчезать, энергія къ наукамъ ослабѣла, и въ этотъ періодъ рабства Греція не произвела ничего замѣчательнаго. Афонъ мало помалу сталъ наводняться невѣждами, которые смотрѣли на хранящіяся въ библіотекахъ книги, какъ на старый, безполезный хламъ, и придумывали, какое бы сдѣлать изъ него практическое употребленіе, болѣе выгодное. Употребленіе скоро нашлось, и множество древнѣйшихъ рукописей погибло безвозвратно. Монахи начали обрывками фоліантовъ заклѣивать разбитыя стекла въ окнахъ, употреблять ихъ на оклѣйку разныхъ вещей и на переплеты новыхъ книгъ. Часто, не находя въ рукописяхъ первыхъ листовъ, мы спрашивали библіотекарей, куда дѣвались эти листки, и получали наивный отвѣтъ, что ихъ вѣроятно *рыбы съѣли*. Оказалось, что какой-то счастливецъ рыболовъ открылъ, что пергаментъ рыба ѣстъ очень бойко и сталъ насаживать куски пергамента на удочку. Этимъ открытіемъ воспользовались почти всѣ рыболовы афонскіе и долгое время кормили рыбу учеными трудами Византіи; рыба пожирала пергаментъ, а монахи въ свою очередь съѣдали рыбу и только этимъ путемъ они проглатывали эллинскую ученость. Множество рукописей погибло при междоусобицахъ монастырскихъ, когда греки, завладѣвъ чьимъ нибудь монастыремъ, топили, жгли и закапывали въ землю его библіотеку, чтобы и слѣда не осталось отъ прежнихъ владѣтелей монастыря. Во время эллинскаго возстанія, отразившагося и на Афонѣ (о чемъ будетъ рѣчь впереди), монахи свои рукописи, вмѣсто пыжей, забивали въ ружья, или отдавали ихъ пудами заѣзжимъ иностранцамъ изъ-за куска хлѣба. Только въ послѣднее время, когда ученые путешественники съ жадностью стали кидаться на рукописи и предлагать за нихъ огромныя цѣны, афонцы смекнули наконецъ, что рукописи эти слѣдуетъ поберечь и завели даже библіотекарей, которыхъ, въ видѣ послушанія, обязали присматривать за путешественниками, чтобы они не воровали и не портили книгъ *). Сначала дивились отцы, почему

*) На первыхъ страницахъ рукописей обыкновенно пишется грозное проклятіе тѣмъ, кто осмѣлится похитить ихъ изъ монастыря. Не смотря на это, нѣкоторые археологи все-таки похищали книги, или вырѣзывали изъ нихъ картинки и замѣчательныя почему нибудь мѣста текста.

занимаетъ франковъ (европейцевъ) это старье, когда есть книги новыя, печатныя и въ красивыхъ переплетахъ; но потомъ на нихъ напалъ паническій страхъ, чтобы въ этомъ старьѣ не нашлось чего, бросающаго тѣнь на Грецію и даже на св. гору. Подъ вліяніемъ этого страха отцы, круто повернули дѣло въ другую сторону, и такъ запрятали свои древности, что теперь не всякій археологъ ихъ отыщетъ: пусть, дескать, никому не достанется...

Теперь въ большей части монастырей афонскихъ есть двѣ библіотеки: открытая и секретная. Въ первую впускаютъ всѣхъ желающихъ, но въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго: набраны для виду нѣсколько негодныхъ печатныхъ книгъ и рукописей, которыхъ не жалко, только чтобъ отдѣлаться отъ посторонняго любопытства. Въ секретную же библіотеку впускаютъ только довѣренныхъ лицъ, и то послѣ продолжительныхъ отнѣкиваній и отговорокъ, но за то здѣсь собраны всѣ книжныя богатства монастыря. Секретныя книгохранилища обыкновенно помѣщаются или въ подвалахъ, или въ сводахъ церковныхъ, и тамъ, за крѣпкими затворами, въ грязи и сырости, понемногу истлѣваетъ ученость древне-византійская. Мнѣ пришлось побывать въ этихъ секретныхъ библіотекахъ и подивиться той небрежности, съ какою монахи держатъ свои книги. Лишь только отворятся завѣтныя двери, какъ оттуда уже повѣетъ удушливою, могильною сыростью; внутри большею частью темно и, только приглядѣвшись, можно различить у стѣнъ огромные шкапы или полки съ книгами, а иногда и просто груду книгъ, сваленную будто мусоръ въ углу. Полки заросли тенетами, покрылись плѣсенью. Но вотъ путешественника усаживаютъ, и библіотекарь начинаетъ передъ нимъ безцеремонно вываливать книги изъ шкаповъ на полъ. Подымается пыль, разлетаются вѣтхіе листки книгъ и миріады мокрицъ и пауковъ въ ужасѣ бѣгутъ въ разныя стороны; а между тѣмъ иначе пересмотрѣть книги невозможно, потому что они въ нѣсколько рядовъ покрываютъ одна другую. Рукописи всѣ изорваны, обглоданы крысами и рыбами; въ нихъ стадами роятся разныя насѣкомыя, даже черви, — а грязи-то, грязи сколько!.. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ есть каталоги, неизвѣстно кѣмъ и когда составленные, но этимъ каталогамъ довѣрять не слѣдуетъ: они составлены по первымъ заголовкамъ книгъ, тогда какъ часто подъ однимъ переплетомъ сшито нѣсколько рукописей разнороднаго содержанія, которые поэтому не входятъ въ каталогъ. Чтобы отыскать что нибудь замѣчательное,

нужно самому пересмотрѣть всѣ рукописи, но много надо имѣть терпѣнья и любви къ древностямъ, чтобы по нѣскольку часовъ сряду просиживать и рыться въ этихъ катакомбахъ. Лучшiе на Афонѣ библiотеки, по чистотѣ и порядку, находятся въ Есфигменѣ, Русскѣ Зографѣ и Хиландарѣ; по богатству рукописей—въ Ватопедѣ, Иверѣ и Лаврѣ.

Рукописей своихъ монахи не читаютъ, какъ потому, что мало интересуются чтенiемъ вообще, такъ и потому, что не могутъ разбирать древнихъ почерковъ. Часто самъ библiотекарь, показывая намъ ту или другую рукопись, наивно спрашивалъ: на какомъ языкѣ она написана:—на арабскомъ, или турецкомъ? и очень дивился, когда его увѣряли, что книга написана на родномъ его языкѣ греческомъ. Если такъ знаетъ рукописи библiотекарь, выбираемый обыкновенно изъ ученыхъ, то что же смыслитъ въ нихъ остальная братiя? Послѣ этого неудивительно, что она смотритъ на свои библiотеки, какъ на безполезный балластъ.

Также недружелюбно поступаетъ Афонъ и съ другими остатками древности. Отъ временъ языческихъ здѣсь сохранилось нѣсколько саркофаговъ и изваянiй, интересныхъ для любителей старины; но съ этими вещами монахи поступили иначе, потому что они языческiя. Зопрятавъ саркофаги въ глубь своихъ подваловъ, монахи старательно уничтожили изсѣченныя на нихъ фигуры и на мѣстѣ ихъ нацарапали кресты.

Вообще на Афонѣ слишкомъ замѣтенъ недостатокъ людей маломальски образованныхъ. Есть люди начитанные и хорошо знакомые съ богословскими науками, особенно среди даскаловъ монастырскихъ, но такихъ очень немного. А было время, что Афонъ мечталъ распространить просвѣщенiе даже на окрестныя страны. Даже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ при Ватопедскомъ монастырѣ была попытка завести училище для воспитанiя малолѣтнихъ (вопреки закону о недопущенiи дѣтей на св. гору), и для этой цѣли выстроено особое зданiе за стѣнами монастырскими. Окрестные поселяне, по приглашенiю братiи, стали привозить туда своихъ сыновей и внуковъ, и ученье началось понемногу. Но по случаю непрiятныхъ исторiй и споровъ, родители принуждены были взять дѣтей своихъ обратно съ Афона. Школа скоро сгорѣла, и до сихъ поръ ея закоптѣлый остовъ красуется въ виду монастыря, служа ему вѣчнымъ упрекомъ... Можетъ быть, и къ лучшему сгорѣла эта школа... Богъ знаетъ, какихъ дѣятелей дала бы она мiру.

Взамѣнъ этого, въ Кареѣ не такъ давно открыто другое училище, но уже для монаховъ. Оно помѣщается въ большомъ и красиво разрисованномъ зданіи и имѣетъ знающихъ свое дѣло преподавателей, выписанныхъ нарочно изъ Афинъ. Въ этомъ училищѣ учатся до тридцати молодыхъ монаховъ разнымъ богословскимъ наукамъ и даже латинскому и французскому языку, вѣроятно для того, чтобы при случаѣ вести догматическіе споры съ католиками Чрезъ нихъ Афонъ расчитываетъ показать еретическому міру свою силу и, по окончаніи курса, разсылаетъ ихъ въ разныя эпархіи, какъ апостоловъ православія. Но такихъ людей, говорю, слишкомъ мало и огромное большинство обитателей Афона находится въ томъ состояніи блаженнаго невѣденія, какое имѣютъ только младенцы, невкушавшіе еще *словеснаго млека*. Это младенческое невѣденіе стоитъ, кажется, въ самомъ принципѣ афонскаго подвижничества, какъ читатель могъ замѣтить это изъ предыдущихъ главъ. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать такія восклицанія, выработанныя многолѣтнимъ опытомъ Афона: «въ мірскомъ знаніи нѣтъ спасенія! Мірскія науки не приведутъ къ добру! Для чего мы будемъ испытывать судьбы божіи? Онъ одинъ знаетъ законы міра, и намъ ли слабымъ сравняться съ нимъ въ знаніи? А коли станетъ умъ кичливый стремиться къ знанію, діаволъ тотчасъ искушать начнетъ гордостью, и въ сердцѣ грѣшника понемногу ослабнетъ смиреніе передъ непостижимой для насъ силой божіей»... Иные прямо сознавались, что наука нужна въ мірѣ, а не здѣсь; здѣсь она только мѣшаетъ спасенію: «да и наше ли это дѣло? Мы вѣдь монахи!..» и т. п

Въ силу такихъ принциповъ монахи косо смотрятъ на науки вообще и на мірскія въ особенности, и стараются сохранить свое младенческое невѣденіе. Слѣдствіемъ этого невѣденія бываетъ постоянный, суевѣрный страхъ и суевѣрное толкованіе самыхъ обыкновенныхъ явленій природы. Все, непонятное съ перваго взгляда, у нихъ легко объясняется дѣйствіемъ силы: или благодатной — Бога, или враждебной—сатаны, дѣйствующаго попущеніемъ божіимъ. Случится ли землятрясеніе или гроза, и вотъ въ монастыряхъ бьютъ въ набатъ, торопя братію къ молитвѣ, чтобы несчастье миновало обитель. Появится ли гусеница или болѣзнь какая на виноградѣ, собираются монахи и изъ требника читаютъ заклинанія св. Трифона, чтобы Богъ послалъ на гусеницу ангела своего съ огнемъ и мечемъ и прогналъ ее на мѣсто безлюдное, безводное и безплодное.. Если же какое

событіе хоть немного выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, то Афонъ совсѣмъ теряется и не знаетъ, что дѣлать по этому случаю. Нѣсколько лѣтъ назадъ на Афонѣ зашелъ, убѣжавшій откуда-то, верблюдъ и долго разгуливалъ по горѣ. Въ этомъ кажется, нѣтъ ничего страшнаго, но на монаховъ почему-то напалъ паническій страхъ; въ появленіи такого необыкновеннаго путешественника, они видѣли грозное предзнаменованіе, видѣли воплощенную силу нечистую, и каждый монастырь съ ужасомъ ждалъ приближенія верблюда. Только гдѣ показывался верблюдъ, его били и гнали дальше, а братія впадала въ уныніе, ожидая разныхъ несчастій. Дѣйствительно, послѣ него, какъ нарочно, въ Лаврѣ обрушились арки въ воротахъ, а Кутлумушъ сгорѣлъ только оттого, что верблюдъ, проходя мимо монастыря, посмотрѣлъ на него какъ-то загадочно. Не знаю, что бы дальше предприняли монахи, если бы не явился хозяинъ верблюда и не увелъ его съ собой.

Много толковъ и суевѣрнаго страха произвела большая комета, бывшая въ 1858 году. Политики видѣли въ ней мечь, угрожающій Турціи; не-политики — приближеніе страшнаго суда Приэтомъ привожу одинъ изъ множества фактовъ, дающій понятіе о наивности и невѣденіи афонской братіи. Самоваръ, въ нѣкоторыхъ закоулкахъ Афона, до сихъ поръ еще служитъ предметомъ диковиннымъ, а труба самоварная и подавно, особенно если она узористая. О. Лукіанъ, прислушиваясь однажды къ толкамъ греческимъ о кометѣ, вздумалъ подшутить надъ ними. Онъ среди бѣлаго дня наставилъ трубу самоварную къ небу, будто телескопъ, и смотритъ внимательно.

— Чего ты, отче, глядишь? спрашиваетъ прохожій монахъ-грекъ.

— Комету наблюдаю, отвѣтилъ тотъ положительно.

— Да развѣ днемъ видно?

— Въ трубу видно лучше, чѣмъ ночью; даже надпись можно разобрать на хвостѣ.

Монахъ попросилъ посмотрѣть. Лукіанъ конечно согласился.

— Ну что? видишь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Ну, братъ, значитъ у тебя грѣховъ много; а грѣшный тутъ ничего не увидитъ. Давай-ка назадъ трубу.

— Погоди, отче, я еще посмотрю, можетъ увижу, проговорилъ тотъ робко и продолжалъ упорно глядѣть въ трубу.

Скоро сошлась порядочная толпа любопытныхъ, и не смотря на

то, что о. Лукіанъ объявилъ имъ о своей шуткѣ, самоварная труба до поздняго вечера переходила изъ рукъ въ руки.

Приходилось мнѣ говорить иногда съ монахами, даже съ даскалами (учителями) афонскими объ электричествѣ, гальванизмѣ, локомотивахъ и другихъ открытіяхъ науки, но монахи или вовсе не признавали фактовъ, или прямо видѣли въ нихъ силу демонскую. Мнѣ отвѣчали, что «ни въ св. писаніи, ни у св. отцевъ церкви объ этомъ не сказано ни слова:—такъ что же можно видѣть во всемъ этомъ, какъ не вражьи искушенія?» И больше говорить со мной не хотѣли. Одинъ столѣтній старикъ-келіотъ много времени прожилъ на Афонѣ въ уединеніи и блаженномъ невѣденіи. Доходили и до него стороной темныя слухи о какихъ-то пароходахъ и паровозахъ, гдѣ работаетъ паръ, вмѣсто людей и т. п., но старикъ пропускалъ мимо ушей эти слухи и только подсмѣивался. «Тутъ сила нечистая дѣйствуетъ, говорилъ онъ ученикамъ:—и къ Афону ей не подойти, вспомяните вы мое слово!» Но вотъ ученики передаютъ ему, что слово старческое не сбылось, и пароходы благополучно пристаютъ у Руссика и привозятъ даже богомольцевъ.—Такъ покажите же мнѣ эти пароходы! промолвилъ озадаченный старецъ, и рѣшился на этотъ разъ покинуть свое долгое уединеніе и идти къ морю. Въ день прибытія парохода его подъ руки ввели на гору, откуда видна была пристань Руссика, и съ высоты горной, какъ новый Моисей, увидѣлъ онъ частичку міра обѣтованнаго. Видѣлъ онъ, какъ подъѣзжалъ пароходъ, какъ встрѣчали и провожали его колокольнымъ звономъ, (причемъ пароходъ не лопнулъ и не исчезъ), какъ потомъ онъ тихо и плавно обогнулъ Афонъ и скрылся на далекомъ горизонтѣ. Старикъ въ изумленіи поникъ головою.

— Видѣлъ, отче? Видѣлъ чудо?.. спрашивали его ученики.

— Ведите меня домой! отвѣтилъ тотъ угрюмо. — Теперь мнѣ только умереть остается; больше видѣть ужъ нечего.

Видно, слишкомъ поразило его это событіе, и сознаніе силы науки невольно ворвалось въ его стариковскую душу...

Такіе же экземпляры невѣденія и наивнаго любопытства встрѣчаются и между сановными монахами, составляющими власть монастырскую, только у нихъ оно имѣетъ оттѣнокъ барскій, начальническій. Если такой монахъ и спрашиваетъ о чемъ нибудь, то съ достоинствомъ, какъ будто все это онъ уже давно знаетъ и спрашиваетъ только отъ нечего дѣлать. Въ собственныя разсужденія по

части наукъ онъ не вдается, вѣроятно потому, что боится промахнуться и уронить себя въ глазахъ мирянина. Помню, разъ въ собраніи проэстосовъ, мы завели рѣчь о Китаѣ и о послѣднихъ продѣлкахъ съ нимъ Англіи. Этотъ разговоръ особенно заинтересовалъ одного проэстоса, который до тѣхъ поръ, кажется, и не подозрѣвалъ о существованіи такой диковинной страны, какъ Китай. На другой день онъ нарочно является къ намъ и, будто мимоходомъ, снова заводитъ рѣчь о Китаѣ. Мы конечно отвѣчаемъ, и старикъ уходитъ. На третій день та же исторія и такъ почти-что каждый день. Какъ приближаются сумерки, слышимъ, раздается шлепанье башмаковъ по лѣстницѣ, и въ дверяхъ показывается сѣдая и толстая фигура «Китая». Раскланявшись и усѣвшись, онъ начинаетъ обычный разговоръ.

— Жарко сегодня?

— Да, жарко.

— А что, въ Китаѣ тоже вѣдь жарко?

— Очень.

— А какъ тамъ, въ Китаѣ, даже крысъ ѣдятъ?

— Ѣдятъ.

— Соленыхъ?

— И соленыхъ.

— Гмъ!.. Ишь вѣдь какъ... люди-то... Вѣдь, кажется, и церкви православныя есть?

— Есть.

— Ну, вотъ. А какъ Китай-то далеко отсюда?

— Очень далеко!.. И такъ далѣе, въ этомъ родѣ, тянется разговоръ часа полтора. Подъ конецъ происходило общее зѣванье и «Китай» уходилъ спать.

Черезъ годъ я опять неожиданно встрѣтился съ этимъ проэстосомъ и, желая доставить ему удовольствіе, самъ заговорилъ съ нимъ о Китаѣ. Старикъ обрадовался и съ прежнимъ глубокомысліемъ повторилъ свои вопросы. Юродство ли было это или серьезное увлеченіе Китаемъ, не знаю.

Когда пріѣзжіе археологи обратили вниманіе на древности афонскія и убѣдили монаховъ, что чѣмъ больше въ монастырѣ византійской древности, тѣмъ больше ему чести, тогда старцы стали по глазомѣру опредѣлять древность своихъ построекъ и составлять

по преданію исторію Афона и монастырей его (*). Начались между ними споры: чья обитель древнѣе, кто былъ основателемъ ихъ и т. п. Хронологія и исторія завертѣлись въ переработкѣ монашеской, событія чудеснымъ образомъ исказились и теперь не дай Богъ никому довѣриться разсказамъ монашескимъ о происхожденіи и исторіи святогорскихъ обителей. Всѣ почти монастыри оказались основанными, если не при Константинѣ великомъ, то не много позже его; каждая вещь украсилась легендой, одна другой древнѣе; одинъ монахъ даже увѣрялъ меня, что Протатскій соборъ въ Кареѣ заложила сама Богородица въ бытность свою на Афонѣ, хотя этотъ соборъ съ самой постройки своей празднуетъ день успенья. Слушая толки монашескіе, я спрашивалъ иногда: какъ же это, братіе, по хронологіи оказывается, что такой-то монахъ жилъ у васъ 200 лѣтъ, или, что патріарху, освѣщавшему вашъ соборъ, было въ то время только три года отъ роду?

— Не знаемъ этого, смиренно сознавались отцы: — такъ передавали намъ старцы наши, и гдѣ же намъ повѣрять эти преданья!..

А между тѣмъ, слѣдующимъ путешественникамъ разсказывали то же самое.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ получаютъ газеты изъ Константинополя и Афинъ, но эти газеты, въ видахъ политическихъ, читаетъ только начальство монастырское, чтобы узнать, не предвидится ли опасности для Турціи, и если предвидится, то какія вслѣдствіе этого принять мѣры. Братія газетъ не читаетъ, какъ потому, что въ большинствѣ случаевъ не умѣетъ читать, такъ и потому, что духовники не совѣтуютъ ей отвлекаться отъ дѣлъ спасительныхъ. Книги духовнаго содержанія, кромѣ церковныхъ — богослужебныхъ, тоже рѣдко имѣются у монаховъ: киновіаты ихъ держать не имѣютъ права, какъ вообще всякую собственность, а иноки остальныхъ общинъ боятся читать богословскія книги, чтобы не впасть въ искушеніе и не дать головѣ возможности углубляться въ тайны премудрости божіей. Притомъ не стоитъ самому доискиваться разъясненія разныхъ сомнѣній, когда на эти сомнѣнія долженъ дать отвѣты духовникъ или даскалъ монастырскій. Въ видахъ назиданія, читаются монахами только четьи-минеи и жизнеописанія разныхъ святыхъ,

(*) Эта исторія со всѣми ея промахами отчасти вошла въ составъ писемъ Святогорца.

чтобы имѣть ихъ образцами для себя. При такомъ порядкѣ вещей неудивительно, что многіе забываютъ даже то, что успѣли узнать въ мірѣ. А если эти, добытыя въ мірѣ, знанія и не отвергаются вовсе, какъ мірскія стяжанія, то здѣсь они скоро получаютъ особый, афонскій смыслъ, отсвѣчиваются религіозностью и мистикой. Затѣмъ отшельникъ кладетъ окончательный запретъ на свои дерзновенныя мысли, и все безропотно предоставляетъ знать одному всевѣдущему Богу.

X.

Искуства.

Безотрадное впечатлѣніе производятъ на путешественника образцы современнаго искуства Афона: его иконопись, его пѣніе церковное и зодчество. Сравнивая эти образцы съ образцами древности, опять-таки поневолѣ убѣждаешься, что древній Афонъ имѣлъ болѣе вкуса и лучше цѣнилъ искуства, чѣмъ нынѣшній.

Одинъ вліятельный путешественникъ русскій, въ бытность свою на Афонѣ, пришелъ въ восторгъ отъ тамошней живописи и, пріѣхавъ въ Россію, объявилъ, что тамъ прекрасно сохранились древнѣйшіе образцы византійскаго искуства и что, вмѣсто Рима, на Афонъ слѣдуетъ посылать нашихъ художниковъ для усовершенствованія. Повѣривъ такому восторженному описанію, художники, прибывшіе на Афонъ, вмѣстѣ съ г. Севастьяновымъ, съ жаромъ принялись отыскивать эти образцы искуства: они обошли всѣ монастыри, скиты и кельи афонскіе, гдѣ есть какая нибудь живопись, и послѣ напрасныхъ поисковъ, совершенно упали духомъ.

— Что жъ, видно не понравилось здѣшнее искуство? спрашивалъ я потомъ одного изъ нихъ.

— Это ужасно! Это невыносимо! Нѣтъ ни одной правильной линіи!.. отвѣчалъ тотъ съ жаромъ.—Мы здѣсь позабудемъ даже то, что знали... Руку можно испортить, срисовывая это безобразіе! и проч.

Конечно, въ этихъ словахъ много жолчи, и афонская живопись еще не вся такъ безобразна, какъ бы можно было судить о ней по такому отзыву; но все-таки вліятельный путешественникъ хватилъ черезчуръ далеко.

Живопись на Афонѣ двухъ родовъ: иконная и стѣнная. Иконная пишется на доскахъ и предназначается для всеобщаго поклоненія, а стѣнная покрываетъ внутреннія стѣны церквей афонскихъ, сверху до низу, и предназначается собственно для назидательныхъ размышленій. Та и другая живопись, какъ мы имѣли уже случай говорить, имѣетъ строгій, аскетическій стиль, неразвлекающій очи спасающихся мірской красотой. Афонскій монахъ не можетъ молиться иконѣ, если въ ней не соблюдены общепринятыя условія греческаго иконописанія относительно одежды и выраженія ликовъ, и если икона хоть сколько нибудь напоминаетъ мірскую живопись. На всѣ священныя изображенія итальянской школы онъ смотритъ съ пренебреженіемъ: «ты намъ подавай, говоритъ онъ:—икону, а не картину.» Конечно, и въ такихъ изображеніяхъ, которыя Афонъ признаетъ *иконами*, можно было бы найти слѣды искуства и правильность очертаній, если бы они существовали, но, къ сожалѣнію, мѣстные иконописцы этимъ похвастать не могутъ. Если вы войдете днемъ въ афонскую церковь съ новѣйшей живописью, то васъ прежде всего ослѣпитъ необыкновенная яркость красокъ, между которыми преобладаютъ цвѣта: желтый, красный и синій. Лица святыхъ, если иногда и напоминаютъ лица человѣческія, то лица суровыя, изуродованныя неискусной кистью доморощеннаго богомаза; положенія фигуръ, драпировка и перспектива неправильны и неискусны, такъ что часто, глядя на позы молящихся, или иначе дѣйствующихъ лицъ, поневолѣ задумываешься, какимъ образомъ можно продержаться въ такомъ положеніи хоть одну секунду?.. Словомъ, новѣйшая греческая живопись очень напоминаетъ тѣ ярко раскрашенныя печатныя иконы, какія тысячами разносятъ по деревнямъ наши офени. Но за то въ цѣ-

ломъ эта пестрота и яркость красокъ производитъ на грековъ изрядный эффектъ.

Есть на Афонѣ закоптѣлые и попорченные временемъ остатки живописи древней и болѣе привлекательной, на которую вѣроятно и разсчитывала наша художественная экспедиція, отправляясь на св. гору. Тутъ главную роль играютъ фрески пресловутаго афонскаго Рафаеля—Панселина. Кто былъ этотъ Панселинъ и когда жилъ онъ, наши археологи до сихъ поръ еще не рѣшили, но произведенія этого иконописца, въ сравненіи съ современно уродливою живописью, составляютъ явленіе отрадное, хотя по правильности и исполненію рисунка далеко не выдержатъ художественной критики. Эта живопись хранится въ протатскомъ соборѣ въ Кареѣ и находится въ самомъ жалкомъ положеніи, потому что соборъ, вмѣстѣ съ живописью, подвергался многимъ превратностямъ судьбы. Во время завоеванія Греціи, когда и на Афонѣ были кровопролитія и безпорядки, протатскій соборъ едва не былъ разрушенъ и около семидесяти лѣтъ стоялъ безъ крыши, такъ что фрески его, во все это время, были открыты непогодамъ афонскимъ. Въ 1508 году воевода молдавлахійскій, Богданъ, рѣшился возобновить храмъ, сдѣлалъ потолокъ и разныя пристройки вокругъ храма; приэтомъ рабочіе, конечно, не церемонились съ живописью и вбивали лѣса прямо въ фигуры святыхъ; а при постройкѣ потолка головы святителей, изображенныхъ вверху, чудеснымъ образомъ очутились по ту сторону потолка и наружѣ остались только одни ихъ туловища, да ноги. Зданіе сдѣлалось темно и сыро. Потомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Афонѣ шелъ такой дождь, что въ протатскомъ соборѣ сдѣлалось наводненіе и монахи должны были бочками вывозить изъ него воду. Отъ землетрясеній въ соборѣ образовалось нѣсколько трещинъ, и эти трещины замазаны глиной прямо по живописи. Послѣ этого неудивительно, что фрески Панселина кажутся матовыми и не такъ рѣжутъ глаза, какъ яркая живопись остального Афона. Многія изъ нихъ выигрываютъ только оттого, что покрыты густымъ слоемъ копоти и пыли, который смягчаетъ рѣзкости рисунка; но когда пробовали вычищать эту копоть, то изумленнымъ взорамъ наблюдателей представлялась та же пестрота и неправильность рисунка, какъ и въ новыхъ иконахъ; разница между тѣми и другими оказалась очень невелика. Только нѣсколько мученическихъ фигуръ производятъ впечатлѣніе хорошее и ставятъ Панселина все-таки несравненно выше современности афонской, и

эти-то фигуры тщательно снимаются новѣйшими путешественниками, какъ образцы византійскаго искуства *).

Есть и еще кое-гдѣ остатки старинной живописи и вездѣ она кажется лучше современной; но вѣроятно эти остатки скоро окончательно исчезнутъ съ Афона. Большинство монаховъ смотритъ на древнія фрески, какъ на старье, которое слѣдуетъ подновить, чтобъ поярче было. Старая живопись сохраняется здѣсь только потому, что въ монастыряхъ нѣтъ лишнихъ денегъ; но чуть найдутся эти лишнія деньги, старцы шлютъ приглашеніе къ карейскимъ иконописцамъ, а тѣ, конечно, везутъ съ собою пудами пресловутую въ лѣтописяхъ иконописанія вохру да киноварь. Вохра возьметъ свое, и черезъ нѣсколько времени византійская живопись заблещетъ яркими переливами стамбульскихъ красокъ, къ немалому восторгу мѣстной братіи.

Главныя мастерскія афонскихъ иконописцевъ находятся въ Кареѣ, и оттуда уже мастера разъѣзжаютъ по монастырямъ для работъ и поправокъ. Ремесло иконописца одно изъ самыхъ выгодныхъ на Афонѣ, потому что запросъ на иконы слишкомъ великъ, и мастера едва успѣваютъ управляться съ заказами. Каждый иконописецъ держитъ нѣсколько учениковъ и имъ передаетъ тайны своего искуства, такъ что манера письма безъ перемѣны переходитъ изъ рода въ родъ, отъ старшихъ къ младшимъ, сохраняя такимъ образомъ однообразіе и постоянство колорита. Я однажды имѣлъ случай посѣтить одну изъ главныхъ мастерскихъ. Послѣ долгихъ переходовъ, я очутился въ свѣтлой, но грязной комнатѣ, уставленной вокругъ образами. Среди пола, на разостланныхъ кожахъ сидѣли, поджавъ ноги, шесть монаховъ и работали. Передъ каждымъ изъ нихъ стоялъ двуногій мольбертъ, привязанный за верхній конецъ къ потолку. Въ углу три младшихъ ученика грунтовали доски и клали позолоту на икону. Эти младшіе ученика занимаются одной предварительной работой: растираютъ краски, варятъ масло, наводятъ фонъ и золотятъ иконы, но рисунки составляетъ всегда самъ мастеръ. Для образца, въ видѣ указателя, у нихъ есть набросанные карандашемъ абрисы разныхъ святителей, снятыхъ, какъ видно, съ старинныхъ иконъ и передаю-

---

*) Всѣ эти фигуры сняты художественной экспедиціей г. Севастьянова и представлены нашей академіи художествъ, но академія не нашла въ нихъ ничего замѣчательнаго.

щихся тоже изъ рода въ родъ, по наслѣдству. Я спросилъ одного изъ живописцевъ: почему они не держатъ никакихъ болѣе художественныхъ образцовъ?

— Гдѣ же взять ихъ? отвѣчалъ тотъ. —У насъ есть гравюры, да тѣ католическія, для насъ негодятся.

— За то рисунки были бы правильнѣе.

— Намъ правильности и красоты особенной не нужно. Молящійся, по одному очертанію, можетъ представить себѣ красоту небесную, какъ ему угодно. Наше дѣло только напомнить. Да и можемъ ли мы нашими красками изобразить сіяніе славы небесной?...

Такъ стараются иконописцы объяснить свое неискуство, и придать ему даже религіозный смыслъ.

Новѣйшую живопись Афона хотя нельзя похвалить за красоту рисунка, но за то она замѣчательна своею замысловатостью и обиліемъ содержанія. Глядя на афонское изображеніе, можно послѣдовательно припомнить всю исторію изображаемаго событія, его начало, конецъ, и даже послѣдствія. Глядя, напримѣръ, на икону преображенія, видишь въ одно время Іисуса Христа, входящаго на гору, преображающагося и потомъ сходящаго съ горы, и т. п. Особенно назидательны стѣнныя изображенія, помѣщенныя въ притворахъ храма. Тутъ въ картинахъ изображается весь символъ вѣры, и вселенскіе соборы съ ихъ ученіемъ, и даже апокалипсисъ. Тутъ же для назидательныхъ размышленій братіи изображена лѣствица Іоанна Лѣствичника, по которой восходятъ къ небу иноки, а бѣсы стараются столкнуть ихъ съ этой лѣствицы и уронить въ геенну огненную. Геенна изображена подъ лѣстницей въ видѣ страшнаго дракона; изъ открытой пасти дракона пышетъ полымя, а изъ полыми торчатъ ноги инока, сбитаго съ пути бѣсами. Рядомъ обыкновенно помѣщается изображеніе монаха, распявшаго, въ видѣ креста, плоть свою со страстьми и похотьми; всѣ члены его плоти покрыты надписями, въ которыхъ перечисляются грѣхи, соотвѣтствующіе каждому члену. Далѣе изображена смерть грѣшника и праведника, преступленіе Ананія и Сапфир , загробныя мытарства, адъ съ висящими на крючьяхъ грѣшниками, и рай, въ которомъ ходитъ благочестивый разбойникъ съ крестомъ на плечѣ. Есть изображенія полемическаго свойства, напримѣръ: изображена лодка, наполненная православными христіанами, которою управляетъ самъ Іисусъ Христосъ, сидящій у руля, а на берегу стоятъ римскій папа и Лютеръ съ своими послѣдователями и

длинными баграми силятся они опрокинуть лодку. Если рисуются еретики, то непремѣнно съ бѣсами на плечахъ, которые нашептываютъ имъ лжемудрыя рѣчи. Но всего не перечесть. Вообще тутъ въ лицахъ изображенъ весь тотъ міръ, гдѣ постоянно сосредоточены мысли афонскихъ отшельниковъ, съ ихъ вѣчнымъ memento mori.

Каждая община имѣетъ печатныя изображенія своего монастыря, которыя потомъ раздаетъ на память своимъ поклонникамъ. Эти виды срисовываются мѣстными живописцами, что называется «съ птичьяго полета», то есть такъ, что на картинѣ видна и внутренность и наружность монастыря со всѣми подробностями пристроекъ. Тутъ же обыкновенно рисуется крестный ходъ; монахи бьютъ въ токъ и звонятъ въ колокола; по морю плаваютъ корабли и киты. Однажды старцы, въ Руссикѣ, попросили меня снять видъ ихъ монастыря. Я снялъ его, какъ слѣдуетъ, и показалъ старцамъ. Русскіе остались довольны моей работой, а греки, послѣ долгаго разсматриванія рисунка, только покачали головами.

— Гдѣ же трапеза наша? спрашивали они у меня.

Я показалъ на крышу трапезы, замѣтную изъ за стѣнъ монастыря.

— А дверей развѣ нѣтъ у нашей трапезы?

— Да я ихъ не видалъ съ того мѣста, откуда снималъ.

— Ну, а гдѣ же поварня? Гдѣ церковная лѣстница? Отчего никто не звонитъ въ колокола?

— Этого опять-таки я не могъ видѣть.

— Нѣтъ, это не нашъ монастырь! заключили греки и возвратили мнѣ рисунокъ.

Пѣніе, какъ искуство, на Афонѣ должно бы процвѣтать во всей силѣ, потому что монахи большую часть дня или поютъ, или слушаютъ пѣніе, но оно процвѣтаетъ отчасти только среди русскихъ отшельниковъ. Въ русскихъ обителяхъ, заключенныхъ въ строгія условія киновіатской жизни, хоровое церковное пѣніе проникнуто глубокимъ аскетическимъ смысломъ и производитъ на постороннихъ слушателей сильное впечатлѣніе. Унылость напѣва и тихіе, немного однообразные переливы нотъ—отличительныя особенности этого пѣнія; изъ нотъ монашескихъ изгнано все, что можетъ радовать и услаждать слухъ, запрещены даже всѣ сочиненія Бортнянскаго и другихъ композиторовъ, напоминающихъ музыку мірскую, католическую. Не знаю, изъ какихъ концовъ Россіи перешло на Афонъ это пѣніе,

но знаю, что всѣ привозимыя, изъ міра, ноты поступаютъ здѣсь въ цензуру знатоковъ пѣнія, и изъ нихъ поется только то, что соотвѣтствуетъ отшельническому настроенію братіи и гармонируетъ съ пустыннымъ складомъ Афона. Такое пѣніе какъ-то невольно настроиваетъ человѣка на извѣстный ладъ, и потому, въ отношеніи искуства, стоитъ несравненно выше пѣнія греческаго.

Греки афонскіе поютъ обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ, какой употребляется въ мірскихъ греческихъ церквахъ, но для человѣка, имѣющаго хоть сколько нибудь музыкальное ухо, это пѣніе невыносимо. Мнѣ говорили, что иностранцы, привыкшіе къ гармоніи хорового пѣнія, не могутъ судить о красотахъ греческаго напѣва и что надобно непремѣнно привыкнуть къ нему; но я втеченіи цѣлаго года силился пріучить себя къ этимъ звукамъ, и не могъ. Обыкновенно греческій псалмъ (пѣвчій), безъ всякой мѣры, выводитъ полутонныя, раздирательныя завыванья, а остальныя вторятъ ему, подтягивая унисономъ одинъ главный тонъ. Въ этихъ звукахъ нѣтъ ни мелодіи, ни такта; это не обиходное наше пѣніе, въ которомъ все-таки нѣтъ фальшивыхъ нотъ; у грековъ звуки какъ-то странно сливаются и рознятъ безъ милосердія. Изрѣдка будто прорвется иногда какой нибудь осмысленный мотивъ, но онъ тотчасъ же затеряется въ этомъ хаосѣ звуковъ. Къ довершенію эффекта афонскіе псалмы, вытягивая свои ноты, имѣютъ привычку гнусить и пѣть черезъ носъ, и тѣмъ еще болѣе тиранятъ постороннее ухо. Часто, слушая подобное пѣніе, я думалъ: неужели есть возможность отъ этихъ звуковъ приходить въ умиленіе и настроиться къ чему нибудь высокому? Гдѣ же это, знаменитое въ древней Греціи, «сладкозвучное, трисоставное пѣніе?..» Нынѣшніе греки его не знаютъ и въ памяти народной уцѣлѣло только, что давно когда-то существовало здѣсь это сладкозвучное пѣніе, но вѣроятно сладкіе звуки его, вмѣстѣ съ послѣдними мотивами падшей Греціи, унеслись на небо...

Остается сказать нѣсколько словъ о состояніи современнаго зодчества на Афонѣ. Насчетъ этого нынѣшніе монахи очень невзыскательны, и архитектура, какъ искусство, на Афонѣ вовсе не существуетъ. Монастырскія зданія и соборы построены, большею частію, до турецкаго погрома, и потому все стараніе нынѣшнихъ зодчихъ обращено на то, чтобы только поддержать старое. Нынѣ строятся здѣсь только кельи да малыя церкви самого незатѣйливаго рисунка; а если строятся соборные храмы, то по старымъ образцамъ и мірскими ар-

хитекторами. Впрочемъ надо сознаться, что кельи нынѣшней постройки болѣе удобны для жизни, чѣмъ старыя. Что же касается до внѣшнихъ украшеній, то монахи позволили себѣ только одну роскошь: они большую часть своихъ соборовъ выкрасили снаружи яркой красной краской. Всѣ монастыри выстроены по одному образцу: массивныя зданія братскихъ келій съ башнями и бойницами стоятъ въ видѣ квадрата, образуя въ серединѣ широкій дворъ; на дворѣ стоитъ соборная церковь, противъ нея изъ двери въ дверь — братская трапеза, а вокругъ, въ безпорядкѣ, налѣплено нѣсколько мелкихъ пристроекъ для кухни, кладовыхъ и т. п. Путешественники, снимавшіе планы монастырей афонскихъ, жаловались на неправильность его строеній и говорили, что здѣсь нельзя, напримѣръ, по одному углу судить о другихъ, но приходится измѣрять каждый уголъ отдѣльно. Лучшее украшеніе Афона—это его соборные храмы, въ архитектурѣ которыхъ есть легкость, грація и красота, но не нынѣшнимъ Афономъ построены эти храмы.

Вглядываясь въ общую массу монастырскихъ построекъ, въ библіотеки и искуства древнія и новыя, вездѣ замѣтенъ перевѣсъ и сила древняго Афона надъ нынѣшнимъ, все говоритъ, что древній Афонъ жилъ одними интересами съ остальнымъ человѣчествомъ и вмѣстѣ съ нимъ ратовалъ въ пользу науки и искуства. Нынѣшній Афонъ понемногу уничтожаетъ слѣды прошлаго, онъ одряхлѣлъ уже и едва ли когда пріобрѣтетъ ту силу, какую имѣлъ прежде... А можетъ быть, нынѣшній Афонъ болѣе вѣренъ своему принципу, чѣмъ древній? Можетъ быть, отказавшись клятвенно отъ міра, онъ и на дѣлѣ отвергаетъ всѣ изящества міра и все то, безъ чего легко можно спастись?.. Можетъ быть!..

XI.

Болѣзни и врачебная часть.

Отъ недостатка пищи, изнурительныхъ бдѣній и постоянной борьбы съ плотію, большая часть братіи афонской хвораетъ разными болѣзнями. Преобладающіе на Афонѣ болѣни: грыжа и отеки ногъ — отъ частыхъ стояній; худосочіе и брюшные завалы — отъ вѣчнаго поста; спинная сухотка, чахотка и полное истощеніе — отъ разныхъ искушеній. Рѣдкій монахъ избѣгнетъ подобныхъ болѣзней; корень ихъ таится въ самомъ процессѣ самоумерщвленія и въ строгости киновіатскаго и скитскаго устава, отъ котораго рѣдкая плоть не надломится. Отчасти знаютъ это и сами монахи, и потому смотрятъ на такія болѣзни, какъ на неизбѣжныя слѣдствія своихъ подвиговъ, и переносятъ ихъ съ кротостью и удивительнымъ терпѣніемъ. Нѣкоторые отшельники, здоровые по природѣ, сами просятъ у Бога болѣзней, въ наказаніе за прошлые грѣхи и благодарятъ за нихъ Бога. Конечно, я здѣсь разумѣю только истыхъ отшельниковъ, строго наблюдающихъ за порядкомъ спасенія; въ штатныхъ монастыряхъ, какъ извѣстно, порядки не тѣ.

Климатъ афонскій, по словамъ монаховъ, поддерживаетъ силы подвижниковъ и разрушаетъ здоровье міряпъ; но это происходитъ отъ того, что мѣстные жители хорошо знаютъ всѣ вредныя особенности своей горы и принимаютъ противъ нихъ разныя мѣры. Афонскій полуостровъ перерѣзанъ множествомъ извилистыхъ ущелій, по которымъ протекаютъ горные ручьи. Въ этихъ ущельяхъ постоянно держится влажность воздуха, и по ночамъ изъ нихъ дуетъ ѣдкій и незамѣто прохватывающій до озноба вѣтерокъ, называемый на Афонѣ *опоемъ*. Кого прохватитъ этотъ вѣтерокъ, тотъ едва ли избѣжитъ лихорадки или горячки. Особенно страдаютъ отъ опоя монастыри, расположенные въ ущельяхъ, какъ-то: Зографъ, Хиландарь и др. Часто мірскіе поклонники захворываютъ оттого, что въ церквахъ становятся не въ формы монашескія, а прямо на мраморномъ полу и даже отвѣшиваютъ на немъ земные поклоны, или сидятъ они подолгу на мрамор-

ныхъ ступеняхъ церквей. Холодъ отъ мрамора, особенно ночью, быстро проникаетъ въ тѣло и поражаетъ его болѣзнями. Въ избѣжаніе такой простуды, каждый монахъ имѣетъ подъ ногами коврикъ или старается стоять на деревянной доскѣ, а земныя поклоны соборнѣ дѣлаетъ только въ посту великомъ. Незнаніе этихъ предосторожностей многимъ поклонникамъ стоило жизни, или побуждало ихъ принимать схиму великую.

Казалось бы, что, при аскетическомъ взглядѣ отшельниковъ на болѣзни, вовсе не слѣдуетъ и лечиться отъ нихъ, или принимать разныя предосторожности отъ простуды, но монахи лечатся, и заболѣвшихъ старцы отсылаютъ въ монастырскія больницы, на жертву доморощеннымъ врачамъ-монахамъ. Конечно есть монахи, особенно изъ келіотовъ, которые, захворавъ, ни за что не захотятъ идти противъ воли божіей и, отвергая услуги мѣстныхъ врачей, стоически умираютъ въ той же кельѣ, гдѣ подвизались при жизни; но такихъ немного.

Въ каждомъ почти монастырѣ афонскомъ есть особая больница и при ней врачь изъ монашествующихъ. Отъ врача на Афонѣ свѣденій требуется немного: была бы только вѣра въ милосердіе божіе, а все остальное должно придти само собою. Эту роль исполняютъ здѣсь монахи, бывшіе въ мірѣ цирюльниками, ветеринарами, фельдшерами, а также и простые диллетанты изъ крестьянъ, занимавшіеся въ мірѣ лечебной практикой. Нѣкоторые научаются лекарскому ремеслу здѣсь же у мѣстныхъ врачей, состоя при нихъ въ качествѣ учениковъ и помощниковъ. При каждой больницѣ есть особая аптека съ медикаментами, состоящими изъ разныхъ травъ, солей и спиртовъ, купленныхъ Богъ вѣсть кѣмъ и когда, и въ этой аптекѣ врачь-монахъ считается полнымъ хозяиномъ и дѣлаетъ все, что Богъ ему на душу положитъ *). А гдѣ нѣтъ врача, или онъ находится въ отсутствіи, то самому больному вручаютъ ключь отъ аптеки, и онъ, помолившись Богу, самъ себѣ выбираетъ лекарство. Но, говорятъ, что такой способъ леченья не всегда проходитъ благополучно.

---

*) Одинъ заѣзжій докторъ изъ любопытства однажды осмотрѣлъ одну изъ такихъ аптекъ и подивился, какъ только афонскія натуры могутъ выносить лекарства изъ подобныхъ специй. Всѣ они, по его словамъ, давно уже высохли, испортились, и скорѣе принесутъ вредъ, чѣмъ пользу.

Методы леченья врачей афонскихъ просты и безхитростны. Зная, что монахъ готовится къ жизни вѣчной, врачъ при всякомъ удобномъ случаѣ открываетъ желающимъ двери царства небеснаго, — не нарочно, конечно, а по неумѣнью... Зная, что монахъ долженъ прiучать свою плоть къ самоумерщвленiю, онъ требуетъ отъ больного только послушанiя и терпѣнiя, и распоряжается его истощенною плотiю безъ всякой жалости. Больнымъ монахамъ часто приходится терпѣть пытки, едва выносимыя. Врачъ налѣпитъ на него шпанскихъ мушекъ, и на другой день, сорвавъ пузыри, долго растираетъ раны суконкой или щеткой, и потомъ даже посыпаетъ солью, чтобъ лучше вытянуло. Больной кричитъ и мечется, а врачъ приказываетъ его держать покрѣпче и читаетъ ему правила терпѣнья. Или вытретъ онъ больного регальнымъ масломъ **), такъ что раны откроются, а иногда и внутрь дастъ хватить съ водою нѣсколько капель, чтобъ выжечь болѣзнь. Или наконецъ, выпуститъ онъ изъ больного остатки крови усиленнымъ кровопусканьемъ. Когда врачъ замѣтитъ, что толку мало и лекарствами ничего не подѣлаешь, то намекаетъ больному, что время схиму принимать (если больной не схимникъ), и даетъ знать о томъ монастырскому начальству. Начальство тогда принимаетъ свои мѣры; оно соборуетъ больного и причащаетъ его ежедневно до самой смерти. Удивлялся я тому спокойствiю, съ какимъ врачъ произноситъ больному смертный приговоръ: «завтра къ утру помрешь, отче! говоритъ онъ ему: — по глазамъ вижу, что помрешь: готовься!» Больной тоже спокоенъ и проситъ читать ему отходную.

Между лекарствами на Афонѣ главную роль играютъ очистительныя средства. Касторовое масло, англiйская соль и разныя рвотныя поглощаются больными въ огромномъ количествѣ. Врачи даютъ эти средства цѣльными стаканами, считая очищенiе желудка лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней, не смотря на то, что желудки афонскiе отъ постояннаго поста и безъ того чисты. Вѣсовъ и гирь въ аптекахъ афонскихъ я не видалъ, и врачи кладутъ специи въ лекарства на глазомѣръ, смотря по комплекцiи больного, и кладутъ всегда вдвое больше, чѣмъ слѣдуетъ, чтобъ лучше подѣйствовало. Не-

**) Регаль — трава, изъ которой на Афонѣ добываютъ жгучее масло, въ родѣ купороснаго.

удивительно, что при такомъ способѣ леченія на Афонѣ рѣдкая болѣзнь не бываетъ смертельною. Есть впрочемъ такіе врачи, что, боясь взять грѣхъ на совѣсть, не рѣшаются составлять лекарства и лечатъ только наружными средствами и діэтой. Помню я одного монаха. который, чтобы быть подальше отъ грѣха, лечилъ отъ всѣхъ болѣзней одной шпанской мушкой, прикладывая ее безъ разбору ко всѣмъ больнымъ мѣстамъ пеціентовъ.

— Какъ же это вы лечите такъ? спрашивалъ я его, наблюдая за его операціями. Вѣдь можно иногда повредить больному мушкой.

— Пустяки-съ! отвѣтилъ врачъ:—разсуждаю, что если доктору слѣдуетъ вытянуть болѣзнь изъ тѣла больного, то чѣмъ же ее вытянешь, какъ не мушкой? Шпанская мушка вытягиваетъ изъ больного всякую дрянь, такъ она конечно и самую болѣзнь вытянетъ. Это *по наукѣ* извѣстно.

— Такъ, говорю.—Ну, и помогаетъ?

— Отчего-жъ не помогать? Давно ужъ такъ лечу, вылечиваю.

Если кто изъ заболѣвшихъ имѣетъ деньги и не довѣряетъ монастырскимъ врачамъ, то отправляется въ Карею, гдѣ между прочимъ, живетъ профессоръ медицины афонской,—глухой монахъ врачъ. Эта замѣчательная личность имѣетъ собственную аптеку, имѣетъ множество практики и пользуется на Афонѣ общимъ уваженіемъ. Я самъ однажды принадлежалъ къ числу паціентовъ этого старика и его сгорбленная, обрюзглая, но высокомѣрная личность съ аптечнымъ запахомъ, до сихъ поръ еще припоминается мнѣ. Чувствуя боль въ груди, я, по совѣту старцевъ, обратился къ нему за совѣтомъ. Старикъ принялъ меня съ достоинствомъ и уже по первому пріему я увидѣлъ, что этотъ врачь — высокаго полета. Обыкновенные врачи афонскіе прежде всего смиренно сознаются, что они лечатъ больше помощью Божіею, а не по наукамъ; этотъ съ первыхъ словъ объявилъ мнѣ, что онъ былъ въ мірѣ однимъ изъ самыхъ ученыхъ врачей, участвовалъ въ походахъ бонапартовскихъ, и разъ будто лечилъ самого Наполеона. Долго онъ расхваливалъ себя, вѣроятно для того, чтобы пріобрѣсть мое довѣріе, и затѣмъ началъ слушать грудь мою. Выслушавъ, онъ объявилъ, что у меня болѣзнь очень опасная, что въ сердцѣ началъ образовываться огромный нарывъ и что поэтому мнѣ скоро придется покончить съ жизнью. Я молча выслу-

шалъ этотъ приговоръ, а докторъ изъ подлобья наблюдалъ за впечатлѣніемъ сказаннаго.

— А между тѣмъ это дѣло очень легко поправить, прибавилъ онъ, вздохнувъ.

— У тебя кровь испорчена, и надо, чтобы она вся вышла прочь, а на мѣсто ея сдѣлалась другая чистая и здоровая кровь. Самъ Богъ видно хочетъ, черезъ меня, даровать тебѣ жизнь... Это Онъ надоумилъ тебя придти ко мнѣ... и проч. и проч. Старецъ заговорилъ жалкія слова.

— Что же мнѣ дѣлать надо? спросилъ я.

— Прежде всего надо молиться; безъ молитвы тутъ ничто не поможетъ... А потомъ я дамъ тебѣ лекарство, которое надо будетъ принимать цѣлый мѣсяцъ. Это лекарство такъ переродитъ тебя, что сто лѣтъ проживешь.

Онъ ушелъ въ свою аптеку и черезъ полчаса вынесъ тридцатъ штукъ мягкихъ ароматическихъ лепешекъ, въ родѣ пастилы, и велѣлъ мнѣ каждый день проглатывать по одной лепешкѣ, причемъ ни ѣсть ни кислаго, ни соленаго. Приэтомъ онъ вручилъ мнѣ мелко исписанный листокъ бумашки.

— А это что? спросилъ я.

— Это рецептъ, отвѣтилъ врачъ.

Я прочелъ. Въ рецептѣ говорилось много о вѣрѣ въ Бога, о силѣ науки, клятвенно выражалось обязательство совершенно очистить кровь мою отъ всѣхъ болѣзней и даже исправить всю нервную систему... Въ заключеніе прибавлено было, что все это стоитъ два полуимперіала и тридцать фунтовъ пшеничныхъ сухарей.

Я согласился на всѣ эти условія и взялъ лекарство. Старикъ напрощаньи выразилъ мнѣ свою радость, что я живъ останусь, и мы разстались по пріятельски. Но спасительное лекарство не помогло потому, какъ объяснили мнѣ мѣстные врачи, что на Афонѣ я не имѣлъ возможности соблюдать строгой діэты.

Вообще, этотъ врачъ, когда узналъ я послѣ, любитъ очищатъ кровь у своихъ паціентовъ; только съ монашеской кровью онъ обходится нѣсколько проще. Одному больному онъ, въ видахъ очищещенія, закатилъ, говорятъ, такую порцію очистительнаго, что мѣстные врачи ничѣмъ не могли остановить дѣйствія лекарства, и бѣднякъ померъ. Когда донесли старику объ этомъ, то онъ очень удивился и объявилъ, что дѣйствіе лекарства еще не должно было окончиться

такъ скоро; но за то, прибавилъ онъ, если бы больной могъ его вынести, то совсѣмъ переродился бы.

Кромѣ этихъ врачей, врачующихъ разными аптечными снадобьями «по наукамъ», нѣкоторые монахи лечатъ ладонками, нашептываньями, заклинаньями и другими рецептами народной медицины. Такой способъ леченья распространенъ большею частью между русскими монахами изъ простонародья и употребляется ими только въ крайнихъ случаяхъ, когда наука не помогаетъ. Хоть со страхомъ въ душѣ приступаетъ монахъ къ этимъ щекотливымъ для совѣсти обрядамъ, но онъ не въ силахъ отъ нихъ отказаться Строго аскетическій складъ Афона не могъ вытѣснить этихъ повѣрій изъ мо говъ русскихъ. Впрочемъ надо оговориться, что такое леченье здѣсь происходитъ не призываньемъ силы демонской, а именемъ Божіимъ: всѣ обращенія къ темнымъ духамъ старательно выброшены изъ афонскихъ нашептываній и потому то говорятъ, большая часть этихъ шептаній не помогаетъ. Я долго хворалъ на Афонѣ лихорадками. Мѣстные врачи истощили надо мной всѣ свои свѣдѣнія, но легче не было. Наконецъ одинъ монахъ, послѣ долгихъ предисловій осторожно заговорилъ со мной о какомъ-то чудодѣйственномъ талисманѣ, который надо носить на шеѣ, и вызывался достать его.

— Чтожъ изъ этого выйдетъ? спрашивалъ я его.

— А то, что лихорадки боятся этой ладонки и пропадутъ сами собой. Вы только соглашайтесь надѣть, а ужъ тамъ сами увидите, что будетъ. Кто ее знаетъ, что тутъ за сила такая? Только народъ вѣритъ ей крѣпко и попытаться не мѣшаетъ.

— И поможетъ?

— Поможетъ непремѣнно, но только съ условіемъ: не смотрѣть, что будетъ зашито въ ладонкѣ.

Я сперва смѣялся, а потомъ изъ любопытства рѣшился испробовать на себѣ силу талисмана. Монахъ, довольный моимъ согласіемъ, скоро принесъ замшевую, зашитую на-глухо, ладонку и надѣлъ мнѣ ее на шею, упрашивая не разсматривать ее. Въ первый день я еще проносилъ ладонку, и только постоянно ощупывалъ, стараясь догадаться, что такое въ ней зашито; но на слѣдующій день я не могъ преодолѣть искушенія любопытства. Пользуясь минутой уединенія, я заперъ дверь своей кельи и осторожно вскрылъ ладонку. Тамъ оказался кусочикъ бѣлаго хлѣба, завернутый въ змѣиную кожу. Долго думалъ я надъ объясненіемъ этой врачебной загадки, но ко-

нечно ничего не выдумалъ, и обратился за объясненіемъ къ тому монаху. Монахъ, узнавъ въ чемъ дѣло, разсердился не на шутку и сколько ни просилъ я у него ладонки,—не далъ.

Одинъ русскій инокъ прославился на Афонѣ удачнымъ леченьемъ отъ укушенія змѣй, посредствомъ нашептыванья. Не смотря на такой щекотливый для вѣры способъ леченья, монахи, даже киновіаты, въ случаѣ несчастія обращаются къ нему, и тотъ, говорятъ, вылечиваетъ.

— И не грѣхъ вамъ лечиться у него?—спрашивалъ я киновіатовъ?—Вѣдь такъ только колдуны лечатъ.

— Что же дѣлать-то, когда другихъ средствъ нѣтъ? отвѣчали они мнѣ. Одинъ больной, въ прошломъ году, поѣхалъ было къ карейскому доктору, а тотъ поставилъ ему на рану мушку, чтобъ вытянуло ядъ, да потомъ велѣлъ летучей мазью смазать. Что-жъ вышло? Рука у больного стала гнить, дошло до самого сердца, и бѣднякъ померъ. Какъ же послѣ этого къ доктору ѣздить?

— А этотъ лечитъ удачно?

— Этотъ лечитъ попросту стоячей водой, да нашептываньемъ. Вотъ, намедни, одному изъ нашихъ змѣя укусила руку. Рука вздулась, боль непомѣрная. Пошелъ онъ къ духовнику и говоритъ: — такъ и такъ, молъ, благослови пойти къ отцу Сергію. Духовникъ благословилъ и больной отправился. На дорогѣ рука словно бревно стала, такъ что бѣднякъ еле дотащился до Сергія. Сергій посмотрѣлъ: «ничего, говоритъ, молись богу, вылечимъ». Положилъ онъ его на кровать, самъ принесъ стоячей воды изъ прудка, чуть не съ полведра, пошепталъ что-то надъ нею, спрыснулъ больную руку и говоритъ: «пей какъ можно больше!» Напился отецъ, а Сергій опять пошепталъ, вспрыснулъ и опять говоритъ: «пей!» — Не могу, отвѣчаетъ отецъ. — Пей, а не то плохо будетъ! — Ну и выпилъ. Потомъ въ третій разъ то же самое и такъ заставилъ его насильно всю воду выпить. Послѣ этого отецъ легъ спать и къ утру всталъ какъ встрепанный; рука какъ ни въ чемъ не бывало, только ранка махонькая у ногтя осталась. Далъ ему Сергій пластырю залѣпить, значитъ, ранку, тѣмъ и дѣло окончилось.

— Вѣдь это чудо! — замѣтилъ я.

— Можетъ и чудо, кто жъ его знаетъ! Конечно, все отъ бога!

Замѣчательно, что многіе питаютъ къ этому лекарю суевѣрный

страхъ, и хотя тотъ клянется, что не призываетъ силы нечистой и даже предлагаетъ открыть свой секретъ леченья, но никто не рѣшается воспользоваться его предложенiемъ.

Этотъ способъ леченья водою напомнилъ мнѣ другой, подобный. Подлѣ Ксенофскаго монастыря на Афонѣ, есть минеральный источникъ съ солоноватою водою, которая тоже иногда употребляется монахами, какъ очистительное и потогоное средство. Только, чтобы вода подѣйствовала, говорятъ, надо выпить ее не менѣе *десяти* фунтовъ заразъ; а иначе ничего не будетъ. Къ этому источнику прежде сходилось много больныхъ, но эти больные стали безпокоить и развлекать обитателей Ксенофа, и старцы монастырскiе приказали завалить источникъ каменьями.

Близь Иверскаго монастыря есть на Афонѣ келья умалишенныхъ, гдѣ содержатся монахи больные сумашествiемъ. Она стоитъ совершенно одиноко и вся заросла плющомъ и густымъ маслиничнымъ лѣсомъ. Въ ней при мнѣ было трое больныхъ, и при нихъ одинокiй монахъ-сторожъ. Гуляя по окрестностямъ Ивера, я часто заглядывался на эту келью, не предполагая, что тамъ скрыто столько мучительныхъ страданiй; но однажды одинъ изъ проэстосовъ иверскихъ объяснилъ мнѣ назначенiе кельи и пригласилъ даже осмотрѣть ее. Еще на пути въ келью разслышали мы неистовые вопли и плачъ...

— Что это? спросилъ я спутника.

— А это болгарскiй монахъ кричитъ, бьютъ вѣрно, — флегматически отвѣтилъ проэстосъ.

— За что же бьютъ-то?

— Вѣроятно за дѣло. На нихъ иначе ничѣмъ не подѣйствуешь.

— Меня покоробило.

Вошли. Въ кельѣ такъ темно, что надо было пробираться ощупью. Проэстосъ, чтобы не споткнуться, приказалъ открыть настежъ двери; свѣтъ ворвался и только тогда я могъ разсмотрѣть печальное

помѣщеніе больницы. Представьте себѣ длинный и узкій коридоръ, по обѣ стороны котораго пробиты маленькія окна съ желѣзными рѣшетками, а за этими рѣшетками въ непроницаемой тьмѣ сидятъ заключенные. Подлѣ оконъ находятся постоянно замкнутыя двери, чрезъ которыя впускаютъ больныхъ за рѣшотку, а въ углу устроено помѣщеніе для сторожа. Въ кельѣ холодно и сыро. Изъ ближайшаго къ двери окна раздавался мучительный крикъ. Я заглянулъ въ рѣшотку и разглядѣлъ фигуру болгарина. Онъ былъ совершенно голъ и дрожалъ отъ холода (дѣло было въ декабрѣ). Посинѣвшее тѣло его судорожно коробилось и жалось къ рѣшеткѣ, слезы текли градомъ, и онъ, то съ мольбой, то съ угрозой просилъ *хльба*, жаловался, что умираетъ съ голоду. Сторожъ молчалъ, сидѣлъ спокойно на обрубкѣ дерева и не обращалъ вниманія на эти крики.

— Отчего жъ не даютъ ему ѣсть? спросилъ я.

— Его никогда не накормишь, — отвѣтилъ проэстосъ; — онъ на томъ и помѣшался, что умираетъ съ голоду.

— Хлѣба! — кричалъ болгаринъ. Ради Христа, сжальтесь отцы! Три дня не ѣлъ ничего... Цѣлую жизнь не ѣлъ...

— Дай ему отче!

Сторожъ нехотя ушелъ въ свою комнатку, вынесъ оттуда зачерствѣлый ломоть и сунулъ его за рѣшотку. Болгаринъ мгновенно смолкъ, попросилъ благословенія у проэстоса и съ жадностью сталъ глотать этотъ сухарь, смачивая его слезами... Тяжело было смотрѣть на эти муки. «Сумасшедшій ли онъ?» подумалъ я невольно, глядя на исхудалое лицо страдальца, въ которомъ проглядывало что-то доброе, симпатичное. «А можетъ быть онъ былъ полнымъ аскетомъ и изнуряя себя постояннымъ голодомъ, наконецъ помѣшался на этой мысли?..»

— Почему онъ безъ одежды? спросилъ я опять. Посмотрите, онъ весь посинѣлъ отъ холода; вѣдь теперь зима.

— Да развѣ онъ чувствуетъ что нибудь?.. отвѣтилъ проэстосъ; — вѣдь онъ сумасшедшій. Да бросьте его! Вотъ посмотрите-ка лучше на этого монаха.

Я заглянулъ въ другое окно и въ потьмахъ разглядѣлъ сѣдую фигуру старика едва прикрытаго изодраннымъ рубищемъ. Онъ тихо молился, перебирая, вмѣсто четокъ, тяжелыя цѣпи, которыми былъ прикованъ къ потолку. Крики болгарина, повидимому, его нисколь-

ко не тревожили; вѣроятно больные уже успѣли свыкнуться съ ними.

— Вотъ ужъ восемь лѣтъ на цѣпи сидитъ, промолвилъ проэстосъ.

— За что же?

— Сумасшедшій!

Третій *больной* спалъ, связанный по рукамъ и ногамъ.

— Вѣроятно ваши сумасшедшіе очень буйствуютъ, что вы ихъ держите въ такомъ заключеніи.

— Конечно! Съ ними теперь что ни сдѣлай, не поймутъ ничего, будто и не люди... Пойдемте-ка отсюда на воздухъ, здѣсь душно что-то!.. проговорилъ проэстосъ и вывелъ меня изъ кельи.

— Анафема! крикнулъ вслѣдъ ему болгаринъ, но проэстосъ только улыбнулся и обратившись ко мнѣ сказалъ: «ну, теперь сами видите, что сумасшедшій?..»

— Вижу! — отвѣчалъ я.

Грустное впечатлѣніе произвела на меня эта прогулка и долго еще въ ушахъ моихъ отдавались эти тяжелые вопли и проклятія болгарина.

Недалеко отъ этой кельи стоитъ другая, гдѣ помѣщаются прокаженные. Это тѣ несчастные, которые еще въ мірѣ получивъ заразу и отринутые обществомъ, рѣшились остальные дни своей отравленной жизни провести въ уединеніи и молитвѣ на пустынномъ Афонѣ. Келья ихъ стоитъ въ глуши непроходимой, всторонѣ отъ всѣхъ дорогъ и мѣстные жители далеко обходятъ эту келью, боясь заразы. Пищу имъ носятъ монахи изъ Ивера и оставляютъ на условленномъ мѣстѣ, откуда ее берутъ уже сами больные. Какъ живутъ тамъ эти пустынники и сколько ихъ — не знаю, но вѣроятно доля ихъ на Афонѣ слишкомъ незавидная, безотрадная...

Н. А. Благовѣщенскій.

НА ЧУЖБИНѢ.

Пусть здѣсь скалъ громадныхъ темныя руины
Подняли высоко гордыя вершины;
Изумрудной сѣткой свѣсясь надъ водами,
Шепчутся деревья съ свѣтлыми струями,
И катятся волны, голубыя волны,
Полны нѣги тайной, рѣзвой ласки полны,
И летятъ по небу хороводомъ дружнымъ
Облака въ нарядѣ свѣтломъ и жемчужномъ...
Сторопа иная, сторона родная!
О тебѣ грущу я, ирдемъ вспоминая
Нивы золотыя, что лежатъ какъ море,
Разливая плавно волны на просторѣ...
Ѣдешь по дорогѣ — слѣдомъ за тобою
Только пыль ложится тучкой золотою,
Жаворонка пѣсня звонко раздается,
По раздолью неба трель за трелью льется...
Вотъ стоитъ деревня. Бѣдныя избушки
Подъ горой печально жмутся другъ ко дружкѣ;
Покосились стѣны, кровли изъ соломы...
Здѣсь-то терпятъ горе, терпятъ до истомы,
Здѣсь-то, день покончивъ чередой обычной,
Ночь проводятъ люди съ думой горемычной:
Долго ли томиться, и дождешся что-ли
Отдыха, покоя, да привѣтной доли?..
Вѣтеръ-ли съ родимой стороны доноситъ
Стонъ ихъ, что у сердца слезъ горючихъ проситъ?
Дайте мпѣ увидѣть въ этихъ бѣдныхъ хатахъ
Тружениковъ сильныхъ, скорбью лишь богатыхъ,
Дайте мнѣ обнять ихъ любящимъ объятьемъ,
Высказать имъ душу какъ родимымъ братьямъ,
Жалобу ихъ слыша, сердцемъ надорватся,
О судьбѣ ихъ темной горько нарыдатся!..

В. Буренинъ.

ПО ДОРОГѢ.

РАЗСКАЗЪ.

«Рано пташечка запѣла: чтобы кошечка не съѣла.»

Іюльскій вечеръ догоралъ тихо, ясно, безоблачно. Западъ пламенѣлъ спокойнымъ свѣтомъ. Замолчали длинношеи-гагары, плавающія и ныряющія у низменнаго берега Кубины; съ Кихты налетѣли стада черпединныхъ утокъ и беззаботно расположились на окраинѣ берега. Будь лодка, подплылъ бы къ нимъ, огласилъ бы тихую окрестность раскатистымъ выстрѣломъ, да гдѣ тутъ лодку найдешь: за мной, и справа, и слѣва тянется боръ. Весь этотъ берегъ, состоящій изъ сыпучаго песку, насколько можетъ охватить глазъ, поросъ ельникомъ. Боръ пустынный, однообразный. Кромѣ ельника, не видать никакой травки божіей, никакого растенія; подъ ногами одинъ песокъ, еще неостывшій послѣ дневного жара; надъ головой только темная, иглистая зелень, сквозь которую сквозитъ ровная синева неба. Такого пустыннаго, однообразнаго бора я не встрѣчалъ. Тишина ненарушимая, раздражающая, досадная. Кажется, ни одно живое существо не пріютилось тутъ; пернатаго царства и слѣдовъ нѣтъ: ни пѣвучаго посвиста пѣночки, ни трескотни сѣраго дрозда, ни воркованья дикаго голубя... Повидимому единственное живое существо, знакомое этому бору, черная змѣя, которая беззвучно вьется и ёрзаетъ по песку... Окрестная тишина нарушается только жалобнымъ стономъ

кулика-кроншнепа, раздающимся съ Кихты, съ ея кочковатаго прибрежнаго луга: эдакій заунывный стонъ! А утки неподвижно чернѣютъ на противоположной сторонѣ, какъ комки грязи; вотъ и гагары пристали къ нимъ. Рѣка шириною саженъ въ сорокъ, ружье не хватитъ, а лодки нѣтъ. Пожалуй и есть, да у того же берега, вотъ у той деревни, что чернѣетъ десятками избъ, у знаменитаго въ томъ краю Ананьина, гдѣ по вскрытіи вешнихъ водъ бываетъ ежегодно большая лѣсная ярманка.

Идти надо, тутъ нечего дѣлать... чу!.. голоса... Что бы это значило?.. недалеко... Эге! да тутъ цѣлая ватага мужиковъ.

— Богъ-помочь, братцы!

— Добраго здоровья.

— Куда путь держите?

— Недалеко,—подсѣку жечь.

— Возьмите меня съ собой.

— Милости прошаемъ.

— А ваша милость отколева? спросилъ старикъ весьма почтеннаго вида, совсѣмъ высохшій, съ глубоко впалыми глазами, со свислымъ носомъ, оголившимся лбомъ и бритымъ подбородкомъ.

Я сказался.

Пришли къ мѣсту. Среди песчанаго пространства, поросшаго ельникомъ, отъ рѣки протянулся «лядокъ»: тутъ-то и было мѣсто подсѣки. На землѣ лежали кучи мелкаго лѣсу, уже сухого отъ давнишней лежки, хвороста и прутьевъ.

Мужики зажгли подсѣку съ одного конца, а я сѣлъ на пенекъ.

— Что же вы на подсѣкѣ посѣете?

Всѣ посмотрѣли на меня съ наивнымъ удивленіемъ къ моему невѣжеству, вѣроятно, находя излишнимъ отвѣчать на мой вопросъ. Только вышесказанный безбородный старикъ посмотрѣлъ на меня пристально, но безъ удивленія, и отозвался на вопросъ:

— Ленъ; въ здѣшнихъ мѣстахъ такой обычай, все ленъ на подсѣкахъ сѣютъ.

Онъ выговаривалъ «подсѣка», а не «подцѣка», какъ прочіе мужики.

— И хорошо ленъ родится?

— Лучше требовать нельзя; высокій, аршина въ два будетъ, чистый, мягкій; первый сортъ ленъ.

Онъ говорилъ съ достоинствомъ, съ вѣсомъ, отчеканивая каждое слово.

— По одинъ годъ ленъ сѣете, а тамъ что?

— По одинъ-съ, а тамъ тимофеевку, палошникъ.

— Развѣ у васъ сѣна мало?

— Не такъ чтобы вдоволь; много-то было—да сплыло. Но одначе палошникъ сѣютъ не для сѣна.

— Для чего же?

— Для сѣмянъ больше. Оно выгодно выходитъ: пудъ сѣмени посѣютъ, а снимутъ двадцать; значитъ на четыре рублишка получить приходится восемьдесятъ рублевъ, такъ оно и барышно. А сѣно-то само сабой.

— Куда же съ семенемъ дѣваться?

— Въ Питеръ отправляютъ-съ; тамъ значитъ въ немъ нужда есть, спросъ, такъ и покупаютъ.

Подсѣка разгорѣлась чудесно; огонь пылалъ ровно, треща и озаряя темнѣющую даль; никакого звука не было слышно, кромѣ этого треску: волны не тискались въ пологій берегъ, птицы не пѣли, не кричали. Тамъ да индѣ, между полями и огненными кустами, виднѣлись озаренныя яркимъ свѣтомъ фигуры мужиковъ. Мы съ старикомъ остались вдвоемъ; онъ видимо непрочь былъ побесѣдовать.

— Какже ты сказалъ, что сѣна у васъ много было, да сплыло. Куда же оно дѣлось?

— Куда-съ? другимъ досталось. Изъ-за этого у насъ таки повздорили.

— Какъ повздорили?

Старикъ присѣлъ рядомъ и, потупившись въ землю, отвѣчалъ: «дѣло такое вышло, еще при покойномъ баринѣ. Теперь, можетъ, похлопотать бы, такъ дѣло-то и поправилось бы.

— Да въ чемъ дѣло-то? разскажи.

— Разсказать можно-съ, да длинная пѣсня будетъ, наскучитъ.

— Ничего! можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ бѣда поправимая, подумаемъ.

— Разѣ покороче, главное-то вамъ представить.

— Нѣтъ, ужь разсказывать, такъ разсказывай со всѣми подробностями,—я нескучливъ слушать-то.

— Коли такъ, я раскажу вамъ все досконально! Вы не изволили знать нашего покойнаго барина?

— Нѣтъ.

— Вельможный былъ господинъ, съ енаралами за панибрата обходился... Меня онъ еще мальчишкомъ—во̀ какимъ ко двору взять изволилъ, значитъ я всю подноготную знаю. И съ карактеромъ былъ баринъ. Много у него усадьбъ было, а ни одной не любилъ онъ больше Елякова, вотъ что не далече отсюда за боромъ стоитъ... Теперича Еляково совсѣмъ заброшено, пустыня, какъ есть пустыня... А при покойникѣ Матвѣѣ Петровичѣ въ немъ порядокъ да убранство были... Домъ ли — теперь ужь его на дрова растаскали, сады ли, ранжереи ли, конюшни ли,—все въ чистотѣ соблюдалось. Ну и наблюдать-то ужь было кому: дворни человѣкъ поболѣ полсотни считалось. Что кучеровъ, что лакеевъ, что садовниковъ, что горничныхъ—кралечки водились такія, что любо-дорого, было кому чистоту соблюдать. Ктому же Матвѣй Петровичъ спуску нашему брату не давалъ, чуть немножечко въ чемъ промахнулся, али не потрафилъ по карактеру, тотчасъ, «порцею» бывало отпустить прикажетъ. Сто розогъ—это значитъ порцеей называлось. «Отпустить ему порцею!» скажетъ, ты и понимай, что сотню розгачей тебѣ въ филипьевну такъ-таки и влѣпятъ; «отпустить двѣ порцеи» — понимай, что двѣ сотни проглотишь. Для малыхъ ребятъ порцея была пятьдесятъ. Меньше порцеи никому угощенья не отпускалось. Во всемъ, покойничекъ, порядокъ любилъ. Миловать не любилъ. И къ дѣтямъ своимъ строгъ былъ. Особливо старшему, Ивану Матвѣичу покойному, доставалось. Онъ, изволите видѣть отъ первой жены родился, послѣ матушки родной двугодовалымъ ребеночкомъ остался. Какъ поженился Матвѣй Петровичъ на другой-то женѣ,—важную такую барыню, енаральскую дочку подцѣпилъ,—Иванушкѣ-то чертвертый годочикъ пошолъ. Вотъ и не стало ему житья отъ знатной-то мачихи. А первая жена Матвѣя Петровича, изволите видѣть, просто на просто его дворовая дѣвушка была. Какъ это дѣло произошло, какъ полюбилъ онъ свою дѣвку крѣпостную, доскопально передать вамъ объ этомъ не могу; мелютъ, что дѣло безъ грѣха не обошлось, только все это, какъ я полагаю своимъ умомъ-разумомъ, однѣ пустыя рѣчи, потому житье первой барынѣ нашей было больно нескусное: отъ барскихъ рукъ—не къ ночи будь сказано—и въ могилу-то сошла... Ну да это всторону.

— А Иванушкѣ плохо приходилось. Чего-чего не наговаривала на него мачиха: и прижила-то его покойница не отъ Матвѣя Петровича а отъ лакея, и смотритъ-то онъ хамомъ, и братьевъ-то своихъ,

что она народила, обижаетъ. Не взлюбилъ и Матвѣй Петровичъ своего старшаго сына. На грѣхъ точно, Иванушко росъ эдакой суровый, изъ себя неказистый: худощавенькій, поджарый, черноватый, какъ жукъ, руки такія длинныя, такъ что онъ не знаетъ куда и дѣваться съ ними, такой неудача съ виду, а лобъ большущій, потому ума у Иванушки была палата. Тутъ братишки подросли, волю такую забрали,—просто проходу не даютъ большаку: «хамово отродье, да хамово отродье!..» Сталъ Иванушко убѣгать отъ отца, отъ мачихи, ото всей родни своей; заберется въ лѣсъ, бродитъ, какъ звѣренокъ какой. А то на кухню, али къ скотную избу заберется,—съ дворовыми дружбу большую свелъ,—сказки слушаетъ, да съ ребятишками играетъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей: видятъ дворовые, что въ отцовскомъ домѣ ему житьишко плохое, — ну и приголубятъ сиротку.

— Меня-то баринъ взялъ къ себѣ по восьмому годочку; мы съ Иваномъ Матвѣичемъ погодки росли; понравился я барину; изъ себя я смолоду пригожъ-таки былъ; а мальчишкомъ-то, сказываютъ, просто какъ куколка былъ. Наша деревня, Чупрово прозывается, можетъ слыхалъ: верстъ полдесятка отъ Елякова—больше не будетъ, значитъ близко, рукой подать,—такъ мы, ребятишки, частенько на барскій дворъ бѣгивали; дѣтское дѣло, извѣстно, поглазѣть хочется. Разъ и попадись я на глаза барину, да еще какъ попадись-то: его любимую собаку подразниваю,—собаченка кужлявая такая, что овца, прыгаетъ на меня, а мнѣ-то и любо... Вдругъ баринъ: «чей, говоритъ, мальчишка? да какой, говоритъ, херувимъ, красатунчикъ; а сабаку, говоритъ, дразнить не надо, за это я тебѣ порцею отпущу.» Тутъ прибѣжали барчата, всѣмъ огуломъ, только Иванушки одного нѣтъ, да какъ заорутъ: «отдай его намъ, да отдай его намъ!»

— Постойте, говоритъ баринъ: прежде надо съ нимъ за сабаку раздѣлаться, а тамъ, говоритъ, какъ знаете, берите себѣ. Отпустить, говоритъ ему порцею! Ну ужъ меня и взъерепенили, просто едва жива подняли и тотчасъ-же во дворъ взяли. И больно-то молъ было, а пуще боли, что изъ деревни во дворъ взяли: и крестьянамъ нашимъ, даромъ что на оброкѣ жили (барщину справляла другая деревня, тоже подъ бокомъ у Елякова стоитъ), житье было несладкое, а дворовымъ и подавно... Долго я свыкнуться не могъ, все къ своимъ на Чупрово убѣгалъ; одначе—кое побоями, кое баловствомъ разнымъ (извѣстно, дворовому человѣку всяко бываетъ, часомъ съ квасомъ,

порой съ водой) поотбило меня отъ Чупрова. Съ перваго же дня, какъ взяли меня во дворъ, увидѣлъ я, каково было житье-бытье старшаго барченка. Грѣшный человѣкъ, я самъ бывало обижалъ его, и хамовымъ-то отродьемъ ругнешь, и щипка, али толчка при случаѣ дашь. Вѣстимо, съ барчатами все больше якшался: значитъ, и примѣры съ нихъ бралъ; а то просто напросто и по ихъ наущенью дѣлалъ. Малы они, малы, а все-же баре, да еще барыня за нихъ горой стоитъ: значитъ ослушаться не моги. А онъ, голубчикъ не то, чтобы пожаловаться, али на отместку что ни-на-есть сдѣлать, такъ даже слова дурного тебѣ не скажетъ, ни пикнетъ, только прочь идетъ... Одначе спокаялся я въ этомъ, потому отъ барчатъ и мнѣ стало шибко доставаться: играютъ-играютъ, да такого тебѣ иной разъ стрѣчка дадутъ, что свѣту божьяго не взвидишь: заплачешь, старый баринъ услышитъ (не любилъ онъ реву да слезъ), тебѣ же порцею прикажетъ отпустить. А то сами пашалятъ, на тебя всю вину свалятъ, али нарочно, для ради смѣху, подъ розги да подъ брань подведутъ...

Всего народила енаральская дочка нашему барину трехъ сыновъ. Видные были баре, молодецъ къ молодцу, глядѣть любо. Только ужь баловались шибко и волю большую забрали, удержу на нихъ не было. Озыри росли. Какъ принесетъ ихъ нелегкая въ деревню, такъ всѣ ребятишки, бывало, горошкомъ разсыплются, кто куда, лишь бы на глаза имъ не попадаться: смѣшки у нихъ пойдутъ, а отсмѣнваться ребята начнутъ, колотки полетятъ: а тамъ пожалуй и жалобы къ барынѣ. Наши деревенскіе ребятишки сами до смѣшковъ-то охочи, какъ разъ на зубы подымутъ, прозвищами такими ошельмуютъ, что не отдѣлаешься послѣ ни крестомъ, ни пестомъ: «стрига-разстрига», да «чумазый», да «сизая ворона», да еще прибаутокъ разныхъ наберутъ, да всѣ и затянутъ. Вотъ и стали они бѣгать отъ озорниковъ. А бабы такъ во всѣ глаза и смотрятъ за овцами да за курами; того и гляди, голову свернутъ. А то на барскій дворъ потащатъ и здорово-живешь. Хлѣбушко въ поляхъ, грядки въ огородахъ, али хмѣлюшко—истопчутъ, переломаютъ. Шибко не долюбливали крестьяне эту тропчку. За то ужь Иванушку какъ любили! Добрый онъ росъ для всѣхъ, а особливо до нашего брата. Съ барскими подростками тоже огрызался, хоть и доставалось ему за это, а чтобы нашего брата пальцемъ тронулъ, али словомъ какимъ нехорошимъ обидѣлъ, ни-ни... На что ужь я: самъ, бывало, изо-

бижалъ его, отъ него слова дурного слыхомъ не слыхивалъ. Кровь-то что-ли въ немъ крестьянская отзывалась, али оттого, что съ-измала онъ братался съ нами, али ужь онъ съ обидъ-то не залюбилъ господъ, а больше къ нашему брату мужику сиволапому жался,—про то Богъ вѣдаетъ; попусти ему Господи самому хозяиномъ набольшимъ значитъ сдѣлаться, облагодѣтельствовалъ бы крестьянъ. Не прожилъ я трехъ годковъ въ барскомъ домѣ, случись со мной оказія, за кою всыпали-бы мнѣ не одну порцею. Забрался я къ барину въ кабинетъ. Кабинетъ у насъ былъ диковинный. Бывалъ я въ городѣ на ярмонкѣ, а вотъ ей-богу столько диковинокъ не видѣлъ, какъ у покойника въ кабинетѣ. Стояли тутъ бѣлыя куклы, все больше голыя женщины, куда хороши были, особливо одна: лежитъ—эдакъ извернулась, живая—какъ есть живая, только-что не говоритъ!.. Какъ ужь меня лѣшій угоразднлъ, про то онъ знаетъ, сронилъ я эту куклу, сронилъ и въ дребезги: изъ лебастру она, надо быть, сдѣлана была... И такой страхъ меня въ тѣ-поры забралъ, что выскочилъ я изъ кабинета, какъ дуракъ какой, сердечушко у меня замерло, дрожь по кожѣ пробѣжала, бросился я — да напрямки къ рѣкѣ: утоплюсь, думаю. Да съ разбѣгу-то на Иванушку и наскочилъ. Хорошо, что не на тѣхъ головорѣзовъ. «Что ты?» говоритъ онъ, видитъ—на парнѣ лица нѣтъ:—«что ты, Богъ съ тобой, Кузьма?» Какъ онъ сказалъ мнѣ это, да таково душевно сказалъ (а до того я и имени своего христіанскаго не слыхивалъ, все Куськой слылъ), не знаю, что сталось со мной: забрало ли меня горе-то больно, что подѣлиться больно понадобилось, али вспомянулось мнѣ, какъ я прежъ сего Ивана Матвѣича изобижалъ, упалъ я ему въ ноги: «куклу, говорю, баринову искалѣчилъ», а самъ слезами обливаюсь.—«Не горюй, говоритъ онъ:—поправимъ дѣло!»—«Ой, засѣкутъ, говорю:—до смерти засѣкутъ!»—«Полно врать (онъ-то мнѣ), никто и не узнаетъ... да какъ это тебя угораздило?» — Такъ-молъ и такъ.—«Иди, говоритъ, въ свое мѣсто, да не сказывай никому, знать-молъ не знаю, вѣдать не вѣдаю.»—Ладно. Такъ я и сдѣлалъ. Что-же вы думаете, какъ загагайкалъ Матвѣй Петровичъ, да крикнулъ: «кто куклу разбилъ?» онъ, Иванушко-то, все на себя и принялъ. Смѣло таково вышелъ: я, говоритъ, ненарочно толкнулъ и сронилъ;—таково смѣло, что Матвѣя Петровича ошеломило; инда нахмурился онъ: «не смѣй-же ко мнѣ впередъ и носа показывать», да и тѣмъ и покончилъ.

— Вотъ съ этого-то съ самого случаю подружился я съ загнаннымъ барченкомъ. Дома разсказалъ. Мать у меня въ тѣ-поры жива была, умница была, царство ей небесное,—всѣмъ домомъ ворочала, даромъ что маленькая эдакая, мозглявенькая; а отца, покойника, въ рукахъ держала,—почитай что, кабы не она — пропащій-бы человѣкъ вышелъ, потому винцомъ зашибаться хлёстко начиналъ. Господи, какъ ужь мать, а за ней и отецъ благодарствовали ему,— одинъ вѣдь я сынъ у нихъ, какъ перстъ, былъ. Сестрѣ, Автотьѣ, тогда тринадцать минуло, а мнѣ пятнадцать. Правда, и до этого случая Ивана Матвѣича вся деревня любила. Началъ онъ бѣгать на Чупрово чаще да чаще: сказки да присказки деревенскія слушаетъ, пѣсни съ ребятами поетъ, за грибамъ, за ягодамъ ходитъ. Пѣсни какъ ужъ любилъ, такъ на удивленье, и все больше заунывныя: «Ночь темная, осенняя», али «Палъ туманъ на сине море». Голосъ Богъ далъ ему звонкій такой, разливчатый; запоетъ, особливо когда повыросъ-то, просто сердечушко заноетъ, за душу тянетъ, а все бы слушалъ... Диво только, какъ привыкли къ нему, и вѣдь не то чтобы мужицкое въ немъ что видѣли, ни-ни, не тѣмъ онъ смотрѣлъ. Дивной человѣкъ удался: баринъ, какъ есть, настоящій; а никто его не боялся, никто отъ него слова дурного не слыхалъ, одначе никто не забывался передъ нимъ, всякъ съ уваженьемъ къ нему относился... Дивной, дивной былъ человѣкъ... И какъ онъ всю деревню зналъ, всѣ достатки мужичковъ, али обычаи, точно самъ родился между ними... Да то-ли еще послѣ было, какъ онъ книжной мудрости набрался, да всякимъ наукамъ выучился!..

— Вотъ теперь я вамъ о сѣнокосѣ скажу. И тогда было у насъ сѣнокосу мало, просто лошаденки прокормить нечѣмъ, хоть—какъ хошь. Вотъ и надумали наши ребята купить, значитъ, сѣнного покосу. Все Гордѣева затѣя была: богатый мужикъ былъ и со старостой не въ ладахъ жилъ, эдакій высокій, сутулый, черномазый, все изъ-подлобья глядѣлъ и прозванье въ народѣ получилъ «монахъ». Повздорилъ онъ со старостой на сходкѣ: «за что-ста, говоритъ, мы за старостину семью подушны плотимъ, шутка ли шесть душъ, пусть самъ за себя вноситъ,—не бѣднякъ-ста онъ, а мы отъ него пользы на грошъ не видали.» Староста былъ мужиченко ледящій, только плутъ-подлипало первой руки,—Семеномъ звали; жилъ онъ со всей семьей своей при дворѣ, ничего не дѣлаючи, только насъ изобижаючи. Повздорили мужики, стали ихъ міромъ судить, судили-рядили: «дѣло, говорятъ, Гордѣй молвилъ,

дѣло». Барину доложили, и баринъ: «дѣло, говоритъ, лучше мнѣ они оброки накипутъ, чѣмъ за тебя подушны вносить». Взъѣлся Семенъ, да всей деревнѣ, подлецъ, и выместилъ: по его наговорамъ, отнялъ у насъ Матвѣй Петровичъ пожню,—дряпненькая пожнишка у насъ въ озерахъ была, возовъ двадцать пять накашивалось, не то чтобы настоящихъ возовъ, а такъ—волочужекъ. Вотъ съ этого самого времени и затѣялъ Гордѣй покупку сѣнокоса: «на-жь, говоритъ, пусть его блинъ съѣстъ, купимъ, а ему и понюхать не дадимъ»!

— На счастье наше въ сосѣдствѣ баринъ какой-то прогорѣлъ, промотался значитъ; а у него былъ лугъ, Козыремъ прозывался, тутъ по Кубинѣ. Теперь онъ вольнымъ мужичкамъ Королевымъ принадлежитъ,—такой лугъ, что обойди теперь весь уѣздъ, другого такого не найдешь: и всего мѣста, я чаю, тридцати десятинъ не будетъ, а безъ малаго двѣсти возовъ сѣна накашивается, трава по-поясъ... Скликнулъ Гордѣй сходку: «купимъ-ста, ребята, этотъ лугъ, баринъ прогорѣлъ, деньги ему очинно нужны, недорого уступитъ, у кого денегъ не хватитъ свои заложу, свои люди — разочтемся... а лугъ-ста лучше требовать нельзя,—дѣти, и внуки, и правнуки спасибо скажутъ». Порѣшили. Гордѣя торговаться послали: за три тысячи асигнаціямъ значитъ сторговалъ онъ лугъ. «Къ барину, ребятушки, надо за разрѣшеніемъ сходить, чтобъ на его имя купчую совершить». Сходили къ барину: «дѣло, говоритъ онъ,—покупайте; значитъ у васъ денежки водятся, и ладно, крестьяне богаче и помѣщикъ богаче». Купили сѣнокосъ и зажили по старому. Только тѣ слова барина не мимо прошли: опять-таки удружилъ намъ Семенушко: оброку по пяти рублевъ на тягло накинули. Ну, да ужъ наши не больно горевали; за то поразжились, не въ примѣръ лучше прежняго житье пошло; скота прибавили, лошадей выкармливать стали, урожаи поднялись; изъ всѣхъ трехъ тысячъ душъ (у нашихъ господъ всего-то три тысячи было) самыми исправными да заправными мужичками чупровскіе сдѣлались...

— Вотъ какой онъ былъ у насъ сѣнокосъ-отъ, а куда онъ сплылъ—о томъ рѣчь впереди.

— Радовалъ всѣхъ купленый лугъ, а Семену былъ онъ, истинно какъ бѣльмо на глазу. Зло забирало старосту, глядючи, какъ наши мужички душистое сѣнцо возищами стоговыми въ деревню возятъ, только мало думали о его злѣ: «сердитъ-ста да не силенъ — дерьму

братъ»; еще нарочно и лугъ-отъ гордѣевымъ прозвали. Бывало, и Иванушко уроки выучитъ да къ намъ на сѣнокосъ прибѣжитъ, бѣгаетъ по лугу, ровно въ озерѣ купается, по горло травушка. А на уроки онъ прытокъ былъ. Многому обучали нашихъ барчатъ: и на другихъ языкахъ, и цифири, и всякимъ наукамъ. Всякихъ учителевъ перебывало. И должно, далось ученье нашему Иванушкѣ, потому онъ ужъ больно уменъ сдѣлался. За то и съ книжкамъ онъ немало возился, даже на Чупрово съ книжкой прибѣгалъ. «Что же это ты, баринокъ, читаешь въ книжкѣ-то»? допрашивали его наши ребята. И начнетъ онъ разсказывать про русскую землю, про царей, про чужестранныя земли, какіе гдѣ звѣри и птицы водятся, какіе люди живутъ, —таково складно, да ладно. Или божественное что объясняетъ, лучше попа иного. И меня онъ грамотѣ обучилъ: ужъ на что безпонятнѣе, гдѣ мнѣ дураку, думалъ, да премудрость эдакую понять, анъ понялъ-таки.

И терпѣливъ, нескучливъ онъ былъ учить, просто диво. Видывалъ я, какъ у насъ въ деревняхъ дьячки, али солдатики отставные учатъ, измаютъ мальчишка, охоту всякую отобьютъ, инда и книжко-то опротивѣетъ. А онъ пріохотитъ: плачешь отъ досады, что разумѣешь туго, тянешься самъ къ книжкѣ, и приневоливать ненадо. Не одного меня, многихъ онъ такъ-то выучилъ: и грамотѣ, и цифири, и закону божію, пошли ему Господи царствіе небесное, да память вѣчную!

— Вотъ, сударь мой, и выросъ нашъ Иванъ Матвѣичъ. И я подросъ, къ старому барину въ камердины поступилъ: росторопенъ, да чистоплотенъ былъ, — понравился. Старый баринъ затѣялъ-было отправить сынка въ полкъ, да тотъ и руками и ногами: какъ ни жутко приходилось ему дома, а съ деревней-то разстаться не хотѣлось. Барыня притакнула ему въ этомъ случаѣ, извѣстно почему: расходовъ лишнихъ испужалась. Стали господа замѣчать, что бѣгаетъ частенько Иванъ Матвѣичъ на Чупрово, да съ мужиками знается: «хамово отродье, такъ къ хамамъ его и тянетъ», шипѣла барыня. И баринъ гнѣвался: «куда-ста чортъ тебя носитъ, эку компанью себѣ нашолъ, мужикъ ты что ли, голову мою срамишь!» Только нашъ биринокъ и въ усъ не дуетъ. У баръ гости, музыка, да танцы, а онъ на Чупрово удеретъ. Въ гости его ужъ и не брали: «мужикъ, говорятъ, куда ему по гостямъ ѣздить, только насъ пристыдитъ»! Со мной Иванъ Матвѣичъ съ самого того случаю, какъ я куклу

искалечилъ, въ самой что ни на-есть лучшей дружбѣ состоялъ. Я бывало и говаривалъ ему: «что-молъ, сударь, вы отъ гостей убѣгаете? Господь васъ-молъ наградитъ, что вы нашимъ братомъ не брезгуете,— одначе все же вы господинъ, значитъ вамъ съ господами и водиться надо»?

— «А что-ста мнѣ съ господами-то дѣлать? всѣ люди у Бога какъ люди, мужики ли, бара ли, кто добрѣе—тотъ и лучше.

Одначе это не одни слова его пустыя были: заступникъ онъ былъ для крестьянъ и для дворовыхъ, даромъ что не долюбливали его въ барской семьѣ. То чужую вину на себя приметъ, то съ отцомъ говорить начнетъ тихонько, тихонько, а за живое задѣваетъ: разгнѣвается Иванъ Матвѣичъ, на глаза не велитъ ему казаться, а частенько такъ дѣлалъ, какъ онъ-то говорилъ. Благословляли Ивана Матвѣича мужички и во всемъ ему вѣрили. А вѣрить-то вовсемъ не надо было: не то чтобъ обманулъ въ чемъ, ни-ни! а молодъ былъ, иногда ему такое въ голову приходило, чему и быть нельзя...

Младшіе три братана тоже подростали, тѣ больше съ гостями занимались, да сами по гостямъ ѣздили. Старшаго, Петра Матвѣича, вскорости въ полкъ снаряжать начали. Барыня чуть не за-годъ плакать стала, а онъ себѣ веселёшенекъ, радёшенекъ на волѣ, да въ городахъ-то большихъ пожить. Баринъ тоже небольно грустилъ, только все о своихъ походахъ толковать началъ... а какіе походы! сказывалъ мнѣ человѣкъ, который съ нимъ ѣздилъ, что и за полкомъ-то онъ все въ повозкѣ тащился да по трое сутокъ безъ просыпу спать,—а тоже ротой командовалъ, такъ ужъ и роту-то прозвали, «богова рота», потому командира при ней никто не видывалъ: чья-молъ рота идетъ? — «богова», говорятъ, а ты и смѣкай, что Матвѣя Петровича она... Ну да это всторону. Онъ ужъ, Матвѣй-то Петровичъ, уродился знать такой, — все на словахъ больше, а на дѣлѣ только нашего брата тяранилъ. Тоже объ охотѣ все толковалъ: «я, да я, — люблю охоту, смерть какъ люблю, умру на охотѣ». А какая охота: начнетъ бывало съ утра сбираться, весь домъ вверхъ дномъ подыметъ, до темна и просбирается; на другой день та же пѣсня, въ сборахъ да хлопотахъ время пройдетъ, и до ружья-то не доберется. А тоже за охотника себя выдавалъ... Нѣтъ, вотъ Иванъ-отъ Матвѣичъ такъ точно охотникъ былъ: ласточку на лету колотилъ, возьметъ яйцо, броситъ, да какъ шарахнетъ—и въ дребезги. И меня выучилъ: я смолоду тоже горазлъ

былъ птицу бить... Одначе, чтоже я околесицу-то понесъ. О чемъ-бишь я хотѣлъ рѣчь-то повести?.. Да, вспомнилъ!.. Любилъ, соколъ ясный, нашего брата мужичка, не то что чупровскаго только, а всякаго, отколѣ бы ни былъ, чьихъ господъ, все едино-единственно, а намъ преимущество отдавалъ потому развѣ, что мать-то его, покойница, тоже изъ нашей деревни была взята, да потому что житьишко-то намъ отъ барина не вальготное досталось: хоша жили мы небѣдно, особливо какъ лугъ купили, да порцеи частенько намъ отпускались изъ-за Семенушки нашего, а то и просто отъ барской милости, ну и въ домашней жизни никакой воли не было: «вы, говаривалъ, больше другихъ терпите, такъ и сердце къ вамъ больше лежитъ.» А то и всѣхъ мучичковъ любилъ онъ; всѣ деревни въ околоткѣ зналъ и вездѣ знакомства имѣлъ. Бывало, и за чужихъ горой стоялъ, и отстаивалъ вѣдь: такую ужь Господь-Богъ словамъ его силушку далъ. Между собой тоже мирилъ, ссоры разбиралъ. На Матренкинѣ двухъ братановъ помирилъ, такъ цѣлый вѣкъ Богу за него молились: съ раздѣла ссора у нихъ пошла, лѣтъ двадцать, какъ злыдни какіе, жили, всячески старались насолить другъ дружкѣ,—въ конецъ раззорились. Онъ и вступился: «что вы, говоритъ, грѣхъ эдакій дѣлаете, отъ баръ вамъ плохо приходитъ, да еще другъ отъ друга житья нѣтъ; вотъ, говоритъ, дружно жить надо, всѣмъ за одно стоять, какъ одному человѣку, а не ссориться.» И помирилъ вѣдь, помирились и пошли мужички въ гору, разжились... Сколько такихъ-то разныхъ случаевъ было: много добра онъ словомъ своимъ да разумомъ великимъ дѣлалъ. Тутъ одначе случилось дѣло такое, что наше Чупрово еще милѣе ему стало. Сестренка у меня выростала такая пригоженькая да бойконькая; Иванъ Матвѣичъ ее грамотѣ выучилъ и книжки ей разныя давалъ, разговаривалъ съ нею частенько. Малолѣтками еще сдружились, да такъ свыклись, ровно братъ съ сестрой. Выросли они — и слюбились. Она-то ужь крѣпко къ нему привязалась, да и онъ-то краше да умнѣе ея знать не находилъ. Авдотья выросла такая статная, ловкая, изъ лица бѣлая, глаза большіе и ужь такіе ясные, словно вся правда въ нихъ написана была; брови соболиныя, густыя, голосъ—что колоколецъ, и говорила таково бойко. Держала себя въ опрятствѣ, въ чистотѣ; хоша мужицкихъ работъ не гнушалась, еще лучше другихъ валявокъ съ серпомъ управлялась, руки у нея, такъ истинно говорю, словно у барышни были,—мягкія-размягкія,

эдакія тонкія и все-то по нимъ синія жилки пробѣгали... Ну, слюбились они. Наши-то хватились поздно, что дѣло неладно. Затосковала мать, что тутъ дѣлать? сказать ли барину, «оставь-молъ, незамай, проваливай», такъ словно совѣсть зазритъ, больно ужь онъ доберъ да ласковъ былъ, оставить на волю божію, такъ опять чтобы Богу отвѣтъ дать не пришлось, мать вѣдь родная? Богъ-то спроситъ: чего ты смотрѣла, грѣшница окаянная, что дочь свою уму-разуму не учила, не смогла дѣтище родное отъ грѣха удержать? Думала-подумала она, да такъ и рѣшила: не молвить барину ни словечка, а приняться за дочь: совѣта материнскаго ослушается, тогда можно и плеткой поучить. Ладно. Напустилась она на Авдотью: «что ты, говоритъ, дѣлаешь, себя-то губишь, да и на родителей позоръ кладешь; что ты, въ барыни лѣзешь чтоли?» Только не такова была Авдотья, чтобы не нашлось у ней слова въ отвѣтъ матери.—«Я, говоритъ она, люблю его, до смерти любить буду, а въ барыни я не лѣзу; онъ, говоритъ, не баринъ,—баре злы бываютъ, барина я ни за какія благи въ мірѣ не полюблю,—онъ добрый, онъ не баринъ,—умру, а любить его буду!» Ну, и мать-то была не таковская, чтобы дочери да потачку дать. —«Ахъ, ты, говоритъ, умница, ты учить меня, да перечить затѣяла; врешь, говоритъ, яица курицу не учатъ, знать о любви твоей не хочу, а берегись у меня, пока косы цѣлы!»—«А та ей: не жальста, молъ, и косъ, коли любить его нельзя, ничего мнѣ безъ него не надо»,—да какъ заплачетъ, зарыдаетъ, руки ломаетъ, волосы на себѣ рветъ, словно вздурѣла дѣвка. Послѣ мнѣ мать разсказывала, такъ у самой слезы ливмя-льются изъ глазъ. А въ ту пору злость ее взяла, не могла она дочерняго ослушанья вынести, вцѣпилась ей въ волосы всей пятерней, да такъ и повисла на ней. Вдругъ онъ, Иванъ-отъ Матвѣичъ, и вошолъ, вошолъ и остолбенѣлъ. У матери и руки опустились.—«За что, говоритъ, ты ее?» Молчитъ она. —«Прости, говоритъ, ее, для меня прости, если она въ чемъ согрубила тебѣ, али не угодила!» Тутъ ужь мать опамятовалась, покосилась на него. «Не то, говоритъ, мнѣ горько, что согрубила она мнѣ, а то горько, что погибели своей не разумѣетъ. Поучить ее маленько, по божески поучить хотѣла.» Надо полагать, что онъ догадался, въ чемъ дѣло.—«А я, говоритъ, къ тебѣ за дѣломъ... не тронь ее, прежде меня выслушай... Полюбилась, говоритъ, мнѣ твоя Авдотья, не мѣшай намъ любить другъ дружку, въ любви че-

ловѣкъ не воленъ, а зла я ей не желаю и погибели не сдѣлаю. По сердцу она мнѣ пришлась, хочу ее въ жоны взять, коли она пойдетъ, да вы съ мужемъ благословеніе родительское, навѣки нерушимое, намъ дадите.» Мать такъ и всплеснула руками: «что ты, соколъ мой ясный, затѣялъ-то, ты вѣдь баринъ, тебѣ значитъ барышню себѣ надо и въ жоны взять...»—«Нѣтъ (это онъ-то ей), она мнѣ милѣе всякой барышни, никакой принцесы за нее не возьму.»—Да заѣдятъ они тебя, со свѣту бѣлаго сгонятъ.»—«Не бось, говоритъ онъ, Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ, я обдумалъ-де это и порѣшилъ, только бы съ вашей стороны препятствія не вышло.» Призадумалась матка, да вдругъ какъ вскочила: «Нѣтъ, говоритъ, не рука мужичкѣ да за барина идти, — Богъ не велитъ; Нѣтъ!» Онъ какъ поблѣднѣлъ, бѣлѣе снѣгу сдѣлался, одначе вскорѣ оправился и говоритъ ей: «Богъ съ тобой, сравняла ты меня съ кѣмъ... развѣ ты меня въ первинки узнала?.. Богъ съ тобой, не умѣлъ еще я видно любви вашей заслужить...» А самъ слезы обтиряетъ, да къ дверямъ идетъ. «Стой, Иванъ Матвѣичъ, стой! Вотъ же тебѣ мое слово: любитесь, я вамъ поперекъ горла не стану... вѣрю я слову твоему... А глупое слово мнѣ прости: вѣдь дочь родная, баринъ, дочь, я за нее Богу отвѣтъ дамъ...» А онъ ей: «не зови меня бариномъ, не могу этого слова слышать...» — «Ладно, говоритъ мать, любитесь: твори Богъ волю свою»,—и вышла, да часа два передъ божницей стояла... Съ этой поры никакого препятствія ихъ любви не было. Иванъ Матвѣичъ съ той поры и звать Авдотью невѣстой сталъ и такой веселый, счастливый сдѣлался. Пожили они въ это время вольно, беззаботно, какъ птички небесныя, пока старый баринъ все толкомъ не дозналъ. А дозналъ онъ скоро: извѣстное дѣло—слухомъ земля полнится, да и Семенушко еще тутъ подвернулся: наушничать-то онъ лютъ былъ... Петровки на проходѣ были, время къ сѣнокосу шло... какъ теперь вижу ихъ на сѣнокосѣ, на гордѣевомъ лугу. Онъ въ тѣ поры каждый день на Чупрово съ утра уходилъ. Я тоже у барина на помочь къ отцу отпрошался. Деньки такіе веселые, теплые Господь послалъ, а это для сѣнокоса-то и ладно. Травушку въ тотъ годъ Богъ далъ такую, что нога ее черезъ силу пробирала; надсѣлись наши мужички, косимши ее. Съ весны засѣла она больно густа да коренаста; солнышко ее пригрѣло, да тепленькимъ дождичкомъ вспрыснуло, ну и разрослась она, все въ ростъ да въ ростъ пошла, цвѣтками за-

пестрѣла, право слово, цвѣтниковъ барскихъ не хуже... Вѣдь ужъ какъ и весело-то было хорошую траву косить; какъ пойдешь, да пойдешь, просто косы изъ рукъ не выпустилъ бы, десятокъ разъ взмахнешь, глядь, сѣно-то за тобой копна добрая выйдетъ. Только коса больно тупится, на часу разъ не одинъ точить приходится. Всѣ наши, всей деревней, мужиковъ болѣ полсотни, да бабъ съ дѣвками десятковъ семь, высыпали; какъ пошли въ запуски, только косы на солнушкѣ играютъ, да брякотокъ отъ нихъ стоитъ. Всѣ вырядились, кто чѣмъ богатъ, словно въ праздникъ... Иванъ-отъ Матвѣичъ тоже косу взялъ—лупитъ, какъ добрый мужикъ, а Авдотья за нимъ съ граблями ходитъ, сѣно шевелитъ. Сарафанчикъ на ней голубенькій, алая лента въ косѣ, вся разгорѣлась, запыхалась. И безпрестанно они переглядываются да улыбочками мѣняются. На другой же день въ два уповода мы лугъ ошабашили. Бросилъ Иванъ Матвѣичъ косу, да какъ затянетъ. «Ночь темная, осенняя»... Авдотья подхватила, и полилась пѣсня, словно море разливанное. Не забыть мнѣ этого дня. Какъ забыть-то его: въ этотъ день мы послѣднее сѣно съ гордѣева луга сняли. Третій уповодъ въ ту пору такъ безъ работы у насъ и прошолъ. Иванъ Матвѣичъ былъ особливо веселъ тогда, все разные планы въ умѣ своемъ раскидывалъ. «Женюсь-де на Авдотьѣ, отъ крестьянъ откажусь, коли отецъ дастъ,—на волю отпущу и безъ выкупа, пусть только мнѣ домъ выстроятъ, да земли малую-толику дадутъ; тутъ у васъ на удворинѣ и поселюсь...» Шутки да прибаутки пошли, смѣху было вдоволь. «Не передъ добромъ, говорю я, что-то мы развеселились больно.»—«Типунъ тебѣ на языкъ!» отозвалась Авдотья. «Чтобъ тебѣ пусто было!» замолвила и мать. Да всѣ вдругъ и присмирѣли, словно бѣда какая вошла въ избу, гостья незваная, да сѣла промежъ насъ... А вѣдь и точно не передъ добромъ мы разыгрались: двѣ бѣды на насъ разомъ пришло.

Первая бѣда, что провѣдалъ старый баринъ про любовь Ивана Матвѣича, да и задалъ ему нагоняй. Правда, что нашъ соколъ не струсилъ и за словомъ въ карманъ не полѣзъ; я тотъ разговоръ ихъ своими ушами слышалъ. «Ваша воля, говоритъ, а я ее люблю... не надо мнѣ ничего изъ наслѣдства вашего, только избу да земли тягло крестьянское, да Авдотью отдайте!» Разлютовался было старикъ, а барыня, услыхавши разговоръ ихъ этотъ, вдругъ и вызвала его. О чемъ они толковали—Богъ ихъ вѣдаетъ. Только больше объ

этомъ дѣлѣ помину не было. Сказывала послѣ горничная барыни, что уговаривала барыня женить Ивана Матвѣича на Авдотьѣ, да выдать ему малое награжденье, а отъ прочаго отцовскаго наслѣдства отказную съ него взять. Ей своимъ-то все побольше оставить хотѣлось. Только баринъ все упорствовалъ: сосѣди-ста осудятъ, срамъ на всю губернію. Такъ ничѣмъ они и не рѣшили. А тутъ другое дѣльце подоспѣло, такъ что ужь не до сватьбы стало.

— Не прошло, почитай, и двухъ дёнъ, какъ мы сѣно въ гардѣевомъ лугу скосили, — убрать его не успѣли, какъ скликнулъ Семенъ сходъ. «Приказалъ, говоритъ, баринъ объявить вамъ, что продалъ онъ гордѣевъ лугъ и съ нонѣшнимъ сѣномъ Василью Королеву; такъ вы, ребята, говоритъ, ужь нонѣ и не косите его попусту, пусть Королевъ самъ коситъ.» А самъ видѣлъ, подлецъ, какъ мы его и косили-то. Мужиковъ такъ и ошеломило. Первый опамятовался Гардѣй, нахмурился: «какъ такъ, говоритъ, этотъ-ста лугъ не бариновъ, а нашъ, и продавать его баринъ значитъ не можетъ». Семенъ только улыбнулся таково ехидливо: «хм, говоритъ, да съ какого лѣшаго онъ вашъ-то; баринъ его купилъ, на свое имя купчую свершилъ, значитъ его онъ и есть».

Гордѣя-то пуще взорвало: «да баринъ, говоритъ онъ, что ли деньги - то за него заплатилъ. У насъ съ барскихъ сѣнокосовъ лошади передохли, на свои денежки мы и купили этотъ лугъ, а не на барскія».

— Этого я знать не знаю, говоритъ опять Семенъ: — купчая совершена на барское имя, значитъ лугъ барскій, баринъ и продалъ его. А коли ты, монахъ, больно боекъ, такъ ступай, толкуй съ бариномъ. Мнѣ что приказано, то я и дѣлаю.

А Гордѣй-то ему: «провалъ васъ возьми и съ бариномъ-то, грабить вы насъ только умѣете; да погоди, мы на васъ найдемъ управу».

— А ты не мути міръ, да не шуми, отвѣчаетъ Семенъ, самъ улыбается эдакъ насмѣшливо: — шумѣть да мутить будешь, такъ про тебя у барина угощенье найдется.

— Я тебѣ дамъ угощенье! крикнулъ Гордѣй, да какъ шарарахнетъ его такъ, инда искры у старосты изъ глаcъ посыпались. Одначе съ ногъ не свалило и памяти не вышибло: удралъ. Зашумѣли мужички: «не бывать - ста этому, нашъ лугъ, на наши деньги куплено», Ужь больно ихъ за живое - то забрало. Шу-

мѣли, шумѣли, да всѣмъ огуломъ къ барину и пошли: можетъ, говоритъ, совралъ онъ, Семенъ - отъ, а коли не совралъ, можетъ, еще дѣло остановимъ. А какое остановить: ужъ и купчая совершена была. Собрались на дворѣ. Доложилъ я барину, а Семенъ ужъ побывалъ у него, нашепталъ на ухо и ни вѣсть что. Вышелъ баринъ, да какъ крикнетъ: «Что, вы ослушиваться барской воли задумали; ахъ вы, такіе сякіе, да я васъ въ бараній рогъ согну, отъ девяти десятаго передеру!» Они было и обробѣли; одинъ Гордѣй головы не потерялъ: «мы, говоритъ, твоей милости не перечимъ, изъ послушанія не выходимъ, въ своемъ добрѣ ты волёнъ; а лугъ, говоритъ, на наши денежки трудовыя купленъ; значитъ намъ онъ и принадлежитъ». Пуще распалился баринъ, подскочилъ къ Гордѣю и пригрозилъ, не на словахъ только: на другой день потребовали Гордѣя во дворъ. Одначе его не выдали: пропустили слухъ, будто онъ въ городъ поѣхалъ. Ссоры-то съ бариномъ не хотѣлось, да и выдать-то мужика совѣсть зазрила. А на счетъ луга все-такъ полагали, что одумается Матвѣй Петровичъ, противъ божеской правды не пойдетъ. Тутъ еще оброчное время подоспѣло: по три рублика ему накинули и предоставили съ почтеньемъ, задобрить думали, очувствуется молъ. Денежки онъ взялъ, а и спасибо съ Семеномъ не прислалъ, только выругалъ.

— Дошло это дѣло до Ивана Матвѣича. Какъ узналъ онъ все досконально, такъ зубами даже заскрежеталъ: «подлость, говоритъ, какая!» Стали ребята толковать съ нимъ, да въ ноги: заступись-молъ за насъ, не дай въ обиду, вѣкъ вѣченскій служить тебѣ будемъ, первая наша молитва передъ Богомъ за тебя будетъ! — Эхъ, говоритъ онъ: и безъ того что могу — я готовъ сдѣлать, да не знаю, силы-то хватитъ ли... — деньги - то да жадность барская куда посильнѣе будутъ! изъ - за денегъ - то Іуда Христа продалъ!»

Одначе пошелъ къ отцу. Весь разговоръ ихъ объ этомъ дѣлѣ я слышалъ. «Какъ такъ, говоритъ Иванъ Матвѣичъ: вы, папенька, крестьянскую землю продаете; это, говоритъ, и супротивъ Бога, и супротивъ мужичковъ грѣхъ великій; вы, говоритъ, богаты и безъ того, а имъ раззоръ сдѣлать хотите, — Богъ накажетъ васъ за это!»

Старый баринъ шибко тутъ осерчалъ: «вонъ убирайся, закричалъ, коли ты отца на рабовъ его промѣнялъ, такъ чтобъ духомъ твоимъ не пахло, хамово отродье»... а самъ толкаетъ его въ спину-то.

«Я васъ ни на кого не мѣняю, Иванъ-то Матвѣичъ опять заговорилъ: а правду всегда скажу, для васъ добра желаючи, скажу, потому — этимъ дѣломъ вы Бога гнѣвите, да раззоряючи мужичковъ и себя зорите... Я, говоритъ, отъ души вамъ сказываю, а не со зла, — оставьте вы это дѣло..» А тотъ все его толкаетъ: «вонъ, кричитъ, на глаза мнѣ больше не показывайся, — продалъ ты меня, хамова кровь въ тебѣ, и дѣла твои всѣ хамскія, не сынъ ты мнѣ больше...»

— Коли такъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ, — такъ скажу вамъ, что хамова-то кровь не хуже дворянской, правды да чести въ ней больше... Коли я вамъ не сынъ, — Богъ съ вами; я отъ васъ съ роду никакой ласки не видывалъ, кромѣ брани, да побоевъ... Мат мою вы въ гробъ свели, и меня еще убейте... Какъ расчитываться-то придется!.. — Матвѣй Петровичъ даже заплакалъ со злости: «и убью, говоритъ, какъ съ ней, холопкой поступилъ, такъ и съ тобой раздѣлаюсь, коли ты съ глазъ моихъ не скроешься... не доводи, говоритъ, до грѣха... я не волёнъ въ себѣ...» И чтожь вы думаете: такъ его сердце окаменѣло, что выгналъ онъ, — истинно выгналъ. Да ужь и Иванъ-отъ Матвѣичъ очинно озлобился; до той поры никто отъ него хулы или брани на отца не слыхивалъ, а тутъ онъ не могъ воздержаться, имя его услышитъ, такъ затрясется, поблѣднѣетъ весь. У отца моего въ избѣ больше онъ и проживать сталъ. Хотѣлъ съ Авдотьей тотчасъ же обвѣнчаться, да приходскій попъ вѣнчать не сталъ, стало-быть барскаго приказа не вышло, — а къ другой церкви ѣхать было не свободно, не время, все лугъ-то заботилъ. Отложили сватьбу на недѣльку. Между тѣмъ насчетъ луга мужики такъ порѣшили, чтобы не отпускать его изъ рукъ: пусть дескать начальство пріѣдетъ, да разберетъ. Перво на перво надумали сѣно убрать. Поѣхали за сѣномъ, анъ тамъ королёвскіе работники его ужь на возы складываютъ, — «Чтожь это братцы, — крикнулъ Гордѣй: воры что ли у насъ на лугу, наше сѣно везутъ, — не выдадимъ наше добро!» — Не выдадимъ, не выдадимъ! говорятъ, — «Какъ вы смѣете наше сѣно увозить?» крикнули королевскимъ работникамъ? «Какое оно ваше, отвѣчаютъ тѣ, — значитъ не ваше, коли велѣно намъ увезти его, проваливайте съ Богомъ, пока ребра не пересчитаны!» — «Что? крикнулъ Гордѣй, — въ чужой лугъ вы забрались, да еще большничать надумали... Вотъ вамъ послѣднее слово: выѣзжайте по добру да поздорову, а нѣтъ, въ колья примемъ!» — Валяй ихъ ви-

лами, разбойниковъ! крикнули тѣ. Наши, остервенившись, за колья принялись, — и пошла у нихъ, сударь ты мой, свалка. Какъ ужь дѣло безъ смертоубійства обошлось—одному Господу-Богу вѣдомо, а надо быть знатно подрались. Взвыли королёвскіе работники, да и драла. Нашимъ тоже не даромъ сѣнцо досталось: кому глазъ вилой выткнули, кому руку сломали, а Гордѣю такъ всю рожу на-сторону своротили, да все это ничего бы, дѣло обнаковенное, вотъ съ Ванюшкой Лаптевымъ такъ диковина приключилась: тому носъ откусили, такъ-таки подъ самый корень, словно не бывало у него носа. Послѣ, какъ собрались вмѣстѣ, да стали осматривтть другъ друга, такъ и смѣхъ и горе: Гордѣя кривоpожимъ прозвали, а Ванюшку-то Лаптева безносымъ... Сѣно тотчасъ же прибрали въ сѣновалы и подъ замки заперли. Спачала, съ азарту-то весело было имъ; забѣжалъ я къ нимъ, минуточку слободную залучилъ, такъ хохотъ у нихъ, да веселье. А потомъ, какъ съ азарату-то спали, запыли сердечушки, повѣсили ребята носы: «что-то, говорятъ, будетъ, эхъ, до чего-молъ дожили! не было печали, такъ черти накачали! «Ну, говоритъ Гордѣй, — будь, что будетъ, а луга не выдадимъ, авось отстоимъ; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!»

— Между тѣмъ я въ барскомъ домѣ на сторожѣ былъ поставленъ,—о всякой малости въ деревню знать давалъ...

— Освѣдомился я, что баринъ къ становому письмо послалъ, да королёвскіе работники, искалѣченные, окровавленные прямо къ нему пришли. «Что же вы плошали-то, олухи! крикнулъ онъ: ну, постойте, вотъ я къ становому письмо пошлю... я имъ дамъ знать!.. да гдѣ староста? позвать его!» Кликнули старосту. «Поди, говоритъ баринъ старостѣ: сбѣгай на Чупрово, скажи мужикамъ, чтобы сейчасъ же съ луга убирались,—ты у меня въ отвѣтѣ за нихъ будешь,—какой ты староста, колпакъ эдакій, коли они словъ твоихъ не слушаются... Крикни на нихъ хорошенько, чтобы душа у нихъ въ пятки ушла, по военному!..» Семенъ въ ноги: «убьютъ, говоритъ, они меня, какъ собаку убьютъ, остервенѣли больно; коли, говоритъ, твоей милости ослушались, такъ ужь меня, мужика послушаютъ ли... разбойники, говоритъ, они всегда были, никакого страху у нихъ нѣтъ... ужь у насъ ли господа не хороши... нечего Господа гнѣвить, довольнымъ надо бы быть, Богу за баръ молиться, — пошли вамъ царь небесный добраго здоровья на многая лѣта... неймется имъ, разбойники, такъ разбойники и есть!» Ну,

вѣстимо, коли барскій мужичишка въ подлецы пойдетъ, такъ не ровенъ ему никакой другой подлецъ.

На другой день вскочилъ я съ постели, какъ встрепанный, еще до солнушка, и въ Чупрово: «къ становому-молъ письмо послалъ.» На ту пору Иванъ Матвѣичъ въ деревнѣ былъ: какъ съ отцомъ-то разошолся, скучный такой сдѣлался, ранешенько уйдетъ съ ружьемъ въ лѣсъ, и ни Богъ-вѣсть гдѣ бродитъ одинъ-одинешенекъ, тоска его надо бытъ одолѣла: каковъ ни на-есть, все же отецъ родной—шутка ли!..Кликнули сходку: «становой де пріѣдетъ, что мы будемъ дѣлать?»

— Тѣмъ лучше, сказалъ Иванъ Матвѣичъ: — пусть онъ разсудитъ по всей по справедливости; коли на барина недежды нѣтъ, надо у начальства правды искать.

Вечеромъ услыхали колокольчикъ, сердечушки у всѣхъ такъ и заёкали. Становой на тройкѣ вкатилъ въ деревню, и два сотскіе при немъ. Толстый такой, съ брюхомъ, усачъ—изъ военныхъ надобыть, съ лица красный, потому—запивать любилъ. Иванъ Матвѣичъ посовѣтывалъ намъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью, чтобы привлечь его на нашу сторону: все думалъ, что до правды-то доберется, а то и не вдомекъ ему, что супротивъ нашего барина гдѣ ужь становому идти, потому большой баринъ и въ Питерѣ сильную руку имѣлъ. Встрѣтили станового съ честью, Гордѣй къ нему первый рѣчь держалъ, всталъ на колѣна: «помилуйте отецъ родной!» и всѣ за нимъ на колѣна стали. Становому-то и покажись съ этихъ словъ гордѣевыхъ, что отступились мужички отъ своего добра: «а! говоритъ: такъ-то вы, барину послушанья не оказывать вздумали... я, говоритъ, помиловать васъ не прочь, коли баринъ помилуетъ, поклонитесь ему, сѣно тотчасъ же къ Королеву сами свезите, да зачинщиковъ выдайте.»—Отецъ родной! Гордѣй-то опять заговорилъ, — разсуди ты насъ съ бариномъ по всей по справедливости, не обидь ты насъ... Такъ и такъ, говоритъ, разсказываетъ ему все дѣло, какъ у насъ сѣнныхъ покосовъ не было, какъ мы лугъ купили на свои денежки, какъ баринъ продажу затѣялъ... Только становой-то и договорить ему не далъ: «что ты, говоритъ, мнѣ сказки-то разсказываешь? Еще миловать проситъ! Значитъ, вы все еще барину противность оказывать намѣрены... Тутъ къ становому Иванъ Матвѣичъ подошолъ: «позвольте, говоритъ, съ вами нѣсколько словъ сказать.» Тотъ ему: «съ кѣмъ говорить имѣю

удовольствіе?»—Я сынъ помѣщика... «А, говоритъ становой, слышалъ я объ васъ, мнѣ, говоритъ, тоже надо поговорить.»—Мужички сказывали, что долгонько толковали они; сперва тихо, а тамъ громче да громче; наконецъ Иванъ Матвѣичъ крикнулъ: смѣете вы мнѣ такія штуки говорить! Мы на васъ повыше управу найдемъ, убирайтесь вонъ! Гоните его вонъ, ребята!» Мужики пуще зашумѣли. Тотъ позеленѣлъ, видитъ, что дѣло неладно, туда-сюда—началъ было кричать, да ужь нѣтъ! Однако мужики отпустили его безобидно, хоть Гордѣй и подбивалъ помять ему бока толкомъ, чтобы за правду стоялъ, передъ богатыми хвостомъ не вилялъ...

— Ну, сбыли съ рукъ становаго, авось, думаютъ, повыше правду найдемъ. Становой все пересказалъ барину, какъ было; ругнулъ и его Матвѣй Петровичъ,—принялъ въ прихожей: «что, говоритъ, братецъ ты мой, уладилъ дѣло?» А какъ услышалъ все досконально: «ой вы, говоритъ, полицейскіе крючки, пьянствовать вамъ только, а не дѣло дѣлать; подымайте весь судъ вашъ на ноги, чтобъ на недѣлѣ дѣло было покончено!» Какъ передалъ я эти слова на Чупрово, призадумались мужички наши: «неужто-молъ и повыше-то мы управы не найдемъ, не можетъ-ста быть, чтобы начальство насъ въ обиду дало, пущай онъ баринъ, а мы мужики, да правда то божія для всѣхъ одна, беззаконствовать никому нельзя...» Немного погодя, пріѣхалъ къ барину исправникъ: такой мозгляâенькій, росту маленькаго, плѣшивый, извивается передъ бариномъ, какъ вьюнъ, глазенки такіе маленькіе, словно щелки, а такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ; руки онъ эдакъ потираетъ: «улажу, говоритъ, все улажу, мнѣ-ста не впервинки, дѣло знакомое,—я-ста малый непромахъ, заведу и выведу, тонко обдѣлаю, въ одно ухо влезу, въ другое вылѣзу, а къ вамъ ужь приведу ихъ съ повинной,—сами и зачинщиковъ выдадутъ, да своими руками и отдерутъ.—тамъ ужъ наше дѣло будетъ всыпать имъ, сколько душенькѣ захочется. Только, говоритъ, сынка-то вамъ посократить надо, хорошо бы его эдакъ цапъ-царапнуть, да подъ замокъ, пока дѣло не уладится, молодъ—извѣстное дѣло, ну и дуритъ, а послѣ раскается.» И порѣшили они перво на перво Ивана Матвѣича выкрасть. Все это пересказалъ я на Чупровѣ. Призадумался Иванъ Матвѣичъ, одпаче никакой осторожности не взялъ. Между тѣмъ пора было паренину пахать. Утромъ мужики запрягли лошадей въ косули, въ поле поѣхали. Ивану Матвѣичу что-то не здоровилось, сидѣлъ онъ въ избѣ одинешенекъ, пригорю-

нился. Вдругъ коляска барская подкатила, требуютъ его къ отцу. Минуточку какую, не больше, раздумывалъ Иванъ Матвѣичъ, поѣхалъ: все надѣялся поладить съ отцемъ-то. Приказалъ его баринъ внизу, въ пустую комнату запереть, и на глаза свои не пустилъ. Какъ воротились мужички съ работы, да провѣдали объ этомъ, такъ и осовѣли, руки у нихъ опустились. А на другой день къ нимъ исправникъ. Добрый такой, ласковый, юлитъ, о хозяйствѣ спрашиваетъ, объ урожаѣ: «хорошъ-ста хлѣбъ нонѣ Богъ далъ, надо благодарить царя небеснаго, молиться ему больше.» Такія разумныя рѣчи завелъ, что наши то и уши развѣсили, а все думаютъ о своемъ дѣлѣ: вотъ-де отецъ-то пріѣхалъ, защититъ онъ насъ, въ обиду не дастъ. Рѣчистъ былъ исправникъ. «Сколько-ста пахоты у васъ, сколько оброку платите», ну, и все такое; «а у другихъ-то, говоритъ, пашни на половину, а оброкъ вдвое, нечѣмъ жить бѣднягамъ, жаль даже. Вотъ-ста житье хорошее, это видно. Рѣдки, говоритъ, такіе господа, какъ Матвѣй Петровичъ. Хотѣлъ онъ васъ продать Жигалеву, да я отговорилъ: вчужѣ жаль стало. Не продавайте, говорю, отецъ родной, простите вы ихъ. Знаете что, ребятушки мои, пойдемте-ка въ церковь, отслужимъ молебствіе Господу Богу, да поклонитесь вы доброму барину: Богъ миръ-то да смиреніе любитъ, гордымъ онъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать, такъ и въ писаніи сказано». Послѣ этого, какъ онъ ни финтилъ, скоро смѣкнули ребята, чѣмъ тутъ дѣло пахнетъ; видятъ, что все это подвохъ одинъ: значитъ-ста дѣло-то правое, коли насъ упросомъ просятъ. А Гордѣй шепнулъ: «уступи-де только, такъ все дѣло погубимъ; видимо теперя, что отстоять лугъ можно; дѣло наше чистое, видимо.» Долго исправникъ съ ними такъ-то переговаривался, все къ тому гнулъ, чтобы отъ луга и отъ сѣна отступились. Ну, и они ничего, во всемъ соглашаются, только какъ до луга дѣло дойдетъ, ладонь-то у нихъ и нѣтъ. Сталъ исправникъ посерживаться, покрикивать, и пошло еще хуже; цѣлый день промаялся. Вечеромъ ужь пріѣзжаетъ къ барину, встрепаный весь въ попыхахъ: «бунтъ, говоритъ, властямъ неповиновеніе! надо, говоритъ, въ губернію донести, чтобы солдатъ роту прислали, надо всю деревню разметать, всѣхъ въ кандалы, да въ Сибирь!»

— Опять я далъ знать па Чупрово. «Неладно дѣло! говорятъ мужики, нѣтъ у насъ на бѣду и Ивана-то Матвѣича, что безъ него будемъ дѣлать!—а луга не уступимъ, умремъ да не уступимъ!» Ужь

больно они остервенились-то, просто разбойниками въ ту пору выглядывали. Стали толковать, какъ бы Ивана Матвѣича выручить, да къ себѣ залучить. Тутъ и мои руки понадобились. Обѣщалъ я помочь, сторожа отвести, да собаку цѣпную прибрать, чтобъ имъ ночью можно было Ивана-то Матвѣича выкрасть: безъ него какъ-будто не смѣло имъ дѣйствовать было. Уговорились. Время дорого было. Въ ту же ночь затѣяли покончить это дѣло. На ту пору барыня больна сдѣлалась; баринъ на охоту рано засбирался, собраться-то не собрался, а усталъ очинно; молодые баре въ гости на недѣлю укатили. Легли въ домѣ ранешенько. Пошолъ я на дворъ. Сторожа нѣтъ. Лыско такѣ и лаетъ на цѣпи. Я захватилъ съ собой говядины хорошій кусокъ, покликалъ Лыска, да въ зубы-то говядины ему и сую, самъ думаю, чтобъ онъ меня за икру не хватилъ. Одначе ничего, еще ласкается; вынулъ я изъ кармана веревку, сдѣлалъ петлю, да прямо на шею ему, и не пикнулъ голубчикъ, только весь скрючился, да въ горлѣ что-то захрипѣло. Какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ я въ кухню. Сторожемъ былъ кучеръ Васька; поколотилъ онъ въ доску, да тутъ же ко мнѣ пришолъ. «Что Васюха, говорю я, не выпьемъ ли для праздника?» Воскресенье было въ тотъ день. —Угости! говоритъ. А я ужь припасъ штофикъ. «Изволь, говорю, угощу, только смотри, не охмѣлѣй, не простороши чего изъ барскаго добра!» — Чаво, говоритъ, простороши-то, — новаго хлѣба еще нѣтъ, а старый, почитай, весь выпроданъ... барченка-то нешто, — да ну его къ ляду, — сбѣжалъ бы, такъ слободнѣе было... — А какъ отвѣчать придется молъ. — Чаво тутъ отвѣчать, живой человѣкъ, не украдутъ, коли самъ не побѣжитъ, — вѣдь онъ не хлѣбъ; хлѣбъ иное дѣло, извѣстно, хлѣбъ не человѣкъ, самъ не побѣжитъ... Выпили мы штофикъ. Завалился нашъ сторожъ спать, — я обѣщался за него и въ доску поколотить. Пошолъ, а самъ гляжу въ тѣ окна, гдѣ Иванъ Матвѣичъ сидитъ: ухъ! выхвачена рама: и слыхомъ въ домѣ не слыхали, какъ наши ребята дѣло ошабашили. Ночь была не такъ чтобы темна, да ужъ за то дождикъ какой лилъ, такъ просто бѣда... На другой день, покулѣва дѣло это до барина не дошло (скрывали долго), больнымъ я прикинулся... Барыня у насъ терпѣть не могла, чтобы больные въ домѣ были; коли болѣнъ, убирайся, куда хочешь, а долго проболѣешь, такъ по своему полечатъ... Ушолъ я изъ дому, да прямо на Чупрово. Прихожу и узнаю, что недоброе затѣяли наши ребята, задумали они стоять до конца,

а луга не отдавать. Въ азартности-то своей не сообразили того, гдѣ имъ противъ начальства идти. Ну, да и поплакались за непокорность. Неколи мнѣ вамъ долго-то разсказывать,—только плохо намъ всѣмъ пришлось... Такъ лугъ на вѣки вѣчные и потеряли. А Иванъ-то Матвѣичъ сердечный, такъ горя и не вынесъ; скоро послѣ и Богу душу отдалъ...

Могилка Ивана Матвѣича и по сю пору знать на погостѣ: нѣтъ мужичка въ околоткѣ, чтобы пришелъ на погостъ, да поклона ей не отдалъ: «помяни-господи раба твоего Іоанна во царствіи твоемъ!» Авдотья недолго пережила своего голубчика, такъ съ горя и зачахла... Диво случилось и со старымъ-то бариномъ: разомъ его кондрашка и хватилъ; сказываютъ, хотѣлъ вѣдь передъ смертью возвратить намъ лугъ-то, да ужъ не успѣлъ: перво-наперво языкъ у него отнялся, тамъ памяти не стало, а тамъ и духъ вонъ. «Богъ наказалъ его!» шептали наши. Барыня, вдовой оставшись, уѣхала съ сыновьями въ Москву. И усадьбу забросили съ тѣхъ поръ...

— Вотъ какая исторія изъ-за гордѣева луга вышла, а мы всё-таки безъ сѣнокоса сидимъ.

Къ концу разсказа всѣ мужички собрались около насъ. Пламя на подсѣкѣ загасало, кое-гдѣ вспыхивали огоньки, да на землѣ таяли мелкія, какъ бисеръ, искры и копошились, словно пчелы или муравьи. А на востокѣ протянулась палевая предразсвѣтная полоска. Въ тихомъ воздухѣ стоялъ забористый утренній холодъ. Заунывный голосъ кулика доносился издалека...

— Такъ вотъ, сударь ты мой, дѣло какое, заключилъ старикъ, между тѣмъ какъ прочіе мужики сурово и пытливо, изподлобья, глядѣли на меня: мы такъ смѣкаемъ, нельзя ли намъ да теперь воротить нашъ лугъ, разсуди ты, да скажи правду-матку: можно это сдѣлать, али нельзя?

П. Федоровичъ.

ЖЕНИТЬБА ОТЪ СКУКИ.

VI.

Прошло мѣсяца два. Степанъ Ильичъ съ Машей занимаютъ небольшую, но очень приличную квартиру. Она сама, еще бывши невѣстой, выбрала ее. Въ комнатахъ ихъ очень хорошо, все чисто, все въ порядкѣ, каждая вещь на своемъ мѣстѣ, мебель вездѣ новая.

Капитонъ отпущенъ на покой въ деревню; его смѣнилъ мальчикъ казачекъ, да опрятная, наемная горничная. Самъ Степанъ Ильичъ какъ будто переродился, онъ ужъ не разбрасываетъ сигарныхъ окурковъ, не соритъ вездѣ пепломъ, не кладетъ на одинъ столъ панталоны и чайницу, колбасу и философію Куно-Фишера. Въ маленькомъ кабинетѣ его совсѣмъ не то, что было прежде; тутъ нѣтъ ни карты съ путями свѣтилъ небесныхъ, ни астрономическаго инструмента, ни голой женщины съ муфтой въ рукахъ, ни засохшихъ цвѣтовъ; здѣсь все обновилось и посвѣжѣло. Изъ прежнихъ вещей остались только книги, да и тѣ были аккуратно разставлены въ шкафу за стекломъ.

Держитъ себя Степанъ Ильичъ тоже совершенно иначе; правда, онъ ни во что не мѣшается,—титулъ хозяина, главы дома совсѣмъ не идетъ къ нему, его даже не слыхать както. За то у него новый шелковый халатъ темно коричневаго

цвѣта, ходитъ онъ въ немъ только по утрамъ, а за тѣмъ одѣвается въ болѣе приличное, отчасти даже щеголеватое платье; борода его всегда тщательно выбрита; воротнички рубашки безукоризненно чистые; остатки волосъ на головѣ причесаны; ногти на рукахъ гладкіе, розовые. Самое лицо Степана Ильича сдѣлалось свѣжѣе, какъ будто онъ спалъ меньше прежняго или умывался чаще; глаза смотрѣли яснѣе, въ движеніяхъ появилась нѣкоторая живость.

Вмѣстѣ съ Степаномъ Ильичемъ и Машей поселился Григорій Данилычъ. Онъ занималъ особую крошечную комнату, окнами на дворъ. Жизнь его совершенно измѣнилась, изъ прежней безпокойной, и исполненной всевозможныхъ лишеній, она сдѣлалась через-чуръ мягкою, ровною, похожею на послѣобѣденный сонъ. Голубининъ сначала не хотѣлъ жить съ дочерью; онъ такъ свыкся съ своей обыденной обстановкою, съ грязной коломенской квартирой, что добровольно покинуть ее казалось ему чѣмъ-то страннымъ, почти невозможнымъ.

— Вы люди молодые-съ, модные, гдѣ мнѣ гоняться за вами, говорилъ онъ и дочери и будущему зятю;—я человѣкъ дрянь, пропадшій я человѣкъ... Меня и показать-то людямъ совѣстно... Тамъ у васъ хорошо, чисто... Вотъ развѣ въ праздникъ зайдти когда... А жить... вы сами посудите, я отсюда по одной дорогѣ и въ департаментъ привыкъ ходить; далеконько, да что-жъ дѣлать? мнѣ моціонъ нуженъ; вы только взгляните на меня, какъ мнѣ жить съ вами?!

Степанъ Ильичъ просилъ Григорія Данилыча даже службу оставить; убѣждалъ, что ему нужно отдохнуть, успокоиться, что выгоды, пріобрѣтаемыя отъ службы не стоятъ трудовъ его; но при этомъ послѣднемъ предложеніи, бѣдный старикъ даже совершенно разтерялся, на глазахъ его показались слезы.

— Какъ службу оставить? Статочное ли это дѣло? Господь съ вами! Какъ же безъ службы-то?!. Теперь одной переписки накопилось сколько, кто же исполнитъ все это, какъ-же-съ!. . Помилуйте! говорилъ онъ какимъ-то ребяческимъ, оправдательнымъ тономъ.

Только убѣжденный неотступными настояніями Ничкина, Гри-

горій Данилычъ согласился переѣхать на новое пепелище; но на службѣ все таки остался.

Онъ продалъ все свое имущество, выпросилъ впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье, завелъ себѣ новое бѣлье, сшилъ новую пару платья, пріобрѣлъ даже нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности.

Одолжаться зятемъ онъ вообще не хотѣлъ, и потому старался завестись всѣмъ, чѣмъ только возможно; даже на первое время купилъ себѣ четвертку чаю и нѣсколько фунтовъ сахару.

Въ день переѣзда, онъ сходилъ въ церковь и долго молился, какъ будто прощался съ чѣмъ-то.

Не будетъ тамъ мнѣ такого спокойствія... Гдѣ!.. Нельзя этого!.. Думалъ онъ самъ съ собою, въ послѣдній разъ оглядывая свою прежнюю комнату.

И дѣйствительно, Григорій Данилычъ не ошибся въ своемъ предчувствіи. Не смотря на расположеніе Степана Ильича, на его безцеремонное, дружеское обращеніе, на любовь дочери, старику Голубинину было не ловко; ему недостовало чего-то; онъ дичился, терялся, чувствовалъ себя не на мѣстѣ, какъ бы въ гостяхъ. Ему хорошо было, онъ не зналъ, какъ благодарить за оказываемое ему вниманіе и между тѣмъ тяготился имъ, и съ страннымъ наслажденіемъ вспоминалъ свое прошедшее горе. Онъ садился за готовый обѣдъ съ зятемъ и дочерью, ѣлъ хорошее кушанье и думалъ самъ съ собою: «можетъ быть, я здѣсь лишній; можетъ, и ѣмъ не такъ; вонъ Степанъ Ильичъ всегда съ огурца кожу обрежетъ, а я такъ его оплетаю,—можетъ, онъ смѣется надъ этимъ, да сказать только не хочетъ».

Приходилъ вечеръ и еще тяжелѣе становилось Григорью Данилычу. Онъ не зналъ, оставаться ли у себя въ комнатѣ или идти въ общую гостиную? Въ первомъ случаѣ онъ боялся показаться недовольнымъ, неблагодарнымъ, обиженнымъ; во второмъ — онъ думалъ, что чѣмъ нибудь помѣшать можетъ.

— Я лучше уйду отсюда; у меня дѣльце есть, ни съ того, ни съ сего иногда говорилъ онъ.

— Какъ хотите, кто же стѣсняетъ васъ, вы дома у себя... Какое дѣльцо тамъ? замѣчалъ Степанъ Ильичъ.

— Такъ дѣльцо, къ завтраму приготовить нужно; повторялъ Голубининъ и уходилъ во свояси, а потомъ цѣлый вечеръ скучалъ, ходилъ какъ потерянный и бранилъ самъ себя за свою дикость, за вранье неумѣстное.

Иногда Григорію Данилычу казалось, что Степанъ Ильичъ чѣмъ-то не довбленъ, какъ-то косо взглянулъ на него.

— Я, можетъ, лишній здѣсь, я уйду отсюда,—говорилъ онъ оправдательнымъ тономъ.

— Чѣмъ же лишній? Помилуйте, что съ вами, вы обижаете насъ! отвѣчалъ хозяинъ.

— Такъ-съ, лишній; можетъ быть, вы что сказать хотите, я и мѣшаю; у мужа съ женой мало ли что быть можетъ! снова замѣчалъ Голубининъ. Марья Григорьевна въ такихъ случаяхъ обыкновено краснѣла и ласковыми, умоляющими глазами смотрѣла и на отца и на мужа.

Вообще, переселясь къ дочери, Григорій Данилычъ уничтожился, сократился, утратилъ свое значеніе; прежде онъ все-таки имѣлъ голосъ, былъ полновластнымъ хозяиномъ того уголка, гдѣ жилъ и по-своему дѣйствовалъ, а теперь онъ считалъ долгомъ подлаживаться на старости лѣтъ, подъ чужія привычки и требованія.

Даже прежняя, простая любовь къ Машѣ измѣнилась; къ ней примѣшалось какое-то новое, небывалое чувство. Теперь онъ смотрѣлъ на дочь, какъ на существо высшее, почти недоступное, какъ человѣкъ смотритъ на солнце.

Она барыня, въ каретѣ ѣздитъ,—думалъ онъ самъ съ собою;—можетъ ей и стыдно, что у нея отецъ такой... хочется иной разъ обнять, да покрѣпче поцѣловать ее,—такъ и не смѣешь; у ней мужъ теперь, такъ и не зачѣмъ съ своимъ рыломъ лезть!

Только на службѣ, въ канцеляріи, Григорій Данилычъ чувствовалъ себя въ прежней сферѣ; здѣсь онъ былъ все тѣмъ же мелкимъ, тихимъ труженикомъ, также сидѣлъ по нѣскольку часовъ сряду, согнувши спину, также чинилъ перья, также фигурно выставлялъ заглавныя буквы, также безотвѣтно, безропотно выслушивалъ замѣчанія начальства. Богъ знаетъ что было бы съ нимъ безъ этихъ занятій, безъ этой службы. Человѣкъ вѣдь и къ тюрьмѣ привыкаетъ.

Марья Григорьевна нисколько не измѣнилась послѣ свадьбы. Независимое, обезпеченное положенiе, хорошая квартира, дорогiе наряды, весь этотъ чадъ новой, незнакомой жизни ни на волосъ не коснулся характера женщины. Она оставалась все той же простой Машей, дочерью бѣднаго, ничтожнаго чиновника. Она жила, думала, говорила точно такъ же, какъ два мѣсяца тому назадъ, когда сидѣла за догоравшимъ, сальнымъ огаркомъ, съ поденной работой въ рукахъ, и колола себѣ пальцы иголкой. — Правда, она радовалась, глядя на какое нибудь новенькое платье, съ восхищенiемъ бѣгала по чистымъ, просторнымъ комнатамъ; любовалась то на одно, то на другое; съ восторгомъ садиласьвъ поданную карету,—но все это ни сколько не туманило ея головы, не заставляло биться сердца; она смотрѣла на все это, какъ на что-то второстепенное, чужое, ей не принадлежащее, восхищалась имъ, какъ восхищается дитя игрушкой. Только въ одномъ отношенiи измѣнилась Маша: она зажила полною жизнiю, тою жизнiю, для которой создана женщина,—она любила!

Жить и любить, любить и жить, слилось для нея въ одно понятiе, въ одно общее, нераздѣльное слово.

Она не задавала себѣ вопроса, какъ и почему полюбила, сколько времени можетъ продолжаться любовь ея, чѣмъ кончится. Она не разбирала не анализировала предметъ своейстрасти, не навязывала ему идеальныхъ совершенствъ, не смотрѣла на него, какъ на героя, какъ на лучшаго изъ людей; она просто переселилась въ него, жила имъ; ей было все равно, худъ ли, хорошъ ли онъ былъ. Сдѣлайся Степанъ Ильичъ отъявленнымъ негодяемъ, она бы и тогда любила его. Она не старалась выказать своей любви, никому не говорила о ней, а напротивъ даже сама отъ себя прятала, таила ее, точно боялась увидѣть всю ея силу, точно не довѣряла сама себѣ. Глядя на Марью Григорьевну, каждый бы улыбнулся, назвалъ бы ее молодой, счастливой, влюбленной; но никто не подумалъ бы, что въ этой груди, въ этомъ простомъ, добромъ лицѣ, въ свѣтлыхъ, улыбающихся глазахъ, горитъ такой огонь, какого не встрѣтишь въ сотняхъ другихъ, совершенно укрѣпившихся людей.

И Степанъ Ильичъ любилъ Машу, но въ любви его бы-

ла чисто-внѣшняя привязанность, соединенная съ холоднымъ эгоистическимъ чувствомъ. Онъ окружилъ *свою* Машу полнымъ счастіемъ, старался угадать и предупредить всякое желаніе ея, но ни на одну минуту не забывалъ, что это *онъ*, Степанъ Ильичъ Ничкинъ, облагодѣтельствовалъ бѣдную, поднятую изъ грязи женщину. Надо было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ смотрѣлъ на дѣтскій восторгъ Маши, развертывавшей дорогую обновку, какъ самодовольно онъ улыбался, когда у жены его выступалъ румянецъ на щекахъ отъ непривычки ея къ изящному туалету или къ оперной ложѣ.

— Я!.. это все я!.. Что было бы съ ней безъ меня?! думалъ онъ самъ съ собою.

Сверхъ того, Степанъ Ильичъ, любуясь Машей, заносился въ ея будущее; онъ хотѣлъ кромѣ матеріальнаго благодѣянія доставить ей и нравственное; онъ чувствовалъ, что между нимъ и Машей лежитъ большое разстояніе въ степени развитія, и потому помышлялъ объ ея образованіи, радуясь тому, что Богъ послалъ такой богатый матеріалъ, на которомъ можно было лепить и выдѣлывать все, что было угодно Ничкину.

Вскорѣ послѣ свадьбы онъ повезъ жену съ визитомъ къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ; но эти знакомые какъ-то странно приняли Машу, оглядывали ее съ головы до ногъ. Степанъ Ильичъ озлился и рѣшился прекратить всякое знакомство.

Что касается до Маши, то она мало занялась сдѣланнымъ ей пріемомъ; ей совершенно все равно было, будутъ ли у нея какіе знакомые или нѣтъ.

— Вы только, Степанъ Ильичъ, не сердитесь на меня, все я виновата, говорила она нѣсколько плачевнымъ тономъ;—вы знате, какъ выросла я, гдѣ же мнѣ по гостямъ ѣздить, сами посудите... Ничего этого прежде не видала я, ужъ я лучше дома буду сидѣть, да смотрѣть за всѣмъ, что бъ все хорошо да спокойно было.

Степанъ Ильичъ обнялъ и поцаловалъ ее.

— Буду сердиться, если ты не перестанешь мнѣ *вы* говорить... Стыдно, грѣшно тебѣ, Маша.

Она улыбнулась и посмотрѣла на него.

— Не все ли равно; какъ же говорить иначе? Я ужъ привыкла такъ, гдѣ мнѣ!... тихо отвѣтила она.

— Нѣтъ, не все равно, нельзя этого; ты все видишь во мнѣ какого-то начальника, все это вздоръ, пустяки, я только мужъ твой, я человѣкъ тебѣ равный, ты нисколько не ниже меня, у тебя тѣже права и обязанности... пойми ты меня, Маша... Между нами не можетъ быть, не должно быть никакого различія!... Мы живемъ другъ для друга; ни у тебя, ни у меня своего ничего нѣтъ, у насъ все обшее... любовь, дружба, уваженіе, все взаимное!

Марья Григорьевна опустила глаза.

— Нѣтъ, Степанъ Ильичъ; вы умный такой, вы все знаете, васъ и слушать пріятно;—гдѣ же мнѣ гоняться за вами, какъ же это... Вы лучше меня,—я потому такъ и говорю вамъ, что не ловко мнѣ говорить иначе.

Степанъ Ильичъ пожалъ плечами и какъ-то особенно пріятно улыбнулся; странное дѣло, онъ говорилъ отъ души, отъ сердца, онъ не думалъ о своемъ превосходствѣ,—а между тѣмъ слова жены пріятно скользнули по его самолюбію.

— Какъ не ловко... что съ тобой!?. Я тебѣ передамъ свое знаніе, все то, что нужно тебѣ... я займусь этимъ, я сдѣлаю это!

Маша вопросительно посмотрѣла на него.

— Какъ, передамъ? переспросила она.

— Буду учить тебя... Тебѣ такъ нельзя жить... У тебя есть умъ, чувства: нужно развить ихъ... Ты должна читать больше, во все всматриваться!..

Маша задумалась.

— Писать бы вотъ хорошо выучиться, пишу я скверно очень, самой себя стыдно, минуту спустя отвѣтила она;—больше зачѣмъ мнѣ, больше мнѣ ничего не нужно; мнѣ и такъ хорошо, очень хорошо; во что мнѣ всматриваться,—не мое это дѣло!.. Я бы, Степанъ Ильичъ, хотѣла такъ жить, чтобы только во всемъ угождать, служить тебѣ!.. Она въ первый разъ назвала мужа *ты*, и въ ту же минуту такъ взглянула на него, какъ будто просила прощенья за свою смѣлость.

— Чтобъ тебѣ хорошо да спокойно было, чтобъ у тебя и заботы никакой не было, продолжала она смѣлѣе прежняго;—

встала бы я раньмъ ранешенько... Я вѣдь и привыкла такъ, мнѣ не трудно это... Богу бы за тебя помолилась... въ комнатахъ бы все сама прибрала, чай приготовила. Какъ проснулся ты, такъ ужъ все было бы готово, на все смотрѣть пріятно... Тамъ хозяйствомъ занялась бы; въ домѣ дѣло всегда найдется, безъ дѣла нельзя... Вѣдь я простая; я и родилась такою, мнѣ и жить нельзя иначе. Гдѣ ужъ мнѣ за людьми гоняться? Какое ученье? Богъ съ нимъ, не для меня оно... Я хочу твоей вѣрной слугой быть... Угожу я тебѣ, такъ и хорошо, лучшаго мнѣ ничего не надо,—этимъ я и счастлива буду! Тихо добавила она и на глазахъ ея показались слезы.

— Не слугой, другомъ ты должна быть, Маша,—пойми ты меня, такимъ другомъ, съ которымъ бы все раздѣлить было можно... такимъ другомъ, который жить бы заставилъ, душу бы перевернулъ! почти крикнулъ Степанъ Ильичъ.

Маша засмѣялась отъ удовольствія, схватила его руки и бросилась цаловать ихъ.

Этотъ, повидимому, ничтожный, совершенно случайный разговоръ имѣлъ значительное вліяніе на судьбу обоихъ Ничкиныхъ. Въ немъ обѣ стороны какъ будто объяснили свои взаимныя требованія, свои взгляды на жизнь, расказали ея будущее содержаніе.

Послѣ этого разговора Степанъ Ильичъ глубже, пристальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ проще прежняго взглянулъ на Машу, задумался надъ ней, точно открылъ въ ней что-то новое; что-то такое, чего и не подозрѣвалъ прежде.

Простыя, задушевныя слова жены нѣсколько дней не выходили изъ головы его. До сихъ поръ онъ какъ-то безотчетно наслаждался женой; его, какъ ребенка, тѣшили новыя явленія незнакомой до сихъ поръ семейной жизни, умъ и сердце были чѣмъ-то заняты; онъ не скучалъ, не искалъ случая убить праздное время, оно проходило довольно незамѣтно. Свадьба, сопряженныя съ нею хлопоты, переѣздъ Григорія Даниловича кое-какъ разнообразили его, щекотали разслабленную энергію Ничкина, мѣшали ему заснуть снова. Даже самыя, по видимому, не совсѣмъ утѣшительныя обстоятельства, какъ напримѣръ, удивленіе Захара Игнатыча, его первоначальные отзывы о Машѣ, толки и пересуды знакомыхъ, ихъ косые, двусмыслен-

ные взгляды, все это до сихъ поръ раздражало, волновало Степана Ильича; безъ этихъ взглядовъ, безъ этого удивленія онъ, быть можетъ, и не женился бы на Машѣ; онъ наперекоръ окружающимъ обстоятельствамъ сдѣлалъ ей предложеніе и, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней забылъ бы о немъ; общее удивленіе не только не разочаровало его, а напротивъ заставило упорнѣе, лихорадочнѣе взяться за дѣло. Онъ такъ торопился его покончить, какъ будто самъ сомнѣвался въ своей силѣ, въ своей рѣшимости. Онъ радовался, что поставилъ на своемъ, исполнилъ свою волю, свой капризъ и думалъ доказать всему свѣту, что поступилъ хорошо, законно, естественно, что только этотъ капризъ и составитъ его счастіе.

Онъ хотѣлъ видѣть въ Машѣ что-то особенное, исключительное; онъ до сихъ поръ смотрѣлъ на нее глазами своего разгоряченнаго воображенія. Онъ думалъ: мнѣ будетъ скучно, она развеселитъ, займетъ меня; на меня найдетъ хандра, уныніе, она разгонитъ ихъ, своимъ вліяніемъ поддержитъ, укрѣпитъ меня; мнѣ жизнь надоѣла, она меня примиритъ съ нею, дастъ мнѣ новыя силы, покажетъ жизнь въ новомъ свѣтѣ.

Почему Степанъ Ильичъ предполагалъ, что Маша способна выполнить всѣ эти требованія, быть идеаломъ женщины, это опять таки зависѣло отъ его каприза, отъ желанія доказать непреложность своей напередъ сочиненной мысли. Онъ насильно, временно убѣдилъ самого себя, что особенность его женидьбы должна дать самые прочные счастливые результаты.

Ему хотѣлось обмануть свое собственное сердце, пересилить свою природу, заглушить свой внутренній голосъ, въ самой обыкновенной, даже дурной вещи увидѣть что-то необыкновенно хорошее.

Онъ не былъ влюбленъ въ Машу и не имѣлъ времени вполнѣ узнать ее; а между тѣмъ готовъ былъ спорить со всѣмъ свѣтомъ, что любитъ жену пламенно, страстно, любитъ такъ, какъ никто любить не можетъ.

Разъ вечеромъ, сидя у себя въ кабинетѣ, онъ написалъ на клочкѣ бумаги имя «Марія», а надъ нимъ слѣдующія, жгучія слова:

«Люблю тебя не-здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты,
Всѣмъ упованьемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты!»

И дѣйствительно, Степанъ Ильичъ хотѣлъ любить именно такъ, какъ писалъ,—потребность истинной, полной любви душила его.

Въ лицѣ Маши, напримѣръ, не было ни одной черты правильной, и Степанъ Ильичъ всевозможными натяжками старался доказать, что красота только въ неправильности и должна заключаться, даже горячо поспорилъ съ Захаромъ Игнатьичемъ по этому поводу, назвалъ его человѣкомъ отсталымъ, а всѣхъ истинно красивыхъ женщинъ бездушными масками. У Маши руки были нѣсколько грубоватыя, потертыя прежней работой, и Степанъ Ильичъ вздумалъ смѣяться надъ всякими нѣжными ручками, доказывалъ, что женщина должна все испытать, все перенести, до всего коснуться, что только родясь въ бѣдности, отвѣдавши всевозможныхъ лишеній, она можетъ сдѣлаться существомъ порядочнымъ, годнымъ на что нибудь. Маша говорила весьма обыкновенно, такъ, какъ говорить всякая простая, необразованная дѣвушка, даже коверкала нѣкоторыя слова: вуаль называла увалью,—и Степанъ Ильичъ началъ бранить всѣхъ неговорящихъ такимъ образомъ, называлъ рѣчь ихъ приторною, заученою.

Даже и въ Григорьѣ Даниличѣ онъ хотѣлъ видѣть какого-то мученика, человѣка преслѣдуемаго судьбой; всячески оправдывалъ всѣ его слабости; привычку пить называлъ потребностью, и съ непритворной, лихорадочной радостью, со слезами на глазахъ, говорилъ Захару Игнатьичу:

— Вы человѣку только руку протяните, взгляните на него отъ души, ласково, ободрите его, доброе слово скажите—онъ и встанетъ, самъ отъ всего вылечится, всю прежнюю грязь забудетъ... Вотъ вамъ и примѣръ,—чего тутъ, кажется, ужь и поздно, и погрязъ человѣкъ,, притупился,—такъ нѣтъ... А раньше бы помощь подать, не то бы и вышло; да, не то! Добавилъ онъ шопотомъ, кивая головой по направленію къ комнатѣ Голубинина.

Только узнавши отъ Марьи Григорьевны о ея намѣреніяхъ и требованіяхъ о ея взглядѣ на жизнь, о той незначительной роли, которою она хотѣла ограничиться, Степанъ Ильичъ на одну ступень спустился съ созданнаго имъ пьедестала,—его какъ будто что-то уязвило. Онъ взглянулъ на жену простыми, обыкновенными глазами, но тотчасъ же самъ испугался своего взгляда, постарался въ ту же минуту забыть его, скрыть отъ самого себя.

— Бѣдная женщина! подумалъ онъ въ оправданіе: —какъ она привыкла къ своему рабству, ничтожеству; какъ сжилась съ своимъ положеніемъ, какъ ей трудно стряхнуть его... Сама напрашивается слугой быть, ничего не требуетъ, знать ничего не хочетъ... лишь бы мужу было хорошо, лишь бы у него заботы не было,—какое пошлое, мѣщанское счастье... Бѣдная, бѣдная... Подите послѣ этого, тащите человѣка, желайте ему всего лучшаго, а онъ назадъ въ яму просится!..

Степанъ Ильичъ горько усмѣхнулся и даже не замѣтилъ, что этими словами противорѣчилъ самому себѣ, своему только что высказанному мнѣнію о Григорьѣ Данилычѣ.

Нѣсколько дней спустя, Ничкинъ вдругъ совершенно серьезно заговорилъ, что образованіе женщинѣ не нужно, что оно только портитъ, растлѣваетъ женщину,

— Все это вздоръ, —говорилъ онъ: — щегольство, фонфаронство одно; женщина живетъ сердцемъ; кто родился за пеленками ходить, пусть и ходитъ, — умничать, да гнушаться тутъ нечего!

Въ словахъ его было что-то горькое, черезъ-чуръ раздражительное; казалось, онъ говорилъ на зло самому себѣ, смѣялся надъ самимъ собою, навязывалъ себѣ то, что никогда не принадлежало ему. Даже Маша испугалась звука этихъ словъ, она покраснѣла и съ испугомъ взглянула на мужа.

— Господи! Какъ это онъ говоритъ странно, точно бранитъ, упрекаетъ кого-то! Подумала она сама съ собою, и сердце ея сильно забилось; долго она не могла успокоиться; ей въ первый разъ пришла въ голову мысль: любитъ ли ее Степанъ Ильичъ? можетъ ли любить? А если и любитъ, то на долго ли? за что ему любить ее?

Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; руки, ноги похоло-

дѣли; она проворно вышла въ другую комнату, крѣпко обѣими руками схватилась за спинку кресла, точно упасть боялась, и нѣсколько разъ, такъ глубоко вздохнула, какъ будто ей воздуху не доставало, какъ будто вдругъ, разомъ, не переводя духа, взбѣжала на какую нибудь высокую лѣстницу и отдышаться не могла.

Послѣ этого маленькаго обстоятельства, на минуту взволновавшаго обоихъ супруговъ, жизнь ихъ потекла по прежнему мирно, тихо, однообразно.

Степанъ Ильичъ также ласкалъ Машу, по прежнему цѣловалъ ея руки, всячески угождалъ ей, точно заискивалъ передъ ней, хотѣлъ чего-то добиться отъ нея, точно чувствовалъ себя виноватымъ, точно боялся за самого себя.

Она по прежнему, глубоко, молча, сосредоточенно любила его. Ни вспышекъ, ни увлеченій тутъ никакихъ не было.

Марья Григорьевна мало по малу, сама того не замѣчая, безъ всякихъ препятствій достигла своего намѣренія, то есть, вставала ранымъ ранешенько, долго, горячо молилась, ходила на цыпочкахъ, боясь прежде времени потревожить спокойствіе мужа, убирала, хозяйничала.

Онъ, по прежнему, спалъ очень долго, потомъ садился за приготовленный чай, долго возился съ нимъ, лѣниво курилъ сигару, мѣнялся съ женой немногими, отрывочными фразами, иногда мимоходомъ замѣчалъ, зачѣмъ она поднимается такъ рано, что это и для здоровья вредно.

— Ты сегодня никуда не поѣдешь, все дома будешь? Спрашивала Маша.

— Никуда; нужно бы съѣздить, да лѣнь, погода скверная, отвѣчалъ Степанъ Ильичъ.

— Сегодня погода ничего, вчера снѣгъ шелъ.

— Да, шелъ!

— Густой даже снѣгъ; дорога, я думаю, поправилась?

— Да, поправилась!

— Много дичи на сѣнную привезли, дешевле стала... Я къ обѣду рябчиковъ велѣла изжарить, ты вѣдь любишь рябчики? Снова спросила Маша.

— Да, люблю! Отвѣчалъ Степанъ Ильичъ, зѣвая и потягиваясь.

— Вчера въ церкви у насъ похороны были, богатые, по прежнему начинала Маша, желая поддержать разговоръ.

— Умеръ кто? спрашивалъ Ничкинъ.

— Не знаю, кто,—а только богатые; однихъ священниковъ человѣкъ десять шло!.. Я эту старуху встрѣтила,—помнишь, нарумяненая, смѣшная такая!...

— А...

— Она сына женитъ, на купчихѣ.

— Господь съ ней, пускай себѣ женитъ, какъ-то нехотя отвѣчалъ Степанъ Ильичъ.—Спину все нынче ломитъ! вдругъ прибавлялъ онъ и сморщился.

— Нашатырнымъ бы спиртомъ потереть, съ участіемъ замѣчала Маша.

Въ этомъ вкусѣ разговоръ между мужемъ и женой возобновлялся и оканчивался каждый день. Затѣмъ Степанъ Ильичъ отправлялся къ себѣ въ кабинетъ, или взадъ и впередъ ходилъ по всѣмъ комнатахъ, насвистывалъ, улыбался, хмурился, какъ будто думалъ о чемъ-то.

Прежняя апатія, прежнее ничего недѣланье снова овладѣли имъ; да и что было дѣлать? Заботы жены окончательно убаюкали его, она угождала ему, какъ нянька ребенку; глаза его снова потухли; онъ только воображалъ, что живетъ, любитъ, что у него есть жена, обязанность.

Отъ мысли воспитать Марью Григорьевну, развить ее, сдѣлать изъ нея что-то совершенно особенное, Степанъ Ильичъ также отказался; по крайней мѣрѣ, эта мысль, больше не тревожила его, онъ махнулъ на нее рукой, схоронилъ ее отъ самого себя,—онъ новой борьбы побоялся. Сама Маша довольствовалась своею маленькою, мелочною жизнію; настоящій кругъ дѣятельности вполнѣ удовлетворялъ ее; ему тоже тепло да уютно было: стало быть, чего-же больше? Разспавшемуся человѣку трудно подняться изъ-подъ мягкаго, шелковаго одѣяла, особенно если онъ знаетъ, что ничто не тянетъ, не торопитъ его, если время свободнаго много, а лежать еще не надоѣло.

Такъ время кое-какъ и проходило. Къ обѣду являлся обыкновенно Григорій Данилычъ, иногда и Захаръ Игнатьичъ. Они говорили о самыхъ общеизвѣстныхъ предметахъ, о какихъ обыкновенно трактуется въ мелочныхъ лавкахъ между кухар-

ками, — передавали городскія новости, толковали о погодѣ, о деревенскомъ урожаѣ, о вновь назначенномъ старостѣ, о предстоящемъ постѣ или мясоѣдѣ и о прочихъ, болѣе или менѣе невинныхъ матеріяхъ. Вечеромъ вся компанія переселялась въ гостиную. Маша съ работой помѣщалась на диванѣ; она никогда не сидѣла, склавши руки; Степанъ Ильичъ дремалъ, развалясь въ креслѣ; Захаръ Игнатьичъ очень усердно тянулъ изъ трубки; Григорій Данилычъ вертѣлся и, казалось, затруднялся выбрать удобное для себя мѣсто; разговоръ сосредоточивался все на тѣхъ же предметахъ и по большой части какъ-то не клеился. Всѣ видимо лицемѣрили, съеживались, и говорили чистѣйшій вздоръ ради какого-то приличія... Только Маша смотрѣла прямо, откровенно, она говорила еще меньше другихъ, но за то въ словахъ ея слышалось много правды и задушевности.

Иногда Захаръ Игнатьичъ, наскучившій долгимъ молчаніемъ, пускался ораторствовать, шутить, смѣяться; но и въ его смѣхѣ было что-то притворное; онъ какъ-то насильно желалъ оживить общество. Среди этой мелкой и тоскливой среды у Степана Ильича иногда прорывались сильныя ноты гнѣва. Сосредоточенный обыкновенно въ самомъ себѣ, какъ будто спавшій, онъ вдругъ просыпался, привязывался къ какому нибудь слову, даже взгляду, и разражался бѣшеной злобой. Прежняя его сонливость, тихая, какъ стоячая вода, теперь по временамъ приходила въ крайнее раздраженіе. Этотъ ручной теленокъ дѣлался иногда тигромъ. Въ это время глаза его непріятно смотрѣли, руки тряслись, все лице горѣло; по какому-то невольному движенію, онъ ломалъ вилку или разбивалъ тарелку, часто выходилъ изъ-за стола и уединялся въ своемъ кабинетѣ, цѣлые дни и ночи случалось Ничкину проводить въ такомъ раздражительномъ состояніи, причинъ котораго никто не зналъ и не предвидѣлъ.

Марья Григорьевна очень боялась этихъ вспышекъ, — онѣ непріятно щемили ея кроткое сердце; ей казалось, что въ это время Степанъ Ильичъ и на нее сердится, и ее проклинаетъ. Кромѣ этихъ не совсѣмъ пріятныхъ явленій, ничто не разнообразило, не волновало жизни Ничкиныхъ. Знакомыхъ у нихъ никого не было; появились сначала двое—трое мужчинъ, да и

тѣ скоро пропали; даже Захару Игнатьичу становилось тяжело, скучно въ этомъ обществѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Часто думалъ онъ самъ съ собою:—хорошая она женщина, очень хорошая,—кажется, какъ не полюбить ея? Кротость да доброта одна, смиреніе ангельское: такую бы жену нашему брату, человѣку обыкновенному, дюженному, умирать бы было не надо... А этотъ мужъ погубитъ ее, живьемъ съѣстъ!.. Господи, Господи, что за мерзость выйдетъ изъ всего этого! Восклицалъ онъ въ совершенномъ недоумѣніи.

А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ вспышки Степана Ильича происходили чаще и чаще, тѣмъ непріятнѣе, рѣзче гремѣли жолчныя слова его, тѣмъ сильнѣе волновалась ими Маша. Да и самъ Степанъ Ильичъ, казалось, сознавалъ, чувствовалъ всю горечь своихъ словъ, иногда, взглянувши на жену, на ея чистые, кроткіе глаза, онъ мгновенно успокоивался, больше обыкновеннаго ласкался къ ней, завязывалъ дружескій, долгій разговоръ, смотрѣлъ на нее такъ ясно, привѣтливо, какъ будто каялся передъ ней, какъ будто сказать хотѣлъ: «ты дитя, ты слабая женщина... Я не въ правѣ ничего требовать отъ тебя, я долженъ все простить тебѣ... Чего я ищу, чего хочу?.. Развѣ можетъ ребенокъ сочувствовать взрослому человѣчу, радоваться его радостію, плакать его слезами?»

Бѣдная Маша въ эти немногія минуты все забывала; она съ восторгомъ ласкалась къ мужу, обвивала его шею своими трепетными руками, называла его своимъ божествомъ, своимъ ангеломъ хранителемъ. Въ эти минуты она была вдвойнѣ счастлива; она не знала, что эти слова, эти объятія душили Степана Ильича, мучили его совѣсть. Онъ скоро уставалъ отъ нихъ и, освободившись, запершись въ своемъ кабинетѣ, проклиналъ свою судьбу, проклиналъ самого себя.

— И тутъ ошибка, и тутъ пустота,—нѣтъ силы, нѣтъ воли, ничего нѣтъ! Восклицалъ онъ въ совершенномъ отчаяніи.

Однажды, крѣпившійся до сихъ поръ Григорій Данилычъ вдругъ прорвался, пропалъ на два дня изъ дому; его привезли только на третій, въ соворшенно пьяномъ видѣ, съ распухлымъ, краснымъ лицемъ, въ оборванномъ платьѣ.

Маша такъ и залилась слезами.

Степанъ Ильичъ какъ-то странно засмѣялся, точно обрадовался чему-то, и только вечеромъ, когда въ домѣ все стихло, Ничкинъ въ присутствіи Захара Игнатьича началъ оправдывать Голубинина, доказывать законность его поступка.

Бѣдная Маша задрожала вся, — такъ ей было стыдно, совѣстно; она думала кое-какъ скрыть безобразіе отца, а тутъ самъ Степанъ Ильичъ выводилъ его наружу, хвастался имъ.

— Да! говорилъ онъ отрывисто, какимъ-то надорваннымъ, желчнымъ голосомъ: — ему нельзя не пить, онъ долженъ пить, долженъ; если онъ пьетъ, стало быть у него есть душа, сердце... Онъ пьетъ потому, что скорбитъ о себѣ... Онъ не могъ равнодушно перенести своего горя, ему надо было чѣмъ нибудь заглушить, утопить его!.. Ударьте одного человѣка, онъ и глазомъ не мигнетъ; ударьте другого, кровь закипитъ въ немъ... Такъ и тутъ... Тутъ нравственные удары, тутъ нужно деревомъ быть, чтобъ устоять; какъ же не облегчить себя, какъ не забыться, — не все ли равно, чѣмъ, — отдохнуть хоть на минуту, сбросить съ себя эту тяготу проклятую.

— Папенька все это время сытъ, спокоенъ былъ, — чего не достовало ему! Еле слышно замѣтила Маша.

Степанъ Ильичъ злобно засмѣялся.

— Сытъ, спокоенъ! повторилъ онъ.—Послушаешь, такъ человѣкъ тоже, что лошадь или корова... И я сытъ, и я спокоенъ,— чего недостаетъ мнѣ? Все есть: жена, рябчики, мягкая постель, все, все... вотъ какой счастливецъ! Добавилъ онъ дрожащимъ, сдержаннымъ голосомъ, и глаза его заблестѣли зловѣщимъ огнемъ.

Маша сидѣла, углубившись въ работу; щеки ея сильно горѣли, по нимъ текли слезы.

Захаръ Игнатьичъ искоса взглянулъ сперва на нее, потомъ на мужа.

— Вы, Степанъ Ильичъ, извините меня, я человѣкъ посторонній, а только вы нездоровы, вамъ успокоиться нужно, все къ сердцу принимаете... Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, а вы горячитесь; другимъ, можетъ, это и обидно; другіе мало-ли что подумать могутъ... Вы о другихъ-то поза-

ботьтесь,—каково имъ слушать васъ! Онъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сидѣла Марья Григорьевна.

Ничкинъ притихъ, ему стало почему-то неловко, совѣстно; онъ взглянулъ на жену.

— Ты, Маша, отчего плачешь? Что за вздоръ... Я твоего же отца защищаю, мнѣ жаль его... Перестань! довольно ласково произнесъ онъ и тотчасъ отвернулся.

Маша подняла глаза свои, они улыбались и были совершенно мокры слезами.

— Я не плачу, я такъ.... прости меня. Я думала, ты сердишься на меня! Отвѣтила она совершенно спокойно.

Захаръ Игнатьичъ вздохнулъ и углубился въ трубку.

— Степанъ Ильичъ! говорила Маша по уходѣ гостя... Прости ты меня, дай мнѣ слово сказать, я давно хочу, давно собираюсь... Богъ тебя знаетъ, отчего ты сдѣлался другимъ человѣкомъ, такимъ страшнымъ да недобрымъ.. какъ будто возненавидѣлъ всѣхъ насъ, какъ будто всѣ опротивѣли, досаждаютъ тебѣ. Я ужь и ночь думаю, и не могу понять, отчего ты измѣнился. Она на минуту остановилась и, понизивъ голосъ, продожала.—Боюсь я этого, Степанъ Ильичъ; выносить этого не могу; все мнѣ думается, что я причиной; сама не знаю почему, а только думается, сердце щемитъ, руки, ноги подкашиваются; можетъ, ты жалѣешь, что женился на мнѣ, можетъ, я не угодила тебѣ: прикажи мнѣ, научи меня,—я все сдѣлаю!

Ничкинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, но при послѣднихъ словахъ жены остановился.

— О чемъ жалѣть мнѣ? Жалѣть смѣшно, глупо. Ты добрая женщина, хорошая жена, — чего-же больше? Довольно сухо отвѣтилъ онъ и зашагалъ снова.

— А ужъ какъ я люблю тебя, продолжала Маша вѣдь и сказать этого нельзя; скажи ты мнѣ, что для твоего счастья умереть нужно, я и умру, ей Богу умру, никакого грѣха не побоюсь, душу свою за тебя погублю; когда ты улыбнешься, да взглянешь на меня ласково, да доброе слово скажешь, такъ ничего мнѣ и не нужно больше!.. Я вѣдь ничего не прошу у тебя; мнѣ не угоняться за тобой; живи ты себѣ; какъ знаешь, веселись, ѣзди куда хочешь; вѣдь тебѣ со

мной скучно сидѣть, я вѣдь и говорить съ тобой не умѣю; иной разъ думаешь, думаешь чтобы сказать такое—и все боишься, все кажется, что ты засмѣешься, осудишь, глупой назовешь: мнѣ бы только въ добрую минуту взглянуть на тебя,—и этого для моего счастья довольно. Она замолчала, какъ будто не въ силахъ была говорить больше. Грудь ея высоко подымалась и порывисто дышала.

— Степанъ Ильичъ все время ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; лицо его судорожно вытягивалось; горькая, почти мучительная улыбка съ губъ не сходила; казалось, какая - то внутрення боль сильно безпокоила его. Онъ вдругъ подошелъ къ женѣ, хотѣлъ что-то сказать ей, но только взялъ ея руку и крѣпко прижалъ къ губамъ своимъ.

Маша припала головой на грудь его и осыпала ее поцѣлуями.

Онъ стоялъ, поднявши голову, и теръ рукой похолодѣвшій лобъ свой, лицо его было блѣдное, глаза мутные

II.

Прошелъ годъ. — Въ жизни Ничкиныхъ не случилось никакой рѣзкой, существенной перемѣны; ничто не выяснило, не опредѣлило конца ея,—она тянулась по прежнему и, казалось, будетъ тянуться многіе годы — до самой могилы. Правда, Маша задумывалась чаще прежняго, дѣтская безпечность изчезла съ лица ея; она не улыбалась такъ весело, казалась разсѣянною, озабоченною; въ глазахъ ея было что-то пасмурное; прежняя дѣятельность не занимала ее; работа изъ рукъ валилась; иногда по нѣскольку часовъ сряду она сидѣла, сложивши руки; иногда во время молитвы вдругъ останавливалась; Богъ знаетъ, куда переносились ея мысли;—а потомъ принималась молиться горячѣе, усерднѣе. Часто прис-

тально засматривалась на мужа, какъ будто хотѣла залѣзть въ его душу и допроситься у нея разгадки своимъ сомнѣніямъ, да не рѣшалась, или боялась говорить. Часто неудержимыя слезы текли по блѣднымъ щекамъ ея; она въ отчаяніи разводила руками, какъ будто искала чего-то, какъ будто не знала, за что взяться, на чемъ остановиться.

Она предчувствовала что-то недоброе.

Степанъ Ильичъ большею частью или уходилъ изъ дому, или сидѣлъ, запершись въ своемъ кабинетѣ; здѣсь онъ отдыхалъ, давалъ полную волю своимъ мрачнымъ размышленіямъ. Иногда онъ просто дремалъ, а иногда какъ будто надъ чѣмъ-то мучился, хваталъ себя за голову.—Что дѣлать! что дѣлать?!... спрашивалъ онъ самого себя и не находилъ отвѣта. Случалось даже, что на глазахъ его выступали слезы, но онъ торопливо вытиралъ ихъ, точно стыдился своей слабости. Лицо его еще больше состарѣлось, сдѣлалось желтымъ, болѣзненнымъ. Въ послѣднее время онъ какъ будто началъ бояться жены, всячески избѣгалъ ея присутствія, говорилъ съ ней еще меньше, неохотнѣе,—и когда Маша, соскучившись одиночествомъ приходила въ кабинетъ, отговаривался занятіемъ, нарочно углублялся въ какую нибудь книгу или лежащій передъ нимъ листъ пустой бумаги. Да впрочемъ не отъ одной жены прятался Степанъ Ильичъ, онъ бѣгалъ отъ всѣхъ болѣе или менѣе знавшихъ его; ему казалось, что всѣ они при первой встрѣчѣ заговорятъ о чемъ-то страшномъ, непріятномъ, уколятъ въ самое сердце. Даже присутствіе Захара Игнатьича начинало тяготить его.

Но вся эта внутренняя боль становилась замѣтною только при внимательномъ наблюденіи. Обѣ стороны тщательно прятали ее,—до поры до времени хотѣли обмануть другъ друга. Степанъ Ильичъ съ Машей повидимому обходился очень ласково, называлъ ее: мой другъ, мой ангелъ; никогда не ссорился съ ней, даже непріятнаго, колкаго слова никогда не сказалъ; только что-то ледяное, вынужденное было во всѣхъ его словахъ и ласкахъ,

За то Маша въ присутствіи мужа совершенно перемѣнялась; свѣтло, весело улыбалась, глядя въ лицо ему, а иногда, когда Степанъ Ильичъ въ отвѣтъ на эту улыбку, приклады-

валъ свои холодныя губы къ головѣ ея, Маша все забывала,—и любовь, и благодарность, и полное счастіе—такъ и свѣтились въ глазахъ ея.

Одинъ Захаръ Игнатьичъ, посѣщавшій Ничкиныхъ чуть ли не каждый день, догадывался, что въ этомъ наружномъ спокойствіи, въ этомъ натянуто-приличномъ обращеніи скрывается страшная буря, которая скоро вырвется на волю и, Богъ знаетъ, какихъ бѣдъ не надѣлаетъ...

Разъ какъ-то по этому поводу онъ вздумалъ заговорить съ Машей, намѣкнуть ей о предстоящей опасности, дать совѣтъ какимъ образомъ отвратить ее.

Онъ долго собирался, долго исподлобья посматривалъ на Марью Григорьевну, ему самому тяжело было. Онъ началъ издалека, заговорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ...

— Я вотъ, Марья Григорьевна, намедни о васъ раздумался, вдругъ перевернулъ онъ: — такъ, что-то мнѣ въ голову пришло, — что, думаю, живете вы не такъ, какъ слѣдуетъ точно вамъ не достаетъ чего-то... Степанъ Ильичъ сердитый такой!... Онъ остановился и посмотрѣлъ на Машу.

Она вдругъ покраснѣла.

— Степанъ Ильичъ въ кабинетѣ у себя, очень тихо отвѣтила она, какъ будто испугалась чего-то.

— Да-съ, въ кабинетѣ!.. повторилъ Лыскинъ:—въ томъ-то и дѣло; зачѣмъ ему въ кабинетѣ сидѣть?.. Вы извините меня, Марья Григорьевна,—мнѣ вамъ и говорить трудно, а только вы не такъ живете... Я, изволите видѣть, уважаю, люблю васъ... какая жизнь ваша, мужъ да жена, какъ же это?. Вамъ нужно жизнь перемѣнить, другой порядокъ завести.

Маша совершенно не ожидала такого разговора и во всѣ глаза смотрѣла на Лыскина.

— Да, порядокъ!... Время дорого, поздно будетъ, продолжалъ онъ, мѣшаясь и останавливаясь на каждомъ словѣ,—я барина вашего знаю, онъ не надуетъ меня.... срамъ одинъ!.. Не хорошо, Марья Григорьевна,—воля ваша, не хорошо, вы простите меня.... Зачѣмъ онъ бѣгаетъ отъ всѣхъ, зачѣмъ?.. Что ему дѣлать одному,—зачѣмъ?.. Онъ уставилъ глаза на Машу; въ лицѣ его было что-то грозное; рука, державшая трубку, дрожала.

— Какъ, зачѣмъ?... Чѣмъ я виновата? Развѣ я не рада ему... Еле слышно отвѣтила Марья Григорьевна и какъ будто проглотила слова свои.

Захаръ Игнатьичъ перемѣнилъ тонъ.

— Судьба виновата, продолжалъ онъ ровнымъ, тихимъ голосомъ:—виноватъ вашъ характеръ, ваша доброта, виноваты вы, потому что слишкомъ хороши для него: ангелъ вѣдь чорту не товарищъ... Вы его любите: а вашей любви мало, она никуда не годится. Вамъ нужно бы было вдесятеро меньше любить его,—пожалуй, со всѣмъ не любить. Вы счастливы, когда онъ ласково взглянетъ на васъ: вздоръ! Не нужно этого; вы избаловали его, вы слишкомъ унизили себя передъ нимъ; вы для любви отказались отъ свѣта, а вамъ нужно было кинутся въ свѣтъ, наряжаться, кокетничать. такая жизнь и могла спасти васъ!

Лицо Марьи Григорьевны покрылось красными пятнами; она съ ужасомъ смотрѣла на Захара Игнатьича; она чувствовала, сознавала правду словъ его, не дальше какъ вчера, сама съ собой она говорила то же самое... Тише, ради Бога тише! шептала она дрожащимъ голосомъ.

— Что тише,—я не боюсь что онъ услышитъ,—твердилъ Захаръ Игнатьичъ:—я вступился за правду, надъ вами бѣда виситъ!... Васъ заставили любить, назвали женой, вырвали у васъ душу, сердце,—за чѣмъ!?.. Онъ не договорилъ и стиснулъ рукою голову.

Маша вся вздрогнула.

— За чѣмъ?!.. Съ какимъ-то неестественнымъ усиліемъ выговарила она.

Захаръ Игнатьичъ махнулъ рукой.

— Сердце у васъ вырвали; безъ него вамъ жить нельзя! глухо повторилъ онъ.

Марья Григорьевна выпрямилась и судорожно схватилась за ручку кресла, на которомъ сидѣла.

— Правду вы говорите?... Да, правду!... Я все знаю!... Спасите меня! Какимъ-то отчаяннымъ, строгимъ голосомъ произнесла она.

Захаръ Игнатьичъ тяжело вздохнулъ и заматалъ головой.

Марья Григорьевна схватила его за руки.

— Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать? Спасите меня! твердила она шопотомъ.

— Переродиться!... глухо отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ.

Маша пристально поглядѣла на него.

Онъ поднесъ ея руки къ губамъ своимъ и два раза крѣпко поцѣловалъ ихъ. Что-то похожее па стонъ вырвалось изъ груди его; сердце его сжалось,—а между тѣмъ ему хорошо было. Маша ничего не помнила; она встала и, шатаясь, вышла въ другую комнату. Черезъ минуту глухое, сдержанное рыданіе послышалось изъ нея. Захаръ Игнатьичъ схватилъ шляпу и опрометью выбѣжалъ на улицу.

Въ это самое время Степанъ Ильичъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ кабинетѣ; онъ положилъ голову на руки, закрылъ ими лицо свое; пальцы его въ волоса вцѣпились; онъ ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ; онъ обдумывалъ что-то, приготовлялся къ чему-то; долетавшіе стоны жены казались ему вороньимъ карканьемъ.

На другой день утромъ, напившись чаю, онъ противъ обыкновенія позвалъ жену въ кабинетъ, заперъ всѣ двери, посадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ напротивъ. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ совершенно неподвижно, какъ преступникъ, сознающій свое преступленіе, и вдругъ поднялъ голову, встряхнулъ ею, какъ будто хотѣлъ разогнать скопившіяся мысли.

Марья Григорьевна сидѣла, какъ къ смерти приговоренная, всѣ члены ея похолодѣли, она чуяла что-то недоброе... Вчерашній разговоръ, проведенная безъ сна ночь, настоящая таинственность мужа, его видимое приготовленіе къ чему-то тяжелому, рѣшительному, сдѣлали изъ нея что-то полуживое, мертвое: ей казалось, что она не переживетъ этой минуты.

— Маша! Началъ Степанъ Ильичъ и остановился; ему трудно было говорить, дыханіе захватывало слова его —Я долженъ объясниться съ тобой, долженъ, продолжалъ онъ съ усиліемъ, безпрестанно прерывающимся голосомъ:—приготовься.... Умоляю тебя, выслушай меня, все выслушай, до конца,—у меня до тебя просьба есть!...

Онъ снова взглянулъ на жену. Она, казалось, не дышала

даже,—и крѣпко держалась за ручку дивана, точно упасть съ него боялась; глазъ ея нельзя было узнать,—они смотрѣли тускло, безжизненно.—Я знаю, ты очень любишь меня, говорилъ Степанъ Ильичъ:—изъ любви ко мнѣ ты должна согласиться со мной, понять меня, пожерствовать... Я не хочу обманывать тебя, не могу притворяться передъ тебой.... это слишкомъ низко.... Между нами все должно рѣшиться съ обоюднаго согласія: мое дѣло убѣдить тебя.

Онъ снова помолчалъ минуту, какъ бы отдохнуть хотѣлъ, Запасшись силами, тверже прежняго продолжалъ.—Ты знаешь, какъ я женился на тебѣ; ты все знаешь,—припоминать нечего, все равно, женился... Не въ томъ дѣло, я говорю о связи: тогда мнѣ казалось, что я полюблю тебя, наполню тобою жизнь мою, составлю наше общее, обоюдное счастіе.... я никогда и не думалъ обманывать тебя,—тогда мнѣ казалось такъ, у меня прекрасная цѣль была, я стремился къ ней, я все забылъ, всѣмъ пренебрегъ:—вышло иначе... Я виноватъ, я ошибся! Довольно глухо добавилъ онъ и взглянулъ на жену.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и выпрямилась; мучительная боль выразилась на лицѣ ея. Казалось, змѣя ужалила ее прямо въ сердце.

Степанъ Ильичъ сморщился.

— Все равно, я долженъ все высказать,—я на все рѣшился, произнесъ онъ, стараясь казаться хладнокровнѣе,—между тѣмъ какъ голосъ его такъ и дрожалъ.—Да, я ошибся. Что-жъ дѣлать? То было минутное увлеченіе,—оно обмануло меня. Я полюбилъ не тебя, а какой то идеалъ, соединенный съ тобой въ моемъ больномъ воображеніи. Но наступило время трезвой мысли, и я увидѣлъ, что мнѣ остается съ тобой только лицемѣрить и лгать. Я не хочу играть эту гнусную роль и долженъ сказать тебѣ, откровенно и прямо: я не люблю тебя!

Маша протянула къ нему свои руки, точно удержать его хотѣла, но онѣ упали на ея колѣни. Отчаянный, хриплый вздохъ вырвался изъ груди ея.

— Да, я не люблю тебя! повторилъ Степанъ Ильичъ:—мало этого, я не могу любить тебя, никакими силами не могу вынудить этой любви: ты должна отпустить меня, добровольно разстаться со мной.

Марья Григорьевна слабо вскрикнула, гзаза ея сверкнули, она судорожно схватила мужа за руки. Богъ знаетъ, откуда и силы взялись у ней.

— Я не кончилъ, ты должна выслушать меня и покончить со мной. Тебѣ страшно слушать, а мнѣ страшно говорить! Онъ отнялъ свои руки, налилъ воды въ стаканъ и поднесъ его къ губамъ жены.

Она со страхомъ, какъ ребенокъ, приложилась къ нему.

— Притворяться дольше я не могу; сегодня, теперь же все должно кончиться, все рѣшиться!... Слушай до конца,— одно изъ двухъ: или я пущу себѣ пулю въ лобъ,—я говорю правду, говорю рѣшительно, я смерти не боюсь, я каждую минуту жду ее, жизнь давно опостылѣла мнѣ и не обѣщаетъ ничего лучшаго въ будущемъ,—или ты должна отпустить меня, я уѣду отсюда, уѣду на всегда... далеко!

Марья Григорьевна стонала, глаза ея страшно блестѣли; все лицо совершенно измѣнилосъ; она упала головой на грудь мужа и вцѣпилась своими руками въ его руки.

— Степанъ Ильичъ, Степанъ Ильичъ! твердила она шопотомъ.

На глазахъ его навернулись слезы; онъ не старался освободиться и слабымъ, надорваннымъ голосомъ продолжалъ:

— Одинъ конецъ, другого ничего быть не можетъ; я бы могъ сдѣлать все это, не спросясь тебя, но я не хотѣлъ. Еслибъ по слабости, изъ трусости, послушавшись вотъ этихъ слезъ,—онъ указалъ на ея и свои глаза,—я бы остался жить, остался въ теперешнемъ моемъ положеніи: что бы вышло изъ этаго? Моя нелюбовь къ тебѣ выросла бы, обратилась бы въ ненависть, я бы считалъ, что ты заѣла, уничтожила жизнь мою! Освободи и меня и себя, Маша; еще есть время. Теперь мы можемъ разстаться, не проклиная другъ друга .. Я сознаю всю подлость моего поступка въ отношеніи къ тебѣ, но этого сознанія мало, чтобы примирить меня съ моимъ настоящимъ положеніемъ. Я долженъ бѣжать отсюда или расквитаться съ жизнію навсегда,—отпусти и не обвиняй меня...

Марья Григорьевна рыдала, прижавшись головой къ груди его, потомъ выпрямилась, откинула съ лица волосы, мутными

слабыми глазами взглянула на мужа и въ ту же минуту опустила ихъ.

— Уѣзжай, уѣзжай!.. Твердила она шопотомъ, какъ-то безсознательно, точно сама не знала, что говорить; она прижала руку къ сердцу: — уѣзжай... живи, живи!.. Съ полнымъ отчаяніемъ вскрикнула она и снова повалилась на грудь его. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ; она глухо рыдала, онъ цѣловалъ ее въ голову, она осыпала поцѣлуями грудь его.

Странно было видѣть этого человѣка, такъ страшно оскорбившаго женщину, заѣвшаго всю жизнь ея, и между тѣмъ кающагося передъ ней. Онъ походилъ на убійцу, сознающаго всю тягость и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость своего преступленія; онъ съ ужасомъ вонзалъ ножъ въ свою жертву и проливалъ слезы надъ ней. Онъ рѣшился на злодѣяніе, онъ все забылъ, все отбросилъ; рѣшимость пересилила всѣ чувства его, но не заглушила ихъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась настоящая сцена, какъ вышла изъ кабинета Маша. Есть минуты въ жизни человѣка, которыя выше всякаго описанія; обыкновенныхъ словъ мало для нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день все общество по обыкновенію собралось въ гостиной, какъ будто ничего и не было, какъ будто утренняя драма никого не тронула, не поразила особенно; только разговоръ какъ-то совершенно не клеился, да лица всѣхъ казались вытянутыми. Марья Григорьевна сидѣла въ уголку на креслѣ; она, казалось, хотѣла спрятаться ото всѣхъ, переломить, пересилить самою себя, а между тѣмъ ей дышать было трудно; она такъ похудѣла и измѣнилась, какъ будто только что встала отъ какой-нибудь тяжкой болѣзни. Степанъ Ильичъ, повѣся голову, грѣлся у камина. Захаръ Игнатьевичъ по обыкновенію тянулъ изъ трубки и изподлобья украдкой на всѣхъ посматривалъ, въ особенности на Машу. Онъ тотчасъ догодался, что здѣсь происходило что-то недоброе, сердце его болѣло. Только Григорій Данилычъ добродушно, весело оглядывалъ всѣхъ присутствующихъ, точно говорилъ имъ: «полно вамъ, дѣтки, спать, поболтаемте, посмѣемся вмѣстѣ.» Онъ вошелъ въ свою прежнюю колею, пересталъ дичиться, считать себя лишнимъ, держалъ у себя подъ кроватью водку, на сонъ грядущій прикладывался

къ ней и былъ совершенно счастливъ. Въ послѣднее время никто не обращалъ на него вниманія.

— Слышите вы?.. Заговорилъ Захаръ Игнатьчъ, желая чѣмъ-нибудь прервать тягостное молчаніе:—въ театрѣ новую піесу даютъ, хвалятъ!

Степанъ Ильичъ поднялъ голову.

— А?! вопросительно воскликнулъ онъ.

— Я говорю, что піесу даютъ новую; вотъ вы бы Марью Григорьевну посмотрѣть свезли, снова повторилъ Лыскинъ.

— Нѣкогда... Я уѣзжаю! Совершенно хладнокровно отвѣтилъ хозяинъ.

Захаръ Игнатьичъ уставилъ па него глаза.

— Какъ уѣзжаете... куда? Переспросилъ онъ.

— Я ѣду заграницу; мнѣ лечиться нужно, здоровье мое совершенно разстроено, по прежнему отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Захаръ Игнатьичъ повернулъ голову и взглянулъ на Машу. Блѣдное, больное лице ея показалось ему совершенно мертвымъ.

— Заграницу!.. Какъ же это, и вы поѣете? Спросилъ онъ.

— Нѣтъ, она не ѣдетъ; она здѣсь остается, ей нельзя ѣхать! Твердо и какъ-то особенно поспѣшно отвѣтилъ Степанъ Ильичъ.

Григорій Данилычъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, но вдругъ остановился, какъ вкопанный, глаза его забѣгали.

— Заграницу-съ! Громко воскликнулъ онъ и даже разинулъ ротъ отъ удивленія.

— Ну да, заграницу; что-жъ тутъ необыкновеннаго, что такое?.. Я думаю, я вправѣ распологать собой. Или вы думаете удержать, не пустить меня, почти крикнулъ Степанъ Ильичъ.

Захаръ Игнатьичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него; Григорій Данилычъ сконфузился, струсилъ и забормоталъ какое-то извиненіе.

— Вы, Марья Григорьевна, какъ же, на этой квартирѣ останетесь,—однѣ останетесь? Спросилъ Лыскинъ.

Маша насильно подняла голову.

— На этой квартирѣ останусь... не знаю.. одна останусь...

Какимъ-то страннымъ, неестественнымъ голосотъ выговорила она, встала и вышла въ другую комнату.

Захаръ Игнатьичъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ.

— Разумѣется, здѣсь остается; я всѣмъ распорядился, я надѣюсь, что вы не оставите ее; я даже хотѣлъ просить васъ, вы такъ любите Машу, ей сначала скучно будетъ, замѣтилъ Степанъ Ильичъ и вдругъ прибавилъ: — извините, господа, у меня очень голова болитъ, я къ себѣ уйду.

Онъ пожалъ гостямъ руки и удалился восвояси.

Захаръ Игнатьичъ приготовился было говорить что-то, да такъ съ раскрытымъ ртомъ и остался; нѣсколько секунтъ онъ не могъ опомниться, голова его кружилась; потомъ всталъ, сунулъ трубку въ уголъ, подошелъ къ Григорію Данилычу, крѣпко схватилъ его за руку и задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, шопотомъ произнесъ:

— Панихиду служите, панихиду; вѣчную память пойте по вашей дочери, по счастьи вашемъ, по немъ безпутномъ!

У Григорія Данилыча затряслась голова, глаза заморгали; онъ хотѣлъ что-то сказать, но Лыскинъ уже былъ въ передней, козачекъ запиралъ за нимъ двери.

Въ сосѣдней комнатѣ кто-то тяжело стоналъ.

Григорій Данилычъ оглянулся вокругъ, колѣнки его сильно дрожали, онъ прислушался, подошелъ къ двери да тотчасъ же отскочилъ отъ нея, бросился на свою половину, схватилъ фуражку, накинулъ вѣтхую шинелишку, спустился съ черной лѣстницы и побѣжалъ по улицѣ.

На другой день Ничкинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Захара Игнатьича.

«Степанъ Ильичъ! годъ тому назадъ, когда я заикнулся о странности брака вашего, вы пришли въ такое негодованіе, такъ глубоко, искренно оскорбились, что поневолѣ заставили меня замолчать и преклониться предъ вашимъ святымъ намѣреніемъ, предъ чистотою тогдашнихъ побужденій вашихъ. Я на минуту повѣрилъ вамъ, даже укорилъ самого себя въ излишней сухости своего стараго, загрубѣлаго сердца. Теперь комедія разыгралась; время показало, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, теперь я буду говорить, я долженъ говорнть, теперь мнѣ грѣшно, стыдно молчать,—вы должны выслушать

меня. Вы спросите, какое я имѣю право? Святое, самое законное право человѣка, вступающагося за оскорбленіе другого, ему подобнаго, за честь, за жизнь слабой женщины. Обмануть дураковъ можно, или тѣхъ, кто мало знаетъ васъ, но меня обмануть трудно; вашъ отъѣздъ заграницу — одинъ предлогъ, прикрывающій самое гнусное, черное дѣло: вы намѣрены бросить жену, навсегда разстаться съ нею. А подумали-ли вы, чѣмъ кончится все это? Если нѣтъ, я вамъ скажу, я напомню. Объ васъ и говорить нечего, вы давно были дрянью и добровольно наложили на себя руки; Марья Григорьевна, развѣ она вынесетъ тотъ ударъ, который вы приготовили ей... Вы поступили съ ней,— я имѣю право это сказать, — какъ послѣдній негодяй; вырыли ей могилу и уложили въ нее бѣдную женщину подъ брачнымъ вѣнцомъ. Кто заставлялъ васъ насильно, самовластно вмѣшиваться въ ея жизнь? Кто навязывелся на ваше участіе? Вы сами втянули ее въ него, взяли за него и душу, и сердце, и вдругъ растоптали и то и другое. Вы подали грошъ нищему и тотчасъ-же обобрали его до послѣдней нитки. Конечно, вы опять взвалите вину на обстоятельства, вы скажите, что эта женщина не оправдала вашихъ надеждъ; да какое же вы имѣете право требовать отъ нея чего-то особеннаго, созданнаго вашимъ празднымъ воображеніемъ?... Она не обманывала васъ, не притворялась передъ вами, не старалась поддѣлаться подъ вашъ болѣзненный тонъ, а осталась такою же простой, наивной и любящей Машей, какою была въ своей бѣдной комнаткѣ, за пяльцами и сальнымъ огаркомъ. Когда она съ полнымъ довѣріемъ бросилась въ ваши объятія, вы затянули ее въ смертельную петлю.

Взвѣсьте хладнокровно всю гадость вашего поступка и спасите себя отъ проклятій вашихъ друзей и вашей жены...»

Степанъ Ильичъ не дочиталъ письма и судорожно смялъ его въ рукѣ своей, какъ будто испугался чего-то, какъ будто ему показалось, что вдругъ кто-то подошелъ къ нему; дыханіе его на минуту остановилось; онъ щупалъ себя за голову; что-то похожее на борьбу выразилось на лицѣ его. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ въ полномъ оцѣпененіи; потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вдругъ остановился, какъ вкопаный;

руки его затряслись; онъ въ совершенномъ отчаяніи всплеснулъ ими.

— Вздоръ! . Все кончено... Конецъ, конецъ нуженъ! Какъ-то дико прошепталъ онъ, разорвалъ письмо и швырнулъ его въ каминъ.

Голубоватое пламя тотчасъ охватило бумагу.

Степанъ Ильичъ какъ-то странно, неестественно улыбнулся надъ нимъ. Эта улыбка хуже всякихъ слезъ была. Онъ замоталъ головой.

Въ это самое время въ комнатѣ Голубинина происходила слѣдующая сцена.

На кровати, покрытой ситцевымъ одѣяломъ, сидѣла Марья Григорьевна; возлѣ нея помѣщался Григорій Данилычъ. Оба они сидѣли, молча, понуривъ головы и вытянувъ на колѣняхъ руки; одна общая грусть сковала ихъ, лишила ихъ возможности говорить. Марья Григорьевна безпрестанно вздрагивала всѣмъ тѣломъ и—то поднимала, то опускала слабые, потухшіе глаза свои. Григорій Данилычъ искоса на нее взглядывалъ и шевелилъ губами.

— Вчера вотъ все узналъ, все этотъ Захаръ Игнатьичъ разсказалъ мнѣ. Да можетъ, и не правда; можетъ, клевета какая... Панихиду, говоритъ, служите!.. Очень тихо говорилъ онъ, поминутно поварачивая голову къ двери.

— Панихиду!.. Шопотомъ повторила Марья Григорьевна и сжала въ кулаки руки.

— Онъ вѣдь, можетъ, и точно лечиться ѣдетъ. Онъ тебѣ какъ сказалъ, лечиться?.. Здоровье его плохое, слабое,—какое его здоровье, продолжалъ Григорій Данилычъ: а?.. лечиться ѣдетъ?.. Можетъ, и вернется скоро, правда?

Марья Григорьевна вздрогнула и безсознательно повела глазами.

— Правда! Прошептала она.—Лечиться, хотѣла она выговорить, да остановилась на полусловѣ, и черезъ минуту, какъ бы пересиливъ себя, два раза повторила:—лечиться, лечиться!

Григорій Данилычъ пристально смотрѣлъ на нее.

— За что ему полюбить тебя? Говорилъ онъ какимъ-то успокоивающимъ голосомъ. Кабы не любилъ, такъ и не женился бы; ни въ чемъ худомъ, слава тебѣ, Господи, не замѣчена; всѣмъ

надѣлилъ, облагодѣтельствовалъ,—какъ же не любить тутъ? За что?! Опять же предъ алтаремъ повѣнчаны,—хочешь не хочешь, а жена все же; коли и провинилась, такъ накажи да помилуй. Какъ же бросить тутъ, съ какой стати бросить? Вѣдь ни Богъ, ни совѣсть не попустятъ дѣлу этакому... Вѣдь и закона такого нѣтъ!... Маша?.. а, Маша?.. Виновата ты въ чемъ, скажи ты мнѣ, что тамъ случилось у васъ? Добавилъ онъ вопросительно.

Марья Григорьевна подняла голову и крѣпко провела рукою по волосамъ своимъ, точно хотѣла сбросить ихъ, точно они мѣшали ей.

— Ты меня-то успокой, старика глупаго,—по прежнему продолжалъ Григорій Данилычъ:—отецъ все же, мнѣ ничего не нужно, въ землю смотрю... А насказали вотъ... Такъ и не вѣришь, нельзя вѣрить... А все какъ боишься чего-то, какъ на душѣ что-то есть... Маша, а Маша?.. Можетъ, я виноватъ, можетъ, я лишній здѣсь?.. Повторилъ онъ, заморгалъ глазами и поцѣловалъ руку дочери.

Она была совершенно холодна.

Марья Григорьевна снова вздрогнула.

— Ѣдетъ!.. Лечиться ѣдетъ... Какое здоровье его... Передъ олтаремъ повѣнчаны... Какъ не любилъ, такъ и не женился бы... Закона такого нѣтъ... Богъ, совѣсть... Какъ же бросить тутъ!.. Нельзя бросить, нельзя! нельзя! Съ необыкновеннымъ усиліемъ, какъ то отрывисто, безпрестанно останавливаясь, повторила она слова отца и сильно глубоко вздохнула.

Григорій Данилычъ снова повѣсилъ голову; слова дочери мало успокоили его; сердце его сжалось; онъ попробовалъ было улыбнуться, да улыбка тотчасъ пропала съ устъ его.

— Твори Господь волю свою! Прошепталъ онъ самъ съ собою.

Молчаніе снова воцарилось, только напряженное дыханіе прерывало его.

Марья Григорьевна встала и вышла изъ комнаты. Григорій Данилычъ покачалъ головой ей вслѣдъ и вдругъ вскочилъ съ кровати. Доброе, простое лицо его судорожно вытянулось, губы посинѣли.

— Врешь! не позволю я тебѣ сгубить ее, врешь!.. закона нѣтъ, нѣтъ закона! Повторилъ онъ въ совершенномъ изступленіи, грозя кулакомъ къ стѣнѣ.—Я отецъ!.. я вступлюсь за нее...

я!.. Онъ замолчалъ, закрылъ лицо руками и въ изнеможеніи опустился на кровать; колѣнки его такъ и прыгали.—Долго ли я жить буду. Жизнь моя негодная, за чѣмъ мнѣ она! Твердилъ онъ шопотомъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, Степанъ Ильичъ лежалъ на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ. Объясненіе съ женой, письмо Захара Игнатьича, страхъ за будущее, тягость настоящаго, неестественная напряженность всего положенія, сознаніе своего преступленія и въ то же время какое-то неопредолимое упорство въ его совершеніи, мученія совѣсти—все въ послѣднее время окончательно сдавило, обезсилѣло его. Онъ боялся каждаго шороха, дрожь пробѣгала по всему его тѣлу. Онъ проклиналъ самого себя. Что-то страшное, отталкивающее было въ его физіономіи. Онъ лежалъ совершенно безъ всякаго движенія, вытянувшись на спинѣ и заложивъ подъ голову руки; большой лобъ его свѣтился; полусѣдые взъерошенные волосы клочками торчали на вискахъ мутные глаза были неподвижно устремлены на одну точку, лицо—желтое, вытянутое. Слабый свѣтъ нагорѣвшей свѣчи набрасывалъ на немъ широкія, черныя тѣни. Онъ походилъ на покойника. Въ другой комнатѣ, передъ большимъ раскрытымъ чемоданомъ, придерживаясь рукою за спинку стула, стояла Марья Григорьевна. Голова ея склонилась внизъ, какъ будто съ трудомъ на плечахъ держалась; запекшіяся губы были полураскрыты, часть волосъ распустилась и въ безпорядкѣ падала на лобъ, щеки и глаза смотрѣли неподвижно и какъ-то необыкновенно блестѣли, что-то блуждающее, неопредѣленное, непохожее ни на жизнь, ни на смерть отражалось въ нихъ; двѣ слезы дрожали на свѣтлыхъ рѣсницахъ. Въ совершенно блѣдномъ лицѣ ея было что-то странное, остановившееся; ни одна фибра его не шевилась. Она стояла, какъ вкопаная. Казалось, сама незнала, что съ ней, гдѣ она; даже платье сидѣло какъ-то неловко, безпорядочно. Вокругъ нея, на крышкѣ чемодана, по полу, на стулѣ лежали мужскія рубашки; одну изъ нихъ она крѣпко сжала въ рукѣ своей. Уже часъ назадъ она собралась уложить мужнино бѣлье, приготовить его въ дорогу. Ей никто ничего не говорилъ. Богъ знаетъ, почему она вообразила, что Степанъ Ильичъ ѣдетъ

сей часъ-же, торопится. Она даже взглянула на часы и какъ бы сообразила, сколько времени остается ей. Она все хотѣла слугой быть, хотѣла отслужить до конца, до самой смерти своей; ей все не вѣрилось, что у нея ужъ нѣтъ мужа; она дѣйствовала, какъ во снѣ, не могла опомниться, сообразить своей горечи; умъ ея притупился. Она сама притащила чемоданъ, сама зажгла свѣчку и поставила ее на полъ, сама бѣлье принесла; взяла одну рубашку и вдругъ остановилась, какъ будто руки отяжелѣли у ней, какъ будто не помнила, что такое ей дѣлать надо; рубашка распустилась въ рукахъ ея; свѣча давно отекла, она и того не замѣтила. Прошло еще нѣсколько минутъ, она все стояла, какъ вкопанная, и вдругъ сильно вздрогнула, головой встряхнула, какъ будто хотѣла что-то сбросить съ себя, какъ будто кто нибудь потрясъ ее; волосы ея еще больше распустились; она проворно, судорожно, кое-какъ свернула ихъ, крѣпко провела руками по лбу, точно и здѣсь что-то давило, мучило ее; потомъ нагнулась положила нѣсколько рубашекъ въ чемоданъ, и снова вынула ихъ; потомъ опять положила, опять головой встряхнула, задумалась, какъ будто вспомнила о чемъ-то, сняла крестъ съ своей шеи да и его въ чемоданъ сунула и какъ-то судорожно, проворно, точно боялась, чтобъ ее не увидѣлъ кто. Нѣсколько минутъ еще провозилась она; всѣ движенія ея были необыкновенно живы, лихорадочны, глаза страшно свѣтились; она кое-какъ навалила рубашки одна на другую, перемѣшала, перерыла ихъ, какъ будто не въ дорогу ихъ укладывала, а спасала отъ пожара, и вдругъ выпрямилась, почти вскочила и вся задрожала, точно испугалась чего-то, точно увидѣла передъ собой что-то ужасное. Она крѣпко ухватилась за спинку стула; всѣ предметы закружились въ головѣ ея; сверкавшіе глаза разомъ помутились, лицо посинѣло, вытянулось; она раскрыла ротъ и вздохнуть не могла; страшная, мучительная боль подступила ей подъ сердце. Она вскрикнула дикимъ, пронзительнымъ нечеловѣческимъ голосомъ и безъ чувствъ разтянулась на полу. Стулъ полетѣлъ къ ногамъ ея.

Степанъ Ильичъ, услышавши этотъ крикъ, такъ быстро вскочилъ съ дивана, какъ будто кто нибудь подбросилъ его; онъ стремглавъ выскочилъ изъ кабинета.

Григорій Данилычъ дремалъ у себя на кровати; комната его была довольно далеко, но и онъ вздрогнулъ и онъ очнулся; схватилъ себя за сердце; ему показалось, что оно перевернулось какъ-то... Черезъ минуту и онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Весь домъ засуетился.

— Барыня умерла, барыня умерла! Кричалъ кто-то.

— Доктора, доктора нужно, ей дурно, обморокъ! Говорилъ Степанъ Ильичъ надорваннымъ, дребезжащимъ голосомъ, устремивъ глаза на жену, между тѣмъ какъ прибѣжавшая горничная дѣвушка растегивала ей платье, а Григорій Данилычъ дрожащими руками смачивалъ ея голову.

— Что она дѣлала тутъ? Кто просилъ ее? Что за вздоръ такой!.. Доктора нужно! Тѣмъ же тономъ твердилъ Степанъ Ильичъ и не двигался съ мѣста.

Ему сдѣлалось страшно, онъ самъ похолодѣлъ весь и едва на ногахъ держался.

Марья Григорьевна лежала, какъ мертвая.

Григорій Данилычъ трессся, какъ въ лихорадкѣ, лилъ воду на лицо и грудь дочери, дышалъ на нее, дико, злобно взглядывалъ на Ничкина; казалось, онъ что-то сказать хотѣлъ да волненіе духъ у него захватывало.

Степанъ Ильичъ стоялъ, повѣся голову.

Прошла минута, другая, третья; лицо Марьи Григорьевны судорожно подернулось; она болѣзненно вздохнула, открыла глаза, слабо повела ими, приподнялась, сѣла на полу и пристально смотрѣла на всѣхъ присутствующихъ, какъ будто не узнавала, о чемъ-то спрашивала ихъ, не могла дать отчета, что съ ней, гдѣ она.

Григорій Данилычъ назвалъ ее по имени, она какъ-то странно кивнула головой въ отвѣтъ ему. Онъ хотѣлъ взять ее за руку. хотѣлъ поднять ее; она оттолкнула его. Бѣдный старикъ заплакалъ; она посмотрѣла на него, горько улыбнулась и головой замотала.

Степанъ Ильичъ стоялъ, какъ къ смерти приговоренный, онъ чувствовалъ, что кровь остановилась въ его жилахъ. Страшная мысль пролетѣла въ головѣ его. Обморокъ жены, ея мертвое, искаженное лицо, блуждающій, дикій взглядъ, раскры-

тыя губы, молчаніе, съ которымъ она оглядывала всѣхъ присутствующихъ, улыбка, слезы Григорія Данилыча, произвели на него ужасное, потрясающее дѣйствіе. Марья Григорьевна вдругъ кивнула головой мужу и протянула къ нему руки.

Онъ не двинулся съ мѣста.

Она однимъ движеніемъ подползла къ нему. Горничная хотѣла помочь ей, она оттолкнула ее. Она вцѣпилась въ полы сюртука его и притянула его къ себѣ. Онъ невольно опустился и сталъ на колѣни возлѣ нея. Она положила свои руки на его плечи и долго, пристально смотрѣла въ лицо его. Онъ не зналъ, куда дѣтся отъ этаго взгляда, онъ попробовалъ даже освободиться, встать, но Марья Григорьевня такъ строго посмотрѣла на него, глаза ея такъ блеснули, она такъ крѣпко вцѣпилась въ него своими худыми пальцами, что Степанъ Ильичъ тотчасъ-же снова опустился, какъ ребенокъ, на котораго крикнули.

Григорій Данилычь отошелъ въ сторону и почти упалъ въ кресло, глухой стонъ вырвался изъ груди его.—Какъ я люблю тебя!.. Какъ я люблю тебя! То громко, то шопотомъ говорила между тѣмъ Марья Григорьевна, не спуская глазъ съ мужа и безпрестанно припадая своей головой къ плечу и щекамъ его.—Хорошо здѣсь... помнишь... ты все помнишь... ты умница!.. Я простая... нѣтъ, нѣтъ!.. Я только была такой, я переродилась, я другой стала, другой!.. Ты не знаешь меня... Я жена твоя... Да!.. Насъ обвѣнчали... У меня отецъ другой... Богъ отецъ мой, Богъ!.. Ты знаешь Бога, знаешь? Ты молишься ему? Она нагнулась къ самому уху его. Степанъ Ильичъ, Богъ мой! торопливо шепнула она и вдругъ отскочила.—Онъ уѣхалъ!.. далеко уѣхалъ... Онъ благословилъ меня, мнѣ жить велѣлъ, а я люблю его, очень люблю! Она на минуту остановилась, какъ будто говорить устала, по щекамъ ея потекли слезы.

Степанъ Ильичъ дрожалъ, горячее дыханіе жены жгло лицо ему; онъ снова хотѣлъ встать, онъ силился отцѣпить ее руки; они, казалось, срослись съ сюртокомъ его.

— Постой!.. говорила она какимъ-то удушливымъ шопотомъ: ты не похожъ на него, ты хуже, старше его... У тебя волосы сѣдые... а?.. Ты за чѣмъ здѣсь? Ты ко мнѣ пришелъ,

онъ прислалъ тебя, а?.. Онъ далеко теперь... Онъ у меня сердце взялъ, я дождусь его, я не умру безъ него; мы вмѣстѣ умремъ, вмѣстѣ!.. Онъ здѣсь комнату нанялъ... Я была тогда маленькая, крошечная... Темно здѣсь, душно!.. жжетъ, жжетъ!.. Кто это?!.. Кто тутъ?!... Она вся задрожала, въ лицѣ ея выразилось что-то умоляющее, она протянула въ воздухъ руки и нѣсколько разъ потрясла ими, какъ будто кого то отталкивала отъ себя.

Степанъ Ильичъ повалился ей въ ноги и вдругъ вскочилъ съ полу; все лицо его совершенно исказилось, холодный потъ на лбу выступилъ; чья-то рука вцѣпилась въ его руку, онъ невольно оглянулся. Возлѣ него стоялъ Григорій Данилычъ.

Бѣдный старикъ ничего не могъ говорить, онъ весь задыхался, губы его тряслись.

— Что вамъ нужно, прочь отъ меня, всѣ прочь!.. Все къ чорту!.. Все кончено! Въ изступленіи крикнулъ Ничкинъ и выдернулъ свою руку.

Марья Григорьевна въ отвѣтъ на этотъ крикъ пронзительно захохотала. Степанъ Ильичъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Черезъ минуту раздался въ квартирѣ пистолетный выстрѣлъ.

Марья Григорьевна очнулась отъ этого выстрѣла и вскочила съ полу, разсудокъ на минуту возвратился въ ней. Григорій Данилычъ загородилъ ей дорогу, она съ необыкновенной силой оттолкнула его и бросилась въ кабинетъ мужа, но тамъ дѣйствительно было все кончено, только страшный, истерическій хохотъ Марьи Григорьевны подалъ знакъ жизни, но жизни разбитой въ дребезги; въ этомъ хохотѣ былъ слышенъ послѣдній порывъ сознанія, навсегда оставлявшаго разстроенной мозгъ...

VIII.

Прошло два года. Григорій Данилычъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ отставкѣ. Онъ уволенъ по неспособности продолжать службу. Онъ совершенно опустился, да для кого

ему и беречь себя, для кого жить наконецъ?.. Глаза его вѣчно слезятся, лицо распухло, густая небритая борода постоянно покрываетъ его подбородокъ и щеки. Онъ всегда улыбается, только улыбка его отзывается чѣмъ-то горькимъ, уничтоженнымъ. Униженіе да горе создали эту улыбку. Богъ знаетъ, какъ живетъ онъ; мѣсто жительства его неизвѣстно; его всегда можно встрѣтить на улицѣ, онъ какъ-то украдкой шмыгаетъ между прохожими, точно всѣхъ боится, отъ всѣхъ прячется, то замѣдляетъ, то ускоряетъ шаги, то просто останавливается. Костюмъ его, состоящій изъ засаленаго фрака съ двумя бронзовыми пуговицами, пестраго галстуха да картуза на головѣ, постоянно одинъ и тотъ же,—ни холодъ, ни жаръ не измѣняютъ его.— Иногда лѣтомъ, рано поутру да подъ вечеръ, Григорія Данилыча можно встрѣтить въ отдаленномъ углу Смоленскаго кладбища. По нѣскольку часовъ сидитъ онъ тамъ на дерновой могилѣ, у простого деревяннаго креста и какъ будто отдыхаетъ. Здѣсь хорошо ему, его грѣетъ солнце, ровное для всѣхъ людей, отъ сырой холодной земли на него вѣетъ чѣмъ то теплымъ, обновляющимъ; онъ какъ будто завидуетъ этой святой тишинѣ и, приникнувъ головой къ могилѣ, какъ будто просится въ нее.

— Упокой, Господи, рабу твою Марію! шепчутъ уста его.

Захаръ Игнатьичъ все живетъ на той же квартирѣ, занимаетъ ту же должность, держитъ ту же кухарку, также ходитъ ко всенощной, также любитъ пѣвчихъ слушать. Онъ вдругъ состарѣлся въ послѣднее время, волосы на головѣ его посѣдѣли, лицо вытянулось, приняло озабоченный, почти мрачный видъ. Прежняя веселость совершенно пропала въ немъ. Онъ какъ будто отяжелѣлъ, какъ будто все на свѣтѣ пріѣлось, надоѣло ему, какъ будто какая-то неизгладимая печаль навсегда засѣла въ его душу. Онъ, по прежнему, любитъ напѣвать что нибудь священное; но въ голосѣ его уже нѣтъ той густоты, крѣпости; въ немъ слышится что-то разбитое, жалобное.—Помѣшательство Марьи Григорьевны и вслѣдъ затѣмъ скорая смерть ея произвели на Захара Игнатьича глубокое впѣчатлѣніе. Онъ хоронилъ Марью Григорьевну, какъ мужъ любимую жену или отецъ ненаглядную дочь. Онъ

такъ рыдалъ надъ ея трупомъ, какъ рѣдко можетъ рыдать возмужалый, почти состарѣвшійся мужщина. Онъ осиротѣлъ и весь переселился въ прошлое. Этимъ прошлымъ только и живетъ Захаръ Игнатьичъ, — онъ долго задумывается надъ нимъ, какъ будто старается разгадать его; оно еще коекакъ шевелитъ, волнуетъ его, говоритъ о четъ-то, вызываетъ улыбку и слезы, представляетъ чьи-то знакомы черты, чей-то мягкій голосъ, чьи-то прекрасные глаза.

На столѣ Захара Игнатьича стоитъ фотографическій портретъ Марьи Григорьевны, снятый во время первыхъ дней ея замужества; онъ очень бережетъ его, сдѣлалъ на него новую рамку.—Недавно какой-то знакомый, взглянувши на него, замѣтилъ. «Какое доброе лицо, вѣроятно прекрасная женщина,—родственница ваша»?

— Родственница, глухо отвѣтилъ Захаръ Игнатьичъ и украдкой вытеръ выкатившуюся слезу.

Г. Лупинъ.

КУТЧАНСКОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Очеркъ изъ сельскаго быта.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, идущей изъ уѣзднаго города Л., есть два села, одно противъ другого, раскинутыя на отлогихъ возвышенностяхъ, между которыми протекаетъ рѣчка съ песчаными берегами. Село на правой сторонѣ называется Кутки, а село на лѣвой сторонѣ — Нагорянка. Села эти до того изобилуютъ садами, что издали кажутся сплошными рощами, раздѣленными стальною полосою рѣчки, и только верстахъ въ двухъ убѣждаешься, что это именно села, а не рощи. Вонъ выбивается изъ густоты деревъ желтый крестъ нагорянской церкви (въ Куткахъ нѣтъ церкви), прикрѣпленный по сторонамъ двумя цѣпями къ зеленой маковкѣ, выглядываетъ чье-то гумно со скирдами хлѣба, вытянулся высокій шестъ съ привязанными къ его оконечности люлькою и розгою (двойственный символъ огня и наказанія), то тамъ, то здѣсь выбѣленная, съ соломенною крышею хата... Такъ и есть, село, а не лѣсъ. Изъ Нагорянки въ Кутки черезъ рѣку перекинута гребля; на самой ея срединѣ устроенъ мостъ съ двумя подъ нимъ шлюзами, для спуска или задержанія воды, смотря по надобности; у моста стоитъ небольшая, крытая очеретомъ мельница объ одномъ колесѣ, которая однако дѣйствуетъ только въ полноводіе весною, лѣтомъ же мельница эта служитъ надежнымъ пристанищемъ для аистовъ, ежегодно здѣсь выводящихся.

Нарѣдкость пѣвучій народъ, я вамъ скажу, живетъ въ этихъ

двухъ селахъ. Не говорю уже о томъ, что здѣсь даже зимою по вечерамъ слышатся пѣсни, но лѣтомъ, особливо по праздникамъ, такъ онѣ не умолкаютъ всю ноченьку, просто отъ зари до зари, такъ что удивляешься, когда только спитъ здѣшняя молодежь. Стихнетъ эта пѣсня въ одномъ углу села, такъ другую заводятъ въ другомъ углу, смолкнетъ эта, такъ зачинается третья. Одно слово— вплоть до зари. Я не знаю, такъ ли весело и на душѣ у нихъ бываетъ. А впрочемъ чтожъ, молодому стоитъ только выйти на улицу къ своей компаніи, чтобъ горе, буде оно есть, само собою сбѣжало съ души, какъ съ гуся вода. Да чего вамъ, въ Нагорянкѣ и въ Куткахъ, по причинѣ полуверстнаго между ними черезъ рѣку разстоянія, завелся даже обычай играть въ перепѣвку, то есть— кто кого лучше пропоетъ пѣсню, и еще существуетъ способъ пѣсеннаго разговора. Ѣдете вы, напримѣръ, въ праздничный день, чрезъ греблю, изъ Нагорянки въ Кутки, и слышите—въ Куткахъ, гдѣ-то въ прибережныхъ садахъ, женскій голосъ запѣлъ:

Батько добрый, батько добрый,
Мати не такая,
Не пускаетъ на улицу,
Что я молодая.

Еще этотъ голосъ не успѣлъ хорошенько дотянуть послѣднюю ноту, какъ въ Нагорянкѣ, тоже гдѣ-то въ садахъ, взвилась своя пѣсня и выше цѣлымъ тономъ:

Катилася толокою
Бѣла горошина,
У козака чорны брови,
Какъ у волошина.

Голосъ кутчанскій также не далъ нагорянскому закончить, какъ слѣдуетъ, и звонче прежняго пріударилъ:

Пусти меня, моя мати,
На толоку прясти;
Не выйдетъ ли мой миленькій
Сѣрыхъ воловъ пасти.

Но нагорянскій голосъ не прервалъ уже своего противника, а только залился звонкимъ смѣхомъ, когда тотъ кончилъ, — изъ чего

можно заключить, что нагорянская пѣвунья на этотъ разъ хотѣла только поддразнить кутчанку, а не перепѣть.

Или, слышите вы, завязывается пѣсенный разговоръ. Кутчанка, выпалывая между прочимъ изъ своихъ грядъ бурьянъ, начинаетъ:

Туманъ яромъ, туманъ яромъ,
Туманъ и горою;
Не по правдѣ, вражій сыне,
Ты живешь со мною.

Нагорянка, за такою же работою, отвѣчаетъ:

Хоть по правдѣ, не по правдѣ,
Таки буду жити,
Будетъ тебя Богъ карати
И за меня бити.

Такъ и забавляются себѣ. Да и самая здѣсь мѣстность располагаетъ къ тому: необыкновенно звонкій воздухъ, заключенный между этими отлогостями и садами, даетъ всякой пѣснѣ такіе чудные переливы, что даже птицы подстрекаются къ пѣнію. Иволга, напримѣръ, заслышавъ людскую пѣсню, Богъ вѣсть изъ какой густоты сада, непремѣнно выберется на самую верхушку высокаго дерева и тамъ, съ необыкновенною живостью поворачиваясь во всѣ стороны, кричитъ свои пять - шесть трелей, весьма похожихъ на какіе-то вопросы и отвѣты, кричитъ до тѣхъ поръ, пока людской пѣсни совсѣмъ не слышно станетъ. Тогда эта, насчетъ пѣнія должно быть очень самолюбивая и завистливая птица, успокоивается и спущается опять въ гущину сада доклевывать свою недоклеванную ягоду. Даже чихнешь нечаянно, такъ и то двадцать чиханій вокругъ тебя весело раздается, точно мальчишки какіе засѣли гдѣ за кустами и передразниваютъ тебя.

Жаль, что происшествіе, которое я здѣсь намѣренъ разсказать, не имѣетъ такихъ веселыхъ свойствъ и надѣлало въ свое время такой славы на весь околотокъ, что многіе и по настоящее время помнятъ о немъ. А случилось это происшествіе оттого, что кутчанская и нагорянская молодежь постоянно враждуютъ между собою. Конечно, споръ у нихъ идетъ не за принципы какіе, какъ у образованнаго класса людей; нѣтъ имъ также нужды и до нашего прогресса: они всегда слѣдовали и готовы слѣдовать старымъ обычаямъ своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Но у нихъ есть интересы своей важности, за которые они готовы Богъ знаетъ что перенести и вытерпѣть. Вотъ хоть бы и это: кутчанская молодежь говоритъ, что у нихъ и на гуляньяхъ бываетъ веселѣе, чѣмъ у нагорянъ, и народъ-то у нихъ лучше, чѣмъ у нагорянъ, всѣ какъ перемытые, наподборъ. Даже будто бы и по самой пѣснѣ видно бываетъ, что поютъ они, кутчане, а не нагоряне. Досадно это хвастовство нагорянамъ, — ну, они въ свою очередь и говорятъ, что кутчане брешутъ немилосердно и брешутъ именно отъ зависти и досады, что никакъ не могутъ сравняться съ ними, нагорянами, и что кутчанамъ до нагорянъ далеко, какъ воронѣ до яснаго сокола. Кутчане говорятъ, напримѣръ, нагорянамъ: чего вы такъ хвалитесь! да нашъ атаманъ заткнетъ вашего за поясъ, какъ захочетъ, сотретъ, сомнетъ его на табакъ. А нагоряне отвѣчаютъ имъ: пойдите вы, умойтесь и съ своимъ атаманомъ воловикомъ! нашему атаману и десяти мало на одну руку такихъ, какъ вашъ.

Никому не хочется уступить первенство; у всякаго своя амбиція.

Надобно знать, что въ обоихъ этихъ селахъ ведется между молодежью обычай выбирать изъ среды своей коноводовъ, или, какъ они ихъ называютъ, атамановъ, которые заправляютъ всѣми ихъ увеселеніями. Коноводы эти, кромѣ искусства въ распорядительности, обладаютъ еще физическою силою и большимъ ростомъ; притомъ они бываютъ обыкновенно сыновья зажиточныхъ родителей. Поэтому они служатъ представителями своихъ партій. По достоинствамъ атамана судится и о всей компаніи: атаманъ хомякъ и нелихой, такая и вся его компанія; атаманъ силачъ и бойкій, и вся его компанія имѣетъ право хвастаться удальствомъ и силою.

Въ то время, съ котораго собственно начинается мой разсказъ, кутчанская молодежь имѣла у себя атаманомъ Ефрема Сытниченка, сына одной зажиточной вдовы, паробка лѣтъ двадцати пяти, ростомъ въ два аршина съ половиной, рябого, съ русыми, въ кружокъ остриженными волосами. Цѣлою головою онъ былъ выше всѣхъ своихъ товарищей и хотя не отличался особенною ловкостью, но обладалъ силою Ильи Муромца. На гулянье, въ праздники, Сытниченко являлся обыкновенно въ круглой шапочкѣ съ кисточкой, сшитой изъ полосокъ краснаго и сѣраго сукна, и въ черной до колѣнъ свиткѣ; рубашка его застегнута была красной ленточкой. У нагорянъ въ это же время атаманомъ былъ сынъ волостного головы Хорошила, Кондратъ, краса и гордость всего села. Ростомъ онъ

былъ нѣсколько ниже Сытниченка, но статный и ловкій парень. Праздничный его нарядъ состоялъ изъ синяго суконнаго до колѣнъ кафтана, подпоясаннаго краснымъ шерстянымъ поясомъ, и поярковаго бриля съ оловянной на бархатной ленточкѣ пряжкой, что весьма шло къ его чорнымъ волосамъ, нѣсколько смуглому лицу и каримъ глазамъ. Отецъ его, по званію головы, а главное, по своей степенности и зажиточности, считался первымъ обывателемъ не только въ Куткахъ и Нагорянкѣ, но и во всемъ околоткѣ ихъ. Домъ его на широкой улицѣ, идущей мимо церкви, въ ряду другихъ отличался кирпичною трубою и выкрашенными зеленой краской рамками оконъ. У него останавливалась, при проѣздахъ по дѣламъ службы, почти вся уѣздная власть, останавливалась на квартирѣ и гостила не только во время его головства, но и съ давнихъ поръ, за долго до головства. Такъ и извѣстенъ былъ Иванъ Харитоновичъ Хорошило всякому на этотъ счетъ. Оттого все населеніе нагорянское и кутчанское смотрѣло на Ивана Харитоновича съ особеннымъ уваженіемъ и называло его, даже й заглаза, неиначе какъ по имени и отчеству.

Семейство Хорошила состояло только изъ жены и одного сына Кондрата. Были у него и другія дѣти, но они померли еще въ младенчествѣ. Благодушная мать, долго горевавшая о потерѣ первыхъ дѣтей, всю свою материнскую любовь, всю нѣжность и заботливость свою обратила потомъ на оставшагося Кондрашку. Она говорила своему мужу, показывая на сына: — А ежели и этого Господь возьметъ, то ты, Иванъ Харитоновичъ, и меня съ нимъ положи въ одну ямку.

— А какъ же тебя положить? спрашивалъ шутливо Иванъ Харитоновичъ: —живую?

— Хоть и живую, отвѣчала Хорошилиха.

— Пожалуй, да только ты тамъ долго не улежишь голодная, ѣсть попросишь.

— Не попрошу, а умру да и все.

Иванъ Харитоновичъ долго смѣялся, покручивая свой усъ.

— Такъ знаешь же, что я тебѣ скажу, Меланья, говорилъ онъ потомъ своей женѣ: — будетъ съ насъ и одного сына... дай Боже хоть и одного довести до разума, какъ слѣдъ. Бываетъ, что у другого человѣка и много дѣтей, а ни одного путнаго, такъ тоже горе немалое.

— Конечно, бываетъ, говоритъ жена:—а намъ отчего же бы не довести Кондрашку до разума?.. благодаренье Богу, не нуждны мы, сдается, имѣемъ всего довольно, и копѣйку таки имѣемъ, что Бога гнѣвить.

— Кто же гнѣвитъ, я не къ тому... а что хоть и одно дитя, да чтобъ хорошій изъ него человѣкъ вышелъ, вотъ ты что говори.

— Да онъ и будетъ у насъ хорошимъ человѣкомъ, говорила на это Хорошилиха, гладя по головѣ сына: — будешь, Кондрашка?

— Буду! отвѣчалъ сынокъ, завертѣвъ головой и забрыкавъ ногами, какъ молодой бычокъ, и вырвавшись отъ матери, выбѣгалъ изъ дому на дворъ, хваталъ палку, билъ и разгонялъ безъ милосердія куръ, смиренно клевавшихъ зерна у порога сѣней.

И росъ Кондрашка на свободѣ, какъ молодое деревцо въ лѣсу, съ утра до вечера бѣгая то въ саду, то на улицѣ съ сосѣдними ребятишками, дѣтьми большею частію бѣдныхъ родителей. Сосѣдскія дѣти часто пользовались отъ Кондрашки разными лакомствами—пряниками, баранками, и оттого наперерывъ одинъ передъ другимъ старались угождать и подражать Кондрашкѣ. Побѣжитъ Кондрашка съ палкою на завидѣнную вдали собаку, побѣгутъ и всѣ товарищи за нимъ; Кондрашка скажетъ: «а ну те, а кто кинетъ найвыше?» и броситъ вверхъ камешокъ, и всѣ хватаются за камешки, бросаютъ вверхъ и потомъ говорятъ, что Кондрашка кинулъ выше всѣхъ. Съ малыхъ лѣтъ Кондрашка пріучался верховодить и первенствовать. На десятомъ году своего возраста, отданъ онъ былъ къ дьячку, у котораго выучился чтенію церковной и гражданской печати, а также цифирѣ и писать настолько, что въ случаѣ надобности какой, могъ и подписать — *Кондратъ Хорошиленко.* Лѣтъ двадцати онъ у молодежи превратился изъ Кондрата въ Кондрата Ивановича. Теперь отецъ возложилъ на него большую часть хозяйства и часто употреблялъ его по торговлѣ хлѣбомъ и разною крупою, которые онъ скупалъ въ селахъ въ немаломъ количествѣ и продавалъ оптовымъ торговцамъ въ своемъ уѣздномъ городѣ.

Лѣтомъ, въ день Петра и Павла, то есть, въ день разговенъ, нагорянская молодежь затѣяла у себя гулянье и сдѣлала складчину на наемъ музыканта. Въ то время въ Нагорянкѣ не было своего музыканта, а жилъ таковой, именно скрипачъ, по прозванію Кочерга, въ Куткахъ; игралъ онъ на скрипкѣ порядочно-задорно: чуть

только, бывало, поведетъ смычкомъ по струнамъ, у дѣвчатъ такъ и пробѣжитъ пріятная дрожь по всѣмъ жилкамъ, да и паробки тотчасъ начинали чувствовать себя какъ-то смѣлѣе и бойче. За годъ передъ этимъ былъ въ Нагорянкѣ и свой музыкантъ, игравшій на баса и составлявшій съ Кочергою неразлучный оркестръ для услажденія кутчанскаго слуха и нагорянскаго общества; но онъ однажды темною осеннею ночью, возвращаясь черезъ греблю, съ какой-то свадьбы домой, будучи подъ хмѣлькомъ, неизвѣстно какимъ образомъ свалился въ воду и тамъ пробылъ до самаго бѣлаго дня и вытащенъ добрыми людьми чуть-чуть живой и весь искусанный пьявками. Съ мѣсяцъ послѣ того похваралъ онъ похваралъ, да и померъ; остался Кочерга — одинъ. Итакъ лѣтомъ, въ день Петра и Павла, двое изъ нагорянъ, по прозванью Довбышъ и Куцый, рано утромъ пришли въ Кутки къ Кочергѣ и стали звать его съ скрипкою къ себѣ на вечеринку, которая имѣла быть приготовлена на складочныя деньги и съѣстные припасы въ домѣ одной бѣдной вдовы, на краю села. Они посулили Кочергѣ цѣлый полтинникъ и сверхъ того обѣщали разное угощеніе, съ тѣмъ уговоромъ, чтобы онъ явился къ нимъ пораньше, за долго до сумерекъ. Музыкантъ согласился и рядчики ушли, довольные своимъ успѣхомъ. Лишь только они ушли, какъ къ Кочергѣ пришли также двое кутчанъ и тоже стали звать его къ себѣ со скрипкою. Музыкантъ, отговариваясь даннымъ за минуту передъ симъ обѣщаніемъ нагорянамъ, сперва не хотѣлъ рядиться съ кутчанами; но когда они сверхъ полтинника набавили и еще пять копѣекъ на струны, и также обѣщали хорошее угощеніе, корысть взяла свое, и Кочерга, вопреки гласу совѣсти: не дѣлай этого, не хорошо... вспомни пословицу — давши слово, держись, а не давши, крѣпись, — вопреки гласу совѣсти, обѣщался къ кутчанамъ придти, а отъ нагорянъ отказаться.

Жаркій іюльскій день клонился къ вечеру. Въ Нагорянкѣ, посреди села, на выгонѣ давно уже гуляла челядь. Особенно много ея тѣснилось у шинка, гдѣ какая-то баба продавала моченыя въ водкѣ яблоки, сливы и вишни. Многіе изъ бывшихъ тутъ, нагулявшись вдоволь и насмотрѣвшись, стали уже расходиться по домамъ; чѣмъ ближе время подвигалось къ вечеру, тѣмъ больше толпа рѣдѣла, а подъ конецъ, въ сумерки, выгонъ и совсѣмъ опустѣлъ. Но не здѣсь самое главное гулянье; оно должно было развернуться къ ве-

черу, какъ я уже выше сказалъ, въ домѣ одной вдовы, на самомъ концѣ села. Тамъ весь цвѣтъ нагорянской молодежи давно уже собрался и только не доставало музыканта. Съ часъ уже времени, какъ Кочерга, по уговору, долженъ бы быть здѣсь, но его не было. Собраніе начинало скучать. Пробовали заводить пѣсню, но пѣніе какъ-то не клеилось. Извѣстно, ничего нѣтъ досаднѣе, когда чего ждешь навѣрное, да не можешь дождаться. Почти до половины уже было съѣдено и выпито угощеніе, а Кочерги все-таки нѣтъ.

— Гдѣ жъ это онъ застрялъ, вражій сынъ? стали многіе досадовать: — струментъ у него неисправенъ, али самъ куда провалился къ вражіей матери?

И рѣшили, Довбышу и Куцому, тѣмъ самимъ, которые рядились съ Кочергою, отправиться къ нему опять и какъ можно скорѣе вести его сюда.

Довбышъ и Куцый отправились, пришли и, къ крайнему своему удивленію, не застали музыканта дома.

— А гдѣ же онъ? спросили они бабу, отворявшую имъ скрипучую дверь.

— А пошелъ играть, былъ отвѣтъ бабы.

— Куда пошелъ?

— Да тутъ же, въ нашемъ селѣ, къ своей кутчанской челяди.

— Онъ же сегодня подрядился къ намъ, въ Нагорянку!

— Къ вамъ онъ подрядился за полтинникъ, отвѣчала баба: — а наши кутчане дали полтинника и еще пяточка, такъ онъ къ нимъ и пошелъ.

— Да онъ же къ намъ подрядился! обнадежилъ насъ! твердили изумленные нагорянцы.

— Я же вамъ говорю, отвѣчала съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ баба: — пошелъ къ своей кутчанской челяди... Чего вы, смѣетесь, али дороги пытаете?

И съ послѣднимъ словомъ она хлопнула дверью и заперла ее засовомъ. Довбышъ и Куцый, какъ ошеломленные, съ минуту простояли подъ дверями молча. Не ожидали они такой штуки со стороны Кочерги.

— Вотъ тебѣ и на! воскликнулъ наконецъ Довбышъ: — славно, Кочерга!

— Такъ славно, повторилъ Куцый, — что хоть бы и чортъ его

взялъ, ледачаго человѣка... Чтожъ намъ теперь дѣлать? Какъ мы теперь покажемся къ своимъ? Насъ теперь просто заплюютъ, изъ компаніи прогонятъ.

— За что же прогонятъ? развѣ мы причиною? говорилъ Довбышъ.

— Причиной не причиной, утверждалъ Куцый, а прогонятъ и заплюютъ... рядились-рядились, скажутъ, а врагъ знаетъ что вышло... А Кондратъ Ивановичъ такъ еще пожалуй и чуба намнетъ. И обоихъ взяло раздумье.

Однако надобно же было идти и извѣстить компанію обо всемъ случившемся. И они побрели, молча и отплевываясь во всѣ стороны. Уходя, Довбышъ подошелъ къ окошечку и постучалъ:

— Гей, ты, баба-яга, костяная-нога! добро же, скажи ты своему мерзеному Кочергѣ—попомнимъ мы ему это! не будемъ мы, ежели не попомнимъ! а ободраную его хату перевернемъ до горы дномъ!

Послѣднія слова крѣпко не поправились бабѣ; она высунулась головой въ окно и закричала:—А перевернешь, такъ и заплотишь!.. На то есть начальство... вишь какіе разбишаки... Хату они перевернутъ... а ну, ну! переверни!

Ни Довбышъ, ни Куцый не удостоили бабу отвѣта и даже не оглянулись.

Лишь только они показались па порогѣ хаты, въ которой съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ вся компанія, на нихъ посыпались вопросы:— а что, гдѣ Кочерга? Идетъ? скоро придетъ?—Довбышъ и Куцый почувствовали нужду въ нѣкотораго рода рѣшимости и твердости. Они смѣло и рѣшительно отвѣчали: не придетъ, братцы, не ждите, совсѣмъ не придетъ; обманулъ насъ Кочерга!

И они подробно разсказали, какъ не застали музыканта дома и что имъ говорила его жена. Всѣ молча слушали; сильнѣйшая досада овладѣла всѣми. Никогда они не забудутъ этой штуки кутчанамъ, никогда они не простятъ этого Кочергѣ.

Однако же теперь дѣлать пока нечего и они стали расходиться по домамъ. Остались только — Кондратъ, Довбышъ, Куцый и еще Дубовикъ и Куликъ, болѣе прочихъ разстроенные неудавшеюся складчиной. Особенно досадовалъ самъ атаманъ Кондратъ. Не такъ ему обиденъ былъ поступокъ Кочерги, какъ насмѣшка кутчанъ: онъ былъ увѣренъ, что кутчане именно для насмѣшки, для досажденія имъ, нагорянамъ, переманили къ себѣ музыканта, что они сегодня и

не думали веселиться подъ музыку, да сдѣлали это такъ нарочно. Завтра они непремѣнно будутъ разсказывать и хвастать этимъ по всему селу.

— Знаете что, братцы, Кондратъ сказалъ: — пойдемъ всѣ къ кутчанамъ, такъ таки прямо къ нимъ, въ самую ихъ ватагу!.. Пойдемъ и плюнемъ въ морды имъ всѣмъ, а Кочергу за чубъ приволочемъ сюда. Какъ ни велика была досада на кутчанъ, но предложеніе Кондрата сильно озадачило товарищей: пойдти къ кутчанамъ въ такое время и съ такимъ намѣреніемъ дѣло нешуточное и можетъ кончиться чѣмъ-нибудь нехорошимъ. Товарищи молчали.

— Что же, пойдемъ! повторилъ Кондратъ.

— Пойдти-то оно не штука, отозвался Дубовикъ, коренастый парень: —да только что съ того? музыкантъ намъ теперь уже не нуженъ.

— То то и я говорю, что не нуженъ, поддержалъ Довбышъ.

— А плюнемъ мы кутчанамъ, продолжалъ Дубовикъ, плюнутъ и они намъ, слово-по-слову дойдетъ до чуба—не стоитъ того и Кочерга съ душою.

— Не стоитъ и есть, повторили всѣ, кромѣ атамана.

— Лучше мы вотъ что сдѣлаемъ, Кондратъ Ивановичъ, говорилъ все тотъ же Дубовикъ: —какъ прочуемъ, что кутчане въ другой разъ наймутъ себѣ Кочергу, добавимъ ему хоть и цѣлаго гривенника да и приведемъ его къ себѣ, а они и оставайся такъ, — оно будетъ лучше.

— Такъ, такъ! опять всѣ воскликнули, кромѣ Кондрата.

— Такъ нѣтъ же, не такъ! спорилъ Кондратъ, —пойдемъ! А коли вы не хочете, я самъ пойду, я покажу имъ, какъ со мною шутить шутку.

— Нѣтъ, Кондратъ Ивановичъ, не дѣло говоришь, воля твоя, а не дѣло, заговорили товарищи.

— Какъ же не дѣло?

— Также... Ты одинъ, а ихъ тамъ человѣкъ съ двадцать.

— Не боюсь я! хоть бы и все село ихъ тамъ было, не боюсь!

Тутъ товарищи еще съ большею настойчивостію стали его уговаривать, представляя въ резонъ, что кутчане теперь, подъ пьяную руку, готовы хоть и душу загубить, что на случай драки, завтра пойдетъ слава по всему селу, страму не обобраться и на улицу тогда не показывай и носа. Кондратъ, казалось, послушался ихъ и всѣ

отправились по домамъ. Пройдя одну улицу, Довбышъ, Куцый и Дубовикъ повернули направо, въ другую улицу, и скрылись въ темнотѣ. Но Кондратъ почти у самыхъ воротъ своихъ остановился: кипѣла въ немъ страшная отвага.

— Куликъ, сказалъ онъ: — пойдемъ къ кутчанамъ!

Этотъ Куликъ, щедушный, жиденькій паренёкъ, жилъ неподалеку отъ Кондратова двора.

— Чтобъ не случилось чего, Кондратъ Ивановичъ, отвѣтилъ Куликъ.

— Ничего не случится, со мною ты ничего не бойся, не смѣютъ они насъ и пальцемъ тронуть. Пойдемъ.

И Кондратъ рѣшительно потащилъ съ собою Кулика, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-либо сказать.

Между тѣмъ по темносинему небу заходили тяжелыя тучи, всталъ порывистый вѣтеръ и сильно зашумѣлъ въ садахъ; на улицахъ поднялась густая пыль и еще больше увеличила темноту ночи. Недалеко за селомъ вдругъ змѣею взвилась ослѣпительная молнія и вслѣдъ за нею грянулъ громъ съ такой силой, что на нагорянской звоницѣ загудѣли даже колокола. Кондратъ, сопровождаемый Куликомъ, очутился уже на греблѣ; онъ шелъ, размахивая кулаками; сердце въ немъ крѣпко билось, точно выскочить хотѣло. Остановись онъ хоть на одну минуту и спроси самаго себя: «куда это я такъ поспѣшаю и для чего?» — то внутренній голосъ непремѣнно бы образумилъ его, отсовѣтовалъ бы ему дальше идти. Кондратъ въ другое время отличался благоразуміемъ, но теперь дикая отвага дотого овладѣла имъ что онъ, казалось, и самого себя не помнилъ; во что бы ни стало онъ рѣшился проучить Кочергу и навести страхъ на всѣхъ кутчанъ.

— А ежели кто изъ кутчанъ, думалъ онъ, — отважится вступиться за Кочергу, то я и того проучу такъ, что и двадцатому закажетъ вступаться.

Крѣпко Кондратъ надѣялся на свою силу.

Куликъ, замѣтивъ, что дѣло идетъ не нашутку, и Кондратъ готовится къ чему-то не легкому, струсилъ и старался какъ-нибудь отвертѣться отъ своего грознаго коновода. Онъ безпрестанно отставалъ отъ него, давая видъ, якобы не поспѣваетъ идти за нимъ. Кондратъ неоднократно окликалъ его въ темнотѣ: — Куликъ, гдѣ ты? что я тебя не вижу?

— Тутъ, тутъ, Кондратъ Ивановичъ, отзывался Куликъ позади: — врагъ его знаетъ, что это за дорога такая... знай выбои да кочки, недолго и ногѣ хрустнуть пополамъ, оборони Господи.

Приблизились уже къ мельницѣ. Кондратъ опять окликнулъ: — Куликъ, гдѣ ты?

Не было отвѣта.

— Куликъ, а Куликъ!

Тоже молчанье. Только сонные аисты, заслышавъ человѣчій голосъ, бѣлыми привидѣніями приподнялись на своихъ гнѣздахъ, на мельницѣ.

— А! протянулъ Кондратъ, догадавшись, въ чемъ дѣло: — ну, и не нужно, чортъ тебя бери, я и самъ пойду.

И онъ плюнулъ и продолжалъ дорогу одинъ.

Пока Кондратъ шелъ, въ Куткахъ, на выгонѣ, не смотря на темноту ночи и накрапывавшій дождь, молодежь, все еще продолжала веселиться. Кочерга сидѣлъ, прислонясь спиною къ столбу качели и игралъ. Отъ усталости ли или отъ хмѣля, онъ еле-еле водилъ уже смычкомъ по струнамъ; трудно было разобрать, что такое онъ играетъ — комаринскую или мятелицу. Но гуляки весело горцовали передъ нимъ, кто подбоченясь и припѣваючи, кто вертя надъ головой свою шапку и присвистывая. Вдругъ среди ихъ появляется Кондратъ: смѣлою поступью прошелъ онъ сквозь ихъ толпу и приблизился къ музыканту.

— Гей, ты! криводушная Кочерга, сказалъ онъ ему громко: — а на что ты обманулъ насъ, собака? Подрядился придти къ намъ играть, да и не пришелъ? Ступай сейчасъ за мною на ту сторону, въ Нагорянку! Съ послѣднимъ словомъ, дернулъ онъ Кочергу за воротъ такъ, что тотъ покатился и со скрипкою къ нему подъ ноги, какъ снопъ. Неожиданное въ такую пору появленіе Кондрата кутчанамъ до того показалось невѣроятнымъ, что они отъ изумленія всѣ вдругъ притихли и, глядя на него во всѣ глаза, съ минуту оставались неподвижными. Опомнились, когда скрипка подъ Кочергою затрещала и онъ застоналъ. Тутъ одинъ изъ нихъ закричалъ: — братцы! межъ нами нагорянцы и бьютъ насъ... хватай ихъ! вяжи!

— Постойте, не трогайте! забасилъ Сытниченко, поправляя на головѣ полосатую шапочку и вглядываясь въ Кондрата, нѣсколько нагнувшись: — не трогайте, это къ намъ въ западню попался самъ атаманчикъ нагорянскій... Я справлюсь съ нимъ и одинъ.

И онъ подступилъ къ Кондрату ближе:—а какъ ты смѣлъ показать сюда свой носъ, да еще и обижать нашего музыканта?

— А такъ же таки смѣлъ! отвѣчалъ Кондратъ, не помня себя, и плюнулъ въ самое лицо Сытниченку.

Тутъ случилось дѣло, про которое я боюсь и разсказывать, такъ оно гадко. Но по пословицѣ: «изъ пѣсни слова не выкинешь»,—я долженъ докончить мой разсказъ; хоть коротенько, а долженъ докончить именно съ такимъ намѣреніемъ, съ какимъ на улицѣ въ темную ночь, надъ проваломъ или надъ ямою ставится фонарикъ съ огнемъ.

Страшно засвѣтились глаза у Сытниченка; засвѣтились, какъ разъяреннаго быка; губы его посинѣли и задрожали, ноздри раздулись; мгновенно засучивши рукава и сжавши кулаки, какъ пудовыя гири, онъ, задыхаясь, сказалъ:—ты еще смѣешь и плеваться, хвастунъ?

— Плююсь! отвѣчалъ Кондратъ.

— На меня?

— На тебя!

Сытниченко бросился на Кондрата и они схватились бороться; на Кондрата же бросились и всѣ товарищи Сытниченка. И долго они барахтались, молча и тяжело дыша.

Пока это дѣлалось въ Куткахъ, Хорошилиха въ Ногорянкѣ ждетъ не дождется возвращенія своего сына. Она взяла на себя отвѣтственность передъ мужемъ, на случай если Кондратъ слишкомъ загуляется.

— Я сама пустила его погулять, сказала она мужу, когда тотъ уже въ сумерки спросилъ, гдѣ это ихъ гуляка:—я сама пустила его, пущай погуляетъ, сегодня же и разговены.

— Такъ что же что разговены? возразилъ Хорошиловъ:—такъ можно и на головѣ ходить?

— И на свѣтѣ не видано, чтобъ кто ходилъ на головѣ, отвѣчала Хорошилиха: — на что Богъ далъ человѣку ноги... И отчего ему не погулять? лѣта его молодыя... сегодня и вся челядь нашего села гуляетъ... я сама его пустила, говорю тебѣ!

— Ну, ну, не сердися, отвѣчалъ Хорошило, махнулъ рукой и прекратилъ разговоръ.

Но теперь мать сама уже начинала безпокоиться; два раза она уже выходила на гумно узнать, не тамъ ли Кондратъ, не на сѣнѣ ли спитъ, какъ это часто случалось, когда онъ поздно возвращался домой съ улицы; но тамъ, на сѣнѣ, громко храпѣлъ одинъ ихъ

наймитъ, а Кондрата не было. Возвратясь въ хату, она сѣла на лавкѣ у оконечка и стала смотрѣть вдоль улицы; какое-то темное предчувствіе начинало ее безпокоить, хотя она и не думала о могущемъ случиться несчастіи. На улицѣ было темно, какъ въ погребѣ; невидно было ни души живой. Напрасно она всматривалась въ этотъ мракъ, протирая себѣ глаза, напрасно прислушивалась къ малѣйшему шороху на улицѣ. Не смотря на позднее время, сонъ ее совсѣмъ оставилъ, готова она была не спать хоть и всю ночь.

— И гдѣ это его носитъ ледачаго! говорила она про себя:—какое теперь гулянье?.. все село спитъ... Постой ты, негодный, придешь ты!. И на дворъ не пущу... слоняйся, гдѣ хочешь.

Вдругъ видитъ — въ углубленіи улицы что-то зачернѣло. Оно движется ближе, самой серединой улицы. Скоро Хорошилиха могла уже различить трехъ человѣкъ, которые шли рядомъ и что-то несли, должно быть тяжелое. Вотъ они уже противъ воротъ Хорошила, шепчутся, и то что несли, опустили на землю и быстро удалились; дойдя до того мѣста, гдѣ улица загибается, они даже побѣжали, таки просто бѣгомъ побѣжали. Неизвѣстно отчего, у Хорошилихи учащенно забилось сердце.

— Господи помилуй! шептала она, крестясь:—что бъ оно такое было?.. А что-сь недоброе, неблагополучное... не даромъ они бѣгомъ побѣжали.

И она пристальнѣе стала всматриваться въ оставленное скрывшимися людьми, но ничего не могла разглядѣть; чорное что-то все также лежало на дорогѣ. Въ недоумѣньи она уже хотѣла идти разбудить своего наймита, чтобы послать его посмотрѣть, что тамъ такое, какъ замѣтила, что лежавшее какъ будто пошевельнулось или повернулось; еще минута—оно встаетъ, постояло на четвереанькахъ, а потомъ на ноги поднялось... человѣкъ.— Боже мой... точно... точно Кондратъ нашъ! Хорошилиха безсознательно вскрикнула.

Точно это былъ онъ: шатаясь и едва передвигая ноги, Кондратъ кой-какъ добрался до воротъ и пролезъ между ихъ незапертыхъ половинъ на дворъ. Хорошилиха всплеснула руками и стремительно бросилась изъ хаты, вышла въ сѣни; но тутъ отъ испуга долго не могла отперетъ двери, шаря руками то вверхъ, то внизъ.

— Отоприте, матуся, послышался слабый голосъ за дверьми.

Хорошилиха съ невѣроятнымъ усиліемъ рванула засовъ и дверь

отскочила. Въ это же самое мгновеніе вышелъ въ сѣни встрѣвоженный и самъ Хорошило: онъ также давно не спалъ, но не давалъ только это замѣтить своей женѣ. На порогѣ передъ ними стоялъ Кондратъ, держась рукою за косякъ двери; онъ былъ безъ бриля, съ растрепанными волосами, съ избитымъ и окравленнымъ лицомъ: вмѣсто плисоваго кафтана, въ которомъ онъ отправился на гулянье, висѣли на немъ лохмотья, рубашка разорвана и обнажала грудь. Однако онъ силился переступить порогъ.

— Боже мой! свѣте мой! въ невыразимомъ ужасѣ закричала мать, пошатнувшись отъ сына.

Самъ Иванъ Харитоновичъ, въ нѣмомъ осголбененіи, далъ сыну дорогу и, глядя на него во всѣ глаза, какъ бы не вѣрилъ самому себѣ—Кондрата ли онъ видитъ или кого другого. Кондратъ, сдѣлавъ два—три шага въ сѣняхъ, попятился назадъ и чуть не грянулся оземь, но мать поддержала его, повела въ хату и помогла сѣсть на лавку. Иванъ Харитоновичъ, заперевъ двери, вошелъ за ними.

— Э, любо, сынку! сказалъ, онъ—ей любо!.. Догулялся таки нашъ козелъ!.. Кто это такъ тебя употчивалъ?

Сынъ молчалъ.

— Говори же мнѣ, негодный сыне! закричалъ Иванъ Харитоновичъ съ гнѣвомъ и притопнулъ ногою:—говори, какой это добрый человѣкъ такъ тебя употчивалъ?

— Я ни капельки не пилъ, сказалъ Кондратъ:—чтобъ мнѣ сейчасъ умереть, коли пилъ.

— Знаю... тебя потчивали не пивомъ и не медомъ, а кулаками по мордѣ, подъ ребра, подъ вздухованы... Кто же это такой, ты мнѣ скажи?

— Кому больше, какъ не Кутчанамъ, отвѣчала мать за сына:—давно у нихъ съ нашими нагорянами идетъ несогласица... Сущіе разбойники тамъ живутъ.

— А за что же у нихъ несогласица? Обратился уже Хорошило къ женѣ:—за наслѣдство какое? за батьковщину! Не говори ты этого, Меланья! Еслибъ онъ самъ былъ разумный да не братался съ такими разбойниками, никто не посмѣлъ бы его и пальцомъ тронуть. А то онъ самъ заноза, самъ задирака!

И онъ вышелъ въ другую комнату, наглухо отдѣленную перегородкой, сильно стукнулъ дверью и заперъ ее за собою.

Хорошилиха осталась одна съ сыномъ. Она горько плакала, сидя у изголовья Кондрата, который растянулся на широкой лавкѣ, головой къ образамъ и трудно дышалъ.

— Скажи-жъ ты хоть мнѣ одной, сказала она сыну:—какъ у васъ началося? За что они такъ наглумились надъ тобой?

Кондратъ молчалъ.

— Ты къ нимъ ходилъ въ Кутки, или они приходили на нашу сторону и накинулися на тебя?

— Развѣ они смѣютъ приходить сюда да еще и бить меня? отозвался Кондратъ, весь вспыхнувъ:—я самъ къ нимъ ходилъ въ кутки.

— А для чего жъ ты ходилъ?

— Поучить ихъ; отбили они у насъ музыканта нарошно, въ насмѣшку, поганцы.

— Такъ у васъ за музыку вышло такое?.. Правду же батько тебѣ сказалъ... Добро бы вы спорили за имущество какое, за батьковщину, а то за музыканта!

— Да мнѣ ничего, сказалъ Кондратъ: — а имъ я дался въ знаки.

— Такъ ты дался имъ въ знаки, что они тебя безчувственнаго принесли сюда къ самому двору и бросили посерединѣ улицы, какъ колоду, возразила мать, печально кивая головою.

— Не правда, матуся! Закричалъ Кондратъ, выходя изъ себя:— я все слышалъ, чуялъ, какъ они меня и несли, да только не могъ поправиться.

И съ быстротою поднялся онъ съ лавки:—дайте, мнѣ матуся, чистую сорочку и другой кафтанъ.

Сказавъ это, Кнодратъ направился къ противуположной стѣнѣ, гдѣ въ углу стояла материнская скрыня съ разнымъ добромъ, вѣроятно съ намѣреніемъ достать себѣ сорочку.

— Постой, я сама достану, сказала мать,—сядь себѣ да сиди, чего ты кидаешься, какъ полоумный.

— Дайте, матуся, скорѣе, я надѣну и пойду.

— Куда ты пойдешь? спросила мать, съ новымъ изумленіемъ посмотрѣвъ на него.

— Къ нимъ, кутчанамъ, отвѣчалъ Кондратъ съ рѣшимостью:— пускай либо они меня добьютъ, либо я ихъ всѣхъ перебью, а жить въ страмѣ не хочу.

— О-о! вскричала мать, — да куда ты теперь годишься! образа человѣческаго на тебѣ нѣтъ... Я тебѣ послѣднiй чубъ вырву, ежели ты только тронешься съ мѣста! Сиди, оглашенный! Не пущу, я тебя, ни сорочки, ни кафтана другого не дамъ... скидай и обувь, все скидай!

Хорошилиха толкнула сына, онъ попятился къ лавкѣ и сѣлъ. Боясь однако, чтобъ сынъ и въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь не ушелъ, Хорошилиха пошла къ дверямъ, чтобы убѣдиться, что онѣ заперты; сожалѣнiе и скорбь смѣнились въ ней гнѣвомъ; она сильно стала укорять сына въ своеволiи и неповиновенiи; грозила ему, просила и кончила опять слезами.

Только когда стала заниматься зоря, въ домѣ Хорошила все стихло.

Настaлъ день. Въ Нагорянкѣ и Куткахъ все заговорило о ночномъ происшествiи; на улицахъ, на перекресткахъ, при всякой встрѣчѣ не было другаго разговора. У рѣчки, на берегу, нагорянская баба, подымая на плечо ведра съ водою, на коромыслѣ, спрашивала другую бабу: — Кондрата Головиного сына?...

— Его самого, отвѣчала другая.

— И таки прибили?

— Насилу дышетъ, сердечный... доживетъ-ли до завтраго, говорятъ.

— Господи, что у насъ дѣется!... А все-то лихо встаетъ съ вашихъ кутчанъ.

— Добрые и ваши нагорянцы, нечего сказать.

Многiе нарочно проходили мимо воротъ Ивана Харитоновича, совѣстясь однако прямо глядѣть на домъ или на окна. Видѣть они тутъ ничего не видѣли, а все-таки проходили, сами не зная зачѣмъ, просто такъ, ради небывалаго случая. Между тѣмъ въ домѣ Хорошила ночная сцена ничего не значила передъ тѣмъ, что еще готовилось. Кондратъ весь день страшно стоналъ, губы его почернѣли и запеклись, лицо вспухло, на мѣсто глазъ были видны только какiя-то щелки. Къ вечеру онъ судорожно выпрямился, стиснулъ зубы и—померъ. Несчастiе это было слишкомъ неожиданно. Родители умершаго дотого были поражены, что долго не хотѣли вѣрить совершившемуся событiю. Хорошилиха долго стояла надъ трупомъ и ждала, что сынъ очнется; она неоднократно прыскала ему въ лицо водою, давала нюхать уксусъ, терла виски, но Кондратъ не

очнулся; всѣмъ извѣстная особенность въ чертахъ мертваго человѣка ясно дала знать матери, что сынъ не откроетъ больше глазъ. Она, простоявъ нѣкоторое время надъ нимъ въ какомъ-то глухомъ ожиданіи, вдругъ вскрикнула и упала навзничь; съ трудомъ приподняла ее наймичка и отвела за перегородку. Самъ Иванъ Харитоновичъ отчаянно развелъ руками, схватился за голову и вышелъ вонъ изъ дому, конечно не по дѣлу куда нибудь, не за надобностью какою—въ такое время до надобностей-ли человѣку? Онъ вышелъ, самъ не помня, что дѣлаетъ, хотѣлъ какъ бы бѣжать, уйти отъ несчастія хоть на край свѣта. Не менѣе самой смерти сына, его поразилъ и этотъ страмъ, этотъ предосудительный случай, отъ котораго Кондратъ лишился жизни.

На третій день, о полудни къ воротамъ Хорошила подъѣхала бричка, на одинъ бокъ покривившаяся, и за нею простой возъ, покрытый на сидѣньи поверхъ сѣна коврикомъ; стоявшіе у воротъ два мужика скинули шапки и поклонились бричкѣ; изъ брички раздался голосъ: стой! мы тутъ встанемъ, а ты въѣзжай на дворъ. Возница остановилъ коней. Первымъ соскочилъ съ брички сидѣвшій сбоку свѣся ноги, морщиноватый, сухонькій субъектикъ, въ темнозеленомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ клетчатомъ картузѣ; въ рукахъ онъ держалъ свертокъ какихъ-то бумагъ. Потомъ вылезъ высокій, сухощавый господинъ въ парусинномъ пальто, съ черными пуговицами и въ такой же фуражкѣ. Онъ отянулся и зазѣвалъ. Бричка еще сильнѣе покривилась и затряслась: очевидно, въ ней еще оставалась главная тяжесть.

— Ну, вылезайте, Марко Степановичъ, сказалъ сухощавый господинъ въ бричку:—пріѣхали... Вотъ вы всѣ, господа, говорите, что у меня въ станѣ ѣздить нельзя,—такія дороги.

— Семенъ Семеновичъ, послышался голосъ изъ брички:—помоги, братику, ради-христа вылезти мнѣ... Затрясло до смерти...

Субъектикъ въ темнозеленомъ фракѣ бросился помогать; изъ брички показался тотъ, кого называли Маркомъ Степановичемъ, грузная въ три обоймища особа, въ сѣромъ пальто, грудь на роспашку. Пыхтя и держась одной рукой за бричку, а другой за плечо субъектика, выбрался кое-какъ Марко Степановичъ и сталъ на твердую землю.

Тутъ сухощавый господинъ нѣсколько тише и къ самому уху грузнаго сказалъ: я ужъ распорядился, — у насъ тутъ явятся от-

личнѣйшая сливянка и вишневка... копченый гусь тоже, караси въ сметанѣ... рыба эта здѣсь очень ловится.

— Ата-та-та-та!.. это не худо бы, весело вдругъ заговорилъ трехъ-обоймищъ.

— То-то же батенька! торжествовалъ сухощавый.

— Антонъ Карловичъ, обратился онъ потомъ къ нѣмецкой физіономіи въ черномъ сюртукѣ, съ аннеиской ленточкой въ петличкѣ, въ очкахъ и фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ:—Антонъ Карловичъ, стряпчій нашъ сдался наконецъ!

— Ага! отвѣчала физіономія, вставая съ телеги и обмахивая съ себя пыль носовымъ платкомъ.

— И знаете на чемъ сдался? продолжалъ неугомонный сухощавый.

— Скажите пажалуйста, говорила нѣмецкая физіономія.

— На копченомъ гусѣ, сливяночкѣ и вишневкѣ. И оба громко захохотали.

— Вѣдь это, я думаю, опять началъ сухощавый, и по вашей медицинѣ недурная вещь.

— Это самой лучи пища, отвѣчалъ врачъ.

Изъ дому вышелъ Хорошило и низко поклонился всѣмъ прибывшимъ.

— Здравствуй, Иванъ Харитоновичъ! привѣтствовалъ сухощавый:— что это за несчастіе у тебя случилось?

Хорошило склонилъ голову нѣсколько набокъ, посмотрѣлъ на небо и вздохнувъ, ударилъ о полы руками:

— Господне посѣщеніе, добродѣю, ваше высокоблагородіе!

— Душевно жаль намъ тебя, Иванъ Харитоновичъ... дѣлать нечего... Ну, на квартирѣ, по обыкновенію, мы у тебя остановимся, а слѣдствіе будемъ производить въ становомъ домѣ.

— Пожалуйте, покорнѣйше просимъ.

— Не стѣснимъ ли мы теперь тебя?

— Помилуйте, свѣтелка для васъ совсѣмъ особа; мы рады вашей милости завсегда.

И уѣздный тріумвиратъ, (потому что это были становой, стряпчій и уѣздный врачъ, какъ читатель уже и самъ догадался) пошелъ въ домъ Хорошила.

У воротъ уже набралась кучка любопытныхъ. Встрѣтившіе пріѣ-

хавшихъ оба мужика бросились отпирать ворота; бричка и телега въѣхали на дворъ. Субъектикъ, не входя на дворъ, кликнулъ:— Староста! Грицко Морозъ!

Сѣденькій, но проворный старикъ, въ синемъ кафтанѣ, безъ шапки, подбѣжалъ къ субъектику.

— А что, у тебя все тамъ исправно? спросилъ субъектикъ старика.

— Исправно, паничу, ваше благородіе.

— Виновные и прикосновенные всѣ взяты?

— Взяты, всѣ до одного... мало не все село взято.

— А чтожъ, хоть бы и все село?.. бери ихъ разбойниковъ, вяжи ихъ... всякаго пола и возраста бери... законъ разберетъ, кто виноватъ, кто нѣтъ... По ниточкамъ, по суставчикамъ разберемъ всѣхъ... Вотъ они, кажется, и христіанскія души, а что дѣлаютъ— ужасти!.. Знаешь, Миронъ, начальство вотъ пошло себѣ, ни словечка не сказало, а я распорядись, приготовь для нихъ все отъ мала-до-велика... сущая каторга, покою тебѣ никогда нѣту... Ты, Миронъ, распорядись, чтобъ завтра рапенько утромъ родители, либо хоть родственники, ежели нѣтъ родителей у кого, явились бы сюда на дворъ, къ начальству, безпремѣнно чтобъ явились!

— Чую паничу, ваше благородіе.

— Я сперва самъ съ ними потолкую, хоть и тутъ, за воротами, потомъ поведу передъ начальство.

— Чую, паничу, пригоню всѣхъ... Сытничиху вдову, а тамъ Прохора Бондаря, Ивана Мерлушку... Хотѣлъ было Миронъ пересчитать имена всѣхъ, кому, по его разумѣнію, слѣдовало побывать заблаговременно у начальства, но субъектикъ перебилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ онъ,—такихъ, какъ вдова Сытничиха, не нужно, не зови—что уже намъ въ ней: сынку ея, кажется, не миновать будетъ Сибири, такъ ужъ и Богъ съ нею. А ты позови такихъ вотъ, какъ говоришь, тамъ — Прохоръ Бондарь, Мерлушка тамъ...

— Ага, разумѣю паничу, предупредилъ угодливый Миронъ.

— То есть, продолжалъ субъектикъ: — не прямо виноватыхъ, а этакъ, знаешь, прикосновенныхъ только къ дѣлу нѣсколько.

— Чую, паничу.

— А то они такія свиньи, что сами и не вздумаютъ и поклониться начальству. Намъ, дескать, нечего бояться, наши не виноваты, нашихъ выпустятъ и безъ суда... Да коли на то пойдетъ, такъ не выпустятъ и ихъ, засудятъ—понимаютъ ли они это?

— Извѣстно, глупый разумъ у нихъ, не понимаютъ.

На четвертый день начальство порѣшило слѣдствіе и уѣхало изъ Нагорянки; но никто не зналъ, чѣмъ они кончили дѣло, кого признали виновнымъ и кого нѣтъ. Въ Куткахъ и Нагорянкѣ стояла мертвая тишина.

Надъ ними точно висѣла одна изъ тѣхъ іюльскихъ грозъ, во время которыхъ птицы и животныя, спрятавшись въ свои убѣжища, выжидаютъ тамъ, когда имъ можно будетъ выйти на свѣтъ божій. По вечерамъ на улицахъ неслышно было ни одной пѣсни, ни одного звука пѣсни. Эта непривычная тишина тяжело ложилась на сердце каждаго и увеличивала скуку въ обоихъ селахъ. Горе было почти всеобщее, потому-что ни въ Нагорянкѣ, ни въ Куткахъ не было ни одного парубка, который бы не былъ больше или меньше замѣшанъ въ дѣло. Какъ нарочно привязались тутъ и странные случаи: въ Нагорянкѣ среди бѣлаго дня вбѣжалъ волкъ, схватилъ бродившую на улицѣ свинью и унесъ благополучно въ поле — чего съ роду не случалось. Даже собаки не залаяли на него. Въ Куткахъ какая-то приблудившаяся собака нестерпимо выла по цѣлымъ днямъ на выгонѣ; насилу прогнали ее за село. По ночамъ стала кричать цапля, кружась гдѣ-то въ небѣ, прахъ ее знаетъ отчего. Прежде она не кричала,—никто не слыхалъ, чтобъ кричала, да и вниманія никто не обращалъ, водится ли эта цыбатая сухопарая птица около Кутковъ и Нагорянки, или не водится; лягушекъ ли ей не стало въ болотѣ, или это она передъ своею смертію, а только стала по ночамъ кричать своимъ сквернымъ пронзительнымъ голосомъ, ни-дать-ни-взять какъ вотъ звенитъ разбитое стекло. Нагоряне и Кутчане относили все это прямо къ настоящему неблагополучію, и съ безпокойствомъ ждали, чѣмъ это все кончится.

И день разлуки насталъ. Ровно чрезъ недѣлю послѣ отъѣзда властей, изъ Кутковъ черезъ греблю вели шестерыхъ арестантовъ съ огромными колодками на ногахъ и связанныхъ попарно веревкою. Почти все село провожало ихъ молчаливо; никто и не думалъ ихъ

осуждать; во всѣхъ видно было одно только состраданіе. Впереди провожавшихъ шло нѣсколько дѣтей и плачущихъ женщинъ. Одна изъ нихъ больше всѣхъ убивалась: это была старуха мать Сытниченка. Рыдая и и колотя себя въ грудь, она говорила: — Сынку, сынку, что ты надѣлалъ! на кого ты теперь покидаешь меня безпомощную? Что я буду дѣлать старая и хворая безъ тебя? Пропало жъ теперь все наше добро, все хозяйство!

Не выдержалъ сынъ, до-сихъ-поръ все молчавшій; глубоко, въ самое сердце, ножами пырнули его слова матери, и онъ обернулся къ ней:

— Матуся, не плачьте, не рѣжьте моего сереца! Что мнѣ Богъ дастъ, то пускай и будетъ; на него вся моя надежда.

— Конечно, отозвался кто-то изъ провожателей: — въ судѣ вамъ теперь прочитаютъ рѣшеніе одно, а какъ пойдетъ до вышняго начальства, такъ тамъ можетъ скажутъ и другое... авось и смилуются.

— Чего смилуются? возразилъ на это одинъ изъ ведшихъ арестантовъ мужикъ свирѣпаго вида: — за душегубство одинъ законъ написанъ всѣмъ, какъ ты его тамъ ни поверни, одинъ.

Другіе арестанты также прощались съ провожавшими ихъ, передавая поклоны и утѣшенія, или напоминая о чемъ нибудь близкомъ сердцу.

— Прощай брате Якове! Прощайте люди добрые и вы!

— Прощайте Кутки и Нагорянки!

— Семенъ, скажи матери, чтобъ не тужила за мною... Да кланяйся дѣду Олексію.

— Прощай, сестра! вернись до дому, да скажи батьку, чтобъ не горевалъ. Продайте въ городѣ хоть овечку какую, да отслужите молебенъ.

— Слухай, Илько! да осенью, коли будете живы, крышу новую сдѣлайте на клунѣ... старая течетъ.

По выходѣ за село, провожавшіе долго стояли и смотрѣли вслѣдъ уведеннымъ и разошлись, когда уже арестанты совсѣмъ скрылись въ синевѣ поля.

Только мѣсяца черезъ два, если не болѣе, послѣ этого Нагорянка

и Кутки стали по немногу приходить въ себя, и гдѣ-то вечеромъ послышалась первая пѣсня:

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду похилился,
На казака невзгодшька,
Казакъ зажурился...

А. З.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Размышленія Аннесли Бичера.

Случись болѣе умная голова на мѣстѣ Аннесли Бичера, и та почувствовала бы нѣкоторое замѣшательство, проснувшись утромъ послѣ только-что описанныхъ нами событій. Открывъ глаза, онъ долго не могъ придти въ себя, глядя на поросшія соснами горы, встававшія въ безконечной непрерывности одна за другою, на глубокія долины, на шумно стремительные потоки, съ одиноко переброшенными черезъ нихъ деревьями вмѣсто мостовъ, на сельскія незатѣйливыя пильныя мельницы, обрызганныя водяною пѣною и приводимыя въ сотрясеніе собственнымъ механизмомъ. Гдѣ онъ? Что это за невѣдомая страна? Какъ онъ сюда попалъ? Или это и въ самомъ дѣлѣ тотъ новый міръ, лежащій за морями, о которомъ Девисъ такъ часто ему разсказывалъ? Не вдругъ и не безъ усилій, будто просачиваясь капля за каплей, стали отрывочныя воспоминанія выдѣляться изъ тумана, омрачившаго его умственныя способности; наконецъ, ему припомнилась сцена

послѣдней ночи и все случившееся между Девисомъ и имъ. Но все еще къ воспоминаніямъ его примѣшивалась порядочная доля сомнѣнія, неизвѣстности, и не смотря на всѣ свои усилія, онъ не могъ себѣ выяснить, насколько они принадлежатъ дѣйствительности и насколько мечтѣ. Правда ли, что Лакингтону предстоитъ лишиться званія пера? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такой ужасный ударъ грозитъ ихъ дому? Если это такъ, то какая именно доля помѣстій отойдетъ вмѣстѣ съ титуломъ? Поступитъ ли большая часть ихъ, или быть можетъ, и все имѣнье во владѣніе новаго претендента? Сколько времени будетъ продолжаться тяжба? Бывали примѣры, что такого рода дѣла затягивались на долгіе годы. Не время ли еще подумать о мировой? Нельзя ли такъ или иначе все уладить? Грогъ научитъ; какъ за это взяться: онъ на такія дѣла золотой человѣкъ; во всякомъ случаѣ, онъ усложнитъ и запутаетъ судебную процедуру:—«а тамъ, какъ знать, партія можетъ остаться недоигранной до скончанія вѣка, пробормоталъ Бичеръ про себя:—я ужъ подобью пріятеля Грага какъ нибудь мнѣ это обработать.»

Потомъ мысль его перешла къ векселямъ, съ поддѣльными подписями, сожженнымъ,—да, дѣйствительно сожженнымъ у него на глазахъ. Фактъ казался невѣроятнымъ, а между тѣмъ, онъ самъ видѣлъ ихъ, держалъ въ рукѣ, и видѣлъ потомъ, какъ ночной вѣтеръ развѣялъ ихъ почернѣвшій пепелъ, чтобы никогда, на судъ ему, не увидали они божьяго свѣта, чтобы не тревожили болѣе ночей его, полною ужасовъ, безсонницей. Кто бы счелъ Девиса способнымъ на такое великодушіе? Отъ него, менѣе чѣмъ отъ кого либо, можно было ожидать, что онъ разстанется съ орудіемъ, отдающимъ ему въ руки другого человѣка, а между тѣмъ, послѣдній поступокъ былъ его самопроизвольнымъ дѣломъ: то была широкая, безусловная амнистія.

Сердце Бичера переполнялось твердостью, когда онъ раздумывалъ объ этой выходкѣ своего пріятеля. Быть можетъ, ему отрадно было измѣнить къ лучшему свои воззрѣнія на подобныхъ ему людей? Быть можетъ, этотъ случай пробудилъ въ груди его болѣе свѣтлыя упованія на человѣческую природу? Не слышался ли ему внутренній голосъ, говорившій: «не должно отчаяваться ни въ комъ, самыя грубыя натуры являютъ порою проблески доброты, которыми искупается сердечная заскорузлость цѣлой жизни.»—Нѣтъ, мой благосклонный читатель! Нечестно было бы съ моей стороны, если бы я оставилъ тебя въ заблужденіи, утверждая, что именно таковы были чувства,

овладѣвшія моимъ героемъ; они были совершенно иного свойства. То, что думалъ Аннесли Бичеръ, можно было формулировать приблизительно такъ: «а должно быть, ты и въ самомъ дѣлѣ, Бичеръ, не дюжинный малый. что пріобрѣлъ такое вліяніе надъ такимъ человѣкомъ, какъ Девисъ. Какими, должно быть, необыкновенными способностями наградила тебя природа! Неудивительно, что Грогъ предсказывалъ блестящее будущее тому, кто сумѣлъ погнуть передъ своей волей упорство непреклонное и вызвать на самоотверженіе себялюбивѣйшаго изъ смертныхъ. Кто могъ совершить подобное чудо, кромѣ тебя?» — Какъ ни мало благородства и возвышенности въ подобномъ способѣ выводить свои заключенія, тѣмъ не менѣе, вѣрьте моему слову, снисходительный читатель, въ немъ нѣтъ ничего, выходящаго изъ ряда обыденныхъ явленій житейскихъ. Не Анесли Бичеръ первый, не онъ и послѣдній относилъ къ личнымъ своимъ заслугамъ то, что было дѣломъ случайной удачи.

Глазъ у этого Девиса презоркій, онъ давно видѣлъ, какой во мнѣ матеріалъ; онъ сумѣлъ отличить чистый металъ, тамъ гдѣ другіе только презрительно тыкали пальцемъ на ржавчину. Такъ онъ и теперь знаетъ, что останься я голъ, какъ соколъ, безъ денегъ и безъ имени, я начну пробивать себѣ дорогу съизнова и въ концѣ концовъ буду опять на высотѣ. Онъ отдаетъ за меня свою дочь,—да еще бы не отдалъ! Вѣдь Лакингтонъ, какъ ни плохи настоящія обстоятельства, не безвозвратно еще потерянъ, покамѣстъ онъ за нами, а между высокороднымъ Аннесли Бичеромъ, ближайшимъ наслѣдникомъ баронетства, и Китомъ Девисомъ, въ просторѣчіи именуемымъ Грогомъ, разстояніе немаленькое. Это, впрочемъ, не относится къ самой дѣвочкѣ, которая, какъ высоко вы ее не поставьте, спору нѣтъ, вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ. Назовите ее Гренвиль, Стэнли или Сэймуръ, и ей не побрезгуетъ первый человѣкъ въ цѣлой Англіи. Сдѣлайте ее завтра графиней, и вы не отличите ее отъ природной графини.

Справедливость требуетъ замѣтить, что не безъ уважительной причины голова пошла кругомъ у Бичера. Девисъ, выставлявшій ему на видъ, что потеряны для него всѣ преимущества богатства и знатности, что теперь онъ не болѣе, какъ подобный ему самому искатель приключеній, тотъ же Девисъ обращался къ нему, какъ къ будущему баронету, который въ своемъ выборѣ подруги презрительно кинетъ перчатку остальному свѣту. И во всемъ этомъ не было ошибки со стороны Девиса. Этотъ прони-

цательный человѣкъ, втеченіе своей юридической практики имѣлъ случай замѣтить, что искусные стряпчіе любятъ пестрить свои защитительныя рѣчи такого рода показаніями, которыя нерѣдко противорѣчатъ одно другому; въ одномъ мѣстѣ они утверждаютъ, что никогда никакого долга не существовало, въ другомъ, что если и былъ долгъ, то онъ давно уплоченъ. Въ подражаніе-то этой тактикѣ Девисъ старался приспособить свои начертанія ко всевозможнымъ случайностямъ и доказать Бичеру, что перомъ ли, простымъ ли смертнымъ, онъ можетъ только выиграть черезъ бракъ съ Лицци. — Откиньте въ сторону родословную — и изъ нея выдетъ величавая жена пера. Допустимъ, что процессъ приметъ неблагопріятный для насъ оборотъ, и тогда, гдѣ вы найдете женщину, которая съумѣла бы подобно ей встрѣтить всѣ превратности судьбы? Таковъ былъ конечный выводъ размышленій, стоившихъ ему цѣлое утро умственнаго напряженія, и въ сущности гораздо болѣе утомительныхъ для него, чѣмъ любое шумное преніе для какого нибудь вождя великой парламентской партіи.

Что Девисъ не имѣлъ намѣренія дѣйствовать на него угрозою, было ясно доказано тѣмъ, что онъ уничтожилъ векселя. Если бы онъ искалъ опоры въ понудительныхъ мѣрахъ, средства къ тому были у него подъ рукою; онъ могъ сказать: «выбирайте между уголовнымъ судомъ и женитьбой.» Такой способъ аргументаціи отличался бы краткостью и убѣдительностью и какъ нельзя лучше подходилъ подъ общія воззрѣнія Грога; а между тѣмъ, онъ по собственному желанію навсегда отказался отъ такого выгоднаго положенія. Бичеръ былъ теперь свободенъ. Въ первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ, онъ всталъ съ постели безъ боязни передъ закономъ и его блюстителями; миновался ужасный кошмаръ, такъ часто его мучившій, врывавшійся внезапнымъ страхомъ въ минуты самого буйнаго разгула, сгущавшій мракъ отчаянья новою, еще болѣе мрачною тѣнью; проснувшись, онъ почувствовалъ, что во взглядѣ какого нибудь «Бика» нѣтъ болѣе ничего такого, что грозило бы ему бѣдою, и что нечего ему теперь трепетать передъ испытующими взорами какого нибудь сыщика. Тотъ, кто много лѣтъ прожилъ среди опасностей, постоянно мучимый сознаніемъ бѣды, грозящей надъ нимъ разразиться не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ послѣ завтра наконецъ до того сживается съ ощущеніемъ страха, что когда настаетъ минута освобожденія, онъ долго отказывается вѣрить въ свою безопасность. Узнику снятся его цѣпи не одну ночь

послѣ того, какъ ему была возвращена свобода; мореплаватель не можетъ позабыть утлую доску и пустынный океанъ, по которому его носило бурею: не легко и Бичеру убѣдиться въ томъ, что онъ можетъ ходить съ высоко поднятою головой и смѣло глядѣть въ глаза коронымъ прокурорамъ и присяжнымъ.

Я уже больше не въ долгу у васъ, мистеръ Грогъ, проговорилъ онъ, весело разсмѣиваясь про себя; посмотримъ, какъ-то вы опять подденете меня на удочку! Какъ же, ждите, чтобы я влетѣлъ въ западню, разставленную вашими руками. Нечего сказать, погоняли-таки вы меня на хордѣ, и могли бы гонять и до сихъ поръ, еслибы собственными руками не сняли уздечку. Ну, теперь я свободенъ, и ужъ какъ же я навострю отъ васъ лыжи! И хотѣлъ бы я знать, кто меня за это осудитъ? Когда человѣка выпускаютъ изъ тюрьмы, онъ не нанимаетъ себѣ квартиру рядомъ съ острогомъ. Не я просилъ его жечь эти бумаги, на то была его собственная воля; онъ человѣкъ себѣ на умѣ, а слѣдовательно, полагаю, зналъ что дѣлалъ. Быть можетъ, онъ такъ разсудилъ: Бичеръ необыкновенно даровитый малый; не лучше ли, вмѣсто того, чтобы отправить его каторжникомъ въ Австралію, имѣть его своимъ другомъ? Можетъ статься, что я многое черезъ него выиграю; а что мнѣ за прибыль спровадить его за море, ради одного удовольствія выместить на немъ свою досаду? Лучше я выступлю передъ нимъ во всемъ величіи своего милосердія, уничтожу бумаги въ его присутствіи и скажу: нука, пріятель, что ты скажешь о такой чертѣ великодушія? А вотъ что я на это скажу, мистеръ Девисъ, продолжалъ онъ, пріосаниваясь и приготавливаясь высказаться со всевозможною смѣлостью:—Я скажу, что вы, безспорно, претонкая штука; но вы далеко не тотъ проницательный малый, за кокого я васъ считалъ. Нѣтъ, нѣтъ, дружище, гдѣ вамъ тягаться съ Аннесли Бичеромъ! Онъ былъ связанъ до сихъ поръ по рукамъ и по ногамъ; но теперь онъ можетъ выпрямиться во весь ростъ, и ужъ онъ же покажетъ вамъ свою прыть. — Я пойду далѣе и скажу ему: слушай, Грогъ! вотъ уже десять или двѣнадцать лѣтъ, какъ мы съ тобою плетемся рука объ руку, и ни тотъ, ни другой изъ насъ не видитъ себѣ отъ этого большой прибыли; попробуемъ-ка теперь разойтись въ разныя стороны, и пусть каждый изъ насъ поведетъ свои дѣлишки на свой собственный рискъ. Что ты на это скажешь? Если меня ждетъ впереди блестящая карьера, ты будешь гордиться мною, точь въ точь какъ Англія гордится преуспѣяньемъ которой нибудь изъ юныхъ своихъ колоній. Ты

будешь говорить: какъ же, какъ же! вѣдь это мой питомецъ! Само собою разумѣется, что теперь конецъ всякимъ требованіямъ, всякимъ угрозамъ, да и пора было забастовать. Мнѣ ли все это не надоѣло! Я просто жизни былъ не радъ при этихъ порядкахъ. Куда бы я ни пошелъ, чѣмъ бы я ни занялся, всюду преслѣдовалъ меня одинъ и тотъ же вѣчный страхъ; я то и дѣло самъ себя спрашивалъ: не теперь ли онъ меня покончитъ? Мнѣ и до сихъ поръ не вѣрится, что все это миновалось. — И онъ испустилъ глубокій вздохъ, какъ будто облегчая свое сердце отъ бремени послѣдней заботы.

Девисъ дремать не любить, продолжалъ онъ:—онъ скоро сообразитъ, какъ ему подобрать паруса при этой перемѣнѣ вѣтра, онъ пойметъ, что запугиваньемъ ничего больше не возмешь.

Рѣзкій, неожиданный звукъ пистолетнаго выстрѣла, сопровождаемый сильнымъ трескомъ и слабымъ позваниваньемъ колокольчика, прервалъ эти размышленія Бичеръ поспѣшилъ къ окну и увидѣлъ Девиса, который упражнялся въ виноградной аллеѣ въ пистолетной стрѣльбѣ. Пуля только что пробила мишень насквозь и звонъ колокольчика свидѣтельствовалъ, что она попала въ самый центръ. Бичеръ наблюдалъ за Девисомъ, пока тотъ снова прицѣливался; ему хотѣлось подмѣтить легкое движеніе руки, маленькую нетвердость у самой кисти, — напрасно. Грянулъ выстрѣлъ и снова звонъ колокольчика засвидѣтельствовалъ о мѣткости прицѣла.

— Командуй мнѣ: разъ—два! прокричалъ Девисъ человѣку, заряжавшему и передававшему ему пистолеты

— Разъ—два! громко просчиталъ тотъ, и въ ту же минуту колокольчикъ зазвенѣлъ и пуля ударилась въ цѣль.

— Какой выстрѣлъ, какой убійственный выстрѣлъ! бормоталъ Бичеръ, между тѣмъ какъ холодная дрожь пробѣгала у него по тѣлу. Девисъ, между тѣмъ, безостановочно продолжалъ свои упражненія, давая себѣ только время мѣнять пистолеты; четыре пули, пять, шесть пуль пробили небольшой кружокъ, колокольчикъ звенѣлъ безъ перерывовъ, — такъ быстро выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ. Наконецъ, какъ бы пресыщенный успѣхомъ, онъ отвернулся и проговорилъ:— завтра я попробую съ завязанными глазами.

— По моему убѣжденію, проговорилъ Бичеръ: — никому нельзя вмѣнить въ обязанность выходить на барьеръ съ такимъ молодцомъ. На то и дуэль, чтобы случай рѣшилъ дѣло; это не бойня: стоять подъ дуломъ его пистолета на разстояніи двадца-

ти, — какое — сорока шаговъ, да это прямое самоубійство. Онъ васъ навѣрнякъ убьетъ. Я бы съ нимъ не сталъ иначе стрѣляться, какъ черезъ платокъ; я бы сказалъ ему: станемъ въ ровныя условія...

Полно, Бичеръ, ничего бы ты такого не сказалъ, а если бы и сказалъ, то ни къ чему бы это не повело. Твое робкое сердце замерло бы подъ чарующимъ взглядомъ этихъ сѣрыхъ глазъ, устремленныхъ на тебя на твою же погибель вразстояніи какого нибудь ярда. Изблиска ли, издалека ли, онъ равно бы безпощадно тебя застрѣлилъ.

Вѣроятно подавленный этимъ сознаніемъ, которое напрасно старались опровергнуть его трепещунція губы, онъ опустился на стулъ. Между тѣмъ холодный, липкій потъ выступилъ у него на лицѣ и на лбу; онъ почувствовалъ смертельную слабость; свѣтъ затуманился у него въ глазахъ и вся комната, казалось, пошла вокругъ него ходенемъ. Куда дѣвалась теперь его отвага? Куда дѣвалась кичливая увѣренность, съ которой онъ еще недавно повторялъ себѣ, что онъ свободенъ отъ дерзкаго владычества Грога, отъ унизительной необходимости трепетать передъ каждымъ движеніемъ его бровей? О, сколько невыразимой горечи было въ новой мысли, омрачившей его недавнюю радость! Что сталось теперь съ его радужными мечтами освобожденія? Грогъ, это правда, не могъ уже болѣе засадить его въ тюрьму, за то онъ могъ уложить его въ могилу.

— Но я не принялъ бы его вызова, бармоталъ онъ про себя:— никто не обязанъ подставлять лобъ подобному человѣку.

Это маленькое разсужденіе: никто не обязанъ дѣлать то-то и то-то, воплощаетъ въ себѣ необыкновенно эластичную и сговорчивую мораль. Такъ какъ предполагаемое обязательство есть договоръ, заключенный между вами самими и воображаемымъ міромъ, то рѣдко случается, чтобы условія этого договора постановлялись убыточныя или требующія строгаго исполненія. Жизнь то и дѣло предъявляетъ такія требованія, которыхъ никто не обязанъ исполнять. Вы, напримѣръ, не обязаны платить долги вашего отца, хотя, быть можетъ, они и были сдѣланы по вашей милости, для вашей же пользы. Вы не обязаны жениться на дѣвушкѣ, любовь которой вы раздѣляли втеченіи многихъ лѣтъ, если вамъ представляется болѣе выгодная партія, и у дѣвушки нѣтъ въ рукахъ ни одной строки, писанной вами, которая имѣла бы значеніе формальнаго обязательства. Вы не обязаны спасать утопающаго, хотя бы и были хорошимъ пловцомъ, если онъ не

хватается за васъ слишкомъ судорожно и не подвергаетъ самихъ васъ опасности. Вы не обязаны рисковать заразиться тифомъ, для того только, чтобы навѣстить больного прiятеля. Вы не обязаны участвовать въ дѣлахъ благотворительности, которымъ вы только вполовину сочувствуете, помогать людямъ, которые терпятъ крайность по собственной винѣ, входить въ сношенiе съ личностями, до которыхъ вамъ лично никакого нѣтъ дѣла. Но къ чему пробѣгать далѣе этотъ катологъ запрещенiй? Ясно, что единственныя вещи, которыя мы обязаны дѣлать, суть тѣ, которыя общество навязываетъ намъ само, и въ которыхъ большинство голосовъ, вотирующихъ *за*, одерживаетъ верхъ надъ оппозицiею нашего эгоизма, какъ бы мы ни были въ немъ закалены и упорны.

Если кто могъ похвастать длиннымъ спискомъ всему, что онъ не считалъ себя обязаннымъ дѣлать, такъ это былъ Аннесли Бичеръ. Полагаю, что если бы этотъ списокъ прикинуть на вѣсы съ тѣми вещами, которыя онъ признавалъ обязательными, то отношенiе между обоими оказалось бы такое же, какъ между выписными винами Фальстафа и ломтемъ черстваго хлѣба. Люди подобнаго закала воображаютъ себя обыкновенно великими мудрецами въ своемъ поколѣнiи. Они недовѣрчивы и неоткровенны; въ нихъ нѣтъ ни добродушiя, ни щедрости. Но вѣрьте, эта мудрость далеко не такъ удобна, какъ она кажется съ перваго взгляда, и люди эти проводятъ жизнь въ тѣсной неволѣ собственныхъ себялюбивыхъ инстинктовъ; собственныя опасенiя замѣняютъ имъ оковы, природная трусливость тяготѣетъ надъ ними хуже всякихъ веригъ.

Бичеръ разсуждалъ приблизительно такъ: Грогъ не былъ обязанъ уничтожить векселя. Онъ могъ бы цѣлую жизнь продержать ихъ съ угрозою надъ его головой, и подъ конецъ воспользоваться ими, смотря по надобности. Но разъ уже дѣло было сдѣлано, Бичеръ былъ обязанъ передъ самимъ собою обратить случившееся въ свою пользу. Великiй вопросъ заключался для него въ томъ, какимъ кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ достигнуть желанной цѣли? Предполагая, что въ Лакингтонѣ все обойдется благополучно, безъ оспариванья титула, безъ тяжбы за помѣстье, лучшимъ, что могъ сдѣлать Бичеръ при этихъ условiяхъ, было бы сняться съ якоря, распустить паруса и навсегда расторгнуть свое товарищество съ Грогомъ. Но одно великое затрудненiе представлялось при исполненiи этого плана: гдѣ былъ тотъ уголокъ земного шара, куда бы можно было

укрыться и не быть настигнутымъ Грогомъ Девисомъ? Если бы существовала особая планета, специально отведенная для перовъ, если бы возможно было отправиться на луну и, предъявивъ свой патентъ, получить тамъ право гражданства: тогда, конечно, Бичеръ воспользовался бы своимъ преимуществомъ. Но, увы! Какъ ни далеко простирается неравенство житейское, одна и та же земля носитъ всѣхъ насъ, пока мы живы, и покоитъ наши кости по смерти. А надо замѣтить, что ту часть этой земли, которая образуетъ материкъ Европы, Девисъ зналъ не хуже любого сыщика. Нельзя было придумать болѣе безнадежное предпріятіе, какъ попытку отъ него укрыться. Какъ ни велика была его хитрость, она еще ничего не значила въ сравненіи съ его мужествомъ. Мужество это придавало ему что-то родственное съ дикимъ звѣремъ,—такъ много было въ немъ отчаянности и удали, дѣйствующей очертя голову. Стоило только его вызвать, онъ всегда былъ готовъ на бой; стоило оскорбить его, — и только кровью обидчика счелъ бы онъ себя удовлетвореннымъ. А какимъ страшнымъ оскорбленіемъ было бы для него, если бы Бичеръ воспользовался этою минутою, первою, быть можетъ, единственною во всей его жизни, когда онъ совершилъ благородное, великодушное дѣло, воспользовался бы для того, чтобы измѣнить ему. Бичеръ живо представлялъ себѣ Грога въ моментъ полученія рокового извѣстія. Онъ не пораженъ удивленіемъ, онъ не оглушенъ неожиданностью; ни тѣни хотя бы минутнаго колебанія. Подобно раненому тигру, онъ поднимается, готовый броситься въ погоню; зрачки его глазъ страшно сверкаютъ, и жилистыя руки судорожно сжимаются.

Изъ всего этого явствовало, что бѣгство невозможно. А коли такъ, то какой же оставался выборъ?

Вооружиться терпѣньемъ, вступить въ пожизненное товарищество съ Грогомъ и жениться на Лицци. Невеселая перспектива, далеко невеселая перспектива, милѣйшій Аннесли, разсуждалъ онъ съ самимъ собою. Тутъ на каждомъ шагу рискуешь сломать себѣ шею; станетъ ли у тебя терпѣнья на такую гонку? Бичеръ настолько зналъ жизнь, что понималъ, что подобное существованіе немногимъ чѣмъ отличается отъ скачка съ препятствіями, и не шутя задавалъ себѣ вопросъ: выдержитъ ли мозгъ и мышцы такое напряженіе? Правда, Грогъ былъ руководителемъ, какихъ мало, а Лицци — какихъ, какихъ чудесъ не могла осуществить Лицци съ ея красотою, изяществомъ и умомъ! Не ранѣе, какъ въ концѣ длиннаго ряда размышленій, выступилъ

передъ нимъ ея образъ: но разъ вызванный, онъ занялъ первый планъ. Вспомнились ему ея очаровательные пріемы, ея голосъ, похожій на голосъ сирены, ея бойкое остроуміе, ея свободныя, изящныя движенія, ея игривость, разнообразившая красоту ея такою прелестью. Онъ готовъ былъ подумать, что она владѣетъ волшебными чарами; при ней забывалось всякое горе; мало того — одно воспоминаніе о ней было, какъ онъ испыталъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для уврачеванія мрачныхъ мыслей. Вѣчно ясная, сверкающая и довольная, она не знала, что такое уныніе, дурное расположеніе духа. Какое высокое блаженство назвать столь счастливо одаренное созданіе своимъ! Лучшаго и не могъ желать тотъ, кто не былъ самъ обладателемъ подобныхъ даровъ. Но все это не любовь, перебиваетъ нетерпѣливый читатель.

Замѣчаніе справедливо, и я смиренно съ нимъ соглашаюсь. Это не то, что вы, или я, быть можетъ, назвали бы любовью, но это было все, чѣмъ могъ въ этомъ отношеніи располагать Аннесли Бичеръ.

Случалось ли вамъ наблюдать, какъ люди, привыкшіе жить на ограниченныя средства, разбогатѣвъ, дѣлаютъ неловкія усилія, чтобы стать въ уровень съ своимъ положеніемъ? Они хорошо знаютъ, что теперь имъ не изъ чего себя урѣзывать и жаться, что фортуна расширила передъ ними дорогу, и ничто имъ не мѣшаетъ выдти на болѣе обильныя, просторныя и привольныя пастбища, а между тѣмъ, они ни за какія блага не могутъ рѣшиться на непривычный шагъ, а если и рѣшаются, то это стоитъ имъ какого-то судоржнаго условія, несущаго съ собою больше страданія, чѣмъ удовольствія. Старые инстикты неотвязно тяготѣютъ надъ ними, подавляя всѣ побужденія настоящаго благополучія. Всѣ эти щедроты судьбы кажутся имъ излишними, они наполовину подавлены всѣмъ этимъ изобиліемъ. То же самое бываетъ съ эгоистомъ, когда онъ старается расширить свое сердце для какой нибудь привязанности, такъ то было и съ Бичеромъ въ его попыткѣ стать любовникомъ.

Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что любовь, даже въ лучшихъ натурахъ, есть существенно себялюбивая страсть. Какую же, послѣ этого, долю эгоизма несетъ она съ собою въ тѣхъ, которыя далеко не могутъ быть причислены къ лучшимъ? Но при всемъ томъ, будемъ справедливы къ бѣдному Бичеру. Лиццп сумѣла затронуть въ немъ всю силу привязанности, насколько ея въ немъ было; все что еще не затихло въ немъ честности,

доброты и нѣжности, было вызвано ею къ жизни. Если бы онъ былъ способенъ перемѣниться къ лучшему, одна она могла осуществить перемѣну; если что могло удержать его отъ дальнѣйшаго паденія, такъ это было спасительное прикосновеніе ея руки; и я не умѣю сказать, какъ это дѣлалось, но онъ самъ чувствовалъ, что это было такъ. Она могла высказывать при немъ великодушныя чувства, и онъ не считалъ ихъ лицемѣріемъ; отъ нея онъ могъ выслушивать слова надежды и довѣрія, не улыбаясь ея наивности. Она пріобрѣла ту степень господства надъ его помыслами, которая подчиняла ея вліянію всѣ его личныя предубѣжденія и, подобно всѣмъ слабымъ характерамъ, онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ этомъ порабощеніи. Въ довершеніе всего, самолюбіе его было затронуто: конечно, лестно выигрывать призы на конскихъ скачкахъ, лестно срывать рулетные банки, но что все это передъ честью — быть мужетъ первой красавицы въ Европѣ? Онъ переносился въ то время, когда они будутъ путешествовать по континенту, всюду собирая дань восторга, удивленія и зависти; онъ уже переносилъ на себя все совершенство будущей своей жены и гордился тѣми лаврами, которые ей предстояло пожинать.

— Клянусь честью, я это сдѣлаю! воскликнулъ онъ и ударилъ по столу рукою.—Мнѣ дѣла нѣтъ, что тамъ будутъ говорить, я поставлю на своемъ; а если кто посмѣетъ найдти это смѣшнымъ, то Грогъ его застрѣлитъ. Я такой ужъ уговоръ сдѣлаю съ Грогомъ: ему это будетъ по вкусу, онъ любитъ драться. И онъ подвелъ итогъ своимъ разсчетамъ въ слѣдующемъ воображаемомъ сужденіи, которымъ свѣтъ долженъ былъ отозваться о его рѣшимости: «молодецъ этотъ Бичеръ! Году нѣтъ еще, какъ братъ его лишился перства, а онъ ужъ женатъ на красивѣйшей женщинѣ въ цѣлой Европѣ, живетъ по царски, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, соритъ деньгами — и всего этого достигъ своимъ собственнымъ умомъ. Немного такихъ людей на свѣтѣ. Бывало, Лакингтонъ называлъ его дуракомъ; хотѣлъ бы я знать, что онъ теперь объ немъ скажетъ»?

ГЛАВА II.

МРАЧНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Нерѣдко случается, что уступки, стоившія намъ долгой внутренней борьбы и тяжкихъ усилій, встрѣчаются тѣми, для кого онѣ были сдѣланы, далеко не съ тою радостною готовностью, какой бы мы ожидали; мы и не подозрѣваемъ этого, а то какую глубокую рану нанесло бы подобное открытіе нашему самолюбію. Какъ бы мы удивились, если бы намъ показали, что мы вовсе не такъ благородны и не такъ великодушны, какъ воображали! На эти размышленія навела меня недавняя рѣшимость Аннесли Бичера, которою онъ такъ гордился. Любопытно было бы знать, что бы онъ почувствовалъ, если бы мнѣ подслушать разговоръ, происходившій стѣна объ стѣну съ его комнатой?

Лицци Девисъ была уже совсѣмъ одѣта и готовилась сойти къ завтраку; но ей такъ нездоровилось и на душѣ у нея было такъ тяжко, что она прилегла на постель и, велѣвъ своей горничной закрыть ставни, попросила, чтобы ее оставили одну.

— Что съ тобою, Лицци, что съ тобой, дитя мое? спросилъ Девисъ, входя и садясь у ея изголовья. — Руки у тебя точно въ огнѣ.

— Я дурно спала ночь, отвѣчала она слабымъ голосомъ:—и у меня страшно болитъ голова.

— Бѣдняжка, проговорилъ онъ, цѣлуя ее въ горячій лобъ:— всему этому я причиной. Да, Лицци, я это знаю, но что же было дѣлать? Вѣдь я такъ старался нѣсколько лѣтъ отсрочивать этотъ роковой часъ. Я хорошо чувствовалъ, что, кромѣ тебя, у меня нѣтъ на свѣтѣ утѣхи и радости, а между тѣмъ я готовъ былъ отказаться отъ единственнаго блага, которымъ дорожилъ, лишь бы сохранилъ тебя непорочной и чистой.

Медленно, съ запинкой произносилъ онъ каждое слово, и когда онъ замолчалъ, губы его дрожали.

— Я право не знаю, не плохо ли вы разочли, поступивъ такъ? проговорила она вполголоса.

— Я и самъ начинаю теперь такъ думать, отвѣчалъ онъ громко. — Но какъ быть! Я хотѣлъ все устроить къ лучшему.

Она тяжело вздохнула и промолчала.

— Было у меня и другое въ мысляхъ, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту:—вотъ, думалъ я, настанетъ время, и ты обратишь вниманіе на всѣ мои жертвы и труды; вѣдь я работалъ такъ же, какъ работаютъ другіе; вѣдь мы одни изъ тѣхъ, которые влекутъ за собою каторгу.... Ну полно, полно, къ чему содрагаться... Вѣдь я теперь около тебя, цѣлъ и невредимъ. И такъ, я надѣялся, что ты обо всемъ этомъ пораздумаешь и скажешь: какъбы-то ни было, онъ далъ мнѣ все, что только могъ дать. Не въ его власти было доставить мнѣ богатство и общественное положеніе, но за то, благодаря ему, я съумѣю воспользоваться и тѣмъ, и другимъ, если они когда либо выпадутъ на мою долю. Онъ не унизилъ меня до своего уровня, моя жизнь изъята отъ тѣхъ жгучихъ, преступныхъ ощущеній, которыми день за день подтачивается его существованіе. Благодаря ему, я не уступаю любой благородной леди въ деликатности чувствъ и образѣ мыслей.

— Правда, правда, но для чего вы добивались всего этого? воскликнула она съ смятеніемъ и тоскою.

— Для того, дочка, отвѣчалъ онъ съ жаромъ:—чтобы ничто не помѣшало тебѣ самой стать современемъ на высокую ступень общественной жизни. Или ты думаешь, что эти послѣднія тридцать лѣтъ моей жизни не дали мнѣ прочувствовать, чѣмъ бы я могъ быть, если бы меня воспитали и научили тому, что знаютъ другіе? Развѣ я не сознавалъ въ себѣ той энергіи, отваги и настойчивости, которымъ не доставало только знанія, чтобы я могъ за поясъ заткнуть всѣхъ этихъ баръ? Но я сказалъ самому себѣ: она вся въ меня уродилась, а въ придачу ей еще дана красота. Отчего же бы ей и не мѣтить высоко? Ты понимаешь, что въ этихъ словахъ заключался мой собственный приговоръ. Прочить тебѣ высокую долю, значило самому себѣ прочить бездѣтное сиротство.

Лицци закрыла лицо руками и не отвѣчала ни слова.

— Развѣ я самъ не предвидѣлъ, продолжалъ онъ почти съ бѣшенствомъ:—что воспитанная въ нѣгѣ и роскоши, ты не могла не тяготиться бѣдностью, не могла не стыдиться такого отца, какъ я? Развѣ, чортъ побери, я не понималъ, что готовилъ себѣ въ будущемъ? Но, будь что будетъ, порѣшилъ я самъ съ собою: я хочу, чтобы она вступила въ жизнь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, и посмотримъ, гдѣ тотъ дерзкій, который осмѣлится загородить ей дорогу.

Пораженная сиплымъ, горловымъ звукомъ его голоса, Липци отняла руки отъ лица и тревожно посмотрѣла на Девиса. Въ эту минуту демоническія черты его, дышавшія всею напряженностью страсти, представляли поразительное сходство съ ея прекрасными чертами. Не будь его тутъ, рядомъ съ нею, на ея лицѣ только и можно было бы прочесть выраженіе глубокаго страданія, смягченное необыкновенною прелестью очертаній; но сопоставленное съ выраженіемъ его лица, какъ бы служившимъ ему злобнымъ комментаріемъ, оно казалось воплощеніемъ титанической гордыни и дышало самымъ бѣшенымъ честолюбіемъ.

— Да, дочка, продолжалъ онъ:—дорого ты мнѣ досталась, такъ дорого, что ни на золото, ни на серебро не оцѣнить. Если во мнѣ когда либо шевельнется то, что у людей называется совѣстью, то нелегко мнѣ будетъ раздѣлываться съ нею изъ за тебя.

— Батюшка, милый батюшка, перестаньте, воскликнула она тоскливо:—ваши слова для меня точно острый ножъ.

— Хорошо, я замолчу, сказалъ онъ, отнявъ руку, которую она сжимала въ своей, и заложивъ ее за жилетъ.

— Или—нѣтъ, продолжала она, ласкаясь къ отцу,:—разсказывайте мнѣ все безъ утайки. Вамъ нелегко было рѣшиться на эту исповѣдь; посмотримъ, не поможетъ ли она обоимъ намъ покончить наши счеты. Худшее я уже знаю.... Онъ покачалъ головой.— Или это еще не все? воскликнула она въ ужасѣ.—Такъ говорите же скорѣе....

— Какъ мнѣ досказать тебѣ то, что еще осталось? отвѣчалъ онъ угрюмо.—Научу ли я тебя понимать жизнь и людей такъ, какъ я ихъ понимаю, и чувствовать, что въ каждомъ взглядѣ, уставленномъ на меня, кроется оскорбленіе, въ каждомъ словѣ, сказанномъ мнѣ въ смѣхъ — насмѣшка? Вѣдь добрые люди встаютъ и уходятъ изъ-за стола, чтобы только не сидѣть рядомъ со мною! Положимъ, мнѣ удастся иногда подцѣпить какого нибудь молодца, который заходитъ слишкомъ далеко, и проучить его въ предостереженіе другимъ; но развѣ это мѣшаетъ имъ травить меня издалека, такъ что къ нимъ и подступиться нельзя? Вчера я отправился въ Нейвидъ на почту за письмами; казалось бы, что въ глухой деревушкѣ, на этомъ берегу Рейна, куда рѣдко и путешественникъ-то заглядываетъ, мнѣ можно было остановиться на часокъ, чтобы дать вздохнуть своей лошади и закусить самому; казалось бы, что хоть въ такомъ захолустьи мнѣ нечего опасаться преслѣдованій. Ничуть не бывало, слухомъ земля полнится... Въ одной комнатѣ со мной завтракали двое молоко-

сосовъ, пріѣзжихъ изъ Англіи; по платью, замашкамъ и дурному французскому выговору, я призналъ въ нихъ оксфордскихъ либо кембриджскихъ студентовъ. Они же принимали меня за иностранца, незнающаго по англійски, и поэтому, нисколько не стѣсняясь, продолжали разговаривать при мнѣ о всякой всячинѣ; я пропускалъ ихъ вздорную болтовню мимо ушей, какъ вдругъ дошедшее до меня имя Бичера воздудила мое вниманіе. Разговоръ шелъ о немъ и объ одной прелестной незнакомкѣ, которая часто показывалась съ нимъ вмѣстѣ въ Ахенѣ. Молокососы съ восторгомъ говорили о ея величавой красотѣ, о царственной роскоши ея нарядовъ. Однако они никакъ не могли взять въ толкъ, кто бы она такова могла быть? Что она не была сестра Бичера, это явственно изъ родословныхъ таблицъ перовъ; знали они также навѣрное, что она ему не жена; стало быть, оставалось еще одно только предположеніе.... А я во время этого разговора долженъ былъ сидѣть, какъ прикованный, и выслушивать всѣ ихъ глупыя выходки и пошлыя шутки! А что, что мѣшало мнѣ стать передъ ними и крикнуть: не смѣйте порочить ея доброе имя, она моя дочь? Да вотъ что. На первый же ихъ вопросъ я принужденъ бы былъ объявить, что зовутъ меня Девисомъ, Христофоромъ Девисомъ, Грогомъ Девисомъ тожъ: а всей твоей красоты, дочка, не хватитъ на то, чтобы искупить позоръ этого имени. Итакъ я поневолѣ, вставъ изъ-за завтрака и, ни до чего не дотронувшись, ретировался. Одну минуту я былъ въ нерѣшимости и хотѣлъ расплатиться съ ними, но тутъ мнѣ вспомнилась ты, Лицци, и я разсудилъ, что ты не должна быть героиней скандала и газетныхъ сплетень. Рано или поздно, думалъ я, она станетъ на ту высоту, куда едва дерзнетъ доходить робкій шопотъ злословія.

— Стало быть, спросила Лицци: — неприлично было съ моей стороны такъ жить, какъ я жила въ Ахенѣ?

— Неприличіе неприличію рознь, отвѣчалъ онъ, не то съ досадой, не то въ замѣшательствѣ. — Огласки надо было избѣгать. Но въ этомъ конечно ты нисколько невиновига; проклятому Бичеру слѣдовало понимать это....

— Впрочемъ, унять злые языки невозможно, дитя мое. Я разсчитывалъ оставить тебя въ Ахенѣ на день, много на два; ты пробыла тамъ нѣсколько недѣль. Кого же въ этомъ винить, спросишь ты? — Меня, конечно меня, и никого другого; ничто иное и каждый шагъ въ твоей жизни, какъ моя же ошибка. Очень нужно мнѣ было воспитывать тебя внѣ моей собственной среды:

если бы ты выросла въ обществѣ плутовъ и мошенниковъ, ты не стыдилась бы называть меня своимъ отцомъ.

— Ужь я и теперь не стыжусь этого, и никогда этому не бывать, воскликнула она, бросаясь къ нему на шею. — Для кого же, какъ не для меня, пожертвовали вы цѣлой жизнью? Быть можетъ, вы слишкомъ высоко цѣните тѣ преимущества общественнаго положенія, которыхъ вы такъ пламенно желали для меня, но я въ этомъ случаѣ, я не могу съ вами согласиться. Какъ бы то ни было, а я знаю, что единственный источникъ вашего честолюбія заключается въ любви вашей ко мнѣ, что вы шли темной и тернистой дорогой только для того, чтобы мнѣ легко и свѣтло жилось на свѣтѣ.

— Ты за все заплатила мнѣ этими словами, проговорилъ онъ, проводя по глазамъ рукою.—Я не потяготился бы трудомъ поденщика, я не побоялся бы плестись на одной цѣпи съ партіей колодниковъ и жевать арестанскій хлѣбъ, если бы этой цѣной могъ купить для тебя то, чего я желаю.

— Но чего же вы желаете?

— Я хочу, дитя мое, видѣть тебя женой пера. Я хочу, чтобы самое гордое и недоступное въ мірѣ сословіе признало тебя своею и придавало высокое значеніе, славу твоему каждому малѣйшему поступку...

— Чего? постойте, перебила она. — Развѣ вы думаете, что люди забудутъ мое происхожденіе?

— Такъ что жъ, что не забудутъ? Неужели такой вздоръ можетъ тебя обезкуражить? Мало же въ тебѣ течетъ отцовской крови, если ты склоняешь голову передъ оскорбленіемъ.

Лицци вся вспыхнула и глаза ея дико сверкнули, какъ будто хотѣли сказать: ужь въ этомъ-то отношеніи вамъ нечего бояться. Но тутъ же смертельная блѣдность смѣнила этотъ румянецъ, и голосомъ, дрожавшимъ отъ сильнаго волненія, она проговорила:

— Но къ чему же напрашиваться на безъисходную борьбу? Вѣдь вся ваша забота объ одномъ: обо мнѣ и о моемъ счастіи. Неужели же возможность счастья лежитъ для меня только въ азартной игрѣ честолюбія? Не поможетъ ли мнѣ то образованіе, которое я получила отъ васъ? Я могла бы быть гувернанткой.

— Да знаешь ли ты, дочь, что такое гувернантка? Это служанка, переряженная госпожей, существо, получившее образованіе не на радость себѣ, а на то, чтобы другіе могли имъ пользоваться, какъ имъ заблагоразсудится. Въ средніе вѣка существовалъ обычай убивать раба, для того чтобы господитъ могъ погрѣть

ноги въ его неостывшей еще внутренности. Наша новѣйшая цивилизація не заходитъ такъ далеко, она довольствуется тѣмъ, что не одну бѣдную дѣвушку доводитъ до полупомѣшательства, для того чтобы начинить какую нибудь безмозглую голову подобіемъ знанія.

— Ну, а почему бы мнѣ не поступить на сцену? Я имѣю тщеславіе думать, что могла бы явиться на ней не безъ успѣха.

— И слышать объ этомъ не хочу! воскликнулъ Девисъ съ жаромъ.—Если бы я зналъ, что изъ тебя выдетъ вторая Сиддонсъ, и тогда я не позволилъ бы тебѣ ступить на подмостки. Я знаю, что такое закулисная жизнь и какую грубую свободу отношеній она допускаетъ. Труппа—это семья, случайно набранная изо всякаго сброда, едва-едва возвышающаяся въ дѣлѣ умственной шлифовки надъ уровнемъ тупоумной публики. Въ этой средѣ, грязныя шутки площадныхъ комедій — ходячая монета; высшіе интересы жизни вращаются около большого сбора съ бенефиса или пирушки въ Гриничѣ. Тебѣ ли якшаться съ такими людьми?

— Но если бы я имѣла успѣхъ?

— Не хочу я этого — и баста. Я говорю тебѣ, дочка, одинъ только и есть для тебя выходъ...

— Но если у меня не станетъ духу погубить себя?

— А ты вполнѣ увѣрена, что у тебя станетъ духу погубить меня еще болѣе безвозвратнымъ образомъ, что тебѣ будетъ легко, въ отплату за цѣлую жизнь трудовъ и самопожертвованій, поставить ни во что и тѣ и другія? И ты, какъ ни въ чемъ не бывало, скажешь: глупъ же былъ мой старикъ-отецъ, что не захотѣлъ, чтобы дочь пошла по его слѣдамъ. Мнѣ ничего не стоитъ снизойти въ тѣ самые слои общества, къ которымъ онъ принадлежитъ и которыхъ стыдится. При мнѣ его будутъ оскорблять, поносить, а я, между тѣмъ, останусь спокойна, зная, что я одна могла бы оградить его отъ всего этого...

— О, не искушайте меня такими рѣчами! воскликнула она въ отчаяньи.

— Напротивъ, я ничего не оставлю недосказаннымъ, я испробую всѣ средства, чтобы заставить тебя согласиться на то, въ чемъ твое и мое спасеніе. Слушай, дочка: ты одна можешь доставить мнѣ возможность взглянуть въ глаза цѣлому свѣту. Сдѣлайся ты только знатною дамою, — и я спасенъ. Пожалуй, мои враги и тогда будутъ рады строить мнѣ козни, но они поймутъ, что имъ отъ этого не поздоровится.

— И вы увѣрены, что въ этомъ ваше спасенье? проговорила она мрачно и холодно.

— Увѣренъ, отвѣчалъ онъ точно такимъ же тономъ.

— Можете ли вы дать мнѣ торжественное слово, что вы не видите другой возможности выпутаться изо всѣхъ этихъ затрудненій?

— Я готовъ чѣмъ угодно тебѣ въ этомъ поклясться, видитъ богъ; я не знаю другого средства обезпечить твою будущность.

— Не въ моей будущности тутъ дѣло, подумайте только о себѣ, отвѣчайте мнѣ прямо: нѣтъ для васъ другого выхода?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Но, Боже мой, что же вы такое сдѣлали, чтобы я должна была искупить вашъ грѣхъ гибелью лучшихъ своихъ надеждъ! воскликнула она съ отчаяніемъ, котораго не могла долѣе сдерживать.

— Ты требуешь исповѣди? сказалъ онъ съ дикимъ одушевленіемъ. Тебѣ хочется, чтобы я самъ прочиталъ тебѣ обвинительный актъ? Хорошо же, будь по твоему. Слушай мой длинный перечень. Китъ Девисъ! явись къ отвѣту. На тебя взводятъ обвиненіе въ различныхъ плутовскихъ продѣлкахъ, продѣлкахъ впрочемъ неважныхъ и совершенныхъ за одно съ благородными и даже высокородными сообщниками. Не припомните ли вы, капитанъ Девисъ, сколько разъ вы портили вашими снадобьями лошадей и жокеевъ, чтобы только выиграть пари? Сколько разъ вы выигрывали огромные куши только потому, что опаивали до безсознательности вашего противника? Не случалось ли вамъ прибѣгать къ угрозамъ, чтобы получить удовлетвореніе самымъ наглымъ требованіямъ? Не случалось ли вамъ убивать человѣка, обвинившаго васъ въ шулерствѣ? Не водилось ли за вами привычки выставлять подъ векселями небывалыя подписи, вмѣсто вашей собственной? Не прибирали ли вы къ рукамъ чужія деньги, посредствомъ обмана? Скажите по совѣсти, изъ двадцати галерныхъ преступниковъ не найдется ли и пятидесятой доли того, чѣмъ вы можете похвалиться? Присягнете ли вы, что у васъ на совѣсти не лежитъ десятка полтора или два такихъ дѣлъ, за которыя добрые люди платятся каторгой, и не знаете ли вы за собой двухъ-трехъ грѣшковъ, подлежащихъ болѣе строгому наказанію? Не записаны ли ваши примѣты почти въ каждомъ полицейскомъ бюро Европы, и не разосланы ли ваши фотографическіе портреты по всѣмъ пограничнымъ паспортнымъ конторамъ малѣлькихъ нѣмецкихъ государствъ,

чтобы оградить какой нибудь Гессенъ-Кассель или Кобургъ отъ опустошеній хищнаго звѣря, именуемаго Грогомъ Девисомъ.

— Но если это такъ, воскликнула Лицци въ отчаяньи:—то какая же вамъ будетъ польза, если я пожертвую собой? Не лучше ли намъ уѣхать куда нибудь далеко, гдѣ мы будемъ свободны отъ преслѣдованья? Поѣдемъ въ Америку, въ Австралію, — разстояніе меня не пугаетъ...

— Вздоръ! Я ни шагу не сдѣлаю изъ Европы. Будь со мною, что будетъ, — но я не тронусь отсюда. Поступай только такъ, какъ я тебѣ говорю, дочка, и вѣрь, что кривая таки вывезетъ. Впродоженіи многихъ лѣтъ, я только тѣмъ и держался, что участь моя была связана съ участью многихъ другихъ, которыхъ мое паденіе увлекло бы за собою. Но время поубавило ихъ число. Многіе перемерли: холера, крымская компанія, сердечныя невзгоды, да и мало ли еще какія другія причины, сдѣлали свое дѣло. Изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, для однихъ скандалъ уже сдѣлался нипочемъ, другихъ я потерялъ изъ виду, и теперь, много-много если мнѣ удастся потянуть за собою на каторгу двухъ-трехъ представителей благородныхъ фамилій. Этого недостаточно. Я принужденъ искать опоры въ знатномъ родствѣ; мнѣ нужны такого рода связи, за которыми мнѣ жилось бы, какъ за каменной стѣной. Дай мнѣ только обзавестись ими, а онѣ уже сами порадѣютъ о своемъ добромъ имени. Ты не знаешь, но я знаю, что такое вліяніе знати въ Англіи. Нѣтъ ни одного преступленія, которое она не могла бы узаконить актомъ парламента. Браки и разводы въ ея власти, однимъ приговоромъ палатъ она связуетъ и разрѣшаетъ, установляетъ законность и незаконность; тоже полномочіе дано и общественнымъ ея приговорамъ: ей ничего не стоитъ — плута подрядчика произвести въ лучшіе граждане Лондона, и если бы ей заблагоразсудилось, она могла бы сдѣлать Грога Девиса членомъ любого изъ своихъ аристократическихъ клубовъ; а разъ сдѣлавъ это, дочка, она подумаетъ да и подумаетъ, прежде чѣмъ пойдетъ на попятный дворъ.

Девисъ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что быстро шагалъ по комнатѣ; лицо его горѣло, а въ глазахъ сверкало зловѣщее пламя. Между отличительными чертами, свойственными глубоко развращеннымъ характерамъ, особенно рѣзко выдается та наглость, съ которою они выставляютъ напоказъ всю свою безчестную находчивость, преувеличивая даже порою обиды, нанесенныя ими обществу. Есть что-то сатанинское въ этомъ из-

дѣваньи надъ тѣмъ самимъ обществомъ, передъ которымъ они такъ жестоко провинились. По адскому ихъ кодексу честность и довѣрчивость не заслуживаютъ ничего, кромѣ презрѣнія, и тотъ только можетъ похвалиться дѣйствительнымъ мужествомъ, кто попираетъ наши законы, обязательные для другихъ людей.

Девисъ былъ изъ числа не легко увлекающихся людей. Никто менѣе его не поддавался минутнымъ впечатлѣніямъ; онъ былъ воспитанъ въ слишкомъ суровой школѣ, чтобы давать волю случайному настроенію духа. Но на этотъ разъ обычное самообладаніе измѣнило ему; онъ до того увлекся желаніемъ поставить на своемъ, что позабылъ всякую осторожность: разъ начатую исповѣдь онъ продолжалъ, такъ сказать, на обумъ. Къ этому примѣшивалось то странное, жгучее тщеславіе, которое заставляетъ насъ находить наслажденіе въ нами же вызванномъ смещуніи и ужасѣ другого. Чѣмъ преступнѣе выставлялъ онъ свою преступную жизнь, тѣмъ живѣе давалъ онъ чувствовать, что съ нимъ шутить плохо. Въ случаѣ, еслибы ему не удалось затронуть въ дочери чувство привязанности, онъ могъ расчитывать на внушенія страха; вѣдь должна же она была понять, что отъ такого человѣка, какъ онъ, всего можно было ожидать. Наконецъ, разъ сбросивъ маску, онъ ничуть не дорожилъ лоскутьями того маскарада, въ которомъ такъ долго щеголялъ.

— Продолжать ли мнѣ? проговорилъ онъ сипло, какъ бы съ усиліемъ.—Или ужь довольно?

— Неужели еще не все? спросила она съ горечью.

— Ты требовала, чтобы я разсказалъ тебѣ все, безъ утайки. Но едва я успѣлъ набросить бѣглый очеркъ того, что я могъ бы поразсказать, какъ она въ ужасѣ отшатнулась. Но пусть такъ; теперь, по крайней мѣрѣ, между нами нѣтъ тайнъ, и какъ ни жестокъ былъ данный мною урокъ, онъ все же мягче того, который дали бы тебѣ чужіе. Мнѣ только одно осталось сказать тебѣ, дочка, продолжалъ онъ, направляясь къ порогу и взявшись за дверную ручку:—если ты захочешь остаться при своей рѣшимости, то чѣмъ раньше дашь мнѣ объ этомъ знать, тѣмъ лучше. Я высказалъ тебѣ все, что было нужно, остальное въ твоихъ рукахъ. Помни только, что если отказъ будетъ твое послѣднее слово, то ты должна предупредить меня заблаговременно, чтобы и я тоже могъ принять свои мѣры.

Слова эти были сказаны совершенно спокойно, но въ самой суровой, безтрепетной ясности ихъ звучала какая-то потрясающая нота и Лицци вмѣсто отвѣта закрыла лицо руками и заплакала.

Девисъ остановился въ нерѣшимости. Было мгновеніе, когда любовь, казалось, одержала верхъ; онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ подойти къ ней, но вдругъ спохватившись и проворчавъ про себя:—теперь все равно, дѣло кончено,—вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА III.

Нѣсколько дней въ Гленгаррифѣ.

Мы когда-то ознакомили читателя съ гленгаррифскимъ эрмитажемъ, съ его тѣнистымъ паркомъ, извилистой рѣчкой и атмосферой, пропитанной запахомъ розъ и другихъ цвѣтовъ Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и эти мѣста сдѣлались почти неузнаваемыми. Въ настоящую минуту паркъ перекрещивается по всѣмъ направленіямъ начатыми дорогами, мѣстами попадаются большія прогалины, загроможденныя строительнымъ матеріяломъ, глубоко изрытыя песочныя ямы кишатъ народомъ. Кирпичные сараи и сушильни для глины всюду распространяютъ свои удушливыя испаренія; въ воздухѣ раздаются нестройные удары молотовъ о гранитныя и аспидныя глыбы; словомъ, васъ окружаетъ цѣлый содомъ многообразной лихорадочной дѣятельности. Оглянитесь ли вы по направленію къ морю, васъ поразитъ таже невыгодная перемѣна. На мѣстѣ живописныхъ рыбачьихъ хижинъ возвышаются неуклюжія верфи: тамъ, гдѣ когда-то раздавался веселый ребячій смѣхъ, гуляютъ толпы пьяныхъ матросовъ.

Но всѣ эти перемѣны, такъ глубоко оскорбительныя для поэтическаго чувства, служили для практическаго ума залогомъ прогресса и возрастающаго матеріяльнаго благосостоянія. Гленгаррифская компанія для сооруженія дачъ и товарищество Marine-Residence составляли громадное предпріятіе, акціи котораго стояли очень высоко и покупались нарасхватъ. По всему было видно, что мистеръ Дённъ хлопоталъ неусыпно объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ. Не было такого захолустья во всѣхъ трехъ соединенныхъ

королевствахъ, куда бы не проникли описанія вышеозначенной мѣстности. Еженедѣльныя сужденія и ежедневныя газеты постоянно напоминали публикѣ объ этомъ предпріятіи.

Между многими преимуществами, выпавшими на долю его, выставлялось на видъ то обстоятельство, что герцоги и графы удостоивали его своего одобренія. «Мы съ удовольствіемъ узнали, говорилось въ «Почтѣ» что маркизъ Дёккингтонъ поручилъ сооруженіе своей приморской виллы въ Гленгаррифѣ изящному вкусу талантливаго сэра Джефри Блокслея, который въ настоящую минуту занятъ отдѣлкою Нудльтонъ-Галя въ той же очаровательной мѣстности, для его свѣтлости герцога боудскаго».

Въ «Герольдѣ» передавался слухъ, что графъ Генперъ заплатилъ ни больше ни меньше какъ двѣнадцать тысячь гиней за тотъ маленькій клочекъ земли въ Гленгаррифѣ, гдѣ предназначалось стоять его дачѣ. «Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, прибавляла та же газета, что видъ изъ его оконъ открывается на весь заливъ, отъ Девенпортскаго обелиска вплоть до Дённскаго маяка; перспектива эта, смѣемъ ручаться, не имѣетъ себѣ равной въ цѣлой Европѣ». Но важнѣе всего этого было газетное извѣстіе о томъ, что ея величество намѣревается осчастливить прославленную мѣстность, избравъ ее на будущій сезонъ своей резиденціей.

Гдѣ тотъ кровный британецъ, который не вдохнетъ въ себя съ наслажденіемъ вѣтерокъ, играющій королевскимъ флагомъ? Тотъ не потомокъ англо-саксовъ, кто не будетъ предпочитать всякой другой купальнѣ ту, въ которой прохлаждается какой нибудь герцогъ. Самая аллея, подъ тѣнью которой прогуливается маркизъ, кажется какъ будто прохладнѣе. И вѣдь изъ этого не слѣдуетъ что честный Джонъ Буль старается втереться въ кругъ сильныхъ міра сего; онъ не причастенъ этой слабости или, если хотите, этому честолюбію. Онъ вовсе не желаетъ съ ними знаться; для него дорога только честь дышать однимъ съ ними воздухомъ, посѣщать одни и тѣ же гулянья, забирать провизію у одного и того же мясника и знать, что, въ случаѣ надобности, тотъ же гробовщикъ, который снаряжаетъ на тотъ свѣтъ знатнаго вельможу, будетъ распоряжаться и его похоронами.

Знатоки въ литературѣ газетныхъ обьявленій утверждали, что въ велерѣчивыхъ описаніяхъ Гленгаррифа нельзя не признать красиво округленнаго слога мистера Генкса. Достойный питомецъ Джорджа Роббинса, этого генія между оцѣнщиками, мистеръ Генксъ не положилъ охулки на руку. Не ограничиваясь краснорѣчивымъ описаніемъ мѣстностей, онъ преимущественно распро-

странялся о выгодности помѣщенія денегъ въ такое предпріятіе, которое, при благопріятномъ ходѣ дѣлъ, обѣщало дать до двухъ и трехъ сотъ процентовъ.

Величіе гленгаррифскаго предпріятія распространяло свой золотой отблескъ на многія мили въ окружности. Оно отражалось на маленькихъ рыбачьихъ селеніяхъ, на одинокихъ хижинахъ, пріютившихся гдѣ нибудь въ долинѣ, на пустынныхъ заливахъ, по песчаному прибрежью которыхъ, бывало, едва пролегалъ слѣдъ человѣческій. Стоило человѣку, насмотрѣвшемуся на гленгаррифскія чудеса, вернуться домой—и ему становилась постылою эта жизнь кропотливаго и невзрачнаго труда. Много ходило въ народѣ чудесныхъ разсказовъ о быстро нажитыхъ сокровищахъ. Такой-то выручилъ за свой клочокъ земли столько золота, что и не сосчитаешь; другой разбогатѣлъ продажею своего дрянного садика. Какъ презрѣнны казались въ виду такой легкой наживы и тяжелый трудъ земледѣльца, и тихо обезпеченный промыселъ рыбака! Перестать кормиться трудами рукъ своихъ и пуститься въ спекуляцію казалось высшею мудростью; у каждаго только и дѣла было, что вычислять, сколько можетъ дать богатый покупщикъ за такой-то клочекъ негодной земли, или за какую цѣну можетъ пойти на этомъ рынкѣ причудливыхъ потребителей такой-то пустынный мысокъ.

Если мы позволили себѣ отклониться всторону, то имѣли на это свои побудительныя причины. Участь эрмитажа была рѣшена; общая молва гласила, что именно это мѣсто королева изволила избрать для своей будущей резиденціи. Справедливъ ли былъ этотъ слухъ, или его распустили спекуляторы, мы не знаемъ; какъ бы то ни было, искусный архитекторъ уже приступилъ къ перестройкѣ зданія и болѣе двухъ третей старыхъ построекъ уже было сломано; уцѣлѣла только самая древняя и самая живописная часть ихъ, состоявшая изъ небольшого флигеля. Передъ окнами флигеля тянулась небольшая колонада, совершенно утопавшая въ роскошной зелени, а отъ нея спускалась къ рѣкѣ великолѣпная клумба, пестрѣвшая самыми рѣдкими породами тюльпановъ и ранункуловъ. Въ этомъ-то уединенномъ мѣстѣ, куда, благодаря разбросанности прежняго зданія, едва доходилъ шумъ работъ, производившихся на другомъ концѣ его, жила Сибелла Келлетъ, полузабытая своими вельможными покровителями. Послѣдніе, вскорѣ послѣ побѣды оссорійскаго банка переѣхали въ Дублинъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ они теперь ожидали принятія билля, дѣлавшаго гленгаррифскую акціонерную ком-

панію привиллегированнымъ отъ правительства предпріятіемъ. Несмотря на то, что со времени великаго переворота въ судьбахъ Гленгаррифа завѣдываніе тамошними дѣлами перешло въ другія руки, услуги Сибеллы по прежнему продолжали считаться незамѣнимыми, благодаря ея усердію, расторопности и, главное, знанію народа.

Но никто не цѣнилъ такъ высоко ея дарованій, какъ мистеръ Генксъ. Этотъ тонкій джентльменъ не могъ надивиться ея быстрой рѣшимости, ея находчивости въ виду возникавшихъ затрудненій, ея смѣлой, цѣлесообразной дѣятельности. «Она всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ, сэръ, говаривалъ онъ сэру Элькене Пестону, главному инженеру присланному изъ Англіи. Всѣ совѣты ея превосходны! Мы не знали, какъ справиться съ этими песками, заносившими гавань, — а она сразу смекнула въ чемъ дѣло и съумѣла пособить бѣдѣ. Кабы не она, кто догадался бы провести эту дорогу въ каменоломню, или съумѣлъ бы пересадить эти сосны,—шутка-ли! на высоту тридцати пяти футовъ? И вѣдь всѣ деревья принялись, хоть бы одно пропало! Или возьмите тотъ мысокъ,—вѣдь она имъ весь заливъ скрасила. Я не говорю о садахъ, которые она разбила террасами на прошлой недѣлѣ; такая штука хоть бы и самому сэру Джефри—была бы въ пору. И представьте, что цѣлый день проработавъ такимъ образомъ, изъѣздивъ, можетъ, двадцать пять или тридцать миль верхомъ, она потомъ еще садится за свою конторку и пишетъ, не разгибая спины до поздней ночи.

Очень немногаго недоставало, чтобы мистеръ Генксъ провозгласилъ Сибеллу совершенствомъ; но у нея былъ одинъ порокъ, который тѣмъ болѣе ставилъ втупикъ этого джентльмена, чѣмъ болѣе онъ думалъ о немъ. Обладая замѣчательною зоркостью, замѣчательнымъ умѣньемъ угадывать людей и проникать въ ихъ тайныя побужденія, она въ то же время точно за правило положила себѣ разстраивать всѣ выгодныя сдѣлки, на которыя такъ легко было бы поддѣть поселянъ. Вмѣсто того, чтобы пользоваться ихъ невѣжествомъ и неопытностью, она постоянно охраняла ихъ интересы; вмѣсто того чтобы стараться какъ нибудь оплести ихъ, она хлопотала о ихъ выгодѣ и строго воздерживалась отъ всего, что могло нанести имъ ущербъ.

— Не мѣшай намъ эта дѣвка, мы бы полграфства скупили за безцѣнокъ, говаривалъ мистеръ Генксъ. Это она намъ повсюду цѣны набила. Наладила себѣ одно: будемъ справедливы! Да я и не прочь быть справедливымъ, только въ отношеніи къ самому себѣ.

Но мистеръ Генксъ употреблялъ выраженіе: «быть справедливымъ», какъ употребляютъ его многіе другіе. Сибелла же держалась того мнѣнія, что справедливость предполагаетъ обязательство съ обѣихъ сторонъ и, при случаѣ, всегда была готова взять на себя защиту бѣдняка и требовать признанія его правъ. За то же и крестьяне обращались къ ея разбирательству въ самыхъ запутанныхъ и сложныхъ распряхъ. Они приносили ей свои древнія полуистертыя грамоты, которыя и разобрать-то было почти невозможно; они сообщали ей и подтверждали изустнымъ показаніемъ самые странные договоры, пускались въ нескончаемые разсказы о томъ, какъ достался имъ такой-то участокъ, и по какому праву владѣютъ они такою-то мѣстностью. Сибелла выслушивала ихъ до конца, вникала во всѣ подробности дѣла, и только тогда произносила приговоръ, которому крестьяне всегда подчинялись безпрекословно.

Вся тайна ея вліянія на массы заключалась въ сердечномъ ея сочувствіи къ нимъ, въ ея способности принимать живое участіе въ ихъ печаляхъ и радостяхъ. Въ этомъ сочувствіи не было ничего поддѣльнаго или преувеличеннаго; оно было чуждо того льстиваго такта, который затверживаетъ наизусть имена, напоминаетъ разныя мелочи семейной жизни, подбираетъ разные анекдоты; оно выражалось искреннимъ, глубокимъ желаніемъ добра. Долго и внимательно присматривалась она къ поселянамъ, и убѣдилась, что худшая черта въ ихъ характерѣ,—недовѣрчивость, въ то же время отзывается самымъ пагубнымъ образомъ и на собственномъ ихъ благосостояніи Съ этой минуты она начала употреблять всѣ старанія на то, чтобы искоренить въ нихъ эту черту. Поступая съ ними честно, она съумѣла и ихъ сдѣлать честными; своей справедливостью, она дѣлала справедливость обязательною и для нихъ; наконецъ, неизмѣнное прямодушіе ея словъ и дѣйствій научило ихъ понимать, что жизнь могла бы идти гораздо пріятнѣе и удобнѣе, если бы люди не старались провести другъ друга.

Обыкновенно съ ранняго утра къ ней начинали отовсюду стекаться на судъ и за совѣтомъ челобитчики. Подъ развѣсистой алеей стоялъ столъ, за которымъ она сидѣла и, не переставая писать, выслушивала ихъ нескончаемые расказы. Она придерживалась неизмѣннаго правила — не дѣлать ни одной покупки, не побывавъ предварительно на мѣстѣ продажи, не освидѣтельствовавъ лично всѣхъ удобствъ и неудобствъ мѣстности, и не расчитавъ на сколько возможная стоимость ея въ будущемъ можетъ

влiять на настоящую оцѣнку. Такимъ образомъ она изъѣздила вдоль и поперекъ всю окрестность, перебывала въ самыхъ дальнихъ и безлюдныхъ пустыняхъ и ознакомилась съ такими захолустьями, куда не охотно отваживался пускаться робкiй путникъ.

За одной-то изъ такихъ аудiенцiй засталъ ее однажды утромъ мистеръ Генксъ. Онъ явился съ огромною пачкою писемъ, только что полученныхъ съ почты, и все въ немъ дышало самодовольствомъ человѣка, только что запасшагося самыми свѣжими новостями.

— Важное извѣстiе, мисъ Белла, началъ онъ весело, чрезвычайно важное извѣстiе. Одинъ французскiй принцъ изъявилъ желанiе построить здѣсь виллу. При этомъ онъ выговариваетъ себѣ небольшой паркъ, акровъ въ сорокъ или пятдесятъ, который былъ бы у моря и доставилъ удобную пристань для его яхты; вотъ въ этой запискѣ вы найдете всѣ подробности. А это письмо отъ сэра Кревена Тольмеча; онъ желаетъ, чтобы мы ему выстроили дачу въ какой нибудь живописной мѣстности, неподалеку отъ взморья, и обязывается снять ее по контракту. Тутъ вотъ требуется сто акцiй, изъ коихъ пятьдесятъ желаютъ промѣнять на акцiи боквантильскихъ, кобальтовыхъ и цинковыхъ розсыпей. Мы должны увеличивать нашу территорiю, раздвигатъ наши границы, миссъ Белла, счастье такъ и валитъ къ намъ. Это великолѣпнѣйшая операцiя изъ всѣхъ, когда либо произведенныхъ мистеромъ Дённомъ. А вотъ и письмо отъ него; онъ пишетъ немного и видимо въ торопяхъ: «Во вторникъ Девисъ потребуетъ вторичнаго чтенiя нашего билля. Я говорилъ съ лордомъ канцлеромъ и все дѣло улажено. Прежде нежели билль поступитъ на обсужденiе палаты перовъ, мы должны произвести новый выпускъ акцiй. Мнѣ нужно къ концу года сосредоточить въ рукахъ, по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.» О политикѣ онъ не говоритъ ни слова; да и не мудрено: онъ до того закружился въ вихрѣ свѣтской жизни, что едва находитъ время заниматься дѣлами. Онъ только мелькомъ замѣчаетъ, что пока не кончится эта глупая война, мы врядъ ли успѣемъ поставить наше предпрiятiе дѣйствительно на большую ногу.

— И у него достаетъ духу ставить наши здѣшнiе жалкiе замыслы на ряду съ геройскими подвигами нашихъ солдатъ въ Крыму! воскликнула Сибелла, въ первый разъ еще нарушивъ молчанiе.

Неожиданность этого взрыва заставила вздрогнуть мистера Генкса; въ первую минуту онъ едва нашелся что отвѣчать.

— Гм, да вѣдь вы знаете, миссъ Белла, началъ онъ заикаясь на каждомъ словѣ, — мы люди не воинственные, мы посвятили себя мирнымъ занятіямъ торговли... Нельзя же требовать, чтобы мы оставались равнодушными къ тѣмъ самимъ интересамъ, преуспѣянію которыхъ мы содѣйствовали всю свою жизнь.

— Такъ; но вы въ то же время сыны Англіи, сэръ; не говоря уже о томъ, что вы братья и родственники тѣхъ храбрецовъ, которые сражаются съ нашими врагами въ Крыму.

— Совершенно справедливо, миссъ Белла, какъ нельзя болѣе справедливо. Но мы и радуемся ихъ побѣдамъ и горячо сочувствуемъ всѣмъ ихъ геройскимъ подвигамъ. Однако вернемся къ письму мистера Дённа, онъ пишетъ: «Попросите мисъ Келлетъ осмотрѣть небольшой участокъ земли, именуемый Кильмагана; я не могу въ точности опредѣлить гдѣ онъ находится, знаю только, что къ сѣверу отъ Бентри-Бея. Не думаю, чтобы пріобрѣтенье этого клочка земли могло имѣть большое значеніе для нашего предпріятія; но я буду не прочь отъ него, если только владѣлецъ не заломитъ слишкомъ высокую цѣну. Участокъ этотъ былъ уже запроданъ Дрисколю, который включилъ разсрочку платежа въ условіе купли; но такъ какъ онъ еще въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ пропустилъ срокъ для взноса зачетной суммы, то его право владѣнія прекращается. Кстати, не можете ли вы разузнать, куда дѣвался этотъ Дрисколь? Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ о немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Что же касается до Кильмагана, то передайте миссъ Келлетъ, что ей представляется случай потѣшить свою природную щедрость; она можетъ на этотъ разъ розыграть роль тароватаго покупщика.» Это онъ намекаетъ на ваше пристрастіе къ простому народу, миссъ Белла, — пояснилъ мистеръ Генксъ, украдкой бросая боязливый взглядъ на ея вспыхнувшее лице. «Я даже согласенъ—продолжалъ онъ читать — дать за этотъ участокъ, что называется сумашедшую цѣну и скорѣе чѣмъ упустить его, готовъ переплатить противъ настоящей его стоимости сотню—другую фунтовъ лишнюю. Похлопочите объ этомъ, да и про Дрисколя ни забудьте.» Вотъ такъ загадка, миссъ Белла! Съумѣемъ ли мы ее разгадать? заключилъ Генксъ, еще разъ пробѣгая это мѣсто въ письмѣ.

— Я плохая отгадчица загадокъ, мистеръ Генксъ; поищемте—ка лучше означенное мѣсто. И она принялась разсматривать

большую ландкарту, лежавшую передъ ней на столѣ. На этой ландкартѣ отчетливо красовались, выведенныя ея собственной рукою и раскрашенныя цвѣтными чернилами, всѣ дороги, и до малѣйшихъ проселковъ въ околодкѣ Кильмагана.

— Названіе что-то знакомое; говорила она, слѣдъ по картѣ, я помню старинную башню, называвшуюся кильмаганскимъ фортовъ. А! да, вотъ и она. Ну, мѣсто это порядочная глушь, и мистеръ Дённъ правъ, полагая, что врядъ ли это пріобрѣтеніе будетъ полезно для его обширнаго замысла.

— Да мало ли какіе у него обширные замыслы, проговорилъ Генксъ, бросая на нее искоса двусмысленный взглядъ.

Сибелла не обратила вниманія на эти слова и продолжала отмѣчать по картѣ маршрутъ къ означенному мѣсту. «Всего лучше будетъ — сказала она—пересѣчь заливъ вотъ въ этомъ мѣстѣ, это сбережетъ мнѣ миль тридцать крюку. Я разъ какъ-то ѣздила этой дорогой и хорошо ее запомнила.

— И вы не шутя думаете однѣ предпринять эту поѣздку? освѣдомился мистеръ Генксъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Конечно. Я одного только и добиваюсь: чтобы у меня было дѣло, настоящее дѣло, и всегда рада, если при этомъ могу промѣнять письменный столъ на сѣдло, или, и того лучше, на рыбачью поѣздку бантрибейскаго перевозчика. Вы не женщина, и потому вамъ непонятно чувство гордости, внушаемое вамъ однимъ сознаніемъ нашей небезполезности.

— Мнѣ хочется попросить у васъ одной милости, сказалъ Генксъ, послѣ минутнаго раздумья.

— Милости, у меня! повторила она смѣясь, такъ забавны показались ей эти слова.

— Да, продолжалъ онъ. Я попрошу у васъ позволенія быть вашимъ спутникомъ въ этой поѣздкѣ. Я не имѣю никакого понятія объ этихъ дикихъ, малоѣзжихъ путяхъ, и мнѣ вдвойнѣ было бы пріятно ознакомиться съ ними въ вашемъ обществѣ.

— Если только за мною стало дѣло, то я охотно даю вамъ свое позволеніе; но вы должны напередъ знать, что ѣзда будетъ не изъ самыхъ удобныхъ...

— Когда же вы думаете отправиться въ путь? спросилъ мистеръ Генксъ.

— Завтра въ ночь будетъ полнолунье. Если мы выѣдемъ въ полночь, то часамъ къ шести, къ семи достигнемъ залива; оттуда, если только вѣтеръ будетъ попутный, пріѣдемъ въ Кильмагана часа въ четыре. Тамъ мы пробудемъ часа три или четыре,

посмотримъ мѣстность, а часамъ къ восьми, или, пожалуй къ девяти опять въ дорогу...

— Но, боже мой, вы ни минуты не даете вздохнуть человѣку...

— Вы забываете, что мы около пяти часовъ проведемъ въ лодкѣ. Я нисколько не обижусь, если вы воспользуетесь этимъ временемъ, чтобы выспаться. Я и сама, если только погода будетъ хорошая, и не будетъ предстоять опасности набѣжать на рифъ, отдамъ руль старому Марку Стеллену и сосну немного.

— Да это силъ человѣческихъ не хватитъ на такую гонку, — вскричалъ испуганный Генксъ... Но мнѣ все-таки такъ хотѣлось бы ѣхать съ вами, повторилъ онъ нѣсколько настойчивѣе прежняго.

— Будь по вашему! порѣшила она.

Но скажите же мнѣ, какимъ способомъ мы поѣдемъ; въ экипажѣ, что ли?

— Въ экипажѣ! Помилуйте, мистеръ Генксъ, только керрійскій понни и можетъ не оступаясь и безъ головокруженія пробираться тѣми тропинками, по которымъ намъ придется ѣхать. Взгляните на силуэтъ этихъ береговыхъ утесовъ, вся его причудливая зубчатость не дастъ вамъ понятія о томъ, что это за скалы и за пропасти. Не даромъ я говорю, что ваше знакомство съ ирландской природой, также какъ и съ населеніемъ, еще впереди.

— Но мнѣ такъ хотѣлось бы побывать тамъ, настаивалъ онъ голосомъ, вовсе уже не согласовавшимся съ его словами.

— Нѣтъ ничего легче, сэръ. Я распоряжусь, чтобы для васъ завтра къ вечеру былъ на готовѣ понни, — изъ самыхъ надежныхъ—и буду ожидать васъ къ чаю.

Мистеръ Генксъ поклонился въ знакъ благодарности и согласія.

— Мнѣ, кажется, сэръ, замѣтила она шутя, что я угадала вашу цѣль при этой поѣздкѣ.

— Моя цѣль, милая миссъ Келлетъ, отвѣчалъ онъ въ смущеніи, цѣль моя, это двойное удовольствіе—ознакомиться съ любопытной мѣстностью и насладиться вашимъ пріятнымъ обществомъ.

— Пожалуйста безъ комплиментовъ. А я серьезно начинала думать, что вы хотѣли подкараулить секретъ, съ помощью котораго я умѣю ладить съ простымъ народомъ, и быть свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ странныхъ конференцій, о которыхъ вы

такъ много наслышались. Извольте, сэръ, я вамъ открою нашъ немудреный секретъ—онъ просто на просто состоитъ въ томъ, что мы довѣряемъ другъ другу.

ГЛАВА IV.

Прогулка верхомъ.

Мистеръ Генксъ вѣроятно немало удивилъ читателя своимъ вызовомъ сопутствовать Сибеллѣ Келлетъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что и самъ мистеръ Генксъ не могъ себѣ въ этомъ случаѣ надивиться. Мистеръ Генксъ, выражаясь его собственными словами, неразъ имѣлъ случай убѣдиться, что миссъ Келлетъ обладаетъ не дюжинными дарованіями. Онъ въ ней замѣтилъ такія способности, благодаря которымъ изъ нея могъ выработаться хорошій дѣлецъ. Она сочиняла письма и отвѣты на письма съ изумительною легкостью; самыя сложныя подробности упрощались въ ея изложеніи; никакія трудности, казалось, не могли ее озадачить; она обладала рѣдкимъ и драгоцѣннымъ умѣньемъ не терять ни одной минуты попустому; выборъ ея сразу какъ-бы инстинктивно падалъ на такія средства, которыя прямо вели къ цѣли. Все это заставляло мистера Генкса думать, что она какъ будто была создана для того, чтобы служить ему правой рукою во всѣхъ его честолюбивыхъ замыслахъ. Видимъ же мы сплошь да рядомъ, что люди женятся изъ-за денегъ; а коли такъ, то почему же бы мистеру Генксу не жениться изъ-за того, что обезпечивало ему не только деньги, но и извѣстное общественное положеніе? Мистеръ Генксъ былъ вдовъ; первый опытъ его брачной жизни былъ неудаченъ. Покойная мистрисъ Генксъ была, что называется, bel esprit и имѣла всѣ слабости этаго неуживчиваго сословія—она презирала своего мужа, то и дѣло съ нимъ ссорилась, сочиняла на него пасквили и сбѣжала съ издателемъ небольшаго еженедѣльнаго обозрѣнія, восхвалявшаго ея романы. Думали, что она умерла въ Австраліи, по крайней мѣрѣ она болѣе не возвра-

щалась оттуда; мистеръ Генксъ разъ на всегда порѣшилъ считать ее покойницей и никому не приходило въ голову противорѣчить ему. На всякій случай онъ запасся свидѣтельствомъ о своемъ вдовствѣ, и могъ, когда угодно, хоть въ газетахъ публиковать о своемъ желаніи вступить въ бракъ.

Миссъ Келлетъ была одарена и внѣшними преимуществами, къ которымъ нельзя сказать чтобы онъ оставался совершенно равнодушнымъ, но онъ смотрѣлъ на нихъ почти съ той же точки, съ которой человѣкъ, собирающійся купить помѣстье, сталъ бы смотрѣть на находящійся въ этомъ помѣстьѣ цвѣтникъ или прудъ для разведенія карасей. Впрочемъ онъ зналъ, какъ высоко цѣнилъ свѣтъ подобныя преимущества, и нисколько не прочь былъ обладать тѣмъ, что все таки представляло извѣстную стоимость. То были все таки въ своемъ родѣ обезпеченія, акціи, хотя и никто не могъ сказать, когда и какимъ способомъ уплатится по нимъ дивидендъ.

Что касается до Сибеллы, она, правда, нѣсколько удивлялась его предложенію ѣхать съ нею, но не сочла нужнымъ ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что бы оно могло значить. Согласилась же она на его просьбу просто на просто изъ свойственной ей обходительности и изъ желанія доставить ему удовольствіе. Во все продолженіе ихъ знакомства, его обращеніе съ нею оставалось ровнымъ, почтительнымъ и любезнымъ; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, обществомъ которыхъ она стала бы особенно дорожить.

Дорогою они болтали о томъ, что на умъ приходило, объ окружающей мѣстности, о дорогѣ, о положеніи тѣхъ немногихъ жителей, которые составляютъ все населеніе этаго грустнаго края, и о томъ какъ могутъ отозваться на ихъ бытѣ великія преобразованія, совершавшіяся по сосѣдству съ ними. Какъ ни скрытенъ и ни остороженъ въ словахъ былъ мистеръ Генксъ, онъ не могъ вполнѣ утаить отъ Сибеллы, что для него преуспѣянье великаго предпріятія само по себѣ,— а выгоды, могущія произойти отъ этого для народа, сами по себѣ и она безъ труда отгадывала то, что онъ не договаривалъ. Она слишкомъ вѣрно понимала характеръ своего собесѣдника, чтобы высказывать ему тѣ сомнѣнія относительно этого предмета, которыя ощущала въ глубинѣ собственной души; она прямо приступила къ дѣлу.

— Предположимъ, мистеръ Генксъ, что это предпріятіе пойдетъ такъ успѣшно, какъ только могутъ желать самые горячіе его приверженцы; предположимъ, что всѣ вы звѣзды первой величи-

ны — директора, предсѣдатели, секретари, наживете столько богатства и столько могущества, сколько душа ваша желаетъ; предположимъ что ваши акціи день ото дня будутъ подыматься въ цѣнѣ, ваши обороты окажутся одинъ другаго выгоднѣе; но что же между тѣмъ станется съ простымъ народомъ и съ бѣдняками?

— Какъ что? И на ихъ долю перепадутъ всевозможныя выгоды — и они то-же будутъ богатѣть. Продавши что у нихъ есть за лучшую цѣну, они получатъ за свой трудъ большое вознагражденіе — словомъ, будутъ участвовать въ нашемъ преуспѣяніи.

— Положимъ такъ. Но кто научитъ ихъ пользоваться пріобрѣтеннымъ богатствомъ? У васъ и у вашего брата, вкусы уже выработались, ваше золото пойдетъ на удовлетвореніе уже готовыхъ потребностей. Совсѣмъ другое дѣло простолюдинъ; избытокъ, можетъ статься, сдѣлаетъ его расточительнымъ, отсюда не далеко и до худшихъ крайностей. Кто будетъ его руководителемъ?

— О, что до этаго касается, то увеличеніе его благосостоянія само собою вызоветъ соотвѣствующее увеличеніе потребленія, онъ по неволѣ возвысится до уровня своего улучшеннаго положенія; да если бы этого и не случилось, такъ намъ что до того? Мы уже сдѣлали свое дѣло доставивъ ему возможность высшей цивилизаціи.

— А я не такъ думаю. Мнѣ сдается, что вы не только забываете одну изъ лежащихъ на васъ обязанностей, но и дѣлаете прямой вредъ. Возьмемъ другую возможность—предположимъ то, что многіе уже предсказываютъ,— что предпріятіе лопнетъ.

— Кто это говоритъ? поспѣшно воскликнулъ мистеръ Генксъ, забывая свою обычную осмотрительность.

— Многіе объ этомъ поговариваютъ. Люди, мнѣніямъ которыхъ я привыкла довѣрять, сказывали мнѣ самой, что спекуляція слишкомъ обширна, несоразмѣрна со средствами страны и затѣяна на такую большую ногу, что развѣ царственныхъ средствъ хватило бы довести его до конца.

— Но вы конечно не вѣрите всѣмъ этимъ предсказаніямъ?

— Дѣло не вь томъ, на сколько я имъ вѣрю, я тутъ ничего не значу. Но вотъ что я хотѣлъ знать: если предпріятіе рушится, что станется съ тѣми, которые довѣрили ему все свое достояніе? У богатыхъ много шансовъ, они всего своего имѣнія не-

поставятъ на одну карту. Но каково будетъ тѣмъ, которые все свое добро нагрузили на одну барку?

Мистеръ Генксъ молчалъ, какъ бы обдумывая свой отвѣтъ, а она между тѣмъ продолжала:—Я уже отважилась предложить этотъ вопросъ самому мистеру Дённу. Я писала ему объ этомъ два раза. Въ первый разъ я освѣдомлялась, какія обезпеченія можно давать владѣльцамъ небольшихъ капиталовъ, такимъ преимущественно, которые положили всѣ свои деньги въ наше предпріятіе? На это я не получила отвѣта. На второе же письмо я получила довольно сухое замѣчаніе, что я конечно забыла, на чьей нахожусь службѣ; что жалованье я получаю отъ графа гленгарифскаго а не отъ мужиковъ, въ адвокаты которыхъ я записалась.

— Ну что же далѣе? воскликнулъ мистеръ Генксъ, любопытствуя узнать дальнѣйшій ходъ переписки.

— Далѣе, продолжала она кротко улыбаясь, я опять написала. Я сознавалась, что чуть не забыла факта, о которомъ онъ мнѣ напоминалъ, но приводила въ свое извиненіе то обстоятельство, что ни графъ. ни миледи не дали себѣ труда освѣжить мою память хото бы однимъ отвѣтнымъ письмомъ на тѣ восемь или девять писемъ, которыя я имъ посылала. Я добавила, что лично я могу перенести это обидное пренебреженіе, но не въ правѣ помириться съ нимъ ради тѣхъ, интересы которыхъ я охраняю.

— Дайте мнѣ договорить, замѣтила она, видя, что онъ собирается перебить ее. Въ Гленгаррифѣ разнесся слухъ, что весь мой маленькій капиталъ, тѣ нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, которые, благодаря стараніямъ мистера Дённа, уцѣлѣли отъ разоренія всего нашего состоянія, были помѣщены въ это предпріятіе. Мистеръ Дённъ посовѣтовалъ мнѣ такъ распорядиться съ деньгами, и я его послушалась. Что-же изъ этого вышло? Это довѣріе съ моей стороны побудило и другихъ послѣдовать примѣру, который, думали они, я нарочно имъ подала.

— И вы дѣйствительно помѣстили свои деньги въ предпріятіе?

— Да, отвѣчала она спокойно улыбаясь, хотя, по видимому, если бы я обратилась за совѣтомъ къ мистеру Генксу, онъ бы мнѣ отсовѣтовалъ.—Немного помолчавъ она продолжала: Мнѣ пришла почти охота разсказать вамъ какъ это случилось.

— Разскажите, сдѣлайте милость.

— Слушайте же, вотъ какъ было дѣло; вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ событій съ оссорійскимъ банкомъ по поводу золотой моне-

ты, я получила отъ мистера Дённа нѣсколько строкъ, видимо писанныхъ въ торопяхъ, въ которыхъ онъ просилъ меня какъ можно энергичнѣе отстаивать гленгаррифское предпріятіе и поручилъ мнѣ отвѣчать на нѣкоторые газетные намеки, заподозрѣвавшіе состоятельность этого предпріятія и т. п. Для того чтобы возражаться, конечно, должна была предварительно прочитать эти статьи и, говоря откровенно, такова была сила употребленныхъ въ нихъ доводовъ, такъ логичны казались ихъ заключенія, и въ такомъ ужасномъ свѣтѣ являлись въ нихъ послѣдствія возможнаго крушенія предпріятія, что я въ первые усомнилась, не надъ волканомъ ли мы сооружаемъ наше великолѣпное зданіе? Мнѣ не хотѣлось высказать эти сомнѣнія мистеру Дённу. Нѣсколько разъ я начинала письмо съ этою цѣлью; но мнѣ такъ—таки не удалось передать свою мысль въ неоскорбительной формѣ. Я провела нѣсколько дней, обдумывая это дѣло и пріискивая средства выпутаться изъ затрудненія; наконецъ вотъ что пришло мнѣ въ голову: мистеръ Дённъ былъ моимъ опекуномъ; благодаря его стараніямъ у меня сохранились остатки нашего состоянія; что, если я попрошу его помѣстить весь мой капиталецъ въ это предпріятіе? Согласіе мистера Дённа будетъ вѣрнымъ знакомъ, что страхъ мой былъ пустой страхъ. Если же напротивъ, онъ встрѣтитъ мое предложеніе неодобреніемъ, или даже просто выкажетъ нѣкоторое колебаніе, — тогда, тѣ самые доводы, которыми онъ будетъ стараться отговорить меня, получатъ въ моихъ глазахъ особое значеніе, и у меня будутъ данныя для моихъ догадокъ. И такъ я написала ему и онъ отвѣчалъ мнѣ съ первой же почтой: «я вполнѣ одобряю поданную вами мысль, я распорядился собразно съ нею и вы теперь владѣтельница 54 акцій нашей компаніи. Теперь самая благопріятная минута для покупки акцій и потому очень жаль, что вы не можете столь же выгодно помѣстить капиталъ вашего брата. Его тысяча двѣсти фунтовъ лежатъ въ банкѣ за такіе пустые проценты, что и сказать стыдно».

— И такъ, вы взяли акціи? спросилъ мистеръ Генксъ вздыхая. Потомъ онъ прибавилъ: да, но скажите по какой цѣнѣ вы ихъ пріобрѣли?

— Къ стыду моему я должна сознаться, что не помню. Знаю только, что онѣ стояли тогда очень высоко.

— Послѣ исторіи съ оссорійскимъ банкомъ... бормоталъ онъ,— стало быть дѣло было, — этакъ въ сентябрѣ; въ это время курсъ былъ 127 и 1/4 или около того; позднѣе онъ поднялся еще выше,

продержался высоко весь ноябрь мѣсяцъ, но къ концу года сталъ упадать; въ январѣ былъ уже изъ рукъ вонъ плохъ. Нѣтъ, нѣтъ, замѣтилъ онъ про себя, не слѣдъ было Дённу такъ поступать.

— Мистеръ Генксъ, какъ я вижу, того мнѣнія, замѣтила она съ полу-улыбкою, что гораздо лучше было бы, если бы деньги пролежали въ банкѣ.

— А впрочемъ, продолжалъ онъ. не обращая вниманія на ея замѣчаніе, Дённу ничего болѣе и дѣлать не осталось. Вы сами сознаетесь, что если бы онъ попробовалъ васъ отговаривать, вы тотъ часъ же забили бы тревогу и вывели бы такого рода заключеніе, что тутъ дѣло не чисто и что одно прекрасное утро покажетъ акціонерамъ, что они попали въ ловушку. И такъ какъ Дённъ легко могъ во всякое время возвратить вамъ нѣсколько сотъ фунтовъ, то онъ былъ вполнѣ правъ, давая вамъ этотъ совѣтъ.

— Нѣтъ, онъ не былъ правъ, потому что въ этомъ случаѣ совѣтъ его сдѣлалъ меня предательскимъ примѣромъ для другихъ— возразила она съ грустью. Нѣтъ, нѣтъ мистеръ Генксъ, если это предпріятіе не безукоризненно — чисто, я отказываюсь отъ всякаго участія въ немъ.

— Но не забывайте, что я только дѣлаю предположеніе, воскликнулъ онъ поспѣшно, возможное, но крайне невѣроятное предположеніе.

— Въ этомъ мѣстѣ вамъ надо будетъ ѣхать позади меня, мистеръ Генксъ, прервала его Сибелла. Двумъ нельзя ѣхать рядомъ по тропинкѣ, огибающей этотъ утесъ. Держитесь ближе къ скалѣ, и если вы подвержены головокруженію, то не глядите внизъ.

— Господи! такъ это мы должны пробраться по окраинѣ этой пропасти! воскликнулъ мистеръ Генксъ, совершенно растерявшійся отъ ужаса.

— Если вамъ угодно, слуга мой поведетъ вашу лошадь подъ уздцы, продолжала она, не удостоивая отвѣтомъ его замѣчаніе; но смотрите, ступайте осторожнѣе, потому что мохъ, обрызганный прибоемъ, часто бываетъ прескользкій.

Сибелла подала хлыстикомъ знакъ своему груму, который въ это время успѣлъ догнать ихъ и немѣцкая поѣхала впередъ. Генксъ слѣдилъ за ней глазами, какъ она спускалась по большой покатости къ подошвѣ огромнаго утеса, вокругъ котораго обвивалась тропинка на самомъ краю глубокой пропасти. Даже съ

той точки, гдѣ онъ теперь находился, онъ могъ отличить, какъ море въ нѣсколькихъ стахъ футахъ глубины подымалось и ревѣло; не смотря на то что ночь была тихая и безвѣтренная, вѣчно безпокойныя волны тяжело разбивались о прибрежныя скалы и цѣлые клубы пѣны высоко поднимались отъ нихъ въ воздухѣ.

Онъ слѣдилъ за нею до тѣхъ поръ, пока на поворотѣ за уголъ утеса она не скрылась изъ виду.

— Я право боюсь, что голова у меня закружится, я не привыкъ къ такого рода переѣздамъ, сказалъ Генксъ старому груму, который стоялъ и дожидался чтобы онъ слезъ съ лошади. Скажи, пожалуйста, очень это опасное мѣсто? въ самомъ ли дѣлѣ оно такъ страшно, какъ кажется?

— Еще то ли будетъ когда вы обогнете вонъ ту скалу, отвѣчалъ грумъ. Дорога-то тамъ идетъ все подъ гору, да круче домовой крыши, да откосомъ къ краю...

— Я шагу не иду далѣе; я не могу такъ рисковать, перебилъ его Генксъ.

— И точно, я бы вашей милости не посовѣтывалъ, сказалъ старикъ голосомъ слишкомъ искреннимъ, что бы въ немъ можно было заподозрѣть насмѣшку.

— Я знаю, что у меня непремѣнно закружится голова, продолжалъ онъ тономъ человѣка который въ душѣ только того и желаетъ, чтобы ему противорѣчили. Но старый грумъ слишкомъ всецѣло раздѣлялъ его убѣжденіе, чтобы вымолвить хоть бы одно слово въ опроверженіе, и думалъ только о томъ, какъ бы ему нагнать свою госпожу.

— Постой, крикнулъ Генксъ, дѣлая надъ собой неимовѣрное усиліе.—Положимъ, что я благополучно проѣду, это... онъ хотѣлъ вставить крѣпкое словцо, но остановился:—это мѣсто—по крайней мѣрѣ могу я надѣяться, что дальше не найдется другого такого переѣзда?

— Какъ бы не такъ! вскрикнулъ старикъ.—Развѣ вы минуете Кленкъ, гдѣ лошади приходится перепрыгивать черезъ рытвины, футовъ въ тридцать пять или въ сорокъ глубины? А Тимовъ островъ, гдѣ вы на крошечной площадкѣ должны поворачивать коня, тогда какъ у самихъ вашихъ ногъ обрывъ въ четыреста футовъ, спускающійся прямо къ морю, въ Чортовъ Носъ?

— Будетъ, будетъ, не трудись, любезный, я поѣду назадъ.

— Гляньте-ка, гдѣ она теперь, сказалъ старикъ, указывая хлыстомъ на каменистый выступъ съ отвѣсомъ въ нѣсколько сотъ футовъ, по которому видна была медленно пробирающаяся фи-

гура всадницы.—Вотъ въ этомъ мѣстѣ, скажу я вамъ, гдѣ она теперь крадется, надо глядѣть въ оба. Съ нами крестная сила! вскрикнулъ онъ въ ужасѣ:—вѣдь это козье стадо идетъ ей навстрѣчу. Матерь Божія! что съ нею станется? Вонъ, они какъ прутъ себѣ впередъ между ногъ лошади. Ишь, обступили ее со всѣхъ сторонъ. Коли конь теперь на волосъ шарахнется въ сторону.... Страшный вопль вырвался въ эту минуту у старика. осколокъ утеса, сдвинутый съ мѣста напоромъ стада, съ грохотомъ покатился внизъ и съ плескомъ упалъ въ море.

— Слава тебѣ господи! пронесло бѣду, проговорилъ старикъ, набожно крестясь, и ускакалъ, не теряя болѣе словъ, какъ бы досадуя на себя за свою мѣшкотность.

Напрасно Генксъ кричалъ ему, чтобы онъ пообождалъ, остановился хоть на минуточку, что самъ онъ, мистеръ Генксъ, также готовъ за нимъ слѣдовать и объ одномъ молитъ, чтобы его не покидали въ этой глуши, гдѣ онъ не знаетъ дороги ни назадъ ни впередъ, — старикъ исчезъ у него изъ виду, и только вѣтеръ пустынный могъ слышать его напрасныя мольбы. Что же касается до Сибеллы, то ей только впору было думать о томъ, что было у нея подъ ногами; среди опасностей этой переправы, ей было не до товарища ея путешествія. Правду сказать, она ни разу и не вспомнила о немъ, пока старый грумъ не нагналъ ее на песчаномъ прибрежьи и не передалъ ей, не безъ нѣкотораго оттѣнка ироніи, объ испугѣ и отчаяніи мистера Генкса.

— Напрасно ты его оставилъ, Недъ, отвѣчала Сибелла, сдерживая улыбку, вызванную разсказомъ старика.—Мнѣ кажется, тебѣ придется воротиться назадъ, а я уже одна поѣду далѣе.

— Стану я ворочаться назадъ изъ-за него. Для вашей милости, еще куда не шло, не побоялся бы я сломить себѣ шею на этихъ проклятыхъ тропинкахъ, ну а для другого — шалишь! добавилъ онъ рѣшительно.

— Но куда онъ дѣнется, Недъ? Онъ совсѣмъ не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ, онъ не попадетъ назадъ въ Гленгарифъ.

— Э, да ну его! Какого чорта ему сдѣлается? Небось этотъ народъ не пропадетъ. Проплутаетъ до свѣту, а можетъ попадетъ на Деффову мельницу, или уже во всякомъ случаѣ повстрѣчается съ парнемъ, что носитъ письма изъ Каэрклафа.

Если Сибелла и не удовлетворилась этими доводами, то она слишкомъ хорошо знала, какъ безполезна будетъ всякая попытка измѣнить рѣшимость старика Неда, а потому молча продолжала путь. Но не безмолвствовалъ Недъ; ему представился случай, по

поводу послѣдняго приключенія, распространиться о характерѣ и обычаяхъ англичанъ и онъ не пропустилъ имъ воспользоваться.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ вашъ братъ Джекъ оставилъ бы молодую дѣвушку одну и удралъ бы домой, сказалъ онъ.

Какъ ни старалась Сибелла охладить въ старикѣ порывы патріотическаго фанатизма при оцѣнкѣ его соотечественниковъ, Недъ продолжалъ сѣтовать на несчастную случайность, по милости которой болѣе даровитая раса подпала подъ власть низшей породы. Чтобы отвлечь его отъ предмета, который для ирландскаго крестьянина представляетъ такой неисчерпаемый интересъ, она заговорила съ нимъ о восточной войнѣ и о братѣ своемъ Джекѣ, и старикъ съ восторгомъ сталъ вслушиваться въ разсказъ о подвигахъ того самого юноши, котораго онъ когда-то носилъ на рукахъ.

Чудные разсказы, черты высокаго благородства и неустрашимой отваги, которыя то и дѣло попадались въ частной корреспонденціи, оставили въ ней такое глубокое впечатлѣніе, что она безъ труда овладѣла его вниманіемъ. Замѣчательно, что ни одна черта изъ тѣхъ, которыя она передавала ему, не тронула старика за живое такъ, какъ великодушное самопожертвованіе тѣхъ женщинъ, которыя, оставивши домъ, отчизну, родныхъ, посвятили себя на служеніе раненымъ и больнымъ. Онъ не могъ вдоволь наслушаться, какъ онѣ подвергались смерти, въ самыхъ ужасающихъ ея видахъ, среди зараженной атмосферы госпиталей, среди такихъ ужасовъ, какихъ ни одно перо не въ силахъ описать; какъ онѣ брали на себя самыя тяжелыя обязанности, ставили ни во что трудъ, изнеможеніе и опасности, мужественно присутствовали при такихъ страданіяхъ, отъ одного разсказа о которыхъ поворачивалось сердце, — и въ заботливости своей о бѣдныхъ страдальцахъ снисходили до исполненія самыхъ отталкивающихъ обязанностей; и все это совершали съ такою привѣтливостью, съ такимъ благодушіемъ, что ихъ скорѣе можно было принять за ангеловъ небесныхъ, чѣмъ за земныя существа.

— Мати божія! вотъ гдѣ бы вы были у мѣста, вскрикнулъ старикъ съ увлеченіемъ:—лучше вашего никто не съумѣетъ обнадежить человѣка. Вы, кажется, и мертваго сможете оживить, при васъ и горе словно не горе. Миссъ Белла, родная, неужто вамъ ни разу не приходило на умъ туда поѣхать?

— Какъ же, Недъ, я сто разъ объ этомъ думала, отвѣчала

она, грустно вздыхая.—Я сама себѣ говорила: между этими женщинами, рожденными и взросшими среди довольства, у каждой есть отецъ, мать, братъ или сестра, которыхъ онѣ любятъ и которыми любимы. У домашняго очага онѣ оставляютъ пустое мѣсто. А я, между тѣмъ, одна одинешенька, нѣтъ у меня никого, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ; уѣзжая, я не унесла бы съ собой за море воспоминаній о близкихъ, оставшихся на родичѣ. Отчего бы мнѣ не взяться за этотъ подвигъ?

— Такъ что же, подхватилъ онъ съ живостью, когда она пріостановилась: — зачѣмъ же стало дѣло?

— Не страхъ удерживаетъ меня дома, продолжала она, не испугали бы меня тѣ картины страданій, которыя должны быть страшнѣе самой смерти. Удерживала меня одна надежда, скорѣе походившая на желаніе, чѣмъ на надежду, принести пользу нашимъ здѣшнимъ бѣднымъ, которые съ моимъ отъѣздомъ лишились бы послѣдней защиты. Быть можетъ, я перецѣнила то, что дѣлала или что могла для нихъ сдѣлать, но съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь, что этимъ людямъ нуженъ руководитель, человѣкъ, который могъ бы указать имъ, въ чемъ лежитъ ихъ дѣйствительная польза, и какими маленькими пожертвованіями они могли бы обезпечить себѣ лучшее будущее.

— Все это сущая правда. За то нѣтъ хижины, гдѣ бы за васъ не молили бога старый и малый. Иной до сихъ поръ не зналъ, что такое и лобъ-то перекрестить, и тутъ только научился, какъ сталъ просить у господа бога вамъ добраго здравья.

— Не надо и того забывать, продолжала она:—что, благодаря милорду, мнѣ были предоставлены значительныя средства; я могла поддерживать всякаго, кто этого заслуживалъ. Одному я давала средства къ переселенію, другому оказывала небольшое денежное вспомоществованіе. Словомъ, Недъ, я сознавала, что они во мнѣ нуждаются, и чувствовала, что у меня самой къ нимъ лежитъ душа. Это уже одно удерживало меня дома; потомъ были и другія причины, продолжала она, и голосъ ея слегка задрожалъ. Не добрый примѣръ подадимъ мы другимъ, пренебрегая лежащими на насъ обязанностями, какъ бы онѣ смиренны ни были, для болѣе блестящихъ подвиговъ. Тутъ я разсуждала, какъ женщина.

— А правда ли, миссъ Белла, что мистеръ Дённ все прибралъ здѣсь къ своимъ рукамъ, и что милордъ только тѣмъ и вла дѣетъ, что ему, по милости своей, оставилъ мистеръ Дённъ?

— Совершенно справедливо, Недъ, что всѣми громадными

работами, производящимися здѣсь, завѣдываетъ мистеръ Дённъ. Всѣ каменноломни и рудники, всѣ дороги, пристани, набережныя, мосты, доки — все въ его рукахъ.

— Творецъ небесный! Откуда же онъ беретъ деньги на все это? воскликнулъ онъ въ изумленіи.

Какъ ни естественень былъ подобный вопросъ и какъ ни легко казалось на него отвѣтить, но на Сибеллу онъ произвелъ странное, почти потрясающее дѣйствіе. Не задавала ли она и сама себѣ сто разъ подобнаго же вопроса? И какъ же она его разрѣшила? Надъ отвѣтомъ нечего было, конечно, задумываться. Само собою разумѣется, что такія громадныя спекуляціи, какъ тѣ, въ которыя пускался мистеръ Дённъ, должны были приносить несчетныя выгоды. Но, несомнѣнно было и то, что онѣ поглощали страшныя деньги. Чего стоили эти линіи желѣзныхъ дорогъ, проводимыя на большомъ протяженіи, эти большія пристани? Прибавьте къ этому, что не всегда же дѣло оканчивалось удачно, самъ мистеръ Генксъ проговорился многозначительными намеками о какихъ-то «ошибкакъ». Конечно, всему этому можно было найти желаемое объясненіе въ громкомъ словѣ «кредитъ», но пойдите-ка, вбейте понятіе о кредитѣ въ голову бѣднаго крестьянина. Для наглядности объясненія, она взяла было въ примѣръ шлюзъ канала, который временно забираетъ въ себя воду для какого либо употребленія съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратить ее въ неубавившейся пропорціи туда, откуда она была взята. Но увы! Недъ испортилъ все сравненіе вопросомъ: а ну, какъ воды не хватитъ, что тогда дѣлать? На выручку ея логики, дорога снова съузилась, такъ что двоимъ рядомъ стало невозможно ѣхать. Сибелла опять осталась одна, лицомъ къ лицу съ своими мыслями.

ГЛАВА V.

ОТКРЫТІЕ.

Мы не будемъ слѣдовать за Сибеллою въ ея дальнѣйшихъ странствованіяхъ. Еще менѣе расположены мы распространяться о похожденіяхъ мистера Генкса, хотя, если вѣрить его собственнымъ показаніямъ, обратное его путешествіе было цѣлымъ рядомъ страшныхъ приключеній. Довольно будетъ сказать, что онъ бросилъ свою лошадь на береговыхъ утесахъ, а самъ побрелъ какъ зналъ, то карабкаясь на крутизны, то спускаясь въ пропасти, путаясь въ густыхъ мхахъ и высокихъ папортникахъ, спотыкаясь между камней и завязая въ прибрежныхъ пескахъ, пока наконецъ, измученный, отупѣвшій отъ усталости, съ изорванной одеждой и обувью, не доплелся до маленькой гостиницы въ Бентри.

Выспавшись за ночь и плотно позавтракавъ, онъ уже начиналъ оправляться отъ своихъ минутныхъ бѣдствій, когда Сибелла Келлетъ вошла въ его комнату. Она успѣла побывать въ коттеджѣ, осмотрѣть мѣстность, покончить то дѣло, которое было цѣлью ея поѣздки и на обратномъ пути завернула въ Бентри, услышавъ, что мистеръ Генксъ недавно прибылъ туда.

Вмѣсто того, чтобы упрекнуть своего бывшаго спутника за его измѣну, она стала слегка извиняться передъ нимъ въ томъ, что бросила его одного, и за тѣмъ тотчасъ же приступила къ отчету о его поѣздкѣ. Не останавливаясь на побочныхъ приключеніяхъ, она прямо перешла къ дѣлу, по которому ѣздила.

— Славное мѣсто этотъ старый коттеджъ, замѣтила она. Такой стиль не часто встрѣчается въ Ирландіи. Онъ выстроенъ во вкусѣ временъ королевы Елисаветы и, по преданію, былъ жилищемъ поэта Спенсера. Онъ невеликъ, и такъ пріютился къ пустой, березовой рощѣ, что вы пройдете въ пятидесяти шагахъ отъ двери и не замѣтите его. Вотъ этотъ наскоро набросанный эскизъ даетъ вамъ онемъ приблизительное понятіе.

— И море, дѣйствительно, такъ близко къ нему подходитъ? поспѣшно освѣдомлялся Генксъ.

— Рыбачья лодка причалила какъ разъ къ этой бухтѣ, которую вы видите на рисункѣ, и парусъ нашъ упалъ на только что скошенное сѣно.

— Да это какъ разъ будетъ на руку лорду Локвуду, онъ просто бредилъ загороднымъ домомъ въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, и когда онъ узнаетъ еще, что коттеджъ былъ жилищемъ поэта, да онъ тогда ни за что съ нимъ не разстанется. Вы говорите, что Шекспиръ...

— Нѣтъ, Спенсеръ, авторъ «Faërie Quee», проговорила она, улыбаясь.

— Ну, да это все равно. Онъ назоветъ его какимъ нибудь вычурнымъ именемъ и будетъ себѣ потѣшаться воспоминаніями о его бывшемъ владѣльцѣ.

— Я надѣюсь, что на его долю не выпадетъ описываемое вами удовольствіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какимъ же образомъ?

— Я надѣюсь, что это мѣсто не ему достанется; другими словами, я хочу просить мистера Дённа, чтобы онъ мнѣ позволилъ оставить его за собою. Оказывается, что цѣна его равняется почти той суммѣ, которую, какъ вы знаете, я помѣстила въ ваше акціонерное товарищество, и я хочу просить, какъ особенной милости, чтобы мнѣ дозволили сдѣлать этотъ обмѣнъ. За землей я не гонюсь, мнѣ только нужна небольшая лужайка, облегающая коттеджъ.

— Коттеджъ, бывшій жилищемъ поэта Спенсера, выстроенный въ чистѣйшемъ вкусѣ временъ Елисаветы, и скрывающійся въ долинѣ... Вы, помнится, упомянули про долину, миссъ Келлетъ... Итакъ, скрывающійся въ долинѣ, обрамленной густымъ лѣсомъ и омываемый волнами Атлантическаго океана...

— Вы, кажется, сочиняете газетное объявленіе, сэръ?..

— Какъ разъ попали въ точку, миссъ Келлетъ. Я набрасываю черновую небольшого объявленія, которое хочу послать въ редакцію газеты.

— Но вы забываете, сэръ, что я желаю оставить это мѣсто за собою. Я хочу пріобрѣсти его...

— Чтобы выручить съ него конечно большіе барыши въ послѣдствіи, и зашибить эдакъ, чистыми деньгами, тысченки три-четыре или болѣе? Не такъ ли?

— Ничуть не бывало, мистеръ Генксъ. Я надѣюсь рано или

поздно заработать столько, что мнѣ можно будетъ на покоѣ поселиться въ этомъ коттеджѣ. Мнѣ хочется имѣть свой собственный уголъ. Наградою за всѣ мои труды будетъ мнѣ возможность возвратиться *«домой»*: да и бѣдному Джеку будетъ гдѣ преклонить голову, когда онъ возвратится въ Англію.

Мистеръ Генскъ задумался. Въ первый разъ еще миссъ Келлетъ навела разговоръ на свою собственную личность, давая мистеру Генксу возможность и отъ себя замолвить слово, — и онъ раздумывалъ, не воспользоваться ли ему этимъ случаемъ? Какъ-то приметъ она отъ него слово совѣта? Захочетъ ли его слушать? А если такъ, то что же далѣе? Но въ томъ-то и дѣло, что мистеръ Генксъ не зналъ, что будетъ далѣе. Надо было сознаться, что недавняя его выходка служила плохимъ образцомъ той вѣрности по гробъ, въ которой онъ готовился дать ей клятву. Но если она, дѣйствительно, обладаетъ тѣмъ яснымъ, здравымъ пониманіемъ, которое онъ въ ней предполагалъ, то она не могла придать большой важности тому, что въ сущности было вѣдь не болѣе, какъ дѣло темперамента. Быстро промелькнули эти размышленія въ его головѣ; онъ взглянулъ на нее украдкою: она сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, попивая чай маленькими глотками и казалась воплощеніемъ невозмутимаго спокойствія.—А кажется, крѣпко засѣлъ у нея въ головѣ этотъ коттеджъ, подумалъ онъ про себя: —дай-ка попытаемъ, нельзя ли мнѣ будетъ изъ этого выгадать что нибудь для себя. И съ этою цѣлью онъ самъ навелъ разговоръ на эту тему, которую она тотчасъ же подхватила со всей живостью неподдѣльнаго участья.

— Ну, а что касается до преданій, связующихъ коттеджъ съ именемъ великаго пѣснопѣвца, началъ мистеръ Генксъ своимъ любимымъ высокопарнымъ слогомъ, то на ихъ достовѣрность, думаю, нельзя полагаться,

— Вовсе нѣтъ, сэръ. Жилище Спенсера называлось Килькольменъ: онъ уѣзжалъ оттуда на два года, но по истеченіи ихъ возвратился въ старое гнѣздо. Этотъ-то промежутокъ времени онъ и провелъ въ коттеджѣ. Но вотъ странный случай: вчера при мнѣ тамъ открыли рукопись, писанную его рукою, — именно, часть его переписки съ лордомъ намѣстникомъ. Она лежала въ небольшой дубовой шкатулкѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами писанными частью по латыни, частью же на старинномъ французскомъ языкѣ. Ящикъ былъ такъ ловко вдѣланъ въ наличникъ камина, что только случай могъ навести на его открытіе.

— Надѣюсь, что вы захватили съ собой эти документы? воскликнулъ Генксъ.

— Да, сэръ; вотъ они, какъ были въ ящикѣ. Ректоръ посовѣтовалъ мнѣ взять ихъ съ собой для безопасности. Съ этими словами она положила на столъ массивной работы шкатулку, имѣвшую около фута въ длину. Мистеръ Генксъ бросился осматривать заключающіяся въ ней рукописи. Онъ былъ въ этомъ дѣлѣ не новичекъ, и его привычный глазъ сразу классифировалъ бумаги; по мѣрѣ того, какъ онъ опоражнивалъ ящикъ, онъ бормоталъ про себя свои комментаріи:—Вотъ эта грамота кастельросскаго аббатства на Клачфренинскія дачи. Подъ ней выставленъ 1104 годъ. Въ ней же упоминается о нѣкоторыхъ правахъ предоставленныхъ барону Гёгу Притчарду Конуэй. Конуэй, Конуэй, бормоталъ онъ.—Да это какъ разъ то имя, которое я старался и не могъ припомнить миссъ Келлеть. Вы у меня какъ-то спрашивали имя солдата, взявшаго въ плѣнъ русскаго полковника и о которомъ, по этому поводу, прокричали всѣ газеты. Еще молодецъ этотъ былъ объ одной рукѣ: теперь я припоминаю, — имя его Конуэй.

— Чарльзъ Конуэй, — неужели Чарльзъ Конуэй! воскликнула она въ волненіи.—Но кому же и быть другому? Онъ, дѣйствительно, потерялъ правую руку.

— Правую или лѣвую—уже этого я незнаю, знаю только, что у него всего навсего осталась одна, и что онъ служилъ ординарцемъ въ штабѣ піемонтскаго генерала.

— О, благородный юноша! Я готова была поклясться, что онъ чѣмъ нибудь да отличится. Разскажите мнѣ съизнова, сэръ, всѣ подробности этого дѣла.

Память мистера Генкса должна была выдержать суровый искусъ; отъ него потребовали такія подробности, надъ которыми пришлось бы попотѣть «собственному корреспонденту» любой газеты. Наградили ли Чарльза Конуэй за его подвигъ? Чѣмъ именно выразилась признательность отечества своему герою? Повысили ли его чиномъ, и въ какой именно чинъ произвели? Былъ ли онъ пожалованъ орденомъ и какимъ именно? Достовѣрны ли газетные слухи о томъ, что раны его неопасны? Гдѣ онъ теперь находится, на службѣ или въ госпиталѣ? Она досадовала на скудость его свѣдѣній, на видимое равнодушіе, съ которымъ онъ относился къ этому дѣлу.—Неужели, воскликнула она, подобное геройство уже такое обыкновенное дѣло, что не стоитъ и распространяться о немъ болѣе краткаго газетнаго параграфа, въ

которомъ даже забыли упомянуть, что сталось съ самимъ героемъ.

— Но, помилуйте, любезная миссъ Келлетъ, заговорилъ онъ наконецъ:—не пройдетъ недѣли, чтобы разсказы о подобныхъ подвигахъ дюжинами не появлялись въ печати.

— Неправда, сэръ! воскликнула она гнѣвно. Наши солдаты безспорно храбрѣйшіе въ мірѣ. Источникъ ихъ мужества лежитъ внѣ побужденій своекорыстія и тщеславія. Въ дѣлѣ они настоящіе львы; но на подобное дѣло нужно было высшее развитіе джентльмена, согрѣтое рыцарскимъ пыломъ, — только осмысленный патріотизмъ могъ задумать токой подвигъ.

— Что и говорить, отвѣчалъ мистеръ Генксъ въ смущеніи— молодой человѣкъ показалъ себя молодцомъ. Но позвольте замѣтить вамъ, что въ газетахъ нѣтъ и намека о томъ, чтобы онъ былъ джнтельменъ.

— Но я-то знаю, сэръ, что онъ джентльменъ; фактъ этотъ хорошо мнѣ извѣстенъ. Чарьзъ Конуэй принадлежитъ къ хорошей фамиліи; у него когда-то было большое состояніе; онъ служилъ офицеромъ въ уланскомъ полку; было время, онъ велъ буйный образъ жизни, сорилъ деньгами, съумасбродствовалъ пожалуй, если хотите.

— Да не объ томъ ли самомъ Конуэѣ вы говорите, которому дали прозвище Смашера? Быть не можетъ, чтобы это былъ тотъ самый повѣса, который катался, бывало, на четверкѣ рыжихъ по парку и бился объ закладъ, что въ одно окно магазина Стега и Ментля въѣдетъ, а въ другое выѣдетъ.

— Я нисколько не любопытствую узнать всѣ эти глупости, сэръ, когда есть чѣмъ лучше помянуть его; къ тому же, онъ лучшій другъ моего брата, и я желаю, чтобы при мнѣ о немъ отзывались съ уваженіемъ. Поймите меня, сэръ, я требую только того, что вы и сами бы сдѣлали, безъ всякаго напоминанія, будь онъ самъ здѣсь.

— Я вѣрю вамъ,—какъ передъ Богомъ, я вамъ вѣрю! воскликнулъ онъ съ такой комичной искренностью въ голосѣ, что она не могла не улыбнуться. — Такъ вотъ какъ!.. Ай да Конуэй Смашеръ!

— Прошу васъ, мисеръ Генксъ, оставьте это прозвище; воспоминанія, связанныя съ нимъ, кажется, достаточно заглажены другимъ, болѣе близкимъ къ намъ прошлымъ.

— Такъ, такъ, вы совершенно правы; къ тому же онъ другъ

вашего брата. Но кто бы могъ подумать! кто бы могъ подумать!

Мы не будемъ доискиваться повода, по которому мистеръ Генксъ счелъ за нужное придти въ такое изумленіе; посмотримъ лучше, какъ этотъ джентельменъ разбиралъ по одиночкѣ бумаги, заключавшіяся въ шкатулкѣ, и бормоталъ про себя свои комментаріи.

— Должно быть, сэръ Гуиллемъ Конуэй былъ въ свое время особа немаловажная. Вотъ изъ этого документа мы видимъ, что онъ получилъ «in capite» отъ короля двѣнадцать тысячъ десятинъ земли, съ обязательствомъ выстроить на ней укрѣпленіе. Это, повидимому, письмо самого сэра Гуиллема. А тутъ вотъ самъ онъ или его потомокъ, называющій себя барономъ Акройда и Беджеллерта предъявляетъ свое притязаніе на титулъ Лаккингтона, и повидимому предъявляетъ небезуспѣшно. Тутъ же приложена грамота, вызывающая его явиться въ палату перовъ съ титуломъ виконта Лакингтона. Прелюбопытныя и преважныя тутъ есть бумаги, а впрочемъ, быть можетъ, онѣ и не имѣютъ другого значенія, кромѣ рѣдкости; земли эти по всѣмъ вѣроятіямъ съ тѣхъ поръ не разъ подвергались конфискаціи.

— У меня есть пріятель, антикварій, который дорого бы далъ за эти документы, миссъ Келлетъ, продолжалъ онъ съ какой аффектированною безпечностью въ голосѣ.—Впрочемъ, они только и цѣнны для такихъ собирателей древнихъ памятниковъ; они на то только и годятся, чтобы бросить лучь свѣта на темную историческую эпоху или разъяснить какой нибудь старинный обычай. Какъ вы думаете ими распорядиться?

— Я думаю оставить ихъ пока у себя. Если мои виды относительно коттеджа сбудутся, тогда эти письма Спенсера къ сэру Лауренсу Эсмонду будутъ для меня драгоцѣнными документами. Если же на мою просьбу послѣдуетъ отказъ, тогда, само собою разумѣется, я возвращу ихъ мистеру Дённу.

— Но владѣльцы были, какъ видно, выходцы изъ графства уэльскаго, воскликнулъ мистеръ Генксъ, продолжая разбирать бумаги.—Они вели свой родъ изъ Аберджедли.

— Изъ Аберджедли... повторила Сибелла нѣсколько разъ—вотъ такъ странный случай...

— Что странный случай, миссъ Келлетъ? спросилъ Генксъ, любопытство котораго было за живо задѣто страннымъ выраженіемъ ея лица.

Но вмѣсто отвѣта, она вынула изъ кармана небольшую за-

писную книжку и устремила пристальный взглядъ на нѣсколько словъ вписанныхъ въ ней ея собственной рукой; тамъ стояло: «семейство Конуэй изъ Аберджедли. Откуда ведутъ они свой родъ? Владѣли ли когда помѣстьями въ Ирландіи, а если да, то гдѣ именно?» Эти немногія слова, а также годъ и число, выставленные подъ ними, привели ей на память разговоръ, бывшій у нея однажды съ Терри Дрисколемъ.

— О чемъ это вы задумались, миссъ Келлетъ? обратился къ ней Генксъ. Не могу ли я помочь вамъ въ вашемъ затрудненіи?

— Я думаю о старинѣ; мнѣ вспомнилось нѣчто, случившееся много лѣтъ тому назадъ. Вы, кажется, говорили, что коттеджъ принадлежалъ одно время мистеру Дрисколю?

— Да. То есть, я упоминалъ что онъ внесъ за него часть его стоимости. Осмѣлюсь спросить: его имя наводитъ васъ на какія-то воспоминанія?

Если она и разслышала этотъ вопросъ, то не удостоила его никакого вниманія и сосредоточенно продолжала думать свою думу. Ничто не могло оказать такого магическаго дѣйствія на мистера Генкса, какъ сознаніе, что рядомъ съ нимъ стоитъ человѣкъ, обладающій завѣтной тайной. Несправедливо было бы назвать это чувство любопытствомъ, потому что въ сущности въ немъ не столько участвовало желаніе вывѣдать тайну, сколько зависть къ человѣку, держащему, быть можетъ, въ своихъ рукахъ разъясненіе какой нибудь мудреной задачи. На этотъ разъ ему было ясно, что миссъ Келлетъ обладалъ тайною, или по крайней мѣрѣ, напала на слѣдъ, ведущій къ разъясненію какой-то тайны. Дрисколь и коттеджъ были прикосновенны къ дѣлу; можетъ статься, что кто нибудь изъ этихъ Конуэй тоже былъ тутъ замѣшанъ. Что это такое занесено въ записную книжку? Какъ бы ему заглянуть въ нее? Хоть бы мелькомъ увидать одну строчку, одно лишь слово, — съ него было бы довольно.

Мистеръ Генксъ помнилъ, какъ онъ довѣрился однажды ничего незнающему врачу для того только, чтобы выпытать у этого человѣка нужныя для него свѣденія, въ чемъ онъ и успѣлъ; въ другой разъ онъ предпринялъ путешествіе на плохомъ кораблѣ, состоявшемъ подъ командою пьянаго капитана, потому что буфетчица этого корабля обладала тайной, которую онъ, мучимый морскою болѣзнью, вывѣдалъ у нея. Если бы кто нибудь шепнулъ ему наканунѣ, о томъ какія подозрѣнія зароятся на слѣдующій день въ его головѣ! Ни во что поставилъ бы онъ тогда опасную прогулку по узкой тропинкѣ съ громко

бушующимъ у ногъ его моремъ, и ни на мигъ не отсталъ бы отъ Сибеллы; награда за этотъ подвигъ виднѣлась бы ему впереди. Но нельзя ли будетъ воротить ея хорошее мнѣніе о себѣ? Это казалось ему не совсѣмъ невозможнымъ дѣломъ: повидимому, она совсѣмъ позабыла его бѣгство; по крайней мѣрѣ, обращеніе ея съ нимъ ни на волосъ не измѣнилось со времени этого событія.

— Мы съѣдемся въ Гленгариффѣ, мистеръ Генксъ, сказала Сибелла вставая и укладывая разбросанныя бумаги въ шкатулку. Такъ какъ я намѣрена ѣхать назадъ береговой дорогой, то я и не приглашаю васъ сопутствовать мнѣ.

— Напрасно! А я только было хотѣлъ просить васъ объ этомъ, какъ о великой милости. Вчера мнѣ было не по себѣ, нервная головная боль, которой я подверженъ, дѣлала меня ни на что неспособнымъ.

— Послушайтесь моего совѣта, и не пускайтесь въ путешествіе, которое доставитъ вамъ мало удовольствія и много неудобствъ. Привычка совершенно освоила меня съ этими горными переѣздами, но я вполнѣ понимаю, что для новаго человѣка они представляютъ много опасностей. То мѣсто, гдѣ мы вчера съ вами разстались еще ничего всравненіи съ другими. Такъ лучше послушайтесь меня и поѣзжайте себѣ большой дорогой.

Слова эти были сказаны совершенно просто, безъ малѣйшей тѣни сарказма, но мистеру Генксу тѣмъ не менѣе мерещилась въ нихъ затаенная насмѣшка.

— Но я докажу ей, во что бы то ни стало, что я не трусъ, пробормоталъ онъ про себя, и затѣмъ прибавилъ въ слухъ:—извините мое ослушаніе, миссъ Келлетъ, я рѣшился навязаться къ вамъ въ спутники.

Въ его голосѣ слышалась такая настойчивость, что Сибелла невольно на него оглянулась, и къ своему удивленію увидала на его лицѣ рѣшимость, которая рѣзко противорѣчила обычному выраженію этого лица. Если Сибелла и не обладала той хитростью и увертливостью, которую долгіе годы упражненія развили въ ея собесѣдникѣ до высокой степени совершенства, то у нея было то тонкое чутье, съ помощью котораго женщина безъ труда угадываетъ то, что мущина старается скрыть. Она слѣдила за направленіемъ его взгляда и видѣла, что этотъ взглядъ, даже теперь, въ ожиданіи ея отвѣта, какъ прикованный остановился на дубовой шкатулкѣ.

— Такъ! порѣшила она про себя:—между нами затѣвается игра не на шутку, и ставка — въ этой шкатулкѣ.

Не знаю, угадалъ ли мистеръ Генксъ ея мысли, онъ только спросилъ:—велѣть что ли подавать лошадей, миссъ Келлетъ?

— Да, я готова.

— Но этотъ ящикъ, какъ намъ съ нимъ быть? Лучше всего отдать его на сохраненіе содержателю гостиницы. Полагаю, что онъ не пропадетъ здѣсь? спросилъ онъ въ полузамѣшательствѣ.

— Конечно; дорогою намъ некуда было бы съ нимъ деваться. Не возмете ли на себя трудъ позвать содержателя гостиницы?

Спровадивъ такимъ образомъ мистера Генкса изъ комнаты, Сибелла поспѣшно отперла шкатулку и, повыбравъ изъ нея всѣ бумаги, въ которыхъ только находилось имя Конуэй, снова заперла ее. Отобранныя бумаги она съ такой же поспѣшностью спрятала въ небольшую сумку, составлявшую принадлежность ея наѣздническаго наряда.

Мистеръ Генксъ что-то уже очень долго замѣшкался съ своимъ порученіемъ, и когда онъ возвратился, въ немъ было замѣтно какое-то суетливое смущеніе; смущеніе это, а также и внезапная короткость, Богъ вѣсть откуда явившаяся между Генксомъ и хозяиномъ гостиницы, не ускользнули отъ проницательнаго взгляда Беллы.

— Вотъ такъ старинный замокъ, миссъ Келлетъ, и конечно гроша мѣднаго нестоящій, проговорилъ Генксъ, осматривая съ презрительной улыбкой старинную рѣзьбу, украшавшую замочную скважину.—Ключь вѣроятно у васъ?

— Да; и не малаго труда стоило мнѣ вынуть его изъ замочной скважины, въ которой онъ ржавѣлъ вѣроятно впродолженіи многихъ лѣтъ.

— А то, вотъ что: не лучше ли мнѣ запечатать шкатулку своею печатью? Тогда—кто не знаетъ—подумаетъ, что въ ней лежатъ какія нибудь драгоцѣнности, и нашъ пріятель, мистеръ Рэркъ, выростетъ въ собственныхъ глазахъ, какъ хранитель такого сокровища.

— Я буду беречь его пуще глаза, сэръ; ужъ насчетъ этого будьте благонадежны, вмѣшался содержатель гостиницы.

— А любопытно было бы рѣшить съ юридической точки зрѣнія, сказалъ Генксъ, накладывая третью и послѣднюю печать:—любопытно бы рѣшить, кому принадлежитъ эта шкатулка? Одна бѣда

что игра свѣчь не соитъ, добавилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.—А то возмите: домъ былъ проданъ сегодня утромъ; Дрисколь между тѣмъ еще не совсѣмъ отрѣшенъ отъ владѣнія; но имя настоящаго покупщика не объявлено; вѣдь вы, полагаю, купили его на имя графа, или быть можетъ, на имя мистера Дённа?

— Нѣтъ, сэръ, я купила его на свое собственное имя и только ожидаю, чтобы мистеръ Дённъ соблаговолилъ укрѣпить за мной это пріобрѣтеніе тѣмъ способомъ, о которомъ я уже вамъ говорила.

— Въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ онъ съ непритворнымъ удивленіемъ.—Такъ что вы можете, de facto, смотрѣть на себя, какъ на обладательницу коттеджа?

— Да, я и считаю себя ею, спокойно отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, извините за навязчивую услужливость, съ которою я поспѣшилъ запечатать шкатулку.

Она улыбнулась, не отвѣчая ни слова, и лицо мистера Генкса побагровѣло. Онъ тоже догадывался, что между ними завязалась игра, и начиналъ терять довѣріе къ своей собственной ловкости.

— Такъ какъ же, мистеръ Генксъ? Ѣдемъ мы вмѣстѣ или нѣтъ? спросила Сибелла.

— Ужъ если вы хотите знать мое откровенное мнѣніе, миссъ Келлетъ, то я долженъ сознаться, что врядъ ли моя голова способна выдержать всѣ трудности этого путешествія по горамъ... Внезапная дурнота, приливъ крови къ головѣ... мало ли что можетъ случиться? Словомъ, природа не судила мнѣ быть охотникомъ за дикими козами и, сколько вы со мной ни бейтесь, я не окажу никакихъ успѣховъ по этой части.

— И хорошо дѣлаете, сэръ, что не ѣдете. Такъ до свиданья, заключила она, и кивнувъ ему головой не то фамиліярно, не то холодно, вышла изъ комнаты.

Мистеръ Генксъ слѣдилъ, какъ она выѣхала изъ города и прождалъ на улицѣ, пока фигуры двухъ всадниковъ не показались на склонѣ горы. Тогда онъ живо потребовалъ себѣ коляску.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сэръ, — взять шкатулку съ собой, или вы за ней пришлете, какъ изволили говорить, спросилъ содержатель гостиницы, стоя передъ ними съ дубовой шкатулкой въ рукахъ.

— Оставьте ее у себя до востребованія, я вамъ послѣ напишу, — или нѣтъ, положите ее ко мнѣ въ коляску, такъ лучше будетъ.

ГЛАВА VI.

Двойная ошибка.

Какъ ни кратковременно было отсутствіе Сибеллы изъ эрмитажа, множество писемъ успѣло между тѣмъ прійти туда на ея имя. Надежда на заключеніе мира, которой, одно время, всѣ такъ до. вѣрчиво предавались, была разрушена внезапнымъ прекращеніемъ вѣнскихъ конференцій; это прекращеніе отозвалось паническимъ страхомъ на денежныхъ рынкахъ.

Между множествомъ писемъ, полученныхъ Сибеллою, было и письмо отъ мистера Дённа, видимо, писанное второпяхъ. Вслѣдствіе ошибки, весьма понятной при такой сложной и спѣшной корреспонденціи, оно было адресовано на имя миссъ Келлетъ, хотя предназначалось для мистера Генкса. На конвертѣ крупными буквами было надписано: «секретно», а внизу стояло: «очень нужное».

Въ послѣднее время Сибелла очень рѣдко получала письма отъ мистера Дённа и ни разу съ тѣхъ поръ, какъ она его знала, онъ не писалъ съ такой таинственностью. Поэтому она очень удивилась и не безъ нѣкотораго страха сломила печать. Въ заголовкѣ стояло: «Среда, Jrish office» — и начиналось такъ: Dear S. — Она остановилась въ изумленіи. Никогда въ жизни не называлъ онъ ее Сибеллою и неизмѣнно величалъ ее миссъ Келлетъ. Она еще разъ осмотрѣла конвертъ и прочитала адресъ: «Миссъ Келлетъ Эрмитажъ въ Гленгаррифѣ».—Такъ, тутъ не можетъ быть ошибки. Она продолжала читать: Dear S. — Онъ, кажется, въ забывчивости опустилъ тутъ одно слово; намѣреваясь поговорить со мной задушевно, онъ вѣроятно хотѣлъ назвать меня миссъ Сибелла,—но позабылъ вставить «миссъ». Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Мы потерпѣли неудачу въ Вѣнѣ, но это съ нами случается вездѣ и во всемъ. Война затянется, вслѣдствіе чего наши обстоятельства принимаютъ самый дурной оборотъ. Сегодня утромъ телеграфировалъ Глумталь, что онъ дальше идти не можетъ. Франкфуртскіе конечно послѣдуютъ его примѣру, такъ что къ концу недѣли Моунтъ Сенисъ будетъ порешенъ. Но меня гораздо бо-

лѣе безпокоитъ Гленгаррифъ, который надо поддержать на «это время», во что бы то ни стало. Сегодня я кое-какъ могу еще поддержать акціи, быть можетъ, смогу и завтра. Старый графъ болѣе чѣмъ когда либо ослѣпленъ насчетъ предпріятія, хотя его порой тревожатъ письма, получаемыя имъ отъ этой дѣвченки...»

— Отъ этой дѣвченки... Про кого же это онъ говоритъ?

«Она видимо имѣетъ свои подозрѣнія, хотя я и не могу понять, откуда бы имъ взяться. И потому, чѣмъ скорѣе вы приберете къ рукамъ переписку, тѣмъ лучше. Я съ нынѣшней же почтой здѣлаю ей такое предложеніе, отъ котораго она, по всемъ вѣроятіямъ, не откажется. Во всякомъ случаѣ, настаивайте съ своей стороны, чтобы она его приняла».

— Это становится уже совсѣмъ непонятно, проговорила она, еще разъ заглядывая на адресъ, выставленный на конверѣ.

«Въ случаѣ, министерство потерпитъ въ понедѣльникъ пораженіе, положено распустить парламентъ; при новыхъ же выборахъ имъ ни шагу нельзя ступить въ Ирландію безъ моего содѣйствія, — а мои условія они знаютъ: они должны оказать намъ вспомоществованіе, но существенное, денежное вспомоществованіе, — почестями и должностями имъ меня не задобрить: не время теперь для тѣхъ и другихъ. Во что бы то ни стало, надо поддержать компанію и объявленія о новыхъ выборахъ. Надѣюсь, что вексель Лаккингтона былъ предъявленъ, какъ слѣдуетъ, потому что, оказывается, что о смерти его знаютъ здѣсь еще съ 4 числа. О мѣстопребываніи новаго виконта никто повидимому ничего не знаетъ. Такъ постарайтесь вы сбыть съ рукъ эту девченку.

«Преданный вамъ Д. — Д.»

— Тутъ навѣрное кроется какая нибудь мистификація, проговорила Белла въ раздумьи. — Тутъ есть такіе намеки, что, не будь письмо писано ко мнѣ, я подумала бы, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Эта «дѣвченка», которая пугаетъ своими письмами лорда Гленгаррифа и сама о чемъ-то догадывается: кто же это, какъ не я? А между тѣмъ онъ обо всемъ этомъ пишетъ мнѣ же самой и еще секретно! Я не могу пожаловаться на недостатокъ откровенности въ письмѣ, въ немъ все высказано безъ утаекъ. Каждая строка предвѣщаетъ новыя бѣдствія: великое предпріятіе стоитъ на краю гибели и ничто не можетъ спасти его, кромѣ правительственной поддержви, и съ этою цѣлью, такъ я по крайней мѣрѣ понимаю, заключается безчестный договоръ. Если все это прав-

да, то въ какомъ позорномъ дѣлѣ я была сообщницей! Все это великолѣпное предпріятіе оказывается, просто, мошенпической продѣлкой. Бѣдняки, ввѣрившіе ему свои трудовыя деньги, будутъ разорены; собственный мой небольшой капиталъ тоже пропалъ. Боже мой, Боже мой! Страшной сѣтью обмана и интригъ я дала опутать себя и другихъ. Какъ могла я обмануть тѣхъ, довѣріе которыхъ мнѣ было такъ трудно пріобрѣсть? Эта «дѣвченка», эта «дѣвченка»—кого это онъ могъ подразумѣвать?—повторяла она, ходя по комнатѣ въ сильномъ волненіи.

— Можно войти? послышался тихій голосъ, и кто-то постучался въ дверь. Вслѣдъ за тѣмъ, не дожидаясь приглашенія, вошелъ мистеръ Генксъ. Вся особа его дышала предупредительностью и какой-то шелковистой мягкостью. Онъ улыбался самой вкрадчивой улыбкой, подвигался впередъ неслышными шагами, отвѣшивалъ поклоны, представлявшіе самое очаровательное сліяніе почтительности съ любезностью. Прикоснувшись руки миссъ Келлетъ, онъ выказалъ въ этомъ движеніи чисто придворное изящество, соединенное съ нѣжностью страстнаго поклонника. Но увы! всѣ его хлопоты пропали даромъ. Миссъ Келлетъ ихъ и не замѣтила; она такъ была озабочена письмомъ, что если бы мистеръ Генксъ предсталъ передъ нею въ кольчугѣ и съ палицею въ рукахъ, она и тогда бы не подумала удивиться.

— Я пришелъ, миссъ Келлетъ, вымолить у васъ прощеніе за одинъ ужасный проступокъ, въ которомъ я однако же безъ вины виноватъ. Письмо, которое въ настоящую минуту у меня въ рукахъ и которое, какъ вы видите, адресовано на имя С. Генкса, по всѣмъ вѣроятіямъ, было писано къ вамъ, а не ко мнѣ.

— Какъ? что?.. Оно попало не по назначенію, вслѣдствіе ошибки въ адресѣ? воскликнула она въ сильномъ волненіи.

— Именно такъ: оно попало не въ тотъ конвертъ, отвѣчалъ онъ расчитанно спокойнымъ голосомъ:—такіе недосмотры сплошь да рядомъ бываютъ; въ настоящемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, это qui pro quo не имѣетъ никакой важности.

— Вы говорите, что мое письмо, т. е. то, которое предназночалось для меня, пришло въ вашемъ конвертѣ, — такъ что ли? проговорила она торопливо.

— Именно такъ. Что касается до меня, то я могу привести въ свое оправданіе, что какъ скоро я замѣтилъ ошибку,—а замѣтилъ я ее, едва взглянувъ на первыя строки,—то сложилъ письмо и поспѣшилъ, какъ видите, вручить его вамъ.

— Вы были скромнѣе или счастливѣе меня, замѣтила она,

странно улыбаясь. Письмо, которое вы видите у меня въ рукахъ, было адресовано на мое имя, а было писано, какъ я теперь только догадываюсь, къ вамъ,—а я между тѣмъ прочла его не разъ и не два, и чуть не вызубрила наизустъ.

Куда дѣвались всѣ вкрадчивые и мягкіе пріемы мистера Генкса? Что сталось съ его сладкими взглядами, его добродушнымъ и любезнымъ видомъ, его почтительнымъ и нѣжнымъ голосомъ? Они какъ будто окаменѣли, съ какимъ-то потеряннымъ выраженіемъ глаза его уставились на одну точку; онъ не взялъ, а вырвалъ письмо изъ рукъ.

— Но вы съ первыхъ словъ могли догадаться объ ошибкѣ, воскликнулъ онъ грубо:—съ которыхъ поръ васъ зовутъ Симпсономъ Генксомъ?

— Нѣтъ: сэръ, мое имя было и есть Сибелла, а пишущій начинаетъ Dear S.—Такое обращеніе, призналось, показалось мнѣ нѣсколько вольнымъ, но я полагала, что въ занимаемомъ мною положеніи оно можетъ быть допущено. Не угодно ли вамъ будетъ продолжать чтеніе: вы тогда увидите, что всякій бы сталъ втупикъ на моемъ мѣстѣ.

Быть можетъ въ голосѣ, которымъ она проговорила эти слова дѣйствительно звучала торжествующая интонація; быть можетъ, это такъ только показалось мистеру Генксу; какъ бы то ни было, онъ вздрогнулъ и втеченіи цѣлой минуты не сводилъ съ нея пристальнаго взгляда, потомъ онъ вдругъ принялся за письмо.

— Какая роковая ошибка! воскликнулъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Да, недоразумѣніе вышло очень важное, сэръ, отвѣчала она спокойнымъ голосомъ.

— Но вы, конечно, не способны воспользоваться случившимся, миссъ Келлетъ, поспѣшилъ онъ присовокупить.

— И это вы говорите, сэръ, той дѣвчонкѣ, которую надо сбыть съ рукъ? Вы говорите это той, чья довѣрчивость служила орудіемъ, приманкою для людей, которыхъ обманомъ вели къ разоренію? Нѣтъ, мистеръ Генксъ, вы слишкомъ высокаго мнѣнія о моей терпимости.

— Но что же вы такое сдѣлаете, сударыня?

— Э, да я не знаю, чего бы я не сдѣлала, сэръ, воскликнула она, давая волю негодованію.—Надъ этимъ письмомъ было надписано мое имя: я знать ничего не знала объ ошибкахъ въ адресѣ,—вотъ конвертъ: на немъ выставлено мое имя. Слѣдовательно, письмо принадлежитъ мнѣ, и я имѣю полное право предать его гласности, его же словами объявить цѣлому свѣту, что

великое предпріятіе—пуфъ, что глава этого предпріятія—ничтожнѣйшій искатель приключеній, ведущій на удачу азартную биржевую игру, равнодушно ставящій на карту, какъ излишекъ богача, такъ и послѣдніе гроши бѣднаго труженика, промышляющій всѣмъ даже своимъ патріотизмомъ; и вмѣсто объясненій, я присовокуплю къ этому любопытному документу слѣдующія нѣсколько словъ: «получено мною, Сибеллою Келлетъ, такого-то сентября. Клятвенно свидѣтельствую о томъ, что приведенное письмо писано собственной рукой Девенпорта Дённа». Я велю напечатать его такимъ шрифтомъ, чтобы оно кидалось всѣмъ въ глаза, чтобы научились добрые люди беречься подобныхъ безсовѣстныхъ обманщиковъ. Да, сэръ! Что же касается до оскорбительнаго упоминанія обо мнѣ самой, то я дорожу имъ, какъ щитомъ противъ общественнаго презрѣнія: въ оправданіе мое, мнѣ довольно будетъ объявить, что я—именно та дѣвченка, которую надо сбыть съ рукъ. Никто не смѣетъ заподозрить меня въ сообщничествѣ съ вами, потому что вѣдь и я лишилась черезъ васъ того немногаго, что имѣла. Но я пойду еще смѣлѣе, сэръ: тѣ люди, которыхъ я неумышленно помагала обманывать, имѣютъ полное право потребовать отъ меня отчета; я хочу опубликовать всю корреспонденцію, которую вела впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вы качаете головой? Что же вы отрицаете: мое право или рѣшимость воспользоваться этимъ правомъ?

— Вы забываете, миссъ Келлетъ, началъ Генксъ тономъ укора, что письмо это попало къ вамъ въ руки ошибкой, вы не имѣли никакого права знать то, что въ немъ заключалось; слѣдовательно, вы не имѣете права и воспользоваться своимъ знаніемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вы можете нанести намъ нѣкоторый ущербъ, поколебать нашъ кредитъ на день, на два. Но знаете ли вы, какое бѣдствіе, какое раззореніе вы накличите въ это время на людей, непричастныхъ къ дѣлу? Уронивъ наши акціи, вы сотни людей пустите по міру. Всѣ тѣ, которые около этого времени будутъ поставлены въ необходимость продать свои акціи, подвергнутся конечному раззоренію. Ударъ, предназначенный вами мистеру Дённу, падетъ на невинныя головы какихъ нибудь бѣдныхъ тружениковъ, которые ничего вамъ не сдѣлали. Я не говорю уже, продожалъ онъ, видя сильное впечатленіе, вызванное его словами:—я не говорю о тѣхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыхъ вы будете виновницей въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ всѣ работы станутъ и гдѣ тысячи рукъ, останутся незанятыми. Это уже неотвратимое, логичное послѣд-

ствіе задуманнаго вами дѣла. А теперь позвольте спросить, какая вамъ изо всего этого будетъ прибыль? Вы отнимаете власть и вліяніе у того человѣка, который, одинъ въ цѣломъ королевствѣ, обладаетъ умомъ и отвагою, необходимыми чтобы задумать и довести до конца этотъ гигантскій замыселъ,—у единственнаго человѣка, который можетъ вести переговоры съ правительствомъ, поставляя при этомъ свои условія. Вы хотите сбросить его съ высоты, очистить его мѣсто для какой нибудь жалкой бездарности, невидящей дальше своего носа, не обладающей ни его геніемъ, ни его патріотизмомъ. Изъ-за чего же вы все это затѣваете?—Изъ-за пустого слова, поразившаго васъ въ письмѣ, которое вовсе не предназначалось для вашего чтенія.

Министеръ Генксъ видѣлъ, что его слушаютъ, и потому продолжалъ съ удвоеннымъ жаромъ. Искусно освѣтивъ все дѣло ложнымъ свѣтомъ, онъ почти убѣдилъ Сибеллу, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ личной досады и не имѣетъ въ виду другой цѣли, кромѣ мести человѣку, ее оскорбившему.—Но, продолжалъ онъ:—не угодно ли вамъ будетъ пробѣжать то письмо, которое было писано къ вамъ. Я только мелькомъ взглянулъ на него и мнѣ показалось, что оно было написано съ искреннимъ доброжелательствомъ.

И въ этомъ случаѣ онъ говорилъ правду. Въ письмѣ предлагалось Сибеллѣ очень выгодное мѣсто. Одинъ знатный джентльменъ, только что назначенный генералъ-губернаторомъ въ Остъ-Индію, искалъ хорошей компаньонки для своихъ дочерей, у которыхъ не было матери. Съ этимъ мѣстомъ были сопряжены значительныя выгоды, и Дённу стоило большихъ хлопотъ оставить его за Сибеллою. Но не ограничиваясь этимъ и зная, что маленькій ея капиталъ весь находится въ акціяхъ, и что ей, по всѣмъ вѣроятіямъ, немедленно понадобятся деньги, чтобы снарядиться въ такой дальній путь, онъ оставилъ акціи за собой, принявъ ихъ по самой высокой цѣнѣ. Все это было приправлено выраженіями глубокаго сожалѣнія о потерѣ, которую понесетъ Гленгаррифъ въ ея особѣ.

— Но при всемъ моемъ эгоизмѣ, такъ заключалъ онъ:—я не могъ не сознавать, что было бы вопіющею несправедливостью удерживать въ смиренной долѣ ту, которая соединяетъ въ себѣ всѣ условія для высшаго и болѣе блестящаго положенія.

При этихъ словахъ Сибелла улыбнулась и, указывая на письмо Дённа, проговорила: — Счастье мое, сэръ, что я передъ этимъ прочитала другое письмо; безъ него я такъ легко могла

поддаться на всѣ эти льстивыя увѣренія, которыя, при всей своей низости, не лишены нѣкотораго обаянія.

— Но я убѣжденъ, что миссъ Келлетъ обладаетъ слишкомъ здравымъ смысломъ, слишкомъ хорошо знаетъ жизнь и къ тому же слишкомъ великодушна...

— Позвольте васъ перебить, сэръ, иначе этому перечню всѣхъ моихъ совершенствъ конца не будетъ. Впрочемъ я дѣйствительно нуждаюсь во всѣхъ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя вы мнѣ приписываете, чтобы здраво обсудить настоящее свое положеніе. Я бы дорого дала, чтобы знать, какъ мнѣ теперь поступать.

— Очень просто, напишите мистеру Дённу, или пожалуй, предоставьте мнѣ ему написать. Я увѣдомлю его о томъ, какъ случилась эта бѣда. Я скажу ему, что вы двадцать разъ успѣли прочитать письмо, прежде чѣмъ догадались объ ошибкѣ въ адресѣ,—что, слѣдовательно, теперь, въ томъ что касается великаго предпріятія,—вы одна изъ нашихъ; что, хотя вы и неспособны воспользоваться тѣмъ орудіемъ, которое странный случай далъ вамъ въ руки, тѣмъ не менѣе однако, такъ какъ вы уже разъ обладаете фактами, которые.... ну, словомъ....

— Ну словомъ, я не должна упускать изъ рукъ то счастье, которое мнѣ само дается, съ невозмутимымъ спокойствіемъ закончила она за него начатую фразу.

— Именно такъ, поспѣшилъ подхватить мистеръ Генксъ. Мало того, требуйте себѣ какъ можно болѣе. Дённъ человѣкъ практическій, продолжалъ онъ, понижая голосъ; никто лучше его не знаетъ, гдѣ щедрость бываетъ у мѣста.

— Стало быть, въ настоящемъ случаѣ можно заломить высокую цѣну? спросила она тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.

— По крайней мѣрѣ, я бы такъ поступилъ, будь я на вашемъ мѣстѣ. Со мной бы онъ дешево не раздѣлался, миссъ Келлетъ.

— Говоря откровенно, сэръ, я сознаю себя недостойною того счастья, которое мнѣ выпало на долю, потому что рѣшительно не знаю, какъ имъ воспользоваться, и желала бы, чтобы мистеръ Генксъ взялъ на себя трудъ вразумить меня.

Улыбка, сопровождавшая эти слова, за живое задѣла мистера Генкса. Ему пришли на умъ его личные виды и онъ еще разъ повторилъ себѣ, что хорошее было бы дѣло, если бы эта партія состоялась.

— Всего лучше я приведу вамъ для поясненія одинъ случай, миссъ Келлетъ. Вы увидите изъ него какую цѣнность имѣетъ порою тайна. Дѣло было въ то время, когда сэръ Робертъ Пиль

только что задумалъ свое преобразованіе хлѣбныхъ законовъ; кто-то изъ его приближенныхъ,—имя намъ не важно,—проболтался о предполагаемой мѣрѣ, которая еще держалась въ тайнѣ, и какъ бы вы думали? Одинъ изъ большихъ журналовъ заплатилъ ему ни болѣе, ни менѣе, какъ десять тысячъ фунтовъ заэ то извѣстіе: десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

Белла повидимому задумалась надъ этимъ разсказомъ.

— Очень можетъ статься, продолжалъ Генксъ, что онъ вамъ отвѣтитъ: «Денегъ теперь очень мало, ваше требованіе застало насъ какъ разъ въ трудную минуту.»—И это, что говорить, было бы сущей правдой. Но я бы на вашемъ мѣстѣ отвѣчалъ: «Нѣтъ денегъ, такъ заплатите акціями изъ тѣхъ, которыя вы недавно выпустили.»

— Что значитъ имѣть дѣло съ людьми практическаго склада ума! Всѣ трудности исчезаютъ сами собою, замѣтила Сибелла съ важнымъ видомъ.

— Ахъ, миссъ Келлетъ! Если бы я только зналъ, что настала благопріятная минута замолвить передъ вами слово въ пользу этихъ людей, или по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, который преклоняется въ безмолвіи передъ вашими высокими достоинствами и говоритъ самъ себѣ: «чѣмъ бы она могла быть, если бы она шла рука объ руку съ человѣкомъ опытнымъ въ дѣлѣ жизни, закаленнымъ среди всевозможныхъ ея случайностей и превратностей....»

— Вотъ ужъ мнѣ никогда не приходило въ голову, сэръ, чтобы я могла возбуждать такое участіе, отвѣчала она спокойно.

— Это потому, что вы никогда не удостоивали подумать обо мнѣ, возразилъ мистеръ Генксъ съ умоляющимъ взглядомъ:—но увѣряю васъ, продолжалъ онъ съ жаромъ:—съ другой стороны далеко не было такого равнодушія. Ваши блестящія дарованія давно, очень давно, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Другой сталъ бы распространяться о вашихъ внѣшнихъ преимуществахъ и говорить вамъ о томъ, какъ онъ пораженъ вашею красотою. Но кратота—тепличный цвѣтокъ, и блекнетъ столь же быстро, какъ и онъ. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы я оставался равнодушнымъ къ ея обаянію; нѣтъ, миссъ Келлетъ, я такой же смертный, какъ другіе, — имѣю свои слабости.

Сибелла почти не слышала его словъ. Не далѣе какъ день тому назадъ, бѣдный, безграмотный крестьянинъ, неучъ въ знаніи жизни и человѣческой природы, сказалъ, что считаетъ ее способною на подвиги высокаго самоотверженія, и что настоящее ея

мѣсто было бы въ Крыму, между ранеными и умирающими. Не вѣрнѣе ли была его тогдашняя оцѣнка? Во всякомъ случаѣ то было бы славное поприще. Она не отваживалась ставить его въ паралель съ своимъ недавнимъ образомъ жизни,—такъ ненавистно ей казалось это служеніе золотому тельцу, со всѣми его гнусными интригами.

— Извините меня, сэръ, я была немного разсѣяна и не разслышала того, что вы говорили, поспѣшила она оправиться.

— Не лучше ли мнѣ будетъ набросить свои мысли на бумагѣ, миссъ Келлетъ, и подождать вашего отвѣта — положимъ хоть до завтра?

— Моего отвѣта? На что, сэръ?

— Я имѣлъ самонадѣянность предложить вамъ свою руку, миссъ Келлетъ, отвѣчалъ онъ съ видомъ глубоко оскорбленнаго достоинства. Остается еще конечно множество второстепенныхъ вопросовъ, — я называю ихъ второстепенными, потому что они относятся къ денежнымъ дѣламъ, — къ которымъ намъ еще нужно будетъ возвратиться впослѣдствіи. Такъ напримѣръ, что касается этихъ акцій....

— Чтобъ избавить и васъ и себя отъ лишнихъ хлопотъ, сэръ, я скажу вамъ теперь же, что очень благодарна вамъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, но принять ее не могу.

— Я знаю, конечно, что нѣкоторая несоразмѣрность въ возрастахъ....

— Прошу васъ, сэръ, оставить этотъ разговоръ; я вамъ сказала мое послѣднее слово — и не отступлю отъ него. Завтра утромъ я постараюсь вручить вамъ всю переписку, которую мистеръ Дённъ желаетъ поручить вашему охраненію. Многое въ ней потребуетъ спеціальныхъ разъясненій, но я постараюсь быть исправной.

— А мое предложеніе, миссъ Келлетъ?

— Я уже отказалась отъ него, сэръ.

— Но понимаете ли вы, миссъ, отчего вы отказались? спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Объ этомъ предметѣ я не желаю съ вами распространяться, отвѣчала она надменно. Отдайте мнѣ письмо, которое я вамъ показала.

— Письмо! Это письмо принадлежитъ мнѣ; одинъ конвертъ только вашъ.

— Такъ вы намѣреваетесь оставить письмо у себя? спросила она торопливо.

— Мнѣ такъ думается, что это будетъ лучше—лучше для насъ всѣхъ. Вы находитесь теперь, извините меня за откровенность, въ слишкомъ раздраженномъ состоянiи духа; все что вы предпримете въ такомъ настроенiи, будетъ лишено той спокойной и зрѣлой обдуманности, которая составляетъ главную черту вашего характера.

— Только этого не доставало, чтобы переполнить мѣру! воскликнула она внѣ себя отъ негодованiя.

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать, миссъ Келлетъ.

— Я хочу сказать, что только этой вашей послѣдней выходки не доставало, чтобы переполнить мѣру моего глубокаго презрѣнiя, которое я теперь ощущаю къ моему прошлому, и къ тѣмъ людямъ, съ которыми дѣйствовала за-одно. Письмо мистера Дённа со всѣми его постыдными признанiями, ваши собственные лукавые совѣты относительно того, какъ мнѣ лучше воспользоваться случайно открытою тайной, наконецъ, вашъ отказъ возвратить письмо — эта низкая подозрительность основанная на злоупотребленiи довѣрiя....

— Вы ошибаетесь, миссъ. Задерживая это письмо, я утверждаю, что оно моя собственность; я уже объяснилъ вамъ, что вамъ принадлежитъ по праву только одинъ конвертъ. Недавно состоявшееся въ судѣ рѣшенiе подобнаго же случая говоритъ совершенно въ мою пользу. Дѣло было у судьи Уайткраффа; тяжущiяся стороны — Барнсъ противъ Барнса же.

— Если мое негодованiе внушаетъ мнѣ рѣшительныя мѣры, которыя не будутъ согласны съ совѣтами благоразумiя, перебила его Сибелла, то помните, сэръ, что вы сами будете тому виною. Въ одномъ можете вы напередъ быть увѣрены: каково бы ни было мое рѣшенiе въ этомъ дѣлѣ, въ него не войдетъ ни малѣйшей заботливости о вашихъ интересахъ и объ интересахъ вашихъ друзей, я буду исключительно имѣть въ виду пользу другихъ, а ужь конечно не вашу. Ваша улыбка какъ будто хочетъ сказать: бой между нами неравный. Это я знаю. Я женщина, къ тому же бѣдна, одинока и беззащитна, вы же и всѣ ваши богаты и хорошо обезпечены; но, не смотря на эти неблагопрiятныя условiя, я не отказываюсь съ вами помѣряться и не отчаяваюсь въ побѣдѣ.

Когда она вышла изъ комнаты и дверь за ней захлопнулась, мистеръ Генксъ вытеръ капли пота, выступившаго у него на лбу и опустился на стулъ съ совершенно потеряннымъ видомъ.

— Что-то она сдѣлаетъ? думалъ онъ про себя.—Если она рѣшилась предать дѣло гласности — мы пропали. Акціи падутъ съ невѣроятной быстротой въ какихъ нибудь четыре часа; онѣ выѣденнаго яйца не будутъ стоить. Надо однако, не медля, телеграфировать Дённу, сказалъ онъ, вставая и надѣвая шляпу.—Самъ онъ заварилъ кашу, пускай самъ и расхлебываетъ.

Мистеръ Генксъ сообщилъ о случившемся несчастьи Девенпорту Дённу; вслѣдъ за этой телеграммой, онъ отправилъ длинное письмо, въ которомъ излагались всѣ подробности случившагося и описывалась бурная сцена между миссъ Келлетъ и имъ самимъ. Онъ внушалъ своему патрону, что не слѣдуетъ жалѣть никакихъ издержекъ, лишь бы купить ея молчаніе и тонко намекалъ, что немедленнымъ щедрымъ награжденіемъ со стороны мистера Дённа можно побудить самого пишущаго сдѣлать Сибеллу своей законной супругой и этимъ запечатлѣть свою преданность общему дѣлу. «Изо всего, чему я сегодня былъ свидѣтелемъ, такъ писалъ онъ:—для меня становится ясно, что ни вы, ни я никогда не понимали эту дѣвушку надлежащимъ образомъ; она, что называется, съ душкомъ и упряма, какъ чортъ. Дѣйствуя по внушенію того, что она называетъ своею совѣстью, она способна дойти до послѣднихъ крайностей, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы на нее можно было подѣйствовать лаской или угрозой».

Въ небольшой припискѣ онъ упоминалъ о находкѣ, сдѣланной въ коттеджѣ. «Между другими бумагами, писалъ онъ:—отыскались преинтересные документы, касающіеся фамиліи Конуэй. Я запечаталъ ихъ въ шкатулкѣ и оставилъ у себя, но миссъ Келлетъ видимо не спускаетъ съ нихъ глазъ. Напишите мнѣ обстоятельно, какъ вы намѣреваетесь дѣйствовать. Въ случаѣ, если вы одобрите вполнѣ мое предложеніе, извѣстите объ этомъ по телеграфу. Сейчасъ я узналъ что она укладываетъ всѣ свои вещи и послала размѣнять билетъ въ двадцать фунтовъ стерлинговъ».

—

ГЛАВА VII.

Каунингъ Стритъ.

Если бы разсказъ нашъ имѣлъ героя,—а этого-то ему и не достаетъ, — то этимъ героемъ былъ бы конечно Девенпортъ Дённъ, и читатели наши могли бы въ такомъ случаѣ упрекнуть насъ за то, что мы такъ долго не говоримъ о немъ. Мѣсяцы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ разстались. Лондонскій сезонъ кончился, парламентъ доживаетъ свои послѣдніе дни; усталые ораторы ждутъ не дождутся того времени, когда имъ будетъ позволено отдохнуть среди деревенскаго простора, или прокатиться куда нибудь на воды въ Германію. Города почти совсѣмъ опустѣли, дома имѣютъ въ нихъ тотъ пыльный и запустѣлый видъ, который намъ напоминаетъ имѣнье, находящееся въ опекѣ. Что бы это значило, что резиденція мистера Дённа въ Мерріонскверѣ пріубралось, какъ нарочно, среди общаго запустѣнья? Архитекторы пустили въ ходъ всѣ свои хитрыя выдумки—и надѣлали чудесъ. Накладной дубъ на парадной двери и подѣльный мраморъ колоннъ—неподражаемо хороши. Зеркальныя стекла оконъ отражаютъ въ себѣ чахоточныя деревья парка, балконъ убранъ роскошными цвѣтами; все принарядилось какъ будто въ ожиданіи какого-то событія,—что бы это могло значить? Различные слухи носятся въ городѣ по этому поводу: одни утверждають, что Мистерь Дённъ долженъ вступить въ исправленіе важной правительственной должности и будетъ введенъ въ высокое званіе; другіе говорятъ, что онъ собирается покончить съ дѣлами и жениться. Безъ сомнѣнія, человѣку этому повезло въ жизни. Въ каждомъ комерческомъ предпріятіи онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ главный коноводъ бываетъ для своей партіи въ парламентѣ, или главнокомандующій на полѣ битвы для своей арміи. Имя его служило ручательствомъ за совершенство организаціи и правильности хода дѣлъ. Онъ всѣми былъ признанъ представителемъ тѣхъ добродѣтелей, передъ которыми англичане преклоняются всего охотнѣе, считая ихъ присущими національному своему типу. Въ немъ видѣли человѣка, обязаннаго настоящимъ своимъ

положеніемъ собственному трудолюбію, а не преимуществамъ рожденія, — и это возвышало его въ глазахъ всѣхъ. Онъ не былъ аристократомъ, у него не было поддержки со стороны знатныхъ родственниковъ; природа отказала ему даже въ тѣхъ дарованіяхъ, которыми другіе умѣютъ зарасположить къ себѣ толпу. Онъ не былъ вкрадчивъ въ обращеніи, плохо владѣлъ даромъ слова. Объ немъ отзывались, какъ о человѣкѣ застѣнчивомъ и неловкомъ, принужденномъ постоянно работать надъ собой, чтобы не дѣлать промаховъ въ обществѣ, и неимѣвшемъ другой поддержки, кромѣ сознанія своего внутренняго достоинства. Мистеръ Дённъ былъ особенно счастливо поставленъ судьбою въ отношеніи своихъ современниковъ. Онъ былъ жрецомъ идола золотого тельца, и свѣтъ не скупился повергать всевозможную лесть къ его ногамъ. Даже тѣ, которые не имѣли ни надобности, ни желанія въ немъ заискивать съ какой нибудь своекорыстной цѣлью, спѣшили воздать ему поклоненіе и присоединить свой голосъ къ общему хору, провозглашавшему его однимъ изъ великихъ людей нашего времени. На его воскресные обѣды съѣзжалось все, что было знатнаго, заслуженнаго и знаменитаго въ графствѣ. Въ его великолѣпномъ домѣ въ Пикадильи, который онъ нанималъ во время сезона за баснословную цѣну, толпились по утрамъ посетители совсѣмъ иного разряда, нежели тѣ, которые являлися на его дублинскіе выходы. То были уже не депутаціи, не директоры банковъ, не предсѣдатели обществъ желѣзныхъ дорогъ или дренажныхъ коммисій, — нѣтъ, тутъ былъ цвѣтъ аристократіи: гордыя герцогини, владѣтельницы громадныхъ состояній, графини, высоко стоящія при дворѣ благородныя леди, одна благосклонная улыбка которыхъ служила фирманомъ для достиженія самыхъ высокихъ почестей. Домъ Дённа служилъ въ нѣкоторомъ родѣ биржею, на которой продавались и покупались акціи и облигаціи, переходили изъ рукъ въ руки такъ же дѣятельно, какъ и на всякой другой биржѣ, не смотря на то, что руки эти были обтянуты въ перчатки съ рубиновыми и изумрудными застежками.

Въ этомъ-то блестящемъ обществѣ застала мистера Дённа — телеграмма Генкса, о которой мы упоминали въ послѣдней главѣ. Мистеръ Дённъ съ давнихъ поръ умѣлъ уживаться со всѣми превратностями судьбы; много и долго работалъ онъ надъ собой, чтобы пріучить себя встрѣчать спокойно всевозможныя случайности; но не смотря на это, въ первую минуту, слѣдовавшую по прочтеніи этихъ немногихъ строкъ, присутствіе духа ему измѣнило.

— Водопроводная компанія Чимборанго..., сказала между тѣмъ одна блѣднолицая графиня:—ея акціи, кажется, подымаются; какъ вы мнѣ присовѣтуете, мистеръ Дённъ, брать мнѣ ихъ или нѣтъ?

— Общество для сооруженія гавани на маркизскихъ островахъ не нынче-завтра лопнетъ, Дённъ, проговорилъ старый джентельменъ съ двойными лорнетами на носу, — и рука его, державшая бумагу, дрожала. — Что вы на это скажете?

— Гленгаррифъ шибко идетъ въ гору, очень шибо, бормоталъ ему въ то же время на ухо лордъ Гленгаррифъ; но вдругъ остановился, пораженный внезапной блѣдностью его лица и спросилъ: — что съ вами? Вамъ, кажется, дурно?

— Ничего, пустяки, безпечно отвѣчалъ Дённъ.— Гм!.. А который теперь можетъ быть часъ? Вотъ какъ—уже первый въ исходѣ, а мнѣ еще надо повидаться съ канцлеромъ казначейства. Смѣло берите эти акціи, леди Массингбердъ,—проценты небольшіе, но вполнѣ обезпеченные. — Акціи кобальтовыхъ жилъ въ Казьерѣ идутъ превосходно, сэръ Джорджъ; скупайте ихъ, какъ можно больше.—Точно такъ, милордъ, далматская линія желѣзной дороги обезпечена австрійскимъ правительствомъ; я вчера еще видѣлся съ австрійскимъ посланникомъ. А теперь я долженъ откланяться, прося у васъ, милорды и миледи, извиненія въ моей поспѣшности.

Карета его была подана, но передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ еще отправить къ мистеру Генксу слѣдующую краткую телеграмму: «Задержите ее; озаботьтесь, чтобы ни одно письмо отъ нея не попадало въ почтовой ящикъ». Отославъ эту депешу, онъ поѣхалъ въ Даунингъ-Стритъ. Это земное святилище интриги было хорошо ему знакомо; много и много разъ взбирался онъ по ступенямъ этой мрачной лѣстницы, но ни разу еще не случалось, какъ оно случалось теперь, чтобы его не допустили прямо къ министру и пригласили «подождать нѣсколько минутъ». Это приглашеніе кинуло его въ холодный потъ:—неужели роковой фактъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ? Подумавъ съ полминуты, онъ убѣдился, что это было невозможно; но въ такомъ случаѣ, что же значила эта задержка?

Черезъ четверть часа двери распахнулись и изъ внутреннихъ покоевъ, громко смѣясь и разговаривая между собой, вышло пять или шесть джентельменовъ.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Дённъ? — Какъ поживаете, Дённъ?—Добраго утра, Дённъ!.. проговорили нѣкоторые изъ нихъ тономъ короткихъ знакомыхъ, проходя мимо его. Прежде

чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на эти привѣтствія, показался самъ лордъ Джедборгъ и знакомъ пригласилъ его войти. Ни разу еще Дённъ не переступалъ съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ этого порога; хотя разсудокъ и успокоивалъ его, что бояться нечего, но безотчетное предчувствіе и совѣсть говорили другое. Садясь, онъ бросилъ на министра быстрый, проницательный взглядъ, какъ бы желая прочитать свою будущность на этомъ лицѣ, но лицо не представляло ничего такого, что бы могло возбудить опасенія. Милордъ находился уже въ преклонныхъ лѣтахъ, волосы на головѣ его успѣли не только посѣдѣть, но и побѣлѣть, лобъ былъ изрытъ глубокими морщинами; но не смотря на это, безпечная развязность, улыбающаяся привѣтливость и какое-то добродушіе, которыми дышала вся его особа, скорѣе говорили о праздной и веселой жизни обыкновеннаго свѣтскаго человѣка, нежели о заботахъ и треволненіяхъ человѣка, стоящаго во главѣ великаго государства. Не переставая курить свою сигару, онъ небрежно развалился въ глубокомъ креслѣ и началъ такъ:

— Чѣмъ могу я услужить вамъ на островѣ Уайтѣ, Дённъ? Если я не ошибаюсь, то намъ предстоитъ завтра утромъ прокатиться въ Осборнъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, милордъ? тревожно спросилъ Дённъ:—стало быть, вы выходите въ отставку?

— Поговариваютъ объ этомъ, небрежно отвѣчалъ его собесѣдникъ.—Вы курите? Попробуйте эти сигары съ Кубы, онѣ недурны. Такъ-то, Дённъ, поговариваютъ объ этомъ; Монслей увѣряетъ, что мы будемъ сегодня вечеромъ въ меньшинствѣ 15 или 16 голосовъ, Джекъ же полагаетъ, что и цѣлыхъ 25.

— Вы такъ легко говорите объ этомъ, милордъ, что я, кажется, въ правѣ заключить, что потеря не безвозвратна или же...

— Или—что это вовсе не потеря? окончилъ за него милордъ.—Такъ точно думаетъ и карлтонскій клубъ и мнѣніе это раздѣляется нѣкоторыми изъ вечернихъ газетъ.

— Я вижу, милордъ, замѣтилъ Дённъ, съ какой-то странной улыбкой, что бѣда вообще поправима.

— И вы не ошибаетесь, Дённъ, поспѣшно подхватилъ его собесѣдникъ.—Мы порѣшили такъ, что позволимъ себя разбить. Противники наши, застигнутые врасплохъ, не съумѣютъ воспользоваться нашимъ пораженіемъ, котораго они никакъ не ожидаютъ. А разбить-то они разобьютъ насъ, но въ дѣлѣ составленія новаго кабинета, они положительно окажутся несосто-

ятельными. Остальное понятно безъ объясненій: созовется новый парламентъ, и сами мы займемъ болѣе прочное положеніе, чѣмъ когда либо.

— Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ—умнѣйшій человѣкъ, милордъ, разсказывалъ мнѣ однажды, какою штукою онъ поднялъ одну компанію почтовыхъ экипажей, стоявшую на краю разоренія: онъ просто устроилъ подставную оппозицію, надъ которой одержалъ блестящую побѣду. Вотъ какую силу успѣхъ имѣетъ въ глазахъ большинства.

Громкій смѣхъ министра засвидѣтельствовалъ о мѣткости сравненія; затѣмъ онъ безпечно добавилъ:—Сэръ Джорджъ Ботлей разсказывалъ мнѣ также про одного господина, который устроилъ ликвидацію собственнаго банка противъ своего собственнаго кредита, для того только, чтобы поднять свой собственный кредитъ. Такой шутки и вамъ не выдумать, мистеръ Дённъ, хе, хе, хе....

Дённъ вторилъ его смѣху, но съ побагровѣвшимъ лицомъ; впрочемъ изъ простодушнаго хохота министра онъ могъ видѣть что никто и не подозрѣваетъ его тайны.

— Этому молодцу слѣдовало бы быть министромъ, Дённъ. Онъ обладалъ, какъ видно, тѣмъ самымъ качествомъ, которое въ правительственномъ лицѣ—неоцѣненный кладъ, именно—пониманіемъ людской глупости.

— Но этого мало, милордъ, нужно еще умѣть пользоваться людскими слабостями.

— Конечно, конечно. Кстати Дённъ, хотя и не совсѣмъ à propos, замѣтилъ онъ, смѣясь:—что подѣлываетъ гленгаррифское предпріятіе? Процвѣтаетъ конечно?

— Курсъ акцій 177 и одна восьмая, милордъ, спокойно отвѣчалъ Дённъ.—Мнѣ остается только желать партіи вашего сіятельства такого же преуспѣянія.

— Ну нѣтъ, намъ въ настоящую минуту до него далеко, проговорилъ министръ съ улыбкой, выбирая новую сигару изъ лежавшей передъ нимъ пачки.

— Собственно цѣлью моего посѣщенія и было переговорить съ вашимъ сіятельствомъ объ этомъ предпріятіи, началъ Дённъ, придвигаясь поближе къ министру.—Излишне было бы говорить вамъ, въ какой мѣрѣ правительственная поддержка содѣйствовала нашимъ успѣхамъ. Отчетъ парламентской комиссіи о гавани убѣжища, обѣщаніе, что ея величество посѣтитъ Гленгаррифъ, лестный пріемъ, сдѣланный вами, милордъ, депутаціи явившейся къ вамъ по дѣлу станціи для американскихъ пакетботовъ, все

это принесло намъ несомнѣнную, существенную пользу. Но намъ этого мало, милордъ, намъ этого мало.

— Въ самомъ дѣлѣ, чортъ возьми! Но знаете ли вы, любезный другъ, что за это исключительное покровительство, оказываемое нами вашему предпріятію, мы поплатились сотнями гнѣвныхъ адресовъ, которые присылаются къ намъ со всѣхъ концовъ королевства и выставляютъ намъ на видъ, что въ другихъ мѣстахъ климатъ благорастореннѣе, мѣстность живописнѣе, воды заливовъ глубже и самые заливы удобнѣе для стоянки кораблей. Если бы вы выстроили по виллѣ для каждаго изъ членовъ комитета, и отдали бы ихъ намъ безданно, безпошлинно во владѣніе, то и тогда не вознаградили бы насъ за все, что мы изъ-за васъ претерпѣли.

— Мы сочтемъ за честь и за удовольствіе, имѣть товарищей вашего сіятельства гостями своими въ Джедборгѣ-Кресчентѣ, подхватилъ Дённъ, раскланиваясь съ невозмутимо спокойнымъ видомъ.

— Желалъ бы я знать, чего вы еще отъ насъ хотите, брюзгливо продолжалъ милордъ, который, какъ истый вельможа, не терпѣлъ, чтобъ отъ его остротъ отшучивались такими же остротами.

Мистеръ Дённъ казалось слегка былъ озадаченъ неожиданностью прямо поставленнаго вопроса. Лордъ Джедборгъ продолжалъ: — Вы, конечно, не ожидаете отъ насъ денежныхъ вспомоществованій, вы слишкомъ хорошо знаете наши учрежденія, чтобы питать подобную надежду, — эти вещи возможны во Франціи, но не здѣсь; нѣтъ, Дённъ, здѣсь онѣ положительно невозможны.

— А между тѣмъ, милордъ, во Франціи имъ скорѣе слѣдовало бы быть невозможными. Министры тамъ отвѣтственны только передъ своимъ государемъ: стоитъ имъ вдругъ разбогатѣть, чтобы каждый догадался, что они употребили во зло довѣріе своего монарха.

— Я не желаю распространяться объ этомъ предметѣ, перебилъ его милордъ. — Скажите ка мнѣ лучше, что дѣлается въ Ирландіи? можемъ ли мы разсчитывать на нее при предстоящихъ выборахъ?

— Если повести дѣло надлежащимъ образомъ, быть можетъ, вамъ и посчастливится въ ней.

— Только то, и ничего больше?

— Конечно, ничего, милордъ, и я право не знаю, на какомъ основаніи вы ожидали бы большаго? То, что вы обыкновенно вс-

личаете уступками народнымъ требованіямъ, было въ сущности не болѣе какъ признаніемъ ошибокъ вашихъ товарищей: вы снимаете какой нибудь налогъ, который сами же наложили, или порицаете постановленіе, изобрѣтенное вами же самими.

— Довольно, довольно, мистеръ Дённъ; будетъ съ меня и тѣхъ выговоровъ, которые я выслушиваю въ нижней палатѣ; внѣ ея у меня много другого дѣла.

Въ тонѣ, которымъ были сказаны эти слова, звучала твердая рѣшимость, показывавшая Дённу, что идти далѣе небезопасно.

— Но возвратимся къ Ирландіи; намъ нужно въ ней по крайней мѣрѣ шестьдесятъ или даже семдесятъ надежныхъ голосовъ; скорѣе, Дённъ, вынимайте вашъ списокъ! Мы же кстати имѣемъ въ настоящую минуту много мѣстъ, которыми можемъ располагать. У насъ есть ваканція на мѣсто епископа, ваканція на мѣсто младшаго судьи, цѣлыхъ три на—адвоката, не считая около пятидесяти второстепенныхъ мѣстъ въ казначейство. Выбирайте изъ нихъ любое

— И выбирать нечего, милордъ, хладнокровно отвѣчалъ Деннъ:— они мнѣ всѣ нужны; въ придачу я требую нѣсколько мѣстъ въ колоніяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые найдутъ почему либо неудобнымъ оставаться въ Англіи.

Милордъ откинулся въ своемъ креслѣ и засмѣялся.

— Въ настоящее время открылась ваканція въ Ямайкѣ: будетъ ли она вамъ на руку?

— Ваканція на мѣсто губернатора? Она какъ разъ мнѣ пригодится для одного стариннаго союзника вашей партіи, милордъ.

— Для кого бы это?

— Для графа гленгаррифскаго, милордъ. Пятидесятилѣтнее политическое постоянство этого нобльмена не было еще ни разу удостоено награды.

— Но помилуйте! Старикъ успѣлъ, я думаю, уже впасть во второе дѣтство. Если память мнѣ не измѣняетъ, онъ былъ....

— Онъ ровно четырьмя годами старше вашего сіятельства; онъ говоритъ, что онъ былъ въ одно время съ вами въ Итонѣ.

— Э, да онъ ошибается, онъ вѣрно смѣшиваетъ меня съ моимъ отцомъ. Но къ дѣлу,—что онъ можетъ для насъ сдѣлать?

— Я сейчасъ только упоминалъ о томъ, что онъ уже сдѣлалъ, милордъ, колко отвѣчалъ Дённъ.

— Ахъ, Дённъ! право мы не довольно богаты, чтобы быть благодарными. Эта роскошь хороша для милліонеровъ; къ тому

же вы знаете, какое множество претендентовъ явится на такое отличное мѣсто.

— Позвольте узнать, милордъ, который изъ этихъ претендентовъ можетъ вамъ доставить поддержку цѣлыхъ девяти голосовъ?

— Ну, ну, хорошо, ударимъ по рукамъ; надѣюсь, что вы мною довольны.

— Не совсѣмъ еще, милордъ, не совсѣмъ. Вы отказываете въ вашей поддержкѣ гленгаррифскому предпріятію; такъ и быть, я погожу безпокоить васъ этимъ дѣломъ; вы можете, однако, помочь намъ инымъ образомъ. Билль о расширеніи правъ евреевъ крѣпко засѣлъ въ головѣ Глумталя; онъ желаетъ, ужь Господь его знаетъ для чего, видѣть своего брата въ парламентѣ. Могу ли я обѣщать ему, что въ слѣдующую сессію билль пройдетъ? Дайте мнѣ въ этомъ ваше слово, милордъ, и я телеграфирую ему немедленно.

Милордъ покачалъ головой и отвѣчалъ: — вы забываете, что у меня есть товарищи, Дённъ.

— Я помню это очень хорошо, милордъ; и прошу лишь вашего личнаго обѣщанія. Дѣло въ томъ, милордъ, что евреи повсемѣстно придаютъ огромную важность этому вопросу, и если мы сообщимъ эту тайну Глумталю, само собою разумѣется — конфиденціально, то это придастъ ему огромное значеніе въ глазахъ его единовѣрцевъ.

— Объ этомъ надо будетъ подумать. Осуществима ли эта мѣра и какъ къ ней приступить?

— О, что до этого касается, милордъ, то современное законодательство въ своей процедурѣ имѣетъ много общаго съ простымъ торговымъ дѣломъ; вы публикуете, что вамъ нужно то-то и то-то, и получаете требуемое. Предложите журналамъ вопросъ: какъ допустить евреевъ въ парламентъ? Будьте увѣрены, отвѣтъ не замедлитъ явиться.

— Откровенность теперь въ ходу, и потому я желалъ бы знать: чего желаетъ мистеръ Девенпортъ Дённъ для самого себя?

— Дойдетъ и до него очередь, милордъ; дайте намъ прежде покончить съ другими.

— Но право я не знаю, Дённъ, что еще я могу для васъ сдѣлать: — развѣ украсть корону?

— То, объ чемъ я теперь прошу, милордъ, сущій вздоръ; впрочемъ, быть можетъ я ошибаюсь, я мало смыслю въ этихъ

дѣлахъ.... и по этому поводу могутъ возникнуть нѣкоторыя затрудненія.... проговорилъ Дённъ, въ первый еще разъ приходя въ замѣшательство.—У графа гленгаррифскаго есть незамужняя дочь; природа щедро надѣлила эту леди умомъ и красотой и сдѣлала ее вполнѣ достойною быть украшеніемъ любого двора.

— Въ кабинетѣ у насъ нѣтъ ни одного холостяка, даже лорды въ кабинетѣ и тѣ женатые, смѣясь перебилъ его лордъ Джедборгъ, которому, казалось, смущеніе мистера Дённа доставляло еще болѣе удовольствія, нежели его собственная острота.

— Я это знаю, милордъ, отвѣчалъ Дённъ, не раздѣляя его веселости; мое честолюбіе не мѣтило такъ высоко, просьба моя къ вашему сіятельству состояла въ томъ, чтобы доставить упомянутой леди мѣсто фрейлины при особѣ ея величества.

— Это невозможно, рѣшительно невозможно, Дённъ, воскликнулъ министръ, съ сердцемъ кидая сигару.—Вы право потеряли всякое чувство мѣры въ вашихъ требованіяхъ; если бы я даже имѣлъ безуміе позволить себѣ такое неумѣстное вмѣшательство, то мнѣ навѣрное дали бы почувствовать всю его неловкость.

— Если бы ваше сіятельство имѣли терпѣніе дослушать меня до конца, то увидали бы, что я домогаюсь одной номинальной почести. Недѣлю спустя послѣ того, какъ имя ея сіятельства появится въ газетахъ, она выйдетъ замужъ.

— Но дѣло отъ этого нисколько неизмѣняется, я не имѣю права дѣлать такого рода представленія и положительно отказываюсь отъ нихъ.

— Очень жаль, милордъ. Отказъ вашего сіятельства можетъ стоить большихъ бѣдствій странѣ, вслѣдствіе вашего упрямства; правленіе можетъ перейти въ руки людей неспособныхъ, важнѣйшія должности займутся лицами недобросовѣстными и нерадивыми.

— Какъ, вы думаете, сэръ, рѣзко возразилъ министръ, кому лучше меня знать, гдѣ лежитъ предѣлъ моей власти? Я уже разъ сказалъ вамъ, что подобнаго рода назначенія не въ нашихъ рукахъ.

— Не такъ думалъ сэръ Робертъ Пиль, милордъ, онъ положительно настаивалъ на своемъ правѣ окружать престолъ своими политическими приверженцами.

— Кабинетъ не судебное мѣсто и не обязанъ руководствоваться примѣрами своихъ предшественниковъ; и еще разъ повторяю вамъ, Дённъ, мое ходатайство въ этомъ дѣлѣ не могло бы имѣть успѣха.

— Отъ чего бы виконтессѣ не замолвить слово? продолжалъ Дённъ съ такою настойчивостью, противъ которой, казалось, нельзя было устоять, если бы даже на ея просьбу послѣдовалъ отказъ:– ваше сіятельство остались бы въ сторонѣ; миледи была бы дѣйствительно самымъ приличнымъ ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ; она могла бы упомянуть о предстоящемъ замужествѣ леди Августы.

— Уже не отправить ли мнѣ васъ для окончательныхъ переговоровъ къ женѣ? спросилъ милордъ, смѣясь. Я право думаю что это будетъ самое приличное наказаніе за вашу дерзость. Свободны ли вы въ воскресенье? Если *да*, то отобѣдайте съ нами. Ну-съ, послѣдній билль отсроченъ, продолжалъ онъ съ усталымъ вздохомъ:—къ чему же мы теперь перейдемъ?

— Теперь настало время поговорить и обо мнѣ, милордъ, отвѣчалъ Дённъ, съ едва замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Нечего и говорить, что я предпочелъ бы оставить свое дѣло въ рукахъ посторонняго ходатая. Впрочемъ, на мое счастье вашему сіятельству небезъизвѣстны права мои на благодарность вашей партіи. Втеченіи двадцати пяти лѣтъ, я неутомимо отстаивалъ ея интересы въ такой странѣ, гдѣ она была извѣстна только по имени, и никогда не пользовалась дѣйствительною популярностью. Вы недовѣрчиво улыбаетесь, милордъ,—быть можетъ, вы желаете, чтобы я говорилъ доказательнѣе?

— Сохрани Богъ! воскликнулъ министръ, добродушно улыбаясь.

— Если бы я вздумалъ оцѣнить свое услуги на деньги и составить списокъ всѣмъ своимъ издержкамъ, то сумма вышла бы недурная! Сколько выборовъ поддержалъ я своими собственными средствами, сколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ стоилъ мнѣ подкупъ провинціальной прессы! Я не считаю тѣхъ суммъ, которыя я истратилъ на разныя благотворительныя предпріятія съ цѣлью расположить общественное мнѣніе къ вашей партіи. Но всѣ тѣ сотни и тысячи фунтовъ стерлинговъ, которые я истратилъ такимъ образомъ—ничто, въ сравненіи съ личными услугами, оказанными мною вашему дѣлу. Помните ли великій переворотъ, произведенный продажею заложенныхъ помѣстій? Кто усерднѣе меня оберегалъ тогда ваши интересы? А кто, какъ не я, замѣстилъ старинныхъ тори болѣе податливымъ населеніемъ землевладѣльцевъ—людьми, предпочитавшими свою личную выгоду интересамъ партіи,— словомъ, людьми, съ которыми всегда можно поладить такъ или иначе? Я возвысилъ авторитетъ виговъ, связавъ ихъ дѣло съ возрастаніемъ благосостоянія

въ странѣ; благодаря мнѣ, каждый шагъ впередъ на пути прогресса являлся результатомъ вашего мудраго правленія. Вспомните, какою цѣною О'Коннель поддерживалъ вашихъ предшественниковъ? Въ награду, ему уступалось шагъ за шагомъ то, что вы привыкли считать оплотомъ конституціи. Но чѣмъ, скажите, заплатили мнѣ за эти услуги? Назовите мнѣ хоть одного человѣка изъ моихъ приближенныхъ, занимающаго мѣсто на коронной службѣ? Нѣтъ, милордъ, въ томъ-то и была моя сила, что я былъ чистъ отъ всякаго подозрѣнія въ своекорыстіи. Въ раздачѣ должностей я являлся не болѣе, какъ посредникомъ между вами и людьми наиболѣе достойными.

— Четыре часа, Дённъ, мнѣ пора ѣхать въ парламентъ.

— Я душевно сожалѣю, что задержалъ ваше сіятельство такимъ скучнымъ разговоромъ.

— Да, мнѣ и самому кажется, что безъ него можно было обойтись. Услуги ваши какъ нельзя лучше извѣстны мнѣ и моимъ товарищамъ; но сознайтесь, вы не можете пожаловаться, Дённъ, чтобы онѣ оставались непризнанными.

Говоря такимъ образомъ, онъ искалъ чего-то въ лежавшей передъ нимъ кучѣ бумагъ и потому не могъ видѣть горькой досады, выразившейся на лицѣ мистера Дённа.—Никакъ не найду; а хотѣлось бы мнѣ показать вамъ списокъ наградъ, гдѣ мы ходатайствуемъ передъ ея величествомъ о пожалованіи васъ баронетомъ.

При этихъ словахъ, Дённъ привскочилъ на мѣстѣ. Оглянувшись, министръ прочелъ на лицѣ его выраженіе бѣшенства.

— Достоинствомъ баронета, милордъ, проговорилъ онъ смѣло, принято награждать талантливаго писателя, моднаго доктора; но люди, подобные мнѣ, люди поддерживавшіе партію всѣми средствами, лежавшими въ ихъ власти, и доставившіе своимъ посредничествомъ торжество этой партіи, вожди которой, при всей своей даравитости не обладали умѣньемъ...

— Договаривайте, вамъ нужно достоинство пера? прервалъ его министръ, явно начинавшій терять терпѣніе.

— Судя по тону вашего сіятельства, подобное притязаніе вамъ кажется почти невѣроятнымъ, спокойно возразилъ Дённъ.

— По крайней мѣрѣ, я знаю, какъ взглянутъ на него другіе.

— О, что до этого касается, милордъ, всякое повышеніе такого человѣка, какъ я, не премeнитъ вызвать злые толки. Своими услугами вашей партіи я пріобрѣлъ себѣ много враговъ. Точно такіе же толки возбудила бы и та жалкая награда, которую вы

такъ милостиво припасли для меня, и которую, говорю вамъ напередъ, не совѣтую мнѣ предлагать. Въ его тонѣ было въ эту минуту что-то такое, что заставило министра обратиться къ нему съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ до сихъ поръ.

— Вы хорошо знаете, Дённъ, началъ онъ примирительно:—что личное достоинство человѣка составляетъ только одно изъ условій такого повышенія. Оно оправдывается явными услугами претендента, т. е. такими, о которыхъ можно говорить во всеуслышанье. Прессу, каковы бы ни были ея недостатки въ настоящее время, никакъ уже нельзя обвинить въ отсутствіи откровенности, и мы можетъ быть увѣрены, что она забросаетъ насъ самыми разнообразными вопросами:—Въ какой кампаніи отличился мистеръ Дённъ? Чѣмъ заявилъ онъ себя на дипломатическомъ поприщѣ? Гдѣ его заслуги, какъ юриста? Конечно, можно бы было отвѣчать, что въ вашемъ лицѣ мы поощряемъ промышленный геній страны. Но Манчестеръ и Бирмингамъ также имѣютъ своихъ милліонеровъ...

— Время вашего сіятельства слишкомъ драгоцѣнно, чтобы терять его въ подобныхъ разговорахъ,—даже мое могло бы быть употреблено съ большею пользою. Вы теперь знаете, въ чемъ заключается моя просьба. Черезъ какихъ нибудь три недѣли она можетъ быть повержена на обсужденіе преемниковъ вашего сіятельства. Однимъ словомъ, если выходя изъ этой комнаты, я не возьму съ собой вашего положительнаго увѣренія, что будетъ такъ сдѣлано, какъ я хочу, вы можете вычеркнуть меня изъ списка вашихъ приверженцевъ.

— Однако уже половина пятаго, сказалъ лордъ Джедборгъ, надѣвая перчатки: я опоздаю въ парламентъ. Мы переговоримъ объ этомъ завтра утромъ, я у васъ буду въ одинадцать часовъ.

— Извините меня, милордъ, я сегодня же въ ночь уѣзжаю въ Ирландію.

— Да, ваше присутствіе тамъ необходимо, я было совсѣмъ забылъ. Ну, дѣлать нечего, поручите мнѣ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, я переговорю съ Кройдономъ и Локслеемъ; оба они очень расположены къ вамъ. Я не даю честнаго слова, вы понимаете, я не могу дѣлать никакихъ положительныхъ обѣщаній...

— Такъ же, какъ и я, милордъ, сказалъ Дённъ, вставая.—Я долженъ просить у васъ извиненія въ томъ, что не могу обѣдать у васъ въ воскресенье.

— Очень жалѣю, что буду лишенъ удовольствія васъ видѣть, отвѣчалъ милордъ, церемонно раскланиваясь.

— Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что назначеніе къ этимъ должностямъ зависитъ отъ вашего сіятельства, сказалъ Дённъ, кладя на столъ составленный имъ списокъ.

— Кажется, что такъ, сказалъ министръ, застегивая свой сюртукъ.

— Позвольте пожелать вашему сіятельству добраго утра.

Что-то странное звучало въ тонѣ этихъ словъ.

— Прощайте, мистеръ Дённъ, отрывисто проговорилъ министръ и взялся за колокольчикъ.

Едва Дённъ успѣлъ сойти съ лѣстницы, какъ онъ услыхалъ позади себя торопливые шаги.

— Извините, мистеръ Дённъ, нагналъ его Багуэль, домашній секретарь министра: милордъ велѣлъ передать вамъ, что дѣло, о которомъ вы говорили, будетъ исполнено. Его сіятельство надѣется тоже, что вы не откажетесь отобѣдать у него въ воскресенье,

— О, да, конечно, съ большимъ удовольствіемъ. Милордъ уѣхалъ?

— Да, онъ ухалъ съ другого подъѣзда; онъ очень торопился, но все-таки, я думаю, опоздаетъ.

— Пезарскія потаповыя акціи превыгодное дѣло, Багуэль. Если у васъ есть въ запасѣ сотня—другая фунтовъ, побывайте у меня завтра утромъ. И сдѣлавъ ему таинственный знакъ, Дённъ удалился, оставивъ Багуэля въ мечтахъ о богатствѣ.

ГЛАВА VII.

Ударъ.

Было ужъ за полночь, когда мистеръ Девенпортъ Дённъ возвратился домой послѣ отлучки, продолжавшейся нѣсколько дней. Никто въ домѣ не ожидалъ его такъ скоро, и ему пришлось довольно долго простоять у подъѣзда, пока ему отворили. Но онъ былъ такъ озабоченъ своими мыслями и гаданьями о будущемъ, что почти не замѣтилъ этой проволочки.

Мистеръ Клоузъ, поднятый съ постели, прибѣжалъ съ извиненіями.—Мы не ожидали васъ раньше завтрашняго дня, сэръ, проговорилъ онъ въ смущеніи. Мистеръ Генксъ думалъ даже, что вы вернетесь только въ пятницу.

— Когда онъ былъ здѣсь?

— Сегодня утромъ, сэръ; и оставилъ эту дубовую шкатулку и эти письма, сэръ.

Пока Дённъ небрежно пробѣгалъ надписи писемъ, изъ которыхъ ни одна не представляла ему ни малѣйшаго интереса, Клоузъ упрашивалъ своего господина поужинать, или по крайней мѣрѣ, съѣсть бифстексъ и запить его стаканомъ хереса.

— Пошлите за мистеромъ Генксомъ, проговорилъ наконецъ мистеръ Дённъ, не удостоивъ ни малѣйшимъ вниманіемъ просьбу своего дворецкаго. Когда онъ придетъ, пускай дожидается меня здѣсь.—Съ этими словами онъ взялъ свѣчку и пошелъ наверхъ.

Войдя въ гостиную, Дённъ зажегъ канделабры у камина и, заперши дверь на замокъ, сѣлъ полюбоваться на недавно оконченное роскошное убранство комнаты. Рука мастера проглядывала во всемъ. Всюду была соблюдена строгая соразмѣрность съ незначительной величиной покоевъ и новѣйшимъ стилемъ архитектуры. Стѣны свѣтло зеленаго цвѣта украшались немногими отличными картинами итальянской школы. Небольшая статуэтка, изображавшая французскаго императора, всемилостивѣйше пожалованная имъ самимъ, стояла на небольшомъ столикѣ изъ малахита, и бюсты двухъ знаменитыхъ виговъ красовались на подставкахъ по обѣимъ сторонамъ большого зеркала. Кромѣ этихъ немногихъ украшеній, все было чрезвычайно просто; при меблировкѣ комнаты имѣлось преимущественно въ виду удобство и комфортъ; на блескъ было обращено мало вниманія. Надъ каминомъ висѣлъ портретъ леди Августы Арденъ, мастерски сдѣланный Торбёрномъ. Она была изображена въ амазонкѣ, и одна рука ея лежала на шеѣ арабскаго коня, подареннаго ей самимъ мистеромъ Дённомъ. Онъ остановился передъ портретомъ, любуясь необычайнымъ сходствамъ, но еще болѣе тонкимъ вкусомъ и обдуманностью въ расположеніи всѣхъ подробностей обстановки; последнее было дѣломъ Сибеллы; каждая складка драпировки была прилажена ею. Но вдругъ Дённъ вздрогнулъ и ноги его подкосились. На маленькомъ столикѣ близь камина стояло небольшое, золотое блюдечко работы Бенвенуто - Челлини, наполненное разными бездѣлками, какъ-то: старинными монетами, кольцами

и драгоцѣнными каменьями. Между прочимъ на немъ лежалъ старинный перочинный ножикъ съ массивною гематитовою ручкою и съ прикрѣпленнымъ къ нему клочкомъ бумаги, на которомъ рукою миссъ Келлетъ было написано нѣсколько словъ. Видъ этиго предмета до того поразилъ мистера Дённа, что прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился протянуть къ нему руку. Давно уже тому назадъ, онъ далъ миссъ Келлетъ порученіе разобрать лежавшія у него въ ящикахъ различныя драгоцѣнности и рѣдкости. Онъ совершенно позабылъ, что въ числѣ ихъ находится и этотъ перочинный ножикъ; впрочемъ естественно было предположить, что и миссъ Келлетъ проглядитъ его между столькими предметами, болѣе достойными вниманія. А между тѣмъ прикрѣпленный къ нему клочекъ бумаги свидѣтельствовалъ, что дѣло случилось наоборотъ.

Почти судорожнаго усилія стоило ему овладѣть ножикомъ и прочитать надпись, содержаніе который было слѣдующее: «Мистеръ Дённъ, безъ сомнѣнія, припомнитъ исторію этого перочиннаго ножика». Прочитавъ эти слова, онъ выронилъ его изъ рукъ и откинулся въ креслѣ, близкій къ обмороку.

И такъ ей былъ извѣстенъ проступокъ его ранней молодости. Она таила про себя это знаніе во все продолженіе ихъ знакомства и по одному этому случаю угадывала весь его характеръ; безъ сомнѣнія, она знала о послѣднемъ ужасномъ свиданіи Дённа съ ея отцемъ, знала и о предсказаніи умирающаго, предсказаніи, скорѣе походившемъ на проклятіе. Она лелѣяла всѣ эти воспоминанія, а между тѣмъ принимала его покровительство съ кажущимся простодушіемъ. Оставаясь съ виду благодарною и довѣрчивою, она не переставала обдумывать свою мысль. Если Поль Келлетъ разсказалъ ей исторію этого дѣтскаго проступка, то онъ, безъ сомнѣнія, не утаилъ отъ нея и послѣдовавшаго жестокаго мщенія... Она, стало быть, знала, съ какой неутомимой ненавистью Дённъ преслѣдовалъ ея отца и довелъ его до конечнаго разоренія. Она обладала хорошими данными для оцѣнки его настоящаго характера и задумала мщеніе болѣе страшное, чѣмъ его собственное. Да, она его перехитрила!

Такъ думалъ онъ, утирая капли холоднаго пота, выступившія у него на лбу, и проклиная свое долгое ослѣпленіе. Онъ, котораго изворотливый умъ не плошалъ среди самыхъ суровыхъ испытаній, былъ обманутъ и осмѣянъ дѣвчонкой. Онъ припоминалъ малѣйшія подробности своего знакомства съ нею; самые пустые случаи, ничего незначащія слова пріобрѣтали для него глубокую

знаменательность. Одно оставалось для него необъяснимымъ: зачѣмъ ей такъ хотѣлось пріобрѣсти коттеджъ близь Бантри? Какъ разъ въ этомъ коттеджѣ Дрисколь открылъ бумаги, принадлежавшія фамиліи Конуэй. Стало быть, между этимъ человѣкомъ и этой дѣвушкой существовала стачка. Мысль эта, какъ молнія промелькнувшая въ его головѣ, становилась все болѣе и болѣе вѣроятною. Никто лучше самого Дённа не зналъ, что за человѣкъ былъ Дрисколь. И потому подобный союзъ не имѣлъ для него ничего невѣроятнаго. А эти ново-открытые документы... Какое счастье, что Генксъ успѣлъ ими овладѣть! Быть можетъ, они и не имѣютъ никакой важности, но во всякомъ случаѣ ими можно запугать новаго лорда Лакингтона. Перство досталось ему такъ неожиданно, что конечно всѣ обстоятельства спорнаго дѣла совершенно ему незнакомы. Этого не надо терять изъ виду. Въ эту минуту легкій стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть.

— Мистеръ Генксъ дожидается внизу, сэръ, проговорилъ Клоусъ.

— Я сейчасъ сойду, отвѣчалъ Дённъ и снова погрузился въ размышленія...

ГЛАВА IX.

Господинъ и слуга.

— Она уѣхала? Куда?.. воскликнулъ Дённъ, не отвѣчая на многосложныя привѣтствія мистера Генкса.

— Да, сэръ, она вчера уѣхала на кораблѣ.

— На кораблѣ? Куда-же это?

— Въ Мальту, сэръ, на пароходѣ Эвксинъ. Она отправилась къ брату въ Крымъ. Одинъ изъ моихъ подчиненныхъ видѣлъ ея на палубѣ въ Соутемптонѣ.

— Она была одна?

— Совершенно одна, сэръ; мой подчиненный говоритъ, что она при немъ расплачивалась съ перевозчиками; съ ней было очень мало поклажи, но съ нее запросили полъ-гинеи...

— Ну, а что узнали вы о Дрисколѣ? спросилъ его Дённъ, которому надоѣли эти мелочныя подробности.

— Двѣнадцатаго числа прошлаго мѣсяца, онъ выѣхалъ изъ Лондона въ Гавръ, паспортъ у него былъ прописанъ въ Италію; съ нимъ былъ денежный переводъ отъ Гартвеля на 300 фунтовъ стерлинговъ, и онъ долженъ былъ взять курьера въ Парижѣ, но не взялъ.

— Гдѣ-же онъ теперь? отрывисто спросилъ Дённъ.

— Этого я не знаю, сэръ, отвѣчалъ Генксъ краснѣя отъ своего невѣдѣнія.—Послѣднее извѣстіе о немъ получилъ я съ береговъ Комо. Вы знаете, тамъ учредилось новое водолечебное заведеніе?

— Выжидалъ, вѣрно, встрѣчи съ виконтомъ лакингтонскимъ, проговорилъ Дённъ съ сардоническимъ хохотомъ:—не тутъ-то было, мистеръ Дрисколь; смерть опередила васъ, вы и на похороны-то опоздали. Теперь скажите, Генксъ, добавилъ онъ поспѣшно:—какія вѣсти о новомъ виконтѣ,—отвѣчалъ ли онъ на наши письма?

— Лично, нѣтъ, сэръ; но я получилъ короткую записку за подписью К. Христофоръ, извѣщающую о томъ, что его сіятельство былъ задержанъ болѣзнью въ Эмсѣ и обращается теперь къ нашему банку съ просьбою о доставленіи ему 200 фунтовъ стерлинговъ.

— Которые вы и препроводили къ нему?..

— Само-собою разумѣется, сэръ. Въ письмѣ этомъ были подробности, неоставлявшія ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его подлинности.

— Къ тому же и сумма сама по себѣ небольшая, добавилъ Дённъ. — Какъ вы думаете, Генксъ, она въ настоящую минуту едва ли успѣла пріѣхать въ Мальту? Или нѣтъ, что я говорю: она не будетъ тамъ раньше пятницы или субботы. Не помните, въ какомъ полку служитъ молодой Келлетъ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ разузнайте. Я между тѣмъ выхлопочу ему производство съ переводомъ въ Индію; не знаете-ли вы кого въ Мальтѣ, Генксъ?

— Какъ же, сэръ, я знаю тамъ Эдмонда Гранта —служащаго при таможнѣ, Джемса Госклея—помощника смотрителя гавани, Поля Весслея... Любой изъ нихъ можетъ сослужить намъ службу.

— Телеграфируйте, чтобы ее задержали, потому-что братъ ея отозванъ изъ дѣйствующей арміи. Я не хочу, чтобы она пріѣхала въ Крымъ.—Въ послѣднихъ словахъ звучала такая мрачная и

непреклонная рѣшимость, что Генксъ не отваживался попросись объясненія. — Ну, а теперь поговоримъ о дѣлахъ. Какъ стоятъ акціи?

— Не такъ хорошо, какъ можно бы было ожидать, сэръ; колебаніе въ гленгаррифскихъ дѣлахъ отозвалось повсюду.

— Что вы хотите сказать? Акціи, правда, упали, но потомъ онѣ опять поднялись; подобныя колебанія неразлучны съ каждымъ промышленнымъ предпріятіемъ, но здѣсь онѣ сильно идутъ въ гору. Вчера курсъ былъ 143.

— Знаю, сэръ. Получивъ вашу телеграмму, я показалъ ее Байлю и Чильдерсу, но они только улыбнулись и сказали:—Тѣмъ лучше для акціонеровъ.

— И послѣ этого благодѣтельствуйте странѣ! воскликнулъ Дённъ съ негодованіемъ.—Между ирландцами столько мелочной зависти, столько глупаго, жалкаго соревнованія, что самыя лучшія намѣренья, самыя мудрыя мѣры не принесутъ никакого плода. Пусть моя участь послужитъ предостереженіемъ для всякаго, кто имѣлъ бы безуміе идти по моимъ слѣдамъ.

Не думаю, чтобы говоря, такимъ образомъ, мистеръ Дённъ желалъ разыграть передъ Генксомъ роль благороднаго патріота, оплакивающаго заблужденіе неблагодарной отчизны. Врядъ ли онъ могъ подумать, чтобы его хитрый сообщникъ, его правая рука и повѣренный самыхъ темныхъ его замысловъ, повѣрилъ всей этой комедіи великодушія и самоотверженія. Привычка театральныхъ эффектовъ проникаетъ и въ обыденную жизнь, и величайшій плутъ въ мірѣ никого такъ часто не обманываетъ, какъ самого себя.

Точно стаканъ хересу выпилъ Дённъ,—такое облегченіе онъ почувствовалъ послѣ этой красивой выходки. Онъ ощущалъ гордое самодовольство при мысли о томъ, какое великодушное сердце бьется подъ его жилетомъ, и сквозь призму этого самодовольства онъ благодушнѣе взиралъ на свѣтъ божій.

— Ну, а какъ идутъ дѣла оссорскаго банка, мистеръ Генксъ?

— Курсъ его 114 и есть надежда на повышеніе: вклады его значительно усилились, мы теперь можемъ считать себя главнымъ земскимъ банкомъ всего края; но и то сказать, мы дисконтируемъ свободно и дѣлаемъ щедрыя ссуды.

— Мнѣ скоро будетъ надобность въ наличныхъ деньгахъ, Генксъ, проговорилъ Дённъ, расхаживая по комнатѣ съ заложенными назадъ руками и съ наклоненной впередъ головой. Вамъ придется продать часть бантрибейскихъ акцій.

— Бантрибейскихъ, сэръ? Но онѣ заложены братьямъ Глумталь.

— Такъ, такъ, я было забылъ; ну такъ акціи С. Коломбсъ, или акціи общества патентованнаго топлива, или общества для разработки ирландскаго асфальта, этого пуфа, выдуманнаго Петерсономъ; кстати же, я знаю одного американца, который возьметъ ихъ.

— Но всѣ онѣ низко стоятъ, сэръ, очень низко, мрачно отвѣчалъ Генксъ. Видя, что онѣ падаютъ все ниже и ниже, я позаботился, подъ шумокъ, выгородить наше имя изъ этого дѣла, такъ что мы при случаѣ можемъ сказать, что давнымъ-давно прекратили всякое сношеніе съ этимъ предпріятіемъ.

— Она врядъ-ли долго пробудетъ въ Мальтѣ, Генксъ? Ваша телеграмма должна прійти туда никакъ не позже четверга, вовсе некстати заговорилъ Деннъ, и какъ бы оправдывая свою разсѣянность, добавилъ:—сегодня всевозможныя мысли путаются у меня въ головѣ.

— Вамъ нуженъ отдыхъ, сэръ; вамъ нужно добрыхъ девять или десять часовъ крѣпкаго сна...

— Развѣ у меня такой усталый и измученный видъ? спросилъ Дённъ такъ тревожно, что собесѣдникъ его и самъ испугался.

— Не много усталый, сэръ, не болѣе, осторожно отвѣтилъ Генксъ.

— А между тѣмъ я не чувствую ни малѣйшей усталости, отвѣчалъ онъ брюзгливо.—Вы плохой физіономистъ, Генксъ.—Итакъ я вамъ говорю, продолжалъ онъ торопливо:—мнѣ вскорѣ нужно будетъ 12 или 15 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Поищите, не найдется-ли гдѣ красиваго загороднаго дома,—всего бы лучше, если бы на югѣ. Я раздумалъ отдѣлать Келлетскортъ. Домъ этотъ слишкомъ старъ и грозитъ паденіемъ, и перестройка обойдется намъ дороже покупки новаго.

— Если я не ошибаюсь, сэръ, почтительно проговорилъ Генксъ:—я могу принести вамъ свои поздравленія по случаю одного счастливаго событія, на приближеніе котораго намекаютъ газеты.

— Вы хотите сказать: по случаю моей женитьбы? Да, эти слухи совершенно вѣрны. Конечно, разсуждая съ практической точки зрѣнія, я могъ бы мѣтить выше, т. е. не выше собственно, но я могъ бы сдѣлать то, что многіе назвали бы болѣе выгодною партіею. Отъ меня зависѣло жениться на деньгахъ; но свой

выборъ я считаю самымъ благоразумнымъ. Вы, конечно, не знаете, что это была старинная привязанность. Мы почти были помолвлены съ леди Августой много лѣтъ тому назадъ. Она была очень молода, чуть не ребенокъ, въ пору нашей первой встрѣчи. Но она осталась вѣрна своей ранней привязанности, я съ своей стороны не уступалъ ей въ постоянствѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ, проговорилъ Генксъ, не зная, какъ принять это сообщеніе.

— Я знаю, продолжалъ Дённъ, что въ глазахъ свѣта покажется невѣроятнымъ, что человѣкъ моего закала женится по любви. Насъ привыкли считать какимъ-то чудовищемъ въ человѣческомъ образѣ, сосредоточившимъ всѣ привязанности свои на матеріальныхъ интересахъ. Они не предполагаютъ въ насъ никакихъ чувствъ, Генксъ; они не допускаютъ въ насъ пониманія всей прелести семейной привязанности. Да! заключилъ онъ послѣ долгаго молчанія:—врядъ ли можно найти другого человѣка, который такъ ложно былъ бы понятъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ я.

Генксъ испустилъ глубокій вздохъ; онъ чувствовалъ, что это было самымъ безопаснымъ отвѣтомъ; выражать свои чувства словомъ—онъ не отваживался; впрочемъ, этотъ глубокій вздохъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорилъ о томъ сострадательномъ презрѣніи, которое внушалъ ему этотъ свѣтъ своей близорукостью и низкой подозрительностью.

— Впрочемъ, продолжалъ Дённъ, это своего рода крестъ, котораго не избѣгалъ еще ни одинъ человѣкъ, выдающійся изъ толпы. Жалкіе искатели счастья, нисшаго разбора, вознаграждаютъ себя за свои неудачи, восклицая: «вотъ они каковы—эти денежные люди!»

Новый и болѣе глубокій вздохъ вырвался изъ груди мистера Генкса, который рѣшительно не зналъ, что и подумать о томъ, что слышалъ.

— Вы вѣроятно и сами, Генксъ, сто разъ слыхали подобное разсужденіе?

— Еще бы, сэръ, спѣшилъ онъ поддакнуть въ смущеніи; какъ не слыхать?

— Ну-съ, чтоже вы на нихъ отвѣчали, сэръ? мрачно спросилъ Дённъ.

— Я конечно осаживалъ ихъ, сэръ, сразу осаживалъ, т. е. я пожалуй и допускалъ въ нихъ нѣкоторое основаніе, я допускалъ, что принимая въ соображеніе то, что ежедневно творится на на-

шихъ глазахъ... Жизнь мудреное дѣло и признаюсь, чѣмъ больше, ее изучаешь, тѣмъ больше...

— Мнѣ любопытно было бы знать, проговорилъ Дённъ съ мрачной неподвижностью:—отъ кого именно слыхали вы подобные отзывы обо мнѣ?

Генксъ задрожалъ съ головы до ногъ. Онъ былъ призванъ въ качествѣ свидѣтеля, но чувствовалъ, что одно необдуманное слово можетъ его самого сдѣлать подсудимымъ.

— Вы никогда въ жизни ничего подобнаго не слыхали, сэръ, проговорилъ Дённъ съ такимъ бѣшенствомъ, что собесѣдникъ его обезумѣлъ отъ страха.

— Если существуетъ на свѣтѣ человѣкъ, ежедневная жизнь котораго служитъ блестящимъ опроверженіемъ такой клеветы, то человѣкъ этотъ—я.

Дённъ былъ въ сильномъ волненіи и ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ большими и твердыми шагами. Вдругъ онъ остановился, пристально поглядѣлъ Генксу въ лицо и сказалъ:—никто, кромѣ этой дѣвчонки Келлетъ, не осмѣлился бы такъ говорить обо мнѣ,—отвѣчайте же, сэръ! Я дознаюсь отъ васъ во что бы то ни стало.

— Такъ, сэръ, вы угадали: миссъ Келлетъ говорила это.

— Да проститъ вамъ небо эту ложь, мистеръ Генксъ; она никогда бы не пришла вамъ въ голову, если бы вамъ ее не подсказали. Не припомните ли вы, какое обстоятельство дало поводъ къ этому разговору? Я спрашиваю, продолжалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ:—какъ это случилось? Вы, конечно, болтали между собой, судили и рядили о томъ, о семъ,—такъ что ли?

— Да, сэръ,—именно такъ.

— И она замѣтила... Не припомните ли случайно, въ какихъ именно выраженіяхъ?

— Даю вамъ честное слово, сэръ, что ничего не помню, отвѣчалъ Генксъ съ очевидной искренностью.

— Люди, воображающіе себя большими умницами,—а миссъ Келлетъ какъ разъ изъ числа такихъ людей,—любятъ строить цѣлыя характеристики, основываясь на какихъ нибудь случайныхъ данныхъ; по одной чертѣ, взятой даже изъ ранняго дѣтства, они судятъ цѣлаго человѣка. Я почти увѣренъ, что именно такой способъ оцѣнки употребила эта молодая дѣвушка въ отношеніи меня. Она вѣроятно наслышалась, что въ школѣ я отличался тѣмъ-то и тѣмъ-то; напримѣръ, копилъ свои карман-

ныя деньги и отдавалъ ихъ за проценты. Ну-съ, а изъ этого она, конечно, выводила свои остроумныя заключенія, не такъ ли?

Мистеръ Генксъ покачалъ головой и промолчалъ съ потеряннымъ и недоумѣвающимъ видомъ.

— Мнѣ, конечно, мало дѣла, что обо мнѣ думаютъ, продолжалъ гнѣвно мистеръ Дённъ:—пускай себѣ клевещутъ и злословятъ, какъ знаютъ, а я между тѣмъ нахожусь наканунѣ моего вступленія въ ряды сословія перовъ. Да, Генксъ! Я поставилъ на своемъ и первая газета, послѣ новыхъ выборовъ, объявитъ мистера Девенпорта Дённа — лордомъ Кастель-Дённомъ.

Генксъ буквально babприпрыгнулъ на своемъ стулѣ. Будь онъ вѣрный слуга какого нибудь ученаго ахлимика, имѣй онъ случай цѣлые годы слѣдить за удивительными манипуляціями и тонкими соображеніями своего господина, переходя съ ними отъ тигля къ тиглю, отъ реторты къ ретортѣ, до той торжественной минуты, когда среди пара и дыма передъ глазами его засверкалъ бы желтымъ блескомъ давно искомый металлъ,—и тогда онъ не преклонился бы передъ своимъ патрономъ съ большимъ благоговѣніемъ. Дённъ прочелъ обожаніе въ каждой чертѣ его лица. Чувство это было вполнѣ искренно, насколько искренность была совмѣстима съ природой Генкса и, сказать правду, оно льстило великому человѣку, который съ юпитеровскимъ видомъ вдыхалъ въ себя этотъ фиміамъ.

— Я намѣренъ и для васъ сдѣлать многое, Генкъ, проговорилъ онъ покровительственнымъ тономъ:—я вообще не забываю людей, которые мнѣ служили вѣрой и правдой. Конечно, мы должны предварительно покончить всѣ дѣла здѣсь; я намѣренъ сосредоточить въ своихъ рукахъ порядочный кушъ чистыми деньгами и удалиться.

— Словомъ, вы хотите обезпечить себя, сэръ? проговорилъ Генксъ многозначительно.

— Да, Генксъ, именно обезпечить себя.

— Трудное это будетъ дѣло, сэръ, очень трудное.

— Я еще ни разу не отступалъ передъ трудностями, мистеръ Генксъ; единственная трудность, которую я признаю въ жизни, состоитъ въ выборѣ между различными затрудненіями. Этотъ выборъ сдѣланъ; все остальное—пустяки.

Съ этими словами мистеръ Дённъ сѣлъ къ столу, и съ той спокойной обдуманностью, съ которой онъ обыкновенно относился къ дѣловымъ вопросамъ, изложилъ мистеру Генксу свои виды

касательно каждаго изъ великихъ предпріятій, въ которомъ они участвовали. Акціи англійскихъ обществъ предполагалъ онъ сначала промѣнять на иностранныя, съ тѣмъ чтобы продать эти послѣднія. Что же касается частной собственности, отданной подъ разныя обезпеченія, то та только часть, въ расчетахъ его, подлежала выкупу, которая принадлежала лицамъ, стоявшимъ отъ Дённа въ совершенной независимости. Въ его храненіи находилась не одна семейная тайна, ему были извѣстны факты, обнародываніе которыхъ могло погубить многихъ. Надо же ему было извлечь пользу изъ этого знанія. Свирѣпою гордостью сверкалъ его взглядъ, пока онъ пробѣгалъ списокъ лицъ, поставленныхъ такимъ образомъ отъ него въ зависимость, и невнятно бормоталъ ихъ про себя. На имени виконта лаккингтонскаго Дённъ остановился и, положивъ голову на руку, сказалъ: — Не забыть бы намъ отправить эту депешу въ Мальту.

— Бѣда намъ съ этимъ Лаккингтономъ, сэръ, сказалъ Генксъ:— всѣ титулы его сіятельства лежатъ въ оссорскомъ банкѣ. Мы записали ихъ въ семистахъ фунтахъ выше ихъ дѣйствительной стоимости.

— Знаете ли, вы кто виконтъ лаккингтонъ? спросилъ мистеръ Дённъ съ многозначительными удареніями.

— Нѣтъ, сэръ.

— И я этого не знаю, подхватилъ Дённъ:—быть можетъ рѣшеніе этого вопроса обойдется въ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, съ придачею порядочнаго количества скучной болтовни. Но во всякомъ случаѣ намъ съ вами оно ничего не будетъ стоить.

— Полагаю, сэръ, что уплату графу гленгаррифскому надо будетъ произвести сполна?

— Само собою разумѣется, и прежде всѣхъ другихъ. Но я теперь не хочу входить въ подробныя объясненія, Генксъ; мнѣ необходимъ тотъ отдыхъ, о которомъ вы сейчасъ только говорили. Я жду васъ завтра въ 12 часовъ, не болтайте пока о моемъ пріѣздѣ, да незабудьте захватить отчеты оссорскаго банка и дѣла три другихъ, изъ наиболѣе важныхъ.

Мистеръ Генксъ всталъ, чтобы удалиться, но въ ту самую минуту, какъ онъ направлялся къ двери, взглядъ его упалъ на дубовую шкатулку съ тремя большими печатями, наложенными его собственной рукой.

—Вы едвали имѣли время заняться этими бумагами, сэръ? ска-

залъ онъ. Но онѣ будутъ имѣть большое значенiе, когда поднимется этотъ спорный вопросъ о перствѣ. Лаккингтоны носили имя Конуэй.

— Давайте посмотримъ ихъ, сказалъ Дённъ поспѣшно.

Генксъ сломилъ печати и отперъ шкатулку, впродолженiи нѣсколькихъ минутъ онъ порылся въ лежавшихъ въ ней документахъ, потомъ опрокинулъ ихъ на столъ и внимательно разобралъ каждый по одиночкѣ.

— Боже правый! воскликнулъ онъ, какъ это могло случиться?

— Что такое? спросилъ Дённъ:—неужели оказалась пропажа?

— Ихъ нѣтъ здѣсь, они пропали, лепеталъ Генксъ, близкiй къ обмороку отъ испуга.

— Но вѣдь это тѣ самыя печати, которыя вы собственными руками наложили на шкатулку?

— Вижу, вижу, и ничего не могу понять.

— Мистеръ Генксъ! мистеръ Генксъ! Это плохiя шутки, проговорилъ Дённъ, устремляя на испуганнаго своего собесѣдника испытующiй взглядъ.

— Клянусь вамъ, какъ передъ Богомъ...

— Не клянитесь, лучше скажите, какъ могли онѣ пропасть?

Генксъ внимательно осмотрѣлъ печати, онѣ были не тронуты, онъ освидѣтельсвовалъ ящикъ со всѣхъ сторонъ, чтобы узнать, не открывался ли онъ другимъ какимъ либо способомъ; но ничего не нашелъ. Онъ снова перебралъ бумаги, раскладывая, вытряхивая и разсматривая каждую по одиночкѣ, и взаключенiе съ тихимъ стономъ опустился на стулъ, представляя собою живое изображенiе отчаянiя. — Если не самъ чортъ постарался...

— У чорта много другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, сэръ, мрачно перебилъ его Дённъ; но потомъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ: — Положительно ли вы увѣрены, что видѣли тѣ самые документы, о которыхъ идетъ рѣчь, и когда именно?

— Видѣлъ ли я ихъ? Да помилуйте, я нѣсколько минутъ продержалъ ихъ въ рукахъ, самъ же я и положилъ ихъ въ шкатулку, прежде чѣмъ запечаталъ ее.

— Какой промежутокъ времени прошелъ между чтенiемъ бумагъ и наложенiемъ печатей на шкатулку?

— Всего какая нибудь минута, а можетъ и того менѣе.—Постойте, воскликнулъ онъ вдругъ:—я вспомнилъ теперь, что я выходилъ изъ комнаты, чтобы позвать хозяина гостиницы. Миссъ Келлетъ оставалась одна.

Мистеръ Дённъ произнесъ страшное проклятіе, ударивъ себя рукой по лбу и опустился на стулъ.—Что за проклятая оплошность и какихъ бѣдъ она намъ надѣлаетъ!..

— Тогда-то она, должно быть, и вынула ихъ; она воспользовалась этой самой минутой, бормоталъ Генксъ, погруженный въ свои собственныя безотрадныя мысли.

— Мой отецъ былъ правъ, вполголоса проговорилъ Дённъ: — эта дѣвушка надѣлаетъ намъ еще много зла.

— Но я спрашиваю себя, какую цѣну могли они имѣть въ ея глазахъ? Она ничего не смыслитъ въ тѣхъ вопросахъ, къ которымъ они относятся. Она не могла даже разобрать заголовковъ документовъ.

— Я долженъ былъ заранѣе знать, я долженъ былъ готовиться къ этому, воскликнулъ Дённъ. Мнѣ видно на роду написано платиться за всѣ ошибки и глупости тѣхъ, которые должны бы были быть моими помощниками. Другимъ людямъ счастье въ выборѣ агентовъ, мнѣ же на долю достаются или неспособные, или того хуже.

— Если вы меня относите къ одной изъ этихъ категорій, сэръ, то неугодно ли сказать, къ какой именно? спросилъ Генксъ, вспыхнувъ отъ оскорбленія.

— Выбирайте сами, —къ той или другой, а то пожалуй и къ обѣимъ, продолжалъ Дённъ внѣ себя.

— Тотъ человѣкъ, который такъ отзывается о другихъ, долженъ имѣть непоколебимое сознаніе своей собственной высокой честности, проговорилъ Генксъ замирающимъ отъ бѣшенства голосомъ. — Какъ бы то ни было, свѣтъ рѣшитъ, кто изъ насъ правъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? Ужь не намѣреваетесь ли предать гласности то, что произошло между нами? Станетъ ли у васъ смѣлости....

— О, у меня на многое хватитъ смѣлости, сэръ, если меня доведутъ до этого, отвѣчалъ Генксъ насмѣшливо.—Я осмѣлился бы напримѣръ посвятить публику въ тайну современнаго искусства управлять банками. Я могу сообщить весьма интересныя свѣдѣнія о способѣ составленія новыхъ товариществъ, о томъ какъ акціи выпускаются, уничтожаются и снова выпускаются... У меня цѣлый запасъ забавныхъ анекдотовъ о заложенныхъ документахъ на помѣстья, которыя такъ и капули въ воду....

Что побудило мистера Генкса такъ круто оборвать потокъ

своего насмѣшливаго краснорѣчія? Почему онъ такъ поспѣшно кинулся къ двери, которую впрочемъ мистеръ Дённъ уже успѣлъ запереть на замокъ? Привело ли его въ трепетъ выраженіе лица мистера Дённа?... И дѣйствительно, при взглядѣ на это лицо, застыла бы кровь у болѣе мужественнаго человѣка. Но не то испугало мистера Генкса: онъ видѣлъ, какъ Дённъ вынулъ что-то изъ выдвижного ящика, — что такое, онъ не могъ разглядѣть—и поспѣшно сунулъ въ карманъ.

— Боже милосердый! воскликнулъ Генксъ, дрожа, какъ осиновый листъ.—Вы не осмѣлитесь....

— Подобно вамъ самимъ, сэръ, у меня на много станетъ смѣлости, если меня доведутъ до этого, сказалъ Дённъ, возвращаясь къ своему обычному самообладанію. —Но однако будетъ, Генксъ; неужели изъ-за одного обиднаго намека мы порвемъ узы нашей старинной дружбы? Я былъ неправъ, я виноватъ передъ вами и прошу у васъ прощенія. Не тѣмъ бы слѣдовало отплатить вамъ за вашу вѣрную дружбу, дайте мнѣ вашу руку и скажите, что вы меня прощаете.

— Право, сэръ, сознаюсь, я никакъ не ожидалъ... мнѣ никогда не приходило въ голову.. .

— Полноте, полноте, неупрямьтесь; ужь коли мириться, такъ мириться отъ всей души.

Генксъ взялъ протянутую къ нему руку и пробормоталъ какія-то отрывочныя и несвязныя слова.

— Ну, теперь садитесь и выкиньте всѣ эти непріятныя воспоминанія изъ головы.

Говоря такимъ образомъ, онъ раскрылъ большой портфель и, порывшись въ немъ нѣсколько времени, вынулъ небольшой клочокъ бумаги.—Наконецъ-таки нашелъ, сказалъ онъ:—коммисіонерство продажи остъ-индскихъ помѣстій, двѣ тысячи фунтовъ въ годъ, не считая помѣщенія и прочаго. Мѣсто это предназначалось для сэръ Гептена Уаллеса: будетъ ли оно вамъ на руку, Генксъ? Многіе легко переносятъ остъ-индскій климатъ.

— О, что касается климата, сэръ, отвѣчалъ Генксъ, дрожа отъ удовольствія,—я не боюсь его.

— Вамъ предоставляется полная свобода отлучаться отъ времени до времени, а послѣ шести-лѣтней службы вы можете расчитывать на пенсію въ 1,200 фунтовъ, если я не ошибаюсь. Что вы на это скажете? Мѣсто это не можетъ долго оставаться вакантнымъ. Выставить мнѣ что ли ваше имя, вмѣсто имени сэра Гептена?

— О сэръ, вы слишкомъ великодушны!

— Ничуть не бывало, Генксъ, я только справедливъ; если я и могу чѣмъ похвалиться въ этомъ дѣлѣ, такъ развѣ тѣмъ самоотверженіемъ, съ которымъ я лишаю себя вѣрнаго испытаннаго помощника.

— Отчеты, о которыхъ вы говорили, сэръ, будутъ немедленно готовы, проговорилъ Генксъ:—я просижу надъ ними всю ночь...

— Намъ некуда торопиться Генксъ, не утомляйте себя понапрасну, и смотрите, будьте здѣсь завтра въ двѣнадцать часовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗЕМЛЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Естественная исторія мірозданія, съ нѣм. пер. Карла Фогта, перев. и доп. примѣч. А. Пальховскій. М. 1863.—Физіологическія письма Карла Фохта, пер. Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Вып. I й. Спб. 1863.—Физіологическія картины Л. Бюхнера, перев. съ нѣм. С. А. Усовъ. М. 1862.)

I.

Земля, какъ это знаетъ читатель, составляетъ одну изъ планетъ нашей солнечной системы. Нептунъ, самая отдаленная изъ нихъ, лежитъ отъ солнца въ разстояніи 5,208,000,000 верстъ. Человѣческое воображеніе, разумѣется, не можетъ представить себѣ этой величины; но вычисленія астрономовъ указываютъ на разстоянія еще значительно большія. Напримѣръ, поперечникъ солнечной системы составляетъ 10,416,000,000 верстъ; Сиріусъ лежитъ отъ земли въ 1,275,715,000,000,000 верстахъ; а отдаленнѣйшая изъ всѣхъ видѣнныхъ астрономами звѣздныхъ системъ лежитъ въ 35,000 разъ дальше Сиріуса или въ 44,650,025,000,000,000,000 верстахъ. Если чрезъ все это разстояніе вообразить желѣзную дорогу, то поѣздъ, равняющійся въ быстротѣ нашему московскому почтовому, свершилъ бы путь въ 6,800,000,000,000 лѣтъ. Всѣ эти цифры приводимъ

мы разумѣется не для того, чтобы поставить читателя въ затруднительное положеніе произнести ихъ. Мы только хотимъ показать громадность опредѣленныхъ человѣкомъ предѣловъ міроздания и сравнительную незначительность земли, имѣющую въ поперечникѣ всего только 11,900 верстъ. Но самая большая изъ этихъ цифръ вовсе еще не предѣлъ міра; самое смѣлое человѣческое воображеніе подавляется громадностью пространства, представляемаго звѣзднымъ небомъ. Уже одни масштабы, употребляемые астрономами для вычисленія разстояній планетъ, могутъ указать на характеръ величинъ, съ какими имъ приходится имѣть дѣло. Самымъ малымъ масштабомъ служитъ радіусъ и поперечникъ земли, т. е. почти двѣнадцать тысячъ верстъ, для большихъ разстояній берутъ промежутокъ солнца отъ земли — 143,500,000 верстъ, или же два такихъ разстоянія т. е. поперечникъ земной орбиты, а для разстояній еще большихъ оказываются незначительными даже и эти громадныя величины и тогда служитъ мѣриломъ быстрота распространенія свѣта, который, какъ извѣстно, пробѣгаетъ въ секунду 280,000 верстъ и отъ солнца до земли достигаетъ въ 8 минутъ и 13 секундъ. Если мы предположимъ, что всѣ видимыя невооруженнымъ нашимъ глазомъ звѣзды лежатъ другъ отъ друга на такомъ разстояніи, какъ солнце отъ земли, то легко увидѣть, что никакой человѣческій умъ не въ силахъ составить себѣ понятіе о предѣлахъ мірозданія; а между тѣмъ невооруженнымъ глазомъ человѣкъ видитъ всего только около трехъ тысячъ звѣздъ,—какъ же велика была бы работа его воображенія, когда смотря на небо въ телескопъ, въ мѣстахъ гуще усѣянныхъ звѣздами, наблюдатель увидѣлъ бы, что чрезъ зрительное поле телескопа пройдетъ только въ теченіе одного часа пятьдесятъ тысячъ звѣздъ.

Форма планетъ, ихъ движеніе и положеніе подчиняются вполнѣ тѣмъ же самимъ законамъ, какіе ежедневно совершаются предъ нашими глазами. Земля имѣетъ форму шара нѣсколько сжатаго у полюсовъ по той же причинѣ, по какой вращаемый быстро мягкій глиняный шарикъ получитъ тоже подобную форму. Громадный океанъ имѣетъ сферическій видъ по тому же закону, по какому имѣетъ его и дождевая капля. Всѣ планеты, съ ихъ спутниками, движутся и вращаются около своихъ центральныхъ свѣтилъ по тому же закону, по которому камень, брошенный человѣкомъ, падаетъ, описавъ кривую линію. Здѣсь дѣйствуютъ двѣ противоположныя силы — одна стремится постоянно впередъ, другая противодѣйствуетъ ей, притягивая

къ себѣ стремящееся впередъ тѣло. Этотъ законъ движенія нашей солнечной системы имѣетъ приложеніе ко всѣмъ остальнымъ системамъ и мірамъ; всѣ они движутся по тому же закону; нѣтъ на небѣ ни одной звѣзды, которая бы не подчинялась ему, и всѣ эти законы могутъ быть выражены точными математическими величинами и опредѣлены цифрами

Потому что движеніе тѣлъ и образованіе ихъ внѣшняго вида подчинены извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ физическимъ законамъ, становится весьма понятнымъ и естествен..ое возникновеніе небесныхъ тѣлъ путемъ того же естественнаго закона. Вильямъ Гершель, наблюдая туманныя пятна, нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ точно такія же звѣздныя системы, какъ наша, но только лежащія въ неизмѣримо далекомъ отъ насъ разстояніи; а другія, при наблюденіи въ самые сильные телескопы, сохранили все-таки свой туманный или облачный видъ. Поэтому Гершель принялъ ихъ за массы газообразной, свѣтящейся матеріи. Наблюдая эту матерію, Гершель замѣтилъ въ ней разныя степени плотности и пришелъ къ мысли, что это должны быть солнечныя системы, начавшія образовываться изъ газообразной матеріи. Но составленіе полной гипотезы объ образованіи міровъ принадлежитъ Лапласу. На основаніи точно извѣстныхъ физическихъ законовъ онъ разъяснилъ, что болѣе яркіе центры туманныхъ пятенъ, или ядра, должны образовать современемъ центры скопленія окружающей ихъ матеріи, и если линіи направленія движеній матеріи пойдутъ косо, то вокругъ центра образуется круговое движеніе. Движеніе это станетъ усиливаться по мѣрѣ уплотненія массы, и какъ центробѣжная сила будетъ иногда брать перевѣсъ надъ силой центростремительной, или скучивающей, то отъ этого и образуется рядъ колецъ. Каждое изъ нихъ получитъ въ моментъ отдѣленія свое собственное движеніе. Но какъ кольца будутъ имѣть возможность сохранить свою форму только при одинаковой степени плотности, что, разумѣется, весьма трудно и можетъ случиться рѣдко, то кольца разорвутся и каждая разорвавшаяся часть образуетъ или отдѣльную массу, или же всѣ они сольются въ одинъ кусокъ. Такимъ образомъ изъ туманнаго пятна или первоначально газообразной матеріи могли произойти центральныя солнца, а вокругъ нихъ планеты, или спутники образовавшіеся изъ колецъ, или ихъ разрывовъ. Лапласъ показалъ, что все это возможно при дѣйствіи міровыхъ физическихъ законовъ, что такимъ же образомъ произошла наша

солнечная система и всѣ другія похожія на нее, и что кольца Сатурна находятся еще въ первоначальномъ моментѣ своего движенія, не образовавъ планетъ.

Плато, одинъ изъ гентскихъ профессоровъ, подтвердилъ гипотезу Лапласа весьма интереснымъ опытомъ. Изъ смѣси воды и спирта онъ составилъ жидкость одинаковой плотности съ прованскимъ масломъ, такъ что масло налитое въ сосудъ приняло шарообразную форму. Тогда опустивъ въ масло палку, имѣющую посрединѣ маленькій кружочекъ, такъ чтобы центръ его соотвѣтствовалъ центру масляпаго шара, онъ началъ вертѣть ось. Масло пришло въ движеніе и въ мѣстахъ соотвѣтствующихъ полюсу сжалось, а у экватора расширилось. Усиливая вращеніе оси или палочки до быстроты трехъ оборотовъ въ секунду, онъ далъ массѣ наибольшую степень сплоченности, и затѣмъ отъ нея стала отдѣляться въ сплоченныхъ мѣстахъ и въ горизонтальномъ направленіи масса, принявшая форму правильнаго кольца. Послѣ того кольцо раздѣлилось на нѣсколько отдѣльныхъ массъ и каждая изъ нихъ приняла форму шара. При этомъ раздѣленіи кольца на большія части, являлись всегда одинъ или два маленькихъ шарика, изображавшихъ такимъ образомъ какъ бы спутниковъ. Отъ этого опыта Плато теорія Лапласа получила, разумѣется, важное практическое подтвержденіе. И потому весьма вѣроятно предположить, что нѣкогда міровое пространство было наполнено газообразной матеріей, неодинаковаго состава или плотности, такъ что сила притяженія разорвала ее и разсѣяла. Изъ этихъ отдѣльныхъ массъ, какъ изъ туманныхъ пятенъ, образовались, при ихъ движеніи, центры или солнца, а вокругъ нихъ планеты съ ихъ спутниками. Наконецъ, что міріады этихъ отдѣльныхъ міровъ, вращаясь въ безпредѣльномъ пространствѣ около своихъ звѣздныхъ центровъ, тяготѣютъ разумѣется и къ своему общему міровому солнцу, свершающему свой путь можетъ быть въ милліоны лѣтъ.

Изъ того, что спутники отдѣлились отъ своихъ планетъ, подобно тому какъ планеты отдѣлились отъ своихъ солнцевъ, слѣдуетъ предположить, что орбиты спутниковъ составляли прежде предѣлъ пространства планеты; точно также какъ нынѣшняя скорость движенія спутника должна равняться скорости движенія его планеты въ тотъ отдаленный періодъ. Поэтому земля во время ея отдѣленія отъ солнца имѣла поперечникъ не менѣе 728,000 верстъ, т. е. въ шестьдесятъ одинъ разъ больше нынѣшняго, а для своего обращенія

вокругъ оси употребляла вмѣсто двадцати четырехъ часовъ больше двадцати девяти дней. Во сколько времени свершилось уменьшенie земли до ея теперешняго размѣра, наука не говоритъ ничего, прежде всего потому, что для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ, хотя несомнѣнно, что время это нужно считать такими же громадными числами, какими обыкновенно пугаютъ астрономiя и геологiя; а вовторыхъ, едвали и есть необходимость задавать подобный праздный вопросъ, совершенно похожiй на тотъ: есть ли на планетахъ жители или нѣтъ? Несомнѣнно только то, что если всѣ мiры связаны такъ тѣсно между собой и подчинены одному закону всеобщаго тяготѣнiя, то очевидно они должны имѣть и одинъ составъ, т. е. что всѣ тѣже химическiя начала, которыя образуютъ землю должны составлять и другiя планеты. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, чтобы однородныя химическiя вещества не были бы также повсюду, какъ дѣйствуютъ повсюду законы тяготѣнiя. Все это приводитъ къ единству происхожденiя всего мiрозданiя и къ единству дѣйствующихъ повсюду законовъ.

Разумѣется, когда земля имѣла въ поперечникѣ 728,000 верстъ вмѣсто нынѣшнихъ 11, то плотность ея была менѣе значительна, чѣмъ теперь; но составъ вещества тѣмъ не менѣе оставался все однимъ и тѣмъ же. Разница была только въ томъ, что нынѣшнiя твердыя вещества могли быть тогда жидкими или газообразными. По мѣрѣ того какъ масса земли охладѣвала, оболочка ея принимала твердый видъ и наконецъ достигла того состоянiя, въ какомъ засталъ ее первый человѣкъ.

Протекли миллiоны лѣтъ, прежде чѣмъ естественные законы, дѣйствующiе и понынѣ, дали землѣ ту внѣшнюю форму, какую она представляетъ. Въ это время подземныя силы выдвигали горныя цѣпи, образовывали материки; другiя силы создавали моря, рѣки, разрушали первичныя толщи, образовали изъ ила новые пласты, и процессы эти, существовавшiе прежде, существуютъ еще и теперь и многiе изъ нихъ мы можемъ встрѣтить въ безчисленныхъ явленiяхъ нашей повседневной жизни. Впродолженiе этой долгой эпохи, кромѣ несложныхъ, такъ называемыхъ неорганическихъ процессовъ, — когда создавались минеральныя толщи и отложенiя, — являлись и болѣе сложныя формы органическихъ явленiй. Много разъ создавались на землѣ растительныя и животныя формы, исчезавшiя въ геологическихъ переворотахъ, остановившiяся наконецъ на тѣхъ послѣднихъ

явленіяхъ органической жизни, какія представляетъ теперешняя земля.

Такъ какъ въ основаніи неорганической и органической матеріи лежатъ одни и тѣже химическіе элементы, соединяющіеся въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ и по однимъ и тѣмъ же законамъ, то надо предположить, что и въ происхожденіи всего лежитъ одна непосредственная причина. Нѣтъ основанія думать, чтобы океаны, материки создала одна сила, а всю животную и растительную жизнь создала сила другая. Таже сила, которая творила всю геологическую исторію земли и изъ разрушенія минеральныхъ веществъ создала растеніямъ почву, — создала, разумѣется, и растенія. Если не допустить этого основанія, а предположить, что въ громадномъ ходѣ всего мірозданія, управляемомъ общими, повсюду одинаково дѣйствующими законами, міры со всѣми ихъ неорганическими переворотами создавались одной причиной, а для появленія какой-нибудь растительной былинки или водоросли требовалось отдѣльное «да будетъ!» — то такое притязаніе каждой отдѣльной животной и растительной формы — а ихъ сотни тысячъ разныхъ видоизмѣненій — не было бы согласно съ тѣмъ простымъ и несложнымъ міровымъ закономъ, который лежитъ въ основаніи всей природы.

Разумѣется, вопросъ о созданіи или происхожденіи органическаго міра будетъ всегда однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и пока наука не подготовитъ для разрѣшенія его опытныхъ данныхъ, онъ будетъ одними людьми разрѣшаться ихъ внутреннимъ сознаніемъ, а другіе будутъ отвѣчать на него простымъ «не знаю». Въ первичное зарожденіе теперь не вѣруетъ уже ни одинъ основательный натуралистъ, но также и никто не можетъ дать отвѣта на вопросъ о началѣ органической жизни. Очень можетъ быть, что на землѣ былъ только развѣ тотъ моментъ, когда совпали условія, благопріятныя для образованія животной жизни, можетъ быть они повторялись чаще, а можетъ быть они существуютъ гдѣ-нибудь и теперь; но по крайней мѣрѣ прямыя наблюденія, которыми живутъ всѣ знанія и создаются истины, не даютъ никакихъ фактовъ для точнаго заключенія. Одно только великое разрѣшеніе создало современное естествознаніе, — какъ основой всему мірозданію, поражающему воображеніе человѣка своей безконечной громадностью, служатъ безконечно малые атомы и химическія начала, такъ основаніемъ всей органической жизни служитъ безконечно малая клѣточка.

II.

Гарвей сказалъ: «все живое происходитъ изъ яйца» и это положеніе считалось долго научной истиной, пока не замѣнили его другой аксіомой, что «все живое происходитъ отъ живаго». Теперь же доказано, что «каждая клѣточка происходитъ отъ другой клѣточки». Но что такое клѣточка? Клѣточка есть маленькій, вообще микроскопическій пузырекъ, содержащій ядро и служащій основой всѣхъ органическихъ образованій. Кучи клѣточекъ, или сочетаніе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, образуетъ всѣ сложные и простые организмы. Многіе изъ нисшихъ организмовъ, напримѣръ лишаи, мхи, грибы и нисшія одноклѣточныя животныя, остаются всю жизнь на степени простой клѣточки, тогда какъ болѣе сложные организмы при помощи той же клѣточки достигаютъ высокаго и чрезвычайно сложнаго развитія. Тысячи клѣточекъ нужны, чтобы образовать самый маленькій древесный листъ, и милліоны, чтобы составить крошечную травку. Древесина, кора, лубъ, пробковая ткань, представляющіеся невооруженному глазу въ видѣ сплошной массы, подъ микроскопомъ оказываются извѣстнаго рода сочетаніемъ клѣточекъ. Изъ однихъ клѣточекъ образуется вѣтвь, изъ другихъ корень, листъ, растительные волоски и т. д. Все наше тѣло состоитъ изъ громаднаго скученія клѣточекъ. Волосы, ногти — тоже клѣточка, только образующая внутри себя роговое вещество. Ученіе о клѣточкѣ принадлежитъ къ числу новѣйшихъ открытій въ естествознаніи и существуетъ не болѣе двадцати лѣтъ. Хотя еще и ранѣе, въ прошедшемъ столѣтіи, Вольфъ утверждалъ, что животныя и растенія состоятъ изъ пузырьковъ; хотя Океnъ, глава натуръ-философовъ, говорилъ, что «животныя и растенія ничто иное, какъ развѣтвленный и многократно повторенный пузырекъ», но эти теоріи, неподкрѣпленныя точнымъ анализомъ, были вытѣснены другими теоріями и ученіе о клѣточкѣ сдѣлалось достояніемъ науки только со времени микроскопическихъ изслѣдованій Шванна, обнародованныхъ имъ въ 1839 году.

Клѣточка есть большею частью круглый, или овальный пузырекъ, состоящій изъ оболочки, съ содержимымъ и ядромъ. Обыкновенно

она бываетъ такъ мала, что ее нельзя видѣть простымъ глазомъ. У высшихъ позвоночныхъ животныхъ клѣточка бываетъ большею частью микроскопической величины, но чѣмъ органическое существо ниже по своему образованію, тѣмъ становится крупнѣе его клѣточка. Самая большая клѣточка человѣческаго тѣла — яичко имѣетъ въ поперечникѣ $^1/_{10}$ линіи, у растеній она бываетъ величиной отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{100}$ линіи, иногда отъ $^1/_{1000}$ до $^1/_{3000}$, но иногда достигаетъ величины даже замѣтной простымъ глазомъ, напримѣръ въ сердцевинѣ бузины, или въ очень сочныхъ плодахъ. Самыя большія клѣточки встрѣчаются у водорослей; у нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ вытягиваются въ нѣсколько дюймовъ и имѣютъ въ поперечникѣ линію.

Каждая клѣточка имѣетъ ядро, и дѣятельность ея связана съ жизнью этого ядра такъ тѣсно, что когда она потеряетъ свое ядро, она умираетъ и сама. Роль ядра заключается въ томъ, что оно служитъ центромъ сокообращенія въ клѣточкѣ. Находящаяся въ клѣточкѣ жидкость движется или всей массой, или же дѣлится на тонкіе потоки, идущіе отъ ядра и возвращающіеся къ нему, или же она образуетъ постоянное круговое теченіе. Въ животной клѣточкѣ содержимое бываетъ иногда довольно твердо, а иногда жидко и прозрачно; иногда въ болѣе старыхъ клѣточкахъ можно видѣть отдѣльныя зерна, жировыя капли, волокна, нити, кристаллы и проч. Такимъ образомъ на содержимое клѣточки можно смотрѣть, какъ на смѣсь многихъ органическихъ и неорганическихъ веществъ, частью растворенныхъ въ водѣ, а частью просто къ ней примѣшанныхъ. Жировыя клѣточки содержатъ капельки жира, а клѣточки кровяныя заключаютъ растворъ бѣлковины, съ окрашивающимъ веществомъ крови. Такимъ образомъ клѣточка составляетъ какъ бы организмъ, а скопленіе такихъ клѣточекъ образуетъ растительную или животную форму, живущую жизнью клѣточекъ. Поэтому отправленіями ихъ объясняются всѣ отправленія организма и отъ характера ихъ жизни зависитъ характеръ жизни цѣлаго. Поэтому нетрудно объяснить, что если нормальное отправленіе клѣточки составляетъ нормальное состояніе всего организма, то разумѣется, что болѣзненное состояніе организма есть болѣзненное состояніе клѣточекъ, или, выражаясь словами Вирхова: «измѣненная клѣточка составляетъ сущность болѣзни».

При такой роли клѣточки, гдѣ ея жизнью обусловливается и жизнь цѣлыхъ организмовъ, очевидно, что и размноженіе ихъ должно зависѣть отъ размноженія клѣточки. Какъ же размножается клѣточка?

Она размножается простымъ дѣленіемъ: первоначальная клѣточка распадается на двѣ или на многія. Прежде всего дѣлится ядро, потомъ стѣнки клѣточки перетягиваются, получаютъ въ тонкомъ мѣстѣ видъ нити и лопаются. У нѣкоторыхъ растеній такое дѣленіе клѣточекъ происходитъ съ невѣроятной быстротой, и какъ оно происходитъ по закону арифметической прогрессіи, то разумѣется, и въ чрезвычайномъ количествѣ. Шлейденъ вычислилъ, что одинъ быстро растущій грибъ образуетъ каждую минуту 20,000 новыхъ клѣточекъ. А Vorticella производитъ втеченіе четырехъ дней сто сорокъ билліоновъ новыхъ особей. Кромѣ этого способа размноженія клѣточекъ существуетъ еще и другой, приписываемый болѣе клѣточкамъ животныхъ. И это размноженіе совершается тоже простымъ дѣленіемъ, но сначала только внутри самой клѣточки, причемъ первоначальная ея оболочка не принимаетъ участія. Внутри такъ называемой материнской клѣточки образуются дочерніа; первоначальная оболочка растягивается, наконецъ лопается и выпускаетъ образовавшіяся въ ней клѣточки. Отъ какихъ причинъ происходитъ такое размноженіе, наука еще не знаетъ. Ей извѣстно только, что у такъ называемыхъ тайнобрачныхъ растеній, какъ мхи, папортникъ, зародышный органъ составляетъ клѣточка, называемая спорой и размноженіе совершается безъ оплодотворенія, простымъ образованіемъ въ спорѣ новыхъ клѣточекъ; у цвѣтковыхъ же растеній для этого необходимо соприкосновеніе двухъ разныхъ клѣточекъ, называемыхъ мужскими и женскими; отчего изъ женской клѣточки развивается способное къ произведенію недѣлимаго растительное сѣмя. Тотъ же самый процессъ совершается и при развитіи животнаго яйца и человѣка. И какъ приэтомъ нужно соединеніе клѣточки матери и клѣточки отца, то и становится понятнымъ, почему вновь образующееся существо можетъ быть такъ похоже на своихъ родителей, какъ въ наружныхъ чертахъ, такъ и въ душевныхъ качествахъ. Нисшія животныя, напримѣръ инфузоріи, размножаются также, какъ и нисшія растенія, простымъ дѣленіемъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что извѣстно изъ точныхъ наблюденій о клѣточкѣ и ея отправленіяхъ. Эти результаты наводятъ и на другія мысли, которыя если и не могутъ быть еще подтверждены опытами, то тѣмъ не менѣе указываютъ направленіе, въ какомъ, разумѣется, будутъ производиться послѣдующія изысканія. Если вся органическая природа развивается изъ клѣточки, и клѣточка составляетъ первичную форму каждаго недѣлимаго, то изъ этого можно

заключить, что «всѣ органическія существа — рыба, звѣрь, человѣкъ, берутъ свое начало въ одной и той же точкѣ — въ зародышной клѣточкѣ, что природа формируетъ всѣхъ своихъ дѣтей изъ этого основного вещества, и только на пути своего развитія каждое изъ нихъ уклоняется, болѣе или менѣе, отъ типичной первоначальной формы.» Между ботаниками уже существуетъ подобное мнѣніе. Изъ сравненія флоръ послѣдовательныхъ геологическихъ переворотовъ, изъ физіологическихъ и морфологическихъ законовъ развитія и измѣняемости вида многіе ботаники выводятъ прямое заключеніе, что и виды произошли другъ отъ друга. «Какъ клѣточка развиваетя въ органъ, органъ въ растительную особь, особь въ видъ, также точно видъ развивается въ царство, постоянно стремясь къ высшему и постоянно совершенствуясь». Измѣненіе водоросли въ мохъ уже доказано прямыми микроскопическими наблюденіями. Изъ этого очевидно, что возможное для растительнаго царства должно считаться возможнымъ и для царства животнаго. А какъ и животное и растительное царство ведутъ свое начало отъ простѣйшей формы — клѣточки, то является еще и другое вѣроятіе, что и то и другое царство явились отъ одной первичной формы, что эта форма, въ началѣ растительная, создавала все растительныя особи, «пока наконецъ не накопилось достаточно органической матеріи, чтобы доставлять пищу животнымъ, хотя бы самымъ нисшимъ». Теорія клѣточки даетъ полную возможность связать одной мыслью всѣ явленія органической природы; а общность законовъ растительной и животной клѣточки, разумѣется, указываетъ на одну общую причину ихъ происхожденія. Такимъ образомъ едва ли есть достаточные поводы сомнѣваться въ общемъ происхожденіи растительнаго и животнаго царства, хотя наблюденія, сдѣланныя до сихъ поръ, и не представляютъ доказательствъ въ подтвержденіе этой мысли.

Но мыслящіе люди нашли еще болѣе. Отъ единства органическаго міра они переходятъ къ единству происхожденія его съ міромъ неорганическимъ, и такимъ образомъ связываютъ все мірозданіе однимъ общимъ кореннымъ закономъ его происхожденія. Первую мысль для такого сближенія дали наблюденія надъ кристаллами, при образованіи которыхъ открыто присутствіе внутреннихъ процессовъ, которые можно сравнивать съ растительной и животной жизнью. Наконецъ, Рейхертъ сдѣлалъ открытіе, что бѣлковыя вещества, т. е. вещества исключительно органическія, могутъ принимать кристаллическую фор-

му. Люди, непризнающіе этой связи въ природѣ,—потому что не умѣютъ смотрѣть на нее глубже, —не хотятъ понять, что въ настоящее время намъ приходится имѣть дѣло съ продуктами, которые, составляя результатъ труда милліоновъ лѣтъ, разумѣется, должны представлять большое различіе въ своемъ послѣднемъ развитіи. Но и это различіе не касается сущности, потому что, хотя продукты обоихъ царствъ и различны, но они развиваются все-таки по однимъ и тѣмъ же законамъ, образуются изъ однихъ и тѣхъ же веществъ и двигаются однѣми силами. «Отрицая жизненную силу, говоритъ Негели, я хочу сказать, что матеріальные процессы образованія, питанія, размноженія въ растеніяхъ обусловливаются тѣми же силами, какими обусловливается образованіе кристалла. И много фактовъ ведутъ къ тому, что все различіе неорганическаго и органическаго въ дѣйствительности не болѣе, какъ различіе между простымъ и сложнымъ». Основной же силой, дающей жизнь всей природѣ, обусловливающей всѣ жизненные процессы, безъ которой вся природа сдѣлалась бы неподвижной, неизмѣняющейся мертвой массой, — есть теплота.

III.

Въ природѣ нѣтъ процессовъ, въ которыхъ бы теплота не принимала участія. Теплота создаетъ вѣтеръ, дождь, снѣгъ и всѣ тѣ явленія, которыя даютъ землѣ плодородіе. Теплота солнечныхъ лучей обусловливаетъ развитіе и жизнь растеній. Она даетъ жизнь и движеніе всей органической природѣ. Наконецъ, она расширяетъ тѣла, разъединяетъ ихъ частички, разлагаетъ даже химическія соединенія и, освобождая силы, заставляетъ ихъ образовывать новыя соединенія. Находясь такимъ образомъ въ постоянной борьбѣ съ силами вещества, теплота служитъ причиной всякаго движенія и всякаго образованія въ природѣ.

Въ практической жизни человѣка теплота помогаетъ ему, какъ самая могущественная сила. Всѣ паровые двигатели: машины мануфактуръ, пароходы, не могли бы существовать безъ теплоты. Теплота же создаетъ вѣтеръ, надувающій паруса кораблей, сообщающій движеніе крыльямъ вѣтряныхъ мельницъ; наконецъ, она же даетъ водѣ ту степень плотности, при которой возможно употребленіе ея, какъ двигателя.

Теплота не есть вещество или матерія, она — движеніе. Вездѣ, гдѣ есть движеніе и жизнь — есть теплота. Механическая сила повсюду переходитъ легко въ теплоту; поэтому дикарь простымъ треніемъ двухъ кусковъ дерева разогрѣваетъ ихъ до того, что получаетъ огонь; поэтому же однимъ треніемъ, посредствомъ особо устроеннаго механизма, можно согрѣвать комнаты, а ударами молотка раскалить иголку. Во всемъ этомъ количество являющейся теплоты бываетъ всегда равно потерѣ механической силы, и всякая механическая работа есть извѣстный эквивалентъ количества теплоты. Такимъ образомъ, когда теплота производитъ какой нибудь предметъ, то исчезаетъ извѣстное количество теплоты пропорціональное работѣ, а когда работа уничтожается, то снова развивается пропорціональное ей количество теплоты.

Источникомъ теплоты есть солнце. Всѣ явленія теплоты, въ тѣлѣ ли животныхъ, въ горѣніи ли дровъ, каменнаго угля, въ движеніи воздуха, — все это находится въ прямомъ отношеніи къ солнцу. Теплота, отдѣляющаяся отъ дерева, или каменнаго угля, во время ихъ горѣнія, больше ничего, какъ выдѣленіе теплоты, вложенной въ нихъ нѣкогда солнцемъ, когда его вліяніемъ обусловливались органическіе процессы образованія дерева. Теплота, поглотившаяся тогда и сдѣлавшаяся скрытой, во время разложенія дерева на основные элементы, или говоря проще, во время его горѣнія, становится вновь открытой. Точно также выдѣляется и изъ каменнаго угля та скрытая теплота, которую солнце вложило мильоны лѣтъ назадъ, въ растенія, образовавшія каменный уголь.

Но говоря о теплотѣ, мы разумѣемъ здѣсь не то понятіе, которое установилось о ней въ повседневной жизни. Съ словомъ теплота мы соединяемъ понятіе и о холодѣ. Наука не признаетъ этого различія, потому что въ сущности холодъ есть только меньшая степень тепла, точно такъ, какъ теплота есть меньшая степень холода. Такихъ тѣлъ, въ которыхъ бы совсѣмъ не было теплоты, въ приро-

дѣ не существуетъ, по крайней мѣрѣ онѣ неизвѣстны, и тѣла самыя холодныя, по общимъ понятіямъ, все еще имѣютъ нѣкоторое количество теплоты. Различіе же, которое мы устанавливаемъ въ практикѣ жизни между тепломъ и холодомъ, основано на ощущеніи нашихъ органовъ осязанія. Поэтому мы зовемъ холодными всѣ тѣла менѣе теплыя, чѣмъ наши органы, и теплыми тѣ, которыя теплѣе насъ. Но и тутъ даже наше относительное понятіе весьма неточно, потому что воду, одинаково теплую съ нашимъ тѣломъ, мы находимъ слишкомъ теплою, а чай той же температуры очень холоднымъ.

Всякое тѣло болѣе или менѣе тепло. Теплота, какъ сила природы, находится во всемъ и представляетъ непрерывную послѣдовательность отъ тѣлъ менѣе теплыхъ къ тѣламъ самой высокой температуры. Но наблюденіе надъ природой показываетъ, что теплота всѣхъ неорганическихъ тѣлъ и большей части тѣлъ органическихъ находится въ прямомъ отношеніи къ окружающей ихъ температурѣ, а между тѣмъ въ животныхъ высшей организаціи незамѣтно этой зависимости, и они какъ будто-бы заключаютъ сами въ себѣ свой источникъ теплоты. «Птичья клѣтка, говоритъ Льюисъ, виситъ въ комнатѣ; атмосфера комнаты измѣняется каждый день; лучи лѣтняго солнца, леденящій сѣверный вѣтеръ проникаютъ въ комнату и обусловливаютъ постоянное возвышеніе или пониженіе температуры, какъ въ самой комнатѣ, такъ и въ клѣткѣ; а между тѣмъ птица въ клѣткѣ не становится оттого ни холоднѣе, ни теплѣе. Ни лучи осенняго солнца, ни рѣзкій декабрьскій восточный вѣтеръ не могутъ въ какое бы ни было время возвысить или уменьшить нормальную теплоту птицы болѣе чѣмъ на одинъ или два градуса. Какимъ образомъ, среди такихъ непостоянныхъ внѣшнихъ вліяній, птица можетъ сохранить такую постоянную высокую температуру?»

Прежде, когда люди были менѣе знакомы съ физическими законами, они, разумѣется, не затруднились бы приписать причину этого какимъ нибудь вымышленнымъ силамъ и явленіямъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Причину теплоты одни приписывали жизненной силѣ организма и совершенно удовлетворялись такимъ отвѣтомъ, несмотря на то, что онъ вовсе не разрѣшаетъ вопроса, а другіе дѣйствовали еще проще — они принимали теплоту за силу, возрождающуюся изъ самой себя, или же объясняли ее слѣдствіемъ таинственнаго дѣйствія нервовъ. Теперь, разумѣется, незачѣмъ прибѣгать къ

такимъ толкованіямъ, потому что животная теплота, какъ это доказано, происходитъ отъ простой причины: она есть слѣдствіе обмѣна матеріи. Опытъ этотъ дала химія.

Во всѣхъ химическихъ процессахъ, гдѣ соединяются раздѣленныя вещества, освобождается и теплота. Въ организмѣ же человѣческомъ такіе процессы происходятъ постоянно; въ немъ постоянно происходитъ питаніе, выдѣленіе, мѣна вещества, — слѣдовательно, и постоянное выдѣленіе теплоты.

Главнымъ источникомъ теплоты нужно считать движеніе. Имъ, какъ вычисляютъ нѣкоторые, создается отъ $^6/_7$ — $^7/_8$ всей животной теплоты. Каждый можетъ замѣтить, что вовсѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дыханіе слабѣетъ, понижается и теплота тѣла. У людей, падающихъ въ обморокъ, когда дыханіе почти совершенно прекращается, холодѣетъ и тѣло. У животныхъ, погружающихся въ зимнюю спячку, дыханіе во время сна дѣлается такъ слабо, что его едва можно наблюдать, въ тоже время ослабѣваетъ сильно біеніе сердца и теплота животнаго понижается почти до степени окружающей его температуры. Но когда животное проснется, у него возстанавливается частое дыханіе, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается біеніе сердца и является въ тѣлѣ его нормальная теплота.

Какимъ же путемъ дыханіе создаетъ теплоту? Оно создаетъ ее тѣмъ же процессомъ, какой совершается и въ печкѣ, когда ее топятъ, — горѣніемъ. Горѣніе есть соединеніе горящаго тѣла съ кислородомъ, и въ научномъ смыслѣ совершенно все равно—происходитъ ли это соединеніе быстро, такъ что отдѣляется свѣтъ и ощутительный жаръ, какъ во время горѣнія дровъ, или окисленіе происходитъ медленно, втеченіе даже многихъ лѣтъ, когда ржавѣетъ старое, заброшенное желѣзо. Это горѣніе совершается не въ однихъ легкихъ, и не въ одномъ какомъ либо центрѣ тѣла; теплота развивается повсюду, гдѣ происходитъ окисленіе; слѣдовательно, почти въ каждой точкѣ организма. Матеріалъ, необходимый для этого процесса, и слѣдовательно для произведенія теплоты — кислородъ воздуха — разносится изъ легкихъ, принявшей его кровью, по всѣмъ частямъ тѣла и вездѣ онъ вступаетъ въ соединенія съ веществами, находящимися въ организмѣ.

Отдѣленіе теплоты происходитъ и при многихъ другихъ химическихъ процессахъ, совершающихся въ тѣлѣ, именно, при томъ обмѣнѣ матеріи, который создается питательными веществами. Такъ

что питаніе и дыханіе находятся въ самой тѣсной связи, и ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ подраздѣленіе одного и того же процесса—образованія и выдѣленія. А они въ свою очередь только разныя степени одного и того же постояннаго движенія, создаваемаго въ организмѣ кислородомъ. Такимъ образомъ всѣ остальные источники теплоты, которые старались найти прежде, какъ напримѣръ дѣятельность сердца, мышцъ, вліяніе нервной системы, сводятся всѣ къ одному явленію—обмѣну матеріи. Чѣмъ дѣятельнѣе происходитъ этотъ обмѣнъ, тѣмъ сильнѣе возбуждается теплота; и чѣмъ слабѣе обмѣнъ, тѣмъ меньше теплоты. Если задержать въ тѣлѣ выдѣленіе продуктовъ обмѣна, то сейчасъ же понижается и его температура. Покрывъ тѣло какого нибудь животнаго лакомъ и помѣшавъ тѣмъ выдѣленію изъ тѣла продуктовъ обмѣна, мы понизимъ внутреннюю теплоту животнаго до того, что оно умретъ отъ недостатка ея, если не вознаграждать потерю внѣшнимъ нагрѣваніемъ.

Всѣмъ извѣстно, какая теплота развивается въ тѣлѣ отъ движенія. Напряженное бѣганіе, или другое движеніе возвышаетъ гораздо больше температуру тѣла и на большее время, чѣмъ согрѣваніе у печки. Господинъ, спокойно сидящій зимой въ саняхъ, въ енотовой шубѣ, иногда зябнетъ, тогда какъ съ работающаго каменотеса струится потъ, не смотря на то, что онъ въ одной рубашкѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что мышечное движеніе развиваетъ теплоту. Но это происходитъ оттого, что всякое движеніе оживляетъ дыханіе и, слѣдовательно, дѣятельность сердца; а этимъ ускоряется кровообращеніе и усиливается обмѣнъ матеріи. Поэтому, какъ мы уже и сказали, процессъ питанія и дыханія составляютъ собственно источникъ теплоты; но какъ питаніе происходитъ во всемъ тѣлѣ, потому и теплота отдѣляется во всемъ тѣлѣ. Въ какой степени обмѣнъ вещества усиливаетъ теплоту, можетъ служить примѣромъ всѣмъ извѣстная болѣзнь — воспаленіе. Воспаленныя части имѣютъ обыкновенно высшую температуру, чѣмъ все остальное тѣло, и это происходитъ только оттого, что въ мѣстахъ, пораженныхъ воспаленіемъ, обмѣнъ матеріи совершается скорѣе и кровь обращается быстрѣе, чѣмъ при здоровомъ состояніи этихъ частей. Особенно сильно бываетъ воспаленіе при нагноеніяхъ, когда именно и происходитъ быстрое образованіе новыхъ веществъ.

Но это возвышеніе температуры не слѣдуетъ считать однако слишкомъ значительнымъ, хотя оно и можетъ быть иногда очень мучи-

тельно для больнаго. Въ этомъ отношенiи человѣкъ, основывающiйся на личномъ ощущенiи, легко впадаетъ въ заблужденiе. Напримѣръ при перемежающейся лихорадкѣ ощущенiе больнымъ теплоты совершенно несогласно съ дѣйствительнымъ ея развитiемъ въ его тѣлѣ. Если надъ такимъ больнымъ производить наблюденiе съ термометромъ, вложивъ ему его въ ротъ, или еще удобнѣе, въ подкрыльцевую впадину, то окажется вотъ что: до начала озноба ртуть въ термометрѣ начнетъ подниматься и будетъ возвышаться постоянно во все время озноба. Когда больной ощущаетъ сильнѣйшiй холодъ, такъ что дрожитъ всѣмь тѣломъ и стучитъ зубами, ртуть поднимется до высшей точки. Съ появленiемъ же жара и во время пота, ртуть будетъ опускаться и къ концу пароксизма остановится на нормальной высотѣ.

Изъ того, что человѣческiй организмъ создаетъ самъ свою теплоту, очевидно, что тѣло при нормальномъ отправленiи всѣхъ органовъ не должно подчиняться окружающей его средѣ. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что у жителя самыхъ полярныхъ странъ и жителя жаркаго пояса тѣло имѣетъ одинакую теплоту, т. е. покрайней мѣрѣ разница составляетъ едва ли даже полградуса. Изъ наблюденiй надъ тѣми мѣстами тѣла, куда можетъ быть введенъ шарикъ термометра, напримѣръ въ ротъ или подъ мышки, извѣстно, что у взрослаго человѣка средняя температура этихъ мѣстъ равняется почти 37° Ц. Кровь внутреннихъ частей имѣетъ большую температуру. Теплота тѣла женщинъ и мужчинъ почти совершенно одинакова. Возрастъ также не оказываетъ большого влiянiя. Самая большая теплота бываетъ тотчасъ же послѣ рожденiя, и какъ только возстановится въ организмѣ кровообращенiе, явится въ тѣлѣ и нормальная его теплота, остающаяся постоянной до зрѣлости. Съ двадцатилѣтняго возраста теплота начинаетъ уменьшаться, но совершенно незначительно, и это продолжается до шестидесяти-лѣтняго возраста, послѣ чего она опять увеличивается. Пониженiе температуры тѣла по возрастамъ такъ однако незначительно, что разница между высшей температурой четырнадцати-лѣтняго юноши и шестидесятилѣтняго старика составляетъ мѣнѣе $^1/_2{}^0$ Р.

Но температура тѣла имѣетъ еще и суточныя колебанiя. Наибольшая теплота бываетъ въ тѣлѣ послѣ обѣда, во время пищеваренiя. Послѣ этого она начинаетъ понижаться и въ 4 часа ночи доходитъ до своего минимума. Поэтому для уравновѣшенiя теплоты люди укры-

ваются ночью теплѣе, чѣмъ днемъ, и поэтому же тѣло подвергается ночью легко простудамъ, если незакрытыя части его прикасаются къ холоднымъ предметамъ или на нихъ пахнётъ холоднымъ воздухомъ. Утромъ, послѣ пробужденія, теплота начинаетъ возвышаться довольно быстро; но послѣ полудня опять понижается. Такое колебаніе въ теплотѣ находится въ прямой связи съ дыханіемъ.

Заключенія эти, выведенныя изъ прямыхъ и точныхъ наблюденій, показываютъ, что распространенное вообще мнѣніе о горячей и холодной крови не имѣетъ никакого научнаго основанія. У всѣхъ людей и у всѣхъ народовъ кровь одинаковой теплоты и слѣдовательно страсти — ревность, мстительнсть и т. д., какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ, нисколько не зависятъ отъ болѣе или менѣе горячей крови, потому что этого нѣтъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ очень вспыльчивые люди, оправдывающіе свою неблагоразумную горячность слишкомъ теплой кровью, поступятъ болѣе сообразно съ физіологіей, когда перестанутъ ссылаться на эту вымышленную причину.

Чтобы человѣческое тѣло могло поддерживать въ себѣ нормальную теплоту, ему необходимы извѣстныя условія. Самое важное изъ нихъ, разумѣется, пища. Но какъ при сильномъ мускульномъ трудѣ усиливается обмѣнъ матеріи, то рабочему человѣку и нужно тѣмъ болѣе пищи, чѣмъ больше онъ работаетъ. Изъ этого, разумѣется, можно бы сдѣлать и справедливый обратный выводъ, что тотъ, кто не работаетъ, не стоитъ пищи; однако такого вывода мы дѣлать не станемъ. Мы только замѣтимъ, что при усиленномъ трудѣ и недостаткѣ пищи сильно понижается теплота тѣла, и у животныхъ, умирающихъ голодной смертью, температура ихъ постоянно упадаетъ. Такую смерть однако можно задержать нѣсколько внѣшнимъ согрѣваніемъ тѣла. Въ этомъ же причина, почему голодный человѣкъ зябнетъ болѣе сытаго, и почему хорошо натопленная комната замѣняетъ въ извѣстной степени пищу. Можно однако сдѣлать и еще выводъ въ примѣненіи къ бѣднымъ людямъ. Они любятъ очень натопленныя комнаты и водку. Въ томъ и другомъ ихъ укоряютъ несправедливо: для нихъ, кажущаяся намъ излишнею, теплота замѣняетъ недостатокъ пищи, а повидимому совершенно ненужная водка доставляетъ матеріалъ для поддержанія процесса горѣнія. Тѣ, кто, живя въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, находятъ то и дру-

гое излишним, очутившись въ положеніи рабочаго, поступали бы точно также, какъ и онъ.

Изъ питательныхъ веществъ жиръ способствуетъ наиболѣе поддержанію органическаго процесса, доставляющаго тѣлу теплоту. При избыткѣ питанія онъ скопляется въ разныхъ частяхъ тѣла, и запасы его, при недостаткѣ пищи, служатъ для поддержанія животной жизни. Въ этомъ причина, почему животныя, подвергающіяся зимней спячкѣ, могутъ провести такое долгое время безъ пищи. Во все это время они дышатъ чрезвычайно слабо; органическіе процессы свершаются въ нихъ тоже весьма медленно, и жиръ, накопившійся у нихъ лѣтомъ, вполнѣ достаточенъ для поддержанія низкой температуры ихъ тѣла во время зимы. Къ веснѣ весь этотъ запасъ истощается, и животное просыпается совершенно исхудалымъ. Если читатель вѣрилъ разсказамъ о томъ, что медвѣдь сосетъ зимой лапу, то изъ сказаннаго онъ можетъ увидѣть, что это неправда.

Животное тѣло, производя теплоту, вмѣстѣ съ тѣмъ и выдѣляетъ ее, и только процессомъ выдѣленія установляется равновѣсіе, поддерживающее въ тѣлѣ нормальную температуру. Отдѣленіе теплоты происходитъ посредствомъ излученія ея, испариной, переходомъ твердыхъ веществъ въ жидкое состояніе, наконецъ выдыханіемъ. Особенно много теплоты теряютъ конечности, т. е. руки и ноги, и подошва имѣетъ только 32° тепла. При недостаткѣ движенія и большомъ внѣшнемъ холодѣ, температура ногъ можетъ понизиться гораздо значительнѣе и этого. Вообще части тѣла, отдаленныя отъ центра кровообращенія и представляющія большую поверхность для выдѣленія теплоты, подвергаются легче охлажденію. Отъ этого же у умирающихъ охладѣваютъ прежде всего руки и ноги, а съ прекращеніемъ жизненнаго процесса и образованія теплоты, тѣло принимаетъ температуру окружающаго его воздуха.

Всѣ живыя существа, во всемъ царствѣ животномъ, производятъ теплоту. Даже малѣйшія инфузоріи отдѣляютъ ее, и если смотрѣть въ микроскопъ на постепенно замораживаемую воду, то будетъ видно, что послѣдними замерзаютъ капли, окружающія животныхъ. Причиной этого—теплота ихъ тѣла, поддерживающая воду въ жидкомъ состояніи. Такъ называемыя хладнокровныя животныя, напримѣръ рыбы, производятъ также теплоту, но она сильно поглощается окружающей ихъ средой, такъ что температура ихъ немногими градусами выше воды, въ которой онѣ живутъ, а иногда даже не болѣе полу-

градуса. Наибольшее количество теплоты отдѣляютъ птицы, и внутренняя теплота ихъ равняется 41—44° Ц. Причина этого въ особенно развитой системѣ дыханія и въ большой ихъ подвижности, отчего и происходитъ сильный обмѣнъ матеріи. Пѣвчая птица поглощаетъ въ одинадцать разъ больше углероду, чѣмъ человѣкъ, и вдыхаетъ въ двадцать разъ больше воздуха. Голубь съѣдаетъ въ десять разъ, а курица въ шесть разъ больше питательныхъ веществъ противъ человѣка. Насѣкомыя тоже не дѣлаютъ исключенія изъ общаго органическаго закона, и они производятъ много теплоты, хотя въ то же время и теряютъ ее очень много. Въ пчелиномъ ульѣ температура достигаетъ зимой 30—35°, а лѣтомъ 33—36 градусовъ; во время же роенія она возвышается даже до 40°.

Теплота такъ нужна человѣческому организму, что изъ всѣхъ странныхъ предразсудковъ становится самымъ страннымъ тотъ, по которому люди рѣшаются закалить свое тѣло холодомъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ кузнецы съ желѣзомъ. Еще страннѣе, что нѣкоторые родители думаютъ пріучать къ холоду своихъ маленькихъ дѣтей, и для этого новорожденныхъ младенцевъ обливаютъ холодной водой, водятъ дѣтей гулять въ холодные зимніе дни и въ холодныхъ комнатахъ одѣваютъ ихъ по шотландски. Очень можетъ быть, что крѣпкіе дѣти и переносятъ все это, но за то сколько слабыхъ дѣтей чахнетъ и умираетъ! Человѣку нельзя пріучать себя ни къ холоду, ни къ голоду. Лишеніе организма въ необходимомъ не можетъ дать ему силы, и если бы отъ недостатковъ и лишеній человѣкъ становился крѣпче и жилъ дольше, то такимъ благополучіемъ, разумѣется, наслаждались бы больше всѣхъ бѣдные люди и пролетаріи. Этого же нѣтъ въ дѣйствительности. Никто такъ не мретъ сильно и рано, никто такъ не страдаетъ физически, какъ бѣдный человѣкъ. Вѣдь только потому бѣдный и бьется изо всѣхъ силъ раздѣлаться съ своей бѣдностью, что онъ, не смотря на самую отчаянную борьбу съ лишеніями всякаго рода, не можетъ привыкнуть къ холоду и къ голоду.

Такъ какъ теплота есть движеніе, жизнь, и создается она въ организмахъ обмѣновъ вещества, то мы и перейдемъ теперь къ процессамъ, находящимся въ ближайшей съ нею связи: къ дыханію, кровообращенію и питанію.

IV.

Воздухъ, которымъ мы дышимъ, считали долго простымъ веществомъ, и прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ люди узнали, что такое воздухъ. Открытіе это сдѣлано въ концѣ прошедшаго столѣтія Лавуазье.

Воздухъ состоитъ главнѣйше изъ смѣси двухъ газовъ $^1/_5$ кислорода и $^4/_5$ азота. Кислородъ — газъ безцвѣтный, неимѣющій запаха, распространенъ въ природѣ больше всѣхъ простыхъ тѣлъ, и изъ всѣхъ веществъ играетъ самую важную роль. Только кислородъ причина горѣнія. Азотъ — газъ тоже безцвѣтный и неимѣющій запаха; онъ не поддерживаетъ горѣнія, и животное не можетъ дышать въ немъ. Въ твердомъ видѣ азотъ составляетъ главную составную часть тѣла животныхъ.

Кромѣ кислорода и азота, въ воздухѣ находятся всегда водяные пары. Количество ихъ различно, смотря по температурѣ воздуха. Чѣмъ температура выше и чѣмъ воздухъ рѣже, тѣмъ въ немъ болѣе водяныхъ паровъ. При 5° Ц. въ кубическомъ метрѣ воздуха заключается отъ 7 — 8 граммовъ водяныхъ паровъ, но количество это можетъ утроиться и учетвериться уже при 20° Ц. Поэтому теплый воздухъ, который обыкновенно кажется намъ суше, содержитъ болѣе водяныхъ паровъ, а напротивъ воздухъ холодный, содержащій паровъ менѣе, кажется намъ болѣе влажнымъ. Когда въ воздухѣ накопится водяныхъ поровъ болѣе, чѣмъ сколько онъ всостояніи вмѣстить въ себѣ, то излишнее количество, сгустившись въ облака, или образовавъ туманы, выдѣляется изъ атмосферы въ видѣ росы, дождя, снѣга, града. Водяные пары, являющіеся въ воздухѣ, отдѣляются испареніемъ водъ — рѣкъ, озеръ, морей, — всѣхъ влажныхъ предметовъ, испареніями земли и наконецъ безпрерывнымъ выдѣленіемъ изъ себя влажности растеніями и животными. Чѣмъ сильнѣе испаренія какой либо мѣстности, тѣмъ влажнѣе тамъ и воздухъ. Поэтому въ приморскихъ и въ тропическихъ странахъ воздухъ всегда влажнѣе и падаетъ большее количество дождя, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ сухимъ, континентальнымъ климатомъ.

Въ воздухѣ находится еще и углекислота. Содержаніе ея однако весьма незначительно, такъ что въ тысячѣ частяхъ воздуха не болѣе $^1/_{2000}$ части углекислоты. Количество это однако можетъ увеличиваться, если воздухъ не имѣетъ свободнаго движенія и въ то же время углекислота выдѣляется изъ своихъ источниковъ. «Когда Дальтонъ анализировалъ воздухъ комнаты, въ которой горѣло 50 свѣчей и дышало 500 человѣкъ втеченіи двухъ часовъ, то онъ нашелъ, что углекислота, вмѣсто того, чтобы находиться въ отношеніи 2 галлоновъ къ 500 галлонамъ (какъ это было на улицѣ), развилась въ такомъ количествѣ, что ее приходилось одинъ галлонъ на каждые 100 галлоновъ» (Льюисъ). Въ воздухѣ, содержащемъ 5—10 процентовъ углекислоты, свѣчка тухнетъ и собака дышетъ съ трудомъ, а еще большее количество углекислоты убиваетъ человѣка. Извѣстная собачья пещера, близь Неаполя, одолжена своимъ убійственнымъ свойствомъ именно этому обстоятельству — со дна ея постоянно отдѣляется углекислота. Воздухъ большихъ, преимущественно мануфактурныхъ городовъ, содержитъ въ себѣ болѣе углекислоты, чѣмъ воздухъ сельскихъ мѣстностей. Смитъ, разлагая воздухъ Манчестера, нашелъ, что при вѣтренной погодѣ онъ содержитъ въ себѣ 0,045—0,08 процентовъ углекислоты, а при тихой 0,10—0,12 процентовъ; количество же кислорода было въ воздухѣ Манчестера на 0,1—0,2 процентовъ менѣе, чѣмъ въ полѣ. Люди, бывшіе въ Парижѣ, вѣроятно замѣтили, какъ трудно тамъ дышать въ нижнихъ этажахъ, и особенно въ узкихъ улицахъ. Не смотря на малое содержаніе въ воздухѣ углекислоты въ атмосферѣ, по вычисленію Либиха, заключается до 2,800 билліоновъ фунтовъ углерода, и количество это превышаетъ, по его словамъ, вѣсъ всѣхъ растеній въ извѣстныхъ залеганіяхъ бураго и каменнаго угля. Это количество увеличивается постоянно вслѣдствіе выдѣленія углекислоты дыханіемъ всего животнаго царства, отдѣленіемъ ея изъ растеній, при горѣніи углеродистыхъ тѣлъ, и разными другими видами разложенія углеродистыхъ соединеній. Но въ то же время углекислота поглощается въ огромнѣйшемъ количествѣ всѣмъ растительнымъ царствомъ, которому она служитъ основой всѣхъ его растительныхъ тканей; углекислота выдѣляется изъ воздуха дождемъ, растворяющимъ ее; наконецъ она потребляется при многихъ другихъ химическихъ процессахъ, свершающихся въ природѣ.

Но дождь растворяетъ не одну углекислоту, въ немъ заключается

и растворъ амміака. Впрочемъ амміакъ находится въ воздухѣ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Амміакъ—газъ тоже безцвѣтный, но съ острымъ запахомъ и ѣдкимъ вкусомъ. Въ большомъ количествѣ онъ вреденъ для дыханія. Амміакъ сильно растворяется въ водѣ, и растворъ его извѣстенъ подъ именемъ нашатырнаго спирта

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воздухъ содержитъ въ себѣ еще и другія составныя части. Напримѣръ, близь морей и большихъ соляныхъ источниковъ, онъ заключаетъ поваренную соль; морской воздухъ имѣетъ іодъ и брамъ, а Смитъ, изслѣдывая воздухъ фабричныхъ мѣстностей, потребляющихъ большое количество каменнаго угля, нашелъ въ воздухѣ значительное количество сѣры, въ видѣ сѣрной и сѣрнистой кислотъ.

Наконецъ вездѣ, гдѣ есть органическая жизнь, является въ воздухѣ примѣсь органическихъ веществъ, и чѣмъ больше люди скучены и чѣмъ меньше имѣетъ воздухъ свободнаго движенія, тѣмъ такая примѣсь сильнѣе. Французъ Пуше, наблюдая подъ микроскопомъ пыль, которая носится въ воздухѣ и которую каждый читатель, разумѣется, видѣлъ въ своей комнатѣ, когда лучъ солнца, падая въ окно, освѣщалъ ее прямыми полосами,—нашелъ въ ней камни, сухихъ мелкихъ животныхъ, кремнеземистые панцыри инфузорій, части насѣкомыхъ, шерстяныя нити отъ одѣждъ и ковровъ, волоски, кусочки перьевъ и паутины, клѣточки верхней кожицы и изрѣдка яйца инфузорій. Вещества эти измѣнялись, смотря по мѣстностямъ, но между ними находилась всегда пыль отъ растеній въ видѣ зеренъ крахмала.

Накопленіе въ воздухѣ такой пыли въ большомъ количествѣ, разумѣется, могло бы быть весьма вредно для организма человѣка, если бы воздухъ не очищался вѣтромъ, сообщающимъ всей атмосферѣ повсюду болѣе или менѣе одинаковый составъ. Но кромѣ вѣтра воздухъ освобождается отъ органическихъ, разлагающихся веществъ или міазомъ озономъ. Профессоръ Шетбейнъ, въ Базенѣ, первый открылъ это вещество, до сихъ поръ еще впрочемъ мало извѣстное, и далъ ему это названіе. Озонъ есть дурно пахучее вещество, образующееся при большей части гальвано-электрическихъ процессовъ и составляющее видоизмѣненіе кислорода. Озонъ развивается и въ томъ случаѣ, если пропускать медленно струю воздуха черезъ кусокъ смоченнаго водой фосфора. Газъ этотъ отличается особенно въ сильной степени свойствомъ окисленія, такъ что онъ окисляетъ серебро и ртуть и уничтожаетъ быстро заключающіяся въ воздухѣ органическія веще-

ства. Поэтому небольшая примѣсь озона дѣйствуетъ на воздухъ, какъ отличное очистительное средство, разрушая міазмы и другія вещества, и въ этомъ же причина, почему грозы такъ освѣжаютъ атмосферу. Въ какой степени однако газъ этотъ вреденъ для живого организма въ большомъ количествѣ, можно видѣть изъ того, что если примѣшать подъ стекляннымъ колоколомъ къ атмосферному воздуху только $^{1}/_{6000}$ часть озона, то маленькія животныя умираютъ въ этой смѣси чрезъ нѣсколько мгновеній. Слишкомъ большое количество озона въ атмосферѣ производитъ эпидемическія болѣзни, напримѣръ прилипчивый катарръ; и слишкомъ малое его количество имѣетъ тоже подобный же результатъ, потому-что являются холера, лихорадка. Въ жилыхъ комнатахъ часто не бываетъ совсѣмъ озона.

Воздухъ, какъ атмосфера, окружаетъ всю землю, имѣетъ глубину отъ 70 до 105 верстъ, и на каждой квадратный футъ земли и всякаго предмета давитъ тяжестью отъ 50 до 75 пудовъ. Пробовали даже вычислить вѣсъ всей атмосферы и опредѣлили ее въ 10—11 трилліоновъ прусскихъ фунтовъ. (Эстрелекъ). Отто ди-Герике привелъ на регенсбургскомъ сеймѣ, въ 1654 году, въ великое удивленіе императора Фердинанда III и другихъ собравшихся государей, опытомъ съ двумя большими полушаріями. Герике вытянулъ изъ нихъ воздухъ, и полушарія сжались такъ плотно, что ихъ не могли разнять нѣсколько припряшенныхъ лошадей. Причина этого явленія въ томъ, что внѣшній воздухъ, не встрѣчая себѣ противодѣйствія, сдавилъ оба полушарія всей своей тяжестью. Точно также и атмосфера, обнаруживающая на человѣческое тѣло давленіе въ 30—33 тысячъ фунтовъ, могла бы совершенно подавить его, еслибы удалить совершенно воздухъ внутри тѣла, и на оборотъ: если уничтожить внѣшнее давленіе, то внутренній воздухъ расширился бы въ такой степени, что тѣло бы лопнуло. Эти обстоятельства зависятъ отъ упругости воздуха и подвижности его частицъ; оттого-то воздухъ и давитъ одинаково равно по всѣмъ направленіямъ, и вверхъ, и внизъ, и съ боковъ. Упругость же воздуха, то есть, то свойство его, по которому частицы его стремятся разойтись, служитъ причиной еще другого явленія. Если бы воздухъ подчинялся исключительно одному закону своей собственной упругости, то онъ давно бы уже разошелся въ пространствѣ, и земля не имѣла бы атмосферы. Но этому мѣшаетъ притягательная сила земли; вслѣдствіе ея и собственной тяжести воздуха атмосфера тѣмъ плотнѣе, чѣмъ она ближе къ поверхности земли.

Изъ всего сказаннаго видно, какую важную роль играетъ воздухъ во всѣхъ явленіяхъ земной жизни по своимъ механическимъ свойствамъ. Но у него есть еще и другая роль—химическая, или отношеніе его ко всѣмъ растительнымъ и животнымъ тканямъ. Смитъ вычислялъ, что человѣкъ нерабатающій вдыхаетъ въ себя круглымъ числомъ 804,780 кубическихъ дюймовъ воздуха въ сутки; человѣкъ работающій поглощаетъ въ сутки 1,065,840 куб. дюймовъ; человѣкъ работающій усиленно—1,368,390, а человѣкъ идущій по горамъ—1,764,000 куб. дюймовъ. Приборъ, служащій въ человѣческомъ организмѣ для принятія изъ атмосферы воздуха и для выдѣленія ненужныхъ тѣлу газообразныхъ веществъ, составляютъ легкія. Они также нужны человѣку, какъ сердце, и безъ легкихъ человѣкъ жить не можетъ.

Легкія помѣщаются въ грудной клѣткѣ, то есть въ поломъ пространствѣ, образуемомъ ребрами. Сзади ребра имѣютъ точкой опоры хребетной столбъ, а спереди грудную кость. Пространство это выложено внутри плотной, непроницаемой оболочкой—подреберной плевой, такъ что грудь внутри закрыта совершенно герметически. Легкія состоятъ изъ двухъ половинъ, прилегающихъ плотно внѣшними своими сторонами къ ребрамъ. Между обѣими половинками помѣщается сердце. Правое легкое больше, лѣвое меньше, потому что сердце лежитъ болѣе къ лѣвому боку. Съ атмосфернымъ воздухомъ легкія сообщаются особой неподвижной трубкой—дыхательнымъ горломъ.

Легкія не могутъ расширяться и сжиматься самостоятельно. Они по своей упругости и отъ постояннаго наполненія ихъ воздухомъ занимаютъ всю полость грудной клѣтки и подчиняются вполнѣ ея движенію. Когда грудная клѣтка расширяется, расширяются и легкія, и тогда воздухъ стремится черезъ дыхательное горло въ легочные мѣшки: въ это время мы вдыхаемъ. Когда же грудная клѣтка сжимается и сдавливаются легкія, то изъ нихъ вытѣсняется воздухъ черезъ горло наружу, и тогда мы выдыхаемъ. Такимъ образомъ дыхательныя движенія создаются не самостоятельной дѣятельностью легкихъ, а грудными мышцами, прикрѣпленными къ грудной клѣткѣ. Въ этомъ процессѣ принимаетъ участіе еще и грудобрюшная преграда. Она есть плоскій мускулъ, отдѣляющій полость живота отъ полости груди. Грудобрюшная преграда имѣетъ выпуклый видъ и обращена своей вершиной къ грудной полости. Обыкновенное спокойное дыханіе зависитъ почти исключительно отъ этого мускула. Когда грудобрюшная

преграда сжимается и давитъ на брюшныя внутренности, грудная полость расширяется; когда же сокращенiе ея прекращается, она опять поднимается кверху. Отъ этого при дыханiи замѣчается постоянное подниманiе и опусканiе брюшныхъ внутренностей, и въ этомъ же причина, почему всякое усиленное давленiе, или противодѣйствiе съ ихъ стороны имѣетъ существенное влiянiе и на самое дыханiе. Малорослые толстые люди, съ большимъ животомъ, только по этой причинѣ и имѣютъ короткое дыханiе и вообще съ трудомъ выносятъ всякую дѣятельность, усиливающую отправленiе легкихъ, тогда какъ высокiе и худые люди дышатъ легче.

Легкiя состоятъ изъ множества легочныхъ пузырьковъ, или воздушныхъ клѣточекъ, имѣющихъ въ поперечникѣ $^1/_{18}$ — $^1/_6$ линiи. Каждый пузырекъ находится въ непосредственной связи съ мельчайшими канальцами воздушныхъ путей. Эти канальцы или вѣточки соединяются съ главными воздушными путями и наконецъ съ дыхательнымъ горломъ. Число всѣхъ пузырьковъ Гушке полагаетъ въ 1700—1800 миллiоновъ, а поверхность всѣхъ ихъ равняется площади въ 2—3 тысячь квадратныхъ футовъ. Ткань легкихъ мягка и трещитъ отъ давленiя. Но это бываетъ только съ легкими уже дышавшими. Тѣ же, въ которые не проникалъ еще воздухъ, какъ напримѣръ у мертворожденныхъ младенцевъ, бываютъ жостки, не трещатъ и тонутъ въ водѣ. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно при судебныхъ изслѣдованiяхъ, когда разрѣшается вопросъ о дѣтоубiйствѣ, потому что врачъ можетъ рѣшить безъ ошибки, былъ ли живъ ребенокъ при рожденiи или нѣтъ. Между легочными пузырьками и между канальцами легочныхъ путей расположена мельчайшая сѣть волосныхъ сосудовъ, проводящихъ въ легкiя кровь. Такимъ образомъ въ этомъ переплетенiи двухъ разныхъ системъ, кровь, обращающаяся въ легкихъ, окружена со всѣхъ сторонъ воздухомъ, а легочные пузырьки окружены со всѣхъ сторонъ текущей кровью. При такомъ устройствѣ легкихъ и при чрезвычайной тонинѣ волосныхъ сосудовъ крови и легочныхъ пузырьковъ, обмѣнъ газовъ и жидкихъ веществъ совершается чрезвычайно легко. Въ этомъ же причина, что холодный воздухъ, проникнувшiй въ легкiя, такъ быстро принимаетъ теплоту окружающей его крови и насыщается водяными парами.

Химическiй процессъ легкихъ заключается въ томъ, что воздухъ входящiй въ нихъ, отдаетъ крови свой кислородъ и въ замѣнъ его принимаетъ углекислоту и водяные пары. Углекислота эта образуется не

въ легкихъ, а во всѣхъ тканяхъ тѣла, при процессѣ питанія; слѣдовательно, и обмѣнъ газовъ происходитъ тоже во всѣхъ волосныхъ сосудахъ тѣла, а не въ однихъ легкихъ. Главную роль приэтомъ играютъ кровяныя клѣточки. Онѣ поглощаютъ въ себя кислородъ воздуха въ легкихъ и за тѣмъ несутъ его по разнымъ тканямъ тѣла. Разрушаясь на пути въ волосныхъ сосудахъ, онѣ дѣлаютъ кислородъ свободнымъ, и онъ переходитъ въ ткани тѣла. Угольная же кислота, образовавшаяся въ послѣднихъ, поступаетъ въ кровь волосныхъ сосудовъ простымъ поглощеніемъ ея—плазмой, то есть, жидкости, въ которой плаваютъ кровяные шарики. Въ этомъ простомъ обмѣнѣ газообразныхъ веществъ, на основаніи простыхъ естественныхъ законовъ, и заключается вся сущность процесса дыханія.

Сила и быстрота дыханія зависитъ отъ разныхъ причинъ, но главнѣйше отъ энергіи обмѣна вещества въ тѣлѣ и отъ массы тѣла. Новорожденное дитя дышетъ чаще, чѣмъ люди другихъ возрастовъ. Оно дѣлаетъ отъ 45—50 дыханій въ минуту, пятилѣтній же ребенокъ только 26. Вообще число дыханій уменьшается до зрѣлаго возраста, и въ 30—40 лѣтъ оно бываетъ около 16—18 разъ въ минуту. Въ глубокой же старости дыханіе опять учащается. Количество воздуха, принимаемаго въ себя легкими, увеличивается постоянно съ дѣтства до 20-ти лѣтняго возраста. Всего сильнѣе развиваются легкія съ 14 до 17 лѣтъ. Вмѣстимость легкихъ женскихъ составляетъ почти половину вмѣстимости легкихъ мужчины. Вообще чѣмъ больше тѣло и сильнѣе развита грудная клѣтка, тѣмъ больше и легкія. Самое большое количество воздуха вдыхается въ стоячемъ положеніи, и стоя вообще мы дышемъ глубже, чѣмъ сидя и лежа. Точно также мы дышемъ сильнѣе при движеніи, чѣмъ въ спокойномъ положеніи; дышемъ глубже послѣ ѣды и послѣ нѣкоторыхъ кушаній и напитковъ. По изслѣдованіямъ Смита, минимумъ обыкновеннаго дыханія составляетъ 26 куб. дюймовъ; ночью оно доходитъ до 18 куб. дюймовъ, а максимумъ бываетъ въ часъ пополудни и равняется 32 куб. дюймамъ. По его же изслѣдованіямъ, легкія наши поглощаютъ въ сутки отъ 6 до 800,000 куб. дюймовъ воздуха, а при особыхъ обстоятельствахъ, усиливающихъ дыханіе, количество это можетъ даже удвоиться. Рыданіе, вздыханіе, смѣхъ, кашель, зѣваніе—все это измѣненныя особымъ образомъ дыханія. Въ одномъ скучаѣ оно бываетъ коротко, отрывисто и слѣдуетъ быстро одно за другимъ, какъ напримѣръ при рыданіи; или глубокое вдыханіе сопровождается сильнымъ и короткимъ

выдыханіемъ—вздохъ. Наконецъ кашель и чиханіе составляютъ судорожныя отраженія движеній дыхательныхъ мышцъ съ однимъ сильнымъ вдыханіемъ при многихъ выдыханіяхъ. Дыханіе производится сильнѣе и глубже, когда въ крови накопится излишнее, противъ обыкновеннаго, количество углекислоты, напримѣръ при усиленномъ трудѣ, или излишнемъ питаніи; и если въ крови много кислорода, то дыханіе становится рѣже и менѣе глубоко.

Но не одни легкія служатъ органомъ для обмѣна газообразныхъ веществъ. Такой же процессъ, хотя и не въ той сильной степени, свершается всею поверхностью нашего тѣла. Въ этомъ случаѣ дышетъ кожица, которая принимаетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту при посредствѣ волосныхъ кровеносныхъ сосудовъ, находящихся въ ея ткани. Это явленіе, свершающееся на основаніи закона эндосмоса, имѣетъ приложеніе ко всѣмъ тканямъ животной и растительной жизни, такъ что даже и безъ опытныхъ доказательствъ Либиха можно было знать, что вырѣзанный и повѣшенный на чистомъ воздухѣ мускулъ будетъ дышать, то есть, станемъ принимать кислородъ и выдѣлять углекислоту. На основаніи этого же закона, совершается обмѣнъ газообразныхъ веществъ и въ растеніяхъ, съ той только разницей, что, подъ вліяніемъ свѣта, они поглащаютъ углекислоту и выдѣляютъ кислородъ. Кромѣ того, у растеній, какъ и у нисшихъ животныхъ, для дыханія нѣтъ особеннаго снаряда сложнаго устройства. Растенія дышутъ всѣми своими зелеными частями, и низшія животныя—наземныя дышутъ внѣшней оболочкой или кожей; живущія же въ водѣ глотаютъ воду, и она распредѣляясь по тѣлу животнаго, отдаетъ ему заключающійся въ ней воздухъ.

Спеціальные дыхательные органы, существующіе у высшихъ животныхъ, представляются въ трехъ главныхъ формахъ: легкія, жабры и трахеи, или дыхательныя трубочки. О легкихъ мы уже говорили; слѣдовательно, намъ остается сказать только о жабрахъ и трахеяхъ. Жабры тѣ же самыя легкія, т. е. такой же снарядъ для дыханія, но въ которомъ внѣшнія части легкихъ находятся внутри, а внутреннія — наружи. Иначе сказать, жабры суть вывороченныя легкія, помѣщающіяся или на внѣшней поверхности тѣла, въ видѣ прибавки, или расположенныя въ трещинѣ, или въ углубленіи тѣла. У рыбъ жабры расположены по обѣимъ сторонамъ головы, подъ жаберными крышками, въ особенныхъ отверстіяхъ. Жабры, также какъ и легкія, переплетены безчисленнымъ множествомъ волосныхъ кровеносныхъ

сосудовъ. Процессъ дыханія у рыбы свершается такимъ образомъ: она набираетъ воду въ ротъ, и затѣмъ выпускаетъ ее сзади чрезъ жаберныя трещины. Протекающая вода отдаетъ крови заключающійся въ ней воздухъ. Рыба глотаетъ воду безпрестанно, и потому она течетъ чрезъ жаберныя полости въ большомъ количествѣ. Такой процессъ дыханія основанъ, разумѣется, на томъ, что вода содержитъ въ себѣ воздухъ. И дѣйствительно, вода принимаетъ въ себя постоянно кислородъ, такъ что воздухъ, примѣшанный къ водѣ, заключаетъ въ себѣ этого газа болѣе, чѣмъ атмосфера. Безъ этого условія животная жизнь въ водѣ была бы невозможна. Поэтому мы видимъ, что въ водѣ, лишенной воздуха, напримѣръ въ отварной, рыба умираетъ. Точно также умретъ рыба, если преградить къ водѣ доступъ внѣшняго воздуха. Особенность организаціи жабернаго прибора заключается въ томъ, что жабры должны быть постоянно влажны. Высохшія жабры уже не дѣйствуютъ и въ этомъ причина, почему рыба, вынутая изъ воды, засыпаетъ. Если же жабры смачивать, то рыба будетъ жить и на воздухѣ.

Трахеи или дыхательныя трубочки служатъ органами дыханія насѣкомыхъ. Трахеи представляютъ систему эластическихъ трубочекъ, развѣтвляющихся въ разныхъ направленіяхъ по тѣлу насѣкомаго и сообщающихся съ воздухомъ отверстіями, выходящими на поверхность тѣла. Чрезъ эти отверстія воздухъ входитъ въ насѣкомое, затѣмъ трубочки начинаютъ сокращаться и выгоняютъ изъ себя часть воздуха; какъ только они придутъ опять въ свое нормальное положеніе, воздухъ опять наполняетъ ихъ. Въ этомъ постоянномъ сжиманіи и расширеніи трубочекъ и заключается процессъ дыханія насѣкомыхъ. Его легко замѣтить, наблюдая насѣкомое, потому что сокращенія и расширенія трубочекъ производятся движеніемъ брюшка. Сила дыханія многихъ насѣкомыхъ весьма велика. Такъ, пчела можетъ жить въ двухъ кубическихъ дюймахъ атмосфернаго воздуха не болѣе 12 часовъ, жукъ бѣгунъ 17 часовъ, а навозный жукъ 24 часа.

Не смотря на чрезвычайно важное значеніе воздуха въ животной экономіи, многіе люди повидимому этого не знаютъ. По крайней мѣрѣ только незнаніемъ можно объяснить факты, подобные тому, о которомъ разсказываетъ Льюисъ. Пароходъ «Лондондери» отправился въ 1848 году съ двумя стами пассажировъ изъ Ливерпуля въ Слиго. Дорогой сдѣлалась буря. Капитанъ велѣлъ пассажирамъ сойти въ каюту, и двѣсти человѣкъ набились въ комнату, имѣвшую 18 футовъ

длины, 11 ширины и 7 ф. вышины. Неизвѣстно почему капитанъ велѣлъ закрыть не только люки, но и надъ входомъ въ каюту натянуть клеенку. Вѣроятно, онъ хотѣлъ спасти пассажировъ отъ воды; но вышло вотъ что. Спертый воздухъ, испорченный дыханіемъ множества людей, сдѣлался невыносимъ, началась страшная сцена мучительной смерти отъ недостатка воздуха, и когда одному изъ пассажировъ удалось силой пробить себѣ дорогу на палубу и объявить о случившемся, то оказалось, что изъ 200 человѣкъ задохлись 72 пассажира, и многіе находились въ предсмертныхъ судорогахъ. Разумѣется, это было сдѣлано неумышленно; но невѣжество все-таки поразительно, тѣмъ болѣе, что подобные случаи бывали не разъ на морѣ. Въ какой степени незаботливость объ освѣженіи воздуха увеличиваетъ смертность, въ мѣстахъ большого скопленія людей, покажутъ слѣдующія цифры. Въ дублинскомъ родильномъ госпиталѣ, втеченіи четырехъ лѣтъ, изъ 7,658 новорожденныхъ умерло 2,944 ребенка отъ 1—15 дневного возраста; но какъ только была введена новая система вентуляціи, число смертныхъ случаевъ за то же время уменьшилось на 279. Въ парижской больницѣ Hôtel Dieu смертность составляла въ прошедшемъ столѣтіи 25 процентовъ, а со введеніемъ лучшей вентуляціи уменьшилось до 12 $^1/_2$ процентовъ. Не смотря на эти факты, казармы, а особенно тюрьмы, и до сихъ поръ отличаются своимъ испорченнымъ воздухомъ, а люди все-таки не подозрѣваютъ, отчего такъ велика смертность между солдатами и арестантами. Особенно страдаютъ арестанты. Помѣщенія для нихъ строются какъ будто нарочно такъ, чтобы воздухъ въ тюрьмѣ былъ возможно вреднѣе. Вѣроятно массивность построекъ дѣлается съ цѣлью предупрежденія побѣговъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ сырость и затхлость воздуха? Неужели дурной воздухъ удерживаетъ отъ побѣга? Люди, подвергающіеся одиночному заключенію, страдаютъ еще больше. Извѣстно изъ наблюденій, что количество углерода, поглощаемое въ пищѣ солдатомъ, живущимъ въ казармѣ, составляетъ въ сутки 28 лотовъ; люди же, подвергнутые одиночному заключенію, употребляютъ только 17 лотовъ, или цѣлой третью меньше. Присоединивъ къ этому еще дурной воздухъ тюрьмы, человѣку, знакомому съ законами физіологіи, легко сообразить, насколько страдаетъ организмъ отъ придуманной въ 19 столѣтіи системы одиночнаго заключенія. Разумѣется, наступитъ время, когда эта система наказанія будетъ признана и учеными юристами недостойной вѣка цивилизаціи

но только это сознаніе наступитъ не для нашего времени. А вся причина въ томъ, что ученые юристы 19 столѣтія знакомы лучше съ жестокимъ римскимъ правомъ и съ пандектами Юстиніана, чѣмъ съ физіологіей и съ гуманитарными науками.

V.

Бюхнеръ замѣчаетъ совершенно справедливо, что народное представленіе неизвѣстно почему воображаетъ сердце въ видѣ червоннаго туза, а иногда даже и съ пламенемъ, выходящимъ изъ верхней вырѣзки. Въ дѣйствительности же человѣческое сердце имѣетъ самое отдаленное сходство съ червоннымъ тузомъ, или еще вѣрнѣе, и совсѣмъ на него непохоже. Сердце имѣетъ видъ мѣшка, нѣсколько заостреннаго книзу. Стѣнки его, довольно толстыя, состоятъ изъ волоконъ, расположенныхъ въ видѣ петель. Когда эти волокна сжимаются—сжимается и сердце и выдавливаетъ находящуюся въ немъ кровь. Мѣшокъ раздѣленъ продольной перегородкой на двѣ половины—правую и лѣвую, и каждая изъ этихъ половинъ раздѣлена поперечной перегородкой на верхнюю и нижнюю часть. Такимъ образомъ сердце дѣлится на четыре отдѣленія. Верхнія отдѣленія называются предсердіями, нижнія—желудочками. Между правой и лѣвой половинами сердца нѣтъ никакого сообщенія, такъ что кровь, находящаяся въ нихъ мѣшаться не можетъ. Предсердія же и желудочки каждой половины сообщаются посредствомъ отверстій, находящихся въ раздѣляющихъ ихъ перегородкахъ. Въ каждой перегородкѣ находится по одному такому отверстію. Кромѣ этого отверстія, соединяющаго собственно желудочекъ съ предсердіемъ, въ каждомъ отдѣленіи находится еще отверстіе, отъ котораго идетъ кожистая кровеносная труба. Выходя изъ лѣвой половины сердца, труба раздѣляется на два рукава; одинъ идетъ въ верхнія части тѣла къ шеѣ, головѣ и рукамъ, другой—по туловищу и ногамъ. На своемъ пути рукава эти раздѣляются на безчисленное множество вѣтвей и волос-

ныхъ сосудовъ. Потомъ эти сосуды начинаютъ собираться въ болѣе толстыя вѣтви и наконецъ образуютъ одинъ каналъ или трубу, входящую въ правую половину сердца. Этими каналами совершается такъ называемое большое кровообращенiе. Кромѣ его, есть еще малый или легочный кругъ кровообращенiя. Оно совершается совершенно подобными же путями, посредствомъ канала, выходящаго изъ желудочка правой половины. Каналъ этотъ идетъ къ легкимъ, гдѣ раздѣляется на волосные, кровеносные сосуды. Сосуды эти опять собираются въ одинъ общiй каналъ, вступающiй въ предсердiе лѣвой половины сердца. Такимъ образомъ сердце, съ выходящими изъ него каналами и ихъ развѣтвленiями, представляетъ совершенно замкнутую систему трубокъ, и кровь, выходящая изъ лѣвой половины сердца, сдѣлавъ большой кругъ, входитъ въ правую половину, а оттуда, малымъ путемъ, идетъ въ легкiя и возвращается въ лѣвую половину. Въ безпрестанномъ движенiи крови по этимъ путямъ и заключается процессъ кровообращенiя. Каналы, ведущiе кровь отъ сердца къ поверхностямъ тѣла, называются артерiями, а ведущiя отъ тѣла къ сердцу—вѣнами. Въ артерiяхъ находится красная кровь, напитанная кислородомъ, поглощеннымъ ею въ легкихъ; а въ вѣнахъ течетъ кровь темная, содержащая въ себѣ углекислоту, поглощенную кровью во время ея обратнаго пути къ сердцу. Такимъ образомъ въ лѣвой половинѣ сердца находится красная кровь; а въ правой—темная. Вотъ почему эти двѣ половины и раздѣлены одна отъ другой глухими перегородками. Когда желудочки сокращаются, чтобы выгнать находящуюся въ нихъ кровь, верхушка сердца приподымается, и само сердце, поварачиваясь нѣсколько, ударяется о грудную стѣнку. Это и есть то бiенiе сердца, которое мы ощущаемъ, приложивъ руку къ груди.

Въ актѣ кровообращенiя все движенiе крови зависитъ исключительно отъ дѣятельности сердца; вся двигательная сила заключается въ немъ. И сердце отлично приспособлено къ такому отправленiю. Лѣвый желудочекъ его, прогоняющiй всю массу крови по большому пути черезъ артерiи, волосные сосуды и вѣны до правой половины сердца, снабжены поэтому толстыми слоями мышцъ, съ огромной силой. Напротивъ того, правый желудокъ, прогоняющiй кровь по короткому пути въ легкiя, имѣетъ стѣнки гораздо тоньше. Сократительная сила сердца зависитъ исключительно отъ содержащихся въ немъ нервовъ и только въ этомъ и заключается причина, что серд-

це, вынутое совершенно изъ тѣла, продолжаетъ ещ ебиться. Сердце, вырѣзанное у лягушки и положенное на столъ, бьется еще нѣсколько часовъ, сначала быстро, а потомъ медленнѣе и наконецъ останавливается. Если же предохранить сердце отъ высыханія и держать его въ теплѣ, то оно будетъ биться даже нѣсколько дней. У одной женщины, казненной въ Руанѣ въ 1808 году, по вскрытіи ея грудной полости, черезъ 24 часа послѣ казни, были еще видны сокращенія праваго предсердія. Извѣстный анатомъ Везалій за подобный опытъ чуть не поплатился жизнью. Онъ лечилъ одного молодого человѣка, который умеръ. Желая узнать причину смерти, Везалій вскрылъ его трупъ, и къ ужасу всѣхъ присутствующихъ, оказалось, что сердце бьется. Везалія обвинили въ вскрытіи живого человѣка и потребовали къ суду инквизиціи. Хотя онъ избавился отъ смертной казни, но въ наказаніе долженъ былъ сдѣлать путешествіе во святую землю. Даже сердце, переставшее биться, еще не теряетъ своей способности сокращаться втеченіе 4—5 часовъ, и, какъ это показали опыты надъ казненными, его можно заставить придти въ движеніе электричествомъ; сердце лягушки начинало пульсировать даже отъ механическаго толчка.

При каждомъ сокращеніи сердца, извѣстное количество крови выгоняется имъ въ артеріи, и при напорѣ крови артерія расширяется; затѣмъ при минутномъ ослабленіи напора, предъ новымъ толчкомъ сердца, артерія сокращается. Послѣ этого слѣдуетъ новый толчокъ, новый напоръ крови и новое сокращеніе стѣнокъ артерій. Въ этомъ постоянномъ расширеніи и сокращеніи стѣнокъ артерій заключается явленіе пульса. Сила пульса зависитъ отъ дѣятельности сердца, отъ массы кровяной волны и отъ сократительности стѣнокъ сосудовъ, по которымъ течетъ кровь. Нормальный пульсъ зависитъ отъ возраста, пола и роста. Чѣмъ меньше тѣло, тѣмъ чаще пульсъ. Оттого у новорожденнаго младенца пульсъ дѣлаетъ въ минуту отъ 130—140 ударовъ; у человѣка въ 20—25 лѣтъ около 70 ударовъ, а у старика пульсъ опять ускоряется до 75 ударовъ въ минуту. Пульсъ женщинъ быстрѣе пульса мужчинъ 10—14 ударами въ минуту. У людей однихъ лѣтъ, но не одинаковой величины, 60 ударовъ пульса человѣка малаго роста соотвѣтствуютъ 40 ударамъ большого. То же самое замѣчается и у животныхъ. У тѣхъ изъ нихъ, которыя меньше человѣка, пульсъ бьется чаще, чѣмъ у него; а которыя больше, у тѣхъ рѣже, чѣмъ у человѣка. Дыханіе имѣетъ большое вліяніе на

пульсъ; чѣмъ оно свободнѣе, тѣмъ сильнѣе сокращается сердце и чаще пульсъ. Вообще на одно дыханіе приходится отъ 3 до 4 ударовъ сердца. Положеніе тѣла обнаруживаетъ то же вліяніе на пульсъ. Стоя, у человѣка бьется пульсъ сильнѣе, чѣмъ сидя, и сидя сильнѣе, чѣмъ лежа. Съ каждымъ тѣлеснымъ напряженіемъ пульсъ усиливается, отъ этого пища, спиртные напитки, кофе и т. п., усиливаютъ біеніе пульса. Тоже самое происходитъ и отъ умственнаго напряженія. Самый спокойный пульсъ бываетъ ночью.

Сердце, не смотря на свою незначительную величину,—у человѣка оно не болѣе кулака,—имѣетъ весьма большую сократительную силу, равняющуюся давленію 60 фунтовъ. Отъ этого изъ перерѣзанныхъ артерій кровь бьетъ иногда на нѣсколько футовъ. Но чѣмъ болѣе удаляется кровь отъ сердца, тѣмъ она течетъ ровнѣе и медленнѣе, и пульсъ становится все слабѣе и наконецъ исчезаетъ. Это происходитъ не только отъ ослабленія толчковъ, сообщаемыхъ крови сердцемъ, но и оттого, что вслѣдствіе упругости стѣнокъ артерій, кровь теряетъ свое волнообразное движеніе и течетъ наконецъ совершенно ровно. Сократительную силу сердца можно провѣрить слѣдующимъ опытомъ. Если положить ногу на ногу такъ, чтобы чашка одной ноги приходилась какъ разъ въ згибъ другого колѣна, то носокъ верхней ноги будетъ находиться въ постоянномъ движеніи, соотвѣтствующемъ біенію сердца. Эти движенія не прекратятся даже и тогда, когда подвѣсимъ на носокъ тяжесть въ пятьдесятъ фунтовъ. При такой силѣ сердца, кровь течетъ, разумѣется, съ большой быстротой, пробѣгая въ секунду около 28 парижскихъ футовъ, а полный оборотъ крови во всемъ тѣлѣ свершается въ минуту, слѣдовательно въ сутки кровь оборотится въ человѣческомъ тѣлѣ 1,440 разъ.

Оттого, что всякое болѣзненное состояніе тѣла отражается всегда и на дѣятельности сердца и большихъ сосудовъ, а пульсъ находится въ самой тѣсной связи съ сокращеніями сердца, онъ играетъ чрезвычайно важную роль при распознаваніи и опредѣленіи болѣзней. По пульсу можно узнавать страданія организма даже тогда, когда еще нѣтъ другихъ болѣзненныхъ признаковъ. Врачи различаютъ пульсъ быстрый и медленный, полный и пустой, жесткій и мягкій и т. д.

Не смотря на то, что сердце больше ничего, какъ простой мускулъ, ему приписывали незаслуженную славу быть центромъ душевныхъ ощущеній. Совершенно справедливо, что сердце бьется сильнѣе и пріятнымъ для организма образомъ, отъ радости, точно

такъ же, какъ мы чувствуемъ въ немъ судорожное содраганіе отъ тоски, ужаса, или ожиданія чего нибудь непріятнаго. Но справедливость велитъ замѣтить, что всѣ эти измѣненныя біенія сердца происходятъ совсѣмъ не потому, чтобы сердце принимало непосредственное участіе во всѣхъ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ. Центръ всѣхъ впечалѣній и ощущеній есть головной мозгъ, а сердце своимъ біеніемъ только отвѣчаетъ впечатлѣніямъ мозга; значитъ, оно только рефлекторъ (отражатель) ощущеній, принимаемыхъ вовсе не имъ, а другимъ органомъ. Если же сердце съ своимъ кровообращеніемъ играетъ по видимому такую важную роль въ душевныхъ движеніяхъ, то это происходитъ оттого, что головной мозгъ, посредствомъ нервной системы, вліяетъ на всѣ растительные процессы нашего организма, на дѣятельность сердца и на кровеносные сосуды.

Сердце такого сложнаго устройства, какъ описано здѣсь, находится только у человѣка и у высшихъ животныхъ. У животныхъ самой нисшей организаціи нѣтъ ни сердца, ни кровеносныхъ сосудовъ, ни кровообращенія. На слѣдующей ступени, напримѣръ у червей, полиповъ, хотя тоже нѣтъ сердца, но уже есть центральная полость, заключающая въ себѣ пищевой сокъ; даже у насѣкомыхъ центральный аппаратъ весьма несовершеннаго устройства. Только у позвоночныхъ является настоящее сердце, устроенное на подобіе человѣческаго.

Прежде считали кровь однородной жидкостью. но Мальпиги, жившій въ XVII столѣтіи, разсмотрѣвъ кровь въ увеличительное стекло, увидѣлъ, что она состоитъ изъ жидкости и безчисленнаго множества плавающихъ въ ней шариковъ. Шарики эти, какъ извѣстно теперь, настоящія кровяныя клѣточки. Они состоятъ изъ тонкой, прозрачной оболочки, наполненной окрашенной жидкостью. Кровяныя клѣточки такъ малы, что ихъ можно увидѣть только при увеличеніи въ 80 разъ, а чтобы признать ихъ за кровяные шарики, нужно увеличеніе въ 200 до 300 разъ. Поперечникъ каждой клѣточки составляетъ $^{1}/_{222}$ часть линіи. Уже изъ этого можно видѣть, какое количество ихъ должно находиться во всемъ человѣческомъ тѣлѣ. Основываясь на приблизительныхъ вычисленіяхъ, ученые увѣряютъ, что въ крови человѣка находится отъ 30—60 билioновъ кровяныхъ пузырьковъ; въ одной капли крови содержатся ихъ мильоны. Даже подъ микроскопомъ нельзя разсмотрѣть ихъ, если взять для наблюденія чи-

стую кровь,—такъ ихъ много въ ней. Поэтому обыкновенно кровь разбавляютъ водой.

Кровяные шарики, или клѣточки человѣческой крови, имѣютъ сплющенный видъ и вогнуты въ центрѣ. Они полутверды и чрезвычайно упруги. Въ этомъ легко удостовѣриться, наблюдая въ микроскопъ кровообращеніе въ волосныхъ сосудахъ: быстро катящіеся кровяные шарики, скопившись гдѣ въ колѣнѣ сосуда, или въ вѣтви, давятъ и тѣснятъ другъ друга, сплющиваются и вытягиваются, чтобы пройти черезъ колѣно, или войти въ другой каналъ; а вступивъ въ болѣе широкое пространство, принимаютъ снова свою прежнюю форму. Въ свободно обращающейся крови и шарики плаваютъ свободно, слегка касаясь другъ друга; но при застоѣ кровообращенія они налегаютъ другъ на друга своими широкими сторонами и образуютъ столбики.

Кровяныя клѣточки птицъ, рыбъ и гадовъ имѣютъ элиптическую или яйцеобразную форму и гораздо больше, чѣмъ у человѣка. Вообще клѣточки тѣмъ больше, чѣмъ животное ниже по своему развитію. У животныхъ безпозвоночныхъ кровяныя клѣточки имѣютъ весьма разнообразную форму; онѣ то круглыя, то веретенообразныя, то овальныя. Количествомъ тоже меньше, чѣмъ у позвоночныхъ животныхъ.

Въ практической жизни знаніе разныхъ формъ кровяныхъ клѣточекъ имѣетъ весьма важное примѣненіе въ судебной медицинѣ, напримѣръ, при разрѣшеніи вопроса объ убійствѣ. Если обвиняемаго уличаютъ кровяныя пятна на платьѣ или на кожѣ, топоръ и т. п., а онъ показываетъ, что это кровь птицы, или какого нибудь животнаго, то, зная форму кровяныхъ клѣточекъ животнаго, на которое ссылаются, и разсмотрѣвъ кровяныя пятна въ микроскопъ, разумѣется, нетрудно рѣшить, правдиво показаніе или нѣтъ. Профессоръ Брюкке разсказываетъ, что при одномъ подобномъ слѣдствіи надъ глухонѣмой, по подозрѣнію ея въ убійствѣ своего отца, дѣвушка показала, что кровяное пятно на полу вышло отъ крови утки. Невѣрность показанія была доказана микроскопическимъ наблюденіемъ.

Между красными кровяными шариками — подъ микроскопомъ, впрочемъ, имѣющими блѣдно-желтый цвѣтъ и только въ массѣ и невооруженному глазу представляющими красными — попадаются еще другіе шарики, безцвѣтные и вдвое большіе по величинѣ. Эти шарики имѣютъ весьма нѣжную оболочку и внутри содержатъ зерни-

стую массу. Ихъ считаютъ за шарики, вливающіеся въ кровь вмѣстѣ съ лимфою, и потому зовутъ лимфатическими.

Тѣ и другіе шарики, т. е. кровяные и лимфатическіе, плаваютъ въ кровяной жидкости или въ плазмѣ. Плазма совершенно прозрачна и такъ липка, что между пальцами растягивается въ тонкія нити. Липкость плазмы происходитъ отъ находящейся въ растворѣ ея бѣлковины; вмѣстѣ съ бѣлковиной растворенъ въ плазмѣ фибринъ или волокнина. При застоѣ выпущенной изъ жилъ крови, фибринъ свертывается и выдѣляется. При своемъ выдѣленіи онъ обволакиваетъ кровяные шарики и садится на дно сосуда, и такимъ образомъ выпущенная кровь распадается на желтоватую жидкость, или кровяную сыворотку, и на красный кровяной сгустокъ. Но если кровь начать сбивать прутикомъ, то фибринъ осаждается на немъ въ видѣ нитей и бѣловатыхъ клочьевъ и тогда кровяные шарики остаются въ сывороткѣ, и кровь будетъ по прежнему жидка. Обстоятельство это давно уже извѣстно мясинкамъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кровь имѣетъ техническое употребленіе, тамъ, на бойняхъ, собираютъ ее въ чаны, взбалтываютъ и мѣшаютъ палкой; волокнина отдѣляется, и кровь остается жидкой. Но отчего фибринъ сгущается въ крови выпущенной изъ животнаго, а въ организмѣ остается въ растворѣ? На этотъ вопросъ современная наука отвѣта еще не имѣетъ.

Кромѣ этихъ веществъ, встрѣчается въ крови поваренная соль; есть въ ней и другія соли, но поваренной больше всѣхъ. Затѣмъ, болѣе замѣчательную составную часть крови представляетъ желѣзо. Нѣкоторые физіологи видятъ въ немъ собственно красящее вещество крови. Присутствіе въ крови желѣза дало Дейё и Пармантье мысль предложить чеканить изъ крови знаменитыхъ людей медали. И это, разумѣется, было бы возможно, если бы кровь заключала въ себѣ много желѣза, но въ человѣкѣ его не болѣе одной драхмы, слѣдовательно, для полученія одного фунта, нужна кровь ста человѣкъ. Подобная же мысль, какъ разсказываютъ, пришла и одному студенту медицины въ Парижѣ. Онъ задумалъ изъ желѣза своей крови сдѣлать кольцо для предмета своей страсти. Выпуская изъ себя время отъ времени кровь, онъ добывалъ изъ нея желѣзо, и, разумѣется, современемъ собралъ бы его довольно. Но онъ поспѣшилъ и умеръ. То же самое разсказываютъ и про одну дѣвушку, съ той

разницей, что она хотѣла получить сразу столько желѣза, сколько нужно для кольца, и умерла отъ излишняго кровопусканія.

Изъ того, что кровь находится въ легкихъ въ постоянномъ прикосновеніи съ воздухомъ, можно бы заключить, что въ ней находится и воздухъ, и такъ точно думали прежде. Но это невѣрно; кровь нетолько не содержитъ въ себѣ воздуха, но присутствіе его въ ней даже убиваетъ организмъ. Поэтому-то и умираютъ такъ часто люди при большихъ хирургическихъ операціяхъ, если атмосферный воздухъ войдетъ въ скрытые кровеносные сосуды. Въ крови находится, дѣйствительно, кислородъ, азотъ и углекислота, но они соединены съ нею или химически или всосаны механически. Изъ этихъ газовъ, кислородъ и азотъ принимаются изъ воздуха легкими, а углекислота поглощается кровью въ волосныхъ сосудахъ изъ тканей тѣла. Такимъ образомъ кровь создается—изъ пищи, при посредствѣ пищевого сока, а изъ воздуха — процессомъ дыханія.

Вообще кровь имѣетъ поразительное сходство съ составомъ тѣла. Всѣ части, какія находятся въ тѣлѣ, находятся и въ крови, и видоизмѣненія ихъ, встрѣчающіяся въ тканяхъ, могутъ повидимому легко сложиться изъ началъ крови. Поэтому выраженіе, что кровь есть растворенный организмъ, вполнѣ справедливо; покрайней мѣрѣ нельзя обозначить вѣрнѣе сущность крови. Кровь имѣетъ такое важное значеніе въ животной экономіи, что безъ нея невозможны никакіе процессы въ тѣлѣ, ни нормальные, ни болѣзненные. Все, что мы принимаемъ въ себя въ видѣ пищи, питья, воздуха, должно прежде сдѣлаться кровью и уже въ этомъ видѣ идетъ на образованіе тѣла. Кровь находится вездѣ; она проникаетъ весь организмъ, и нѣтъ такой частички въ нашемъ тѣлѣ, гдѣ бы не было крови.

Точное количество крови, находящееся въ нашемъ организмѣ, опредѣлить чрезвычайно трудно. Кровопусканіе не достигаетъ цѣли, потому что прежде чѣмъ будетъ выпущена вся кровь, поражаются мозгъ и сердце, и прекращается жизнь. Взвѣшивали преступниковъ до и послѣ казни обезглавленіемъ, и опредѣливъ такимъ образомъ вѣсъ вытекшей крови, остальное количество узнавали отмываніемъ крови изъ органовъ. Этимъ путемъ узнали, что кровь составляетъ около $^1/_8$ части нашего тѣла. Другими способами опредѣлили, что у мужчины 30 — 40 лѣтъ крови около 36 фунтовъ, а у женщины тѣхъ же лѣтъ около 31 фунта. У плотоядныхъ животныхъ крови

вообще болѣе, чѣмъ у животныхъ травоядныхъ; у послѣднихъ она составляетъ около $^1/_5$ вѣса ихъ тѣла.

При медленномъ кровопусканіи, съ промежутками, можно выпустить изъ тѣла много крови, даже больше, чѣмъ вѣситъ само тѣло. И это происходитъ оттого, что кровь быстро возобновляется принятой пищей. Но если выпускать кровь быстро и разомъ только $^1/_{25}$ часть вѣса тѣла — человѣкъ умираетъ.

Въ мнѣніи народа кровь имѣла всегда какой-то таинственный характеръ, и болѣзненныя явленія въ организмѣ чаще всего объясняются перемѣнами въ крови. Одинъ жалуется на кровь горячую, другой на холодную; одному кажется, что кровь его густа, другому— что она жидка; третій воображаетъ, что у него слишкомъ много крови, четвертый — что у него ея слишкомъ мало. Врачи обыкновенно не имѣютъ привычки разъяснять больнымъ, есть ли и какой именно смыслъ въ ихъ жалобахъ, или нѣтъ: такъ уже устроены доктора; а случается, что они и сами раздѣляютъ убѣжденія больныхъ. Крови въ организмѣ всегда столько, сколько ея нужно; уменьшиться, или увеличиться этому количеству, по произволу, нельзя, и всякая потеря крови вознаграждается немедленно тѣломъ. Вотъ почему и можно выпустить въ нѣсколько пріемовъ такъ много крови изъ тѣла. Можетъ дѣйствительно произойти увеличеніе нѣкоторыхъ составныхъ частей ея, но и оно свершается только въ опредѣленныхъ границахъ. Но еще неосновательнѣе предразсудокъ относительно острой или нечистой крови. Каждый день случается врачу слышать отъ больного: «докторъ, мнѣ нужно опять очистить кровь»,— и больной совершенно доволенъ, если докторъ для такого очищенія задастъ ему хорошій пріемъ александрійскаго листа или глауберовой соли. Эти люди представляютъ себѣ человѣческое тѣло чѣмъ-то въ родѣ камина, который время отъ времени засоряется сажей, и его нужно прочищать ядромъ и вѣникомъ.» (Бюхнеръ). Но кровь вовсе не такое вещество, въ которое можно ввести все, что угодно и въ какомъ угодно количествѣ. Въ своемъ постоянномъ измѣненіи во время кровообращенія, она освобождается безпрерывно отъ веществъ, которыя не могутъ составить ея собственную организацію, и сохраняетъ одинъ и тотъ же составъ. Новая медицина смотритъ на это дѣло совсѣмъ иначе. Болѣзненные процессы, составляющіе уклоненія отъ нормальнаго состоянія организма, разумѣется, имѣютъ вліяніе на разнообразные органическіе процессы тѣла и на кровь, ко-

торая, какъ питательный сокъ, распространенный по всюду, принимаетъ необходимо участіе въ каждомъ значительномъ страданіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она сама производитъ эти страданія, или что въ ней явилась какая-то невозможная нечистота или острота. Если въ крови бываетъ иногда ненормальная примѣсь, то это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда вредныя частицы отдѣляются постоянно изъ какого нибудь больного мѣста, и безъ этой причины продолжительное измѣненіе состава крови совершенно невозможно и не бываетъ, потому что отъ подобныхъ примѣсей, напримѣръ отъ какого нибудь яда, тѣло или быстро умираетъ, или точно также быстро освобождается отъ него. Заключаемъ главу словами Бюхнера, обращающагося съ просьбой къ тѣмъ, которые думаютъ, что страдаютъ болѣзнью крови, чтобы они опасались гомеопатовъ, шарлатановъ, гидропатовъ, кровочистительныхъ средствъ, и лучше пусть они останутся, какъ они думаютъ, съ своей отравленной, застоявшейся, сгущенной, остротами наполненной кровью, чѣмъ позволять такимъ господамъ дѣйствительно отравить ее или наполнить нечистотами.

VI.

Голодная смерть состоитъ въ совершенной исхудалости организма и въ потребленіи имъ почти всего своего жира и части своихъ другихъ тканей. Органы, переполненные кровью, напримѣръ печень, и самая кровь, теряютъ при этомъ больше всего. Мышцы же теряютъ меньше половины своего вѣса. Первые припадки голодной смерти начинаются воспаленіемъ во рту и зѣвѣ, происходящими отъ высыханія ихъ и отъ испаренія. Затѣмъ наступаетъ воспаленіе въ желудкѣ и кишкахъ, съ сильнымъ разстройствомъ всей нервной системы; потомъ сильное раздраженіе мозга, доходящее до бѣшенства, тамъ отупѣніе, сонливость и наконецъ смерть. Млекопитающее умираетъ отъ голоду, потерявъ $^{2}/_{5}$, а по другимъ $^{1}/_{3}$ своего вѣса. Приэтомъ мо-

лодыя животныя умираютъ гораздо ранѣе взрослыхъ. Четырехдневные щенки умирали отъ голоду черезъ 2 дня, тогда какъ шестилѣтнія собаки оставались иногда живыми на 30 дней.

Изъ факта голодной смерти видно, что процессъ жизни заключается въ постоянномъ процессѣ разрушенія, и слѣдовательно существованіе организма возможно только при постоянной замѣнѣ извнѣ внутреннихъ его потерь. Въ органической жизни приходъ всегда долженъ быть равенъ расходу, и организмъ гибнетъ, если онъ не можетъ вознаградить всѣхъ своихъ тратъ. Въ этомъ причина, почему и односторонняя пища, не вознаграждающая всѣхъ разнородныхъ расходовъ тѣла, ведетъ тоже къ смерти. Голуби, кормленные пищей лишенной всѣхъ неорганическихъ веществъ, — соли, извести и т. п., умирали со всѣми признаками голодной смерти. Собаки, которымъ давали только одинъ фибринъ или бѣлковину, или кормленныя только жиромъ, крахмаломъ, сахаромъ, умирали точно также голодной смертью. Фогтъ приводитъ въ примѣръ англійскаго врача Старка, который, испытывая надъ собой питательность сахара, довелъ себя до того, что когда узнали о состояніи его здоровья, то уже нельзя было воротить ему жизнь никакими средствами.

Слѣдовательно, ясно, что организмъ долженъ получать всѣ тѣ вещества, которыя необходимы для уравновѣшенія всѣхъ его потерь, происходящихъ отъ дыханія и разнаго рода выдѣленій. И такая замѣна внутреннихъ тратъ, принятіемъ извнѣ органическихъ и неорганическихъ веществъ, составляющихъ пищу, есть непремѣнное условіе всякой жизни. Поэтому пища, сообразно составу нашего тѣла, должна заключать въ себѣ азотистыя составныя части, — для образованія крови, безъазотистыя — для возобновленія безазотистыхъ частей, и наконецъ неорганическія соединенія.

Но не всякая пища годится для всѣхъ родовъ животныхъ. Одни питаются пищей растительной, другія животной, наконецъ третьи и животной и растительной вмѣстѣ. Родъ пищи опредѣляется всѣмъ устройствомъ организма. Болѣе рѣзкимъ внѣшнимъ признакомъ пищи, свойственной животному, служатъ его зубы. У животныхъ плотоядныхъ они болѣе или менѣе острые и имѣютъ рѣжущую форму; напротивъ, у животныхъ травоядныхъ вѣнчики зубовъ плоскіе, съ выдающимися извилинами; наконецъ у животныхъ всеядныхъ, къ которымъ принадлежитъ человѣкъ, зубы соединяютъ въ себѣ условія

необходимыя для принятія и измельченія животной и растительной пищи.

При всемъ внѣшнемъ различіи той и другой пищи, она не представляетъ большой разницы относительно пищеваренія. Какъ нѣтъ ни одного куска мяса, то есть, азотистаго вещества, въ которомъ бы не было жиру или безъазотистаго соединенія, такъ нѣтъ ни одного растенія, въ которомъ бы не было растительнаго фибрина и растительной бѣлкованы—веществъ азотистыхъ. Но какъ значительнѣйшая часть нашего тѣла состоитъ изъ азотистыхъ веществъ, называемыхъ бѣлковыми или кровообразователями—фибрины, бѣлковины, глабулина, то разумѣется, всякая хорошая пища должна ихъ имѣть непремѣнно и потому кровь и мясо животныхъ составляютъ лучшій кровообразовательный матеріалъ. Кромѣ животнаго царства, такой же матеріалъ представляютъ и растенія, потому что растительная бѣлковина находится во всѣхъ растительныхъ сокахъ, хоть и не всегда въ большомъ количествѣ. Въ горохѣ, бобахъ, чечевицѣ находится такъ называемый легуминъ. И всѣ эти вещества химическою дѣятельностію организма переработываются въ вещества, необходимыя для образованія его тѣла. Самымъ ближайшимъ примѣромъ можетъ служить женщина изъ крестьянскаго быта, кормящая грудью и питающаяся исключительно хлѣбомъ и другой растительной пищей. Изъ этихъ веществъ организмъ ея вырабатываетъ не только кровь и мясо для собственнаго тѣла, но и козеинъ молока.

Другой необходимый родъ пищи составляютъ жиры, или жирообразователи — вещества безъазотистыя. Жиръ необходимъ для организма потому, что въ немъ нѣтъ почти ни одной ткани, которая бы не заключала въ себѣ жира. Мозгъ, нервное вещество, ткань железъ, мышцъ и кожи содержатъ всегда большее или меньшее количество жира, безъ котораго ихъ отправленіе невозможно. Поэтому всякая пища должна заключать въ себѣ жиръ уже въ готовомъ видѣ, или же въ видѣ веществъ, способныхъ превратиться въ него. Въ животной пищѣ жиръ заключается уже готовымъ. Въ растительной, во многихъ случаяхъ онъ тоже готовъ, какъ напримѣръ въ плодахъ и сѣменахъ, богатыхъ масломъ; но кромѣ того. онъ переработывается изъ заключающагося въ растеніяхъ крахмала, крахмальной камеди (декстринъ) и изъ разныхъ видоизмѣненій сахара. Эти вещества не превращаются однако въ жиръ непосредственно, для превращенія ихъ организмъ долженъ получить въ пищѣ небольшую

примѣсь уже готоваго жира. Только этимъ и объясняется, что свиньи, откармливаемыя однимъ крахмаломъ безъ жира, не жирѣютъ, точно также какъ остаются тощими утки, кормленныя однимъ рисомъ. Съ примѣсью же жира эти вещества переходятъ сами въ жиръ и, какъ напримѣръ при откармливаніи животныхъ, отлагаются въ ихъ тѣлѣ толстымъ слоемъ. Точно также и пчелы, питаясь однимъ сахаромъ, не въ состояніи приготовить воскъ; для этого необходима въ медѣ хотя бы самая незначительная примѣсь воска. Этимъ же объясняется раціональность существующаго обычая ѣсть картофель и кашу съ масломъ. Сахаръ точно также есть жирообразователь. Онъ переходитъ въ кишечномъ каналѣ сначала въ молочную кислоту, потомъ въ масляную, и наконецъ въ жиръ.

Наконецъ, пища должна заключать въ себѣ и неорганическія составныя части нашего тѣла, потому что вещества эти нужны не только для крови, но и для образованія костей. Веществъ этихъ организмъ создать самъ не можетъ, онъ не въ состояніи приготовить ни желѣза, ни щелочныхъ солей, слѣдовательно онѣ должны быть доставлены ему готовыми въ пищѣ. Въ этомъ причина, почему мы употребляемъ въ кушаньяхъ соль: хлористый натрій (поваренная соль) нуженъ не только для хрящей и кровяной плазмы, но онъ усиливаетъ еще дѣятельность желудочнаго сока и слѣдовательно помогаетъ пищеваренію. Потому что для образованія яичной скорлупы нужна известь, куры выклевываютъ ее изъ сѣмянъ, а дѣти, страдающія англійской болѣзнью, т. е. недостаткомъ известковыхъ солей для переработки ихъ въ кости, любятъ ѣсть известь и землю.

Но одного состава пищевыхъ веществъ недостаточно, чтобы они могли служить пищей. Имъ нужно дать еще тотъ видъ, при которомъ организмъ могъ бы растворить ихъ съ большею легкостью. Это достигается предварительными химическими операціями, составляющими поваренное искусство. Сущность его вся въ томъ, чтобы дать пищевымъ веществамъ форму самую удобную для пищеваренія. Отъ какихъ причинъ зависитъ разница между такъ называемыми легко и трудно варимыми веществами, химія еще не знаетъ. А между тѣмъ извѣстно изъ опытовъ, что хотя мясо быка и теленка неотличаются ничѣмъ по химическому составу, тѣмъ не менѣе говядина переваривается легче телятины. Кромѣ того, одни вещества перевариваются отлично одними людьми, а для другихъ они невозможны; ужъ не говоря объ этомъ въ примѣненіи къ больнымъ, мы

сошлемся на тѣ кушанья, которыя русскому здоровы, а нѣмцу смерть. Разумѣется, что тутъ играютъ роль индивидуальныя уклоненія въ желудочномъ сокѣ; но въ чемъ они заключаются, это еще неопредѣлено. Между тѣмъ опредѣленіе всего этого, для установленія правилъ діэтетики, было бы чрезвычайно важно, особенно относительно больныхъ. Отъ недостатка же общихъ правилъ врачъ, незнающій организма своего паціента, совѣтуетъ выздоравливающему обыкновенно то, что самъ любитъ. Оттого любитель краснаго вина предлагаетъ своему больному красное вино, а кто любитъ бѣлое — совѣтуетъ пить бѣлое.

Изъ того что мы говорили, видно, что пища человѣка должна быть разнообразна. Но этого мало, она должна быть еще и вкусна. То и другое вовсе не прихоть, а потребность организма. Если человѣку пища противна, какъ это бываетъ, если его кормятъ все однимъ и тѣмъ же,—значитъ, она ему и вредна. И потому, когда отдѣльные люди, или даже цѣлые слои населеній, производятъ своимъ земледѣліемъ и своимъ сельскимъ хозяйствомъ скудные по числу сортименты пищевыхъ веществъ и употребляютъ сами пищу слишкомъ однообразную и невкусную, то, разумѣется, и весь ихъ бытъ и цивилизація находятся не на высокой степени культуры и матеріальнаго благосостоянія.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о степени питательности пищевыхъ веществъ, употребляемыхъ главнѣйше въ пищу.

Яйца какъ птицъ, такъ пресмыкающихся и рыбъ, считаются справедливо весьма питательными. Дѣйствительно, они занимаютъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Въ питательности яицъ можно убѣдиться уже изъ тото, что внутри яйца, изъ веществъ находящихся въ немъ, развивается вполнѣ животное, съ мясомъ, кровью и костями. Это возможно только потому, что въ яйцѣ есть всѣ составныя части будущаго животнаго. Въ яйцѣ находится бѣлковина, желтковина, соли, жиры, известь, желѣзо и другія неорганическія вещества. Не смотря на такую удовлетворительность всѣмъ условіямъ питанія, все-таки ошибочно мнѣніе, что однимъ куринымъ яйцомъ можно быть сытымъ цѣлыя сутки. Расчитывая всѣ потери организма, выводятъ, что работающему мужчинѣ нужно въ сутки не менѣе 17—18 куриныхъ яицъ.

Молоко точно также удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ организма; поэтому всѣ млекопитающіяся въ первое время питаются ис-

ключительно молокомъ. Въ молокѣ заключается жирообразователь— молочный сахаръ, и кровообразователь—козеинъ; кромѣ того разныя соли и мельчайшія капельки жира—масло. Въ хорошемъ коровьемъ молокѣ содержится $^9/_{10}$ воды, $^1/_{20}$ молочнаго сахара, столько же козеина, $^1/_{30}$ масла и $^1/_{200}$ солей. Женское молоко содержитъ масла меньше. При такомъ составѣ молока, грудной ребенокъ получаетъ въ немъ все, что необходимо для построенія его тѣла и скелета.

По своему составу, подходятъ чрезвычайно близко къ молоку сѣмена хлѣбныхъ и стручковыхъ растеній. Въ нихъ находятся тѣ же соли, какъ и въ молокѣ, довольно значительное количество кровообразователей—клейковины, и до 60 — 70 % жирообразователя— крахмала; нѣтъ только жира. Впрочемъ въ ржи, пшеницѣ и въ кукурузѣ онъ содержится въ самомъ незначительномъ количествѣ. Поэтому-то употребленіе всѣхъ этихъ веществъ въ пищу съ масломъ составляетъ необходимое условіе для перехода жирообразователей въ жиръ.

Картофель, напротивъ, составляетъ очень питательную пищу. Онъ бѣденъ азотистыми веществами и богатъ только крахмаломъ. Солей въ немъ чрезвычайно мало, фосфорныхъ нѣтъ совсѣмъ, а вода составляетъ отъ 70 до 80 %. Несмотря на то, картофель вошелъ во всеобщее употребленіе и распространенъ вездѣ. Причину этого обстоятельства объясняютъ вовсе не питательными свойствами картофеля, а тѣмъ, что онъ легко климатизуется и потому можетъ быть разводимъ вездѣ, что онъ не извлекаетъ изъ земли тѣхъ веществъ, которыя необходимы для хлѣбныхъ растеній и наконецъ въ томъ, что картофелемъ можно извлечь изъ почвы наибольшее количество твердыхъ частей, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ сельско-хозяйственнымъ растеніемъ. Въ разныхъ растеніяхъ, собранныхъ при одинаковыхъ условіяхъ съ пространства почти въ десятину, по произведенному опыту, заключалось твердыхъ частей: въ пшеницѣ 2846 фунтовъ, въ ржи 2274 ф. въ горохѣ 1657 и въ картофелѣ 9600 фунтовъ. Но въ то же время въ нихъ было воды: въ пшеницѣ 442 ф. въ ржи 389, въ горохѣ 319 и въ картофелѣ 27,626. Изъ этого видно, почему картофель не можетъ быть перевозимъ на большія разстоянія. Въ немъ на одну треть твердыхъ частей приходится двѣ трети воды, и слѣдовательно, нагружая возъ 30 пудами картофеля, приходится вести въ этомъ числѣ 20 пудовъ воды; а воду перевозить на большія разстоянія выгоды нѣтъ. Картофель самая

дурная и самая непитательная пища, и разумѣется, самую нисшую степень экономическаго быта представляетъ жизнь тѣхъ людей, которые не въ состоянiи имѣть другой пищи.

Мясо представляетъ пищу чрезвычайно питательную, вслѣдствiе богатаго содержанiя азотистыхъ веществъ. Безъазотистыхъ же въ немъ мало. Но какъ жиръ составляетъ необходимое дополненiе къ мясу для возвышенiя его питательныхъ свойствъ, то этой цѣли, т. е. увеличенiя жира въ мясѣ, стараются достигнуть откармливанiемъ животныхъ. Если мясо выварить совершенно, то получится бѣлый, безвкусный остатокъ: это есть фибрина. Въ водѣ она не растворяется; но растворяется въ желудочномъ сокѣ, во время пищеваренiя. Жидкiй же отваръ есть бульонъ. Разумѣется, совершеннаго вывариванiя мяса стараются избѣгать, чтобы не лишить его вкуса; но въ маленькихъ хозяйствахъ и у бѣдныхъ людей этого избѣгнуть невозможно. Имъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или хорошiй наваръ и невкусную говядину, или вкусную говядину, но за то жидкiй наваръ. Питательность бульона зависитъ отъ содержащагося въ немъ азотистаго вещества—креатина. Во время пищеваренiя изъ него выработывается креатининъ, служащiй основанiемъ вещества мяса.

Кофе и чай, входящiе все болѣе и болѣе въ употребленiе, принадлежатъ тоже къ пищевымъ веществамъ. Въ настоящее время потребляется на всемъ земномъ шарѣ въ годъ: кофе—12,500,000 пудовъ и чаю—18,750,000 пудовъ. Въ такомъ распространенiи употребленiи чая и кофе, разумѣется, нельзя видѣть прихоть или желанiе усладить вкусъ. Главная причина въ томъ, что по мѣрѣ увеличенiя потребленiя картофеля, — этого признака бѣдности, — народъ чувствуетъ необходимость въ подспорьи къ нему. Чай и кофе очень сходны между собой по составу и богаты азотомъ. Но главное ихъ значенiе заключается въ ихъ возбуждающемъ влiянiи и въ той помощи, какую они оказываютъ организму въ усвоенiи имъ пищи, принимаемой обыкновенно народомъ въ формѣ весьма неблагопрiятной.

Наконецъ, пиво, вино, водка дѣйствуютъ не на пищеваренiе и питанiе, но на нервную систему. Ихъ роль такая же, какъ чисто наркотическихъ веществъ; табаку, опiума, хашиша. Сильное употребленiе повсюду спиртныхъ напитковъ простымъ народомъ также не прихоть. Они облегчаютъ народу, подавленному трудомъ, бремя

заботъ и доставляютъ счастливыя минуты въ жизни. Злоупотребленіе въ видѣ пьянства, и его болѣзни запоя, разумѣется дурны; но вино необходимо человѣку, и общества трезвости дѣйствуютъ нераціонально, стараясь заставить народъ отказаться отъ водки. Впрочемъ, они этого никогда и не достигнутъ.

Пища, поступившая въ организмъ человѣка, переработывается въ особомъ аппаратѣ, называемомъ кишечнымъ или пищевымъ каналомъ. Это больше ничто, какъ трубка, съ двумя открытыми концами,—однимъ для пріема пищи, другимъ для выдѣленія ненужныхъ для организма остатковъ,—имѣющая вначалѣ довольно большое раздутіе въ видѣ изогнутаго мѣшка, называемаго желудкомъ. У животныхъ плотоядныхъ только одинъ желудокъ, у травоядныхъ же пищевой каналъ не только гораздо длиннѣе и извилистѣе, но и имѣетъ нѣсколько желудковъ.

Пищевареніе есть чисто химическій процессъ; искусственное пищевареніе можно сдѣлать даже на тарелкѣ, и получатся совершенно тѣ же результаты, какіе являются и въ организмѣ. Участіе, которое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ жизненная дѣятельность огранизма, заключается въ томъ, что ею подготовляются и доставляются пищевому каналы различные соки и реактивы и надлежащая степень теплоты. Самый процессъ заключается въ томъ, что сначала пища измельчается во рту, чтобы сообщить ей размѣры удобные для ея дальнѣйшей химической обработки; въ это же время она смѣшивается съ слюной, и за тѣмъ поступаетъ въ желудокъ. Роль слюны не только въ томъ, что при ея помощи пища принимаетъ во рту видъ кашицы и тѣмъ облегчается проглатываніе, но она имѣетъ еще и химическое значеніе. Отъ дѣйствія ея вареный крахмалъ превращается въ декстринъ и затѣмъ въ желудкѣ онъ превращается уже въ виноградный сахаръ. Впрочемъ это превращеніе совершается частію и во рту. Особенно важно значеніе слюны у животныхъ травоядныхъ. Они уже при жеваніи превращаютъ пищу въ пищевую кашицу, пропитывая пережеванныя вещества слюной, содержащей въ себѣ воздухъ; а животныя отрыгающія жвачку, при вторичномъ поступленіи пищи изъ желудка въ ротъ, снова размельчаютъ ее и снова пропитываютъ слюной, насыщенной воздухомъ.

Пища, поступившая въ измельченномъ видѣ въ желудокъ, подвергается тамъ химическому процессу, отъ дѣйствія на нее желудочнаго сока. Сокъ этотъ есть кисловатая жидкость, отдѣляемая железками

слизистой оболочки желудка, въ такомъ количествѣ, что у тридцатилѣтняго мужчины оно можетъ составить въ сутки около 9 кружекъ. Вещество, дающее пищеварительную силу желудочному соку, есть пепсинъ. Въ немъ-то и заключается причина почему телячій сычугъ свертываетъ мгновенно козеинъ молока. Въ чистомъ состояніи пепсинъ получить не удалось. Если выщелочить водой желудокъ какого нибудь животнаго и къ полученной слизистой жидкости прибавить извѣстное количество соляной кислоты, то образуется смѣсь, имѣющая всѣ свойства желудочнаго сока, и при той же температурѣ, какъ въ желудкѣ, переварачивающая мясо, бѣлковину и фибринъ совершенно также и въ то же время, какъ и въ живомъ организмѣ. Отъ дѣйстія на пищу желудочнаго сока, она образуетъ смѣсь, называемую пищевой кашицей. Въ ней нѣкоторыя вещества измѣнены химически, другія растворены. Древесныя волокна и роговыя ткани, какъ перья, ногти, волосы, а также оболочки плодовъ, остаются въ желудкѣ безъ всякаго измѣненія. Жиръ распускается отъ тепла и распредѣляется по пищевой кашицѣ каплями. Доведенная до такого состоянія пищевая кашица оставляетъ желудокъ и входитъ въ тонкую кишку т. е. въ узкое продолженіе желудка. Здѣсь къ кашицѣ подмѣшивается желчь, приготовляемая и отдѣляемая печенью. Роль желчи въ пищевареніи заключается въ томъ, что она имѣетъ противогнилостное вліяніе на вещества, заключающіяся въ кишкахъ, и наконецъ въ томъ, что только при ея содѣйствіи образуется возможность обмѣна жидкостей (эндосмосъ), чрезъ стѣнки желудка. Животныя оболочки проницаемы только для жидкостей, имѣющихъ способность смѣшиваться; поэтому масло и жиръ не могутъ проникнуть чрезъ оболочку пропитанную водой. Въ этомъ случаѣ помогаетъ желчь, образующая съ жирными кислотами желудка составы въ родѣ мыла; а мыло, какъ извѣстно, въ водѣ растворяется и слѣдовательно является возможность обмѣна. Кромѣ желчи вливается въ кишечный коналъ еще и сокъ поджелудочной железы. Онъ вмѣстѣ съ желчью обращаетъ сахаръ въ молочную кислоту, которая переходитъ потомъ въ масляную и наконецъ превращается въ жиръ. На этотъ жиръ сокъ поджелудочной железы дѣйствуетъ такъ же какъ и желчь—дѣлаетъ изъ него эмульсію т. е. сообщаетъ ему способность проходить въ кровь. Во время прохода своего по кишечному каналу, пищевая кашица постоянно подвергается измѣненіямъ, и выработавшіяся жидкости всасываются стѣнками канала. Вещества же

ненужныя организмъ изъ себя выдѣляетъ. У человѣка здороваго и крѣпкаго, чрезъ 2—3 часа послѣ обѣда желудочное пищевареніе оканчивается вполнѣ и желудокъ совершенно пустъ.

Въ этихъ шести отдѣлахъ мы изложили всю сущность отправленій человѣческаго организма въ его растительной жизни на основаніи самыхъ послѣднихъ научныхъ данныхъ, руководствуясь сочиненіями, выписанными въ заглавіи нашей статьи. Что же касается до выводовъ, которые можно сдѣлать въ примѣненіи къ общественной жизни, то ихъ мы оставляемъ до другого случая.

Н. Шелгуновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ученіе о пищѣ, общепонятно изложенное Я. Молешоттомъ. Изд. кн. магазина Серно-Соловьевича. СПБ. 1863. — Міръ до сотворенія человѣка. Сочиненіе Д-ра Ф. А. Циммермана. Перевелъ съ 12-го нѣмецкаго изданія Павелъ Ольхинъ. СПБ. Изд. Вольфа. 1863. — Стихотворенія А. А. Фета. 2 части Изданіе Солдатенкова. М. 1863. — Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная подъ редакціею А. Мишокова. Т. II, книга 2. — Исторія итальянской литературы, составлена В. Костомаровымъ. СПБ. 1863.—

Я бываю всегда несказанно радъ, когда мнѣ приходится говорить съ читателями о какой нибудь хорошей книгѣ по естественнымъ наукамъ. Къ счастію, теперь мнѣ приходится довольно часто имѣть это удовольствіе, потому что хорошія книги по естествознанію выходятъ одна за другой. На этотъ разъ я могу поговорить здѣсь о сочиненіи Молешотта: «Ученіе о пищи», изданномъ недавно книжнымъ магазиномъ Серно-Соловьевича. Я увѣренъ, что въ числѣ лицъ, довольныхъ появленіемъ этой книги въ русскомъ переводѣ, находится и незнающій нѣмецкаго языка г. Игдевъ, который можетъ теперь критиковать знаменитаго естествоиспытателя, не перевирая его словъ. Впрочемъ, я рѣшительно не знаю, почему я упомянулъ о г. Игдевѣ, и почему онъ мнѣ вспомнился; къ Молешотту онъ не имѣетъ другого отношенія, кромѣ того, что скверно перевелъ двѣ фразы изъ его сочиненія. Поэтому обратимся къ книгѣ, о выходѣ которой я упомянулъ. Человѣкъ, жаждущій наслажденій нравственныхъ, такъ называемой духовной пищи, хотя и непренебрегающій хоро-

шимъ обѣдомъ, такой человѣкъ прійдетъ въ крайнее негодованіе на Молешотта, просмотрѣвъ заглавный листъ его книги. Онъ встрѣтитъ цѣлыя главы, трактующія о хлѣбѣ, овощахъ, пирожномъ, найдетъ рецепты обѣдовъ для различныхъ классовъ людей, увидитъ толки о чаѣ и кофе, и тому подобныхъ прозаическихъ предметахъ. Онъ остроумно сравнитъ книгу Молешотта съ плодами сороколѣтнихъ опытовъ и наблюденій г-жи Авдѣевой, и презрительно швырнувъ ее въ сторону, предастся эстетическому наслажденію, напр. станетъ читать стихотворенія г. Фета, о которыхъ я также нынче поговорю съ читателями.

Да, я убѣжденъ, что многіе вознегодуютъ на меня за то, что я прямо берусь за книгу Молешотта и отодвигаю на задній дворъ своего листка эстетическія произведенія г. Фета, но читатель увидитъ, что я дѣлаю это изъ уваженія къ его здравому смыслу.

Судить, понимать, наслаждаться, положимъ эстетическими твореніями, человѣкъ можетъ только тогда, когда организмъ его находится въ условіяхъ, благопріятныхъ для этого. Заболѣли у человѣка зубы—и онъ не только не станетъ восторгаться г. Фетомъ, хотя бы былъ самимъ г. Анненковымъ или самимъ г. Дудышкинымъ, а со злобой швырнетъ неповинныя пѣснопѣнія фетовской музы въ уголъ. Человѣкъ не ѣлъ долго или слишкомъ наѣлся — и ему не подъ силу разсуждать о важныхъ матеріяхъ. Голодающій работникъ, который еслибъ былъ сытъ, можетъ быть, съ увлеченіемъ выслушивалъ бы доказательства Бастіа или Молинари, приходитъ въ раздраженное состояніе, дѣлается весьма нетерпѣливымъ и не слушаетъ никакихъ доказательствъ, какъ бы они ни были красивы.

«Исторія произведеній земли тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями», сказалъ еще Георгъ Форстеръ. Новѣйшіе писатели вполнѣ подтвердили это глубокое замѣчаніе великаго естествоиспытателя и мыслителя. Молешоттъ впрочемъ далекъ отъ странной слабости многихъ ученыхъ приписывать все исключительно занимающему ихъ предмету. Онъ соглашается, что вліяніе на человѣка воздуха, земли, положенія страны, растеній, животныхъ и наконецъ другихъ людей— безконечно велико, что дѣятельность каждаго лица настолько же обусловливается внѣшними условіями, сколько и его организмомъ. Но въ разбираемой книгѣ онъ довольствуется разсмотрѣніемъ только внутреннихъ условій самого организма; онъ разбираетъ, какія ве-

щества способны вызвать наибольшую дѣятельность и куда тотъ или другой родъ пищи направляетъ ее.

Подобно тому, какъ Бёкль представилъ намъ зависимость человѣка отъ внѣшней природы, Молешоттъ представляетъ намъ нашу зависимость отъ тѣхъ предметовъ, которые мы называемъ пищею и которые, будучи поглощаемы нами, входятъ въ составъ нашего организма, то есть, дѣлаются нашимъ *я*.

Повидимому, въ наше время должно казаться страннымъ приводить доказательства въ пользу того, что тѣ или другія особенности, свойства и проявленія дѣятельности того, что называется духомъ, зависятъ отъ принимаемой пищи. Мы знаемъ, что перемѣна пищи, напр. животной на растительную, не только измѣняетъ внѣшнія формы животнаго, но перемѣняетъ и его нравственную сторону, напр. изъ хищнаго и дикаго дѣлаетъ смирнымъ и ручнымъ. Но, допуская это въ низшихъ животныхъ, не хотятъ видѣть того же въ дѣятельности человѣка, для котораго постоянно наровятъ отвести какое-то особое мѣсто. Поэтому приходится до сихъ поръ представлять факты въ доказательство мнѣнія, высказаннаго Форстеромъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ.

> «Овощи, говоритъ Молешоттъ: будучи употребляемы въ пищу однѣ, весьма недостаточно вознаграждаютъ вещества, израсходованныя кровью, чѣмъ и объясняется недостаточное питаніе тканей при исключительномъ употребленіи растительной пищи. Отъ такого рода пищи не только обезсиливаютъ мускулы, но терпитъ и мозгъ, получая скудное вознагражденіе. *Этимъ объясняется нерѣшительность и малодушіе индусовъ и другихъ тропическихъ народовъ, питающихся исключительно одними овощами.*» (стр. 103).

> «Мозгъ, говоритъ онъ передъ этимъ:—не можетъ существовать безъ жира, содержащаго фосфоръ, который онъ получаетъ изъ бѣлка и фибрина крови. Другія основныя начала не могутъ превращаться въ фосфоръ. Отсюда слѣдуетъ, что для питанія мозга необходимо употреблять въ пищу мясо, хлѣбъ, горохъ, и что кушанья, содержащія готовый фосфористый жиръ, какъ напримѣръ рыба и яйца, облегчаютъ доставку мозгу этой необходимой для него составной части. Этотъ фосфорный жиръ обусловливаетъ развитіе, а слѣдовательно и дѣятельность мозга. Положеніе, что безъ фосфора нѣтъ мысли всегда останется справедливымъ». (стр. 99—100).

Поэтому люди, принужденные обстоятельствами питаться веществами, содержащими въ себѣ самое ничтожное количество фосфорна-

го жира и бѣлка, напримѣръ картофель, составляющій исключительную пищу жителей цѣлыхъ странъ, обнаруживаетъ самое вредное вліяніе на умственныя способности такихъ бѣдняковъ. Кромѣ того, картофель, не доставляя мускуламъ фибрину, оказываетъ пагубное вліяніе и на физическую силу человѣка, для котораго онъ составляетъ единственную пищу. Вы видимъ примѣръ этого на цѣлой странѣ. Молешоттъ говоритъ о ней такъ:

«Бѣдная Ирландія! Ея бѣдность порождаетъ въ свою очередь нищему. Ирландія не можетъ побѣдить въ борьбѣ съ своимъ гордымъ сосѣдомъ, красивыя стада котораго свидѣтельствуютъ о могуществѣ своихъ хозяевъ. Она не можетъ побѣдить, потому что пища ея народа способна породить не одушевленіе, а отчаяніе. Только одушевленіемъ можно низложить исполина, въ жилахъ котораго бѣжитъ богатая кровь, обусловливающая его могущество и энергію. Гокинсъ, перенесшій изъ Америки картофель, конечно, не сдѣлалъ этимъ добра ирландцамъ. (стр. 108—109).

Ежели картофель уничтожилъ исторію Ирландіи и обрекъ ее на вѣчную бѣдность и ничтожество, то другой родъ пищи обагрилъ кровью лѣтописи другихъ народовъ.

«Если вспомнить скоропреходящія страсти, вспыльчивость, ревность и коварство жителей тропическихъ странъ, употребляющихъ въ пищу пряности почти наровнѣ съ питательными веществами, то никакъ нельзя примириться съ жестокосердіемъ европейцевъ, которые внесли къ себѣ перецъ, корицу, гвоздику и мушкатный орѣхъ. Еслибъ у насъ не было этихъ приправъ въ пищѣ, часто приносящихъ вредъ и во всякомъ случаѣ не особенно нужныхъ, — можетъ быть, въ исторіи испанцевъ, португальцевъ и голландцевъ оказалось бы меньше кровавыхъ событій» (стр. 163).

Но если родъ пищи имѣлъ иногда вредное вліяніе на исторію народовъ, то съ другой стороны онъ оказывалъ иногда и хорошее.

«Сыръ, говоритъ далѣе авторъ, —приготовляютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ скотоводство, — слѣдовательно, гдѣ молоко получается въ излишкѣ. Въ такихъ странахъ не можетъ быть недостатка въ мясной пищѣ. Мясо же, какъ мы уже говорили, производитъ кровь, обильную всякаго рода веществами, нужными для питанія организма; такая кровь создаетъ сильные мускулы, развиваетъ благородство чувствъ и пылкое му-

жество для защиты свободы. Это дало Іоганну Мюллеру право сказать: «свобода процвѣтаетъ тамъ, гдѣ дѣлаютъ сыръ.» (стр. 151—152).

Если такъ могущественно вліяніе пищи на цѣлые народы, то оно должно обнаруживаться тѣмъ яснѣе и нагляднѣе въ отдѣльныхъ личностяхъ. Человѣкъ, много работающій физически, подвергается большимъ расходамъ своего организма, которые долженъ пополнять изобильной, питательной пищей, способной вознаградить его потери въ крови и мускулахъ. Иначе онъ истощается. Расчетливые англійскіе фабриканты знаютъ это и изъ разсчета кормятъ хорошо своихъ рабочихъ. Поэтому, если тамъ цѣлые округи питаются впродолженіе многихъ мѣсяцевъ крохами, падающими со стола этихъ богатыхъ Лазарей, то тамъ же встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, великолѣпные образчики физической силы. Человѣкъ, работающій умственно, требуетъ того же самого, потому что траты его такъ же велики, и единственная разница между нимъ и работникомъ состоитъ въ томъ, что послѣдній напрягаетъ свои мускулы, между тѣмъ какъ первый напрягаетъ мозгъ. Поэтому ему необходима столь же питательная пища, какъ и первому. Единственная разница состоитъ въ томъ, что ему нужна пища болѣе удобоваримая, такъ какъ та, которая затрудняетъ пищевареніе, обусловливаетъ приливы крови къ мозгу и слѣдовательно нарушаетъ дѣятельность рабочаго органа.

«Пища, состоящая изъ большого количества стручковыхъ плодовъ, тяжелаго хлѣба, жирныхъ мучныхъ кушаній, жирнаго мяса, способна производить лишь тѣхъ скучныхъ и угрюмыхъ, почти всегда худощавыхъ государственныхъ людей, которые до такой степени нечувствительны къ радостямъ жизни и такъ мрачно смотрятъ на нее, что считаютъ тюрьму и розги величайшими двигателями просвѣщенія.» (стр. 211).

Только лѣнивый, тупоумный, ничего недѣлающій тунеядецъ можетъ довольствоваться скудной, непитательной пищей. Лѣнивая, сидячая жизнь требуетъ чрезвычайно мало расходовъ со стороны его организма, вслѣдствіе чего у него не является и потребности вознаграждать ихъ — аппетита. Поэтому, по правиламъ физіологіи, такіе люди могли бы довольствоваться картофелемъ и другими овощами. Но къ сожалѣнію, жизнь сложилась не по правиламъ физіологіи, и притомъ въ то время, когда о физіологіи не было и помину. Поэтому на самомъ дѣлѣ бываетъ, что тунеядецъ имѣетъ возможность обра-

щать дѣятельность своего мозга на изобрѣтеніе разныхъ блюдъ, для поглощенія которыхъ прибѣгаетъ къ разнымъ искусственнымъ возбудительнымъ средствамъ. Но хотя ему и удастся возбудить въ себѣ ложный аппетитъ, тѣмъ не менѣе пища, принятая имъ, не входитъ въ составъ его организма, который и безъ того страдаетъ отъ излишка, а частью скопляется подъ кожей въ видѣ жира, частью извергается экскрементами, которые, какъ говоритъ К. Фогтъ, высоко цѣнятся людьми, скупающими ихъ для удобренія полей, сравнительно съ экскрементами бѣдныхъ людей, которые можетъ быть съѣдаютъ менѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ сколько ихъ извергаютъ богатые тунеядцы. Бѣдняки же должны, наоборотъ, довольствоваться самой скудной и малопитательной пищей, которая не въ состояніи уравновѣсить потери ихъ тѣла. Для предупрежденія и устраненія, насколько возможно, гибельныхъ послѣдствій такого питанія, бѣднякъ имѣетъ превосходное средство въ алкоголѣ, т. е. водкѣ, винѣ и пивѣ, изъ которыхъ чаще всего употребляется первая. Алкоголь, вступивъ въ организмъ, быстро сгораетъ, на что употребляется значительная часть кислорода, которая бы безъ него обратилась на тѣ немногія питательныя вещества, которыя доставила крови бѣдняка принятая имъ скудная пища. Въ присутствіи же алкоголя эти вещества сохраняются въ организмѣ долѣе и слѣдовательно организмъ можетъ ограничиться меньшимъ количествомъ пищи.

«Пока не устроили, говоритъ Молешоттъ:—такъ, чтобы ратотадавала человѣку достаточное питаніе, не издѣвайтесь надъ бѣднякомъ, совѣтуя ему отказаться отъ меньшаго блага, когда не можете, или не хотите доставить ему большое» (стр. 137).

«Голодъ — бичь рабочаго класса въ странахъ, гдѣ развита Фабричная промышленность. Въ настоящее время употребленіе рабочими въ пищу стручковыхъ плодовъ, за недостаткомъ мяса, единственная ихъ утѣха. Прекратится же это бѣдственное положеніе рабочаго только тогда, когда перестанутъ помогать своимъ собратьямъ изъ состраданья, а признаютъ за каждымъ человѣкомъ право добывать себѣ потребную пищу трудомъ» (стр. 207).

Такимъ образомъ работникъ замѣняетъ алкоголемъ недостатокъ пищи. Совершенно съ другой цѣлью прибѣгаютъ къ нему и къ другимъ возбуждающимъ средствамъ люди, занятые нравственнымъ трудомъ. Работнику для исправной дѣятельности своихъ мускуловъ не-

обходима только сытная и питательная пища; другихъ стимуловъ мускулы не требуютъ. Мозгъ же, нуждаясь непремѣнно въ пополненіи своихъ составныхъ частей питательными и дающими фосфорный жиръ веществами, требуетъ иногда другихъ средствъ для возбужденія своей дѣятельности. Этому содѣйствуютъ такъ называемыя возбуждающія вещества, къ которымъ, кромѣ алкоголя, относятся чай, кофе и пряности.

Поэтому, хотя возбудительныя вещества и оказались вредными для цѣлыхъ націй, тѣмъ не менѣе умѣренное употребленіе ихъ драгоцѣнно и ничѣмъ незамѣнимо для человѣка, работающаго мозгомъ. Приэтомъ, смотря по роду занятій, можно выбирать средства для возбужденія дѣятельности органа мышленія. Такъ, ученый и мыслитель должны избѣгать вина, сильно возбуждающаго воображеніе, но за то могутъ съ пользою прибѣгать къ кофе, возбуждающему его слабѣе, и особенно къ чаю. Султанъ Мурадъ II выказалъ себя приэтомъ практичнѣе многихъ другихъ обскурантовъ. Въ Константинополѣ первые кофейные дома назывались «школами познанія». Поэты и философы собирались сюда и, подъ вліяніемъ благодѣтельнаго напитка, мыслили и говорили свободнѣе, чѣмъ было можно. Обращая вниманіе на самый корень зла, султанъ приказалъ закрыть кофейныя. Его примѣръ нашелъ подражателей въ Англіи въ XVII в.

«Но, прибавляетъ къ этому разсказу Молешоттъ:—запрещеніе только распротраняетъ обычай; оно никогда не передѣлываетъ общества. Соціальные перевороты не подавляются оружіемъ, потому что вызываются не оружіемъ» (стр. 130).

Итакъ физіологія требуетъ, чтобы человѣкъ принималъ столько пищи, или лучше сказать, питательныхъ веществъ, сколько организмъ его утрачиваетъ ихъ. Какъ вреденъ недостатокъ, такъ и излишекъ. Кромѣ того, она требуетъ, чтобы пища была удобоварима и разнообразна. Въ сущности всякую пищу можно назвать питательной. Рѣпа и картофель, которыхъ мы привыкли считать непитательными, на самомъ дѣлѣ питательны, точно такъ какъ сахаръ: то-есть, содержатъ въ себѣ вещества, необходимыя для нашего органазма. Но такъ какъ они содержатъ только часть такихъ веществъ, одно или два, а не всѣ, которыя всѣ равно необходимы, то человѣкъ не можетъ питаться исключительно напримѣръ сахаромъ, сколько бы онъ его ни ѣлъ. Поэтому въ со-

ставъ пищи должны входить всѣ вещества, необходимыя для питанія. Подобнымъ же образомъ всякую пищу можно назвать возбуждающей, потому что всякая, будучи принята, возбуждаетъ дѣятельность организма, давая ему новыя средства для этого. Но даже та, которую мы по преимуществу называемъ возбуждающей, даже пряности и вино, при чрезмѣрномъ, постоянномъ употребленіи, перестаютъ дѣйствовать на насъ. Точно также перемѣна и разнообразіе необходимы во всякой другой пищѣ, что выражается невольнымъ отвращеніемъ отъ того рода ея, который мы ѣдимъ часто. По той же причинѣ, а также и подругимъ, нехорошо назначать извѣстныя кушанья въ извѣстные дни недѣли. Такое кажущееся разнообразіе въ сущности опять-таки однообразіе. Поэтому поводу Молешоттъ говорилъ слѣдующее:

> «Если мертвая правильность вообще свидѣтельствуетъ объ ограниченности понятій человѣка, то, въ свою очередь, такая правильность въ смѣнѣ кушаній развиваетъ въ немъ филистерскій взглядъ на жизнь, при которомъ незамѣтно, мало помалу, подавляются свободныя стремленія духа человѣческаго. Кто внимательно наблюдаетъ за собой, тотъ знаетъ, что прогулка,—если дѣлать ее впродолженіе долгаго времени ежедневно въ тѣ же самые часы,—перестаетъ дѣйствовать освѣжительно. При однообразіи пищи происходитъ тоже самое. Уже съ давнихъ поръ врачи говорятъ, что временный безпорядокъ полезенъ человѣческой натурѣ; съ этимъ положеніемъ вполнѣ согласуется и то, что геніальность не терпитъ въ жизни неуклонной регулярности» (стр. 177).

Много зла на свѣтѣ отъ того, что общественный бытъ, по самому своему устройству, лишаетъ большинство возможности удовлетворять естественымъ нуждамъ и требованіямъ своего организма. Но много также зла и вреда происходитъ отъ невѣжества и предразсудковъ, препятствующихъ человѣку пользоваться тѣмъ немногимъ, что даетъ ему его общественное положеніе.

Такъ напримѣръ, на востокѣ до сихъ поръ сохранилось религіозное изувѣрство, по которому люди обрекаютъ себя на цѣлую жизнь убійственному изнуренію своей плоти. Есть секты факировъ, дающихъ обѣтъ не ѣсть ничего впродолженіе многихъ лѣтъ, кромѣ тощихъ и непитательныхъ травъ. Фанатикамъ этимъ однакожъ не удается безнаказанно передѣлывать законы природы: они скоро впадаютъ въ идіотизмъ или преждевременно умираютъ. Мы не думаемъ также, чтобы чрезмѣрное изнуреніе постомъ не было вредно и среди

европейскихъ населеній. Исключительное употребленіе такой пищи, какъ толокно, квасъ, лукъ, кислая капуста и черный хлѣбъ, особенно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, производитъ желудочные завалы, воспаленіе кишекъ и почти всегда увеличиваетъ итогъ смертности въ бѣдныхъ классахъ народа. Замѣчено, что эпидеміи главнѣйшимъ образомъ свирѣпствуютъ въ жаркіе и постные дни. Кромѣ того, постная пища, поглощаемая въ огромномъ количествѣ и въ то же время скудно питающая организмъ, производитъ неблагопріятное вліяніе на самую дѣятельность и характеръ народовъ. Если картофель отчасти довелъ Ирландію до ея изумительной пассивности, то въ свою очередь наше толокно участвовало въ развитіи апатіи русскаго мужика. Если это произошло вслѣдствіе той же причины, какъ и въ Ирландіи, т. е. отъ бѣдности, то и здѣсь нужно пенять на невѣжество, потому что еслибъ ирландцы, вмѣсто картофеля, питались горохомъ, воздѣлываніе котораго, при частыхъ болѣзняхъ, которымъ подвергается картофель, незатруднительнѣе, то они были бы умнѣе, богаче и свободнѣе.

Теперь, надѣюсь, читатели поймутъ, какъ важно содержаніе книги Молешотта, и до какой степени пища, не смотря на свои прозаическія свойства, достойна полнаго вниманія самого развитаго и умнаго человѣка.

Всякая книга по естественнымъ наукамъ, написанная нѣмцемъ, заранѣе располагаетъ въ свою пользу. Взявъ ее въ руки, вы можете быть увѣрены, что или на третьей страницѣ бросите ее или прочтете до конца съ удовольствіемъ и съ пользою. Совершенно напротивъ того бываетъ съ сочиненіями англичанъ по этой части: лицемѣріе, свойственное имъ въ этомъ отношеніи, заставляетъ ихъ перепутывать съ дѣломъ столько вздора, что вамъ до конца приходится прочесть, не смотря на злость и досаду, какого нибудь Кэрби. Поэтому я всегда съ удовольствіемъ беру въ руки книгу, писанную нѣмцемъ, напримѣръ: «Міръ до сотворенія человѣка», д-ра Циммермана. Конечно, у почтеннаго д-ра попадаются иногда довольно безсмысленныя фразы, въ родѣ той, что «природа не позволила морской черепахѣ прятать свои ноги, зная, что еслибъ она спрятала, то пошла бы ко дну». Но въ сущности эта фраза сказана безъ злого умысла и вовсе не съ цѣлью кого-то надуть, а единственно краснорѣчія ради. Вообще, д-ръ Циммерманъ любитъ краснорѣчіе и прибѣгаетъ къ нему чаще, чѣмъ бы слѣдовало, отъ чего его сочиненіе очень растянуто. Но никто не можетъ быть на

него въ претензіи за это, такъ какъ краснорѣчіе его довольно невинныхъ свойствъ. Замѣтилъ я еще въ книгѣ недостатокъ мысли, но и за это нельзя на него жаловаться, такъ какъ у него собрано довольно много любопытныхъ фактовъ.

Передавать здѣсь мало-мальски подробно содержаніе огромнаго тома доктора Циммермана я не могу за недостаткомъ мѣста. Поэтому я не стану говорить читателямъ о всѣхъ гипотезахъ, которыя построены наукой касательно возникновенія нашей солнечной системы и нашей планеты. Притомъ, по моему мнѣнію, всѣ подобныя гипотезы совершенно безполезны; доказать, что это было именно такъ, довольно трудно, говоря о такой отдаленной эпохѣ, какъ та, которая предшествовала возникновенію нашей солнечной системы. Для насъ совершенно все равно, какъ возникла она, тѣмъ болѣе, что какъ бы вѣрны ни были наши гипотезы, онѣ все-таки не исчерпываютъ вопроса о началѣ началъ, задавать который и пытаться отвѣтить на него могутъ только теологи, а не естествоиспытатели. Еслибъ мы даже могли утвердительно сказать, что наша система образовалась именно такимъ образомъ, какъ мы думаемъ, то изъ этого ничего не выходитъ и это ровно ничего не доказываетъ. Прочесть конечно любопытно, но и только. Вообще я считаю, что также безплодно и безполезно изслѣдовать эпоху, предшествовавшую нашему міру, какъ безполезно рыться въ источникахъ эпохи, предшествовавшей сооруженію египетскихъ пирамидъ: сколько ни ройся, не дороешься ни до начала вселенной, ни до начала египетскаго царства. Гораздо важнѣе другой вопросъ, вопросъ, къ рѣшенію котораго наука идетъ и который вѣроятно будетъ скоро рѣшенъ. Этотъ вопросъ, дѣйствительно, имѣетъ значеніе для естествоиспытателя, но не потому, что онъ опровергаетъ разныя легенды, — я считаю эту цѣль недостойною науки и притомъ полагаю, что естествоиспытательный методъ не можетъ опровергнуть суевѣрія, такъ какъ никогда не можетъ рѣшить дѣтскаго вопроса о началѣ началъ, — а потому, что составитъ великій шагъ къ полному торжеству естествознанія на болѣе практическомъ поприщѣ, чѣмъ споры съ застарѣлыми заблужденіями. Это вопросъ о началѣ органическаго міра. Что гипотезы, самыя смѣлыя и остроумныя, о возникновеніи нашей системы не даютъ особенно хорошихъ результатовъ, видно на д-рѣ Циммерманѣ. Какъ ни были бойки и смѣлы его сужденія, пока онъ виталъ въ хаосѣ довременномъ, но едва приступилъ онъ къ вопросу о началѣ организмовъ, какъ

счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ теоріи произвола, хотя самъ говоритъ потомъ (стр. 80), что для объясненія появленія животныхъ и растеній, мы не можемъ прибѣгать къ этой теоріи, и для того чтобы избѣжать обращенія къ ней, защищаетъ даже довольно сомнительную, хотя и имѣющую за себя Бюхнера, теорію самопроизвольнаго зарожденія. Между тѣмъ этотъ вопросъ будетъ вѣроятно рѣшенъ совершенно съ другой стороны. Generatio aequivoca (самопроизвольное зарожденіе) потерпѣло такіе значительные удары, что почти невозможно въ настоящее время говорить о немъ. Предполагать же, что оно дѣйствовало только разъ и затѣмъ перестало—совершенная нелѣпость, допущеніе которой доказываетъ только, что такой легкій способъ истолкованія труднаго вопроса очень понравился людямъ, любящимъ отдѣлываться пустыми словами. Въ сущности generatio aequivoca ничѣмъ не отличается отъ знаменитой жизненной силы.

Единственная возможность рѣшить вопросъ о происхожденіи организмовъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать отсутствіе рѣзкой границы между органическимъ и неорганическимъ царствомъ, доказать переходъ кристалла въ клѣточку, неорганическаго вещества въ органическое. Конечно, задача нелегка, придется много потрудиться и встрѣтить много разочарованій, потому что наука вовсе не такъ легка и проста, какъ кажется диллетантамъ. Но за то только этимъ путемъ можно добиться удовлетворительнаго отвѣта. Между тѣмъ д-ръ Циммерманъ и не подозрѣваетъ этого пути. Онъ очень много, напротивъ того, говоритъ о различіи и границахъ неорганическаго міра и органическаго, причемъ многія различія, приводимыя имъ, довольно наивны; напр. онъ считаетъ существенной разницей между тѣмъ и другимъ, что организмы растутъ, а тѣла неорганическія—нѣтъ. Но онъ самъ говоритъ, что смерть есть переходъ органическаго вещества въ неорганическое. Если возможенъ такой переходъ, то почему же не возможенъ обратный. Во всякомъ случаѣ, при смѣлости въ построеніи гипотезъ, которой обладаетъ д-ръ Циммерманъ, говоря о эпохахъ, предшествовавшихъ міру, онъ могъ бы и здѣсь догадаться, что не есть ли жизнь переходъ неорганическаго вещества въ органическое. Между тѣмъ онъ не только воздерживается отъ предложеній, за исключеніемъ его мнѣнія, о самопроизвольномъ зарожденіи, но еще прибавляетъ слѣдующее:

«Мы приводимъ въ соприкосновеніе хлоръ съ натромъ и получаемъ поваренную соль; или: мы смѣшиваемъ азотъ, кислородъ и кали, и получаемъ селитру. Однако подобною смѣсью мы не можемъ приготовить ни одного клочка хлопчатой бумаги и ни одной капли бѣлка. Слѣдовательно, въ образованіи органическихъ тѣлъ заключается нѣчто таинственное, ускользающее отъ самыхъ тщательныхъ наблюденій». (стр. 2).9

Такое разсужденіе, очевидно, нелѣпо. Во-первыхъ, изъ того, что мы не могли приготовить органическаго вещества изъ неорганическихъ, далеко не слѣдуетъ, что въ образованіи ихъ заключается что нибудь таинственное. Мы знаемъ, что алмазъ есть уголь, но изъ того, что не можемъ уголь превратить въ алмазъ, не выводимъ ничего таинственнаго. Да и что это такое за таинственность? Какого она виду? Привидѣніе что ли? Или сила какая нибудь таинственная? Что за алхимическій взглядъ такой на вещи? Во-вторыхъ, изъ того, что мы до сихъ поръ не получали въ ретортѣ бѣлка, не слѣдуетъ, что это невозможно. Въ-третьихъ, нѣтъ никакой надобности предаваться надеждамъ, что когда нибудь получимъ его. Если бы мы и получили, то это даже не было бы особенно убѣдительно, потому что мы и теперь знаемъ, что все органическое состоитъ изъ неорганическаго, умѣемъ разлагать органическія вещества на ихъ неорганическіе элементы. Слѣдовательно, получивъ бѣлокъ въ ретортѣ, получили бы только любопытный опытъ, а вовсе не приращеніе знаній. Конечно, этотъ опытъ доказалъ бы несостоятельность многихъ заблужденій, но, какъ я сказалъ, это далеко не конечная цѣль науки. Обильнѣе послѣдствіями было бы, еслибъ мы могли, я ужъ не говорю — подсмотрѣть, а хотя только доказать возможность перехода кристалла въ клѣточку или по крайней мѣрѣ убѣдиться въ ихъ тождествѣ. Тогда окончательно бы рушились преграды между органическимъ и неорганическимъ, между силой и матеріей, между физическимъ и нравственнымъ, и дуализму нечего было бы дѣлать на землѣ. Это бы открыло широкій путь впередъ передъ наукой наукъ, цѣль которой также безпредѣльна, какъ міръ, который она изучаетъ.

Д-ръ Циммерманъ не упоминаетъ ничего о предметѣ, котораго я коснулся, и о которомъ Бюхнеръ (Физіологическія картины стр. 151) говорилъ слѣдующее:

„Уже Шваннъ сравнивалъ *клѣточку*, основную форму органическаго міра, съ *кристалломъ*, основной формой неорганическаго міра, и назвалъ клѣточку кристалломъ органической природы. Такому сравне-

нію не мало способствовало нынѣ опровергнутое мнѣніе, что клѣточки свободно образуются изъ безформенной жидкости, какъ кристалъ осаждается изъ раствора. Съ тѣхъ поръ, какъ опровергнуто свободное зарожденіе клѣточекъ, при сравненіи обѣихъ формъ болѣе найдется различій, чѣмъ сходства. Въ пользу сходства говорятъ слѣдующіе факты: что кривыя поверхности органическихъ тѣлъ несвойственны однимъ имъ, а встрѣчаются и въ кристаллахъ; что для образованія кристалловъ не всегда нужна материнская жидкость, и что не рѣдко они образуются изъ простого расположенія атомовъ безформенныхъ тѣлъ; такъ въ желѣзѣ кристаллы образуются—отъ продолжительныхъ сотрясеній, въ сѣрѣ—отъ плавленія, черная сѣрнистая ртуть отъ взбалтыванія переходитъ въ красную кристаллическую киноварь; тоже видимъ мы въ образованіи алмазныхъ кристалловъ изъ угля; что новыя наблюденія несомнѣнно доказали, что кристаллы живутъ внутреннею жизнью и самостоятельно растутъ; и наконецъ сдѣланное въ 1849 г. Рейхертомъ замѣчательное открытіе, что *бѣлковыя* (слѣдовательно, исключительно органическія) вещества могутъ принимать кристаллическую форму,—открытіе, впослѣдствіи значительно расширившееся и позволившее проф. Кону въ Бреславлѣ заключить свою работу, гдѣ онъ доказалъ проницаемость для жидкостей и растворяемость протеиновыхъ кристалловъ, слѣдующими словами: «пропасть, доселѣ отдѣлявшая кристаллы неорганическаго міра отъ организованныхъ клѣточекъ животнаго и растительнаго міра, теперь наполнена протеиновыми веществами».

И Тётль говоритъ, что, «при болѣе глубокомъ взглядѣ, всѣ различія между кристалломъ и животнымъ сливаются и изчезаютъ».

Обо всемъ этомъ нѣтъ и помину у д-ра Циммермана.

Я выше сказалъ, что его краснорѣчіе безвредно. Однако иногда онъ договаривается до плохихъ вещей, какъ напримѣръ:

Ртуть также испаряется и безъ кипѣнія. Работники въ ртутныхъ рудникахъ Идріи знаютъ это очень хорошо. Они всѣ умираютъ на второмъ году своихъ занятій, но каждый изъ нихъ *до того глупъ*, что считаетъ себя крѣпче другихъ» (стр. 644).

Самый лестный выводъ для д-ра Циммермана, который можно сдѣлать изъ этихъ словъ, состоитъ въ томъ, что, какъ я уже сказалъ, умственныя способности его слишкомъ далеко уступаютъ его учености. Однако фактъ самъ по себѣ замѣчателенъ и взываетъ къ небу о мщеніи, какъ бы ни судилъ о немъ ученый нѣмецъ. Венеціянскія зеркала, украшающія комнаты разныхъ знатныхъ господъ, обязаны своимъ существованіемъ принесенію въ жертву жизни сотень людей. Для слабонервнаго владѣльца такихъ зеркалъ зрѣлище этихъ работниковъ, обреченныхъ не сегодня такъ завтра умереть, не дожл-

но доставлять особеннаго наслажденія. Впрочемъ, питаются они такъ, что отъ нихъ легко ожидать, что они повторятъ слова добраго ученаго: «Какъ глупы эти люди»!

Впрочемъ, какова бы ни была личность д-ра Циммермана, книгу его можно прочесть съ пользою и такъ какъ она во всякомъ случаѣ ближе къ Молешотту, чѣмъ къ Кэрби, то я и совѣтую читателямъ обратить на нее вниманіе.

Теперь обратимся къ предмету болѣе нѣжныхъ свойствъ, чѣмъ пища и химія. Предметъ этотъ—г. Фетъ, т. е. не самъ г. Фетъ,— онъ вещь конечно тоже матеріальная, — но его стихотворенія.

Г. Фетъ, не смотря на вражду свою съ гусями и на распрю о презрѣнномъ металлѣ съ знаменитымъ работникомъ Семеномъ, поэтъ совершенно идеальный. Другіе поэты, кого ни возьмите, все-таки болѣе касаются положительныхъ, фактическихъ сторонъ жизни. Такъ напримѣръ, въ древности Ломоносовъ писалъ оды на иллюминаціи и фейерверки, въ новѣйшее время дѣйствительный статскій совѣтникъ Ф. И. Тютчевъ также на разные случаи пѣлъ на своей старческой лирѣ. Но Фетъ уклонялся положительно въ своихъ стихахъ отъ практической стороны жизни. То напишетъ посланіе къ смерти, предмету такъ сказать неосязаемому, даже вовсе не предмету, то къ одинокому дубу, то къ Италіи, то къ старымъ письмамъ, предмету хотя осязаемому, но утратившему всякое положительное значеніе, и т. д. Есть даже и такія стихотворенія, въ которыхъ ровно ничего и ни о чемъ не говорится.

Напримѣръ:

Вечеръ у взморья,

Засверкалъ огонь зарницы,
На гнѣздѣ умолкли птицы,
Тишина лѣса объемлетъ,
Не качаясь, колосъ дремлетъ,
День блѣднѣетъ понемногу,
Вышла жаба на дорогу.
Ночь свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ,
Подъ луною море млѣетъ;
Различишь прилежнымъ вглядомъ,

Какъ двѣ чайки, сидя рядомъ,
Тамъ на взморьѣ плоскодонномъ
Спятъ на камнѣ озаренномъ.

Почему это стихотвореніе названо: «Вечеръ у взморья»? Съ такимъ же правомъ его можно бы было назвать «Жаба» или «Двѣ чайки» и ничто не препятствовало бы назвать «Двѣ жабы», «Три жабы», наконецъ «Сто жабъ».

Есть у г. Фета и такіе стихи, въ которыхъ съ одной стороны кажется, что какъ-будто есть что, а съ другой, какъ-будто ничего нѣтъ, кромѣ рифмъ и размѣра.

Давноль подъ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней,
Теплы были нѣжныя руки
Теплы были звѣзды очей.
Вчера пѣли пѣснь погребенья
Безъ крыши гробница была;
Закрывши глаза, безъ движенья,
Она подъ парчею спала.
Я спалъ. Надъ постелью моею
Стояла луна мертвецомъ. —
Подъ чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ.

Послѣдняя строфа плохо можетъ быть согласована человѣкомъ, обладающимъ здравымъ разсудкомъ, съ двумя первыми. Почему же онъ спалъ въ такую печальную минуту? И какъ могла стоять луна мертвецомъ надъ его постелью? И какъ, если онъ спалъ, а она умерла, могли они носиться по залѣ? Странный требуется комментарій, въ родѣ тѣхъ, какими г. Фетъ снабдилъ свой переводъ Горація.

Есть у него и такія стихотворенія, гдѣ хотя и сказано что-то, но такое неподобное, что лучше бы было, еслибъ вовсе не было сказано.

Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта,
Гдѣ такъ измѣнчива народная волна,
Не знаю, отчего грустна душа поэта (*)
И тайной скорбію мечта его полна.
Какимъ-то чуждымъ сномъ весь блескъ несется мимо,
Подъ шумъ, ей грезится иной далекой край...

(*) Можно также бы было, написать вмѣсто *поэта* прямо: *А. Фета.*

Такъ древле дикій скифъ средь праздничнаго Рима
Со вздохомъ вспоминалъ свой сѣверный Дунай.
О Боже! передъ кѣмъ вездѣ страданья наши,
Какъ звѣзды по небу полночному горятъ,
Не дай моимъ устамъ испить изъ горькой чаши
Изгнанья мрачнаго по каплѣ жгучій ядъ.

Гм! Вѣдь это опять-таки работникъ Семенъ! Воля ваша,—это работникъ Семенъ! Ну, Семенъ,—даже въ Парижѣ не давалъ спокойно уснуть просвѣщенному скифу. И вѣдь чего человѣку въ голову не войдетъ? Какой-то ядъ изгнанія выдумалъ. Видно, что душа поэта (можно читать также: А. Фета) на лунѣ обитаетъ. Украсть рубль, два, ну даже десять, напустить гусей, натравить ихъ на хозяйское добро, на все это Семенъ покуситься можетъ. Но чтобъ насчетъ вольнодумства.... Боже упаси! Что это вамъ въ голову пришло, г. Фетъ!? Это все оттого, что насмотрѣлись на «народную волну въ столицѣ свѣта». Ну, да вѣдь на то тамъ и Ваалъ, а у насъ-то!... Благоразумно вы сдѣлали, что уѣхали изъ столицы свѣта въ свою наслѣдственную или благопріобрѣтенную. Оно конечно и здѣсь Семенъ воруетъ, и гуси тоже воруютъ, да покрайней мѣрѣ на душѣ-то миръ и благодать. А то не вѣсть что попритчилось.

Образованный скифъ заѣзжалъ и въ Италію, но она ему не понравилась, потому что онъ въ ней не нашелъ скифской березы, и жалуется, что Италія ему солгала (*): увѣряла, что въ ней воздухъ такой, какъ въ Россіи, а оказалось, что и непохожъ даже. Нельзя не пожалѣть, что поэтъ не заглянулъ передъ отъѣздомъ въ любой учебникъ географіи и не посмотрѣлъ, подъ какимъ градусомъ лежитъ Италія и какія деревья въ ней произрастаютъ. Это бы избавило его отъ расходовъ на путешествіе.

А то еще г. Фетъ фокусы разные умѣетъ дѣлать. Я покрайней мѣрѣ не знаю, за что другое можно счесть слѣдующіе стихи:

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ —
Буря на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ;—
Буря на морѣ и думы
Хоръ возрастающихъ думъ—

(*) Т. е. собственно не ему, а его сердцу. Но эта хрія превращенная: сердце г. Фета взято вмѣсто цѣлаго г. Фета.

Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

Видите, какъ хитро: все буря, море, да думы, больше и нѣтъ ничего. Конечно такое занятіе, какъ выдумывать такіе стихи, ничѣмъ не отличается отъ перебиранія пальцами, которому съ наслажденіемъ предаются многія купчихи, однако пойди, напиши такую штуку. Не написать во вѣкъ. Потому что при этомъ первое правило: покуда пишешь, рѣшительно ни о чемъ не думать. Ну а легко ли это? Впрочемъ и въ этихъ стихахъ есть недостатокъ, который я совѣтую г. Фету исправить въ будущемъ изданіи ихъ. А именно стихъ: *Черная туча за тучей*, замѣнить слѣдующимъ: *Черная буря за бурей*, а то его стихъ какъ то непріятно рябитъ не выдается изъ общаго хаоса.

А то есть и такія стихи:

Свѣча нагорѣла. Портреты въ тѣни.
Сидишь прилежно и *скромно ты*;
Старушкѣ зѣвнулось—по окнамъ огни
Прошли въ тѣ дальныя *комнаты*.
Никакъ комара не прогонишь ты прочь,
Поетъ и къ свѣту все просится;
Взглянуть ты не смѣешь на лунную ночь
Куда душа переносится,
Подкрался быть можетъ и смотритъ въ окно,—
Увидитъ мать—догадается,
Нѣтъ, *вѣрно у стараго клена давно*
Стоитъ въ тѣни, дожидается.

Это стихотвореніе лучшее, потому что по немъ уже рѣшительно хоть шаромъ покати: нѣтъ ни мысли, ни даже рифмъ и размѣра. Развѣ гдѣ нибудь зацѣпится за кочковатый стихъ.

Многими красотами изобилуютъ стихотворенія г. Фета. Я упомяну здѣсь лишь о томъ, что когда г. Фетъ присутствуетъ на балѣ, «то его душа, дыша бывалой жизнью заранѣе учится переселяться въ чужой восторгъ; «также и о томъ что «деревья какъ будто чуя двойную жизнь и какъ бы вдвойнѣ обвѣянныя ею, чувствуютъ родную землю и просятся въ небо»; и о томъ, что г. Тургеневъ спрашивалъ г. Фета отчего они оба любятъ свое отечество, а г. Фетъ, «встрѣтившись въ окриленной думѣ съ г. Тургеневымъ», сообщилъ ему, что оттого, что въ Петербургѣ ночи хо-

роши. Упомяну также о томъ, что по мнѣнію г. Фета г. Тургеневъ — любовникъ юга, «никогда не лелѣявшаго въ своихъ раскаленныхъ объятьяхъ такой ночи, какъ петербургская», но за то лелѣявшаго въ нихъ автора «Отцовъ и дѣтей». Г. Фетъ сообщаетъ также, что готовитъ г. Тургеневу, «тучнаго тельца», но не увѣдомляетъ ѣлъ-ли Иванъ Сергѣичъ тельца и понравился ли онъ ему, т. е. не Иванъ Сергѣичъ тельцу, а наоборотъ. Касательно желѣзныхъ дорогъ г. Фетъ утверждаетъ, что это огненный змѣй. Конечно нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы образованный Скиѳъ считалъ локомотивъ за огненнаго змѣя, такой взглядъ на локомотивъ приличенъ развѣ гусямъ г. Фета, а не ему. Поэтому рѣшительно не понятно почему онъ въ стихахъ придерживается гусинаго міросозерцанія. Говоритъ еще г. Фетъ своей музѣ, что ему сладко внимать дѣвственнымъ словамъ ея.

Могучее твое *учуя* дуновенье.

Слово *учуя* такъ хорошо, что я предлагаю г. Фету написать цѣлое стихотвореніе, въ которомъ только чтобъ и было, что это слово. Въ заключеніе г. Фетъ высказываетъ надежду, что

Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески единомъ (*),
И міра юнаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

Такимъ образомъ г. Фетъ намѣрѣвается быть въ нѣкоторомъ родѣ citoyen'омъ. Оно лестно, особенно если при этомъ Семенъ за свое негодяйство будетъ получать возмездіе. Тогда можно возлечь подъ кущею своею гражданиномъ юнаго міра и самодовольно и увѣренно, за всякую плутню говорить Семену: «ладно, дескать, вспорютъ, будешь знать». Пріятно. Послѣ полученія Семеномъ порки можно сдѣлаться и примиреннымъ гражданиномъ. Вотъ развѣ гуси! О, гуси, гуси! Шестнадцать гусей неповинно пожранныхъ.

Чтокасается до переводныхъ стихотвореній г. Фета, то онъ бы крайне обязалъ всю публику, еслибъ сообщилъ какой именно сортъ чая продается въ цыбикахъ съ подобной надписью:

Башня лежитъ,
Всѣ уступы сочтешь.

(*) Стихъ требующій комментарія.

Только ту башню
Ничѣмъ не сметешь.
Солнце ее
Не успѣетъ угнать,—
Смотришь, луна
Положила опять.

Занятно должно быть видѣть китайскіе стихи. Они и въ переводѣ любопытны, потому что доказываютъ, что г. Фетъ могъ бы блистать и въ числѣ китайскихъ поэтовъ, но все-таки въ подлинникѣ вѣрно лучше и написано вѣрно еще хитрѣе.

Въ переводахъ изъ Горація всего замѣчательнѣе примѣчанія къ нимъ. Большая часть этихъ примѣчаній такого рода: «Ахиллъ—царь мирмидоновъ»; «Индія и Аравія славились богатствами»; «Діана — помощница въ родахъ»; «Вакхъ—богъ *Фiала* (?), постоянный спутникъ Венеры» и т. д. Но нѣкоторыя особенно хороши. Напримѣръ къ стиху:

.... Священному собранью
Отцевъ ты слово далъ быть во время; когда жъ и т. д.

сдѣлано примѣчаніе: «отцевъ народа—патриціевъ», между тѣмъ, какъ для всѣхъ ясно, что тутъ идетъ рѣчь о сенатѣ. Или еще есть примѣчаніе такого рода: «ломъ для разломыванія дверей, факелы для освѣщенія пути или ночныхъ пиршествъ и наконецъ лукъ, *вѣроятно (или лучше сказать, весьма невѣроятно)* для устрашенія привратниковъ.» Вотъ логика! Вѣроятно или весьма невѣроятно—по мнѣнію г. Фета одно и тоже? Теперь понятно, отчего собственныя стихотворенія этого шиты не отличаются богатствомъ мысли.

Но довольно о г. Фетѣ, тѣмъ болѣе что повидимому онъ смѣнилъ лиру поэта на перо публициста и позабылъ лукъ и Апполона для гусей и работника Семена съ украденной имъ полтиной. Надоѣлъ онъ мнѣ порядочно, да и читателямъ, я думаю тоже.

«Исторія итальянской литературы» такая жалкая компиляція, что говорить о ней рѣшительно бы не стоило, тѣмъ болѣе, что лежащій передо мной очеркъ состоитъ изъ біографіи Данте, Петрарки и Боккачіо и изложенія содержанія «Божественной Комедіи». Но такъ какъ авторъ этой книги никто иной, какъ г. Всеволодъ Костомаровъ, то это даетъ ей нѣкоторый интересъ. Изъ первыхъ страницъ этой книги оказывается (стр. 41) что г. Всеволодъ Костомаровъ не одобряетъ *лукавой мудрости* и *дипломатики съ жаломъ змѣи.*

Судя же потому, что онъ неблагосклонно отзывается о деспотизмѣ и церковномъ управленіи, я могу сказать, какъ адвокатъ Симона Бернара: «г. Всеволодъ Костомаровъ стоитъ за свободу».

Взаключеніе, не считаю лишнимъ объясниться парой словъ съ гг. Бильбасовымъ и Ап. Григорьевымъ; г. Бильбасовъ, авторъ «Разсужденія о крестовомъ походѣ императора Фридриха II», считаетъ себя изобиженнымъ моимъ отзывомъ о его «Разсужденіи», и помѣстилъ по этому случаю въ 130 № «Петербургскихъ Вѣдомостей» отвѣтъ на мои замѣчанія; г. Ап. Григорьевъ силится изобидѣть меня за мой неуважительный отзывъ о Лермонтовѣ.

Ученый г. Бильбасовъ старается доказать, что ошибки, замѣченныя мной въ его сочиненіи, вовсе не ошибки. Но доказательства его не отличаются большимъ смысломъ. Такъ, онъ считаетъ себя очищеннымъ отъ незнанія, съ какого времени старшіе сыновья французскихъ королей стали называться дофинами, тѣмъ, что эту ошибку ему указалъ на диспутѣ одинъ изъ профессоровъ. Положимъ, г. Бильбасовъ вѣроятно самъ будетъ профессоромъ и считаетъ поэтому себя солидарнымъ со всѣми профессорами, такъ что если онъ чего не знаетъ, что знаютъ другіе, то это все равно, какъ еслибъ онъ зналъ. Но никто не обязалъ знать о существованіи этой солидарности, и посторонній человѣкъ вправѣ заключить, что г. Бильбасовъ не знаетъ извѣстнаго факта, если онъ перевираетъ его, хотя бы этотъ фактъ былъ извѣстенъ всѣмъ остальнымъ профессорамъ.

Г. Бильбасовъ такъ проникнутъ сознаніемъ своей учености, что воображаетъ, что кромѣ какъ въ его книжонкѣ или изъ его устъ, негдѣ узнать, кто былъ Даудъ или Шпренгель (а не Sprenger, какъ говоритъ многоученый г. Бильбасовъ). Но разочаруйтесь, г. Бильбасовъ. О всѣхъ этихъ головоломныхъ предметахъ, кромѣ какъ у васъ, можно узнать хоть бы напримѣръ у Шлоссера или у Мишле. А вы, сколько ни облачайтесь въ ученыя цитаты изъ св. Бонавантуры, все-таки оказывается, что вы *ошиблись* относительно участи Оттона IV и относительно лѣтъ Григорія IX. Вы говорите, что «вопросъ идетъ не о чемъ болѣе, какъ только объ императорскомъ достоинствѣ Оттона IV, о томъ, могъ ли Оттонъ быть претендентомъ на императорскій престолъ». Не забудьте же, что вы въ вашемъ разсужденіи доказываете, что въ 1212 г. Оттонъ не могъ быть соперникомъ

Фридриху II, «потому что сошелъ со сцены». Между тѣмъ опять-таки я повторяю вамъ и прошу васъ не вывертываться, что въ 1212 г. Оттонъ не сходилъ со сцены, потому что еще въ 1214 г. могъ собрать большую армію. Конечно, чтобъ знать этотъ фактъ, не надо читать никакихъ источниковъ и незачѣмъ лѣзть къ св. Бонавантурѣ, а достаточно взглянуть въ учебникъ Зуева. Но тѣмъ неприличнѣе для васъ, г. членъ ученой коллегіи. Что касается до лѣтъ Григорія IX, то вы объясняете дѣло такъ, (хотя объясненіе свое запутываете игривостью довольно неуклюжей), что употребили метафору, говорили о его восмидесятилѣтней опытности ради краснорѣчія, хотя и знали, что ему было всего 50 лѣтъ. Но ктожъ виноватъ, если ваше краснорѣчіе такого рода? И вовсе вамъ не къ лицу краснорѣчіе и игривыя остроты о чародѣйствѣ. Знайте себѣ — цитируйте латинскіе источники, да св. Бонавантуру. А то туда жъ острить вздумали, да метафоры употреблять. Ну, и договорились до *восьмидесятилѣтней опытности пятидесятилѣтняго человѣка*. А то вы еще говорите, что я вамъ хотѣлъ польстить замѣчаніемъ о вашей начитанности. Что это, право, вамъ въ голову за неподобіе лѣзетъ. Совѣтую вамъ на нѣсколько часовъ бросить ваши ученыя занятія и прочесть сатиры Щедрина. Тамъ сказано, что «глуповецъ если хочетъ кого обидѣть, то припишетъ ему непремѣнно то свойство, которымъ обладаетъ самъ». А говорятъ, вамъ дали за вашу диссертацію степень министра? Правда ли? Любопытно.

Г. Ап. Григорьевъ, какъ человѣкъ почтенный, не любитъ церемониться. Онъ прямо объявилъ мнѣ, что я «непроходимо глупъ». Коротко, но ясно. Но это ничего, а любопытно то, что онъ выводитъ изъ моего разбора Лермонтова, что я нигилистъ, и какъ всѣ нигилисты, возстаю противъ всего, что боролось со зломъ и что страдало отъ него.

Скажите, г. Ап. Григорьевъ, кто же это боролся со зломъ и страдалъ отъ него, если нигилисты нападаютъ на этихъ лицъ? Славянофилы, широкія натуры и трактирные герои, или московскіе англоманы? Вы, или вашъ антагонистъ г. Аскоченскій? Объясните, объясните пожалуйста поскорѣе, кто же боролся со зломъ? Не Стелловскій ли? Или, можетъ быть, незнающій нѣмецкаго языка г. Игдевъ? А нигилисты нападали на этихъ бойцовъ, были за одно со зломъ. Такъ. А въ прошломъ году вы, кажется, другое говорили. Ну, да вамъ это все нипочемъ. Вы вотъ меня на-

зываете неизвѣстнымъ критикомъ. Извините, если я вамъ скажу, что вы говорите не правду: *вамъ* я извѣстенъ, потому что въ редактируемой вами оберткѣ нотъ г. Стелловскаго есть даже какое-то подобіе стиховъ съ акростихомъ, въ которомъ изъяснена подписчикамъ на ноты *моя* фамилія. Слѣдовательно для васъ я не безъизвѣстенъ Для публики же я лучше желаю быть неизвѣстнымъ, чѣмъ пользоваться извѣстностью литературной приживалки, какъ вы. Я не подписываюсь на ноты Стелловскаго, потому что ни на какомъ инструментѣ не играю, поэтому мнѣ все равно, что пишутъ на ихъ оберткѣ вы и ваши сотрудники.

Поэтому я не обращаю вниманія на никому непонятные намеки на меня, которыми вы угощаете вашихъ подписчиковъ. По напрасно вы покусились выставить вашу братью бойцами противъ зла, а нигилистовъ союзниками его.

Видите, какъ я васъ за это отдѣлалъ. А вашимъ сотрудникамъ скажите, что если они будутъ сообщать имена людей не подписывающихся подъ своими статьями, то я съ ними вотъ какъ поступлю: объявлю ихъ имена, слышите ли такъ-таки и назову по фамиліи. А знаете ли, скажу, кто писалъ такіе-то стихи? Такой-то! Азнаете-ли, кто придумалъ такую - то пошлость? Такой - то! Что? Хорошо будетъ? Меня называйте сколько угодно; если вы читали послѣднюю книжку «Русскаго Слова», то могли видѣть, что я не скрываю своего имени. Ну, а подъ вашими-то твореніями фамилію выставить зазорно будетъ. Вы вопросительнымъ знакомъ подписываетесь. Погодите, напишите-ка еще акростихъ, я вамъ отвѣчу на этотъ вопросительный знакъ

В. Зайцевъ.

ПОПРАВКА.

Въ іюльской книжкѣ вкралась одна важная корректурная ошибка, измѣнившая самый смыслъ текста; именно, въ статьѣ «Естествознаніе и Юстиція», напечатано (см. 116, стр. 2 — 9): «мы должны откровенно объявить, что не знаемъ ни чего о причинахъ и свойствахъ умопомѣшательства, что мы не знаемъ, что это такое, и не можемъ его опредѣлить, потому что то жалкое опредѣленіе, къ которому прибѣгаетъ исполненная шарлатанства, подобно прочимъ отраслямъ медицины, психіатрія. не можетъ быть принята (слѣдуетъ: принято) серіезной наукой, какъ ложное и одностороннее, потому что основало (слѣдуетъ: основано) *все* на существенныхъ признакахъ болѣзни, (слѣдуетъ: *не* на существенныхъ признакахъ болѣзни), а *не* на ея внѣшнемъ выраженіи (слѣдуетъ: а *на* ея внѣшнемъ выраженіи)».

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Пустозвонство англійскаго парламента. — Оригинальный процессъ Уильяма Репеля. — Политика Англіи въ отношеніи Китая и Японіи. — Религіозная, политическая и соціальная конституція японской имперіи. — Консервативная и либеральная партіи въ Японіи. — Покровительство благородныхъ лордовъ американскимъ плантаторамъ. — Послѣдніе симптомы американской войны.— Паденіе Виксбурга и дальнѣйшія побѣды Сѣвера надъ Югомъ. — Истощеніе силъ и разныя продѣлки рабовладѣльцевъ. — Близкая кончина плантаторской олигархіи. — Наполеонъ III императоръ Мексики. — Гуманныя обѣщанія побѣдителя, приводимыя въ исполненіе вовсе негуманными зуавами. — Фокусы-покусы генерала Форея. — Можетъ ли удержаться французская монархія въ Мексикѣ, если американскимъ плантаторамъ не удастся основать у себя систему абсолютнаго правительства? — Насильственное обращеніе еврейской дѣвочки въ католическую вѣру. — Конгрессъ германскихъ государей въ Франкфуртѣ. — Мечты нѣмцевъ о національномъ единствѣ. — Характеристика прусской конституціи. — Желаніе габсбурговъ стать въ головѣ германской федераціи.

Въ Англіи парламентская сессія давно кончилась, представивъ новое доказательство, что парламентъ ничто иное, какъ плясунъ, пляшущій по дудкѣ лорда Пальмерстона, который заставляетъ его выдѣлывать разныя кувыркъ коллегіи по своему произволу, и что Великобританія есть въ нѣкоторомъ родѣ абсолютная монархія, гдѣ этотъ знаменитый premier владычествуетъ какъ автократъ.

Лордъ Дерби еще въ февралѣ предсказывалъ, что сессія будетъ отличаться пустозвонствомъ. «Онъ замѣтилъ справедливо, говоритъ Standard: пустозвонство проявлялось и въ законодательныхъ мѣрахъ парламента, и въ его преніяхъ, и разговорахъ».

Что касается внутренняго законодательства, то вице-канцлеръ потребовалъ реформы англійскаго кодекса: — какъ будто можетъ быть рѣчь о преобразованіи того, что не существуетъ. Съ самого завоеванія Англіи норманнами, судопроизводство гражданское и уголовное въ этой странѣ находилось въ рукахъ людей, которые и не подумали о томъ, чтобы придать своей юриспруденціи духъ философскій и форму хоть мало-мальски наукообразную. Это фактъ характеристическій, доказывающій между прочимъ, что англичане лишены синтеза и неспособны возвыситься до общихъ идей. Въ этомъ народѣ, который долгое время находился въ самомъ тревожномъ состояніи, пока не сдѣлался самымъ спокойнымъ и болѣе всѣхъ довольнымъ своею судьбою, впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ и не смотря на множество кровавыхъ революцій, никто и не пытался преобразовать или, по крайней мѣрѣ, очистить отъ всего безполезнаго и отъ всякихъ противорѣчій собраніе законовъ, основанныхъ на обычаѣ. И это собраніе, по весьма оригинальному смѣшенію идей, достойному англичамъ, называется неписаннымъ закономъ, хотя оно и содержитъ отъ тысячи ста до тысячи двухъ сотъ томовъ! Замѣтьте, что основными аксіомами этого законодательства служатъ: во первыхъ что никто не смѣетъ отговариваться незнаніемъ закона, и что поэтому каждому вѣрноподданному Англіи вмѣняется въ обязанность читать, понимать и сохранять въ памяти каждый изъ параграфовъ, содержащихся въ этихъ тысяча двухъ стахъ томахъ; во-вторыхъ, что законъ ни отъ кого не требуетъ ничего невозможнаго. Такимъ образомъ постановленія такъ-называемыхъ «законовъ общихъ и справедливости» (термины, безъ сомнѣнія, китайскіе) должны быть, при каждомъ производствѣ, извлекаемы изъ цѣлаго ряда библіотекъ. Что касается до уставныхъ законовъ (Statute Law), то примѣненіе ихъ несравненно легче: для этого надо справляться только въ сорока четырехъ толстыхъ томахъ in quarto, составлявшихся со временъ Плантагенетовъ и служащихъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, какіе возникли теперь между акціонерами желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ и разными другими обществами. Въ этомъ лабиринтѣ спорящія стороны сходятся,

какъ умѣютъ, и при окончательномъ анализѣ спора, каждый судья превращается въ законодателя, который рѣшаетъ дѣло произвольно, по собственному усмотрѣнію; каждое изъ его рѣшеній, какъ бы нелѣпо оно ни было, пріобрѣтаетъ силу закона.

При такомъ положеніи дѣлъ, предложеніе лорда Уестбёри весьма скромно; онъ ограничивается только требованіемъ того, что еще до него предлагалъ знаменитый Бэконъ, а именно: чтобы въ этотъ законодательный хаосъ введенъ былъ хоть нѣкоторый порядокъ устраненіемъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ противорѣчій, какія встрѣчаются въ законахъ. Назначенъ комитетъ для разсмотрѣнія предложенія Бэкона Веруламскаго, которое возобновлено нынѣшнимъ вице-канцлеромъ.

Извѣстный процесъ Ропеля начался снова и опять возбуждаетъ любопытство публики. Этотъ Уилльямъ Ропель былъ членомъ парламента, представителемъ бурга Ламбета, одного изъ самыхъ значительныхъ избирательныхъ отдѣленій Лондона. Онъ еще человѣкъ молодой, отличается живымъ и пылкимъ умомъ, и умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на всѣхъ окружающихъ. Въ высшемъ обществѣ онъ ослѣплялъ всѣхъ своею расточительностію: онъ содержалъ любовницъ, лошадей и лакеевъ и былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній великосвѣтскихъ клубовъ и салоновъ бельгравскаго сквера. Въ одинъ прекрасный день этотъ человѣкъ добровольно является въ гильдфордскій ассизный судъ и объявляетъ:

«Я воръ и поддѣлыватель документовъ. Родился я внѣ брака. Когда отецъ мой женился на моей матери, онъ уже не имѣлъ права признать меня сыномъ. При его жизни, я самымъ гнуснымъ образомъ употреблялъ во зло его довѣріе. Поддѣлываясь подъ его руку, я закладывалъ имущества, которыя мнѣ не принадлежали и которыхъ цѣнность я преувеличивалъ посредствомъ подложныхъ документовъ. Впослѣдствіи, когда отецъ мой лежалъ на смертномъ одрѣ, я похитилъ его завѣщаніе и замѣнилъ поддѣльнымъ. Такимъ образомъ, имущества, заложенныя или проданныя мною съ цѣлью добыть средства для оргій, не составляли моей собственности. Лица, заплатившія за нихъ деньги, получили взамѣнъ только безполезные лоскутки бумаги. Законный владѣтель тѣхъ имуществъ, которыми они думаютъ обладать, есть братъ мой Ричардъ Ропель».

Уилльяму Ропелю предстояло подтвердить свое показаніе ясными и рѣшительными доводами. При этомъ онъ обнаружилъ изумительную память и замѣчательную силу ума. Онъ съ большою ловкостью

приводилъ аргументы, доказывавшіе его преступленія, выражался съ необыкновенною точностью и, повидимому, не упускалъ ни одного факта, служившаго къ его безчестію. Каждое возраженіе адвоката противной стороны онъ опровергалъ новыми доводами. «А! говорилъ онъ: — вы отрицаете, что я негодяй? А что вы скажите на то-то, и на то-то, и на то-то? Вы говорите, что это не правда? А я присягаю въ справедливости своихъ показаній».

Казалось, несчастный жаждалъ наказанія, къ которому наконецъ его и присудили. Повидимому, онъ безъ всякаго сожалѣнія и съ совершеннымъ хладнокровіемъ мѣнялъ почести парламентскаго званія на постыдную участь преступника, и удовольствія свѣтской жизни — на каторгу. Правда, его родственникамъ возвращены были промотанныя имъ имущества, но это дѣлалось насчетъ другихъ.

Годъ спустя послѣ этого судебнаго приговора, лица, лишившіяся такимъ образомъ своей собственности, подали аппеляцію, съ тѣмъ чтобы доказать Ропелю, что онъ мнимый поддѣлыватель документовъ и что подписи, которыя онъ, при заключеніи займовъ и при продажѣ имуществъ, выдавалъ за подписи отца и за свои собственныя, дѣйствительны. «Вы клятвопреступникъ, а не поддѣлыватель бумагъ», говорили они. — «Я поддѣлыватель бумагъ, а не клятвопреступникъ», отвѣчалъ онъ имъ.

Подъ бременемъ этихъ позорныхъ дебатовъ, подсудимый, повидимому, нисколько не падалъ духомъ. Лицо его не выказывало ни малѣйшаго волненія, уста не дрожали; хладнокровно и съ непоколебимой рѣшимостью онъ довершалъ свое нравственное самоубійство. Только на одно мгновеніе его покинули силы, когда проходила сестра его, отправляясь на скамью свидѣтелей. Несчастный лишился чувствъ и его должны были вынести изъ суда. Всѣ обстоятельства придавали этому дѣлу какой-то мрачный интересъ. Присутствовавшіе чувствовали, что рѣшеніе загадки извѣстно обѣимъ тяжущимся сторонамъ, которыя повидимому одинаково заинтересованы въ сохраненіи этой тайны.

Какъ бы то ни было, присяжные, послѣ совѣщанія, продолжавшагося три часа, объявили, что рѣшительно не могутъ вывести по этому дѣлу никакого заключенія. Судья попросилъ ихъ снова удалиться въ залу совѣщаній. Присяжные оставались тамъ до вечера, и потомъ вновь формально объявили, что не могутъ постановить

единогласнаго рѣшенія. Пришлось ихъ отпустить. На этомъ дѣло пока и остановилось.

Нѣтъ сомнѣнія, что Уилльямъ Ропель мошенникъ. Но поддѣлыватель-ли онъ документовъ или клятвопреступникъ? Дѣйствительно-ли онъ совершалъ сперва воровство и обманъ, а потомъ искупалъ свои преступленія въ пользу своихъ родственниковъ и насчетъ посторонних лицъ? Вотъ вопросъ, до сихъ поръ неразрѣшимый.

Что касается до внѣшней политики, то Англія высокомѣрно обращается съ Бразиліею, Китаемъ, Японіею и урожденцами Новой Зеландіи. Правда, она въ этомъ случаѣ немногимъ рискуетъ.

Мы довольно хорошо знаемъ споръ ея съ Бразиліею, въ отношеніи къ которой она успѣла выказать себя виновною, что, конечно, было весьма трудно при той недобросовѣстности, какую это рабовладѣльческое государство впродолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ обнаруживало въ дѣлѣ торговли неграми.

Относительно Китая въ парламентѣ заводилась рѣчь, и лорду Пальмерстону предлагались нескромные вопросы. «Какимъ образомъ, спрашивалъ лордъ Наасъ:—посланникъ нашъ увѣряетъ, что Англія находится въ мирныхъ отношеніяхъ съ тайпингами, тогда какъ наши солдаты стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, а наши моряки изъ пушекъ? Почему этимъ тайпингамъ запрещается приближаться къ портамъ на разстояніи пятидесяти километровъ? Отчего нашимъ офицерамъ дозволяется вербовать солдатъ подъ знамена князя Кунга съ тѣмъ, чтобы потомъ направить сформированныя такимъ образомъ войска противъ инсургентовъ и завоевывать у нихъ города и крѣпости? Развѣ это значитъ сохранять обѣщанный нейтралитетъ между обѣими спорящими сторонами въ этой гражданской войнѣ?» Лордъ Наасъ изъявляетъ удивленіе, что правительство англійское, которое само возникло вслѣдствіе возстанія противъ дома Стюартовъ, такъ сильно заботится о подавленіи мятежа въ Китаѣ.

Г. Лейардъ отвѣтилъ, что князь Кунгъ человѣкъ либеральный, что тайпинги бунтовщики, которыхъ необходимо скрутить, что власть ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, падетъ, когда взятъ будетъ Нанкингъ, и что должно покровительствовать торговлѣ англичанъ и открыть для нея новое поприще.

Таймсъ весьма одобряетъ эту политику. «Здѣсь дѣло идетъ не о справедливости, а о нашихъ интересахъ!» восклицаетъ эта газета съ свойственнымъ ей цинизмомъ.

Другими словами, всѣ европейскіе и американскіе авантюристы могутъ теперь, вооружившись британскимъ флагомъ, нападать на китайскую имперію, которая съ этихъ поръ становится ихъ добычею.

То, что теперь совершается въ Китаѣ, нѣкогда совершалось въ Индіи и, быть можетъ, будетъ совершаться въ Японіи. Уже распространился слухъ, что противъ этой послѣдней страны начались непріязненныя дѣйствія, но новѣйшія депеши увѣдовляютъ, что опасность войны на время устранена Графъ Россель увѣряетъ, что требованія англійскаго правительства, какъ нельзя болѣе, умѣренны. «Совѣтники ея величества, говоритъ онъ: — всего менѣе думаютъ о пріобрѣтеніи хотя одного квадратнаго метра японской территоріи. Ничто для нихъ такъ не противно, какъ вмѣшательство въ дѣла этой страны. Мы хотимъ только охранять безопасность британскихъ подданныхъ въ Японіи и получить удовлетвореніе за нанесенныя имъ обиды».

Странно, могли бы мы замѣтить графу Росселю, что какъ только англичане явятся къ народу болѣе слабому и неспособному противиться нарѣзнымъ пушкамъ, они, эти бѣдные англичане, немедленно дѣлаются жертвами жестокихъ обидъ! Невольно приходитъ на умъ басня о волкѣ, требующемъ удовлетворенія у овцы за нанесенныя ему оскорбленія. Эта басня, какъ нельзя болѣе, примѣняется къ ежедневнымъ поступкамъ англійскаго Foreign Office. Это просто повтореніе стараго маневра, посредствомъ котораго лордъ Пальмерстонъ вовлекаетъ свою страну въ одну войну за другою. Если вѣрить благородному лорду, то онъ никогда не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана, никакой заранѣе созданной политики относительно этихъ земель отдаленнаго востока. Но что прикажите дѣлать? Приходилось требовать удовлетворенія то за одинъ нарушенный трактатъ, то за другой, то за третій. Какъ бы то ни было, намъ извѣстно только, что послѣ того, какъ Англія придерживалась этой политики впродолженіи четверти вѣка, обширная китайская имперія подчинилась британскому посланнику и что въ настоящее время «братъ солнца» грозитъ вскорѣ отправиться туда, гдѣ находится кузенъ его, великій Моголъ. Поэтому неудивительно, что англійская политика теперь ищетъ новыхъ успѣховъ въ Японіи; но вотъ что странно, что старый нашъ знакомый, графъ Россель, который нѣкогда, въ дѣлѣ, касавшемся Россіи, протестовалъ такъ кротко, смиренно, и съ сердечнымъ сокрушеніемъ, вслѣдъ за тѣмъ объявляетъ, что противъ Японіи слѣ-

дуетъ принять мѣры энергическія и рѣшительныя; странно, что этотъ министръ всѣми силами своего краснорѣчія защищаетъ политику, на которую онъ самъ нападалъ въ 1857 году.

Прежде чѣмъ японскій вопросъ сдѣлается болѣе сложнымъ, познакомимся нѣсколько съ исторіей и съ политическимъ положеніемъ этой интересной страны, на основаніи подлинныхъ документовъ, представленныхъ господиномъ de Moges и Родольфомъ Линдау.

Въ 1593 году генералъ Факсиба, болѣе извѣстный подъ именемъ Таико Сама, получилъ отъ своего государя или микадо приказаніе смирить нѣсколькихъ возмутившихся великихъ вассаловъ. Факсиба употребилъ во зло данную ему власть; онъ сталъ во главѣ возстанія, свергнулъ съ престола своего законнаго государя и удалилъ его въ сераль, какъ безполезнаго правителя. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость, онъ выказывалъ своему изгнаннику необыкновенное уваженіе и покорность, и окружилъ его сановниками, которымъ назначилъ громкіе титулы и скудные доходы.

Однакожъ, узурпаторъ не сдѣлался родоначальникомъ новой династіи, какъ онъ надѣялся. Сынъ его былъ убитъ генераломъ Гіеасомъ, которому онъ отданъ былъ въ опеку. Гіеасъ, предоставивъ микаду спокойное пользованіе разными ничтожными преимуществами, утвердился въ Іеддо, который такимъ образомъ сдѣлался вторымъ городомъ королевства и столицею династіи тайкуновъ или главныхъ военоначальниковъ. Однакожъ, новый властелинъ не успѣлъ еще вполнѣ утвердить своего господства въ странѣ; дворяне и правители провинцій еще не были усмирены. Возставъ противъ стараго микадо, они не думали признать новаго тайкуна. Гіеасъ, быть можетъ, былъ бы въ состояніи подчинить ихъ своей власти насильно, но онъ предпочелъ склонить ихъ на свою сторону полюбовною сдѣлкою. Предложенныя имъ условія скрѣплены были съ той и съ другой стороны и обнародованы, какъ основной статутъ имперіи. Подъ именемъ Гужанъ Сама, они служатъ основаніемъ нынѣ дѣйствующей японской конституціи.

Въ силу этого договора, непокорные князья, правители провинцій, числомъ восьмнадцать, мало по малу достигшіе независимости, сдѣлались, подъ именемъ *дайміо*, въ нѣкоторомъ родѣ абсолютными владѣтелями управляемыхъ ими земель. Только въ извѣстныя времена они должны были являться ко двору въ Іеддо, прожить тамъ опредѣленный срокъ подъ надзоромъ правительства и расходо-

вать избытки своихъ доходовъ. Эти дайміо не суть подданые тайкуновъ, которыхъ они всегда считали незаконными властелинами, признавая надъ собою только номинальную власть микада. Однакожъ, Гіеасъ успѣлъ уменьшить ихъ могущество, создавъ новое дворянство изъ трехъ сотъ сорока четырехъ такъ называемыхъ молодыхъ дайміо и восьмидесяти тысячъ начальниковъ войскъ или *гаттомото*. Комитетъ *великихъ дайміо* сохранилъ обязанность предлагать мѣры, касающіяся общихъ интересовъ страны. Когда эти мѣры удостоивались одобрѣнія микада, то тайкунъ, при содѣйствіи *городжо* или Совѣта пяти, обязанъ былъ привести ихъ въ исполненіе.

Чтобы объяснить эту феодальную іерархію какимъ нибудь примѣромъ, взятымъ изъ европейской исторіи, надо вспомнить устройство венеціянской республики и, въ особенности, перенестись мысленко въ средніе вѣка, когда папа, владыка мірской и духовный, намѣстникъ Бога на землѣ и въ то-же время король Рима, былъ номинальнымъ главою императора римской имперіи, а этотъ императоръ, въ свою очередь, официальнымъ начальникомъ великихъ вассаловъ итальянскихъ, германскихъ и богемскихъ, которые иногда подчинены были тому или другому, иногда тому и другому вмѣстѣ, а весьма часто не зависѣли ни отъ того, ни отъ другого.

Японцы отвергаютъ всякое единство своего происхожденія съ китайцами. Цивилизація ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тождественная съ китайскою, во многихъ другихъ рѣзко отъ нея отличается. Правда, письмена у японцевъ такія же, какъ у китайцевъ; поклоненіе Буддѣ и непоколибимый реализмъ одинаково существуютъ въ обѣихъ странахъ; литература японскаго архипелага почти совершенно китайская. Любя жизнь, быть можетъ, столько же, какъ и жители Европы, китайцы и японцы, болѣе чѣмъ мы, презираютъ смерть, опасности и страданія. Стоицизмъ ихъ поведенія и ихъ философіи составляетъ для насъ предметъ глубокаго удивленія. Но этимъ, быть можетъ, и ограничивается сходство между этими двумя націями. Раса, насѣляющая Имперію восходящаго солнца, по преимуществу отличается духомъ военнымъ, феодальнымъ и аристократическимъ, тогда какъ жители срединной имперіи, какъ нельзя болѣе, расположены къ равенству и къ торговлѣ. Японецъ веселаго нрава и въ высшей степени любознателенъ; его сосѣдъ молчаливъ и склоненъ къ ироніи. Первый до крайности чистоплотенъ, второй повидимому не питаетъ ни малѣйшаго отвращенія къ грязи.

Классы японскаго общества, не представляя между собою такого же рѣзкаго отличія, какъ касты индійскія, все же въ этомъ отношеніи превосходятъ сословія прусскія и англійскія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ дворянамъ, которые имѣютъ право носить по двѣ шпаги: одну, принадлежащую собственно лицу, а другую, принадлежащую въ нѣкоторомъ родѣ цѣлому семейству. Второе мѣсто занимаютъ ученые, медики и священники; послѣдніе также, неизвѣстно почему, носятъ по двѣ шпаги. Къ третьему классу, представляющему нѣсколько подраздѣленій, принадлежатъ мѣщане, земледѣльцы, фермеры, ремесленники, торговцы, рыбаки и матросы. Къ паріямъ относятся: нищіе, мясники, сыромятники, дубильщики и живодеры, наконецъ *христаны* или потомки тѣхъ людей, которые обращены были въ христіанство іезуитами; на нихъ смотрятъ съ отвращеніемъ, какъ на какихъ нибудь поганыхъ животныхъ, и имъ для жительства отводятся особыя мѣста.

Такова, повидимому, политическая и соціальная физіономія Японіи. Что касается до религіознаго устройства этой страны, то его трудно опредѣлить, за недостаткомъ удовлетворительныхъ данныхъ. Судя по разсказамъ путешественниковъ, Японія — государство самое обильное храмами. Этихъ зданій въ ней считается не менѣе полутораста тысячъ; изъ нихъ двадцать семь тысячъ посвящены первоначальной религіи, а остальныя, т. е. около пяти шестыхъ всего итога — буддизму. Въ одномъ городѣ Іеддо находится тысяча четыреста восемьдесятъ три храма, которые, съ принадлежащими къ нимъ обширными пристройками, занимаютъ около одной четверти всего городскаго пространства. На содержаніе этихъ зданій, должно быть, употреблена была большая часть національнаго богатства; содержаніе ихъ стоитъ огромныхъ денегъ. Судя по этому, надо было бы полагать, что японскій народъ очень религіозенъ, или по крайней мѣрѣ, очень суевѣренъ; однакожъ, ничуть не бывало: въ дѣлѣ религіи японцы еще болѣе отличаются равнодушіемъ, чѣмъ китайцы, что весьма много значитъ. Японія изобилуетъ идолами, подобно всѣмъ странамъ, гдѣ господствуетъ буддизмъ. Масса народа вездѣ любитъ изображенія святыни, и вотъ почему большинство японскаго населенія измѣнило своей первоначальной религіи, синтизму, который подобно іюдаизму, магометизму и кальвинизму, запрещаетъ поклоненіе иконамъ. Впрочемъ, японцы отличаются вѣротерпимостью: буддисты одной секты безъ всякаго препятствія входятъ въ храмы другой,

для совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ. Когда въ Іокогамѣ окончена была постройка католической церкви, мѣстные жители проникли туда толпою, не смотря на строгія запрещенія губернатора, который считалъ своею обязанностью опасаться возмущеній. Они вошли въ храмъ съ видомъ глубокаго благочестія, внимательно разсматривали изображенія Христа и мадонны и клали дары на ступени алтаря; нѣкоторые даже становились на колѣни и читали молитву. Лицо аббата Жирара, римскаго апостольскаго провикарія, запылало отъ радости; онъ съ наслажденіемъ потиралъ себѣ руки, думая, что возвратились времена Франсоа Ксавье, и уже заранѣе видѣлъ въ своемъ воображеніи всю эту толпу большею частію обращенною въ христіанство. Но онъ жестоко ошибался. Японцы, которые, подобно китайцамъ и краснокожимъ индѣйцамъ, принадлежатъ къ самымъ вѣжливымъ на свѣтѣ людямъ, хотѣли этимъ поступкомъ показать только свое глубокое уваженіе къ Богамъ жителей запада. Послѣ перваго своего церемоніяльнаго визита, они полагали, что уже исполнили всѣ требованія приличія, и посѣщали прелестную церковь въ Іокогамѣ только изрѣдка, и то мимоходомъ, для изъявленія почтенія ея хозяевамъ. Повидимому, чувство религіозное, въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ, чуждо этому народу, и единственное вѣрованіе, укрѣпленное въ немъ прочно, заключается въ уваженіи къ гражданской іерархіи и въ почитаніи дайміо и другихъ мѣстныхъ властей.

Но возвратимся къ политической исторіи Японіи. Тайкунъ, въ качествѣ мірского владыки, обязанъ болѣе или менѣе слѣдить за вѣкомъ. Поэтому онъ представляетъ движеніе впередъ, прогресъ, тогда какъ его товарищъ, папа-микадо, который почти признается непогрѣшимымъ, олицетворяетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ невѣжество, неподвижность и, слѣдовательно, отсталость. Это точно такъ же, какъ въ Европѣ.

Послѣ заключенія нанкингскаго трактата, которымъ въ 1842 году окончилась первая война европейцевъ съ Китаемъ, министръ, глава Совѣта пяти, имѣлъ смѣлость предложить своимъ товарищамъ открыть Японію для иностранцевъ. Эта идея была еще не вполнѣ зрѣла и потому неудобоварима. Но толчекъ былъ данъ; мало-по-малу вопросъ этотъ пріобрѣлъ національный интересъ, и наконецъ послужилъ поводомъ къ столкновенію между партіями прогрессивною и консервативною. Самые образованные японцы старались познако-

миться съ европейскими дѣлами; они стали изучать наши языки и наши науки. Незамѣтно въ Японіи образовалась партія, намѣревавшаяся принять въ своей странѣ обладателей такой замѣчательной цивилизаціи. При такихъ обстоятельствахъ наступилъ 1853 годъ.

Не смотря на свою личную симпатію къ иностранцамъ, тайкунъ Минамото Іеоши былъ крайне смущенъ, когда узналъ о прибытіи американскаго флота, подъ начальствомъ коммодора Перри. Принужденный дѣйствовать открыто, государь этотъ, послѣ краткаго размышленія, принялъ дружелюбно посланіе призидента Соединенныхъ штатовъ; но нѣсколько дней спустя, онъ погибъ отъ руки убійцы. Такъ какъ сынъ его былъ идіотъ, то государствомъ сталъ управлять регентъ, Икамоно Ками. Этотъ правитель, подобно своему предшественнику, сочувствовалъ новымъ идеямъ, но отличался большимъ благоразуміемъ. Когда на слѣдующій годъ коммодоръ Перри явился снова, регентъ хотѣлъ вѣжливымъ образомъ его спровадить; но его старанія были тщетны. Американецъ чувствовалъ себя непобѣдимымъ на своихъ военныхъ корабляхъ и наконецъ добился заключенія перваго торговаго трактата съ японцами, вслѣдствіе котораго Toунсендъ Гаррисъ поселился въ Симодѣ, въ качествѣ генеральнаго консула Соединенныхъ штатовъ.

Во время второй китайской войны, ловкій Гаррисъ увѣрилъ регента и его совѣтъ, сильно встревоженныхъ послѣдними событіями, что, для отклоненія честолюбивыхъ замысловъ французовъ и англичанъ, Японія должна вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ Соединенными штатами. Вслѣдствіе этого заключенъ былъ новый трактатъ въ 1858 году. Едва онъ былъ подписанъ, какъ въ Іеддо явились представители Россіи, Англіи и Франціи, именно графъ Путятинъ, лордъ Эльджинъ и баронъ Гро, и стали требовать такихъ же уступокъ, какія сдѣланы были посланнику Соединенныхъ штатовъ. Побѣдоносная англо-французская эскадра начала производить грозныя эволюціи у береговъ и выставляла на показъ свои винтовые корабли, нарѣзныя орудія и войска, вооруженныя отличными штуцерами.

Событія одержали верхъ надъ ловкостью регента. Послѣ договора, заключеннаго съ Гаррисомъ, уже невозможно было отказать требованіямъ новыхъ пришельцовъ, и волею или неволею, но пришлось уступить. Заключены были новые договоры между тайкуномъ съ одной стороны, и Россіею, Англіею, Франціею и Голландіею — съ другой

Въ силу этихъ договоровъ, города Нагасакки, Іокогама и Гакодаде, принадлежащіе къ частнымъ владѣніямъ тайкуна, съ 1 іюня 1859 года открылись для иностранной торговли.

Тогда на открывшіеся новые рынки хлынула огромная толпа европейцевъ. Надо замѣтить, что представители нашей западной цивилизаціи въ этихъ отдаленныхъ странахъ состоятъ преимущественно изъ пьяницъ, людей развратныхъ, зараженныхъ разными болѣзнями, мошенниковъ и пиратовъ; между ними только небольшое число почтенныхъ торговцевъ и путешественниковъ, пріѣзжающихъ съ честными цѣлями и представляющихъ рѣзкій контрастъ съ этими негодяями, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго. Такъ какъ японская золотая монета отличается своею доброкачественностью, то между пришельцами нашлись афферисты, которые прибрали ее въ свои руки и пустили въ оборотъ деньги сомнительнаго достоинства. Такъ какъ по трактату Эльджина съѣстные припасы должны были доставляться на корабли почти по той же цѣнѣ, по какой они обходились туземнымъ промышленникамъ, то нѣкоторые спекулянты почли нужнымъ предпринять вывозъ японскаго хлѣба въ огромныхъ размѣрахъ; въ замѣнъ этого продукта они привозили водку и фотографическія картинки безнравственнаго содержанія. Экипажи побѣдоноснаго флота, недавно занимавшіеся въ Китаѣ бомбардированіемъ городовъ, поджогами и грабежами и считавшіе несчастнаго John Chinaman ниже всякаго скота, полагали, что можно точно также обращаться и съ японцами, народомъ достойнымъ уваженія, вѣжливымъ, деликатнымъ и разумнымъ. Разсказываютъ, что какой-то англійскій офицеръ, вѣроятно пьяный, ударилъ по коафюрѣ японскаго чиновника, проходившаго мимо. Японецъ поблѣднѣлъ, выхватилъ свою саблю и распоролъ себѣ животъ. Но каково было его негодованіе, когда онъ, упавъ и обливаясь кровью, увидѣлъ, что его обидчикъ, вмѣсто того, чтобъ послѣдовать его примѣру, обратился въ бѣгство. Отказаться отъ подобной дуэли — дѣло неслыханное у этого народа, крайне щекотливаго насчетъ чести. Обиженный, какъ будто говорилъ: «Ты, быть можетъ, полагалъ, что я трусъ, но смотри -- я умираю, какъ герой. Послѣдуй и ты моему примѣру!»

Замѣтьте еще, что, по договору Эльджина, англичанинъ, въ случаѣ личной распри съ туземцемъ, долженъ судиться англійскимъ судомъ. Одинъ англійскій морякъ, повздоривъ съ японскимъ городскимъ сержантомъ, почелъ нужнымъ выстрѣлить въ него изъ ре-

вольвера. За этотъ поступокъ онъ былъ приведенъ въ судъ и приговоренъ только къ нѣсколькимъ шиллингамъ штрафа.

Поэтому неудивительно, что иностранцы чрезъ нѣсколько времени сдѣлались для японцевъ столько же ненавистными, сколько странными и презрѣнными. Образовалась сильная реакція противъ нихъ и противъ тайкуна и его приверженцевъ, которые ввели ихъ въ Японію.

Вотъ какъ Родольфъ Линдау резюмируетъ нѣсколько японскихъ сочиненій по этому предмету:

«Иностранцы вовсе не похожи на тѣхъ *милыхъ друзей*, какими представляли ихъ Дёнкеръ, Эльджинъ, Гро и Гаррисъ. Это гордые и холодные чиновники, корыстолюбивые и хищные торговцы, грубые и развратные матросы. Правда, всѣ они, повидимому, сильны, отважны, ловки; многіе изъ нихъ оказываются искусными артистами и ремесленниками; но по большой части они чужды кротости, доброты, вѣжливости и спокойствія, словомъ—всѣхъ тѣхъ великихъ и прекрасныхъ качествъ, которыя составляютъ существенную принадлежность человѣка дѣйствительно цивилизованнаго. Постоянно преданные какой то тревожной, судорожной дѣятельности, они хотятъ вовлечь въ этотъ вихрь, столь противный всякому благовоспитанному человѣку, всѣхъ тѣхъ, которые къ нимъ приближаются.

«Не смотря на ихъ прекрасныя суда, удивительныя машины и превосходныя орудія, надо согласиться съ мнѣніемъ китайцевъ, которые признаютъ этихъ людей демонами и варварами. Съ того рокового дня, какъ иностранцы вступили на японскую почву, счастіе и миръ покинули имперію; ихъ замѣнили опасности, ужасы и страданія. Все, что было дорого японцамъ, подвергается риску погибнуть отъ пагубнаго вліянія этихъ бродягъ. Въ нашихъ собственныхъ домахъ мы уже болѣе не хозяева. Иностранцы входятъ въ нихъ нецеремонно, дотрогиваются до всего, что возбуждаетъ ихъ нескромное любопытство, и нисколько не обращаютъ вниманія на то, что ихъ присутствіе непріятно. Когда ихъ принимаешь вѣжливо, то они такой пріемъ считаютъ приглашеніемъ явиться снова и наконецъ обращаютъ въ публичное заведеніе домъ мирнаго гражданина. Право, японецъ самого низкаго происхожденія, имѣетъ болѣе такта и деликатности, чѣмъ иностранецъ.

«Глубокій миръ, который впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ составлялъ счастіе имперіи, вскорѣ будетъ нарушенъ. Войны внут-

ренняя и внѣшняя становятся неизбѣжными. Мрачная будущность, которая готовится для Японіи, уничтожаетъ всякое довѣріе ея жителей другъ къ другу. Прежнія хорошія ихъ взаимныя отношенія исчезли. Кредиторы пристаютъ къ своимъ должникамъ, капиталисты прячутъ свои капиталы. Деньги, привезенныя изъ-за границы, послужили только къ увеличенію богатства торговцевъ, и безъ того уже богатыхъ, и къ развращенію чиновниковъ. Шелкъ, чай, разныя ткани и мебель вывезены въ огромныхъ количествахъ; предметы самой первой потребности вздорожали вдвое и втрое. Люди, привыкшіе къ довольству, принуждены терпѣть нужду; офицеры нисшаго разряда отказываются отъ самыхъ необходимыхъ вещей, стараясь только жить прилично».

Еслибъ партія, непріязненная иностранцамъ, ограничивалась только подобными протестами, то ея дѣло было бы на половину справедливо. Къ несчастію, она прибѣгла къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ. Уже 25 августа 1859 года она среди бѣлаго дня умертвила двухъ русскихъ офицеровъ, потомъ одного лакея французскаго консула, затѣмъ двухъ голландскихъ капитановъ, впослѣдствіи — переводчика англійскаго посланника, и наконецъ секретаря американскаго посольства. Прибавьте къ тому, что японцы взорвали часть дома англійскаго посольства посредствомъ бочекъ, начиненныхъ порохомъ.

Вслѣдствіе ли собственнаго участія въ этихъ преступленіяхъ, или по своему безсилію, мѣстное правительство не открыло и не наказало виновныхъ, изъ которыхъ большая часть, надо замѣтить, немедленно послѣ того сами себя лишили жизни. Такое положеніе дѣлъ становится крайне непріятнымъ для иностранныхъ посланниковъ и ихъ соотечественниковъ. Они оставили столицу и удалились въ прибрежные города, чтобы быть поблизости своихъ кораблей. И тамъ также преслѣдовала ихъ ненависть туземцевъ. Въ іюлѣ 1861 года японцы напали на домъ англійскаго посланника. Хозяинъ и его люди спасли свою жизнь только отчаяннымъ сопротивленіемъ. Въ іюнѣ 1862 года два моряка, принадлежавшіе къ стражѣ англійскаго министра, были убиты ночью. Въ сентябрѣ четыре англичанина подверглись нападенію туземцевъ на большой дорогѣ; одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а двое другихъ сильно ранены. Нападавшіе состояли изъ солдатъ князя Затцумы, одного изъ предводителей легитимистовъ. Но болье, чѣмъ иностранцевъ, эта партія ненавидѣла регента, за-

ключившаго съ ними трактаты. Послѣднiй былъ убитъ; но въ отмщенiе за его смерть, въ свою очередь, лишенъ былъ жизни князь Мито, предводитель аристократической партiи. Убiйцы того и другого сами себѣ распороли животы — процедура обыкновенная, весьма упрощающая японское судопроизводство. По смерти регента, тайкунство, при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, досталось князю Минамото Iемотчи, избранному на мѣсто идiота, сына Iеотши, который, какъ говорятъ, былъ отравленъ.

Это не все еще. Непрiязненныя отношенiя къ иностранцамъ отразились внутри имперiи еще болѣе важными столкновенiями между тайкуномъ и микадомъ. Сдѣлались ли императоры, дѣйствительно обладавшiе властью, въ свою очередь правителями праздными, въ чемъ нѣкоторые ихъ упрекаютъ, или быть можетъ, императоры-папы, управлявшiе страною только номинально, перестали быть тѣми безсмысленными куклами, какими считались прежде, — но дѣло въ томъ, что пресловутое равновѣсiе между этими двумя личностями прекратилось. Настоящiй микадо въ особенности — человѣкъ, повидимому, молодой и энергическiй, который рѣшился возвратить себѣ власть, нѣкогда принадлежавшую его предкамъ, и лишить могущества и богатства правительство, утвердившееся въ Iеддо.

Въ настоящее время японская имперiя раздѣлена на двѣ партiи, которыя вскорѣ могутъ вступить во взаимную борьбу. Изъ нихъ самая могущественная и самая популярная та, которая непрiязненно смотритъ на перемѣны, введенныя тайкуномъ. Орудiемъ для нея въ дѣйствiяхъ противъ этого правителя служитъ торговый трактатъ, заключенный съ иностранцами.

Нѣкоторые знатные даймiо публично обратились къ микаду съ жалобою на тайкуна, котораго обвиняли въ государственной измѣнѣ, въ нарушенiи законовъ Gougen Sama и въ похищенiи власти, принадлежащей верховному владѣтелю.

Вслѣдствiе этого микадо отправилъ къ тайкуну офицера, съ требованiемъ, чтобы тотъ немедленно явился въ Мiако для оправданiя себя передъ законнымъ своимъ государемъ и судьею. Сначала, приглашенный хотѣлъ отвѣтить гордымъ отказомъ; но чиновникъ, которому поручено было отвезти этотъ отвѣтъ, предпочелъ лишить себя жизни. Его примѣру послѣдовалъ другой, посланный вслѣдъ за тѣмъ съ такимъ же порученiемъ. Послѣ того сдѣлано было покушенiе умертвить самого министра, главу партiи движенiя. Тайкунъ,

видя себя обезсиленнымъ, смирился. Онъ поспѣшилъ просить руку сестры микада и, подъ предлогомъ сдѣлать визитъ своему шурину, отправился въ Міако и униженно явился къ своему сопернику, подобно императору Генриху IV, который пришелъ въ замокъ Каноссу просить помилованія у своего могущественнаго врага, папы Григорія VII.

При такихъ обстоятельствахъ, что должны дѣлать западныя державы и въ особенности Англія? Трактатъ, навязанный ими Японіи, вооружилъ противъ себя три четверти народонаселенія этой страны; съ легальной точки зрѣнія японцевъ, онъ не имѣетъ никакой цѣны. И какъ отмстить за убійства, бывшія непосредственнымъ результатомъ этого трактата? Наказать ли убійцъ? Но они сами себя лишили жизни. Отмстить-ли тайкуну? Но это значило бы сдѣлать двойной промахъ: уничтожить своего естественнаго союзника и оказать услугу своему врагу. Отмстить-ли микаду и потребовать отъ него строгаго исполненія трактата, заключеннаго безъ его согласія и даже вопреки его желанію? Но въ такомъ случаѣ, пришлось бы напередъ отъискать этого микадо, котораго европейцы до сихъ поръ не видали. Для этого необходимо было бы покинуть берегъ и съ силами, рѣшительно недостаточными, предпринять экспедицію во внутренность страны, — предпріятіе, въ десятеро болѣе трудное, чѣмъ экспедиція въ Пекинъ. Отмстить ли тому или другому дайміо, или промыслить одинъ изъ острововъ, принадлежащихъ этимъ князьямъ на японскомъ архипелагѣ? Эта мѣра легко осуществима, но какой можетъ быть отъ нея результатъ? Не усложнится ли чрезъ это самый вопросъ?—Что дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Какъ поступить справедливо и разумно въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ европейцы такъ же виноваты, какъ японцы? Спросите объ этомъ графа Росселя; онъ нисколько не затруднится отвѣтомъ; для него рѣшеніе этого вопроса совершенная бездѣлица. Взгляните, какъ этотъ маленькій человѣкъ входитъ на свою скамью и оттуда рѣзкимъ голосомъ говоритъ: «Господа, въ этомъ случаѣ мы должны дѣйствовать энергически и смѣло!»

Дѣйствовать энергически и смѣло въ отношеніи къ японцамъ? Итакъ, выставляйте противъ нихъ свои нарѣзныя пушки! Что за страшный человѣкъ этотъ господинъ Россель! Замѣтьте, что онъ требуетъ также, чтобъ энергечески и смѣло поступлено было съ

маори, жителями Новой Зеландіи, которыхъ вина заключается въ томъ, что они въ десять разъ болѣе правы, чѣмъ лордъ Грей.

Johny, мой бѣдный Johny! Если столько энергіи и смѣлости расходовать противъ слабыхъ, то въ отношеніи къ сильнымъ останутся только «чувства кротости и сердечнаго сокрушенія».

Въ ожиданіи того, что Англія умѣритъ заносчивость свою въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ, она уже теперь становится къ нимъ болѣе почтительною. Недавно парламентъ отказался разсматривать серіозно нерѣшенныя дѣла съ вашингтонскимъ кабинетомъ. Уже довольно было произнесено ѣдкихъ словъ, которыя долго не забудутся по ту сторону Атлантическаго океана; уже довольно было совершено неблаговидныхъ поступковъ, доказывающихъ ненависть, питаемую англійскою аристократіею къ ея американскимъ единоплеменникамъ. Впрочемъ, еслибъ насчетъ этого существовало какое нибудь сомнѣніе, то для устраненія его достаточно вспомнить знаменитое изрѣченіе Робёка, вызвавшее громкіе апплодисементы въ палатѣ общинъ, что «посреди respectable people Англіи, конечно найдутся приверженцы федеральныхъ штатовъ Америки; но ихъ не болѣе, чѣмъ сколько нужно для наполненія какого нибудь омнибуса!»

Во всякомъ случаѣ, еще до паденія Виксбурга уже замѣтно было, что Великобританія въ дѣлѣ рабовладѣльцевъ ограничится только принятіемъ нравственнаго участія. Она утѣшаетъ себя тѣмъ, что разными мелкими продѣлками старается вредить федеральному правительству. Въ прошломъ мѣсяцѣ судъ и графъ Россель распорядились дать *Алабамѣ* возможность сняться съ якоря. Это — корсарскій корабль, построенный въ Англіи съ цѣлью нападать на купеческія суда Нью-Іорка и Филадельфіи. Въ свое оправданіе, англійское правительство говорило, что такъ какъ на Алабамѣ еще не было пушекъ, то и нельзя было доказать, что это судно дѣйствительно корсарское. Вы скажете, что это весьма плохое оправданіе. Но вотъ вамъ другой случай. Въ Ливерпулѣ явился корсарскій корабль *Гибралтаръ*, бывшій *Семтеръ*, и вооружилъ себя орудіями огромнаго калибра. Графъ Россель извѣщенъ былъ Адамсомъ, министромъ Соединенныхъ Штатовъ, что на этомъ кораблѣ находятся пушки; но онъ не хотѣлъ остановить корсара, изъ опасенія «посягнуть на свободу торговли!»

Одинъ изъ этихъ корсарскихъ кораблей, на «свободную торговлю» которыхъ графъ Россель боится посягнуть, недавно захватилъ, огра-

билъ и сжегъ посреди моря судно, отправлявшееся съ грузомъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, назначенныхъ сострадательными жителями Массачусетса для голодныхъ работниковъ Ланкашира.

Въ настоящую минуту въ Ливерпулѣ празднуется банкетомъ, баломъ и музыкою освященіе огромнаго парохода Southerner, вооруженнаго гигантскими пушками. Этотъ пароходъ долженъ быть первый изъ цѣлаго ряда кораблей, назначенныхъ для уничтоженія блокады въ портахъ юга, посредствомъ потопленія всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ судовъ Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ что называется *нейтралитетомъ* Англіи! Само собою разумѣется, что Southerner не долженъ быть нагруженъ каленкоромъ или шелковыми тканями, а военною аммуниціею на имя Джефферсона Дэвиса. Чтобы нѣсколько оправдать себя, Лэрдъ, одинъ изъ строителей этихъ судовъ, объявилъ въ парламентѣ, что вашингтонское правительство, еще въ началѣ войны, хотѣло заказать суда въ Англіи. Тогда Кобденъ всталъ съ своего мѣста съ письмомъ отъ секретаря вашингтонскаго адмиралтейства. Это письмо положительно опровергало показаніе Лэрда и доказывало, что, напротивъ того, онъ тщетно самъ упрашивалъ правительство Линкольна, чтобъ оно обратилось къ нему съ заказами. Лордъ Пальмерстонъ не допустилъ чтенія этого письма, такъ какъ оно было отъ иностраннаго правительства и еще не прошло черезъ лабораторію англійскаго Foreign Office.

Книга, недавно изданная офицеромъ, «по неволѣ» служащимъ въ арміи рабовладѣльцевъ, дѣлаетъ много шума въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Она обнаруживаетъ стычку между лордомъ Пальмерстономъ съ компаніею—съ одной стороны, и Джефферсономъ Дэвисомъ съ компаніею—съ другой. Карабины, доставленные сепаратистамъ, оказались съ клеймомъ Энфильда, не совсѣмъ стертымъ посредствомъ подпилка. Впослѣдствіи не принималось даже никакихъ мѣръ, чтобы скрыть такой обличительный знакъ; напротивъ, ящики, въ которыхъ находились ружья, были со штемпелемъ арсенала лондонской башни. Когда сдался Виксбургъ, въ немъ нашли 50,000 карабиновъ энфильдской работы, совершенно новыхъ. Самыя лучшія армстронговскія и витвортскія пушки доставлялись непосредственно изъ англійскихъ заводовъ. Еслибъ Англія не снабжала сепаратистовъ оружіемъ и корсарскими судами, то мятежъ рабовладѣльцевъ былъ бы уничтоженъ послѣ взятія Новаго Орлеана. Да предохранитъ насъ Господь Богъ отъ англійскаго нейтралитета!

Какъ бы то ни было, для рабовладѣльцевъ наступилъ роковой часъ. Ихъ мнимая республика, созданная обманомъ и поддержанная обманомъ, падетъ съ позоромъ и вскорѣ за ними сохранится только безплодная симпатія благородныхъ лордовъ—въ парламентѣ, и подлыхъ торговцевъ неграми—на берегу Гвинеи.

Давно уже положеніе аристократическаго населенія юга сдѣлалось отчаяннымъ. Болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ погибли на поляхъ сраженія, въ госпиталяхъ и на дорогахъ. Конскрипція отняла у страны всю молодежь и почти всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе. Джефферсонъ Дэвисъ своими настоятельными призывами на службу конфедераціи не могъ ни создать новую армію, ни воскресить къ новой жизни трупы, истлѣвшіе въ равнинахъ. Страна бѣднѣла все болѣе и болѣе; дороги въ ней портились; заводы прекращали производство работъ за недостаткомъ рабочихъ людей и матеріаловъ; поля оставались невоздѣланными. Къ довершенію всего, казна истощилась и, не смотря на свое расположеніе къ рабовладѣльцамъ, Джонъ Булль требовалъ уплаты денегъ за свои корсарскія суда, свои ружья, штыки и порохъ.

Надо было, во что бы то ни стало, выдти изъ этого гибельнаго положенія и лучшимъ средствомъ для этого могла служить какая нибудь блистательная выходка. Юпитеръ плантаторовъ долженъ былъ уничтожить бурю посредствомъ молніи. Чтобы, по возможности, отсрочить свое паденіе, конфедераціи предстояло совершить отчаянный подвигъ, соединивъ для этого всѣ ресурсы, какіе представляли хитрость, отвага и военныя силы.

Всѣ приготовленія къ этой театральной выходкѣ производились тайно. Роли розданы были съ большою ловкостью всѣмъ соучастникамъ дѣла, даже въ городахъ сѣвера и въ Европѣ. Искусный генералъ Ли получилъ команду надъ могущественной арміей, которая разогнала силы Макъ-Клеллана въ сраженіи, продолжавшемся семь дней, и еще недавно ознаменовала себя побѣдами при Фредериксбургѣ и Чанселлоревиллѣ. Во главѣ этихъ ста тысячъ человѣкъ, онъ долженъ былъ тайкомъ пройти позади хребта Синихъ горъ и внезапно явиться на сѣверѣ отъ Потомака, посреди непріятельской территоріи. Ли опрокидываетъ разсѣянные отряды пьяницы Гукера одинъ за другимъ, проникаетъ въ Пенсильванію, сожигаетъ Гаррисбургъ, наводитъ страхъ на Филадельфію и прямо направляется на Бальтимору и Вашингтонъ. Въ данный моментъ, въ день національнаго праздника,

4 іюля, мятежи, подготовленные заранѣе, внезапно вспыхиваютъ въ столицѣ и во всѣхъ большихъ городахъ уніи: Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, Цинцинати, Сентъ-Люисѣ. Побѣдоносные мятежники заключаютъ Линкольна въ темницу, вѣшаютъ Сьюарда у какого-то фонаря и съ торжествомъ встрѣчаютъ армію Ли. Въ тотъ же день, будто случайно, въ Вашингтонъ, на военномъ кораблѣ, пріѣзжаетъ вице-президентъ конфедераціи, Александръ Стифенсъ, и съ высоты капитолія новаго міра объявляетъ, что зданіе американской свободы воздвигается на трупѣ негра. Унія возстановляется въ пользу олигарховъ-собственниковъ, и бѣлымъ гражданамъ свободныхъ штатовъ предоставляется право охотиться па невольниковъ. Въ то же время Робёкъ, эта собака, какъ самъ онъ себя называетъ, изо всѣхъ силъ лаетъ въ англійскомъ парламентѣ въ честь этого великаго событія. Правительство Пальмерстона въ энтузіазмѣ признаетъ новую имперію торговцевъ людьми, и, подъ предлогомъ охраненія жизни своихъ соотечественниковъ, угрожаемой возмущеніемъ негровъ, императоръ Наполеонъ III посылаетъ броненосныя суда въ Новый Орлеанъ, эту истинную метрополію юга...

Увы! все это оказалось прекраснымъ сновидѣніемъ, и пробужденіе рабовладѣльцевъ было ужасно. Послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ набѣговъ, Ли тщетно атаковалъ федеральныя войска, заграждавшія ему дорогу въ Вашингтонъ. Его армія, лишившись тридцати тысячъ человѣкъ, должна была поспѣшно отступить въ Виргинію. Заговорщики въ городахъ сѣвера, украсившіе себя прелестнымъ именемъ *мѣдноголовыхъ*, не осмѣлились поднять мятежа въ назначенный день и скрыли свои замыслы, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени. Виксбургъ и портъ Гёдсонъ, ограждавшіе Миссиссипи, пали одинъ за другимъ. Федеральная артиллерія совершенно окружила своими пушками конфедерацію плантаторовъ. Техасъ, Арканзасъ и западная Люизіана, прежде составлявшія часть ея, теперь сдѣлались областями, столько же чуждыми государству Джефферсона Дэвиса, какъ и земли противоположнаго полушарія. Стифенсъ, отправившійся на своемъ пароходѣ, не доѣхалъ до Вашингтона и въ оправданіе своего путешествія выдумалъ какой-то пустой предлогъ. Наконецъ, Робёкъ вмѣсто того чтобы въ защиту рабовладѣльцевъ лаять бульдогомъ, затявкалъ, какъ шпицъ, а тюильрійскій сфинксъ и не раскрывалъ рта для отправленія въ Америку броненосныхъ судовъ. Великій день празднованія американской свободы, который мятежники избрали для

совершенія сатурналій измѣны, освѣтилъ ихъ собственное пораженіе. Никогда, съ самаго начала войны, т. е. впродолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, они не испытали такого страшнаго удара.

Сраженіе при Геттисбёргѣ было однимъ изъ самыхъ кровавыхъ, если не самымъ кровавымъ во всей этой войнѣ. Оно продолжалось три дня. Когда, 4 іюля, солнце озарило поле сраженія, болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ были лишены жизни или свободы, или обращены въ калѣкъ. Въ первый день федералисты претерпѣли неудачу. Ихъ авангардъ былъ опрокинутъ и лишился своего начальника, генерала Рейнольдса. Тогда Мидъ принялъ оборонительное положеніе. Ночью съ 1-го на 2-е іюля онъ расположилъ всю свою армію на возвышенностяхъ къ югу отъ Геттисбёрга, маленькаго города, находящагося на южной границѣ Пенсильваніи. Эти возвышенности образуютъ родъ треугольника, одну изъ оконечностей котораго составляетъ Геттисбёргъ. Противъ двухъ сторонъ этого треугольника, соединяющихся у города, тянется полукругомъ рядъ другихъ возвышенностей, на которыхъ сепаратисты расположили свои батареи. Мидъ разставилъ свою артиллерію на кладбищѣ, находившемся на вершинѣ высотъ, занятыхъ федералистами и господствовавшемъ надъ всѣми окрестными дорогами.

Самый Геттисбёргъ занятъ былъ сепаратистами, которые расположили своихъ стрѣлковъ въ домахъ, наиболѣе близкихъ къ федеральнымъ войскамъ, и въ башняхъ церквей. Весь огонь мятежниковъ могъ быть направленъ на холмъ, гдѣ находилось кладбище, и который тѣмъ не менѣе впродолженіе всего сраженія оставался главнымъ пунктомъ позиціи федералистовъ. Благодаря особенному расположенію мѣстности, армія Мида не растягивалась въ прямую линію, а составляла уголъ, такъ что ея крайнее лѣвое крыло и крайнее правое находились одно отъ другого на близкомъ разстояніи. Обыкновенной тактикой сепаратистовъ было — въ данный моментъ двинуть свои колонны на одинъ изъ федеральныхъ фланговъ, съ тѣмъ чтобы его смять и разбить. Но Мидъ находился въ такомъ положеніи, что могъ, по желанію и во всякое короткое время, доставить подкрѣпленіе любому крылу посредствомъ резервныхъ войскъ, или посредствомъ солдатъ другого фланга, менѣе угрожаемаго непріятелемъ.

2-го числа, послѣ долгой артиллерійской перестрѣлки, продолжавшейся до 2-хъ часовъ по полудни, Ли вступилъ въ сраженіе; но ощупавъ федеральную линію во всѣхъ пунктахъ и произведши мно-

жество аттакъ, онъ долженъ былъ вечеромъ возвратиться въ свою позицію, не достигнувъ никакого результата. Мидъ понималъ выгоду своего оборонительнаго положенія и не трогался съ мѣста. Онъ успѣлъ укрѣпить всю федеральную линію, перевелъ на холмъ кладбища резервную артиллерію, устроилъ рвы, воздвигъ маленькіе земляные валы и разставилъ баттареи во всѣхъ пунктахъ, откуда можно было анфилировать непріятеля.

Едва послѣднія распоряженія были сдѣланы, благодаря прекрасной лѣтней ночи, какъ, съ разсвѣтомъ, солдаты призваны были къ оружію. Съ самого утра конфедераты два раза нападали на лѣвый федеральный флангъ; но это была мнимая аттака. Вскорѣ противъ праваго крыла уніонистовъ двинулся усиленный лѣвый флангъ непріятеля. Два корпуса, Лонгетрита и Ивеля, подобно потоку, устремились черезъ ограды и кусты, не обращая вниманія на летѣвшія съ высоты ядра и картечь. Они быстро всходятъ на возвышенность, занимаемую войсками Мида, и достигаютъ федеральной линіи. Натискъ ихъ былъ такъ силенъ, что правое крыло федералистовъ пришло въ смятеніе. Настала критическая минута. Но уніонисты отступаютъ только шагъ за шагомъ, защищая каждый клочекъ земли. Резервный отрядъ поспѣшно является на помощь аттакуемымъ, опрокидываетъ конфедератовъ и заставляетъ ихъ возвратиться восвояси.

И такъ, попытка разбить правое крыло Мида была безуспѣшна. Нѣкоторое время одна артиллерія продолжала огонь, и громъ трехъ сотъ орудій потрясалъ воздухъ. Обѣ аттаки противъ федеральныхъ фланговъ были напрасны; но оставался еще нетронутымъ центръ уніонистовъ. Конфедераты, отдохнувъ и собравшись съ силами, рѣшились произвесть нападеніе и на этотъ пунктъ. Здѣсь не было свѣжихъ войскъ; но два корпуса, составлявшіе центръ, еще не находились въ бою. Нападеніе конфедератовъ было ужасно. Три раза ихъ густыя колонны бросались на холмъ кладбища, но артиллерія производила страшныя опустошенія въ ихъ рядахъ. Ихъ офицеры возстановляли порядокъ въ войскахъ и снова вели своихъ солдатъ въ аттаку. Но они тщетно вдоль хребта искали пункта, гдѣ бы можно было съ успѣхомъ сдѣлать нападеніе. Вездѣ, куда они являлись, ихъ опрокидывали, и наконецъ, послѣ тщетныхъ отчаянныхъ усилій разбить своего врага, они должны были спуститься въ долину, оставивъ позади себя огромное число убитыхъ и раненыхъ.

Въ ночь, наступившую послѣ сраженія, Ли началъ свое отступле-

ніе. Онъ оставилъ своихъ раненыхъ и убитыхъ и даже отпустилъ своихъ плѣнныхъ на честное слово.

4-го іюля оружіе уніи одержало новый успѣхъ, менѣе кровавый, но болѣе важный по своимъ результатамъ. Виксбургъ, осажденный федеральными войсками, сдался съ своимъ гарнизономъ въ двадцать семь тысячъ человѣкъ. Онъ уступилъ осаждавшимъ двѣсти пушекъ и около ста тысячъ ружей и револьверовъ; но что всего важнѣе, онъ предоставилъ уніонистамъ все теченіи рѣки Миссисипи, начиная отъ ея истока и до устья. Паденіе этой крѣпости было неизбѣжно: войско конфедератовъ, находившееся подъ начальствомъ Джонсона, было до того слабо и растроено, что не могло сдѣлать диверсіи въ ея пользу. Генералъ Грэнтъ и не торопился взятіемъ города: жалѣя своихъ солдатъ, онъ предоставилъ это дѣло голоду. Слагая съ себя оружіе, гарнизонъ Виксбурга, безъ всякаго сомнѣнія, наносилъ рабовладѣльческой конфедераціи смертельный ударъ. Самъ Джефферсонъ Дэвисъ въ прошедшемъ году замѣтилъ: «Наше отечество сохранится, или падетъ вмѣстѣ съ Виксбургомъ!» Теперь Виксбургъ палъ, и олигархія плантаторовъ должна погибнуть. Воды Миссисипи, слѣдуя своему естественному теченію, привезутъ свободу неграмъ и обманутымъ бѣлымъ жителямъ Люизіаны. Земледѣльческія населенія сѣверо-запада, незнавшія что дѣлать съ избыткомъ своихъ урожаевъ, въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ люди умирали отъ голода, теперь будутъ отправлять свой хлѣбъ черезъ Новый Орлеанъ и доставлять въ страны юга толпы переселенцевъ, прибывающія къ нимъ изъ восточныхъ штатовъ, изъ Канады и изъ европейскаго континента. Торговля и колонизація, остановленныя на два года, снова примутъ нормальное движеніе; трудъ невольническій исчезнетъ и замѣнится трудомъ свободнымъ. Это чувствовала, по крайней мѣрѣ инстинктивно, федеральная армія, по занятіи Виксбурга. Когда звѣздоносное знамя водружалось на стѣнахъ этого города, религіозное безмолвіе царило въ войскѣ, и только нѣсколько времени спустя раздались крики восторга.

Дѣйствительно, эта великая война въ главномъ отношеніи можетъ считаться оконченною. Послѣдующія осады и сраженія, какъ бы ни были онѣ кровопролитны, все же будутъ только пламенемъ потухающаго пожара. Притомъ театръ войны уменьшается быстро. Четыре дня спустя послѣ паденія Виксбурга, въ свою очередь сдался Портъ Гудсонъ, и бригада негровъ, съ барабаннымъ боемъ и съ

распущеннымъ знаменемъ, вступила въ крѣпость плантаторовъ. Потомъ Шермэнъ открытою силою взялъ Джэксонъ, столицу штата Миссисипи, а Грэнтъ направилъ свой свой путь къ Мобилю. Не только рѣка Миссиссипи возвращена уніи, также и главные города штатовъ, находящихся на правомъ ея берегу: Нашвиль, Джексонъ, Батонъ - Ружъ снова составляютъ часть великой американской республики

Къ довершенію своей бѣды, плантаторская аристократія обезчестила себя въ глазахъ гражданскаго міра гнуснымъ бунтомъ, возбужденнымъ противъ домовладѣльцевъ и лицъ, обладающихъ фондами на биржѣ. Извѣстно, что предводители рабовладѣльческой партіи въ Нью-Іоркѣ содержали прежде цѣлую толпу бродягъ и пьяницъ, обязанныхъ выручать кулаками и криками невольническія суда, арестованныя въ портѣ. Эта толпа все еще находилась въ ихъ распоряженіи, но во время президенства Линкольна она до сихъ поръ не имѣла случая предаваться неистовствамъ. Давно уже, возбужденная Фернандомъ Вудомъ и другими *мѣдноголовыми*, она жаждала дѣятельности. Манифестація, т. е. бунтъ долженъ былъ вспыхнуть въ день національнаго праздества, 4 іюля; но извѣстія изъ Геттисбёрга заставили злоумышлениковъ отсрочить это движеніе, и чернь съ ропотомъ разбрелась по своимъ домамъ. Предлогомъ къ вспышкѣ послужилъ рекрутскій наборъ.

Къ несчастію, существующій законъ вербовки не безъ недостатковъ. Хотя ему подчинены всѣ американцы, начиная отъ банкира и до бѣдныхъ сельскихъ священниковъ, но такъ какъ всякій имѣетъ право откупиться отъ рекрутчины за триста долларовъ, то вся тягость отбыванія этой повинности натурою падаетъ почти исключительно на самый бѣдный классъ. Это обстоятельство и послужило лозунгомъ для бунтовщиковъ. Они разбили урны, изъ которыхъ вынимались жребіи, сожгли рекрутскія канцеляріи и, поощряемые легкимъ нвоимъ успѣхомъ, приступили къ осуществленію своихъ преступсыхъ замысловъ. При видѣ федеральнаго знамени, они кричали: «Рвите въ клочки эту проклятую тряпку!» а при видѣ негра: «Въ огонь его, этого поганаго *nigger!*» Они преслѣдовали негровъ по улицамъ, вѣшали этихъ несчастныхъ у фонарей, сожигали костры подъ трупами своихъ жертвъ, и подобно каннибаламъ, съ неистовыми криками плясали вокругъ огня. Они подожгли сиротскій пріютъ, гдѣ воспитывались дѣвушки негритянскаго происхожденія, и одна изъ

этихъ бѣдныхъ сиротъ, не успѣвшая убѣжать, погибла въ пламени. Нѣсколько кварталовъ, населенныхъ неграми, разрушены бунтовщиками до основанія. Такой же участи подверглись дома главныхъ аболиціонистовъ. Дому мэра грозила подобная же опасность. Одинъ полковникъ былъ растерзанъ злодѣями. Впродолженіи трехъ дней они по своему хозяйничали въ цѣлой части города и только съ большимъ трудомъ полиція, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, могла держаться въ прочихъ кварталахъ. Наконецъ, граждане, опомнившись послѣ перваго ужаса, рѣшились защищать самихъ себя, и два или три полка, поспѣшно призванные на помощь, возстановили порядокъ. Нѣсколько предводителей бунтовщиковъ арестованы и въ складахъ ихъ найдено множество оружія. Безъ всякаго сомнѣнія, рабовладѣльцы не будутъ имѣть причины поздравить себя съ этимъ походомъ въ улицахъ Нью-Іорка.

Пока бунтъ свирѣпствовалъ въ столицѣ уніи, федералы возобновили аттаку Чарльстона и на этотъ разъ стали дѣйствовать осмотрительнѣе. Будемъ ожидать извѣстій.

Джефферсонъ Дэвисъ находится въ отчаянномъ положеніи. Онъ дѣлаетъ новый призывъ къ оружію и требуетъ поступленія въ военную службу всѣхъ тѣхъ, которымъ удалось освободиться отъ прежнихъ наборовъ. Но сѣверная Каролина волнуется; самъ губернаторъ ея желаетъ, чтобы мѣстное народное собраніе объявило себя въ пользу присоединенія этого штата къ уніи. Нѣкоторые журналы хотятъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ императоромъ французовъ и готовы для этой цѣли измѣнить учрежденіе невольничества. А Джонъ Булль, будетъ ли онъ по прежнему выдавать деньги по векселямъ торговцевъ неграми и отправлять къ рабовладѣльцамъ корсарскія суда, пушки и порохъ? Нѣтъ, Джонъ Булль закроетъ свой кошель, но за то раскроетъ свою слезную гланду и выжметъ изъ нея слезу сожалѣнія о своихъ милыхъ друзьяхъ, этихъ *джентльменскихъ* палачахъ невольниковъ.

Если для какого нибудь кабинета настоящія бѣдствія ричмондской конфедераціи болѣе непріятны, чѣмъ для сэнтъ-джэмскаго, то это, безъ сомнѣнія, кабинетъ тюильрійскій, котораго всѣ замыслы на Мексику, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, разрушаются въ самомъ основаніи. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности, чтобы абсолютная испанско-французская имперія утвердилась на югѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ, если подлѣ нея не будетъ находиться рабовла-

дѣльческое англо-американское государство. Послѣ паденія Виксбурга уже не можетъ быть спора о томъ, что мексиканская экспедиція — предпріятіе нелѣпое и что, чѣмъ болѣе она продолжится, тѣмъ болѣе будетъ пагубна для тѣхъ, кто ее затѣялъ.

Но сколько ни разсуждай о томъ, что наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ, никому отъ этого не будетъ легче: преступленіе все-таки остается совершеннымъ. Страданіе виновныхъ нисколько не уменьшитъ страданія невинныхъ. Бонапарты, безъ сомнѣнія, будутъ жалѣть о своемъ посягательствѣ на Мексику, но кому какая отъ этого польза?

Мы предвидѣли успѣхъ, по крайней мѣрѣ минутный, этихъ замысловъ, о которыхъ мы говорили уже тогда, когда они еще только готовились; мы знали, что преступленіе должно совершиться для того, чтобы своими послѣдствіями пасть на главу виновнаго: при всемъ томъ, насъ больно поразило извѣстіе о вступленіи французской арміи въ Мексику и о новомъ знакѣ отличія, которымъ Форей украсилъ свой чако.

Мы говоримъ это не для того, чтобы оспаривать успѣхи бонапартистскаго оружія; напротивъ, мы спѣшимъ изложить ихъ, пока они еще существуютъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, какія доставлены самими побѣдителями, мы представимъ описаніе этого событія въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ *Монитёрѣ*, *журналѣ Имперіи*. Это описаніе прелестно, какъ лирическое произведеніе, какъ романъ Фейдо. Вотъ извольте судить сами.

Пуэбла взята была приступомъ и голодомъ, стѣны ея пробиты были гранатами, сáпа провела ходы подъ ея домами, магазины въ городѣ дымились или еще пылали пламенемъ, раненые издыхали подъ развалинами. Тогда представилась дюжина бездѣльниковъ, которымъ самъ Форей вручилъ муниципальную власть. Они шли, переступая иногда черезъ трупы и оглядываясь направо и налѣво изъ опасенія запачкать кровью свои лакированные башмаки. Эти негодяи обращаются къ человѣку, который недавно убилъ столько мексиканцевъ, съ привѣтствіемъ такого рода:

«Господинъ генералъ! (при этомъ ораторы отвѣшиваютъ самый глубокій поклонъ) Городъ Пуэбла, черезъ своихъ начальниковъ, привѣтствуетъ васъ чистосердечно (руки прикладываются къ сердцу) и поздравляетъ съ *счастливымъ* прибытіемъ!

«Божественное провидѣніе (очи вздымаются горѣ) бросило взглядъ милосердія (ораторы осѣняются крестомъ) на картину печали и отчаянія, представляемую мексиканскою республикою. Тронутое бѣдственнымъ ея положеніемъ (съ трепетомъ въ голосѣ), оно рѣшилось отвести ее отъ пропасти, куда влекли ее страсти партіи. (Какой? ужъ не демагоговъ ли?). Оно хотѣло ее возстановить (forte), поставить на путь прогресса (crescendo) и повести къ той блистательной цѣли, которая для нея предназначена въ книгѣ судебъ!.. (Пауза).

«Для совершенія этого великаго дѣла (тономъ благородной гордости) провидѣніе избрало орудіе самое достойное и самое дѣйствительное. Это прелестная *Фрранція*, нація, соединяющая въ себѣ всѣ необходимые элементы силы и могущества, управляемая государемъ самымъ знаменитымъ на всемъ земномъ шарѣ (!), которая ко всѣмъ своимъ блистательнымъ качествамъ (тономъ убѣжденія) присоединяетъ самыя благородныя и самыя великодушныя чувства къ угнетаемому человѣку (стиль Будэна, генералъ-провіантмейстера оберегательнаго войска).

«Благородный, (sic) императоръ французовъ избралъ васъ, господинъ генералъ, (новые глубокіе поклоны) изъ всѣхъ военныхъ знаменитостей, которыми такъ обильна ваша великая нація. Оцѣнивъ васъ своимъ вѣрнымъ взглядомъ и высокимъ умомъ (!), онъ обратился къ вашимъ превосходнымъ талантамъ (?..), къ вашей храбрости (гмъ!) и къ вашей военной способности, которую вы такъ часто доказывали впродолженіе своей славной карьеры! (Гмъ, гмъ!..)

«Безпристрастная исторія и общественное мнѣніе, при очевидности фактовъ, справедливо оцѣнятъ вашу заслугу въ дѣлѣ исполненія такого великаго назначенія (кровопролитія, убійства и разрушенія). Городъ Пуэбла (груда развалинъ), представляемый своимъ начальствомъ, приноситъ вамъ свою искреннюю благодарность за учрежденіе муниципальнаго совѣта (ловко, нечего сказать!). Онъ достойнымъ образомъ оцѣниваетъ вашъ поступокъ и въ настоящую минуту можетъ только выразить вамъ свою признательность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умоляетъ васъ продолжать начатое вами великое дѣло, съ тѣмъ чтобы прибавить новую славную страницу къ славной исторіи *Франціи* и новый листокъ къ вашему лавровому вѣнку». (Оборотъ классическій, сдѣланный съ граціею. Теперь поклонитесь,

негодяи! Согните свою спину! Еще, разъ и еще! и убирайтесь вонъ)!

Затѣмъ генералъ Форей присутствовалъ при молебствіи и при процессіи, которая производилась по случаю праздника тѣла господня (въ этой католической, преданной папѣ странѣ Господа Бога прогуливаютъ по улицамъ). «Всѣ бывшія на лицо войска, говоритъ главнокомандующій въ своемъ рапортѣ: — частію провожали кортежъ, частію были разставлены по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой совершалось шествіе (Господа Бога). Я счелъ нужнымъ придать какъ можно болѣе блеска этой религіозной церемоніи (Господь Богъ вамъ за то очень благодаренъ, господинъ генералъ), и прекрасная выправка нашихъ солдатъ должна была произвести сильное впечатлѣніе..!» (На кого? Не на Господа-ли Бога? — Нѣтъ, на народъ).

Восемь дней спустя, маршалъ находился у воротъ Мексики. Съ этихъ поръ нынѣшніе бонапартисты съ гордостью произносятъ имена Рима, Пекина и Мексики, тогда какъ у прежнихъ всегда на устахъ были: Римъ, Вѣна, Берлинъ, Москва, Мадридъ, Стокгольмъ, Каира, Неаполь, Амстердамъ.

Къ лавровымъ листьямъ на вѣнкѣ маршала недавно присоединились миртовые. Въ офиціальномъ Монитерѣ французской имперіи мы читаемъ, между прочимъ, что на бивуакѣ въ Пенонѣ «весьма прелестныя» столичныя дамы приходили къ главнокомандующему съ поздравленіями.

Предшествующія фразы представляютъ образецъ изящнаго и цвѣтистаго слога. Такъ именно долженъ говорить человѣкъ, имѣющій цѣлью расхвалить униженіе своей родины и свое собственное порабощеніе иностранцами.

И вотъ маршалъ Франціи владычествуетъ въ Мексикѣ, и наши зуавы побѣдителями расхаживаютъ по улицамъ этого города. Что станутъ здѣсь дѣлать эти воинственные миссіонеры европейской цивилизаціи, которые, высаживаясь въ Вера-Круцѣ, торжественно увѣряли, что намѣрены уважать свободу и независимость мѣстныхъ жителей, и что они пришли въ Мексику единственно съ тою цѣлью, чтобы въ этой странѣ улучшить пути сообщенія, устроить усовершенствованные заводы и ввести систему финансовъ, подобную той, какая существуетъ во Франціи?

Прежде всего маршалъ Форей запретилъ вывозъ заграницу звонкой

монеты и всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, какое бы ни было мѣсто ихъ назначенія и къ какой бы національности ни принадлежали лица, отправляющія ихъ, и судно, на которомъ онѣ вывозятся. Всѣ таможенные, военные и морскіе чиновники уполномочены, во имя маршала, захватывать золото и серебро, отправляемыя изъ мѣстъ, занятыхъ французами, въ мѣста, еще незанятыя этимъ народомъ. Всякій, старающійся въ этомъ отношеніи обмануть бдительность французскихъ таможенныхъ смотрителей, подлежитъ лишенію, по крайней мѣрѣ, одной четверти всего того имущества, которое онъ намѣренъ былъ вывести заграницу.

Но къ чему такое приказаніе? — Что за вопросъ? Развѣ вы не знаете, что французская армія пришла за тѣмъ, чтобы охранять мексиканскую собственность? Какъ же эта собственность можетъ быть охраняема честными зуавами, если она вывозится заграницу? Впрочемъ, маршалъ благоволилъ вспомнить, что консуламъ англійскому и испанскому можетъ весьма не понравиться покровительство, оказываемое собственности ихъ соотечественниковъ. Поэтому онъ англичанъ и испанцевъ не удостоилъ такой милости. Но собственность пруссаковъ, русскихъ, голландцевъ и другихъ лицъ, проживающихъ въ Мексикѣ, будетъ охраняема во всякомъ случаѣ. Кажется, нельзя быть болѣе обязательнымъ.

Не забудемъ, что благоразумный маршалъ отправилъ отрядъ солдатъ въ Real di Monte, за тѣмъ чтобы почти безъ выстрѣла овладѣть тамошними богатыми рудниками для защиты ихъ отъ нападенія хищниковъ.

Но вотъ что еще лучше: «Съ цѣлью освободить страну отъ деспотизма, столь долго тяготѣвшаго надъ нею, разрушившаго ея финансы и препятствовавшаго свободному развитію ея огромныхъ матеріальныхъ силъ», главнокомандующій, сенаторъ, маршалъ Форей, почелъ нужнымъ издать декретъ, въ силу котораго недвижимыя имущества конституціоналистовъ, непріязненныхъ или подозрѣваемыхъ въ непріязни къ Франціи, подлежатъ секвеструму (или иначе: конфискаціи). По второму параграфу этого декрета, движимая собственность, разныхъ наименованій, принадлежащая этимъ опаснымъ людямъ, также должна быть забираема въ казну всякій разъ, какъ только представится къ тому удобный случай. Третьимъ параграфомъ всѣ префекты провинцій обязываются составить списки лицъ подозрительныхъ, подлежащихъ лишенію собственности, и показать при-

близительно цѣнность конфискуемыхъ имѣній. Таможенные сборщики должны собирать доходы съ этихъ имуществъ. Главный надзоръ за исполненіемъ этихъ мѣръ принадлежитъ самому главнокомандующему.

Со временъ Марія и Силлы, секвестры и конфискаціи подвергались строгому охужденію у цивилизованныхъ народовъ. Однакожъ, однимъ изъ первыхъ дѣйствій имперіи была конфискація имуществъ, принадлежавшихъ орлеанской фамиліи. Значитъ, Форей въ этомъ случаѣ поступилъ по извѣстному примѣру, и мы не въ правѣ его охуждать.

Затѣмъ маршалъ угрожаетъ своимъ гнѣвомъ всякому, кто осмѣлится напасть на «священные интересы», репутацію и честь мексиканскаго духовенства. Это распоряженіе очень важно, если, какъ надо думать, мексиканское духовенство подъ своими священными интересами разумѣетъ свои огромныя недвижимыя имущества. Обыкновенно полагаютъ, что улучшеніе экономическаго состоянія страны возможно только въ томъ случаѣ, когда духовенство лишается права на обладаніе поземельной собственности. Но оставимъ этотъ вопросъ.

Г. Форе не забылъ также обѣщанія, даннаго мексиканцамъ, доставить имъ полную свободу, если они только дозволятъ ему разрушить ихъ конституцію.

«Мексиканцы! воскликнулъ онъ на другой день послѣ своего вступленія въ метрополію.—Вы знаете, что нашъ (sic) великодушный государь, (и такъ, императоръ Наполеонъ III—государь мексики?), тронутый вашимъ жалкимъ положеніемъ, отправляя свои войска за море, имѣлъ въ виду только одно: показать вамъ благородное знамя Франціи, служащее символомъ цивилизаціи. Онъ справедливо полагалъ, что, при видѣ этого знамени, тѣ, которые васъ угнетали, или падутъ побѣжденными, или съ позоромъ обратятся въ бѣгство. Итакъ, я долженъ былъ предложить Мексикѣ содѣйствіе Франціи для учрежденія такого правительства, которое бы служило выраженіемъ свободнаго выбора народа и прежде всего имѣло бы въ виду осуществленіе правды, справедливости и свободы, но свободы истинной, идущей рука объ руку съ порядкомъ и съ уваженіемъ къ религіи, къ собственности и къ семейству....

...Итакъ, пресса будетъ свободна, не подлежать регламентаціи, на основаніи системы предостереженій существующей во Франціи. Послѣ

двухъ предостереженій, сдѣланныхъ какому нибудь журналу, онъ подвергнется запрещенію. Для начала, запрещены всѣ прежнія газеты и, въ замѣнъ ихъ, учреждены новыя, полуофиціальныя, на манеръ *пріятныхъ* парижскихъ газетъ. Одна изъ нихъ, для дебюта, объявляетъ, что занятіе Мексики рѣшаетъ самымъ положительнымъ образомъ необходимость истребить въ этой странѣ демократическій элементъ. Къ этому она присоединяетъ, что теперь совершенно безполезно сохранять самыя простыя мечты о народномъ господствѣ.

Послѣ того Форей *декретомъ* назначилъ представителей мексиканской націи (sic). Эти креатуры маршала немедленно избрали комитетъ, надѣленный исполнительною властью и состоящій изъ преподобнаго архіепископа Мексики, (нынѣ находящагося въ Парижѣ, при императрицѣ Евгеніи) и двухъ генераловъ, Саласа и Альмонте, изъ которыхъ одинъ представляетъ правую, а другой лѣвую руку Форея. Къ этимъ представителямъ мексиканской націи присоединены были, также декретомъ, двѣсти пятнадцать сановниковъ, обязанныхъ избрать правительство. Эти благородные мексиканцы покончили дѣло въ одно мгновеніе. Они признали республику несуществующею и избрали эрцгерцога Максимиліана императоромъ Мексики, предоставивъ Наполеону Ш право, въ случаѣ отказа со стороны избраннаго, назначить на его мѣсто другого кандидата для занятія престола Монтезумы. Единственный претендентъ, объявившій громогласно свои притязанія на этотъ престолъ, есть, сколько намъ извѣстно, Адольфъ Бертронъ, гуманитарный кандидатъ двухъ сотъ восьмидесяти трехъ избирательныхъ округовъ Франціи, вѣчный кандидатъ мексиканскаго трона и обладатель недвижимой собственности въ Sceaux. Съ насмѣшливымъ любопытствомъ ожидается рѣшеніе вѣнскаго двора. Было бы забавно, еслибъ эрцгерцогъ Максимиліанъ принялъ имперію, состоящую изъ двухъ городовъ и одной дороги.

Но такъ какъ, очевидно, требовалась бы слишкомъ большая наивность для того, чтобы считать собраніе изъ двухъ сотъ пятнадцати глупцовъ и обманщиковъ, импровизированное въ двадцать четыре часа, за дѣйствительныхъ представителей мексиканскаго народа, то намъ объявляютъ, что выборъ этихъ сановниковъ ратификованъ будетъ плебисцитомъ. Прекрасно! Но какъ заставить вотировать народъ, который отсутствуетъ? Вотъ въ чемъ задача. Впрочемъ, не безпокойтесь, дѣло рѣшено будетъ, какъ слѣдуетъ, подобно многимъ

другимъ. Для этой цѣли въ Мексику отправляется г. Пьетри, нашъ бывшій префектъ полиціи, съ порученіемъ организовать въ этой странѣ всеобщую подачу голосовъ. Посмотримъ, что будетъ. Дѣло забавное. Г. Пьетри, впрочемъ мастеръ на разныя штуки.

А что дѣлаетъ Хуаресъ?

Президентъ республики отступилъ при приближеніи побѣдоносной арміи, шедшей въ Мексику. Послѣ того онъ, говорятъ, переходилъ изъ города въ городъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ непріятеля. Отпаденіе духовенства, присоединившагося къ измѣнникамъ и врагамъ, произвело страшное дѣйствіе. Хуаресъ побѣжденъ. Положимъ! Но онъ палъ вмѣстѣ съ отечествомъ, правомъ и справедливостью.

Встанетъ ли Хуаресъ послѣ своего паденія?—мы этого не знаемъ но отечество, право и справедливость встанутъ. А этого для насъ достаточно.

Наполеонъ I объявилъ войну Испаніи вопреки народному праву. Наполеонъ I совершилъ гнусную измѣну въ Байоннѣ. Наполеонъ I претерпѣлъ въ Испаніи первый ударъ и долженъ былъ заключить постыдную капитуляцію въ Байленѣ. Однакожъ, онъ успѣлъ овладѣть королевствомъ; одно время онъ владычествовалъ отъ Барселоны до Кадикса, онъ даже посадилъ своего брата Іосифа на тронъ въ Мадридѣ. Но затѣмъ настали безчисленныя затрудненія, начались нападенія гверильясовъ, вторженія англичанъ, неоднократныя пораженія французскихъ войскъ и, наконецъ, бѣгство, позорное бѣгство. Все это продолжалось около шести лѣтъ.

Вотъ уже скоро два года, какъ началась мексиканская экспедиція. Подождемъ! Посмотримъ что будетъ!

Недавно французское правительство могло найти превосходный случай для ссоры съ туринскимъ кабинетомъ. Полдюжина разбойниковъ, занимавшихся своимъ ремесломъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ неаполитанскихъ провинціяхъ, побывали въ Римѣ для принятія поздравленій отъ молодого короля и маленькой королевы, царствующихъ въ Квириналѣ. Вооружившись испанскими паспортами, они сѣли на французскій корабль. Говорятъ, что они намѣревались отдохнуть отъ своихъ трудовъ на пиренейскихъ водахъ. Но ихъ корабль зашелъ въ генуэзскую гавань, и тамъ наши молодцы были арестованы по приказанію, данному изъ Турина и, надо замѣтить, съ согласія мѣстнаго французскаго консула.

Какое оскорбленіе императорскому флагу! Наши легитимистскія

газеты, весьма щекотливыя на этотъ счетъ, забили страшную тревогу; онѣ каждое утро увѣряли, что это обстоятельство представляетъ достаточную причину для объявленія войны туринскому правительству. Но въ настоящее время ни императору Наполеону, ни королю Виктору Эммануилу нѣтъ никакой выгоды ссориться. Они покончили это дѣло миролюбиво. Разбойники выданы были французскимъ властямъ подъ росписку, съ условіемъ, чтобы они, до рѣшенія относительно официальнаго ихъ востребованія, содержались въ французской тюрьмѣ, которая, какъ мѣра наказанія, равняется италіянской.

Исторія маленькаго Мортары, похищеннаго *для пользы* католической церкви, недавно повторилась съ маленькой дѣвочкой, израильтянкой. Эта малютка, получивъ выговоръ отъ своей матери, плакала на площади Santa Catarina di Funari, въ Римѣ. Одна дама, бурбонка, увидѣвъ ея отчаяніе, подошла къ ней и насильственно, не смотря на ея крики, увела ее въ пріютъ, учрежденный духовенствомъ для дѣтей, обучающихся правиламъ католической религіи. Приходитъ туда мать и требуетъ возвращенія своего ребенка, но ей отвѣчаютъ, что евреи, разъ поступившіе въ это заведеніе, не имѣютъ болѣе ни отца, ни матери и никакихъ родственниковъ. Всѣ возраженія несчастной еврейки, явившейся за своей дочерью, были тщетны, и малютка ея до сихъ поръ содержится въ пріютѣ. Вотъ какія дѣла совершаются въ Римѣ, подъ сѣнью французскаго знамени!

Благодаря абсолютной политикѣ Пруссіи и конституціонной политикѣ Австріи, въ Германіи быстро разрушаются политическія партіи; прежнія связи прерываются и, взамѣнъ ихъ, образуются новыя. Если мы не хотимъ отстать отъ хода событій, совершающихся въ этой странѣ, и желаемъ не только видѣть ея настоящее, но и предвидѣть будущее, то намъ пора познакомиться съ этими внутренними явленіями политической жизни, которыя впослѣдствіи отразятся на внѣшнихъ.

Австрійскій императоръ созвалъ въ Франкфуртѣ конгресъ германскихъ государей для обсужденія нѣкоторыхъ федеральныхъ реформъ. На этомъ конгресѣ присутствовали главные министры всѣхъ германскихъ государствъ, а также начальники вольныхъ городовъ. Необыкновенныя приготовленія къ этому съѣзду и самый выборъ мѣста заставили предполагать, что австрійскій императоръ намѣренъ возстановить древнюю имперію. Во всякомъ случаѣ они доказываютъ, что Австрія рѣши-

лась возстановить свое преобладаніе въ германскомъ союзѣ. Не менѣе знаменательно рѣшеніе—придать засѣданіямъ конгреса значительную гласность приглашеніемъ туда возможно большаго числа постороннихъ лицъ и, въ особенности, газетныхъ стенографовъ. Императоръ австрійскій дѣлаетъ уступки прессѣ, которая подвергается гоненіямъ со стороны прусскаго короля. Послѣдній имѣлъ въ Гастейнѣ честь получить изъ собственныхъ рукъ Франца Іосифа приглашеніе присутствовать на церемоніи, которая должна освятить униженіе гогенцоллернскаго дома.

И вотъ король Вильгельмъ въ большомъ затрудненіи! Принять это приглашеніе значило бы освятить торжество своего противника, отказаться отъ этой чести значитъ уступить поле сраженія своему врагу, не оспаривая даже у него побѣды. Что тутъ дѣлать? Какъ тутъ быть? Положеніе ужасное! Ужъ лучше отказать! И какъ королю Вильгельму при такихъ обстоятельствахъ не быть печальнымъ и смущеннымъ? Какимъ образомъ можетъ онъ воспрепятствовать своему противнику надѣть діадему, отъ которой, послѣ такого-же печальнаго и затруднительнаго положенія, отказался покойный Фридрихъ Вильгельмъ? И намъ еще говорятъ, что политика въ своихъ явленіяхъ нераціональна, что она — произведеніе случайныхъ обстоятельствъ, когда иногда совершаются событія удивительно простыя, доказывающія, что исторія есть развитіе самой логики вещей! Король прусскій отказался принять корону имперіи, потому что она ему предложена была народомъ: и что же? Теперь австрійскій императоръ идетъ требовать ее для себя и принять ее изъ рукъ государей, при громкихъ рукоплесканіяхъ націи, оскорбленной отказомъ его противника!

Прежде чѣмъ говорить о предложенныхъ реформахъ взглянемъ на политическое состояніе современной Германіи. Германія стремится къ единству; она полагаетъ, что можетъ достигнуть его не иначе, какъ посредствомъ монархической централизаціи. Въ ней только двѣ сильныя монархія: Пруссія и Австрія. Изъ этихъ двухъ, одна признается лишнею,—значитъ, то, что теряетъ одна изъ нихъ, выигрываетъ другая. Поэтому политика одной идетъ наперекоръ политикѣ другой. Такъ какъ Пруссія дѣлается абсолютною, то Австрія габсбургскаго дома,—да, именно—габсбургскаго, становится конституціонною. Конституціонализмъ иногда обходится весьма дешево. Подумайте, вѣдь конституціи очень непрочны. Это простые листы бумаги,

которые можно очень легко разорвать па части, однимъ движеніемъ руки, называемымъ Coup d'état. Династія гогенцоллернская знаетъ это очень хорошо, такъ какъ она недавно, безъ всякихъ церемоній, разорвала контрактъ, соединяющій ее съ народомъ. Народы подобны дѣтямъ: они готовы быть разумными, тихими и покорными, если только дать имъ въ руки подобную бумажную игрушку. Почему же не исполнить такого желанія? Пускай себѣ тѣшутся до тѣхъ поръ, пока это имъ не надоѣстъ! Во всякомъ случаѣ, говорятъ австрійскіе дипломаты, Пруссія упала низко, и теперь настала удобная минута для ея порабощенія. Дѣйствительно, чѣмъ неожиданнѣе были въ Германіи неуклюжіе промахи гогенцоллернцевъ и граціозная любезность габсбургцевъ, тѣмъ болѣе возрастала популярность Австріи, тогда какъ неудовольствіе противъ Пруссіи замѣнилось отвращеніемъ, составляющимъ первый шагъ къ ненависти. Негодуютъ не противъ короля Вильгельма, который совершилъ coup d'état по своей профессіи,—негодуютъ противъ Пруссіи, за то что она это допустила, тогда какъ, по своей конституціонной профессіи, она обязана была воспрепятствовать такому поступку. Пруссакъ отъ природы честолюбивъ, поэтому онъ отличается духомъ военнымъ и монархическимъ и привязанъ къ своей династіи столько же, сколько недавно испанецъ привязанъ былъ къ своей. Это столкновеніе между народомъ и королевской властью глубоко потрясаетъ національную совѣсть и необходимо ведетъ сначала къ нейтрализованію, а потомъ и къ совершенному уничтоженію всѣхъ живыхъ силъ страны. Въ настоящую минуту пятая великая держава Европы существуетъ исключительно на картѣ, и Пруссія служитъ только географическимъ названіемъ опредѣленнаго пространства земли. Между тѣмъ вся германія распадаеся между Австріей и Пруссіей, на *большихъ* и *маленькихъ* германцевъ.

Но что такое *большой* и *маленькій германецъ*? Что означаютъ эти прозвища *Gross und Kleine Deutsche*, которыми надѣляютъ приверженцевъ Австріи и Пруссіи?

Каждому извѣстно, что вопросъ о національномъ единствѣ сильно занимаетъ съ 1848 г. всѣ умы Германіи. У нѣмцевъ нѣтъ отечества, потому что у нихъ 36 отечествъ, у нѣмцевъ нѣтъ государства, потому что у нихъ 36 государствъ, и они скорбятъ о томъ, что великій германскій мечъ разбился на 36 кусковъ. Пусть — говорятъ они — все народонаселеніе отъ Вислы до Рейна, отъ Балтій-

скаго до Сѣвернаго и Адріатическаго морей сгрупируется вокругъ одного центра, и мы получимъ стадесятимилліонную сплошную массу, которая займетъ средоточіе Европы. Германія, разъ организованная, сдѣлалась бы настоящимъ европейскимъ тѣломъ, всѣ остальныя государства, обратились бы въ ея члены, болѣе или менѣе тощіе. Сдѣлавшись всемогущею, Германія весьма легко могла бы потребовать себѣ Шлезвигъ, Голштинію, всю Данію, занять во имя племеннаго единства Скандинавію, бельгійскую и французскую Фландрію, наконецъ самую Голландію; она легко могла бы снова подчинить себѣ Альзасъ, Лотарингію, Бургонь, Франшъ-Конте, старую арльскую республику,—словомъ, всю Францію. По прошествіи нѣкотораго времени германское пламя, племя по преимуществу индо-германское, наводнило бы все собственно европейское пространство, выбросило бы въ Азію Россію, и вытѣснило бы въ Америку Англію, если бы эта послѣдняя, не смотря на саксонскую кровь, текущую въ жилахъ ея жителей, не оказалась достаточно уживчивою.

Мы всею душою сочувствуемъ германскому единству, мы сознаемъ пользу и даже необходимость его; поэтому, если мы указали на крайности, въ которыя оно такъ легко вдается, то сдѣлали это не для того, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу. Германія всегда отличалась своимъ идеализмомъ, страстною привязанностью къ безконечному или вѣрнѣе къ неопредѣленному; она никогда не умѣла сдерживать свои фантастическіе порывы...

Если нѣмцы хотятъ единства Германіи, то изъ этого не слѣдуетъ, что они желаютъ установленія единаго правительства и уничтоженія всѣхъ маленькихъ государствъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ баварцы согласятся, чтобы Мюнхенъ сдѣлался простымъ главнымъ городомъ префектуры, и что виртембергцы рѣшатся зависѣть не отъ короля, а непосредственно отъ губернатора провинціи. Потерявъ свою династію, это маленькое государство сочтетъ себя развѣнчаннымъ и подумаетъ, что оно много потеряло въ общественномъ мнѣніи. Словомъ, нѣмцы хотятъ единства, но съ условіемъ не отказываться отъ раздробленія; поэтому они ограничиваются тѣмъ, что требуютъ большей крѣпости тѣхъ узъ, которыя связываютъ ихъ съ центральною властью, съ нынѣшнимъ союзомъ, или скорѣе съ союзомъ преобразованнымъ.

Если подданные смотрятъ съ нѣкоторымъ отвращеніемъ на соединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ единымъ правительствомъ, то правители

тѣмъ болѣе энергически возстаютъ противъ уничтоженія ихъ различныхъ государствъ. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе мелкихъ и полукрупныхъ владѣтелей; что касается Пруссіи и Австріи, то каждая изъ нихъ желаетъ только поглотить свою союзницу, а вмѣстѣ съ нею и всю Германію.

До вступленія г. Бисмарка въ министерство, приверженцы прусской гегемоніи, самые значительные по числу и вліянію, говорили: «Управленіе дѣлами Германіи должно сосредоточиваться въ рукахъ Пруссіи, государства образцоваго, которое преданія о великомъ Фридрихѣ обязываютъ быть умнымъ, либеральнымъ и коституціоннымъ. Если Австрія не хочетъ признавать первенство Пруссіи, пусть она остается внѣ преобразованной Германіи съ своими богемцами, венгерцами, кроатами и венеціанцами. Это, пожалуй, будетъ даже лучше, потому что опасно довѣрять этимъ честолюбивымъ габсбургцамъ; будучи представителями различныхъ національностей, они хотятъ быть облеченными заботою о германскихъ интересахъ, чтобы имѣть возможность пожертвовать ими въ пользу интересовъ своей династіи, которую имъ хотѣлось бы видѣть въ Римѣ, а можетъ быть даже и въ Константинополѣ».

«Большіе германцы», принужденные обстоятельствами принять самую скромную роль, говорили нѣкогда: «Получитъ или не получитъ Пруссія гегемонію, а преобразованной Германіи невозможно будетъ обойтись безъ Австріи. Мы не хотимъ маленькой прусской Германіи, мы хотимъ большую Германію, которая заключала бы въ себѣ Пруссію и Австрію». Теперь эти люди, сдѣлавшіеся болѣе вліятельными, начинаютъ говорить въ свою очередь: «Возрожденіе Германіи совершится только тогда, когда гегемонія будетъ предоставлена Австріи. Если Пруссія не захочетъ подчиниться намъ, мы обойдемся безъ нея. Впрочемъ, пожалуй будетъ лучше, если она останется внѣ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Пруссія? Она — вооруженное якобинство, она—эксплуатація Германіи въ пользу честолюбивой династіи гогенцоллерновъ и еще болѣе честолюбиваго, если это возможно, небольшаго населенія. И это населеніе даже не нѣмецкое, оно — славянское, ничто иное, какъ славянское!»

Вопросъ этотъ очень интересенъ, и мы просимъ у читателя позволенія разобрать его подробнѣе.

Всѣмъ памятенъ конечно штутгардскій конгрессъ, который такъ горячо вступился за Австрію противъ Пруссіи. Многіе были глубоко

удивлены, когда увидѣли, что такіе знаменитые демократы какъ Робертъ Моль, Юлій Фребель отстали отъ прусской партіи. Послѣ того въ *Deutsche Fiertels-jahrschrift* появилась статья, имѣющая характеръ настоящаго манифеста; она называется: «*Исповѣдь большаго германца*» и высказываетъ въ отношеніи къ Пруссіи очень жесткія истины. Мы беремъ изъ нея большую часть нижеприводимыхъ соображеній:

Пруссія, говорятъ, страна протестантская по преимуществу, страна свободной идеи; эта мысль, повторяемая всѣми, ничто иное какъ недоразумѣніе, основанное на смѣшеніи понятій о Пруссіи идеальной и Пруссіи дѣйствительно-существующей. Прогрессисты разсуждаютъ такъ: Германія умнѣе и образованнѣе всѣхъ европейскихъ государствъ, Пруссія умнѣе и образованнѣе всѣхъ государствъ Германіи; Берлинъ умнѣе и образованнѣе всѣхъ городовъ Пруссіи. Высшее образованіе предполагаетъ и высшую свободу мысли, а высшая свобода мысли — свободу политическую. Займите у Гегеля нѣсколько логическихъ рецептовъ и вы пожалуй докажете, что государство самое деспотическое есть въ тоже время самое либеральное.

«Но — спрашиваютъ *въ свою очередь большіе германцы* — съ какихъ это поръ Пруссія сдѣлалась страною по преимуществу протестантскою? Не со времени ли великаго Фридриха?» На это либералы отвѣчаютъ: «Конечно, съ этого времени; развѣ вы не знаете, что великій государь доходилъ въ своей терпимости до того, что позволилъ каждому изъ своихъ подданныхъ вѣдать дѣлами своей совѣсти, какъ кому угодно — *nach seiner Façon selig werden.* Если Фридрихъ не былъ въ прямомъ смыслѣ героемъ протестантизма, то онъ былъ имъ въ смыслѣ косвенномъ, какъ свободно-мыслящій человѣкъ и герой Свободнаго Духа.» Не таково мнѣніе піэтистовъ, утверждающихъ, что маленькій Фрицъ былъ никто иной какъ богохульникъ, атеистъ и осквернитель протестантизма и той настоящей религіи, которая снова начала пользоваться почетомъ только послѣ іенскихъ событій.

Такимъ образомъ каждая изъ этихъ партій толкуетъ по своему о традиціяхъ прусской династіи и въ этомъ контрастѣ мнѣній передъ нами является вся исторія настоящаго времени. Либерализмъ и военное управленіе, конституція и право, дарованное богомъ, старый раціонализмъ и новый піэтизмъ — таковы полюсы, между которыми страна постоянно колеблется, не зная, гдѣ остановиться.

Всѣ эти противорѣчія, которыми Фридрихъ запечатлѣлъ свое со-

зданіе и которыя съ теченіемъ времени значительно развились, заключались уже въ умѣ самого короля. Правда, онъ поступалъ совершенно искренно, когда говорилъ: «Я никто иной, какъ первый слуга государства» Но либералы построили на этихъ словахъ цѣлую конституціонную теорію, на которую они постоянно ссылаются. Конечно, Фрицъ былъ слишкомъ уменъ и практиченъ для того, чтобы не смотрѣть съ презрѣніемъ на суетную роскошь большой части его современниковъ-государей и на ту смутную и изнѣженную жизнь, которой они предавались. Фридрихъ былъ неутомимый работникъ. Слова «я никто иной какъ первый слуга государства» значили въ переводѣ: «государство — это я, потому что я отвѣчаю за него». Послѣдній преемникъ его тоже подразумѣвалъ, что «государство — это онъ», когда говорилъ: «Я честный человѣкъ и не нарушу конституціи, которой присягнулъ. Но понятно, что у меня должна остаться свобода дѣлать отъ своего лица распоряженія касательно всего того, что можетъ содѣйствовать благосостоянію и безопасности Пруссіи. Я не имѣю права оставить Пруссію безъ защиты; я никто иной, какъ первый слуга государства, но въ то же время я глава арміи и государь моихъ подданныхъ.»

Выслушавъ эти противорѣчившія одно другому слова, всѣ улыбнулись, какъ будто Вильгельмъ сказалъ что нибудь чудовищное, какъ будто онъ могъ говорить иначе и оставаться вѣрнымъ преданіямъ своей династіи. Самъ великій предокъ его окружилъ прусское правительство сіяніемъ либерализма, — сіяніемъ, подъ которымъ скрывалась слишкомъ жесткая и тяжелая дѣйствительность. Это-то вѣчное недоразумѣніе и составляетъ теперь несчастіе Пруссіи.

Всѣ остальныя государства Европы представлялись относительно свободными, когда ихъ сравнивали съ Пруссіею, раздавленною подвигами своего великаго полководца. Никто не станетъ теперь спорить съ тѣмъ, что этотъ король, этотъ первый слуга государства, былъ страшный деспотъ; деспотизмъ его проявлялся даже въ частной жизни, въ ѣдѣ и питьѣ, въ одеждѣ, въ обыденныхъ занятіяхъ. Подданные съ горестью сознавали свое рабство, но переносили и даже оправдывали его, будучи убѣждены, что столько крови и пота проливается не даромъ, а для увеличенія государства, ставшаго на степень великой державы.

Самыя достоинства Фридриха составили несчастіе Пруссіи, скоро сдѣлавшейся образцовымъ деспотическимъ государствомъ. Бережли-

вость Фридриха, его скупость, чтобы не сказать скаредничество, повредили народу несравненно болѣе, чѣмъ безумное мотовство современныхъ ему государей, потому что поборы тѣмъ безжалостнѣе падали на народъ, чѣмъ законнѣе казалось взиманіе ихъ. Въ другихъ странахъ царствовалъ безъ сомнѣнія самый страшный произволъ, но Пруссія была бы относительно гораздо болѣе свободною, еслибы этотъ же самый произволъ поселился и въ ней. Въ этомъ и заключается различіе между государствомъ, въ которомъ какой нибудь паша отъ времени до времени давитъ, грабитъ и убиваетъ, и другимъ государствомъ, въ которомъ методическая администрація день за день искусно высасываетъ изъ народа всѣ его жизненныя силы. Вотъ почему другіе народы могли скорѣе сбросить съ себя оковы феодальной патріархальности и пойти путемъ искренняго конституціонализма, между тѣмъ какъ въ Пруссіи военный мундиръ такъ плотно присталъ къ тѣлу націи, что его нельзя было снять иначе, какъ разрѣзавъ его по кускамъ на самомъ тѣлѣ, рискуя при этомъ поранить самого себя.

Итакъ вотъ гдѣ кроется тайная причина того критическаго положенія, въ которомъ находится Пруссія въ настоящее время; нынѣшняя Пруссія есть ничто иное, какъ развитіе государства, созданнаго Фридрихомъ Великимъ. Ее нельзя сравнивать съ остальными нѣмецкими правительствами, потому что она по характеру своему скорѣе подходитъ къ Франціи. Личное самодовольство, военная вытяжка — все это отличительныя черты прусскія, но не германскія; Пруссія составляетъ въ Германіи какъ бы иностранное государство, скорѣе враждебное ей, чѣмъ дружественное.

Не болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы научились знать самихъ себя; въ этомъ отношеніи они сдѣлали много самыхъ неожиданныхъ открытій, чему не мало способствовали *сельскіе разсказы* — особая отрасль литературы. Тюрингенцы, живущіе по берегамъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей признали себя единоплеменниками австрійцевъ и нашли, что они немногимъ отличаются отъ голландцевъ, финляндцевъ и алзасцевъ, оторванныхъ отъ общаго великаго отечества — Германіи. Крайне замѣчательно и странно то, что эта симпатія вдругъ прекращается, когда дѣло доходитъ до страны, которая по увѣренію многихъ представляетъ собою типъ самого чистаго германизма.

Будучи однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Германіи, это го-

сударство въ тоже время является почти совершенно лишеннымъ германскаго характера; исторія его начинается только за нѣсколько столѣтій назадъ; языкъ его есть испорченное германское нарѣчіе. Стернбергъ, говоря о Пруссіи, выражается такъ: «Берлинъ создали евреи. Они составляютъ почти треть берлинскаго населенія и встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ высшихъ кругахъ, въ торговомъ сословіи, въ новой аристократіи, въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ. Евреямъ эта столица одолжена своею промышленостью и умственною дѣятельностью. Но надо признаться, что если евреи внесли въ характеръ берлинскаго населенія хорошіе элементы, то въ тоже время они сообщили ему не мало и дурныхъ.

Но самую большую роль въ организаніи Берлина игралъ элементъ французскій. Число французскихъ колонистовъ дошло уже до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, когда въ Берлинѣ считалось всего 20 тысячъ жителей. И такъ одна треть населенія принадлежитъ къ славянскому племени, а остальныя двѣ составляютъ евреи и французы. Можетъ ли послѣ этого такой городъ быть центромъ умственной жизни Германіи?

Такимъ образомъ, съ помощью г. Бисмарка, *большіе германцы* открыли, что пруссаки не нѣмцы, а славяне—ничто иное, какъ славяне и слѣдовательно ни къ чему не годный народъ. Бранденбургскій маркъ, прусскія провинціи, Познань, Померанія, Силезія — все это земли по преимуществу славянскія, и если въ жителяхъ ихъ есть немного нѣмецкой крови, то она осквернена смѣшеніемъ съ кровью варварскихъ племенъ. А берлинцы! О, имъ было мало того, что они не настоящіе нѣмцы; они захотѣли еще сдѣлаться — о ужасъ! — евреями, французами, славянами!..

Этому открытію, сдѣланному большими германцами, суждено можетъ быть играть большую роль въ Германіи, населенной тщеславнѣйшею націею, которая придаетъ огромную цѣну своему, справедливому или ложному, прозванію *націи — родоначальницы*. Турокъ, ругающійся надъ христіаниномъ и называющій его «сабачьимъ сыномъ», не думаетъ нанести этимъ такое кровавое оскорбленіе, какое желаетъ нанести большой германецъ берлинцу, обвиняя этого послѣдняго въ его тройственномъ происхожденіи отъ евреевъ, французовъ и славянъ... Вотъ къ чему привела система гг. Бисмарка и К°.

Униженіе Австріи, гегемонія Пруссіи, нравственная побѣда, соеди-

неніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ,—все это служитъ теперь предметомъ отвращенія и презрѣнія, и враги Пруссіи доходятъ до того, что отвергаютъ ея существованіе и право называться нѣмецкимъ государствомъ. На сколько всѣ органы общественнаго мнѣнія и въ особенности обширный заговоръ *National Verein*' а прежде ругались и издѣвались надъ Австріею, на столько же эти самые органы теперь воздаютъ ей хвалу и почести, — и если такой порядокъ вещей продолжится, то скоро всѣ будутъ лежать у ногъ ея, а Пруссію признаютъ годною только на то, чтобы быть брошенною въ добычу познанской провинціи! Странный переворотъ! А между тѣмъ вся таинственность его объясняется очень просто. Конституціонная Пруссія ударилась въ настоящее время въ абсолютизмъ а абсолютная Австрія, — въ конституціонализмъ!

Никто не станетъ оспаривать у австрійскаго императора тѣхъ блестящихъ стратегическихъ способностей, которыя онъ доказалъ въ послѣдней войнѣ съ Пруссіею. Понятно, что ему надо было имѣть много храбрости, чтобы рѣшиться явиться передъ міромъ защитникомъ конституціонализма и героемъ реформъ. Вѣдь это неслыханное и невиданное дѣло. Тѣнь Меттерниха, что скажешь ты на это?

Францъ-Іосифъ созвалъ на конгрессъ всѣхъ королей, принцевъ, герцоговъ, великихъ герцоговъ: онъ созвалъ ихъ для того, чтобы по семейному потолковать о возрожденіи Германіи.

Всѣ эти коронованныя особы охотно поспѣшили явиться на зовъ. Въ назначенный часъ, всѣ они были на мѣстѣ свиданія. Недоставало только троихъ: датскій король, которому союзъ угрожаетъ федеральной экзекуціей, не могъ явиться на конгрессъ, потому что это появленіе показалось бы съ его стороны нарушеніемъ всѣхъ приличій; король прусскій, понятно, вовсе не желалъ присутствовать при торжествѣ своего соперника, но съ какой стати онъ имѣлъ неловкость мотивировать свое отсутствіе, объявивъ, что его оппозиція не происходитъ отъ различія убѣжденій и что онъ тоже признаетъ необходимость федеральной реформы. Правда—по его словамъ—онъ желалъ бы, чтобъ ее обсудили не государи, а министры—(до чего однако можетъ довести уваженіе къ г. Бисмарку!)—но пожалуй онъ не обратилъ бы вниманія на это обстоятельство, еслибъ его не остановило другое препятствіе. Представьте себѣ, что на пригласительномъ письмѣ, которое онъ получилъ на слѣдующій день послѣ гастейнской конференціи было выставлено число, двумя днями

предшествовавшее этому свиданію! Король прусскій увидѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ обиду и поэтому не поѣхалъ въ Франкфуртъ. И вотъ причина, по которой нѣмецкіе народы должны будутъ отказаться отъ политическаго единства, составляющаго предметъ ихъ пламенныхъ желаній! Что касается до принца липпе-детмольдскаго, то этотъ добрякъ не отправился на конгрессъ только потому, что король Вильгельмъ тоже не отправился.

15 числа, около 6 часовъ вечера, дали знать о приближеніи поѣзда, въ которомъ ѣхалъ австрійскій императоръ. И вотъ зазвонили во всѣ колокола, стали палить изъ пушекъ и не только одна депутація, но весь сенатъ вольнаго города Франкфурта собрался на дебаркадерѣ, чтобы засвидѣтельствовать монарху свою глубокую покорность Но монархъ, выйдя изъ вагона, слегка раскланялся съ сенаторами вольнаго города Франкфурта и не давъ имъ произнести торжественныя рѣчи, сѣлъ съ своимъ конституціоннымъ министромъ въ коляску. Восторженные ура едва поспѣвали слѣдовать за нимъ до дворца Турна и Таксиса,—мѣста собранія германскаго союза.

Слѣдующій день — воскресенье — высокія особы посвятили исполненію религіозныхъ обязанностей, чѣмъ подали народу прекрасный примѣръ—и не менѣе священныхъ обязанностей этикета. Съ утра до вечера, Готскій альманахъ въ лицахъ проѣзжалъ въ блестящихъ экипажахъ мимо озадаченныхъ франкфуртскихъ филистеровъ. Вечеромъ императоръ давалъ нѣмецкимъ государямъ роскошный обѣдъ, подававшійся на приборахъ изъ массивнаго золота, присланныхъ изъ Вѣны въ 157 ящикахъ. Кто, глядя на эту пышность, сказалъ бы, что Австріи уже нѣсколько лѣтъ сряду угрожаетъ постыдное банкротство и что почти каждый годъ дефицитъ вѣнскаго правительства простирается отъ 100 до 150 мильоновъ!—Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что всѣ государи явились сюда въ австрійскихъ мундирахъ, что было принято за весьма тонкую лесть; но держали они себя какъ-то холодно и неловко.

Понедѣльникъ былъ важнымъ днемъ. Въ 10 часовъ утра члены конгресса собрались въ дворцѣ, назначенномъ для засѣданій. Императоръ открылъ собраніе длинною рѣчью къ своимъ августѣйшимъ и любезнѣйшимъ братьямъ и высокодоблестнымъ союзникамъ:

»Собраніе — сказалъ онъ — собраніе нѣмецкихъ государей, сошедшихся для совѣщанія о благосостояніи отечества есть такое событіе, какого не видѣли уже многіе вѣка... Я считаю долгомъ открыто вы-

сказать мое убѣжденіе, что Германія имѣетъ полное основаніе ожидать развитія своего государственнаго устройства,—развитія, которое будетъ согласно съ современными потребностями.

«Я предложилъ моимъ августѣйшимъ союзникамъ проэктъ реформы федеральнаго устройства Германіи, — проэктъ, разработанный подъ моимъ личнымъ руководствомъ...

«Я полагалъ, что теперь наступило время возобновить въ современномъ духѣ союзъ, заключенный нашими предками, упрочить его, допустивъ къ участью въ немъ наши народы и этимъ дать нашему союзу силу обезпечить на вѣки за Германіею величіе, могущество, безопасность и благосостояніе...

«Въ проэктѣ акта реформы указаны конституціонныя средства, могущія съ помощью законноорганизованнаго цѣлаго пополнить пробѣлы прежняго устройства и согласить конституцію съ законными требованіями нашего времени. Прочное основаніе для вопроса о будущности Германіи я вижу не въ открытіи переговоровъ, обнимающихъ собою обширные проэкты, но единственно въ быстромъ и единодушномъ рѣшеніи нѣмецкихъ государей, которые въ своей преданности великому общему дѣлу оставятъ въ сторонѣ всѣ второстепенныя соображенія».

Къ несчастію, мы не имѣемъ буквальнаго текста этой рѣчи, которая составитъ эпоху въ исторіи Германіи. Стенографы, которыхъ, какъ носились слухи, пригласили для этого замѣчательнаго торжества, нашли двери закрытыми. Даже журналисты протестовали передъ сенатомъ противъ неуваженія, оказаннаго имъ коммиссіею, распоряжавшеюся устройствомъ празднествъ. Многіе изъ нихъ уѣхали изъ Франкфурта; но одинъ, болѣе храбрый, переодѣлся лакеемъ и такимъ образомъ получилъ возможность разсказать по крайней мѣрѣ своимъ подписчикамъ подробности обѣда, даннаго сенатомъ императору. Какъ бы то ни было, но отсутствіе стенографовъ было причиною того, что рѣчь императора явилась въ публикѣ въ искаженномъ видѣ. Фраза, въ которой императоръ прямо объявлялъ, что онъ понялъ необходимость примириться съ общественнымъ мнѣніемъ и либеральными идеями только тогда, когда хорошо попробовалъ деспотизма,—эта фраза, по убѣдительному настоянію баварскаго короля, была вычеркнута краснымъ карандашомъ. Изъ боязни оскорбить щепетильную обидчивость стараго прусскаго короля по отношенію къ конституціонализму, было рѣшено, чтобы рѣчь его вели-

чества императора австрійскаго была подвергнута заботливому разсмотрѣнію цензурнаго комитета, который былъ тутъ же составленъ и немедленно собрался въ англійскомъ отелѣ. Могущественный императоръ подчинился этому требованью политики, но его авторское самолюбіе было конечно не мало оскорблено...

Въ главѣ новой организаціи, не слишкомъ отличающейся простотою, поставлена директорія, облеченная исполнительною властью. Она должна была составиться изъ пяти членовъ, изъ которыхъ трое — австрійскій, прусскій и баварскій засѣдали бы въ ней по праву, а остальные два назначались бы различными государствами, составляющими германскій союзъ. Этотъ вопросъ возбудилъ самые горячіе споры и въ рѣшеніи его прошли почти всѣ засѣданія конгресса. Мелкіе государи находили, что на ихъ долю было дано слишкомъ мало представителей, и императоръ Францъ-Іосифъ, чтобы прекратить споръ, согласился на назначеніе шестаго члена. Было рѣшено, что короли саксонскій, гановерскій и виртембергскій будутъ попеременно имѣть четвертый голосъ, что курфирстъ гессенскій и семь великихъ герцоговъ будутъ избирать пятаго члена, и что наконецъ шестой членъ будетъ избираться съ общаго согласія гражданами мелкихъ государствъ и вольныхъ городовъ. Императоръ Францъ-Іосифъ требовалъ для себя de jure и de facto предсѣдательства въ директоріи. Это для него жизненный вопросъ, въ которомъ онъ не намѣренъ сдѣлать ни малѣйшей уступки; это тайная причина его конституціонной франкфуртской эволюціи. Конгрессъ не посмѣлъ прямо согласиться на это требованіе и предложилъ, чтобы предсѣдательствовали поперемѣнно Пруссія и Австрія. Но такъ какъ Францъ Іосифъ, очень уступливый во всѣхъ другихъ пунктахъ, оставался непреклоненъ въ этомъ отношеніи, то государи рѣшились предоставить обѣимъ соперницамъ уладить или скорѣе не уладить между собою это дѣло.

Августѣйшіе члены директоріи будутъ исполнять свою обязанность лично или уполномочивать на это другихъ. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ. Директорія будетъ посылать въ другія государства своихъ дипломатическихъ агентовъ и принимать отъ этихъ государствъ посланниковъ.

За директоріею слѣдуетъ комитетъ государей (Bundesrath), который долженъ составить верховную камеру. Засѣданія его будутъ постоянныя, но онъ выговорилъ себѣ право разъѣзжаться въ сезонъ купанья или охоты.

Рядомъ съ этою палатою перовъ императоръ предлагаетъ устроить палату депутатовъ (Bundesvertretung), которая собиралась бы отъ времени до времени, по крайней мѣрѣ разъ въ три года. Она состоитъ изъ 300 членовъ, изъ которыхъ 100 назначаются верхнею палатою, а 200—нижними, собирающимися въ различныхъ государствахъ. Это будутъ депутаты депутатовъ. Четверть членовъ этого собранія будетъ назначаться Австріею, четверть—Пруссіею, остальная половина—другими нѣмецкими государствами. Депутаты эти будутъ получать большое жалованье, потому что дознано, что чѣмъ болѣе мѣста доходны, тѣмъ менѣе подача голосовъ либеральна.

При рѣшеніи основнаго вопроса о національномъ представительствѣ возникли серьезные споры, окончившіеся тѣмъ, что каждому государству предоставлена забота рѣшить, кому оно желаетъ поручить у себя назначеніе депутатовъ—государю, палатамъ или народу. Если представительство не будетъ устроено на серьезныхъ основаніяхъ, то и самый проэктъ лишается всякой серьезности и обратится въ дурно удавшуюся штуку фокусника. — Права этой палаты депутатовъ очень неопредѣленны. Ораторы будутъ допущены къ обсужденію законовъ о прессѣ, права сходокъ и даже федеральнаго бюджета. Прусская палата пользовалась этими же самими правами, но какъ видно они должны были уступить мѣсто правамъ *юнкеровъ* и короны. Не та ли же самая участь предстоитъ палатѣ франкфуртской?

Кромѣ этихъ собраній будетъ учреждено еще четвертое, именно—конгрессъ владѣтельныхъ особъ и государей, которые будутъ съѣзжаться для совѣщанья о своихъ дѣлахъ.

Пятое новое учрежденіе составитъ союзное судилище (*Bundesgericht*). Поговариваютъ также о различныхъ коммиссіяхъ судебныхъ, военныхъ и т. п. Это судилище должно сдѣлаться главною машиною для надзора за новою организаціею. На нее будетъ возложена забота подавлять различныя свободныя движенія, могущія возникать по временамъ, благодаря раздробленію государствъ. Составленное исключительно изъ аристократическихъ элементовъ, оно будетъ представителемъ единства монархическихъ интересовъ, между тѣмъ какъ интересы народные останутся въ томъ же разъединеніи, въ которомъ они находились до сихъ поръ.

Въ военное время Германія будетъ пользоваться привилегіею развѣвать національное знамя—красное или черное. Это знамя, дол-

женствующее во время битвы быть священнымъ символомъ спасенія отчизны, останется свернутымъ во время мира.

Статья 8 надѣлала много шуму въ Германіи и внѣ ея. До сихъ поръ характеръ германской конфедераціи былъ въ строгомъ смыслѣ оборонительный, и чтобы лучше упрочить неподвижность сейма, постановленія его должны были основываться на единогласномъ рѣшеніи всѣхъ членовъ. Теперь положено, что война или миръ рѣшаются простымъ большинстомъ трехъ четвертей всего существующаго числа голосовъ.

Носятся слухи, что императоръ Наполеонъ и король Италіи намѣрены протестовать противъ этого новаго параграфа. Какое отношеніе могутъ имѣть императоръ Наполеонъ и король Италіи къ этому дѣлу, представляющему интересъ чисто германскій? Никакого имѣть не могутъ, отвѣчаютъ здравый смыстъ и справедливость; но оказывается, что въ 1814 году Меттернихъ почелъ нужнымъ поручить организацію сейма, составленную имъ самимъ, защитѣ всѣхъ державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ; и вотъ почему враги и недоброжелатели, подобные королю датскому и италіанскому, а также люди посторонніе и равнодушные къ этому дѣлу, каковы королева испанская и папа, имѣютъ, въ строгомъ смыслѣ, право изъявлять свое Veto противъ всякихъ перемѣнъ въ устройствѣ сейма.

1-го сентября засѣданія прекратились. Государи, уже утомленные этими скучными занятіями, рѣшились подписаться подъ всѣми тѣми параграфами проекта, которые еще не подвергались обсужденію. Эти двѣ недѣли были трудньмъ временемъ для императора Франца-Іосифа. Онъ не только долженъ былъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ этикета и внутренней и внѣшней дипломаціи и давать аудіенціи знатнымъ иностраннымъ лицамъ, какъ-то: королю голландскому, принцу Оскару шведскому, герцогу Кэмбриджскому, лордамъ Грею и Кларендону, но также ежедневно присутствовать на банкетахъ, смотрахъ, официальныхъ прогулкахъ и балахъ. Г. Бетманъ, банкиръ, генеральный консулъ Пруссіи въ Франкфуртѣ, пригласилъ къ себѣ государей на балъ, и за такую любезность подвергся оффиціальному выговору со стороны г. Бисмарка.

Императоръ Францъ-Іосифъ былъ душею всѣхъ коммисій, ординарныхъ и экстраординарныхъ, и принималъ личное участіе во всѣхъ переговорахъ, происходившихъ между различными царствующими и правительственными особами, собравшимися на сеймѣ. Всѣ едино-

гласно признаютъ, что его величество при этомъ случаѣ обнаружилъ рѣдкія парламентскія дарованія, неутомимую дѣятельность, пріятныя манеры и ясный и точный способъ выраженія. Ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ считаться лишнимъ для человѣка, который предсѣдательствуетъ въ собраніи государей. Прочія царствующія особы, находившіяся въ этомъ собраніи, за исключеніемъ однакоже короля саксонскаго, Іоанна, переводчика и комментатора *Божественной Комедіи* Данта, все люди, привыкшіе приказывать и не встрѣчать возраженій, повидимому, совершенно незнакомы были съ самою обыкновенною процедурою преній. Впрочемъ, они и не думали подчиняться никакимъ правиламъ, придерживаясь въ этомъ отношеніи теоріи г. Бисмарка, что для государя, управляющаго своими подданными милостію божіею, не должно существовать никакихъ обязательствъ. Они говорили за-разъ, дѣлали ненужныя отступленія и возобновляли споръ о вопросахъ, уже рѣшенныхъ. На другой день послѣ каждаго засѣданія, такъ какъ утро вечера мудренѣе, или вслѣдствіе совѣта своего министра, одинъ изъ государей предлагалъ отмѣнить параграфъ, имъ самимъ принятый наканунѣ. Впрочемъ, это собраніе было весьма смѣшанное во всѣхъ отношеніяхъ. Начать съ того, что составлявшія его лица занимаютъ весьма различное положеніе въ обществѣ. Были тутъ и короли, управляющіе своими королевствами милостію божіею, и герцоги, и великіе герцоги, и бѣдные представители вольныхъ городовъ, и доктора правъ и философіи, удостоившіеся такой чести, благодаря своимъ дипломамъ. Состояніе этихъ лицъ также весьма различно. Рядомъ съ государемъ трехъ тысячъ подданныхъ, сидѣлъ король трехъ милліоновъ душъ. Притомъ были тутъ представители всѣхъ возможныхъ политическихъ формъ: абсолютизма, конституціонализма, республиканизма...

Императору австрійскому ревностно помогалъ герцогъ саксенъ-кобургскій, Эрнестъ. Этому государю вообще приписываютъ иниціативу конгреса, и усердіе, какое онъ обнаруживалъ для приведенія этого предпріятія къ желанному концу, дѣлаетъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ. Онъ не пренебрегъ ни однимъ маневромъ для устраненія препятствій и не останавливался ни передъ чѣмъ, ни даже передъ пожертвованіемъ своими либеральными убѣжденіями, которыми онъ хвастался еще недавно. Герцогу Эрнесту наскучило управлять государствомъ, слишкомъ незначительнымъ для его честолюбія. Онъ желаетъ имѣть поприще болѣе обширное и играть роль, какую бы

то ни было, въ пользу ли Пруссіи, въ пользу ли Австріи, лишь бы только эта роль могла выставить его на видъ. Онъ еще болѣе дорожитъ популярностью, чѣмъ либерализмомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ перестали аплодировать его операмъ, онъ ищетъ развлеченія въ путешествіяхъ и въ политикѣ. Бывши протекторомъ и даже главою *Національферейна*, онъ теперь разошелся съ своими прежними друзьями, остатками великой готской партіи.

Когда герцогъ Эрнестъ явился на конгресъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ государей Германіи, но теперь онъ, волею—неволею, отказался отъ этого выгоднаго положенія въ пользу своего шурина, великаго герцога баденскаго. Послѣдній сначала былъ въ немилости у публики. Его царствованіе началось такою же грубою реакціею, какою отличалось и царствованіе его предшественника. Онъ даже было составилъ проектъ конкордата съ римскимъ дворомъ,—проектъ, который былъ выставленъ какъ дѣйствіе, позорящее Германію. Но сраженіе при Сольферино, говорятъ, обратило его на путь либерализма. Послѣ того онъ избралъ въ министры двухъ людей, отличающихся высокими качествами ума и столько же ловкихъ, какъ и рѣшительныхъ. Это — господа Ламей и Роггенбахъ. Самыми ярыми противниками, которыхъ императоръ австрійскій встрѣтилъ на своемъ пути, были: ультра-реакціонеры, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, герцогъ Саксенъ Альтенбургскій и князь Вальдекскій; затѣмъ вѣнценосные подвижники либерализма, великіе герцоги Баденскій и Веймарскій. Всѣ пятеро вотировали противъ проекта Франца-Іосифа.

Негодованіе австрійской партіи было сильно, въ особенности, когда великій герцогъ Баденскій, въ офиціальной нотѣ, помѣшенной въ *Карлсруэской газетѣ*, объявилъ, что онъ, въ качествѣ конституціоннаго государя, не считаетъ себя въ правѣ располагать судьбою своихъ подданныхъ, безъ ихъ согласія; не говоря уже о томъ, что народные интересы не имѣютъ удовлетворительнаго представительства въ палатѣ делегатовъ, которую благоволилъ октроировать австрійскій императоръ.

Эта неожиданная оппозиція, безъ всякаго сомнѣнія, нанесла плану Франца-Іосифа смертельный ударъ. Отказъ Пруссіи, быть можетъ не былъ бы достаточенъ для полученія такого результата. Г. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что достигнетъ этой цѣли, благодаря одному параграфу федеральнаго акта, по которому ни одно измѣненіе въ ор-

ганизаціи сейма не можетъ имѣть силу закона, пока оно не будетъ принято единогласно всѣми членами союза; онъ, съ своей стороны, рѣшился никогда въ этомъ отношеніи не дѣлать уступки. Такъ весьма основательно разсуждалъ г. Бисмаркъ; но его противники хотѣли воспользоваться его же оружіемъ противъ него самого. Основываясь на конституціи, депутаты оспаривали у министра право собирать подати, въ которыхъ отказала палата. На это Бисмаркъ іезуитски отвѣчалъ, что если онъ и не имѣетъ права принять такую мѣру окончательно, то все же онъ можетъ прибѣгнуть къ ней на время, и что впрочемъ, не его вина, если этой временной мѣрѣ суждено сдѣлаться постоянной. Такимъ же образомъ можно было бы воспользоваться однимъ рѣшеніемъ федеральнаго акта, по которому, въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства, дозволяется дѣлать временныя измѣненія въ организаціи сейма, не объясняя, впрочемъ, на долго ли принимается такая мѣра. Тогда, при согласіи другихъ членовъ союза, габсбургцы могли бы возстановить для себя Германскую имперію въ уменьшенномъ видѣ — предпріятіе, объ исполняніи котораго въ свою пользу все еще мечтаютъ Гогенцолернцы.

Еще разъ это несчастное прусское правительство спасено было либералами, которые 22 августа собрались во Франкфуртѣ. Этотъ городъ наслаждался зрѣлищемъ двухъ конгрессовъ, которые въ одно и то же время разсуждали объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ.

Существованіе этихъ двухъ собраній, конгресса государей и конгресса гражданъ, въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ не было дѣломъ случая. Австрійскій императоръ хотѣлъ озадачить націю театральной выходкой и предупредить либераловъ, заблаговременно рѣшивъ занимающій ихъ вопросъ до того въ ихъ пользу, какъ онъ полагалъ, и до того неожиданно, что его рѣшеніе, по мнѣнію его, должно было быть принято съ восторгомъ.

Но государи теряли драгоцѣнное время въ диспутахъ. Въ новомъ проэктѣ они понимали только: что съ увеличеніемъ центральной власти, въ видѣ имперіи или въ видѣ республики, должна уменьшиться ихъ собственная власть въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, и что истинное народное представительство должно повести къ такому же результату. На это учрежденіе конгресса, который императоръ Францъ Іосифъ хотѣлъ сдѣлать постояннымъ, они смотрѣли, какъ на возобновленіе средневѣковаго обычая, предпринятое съ тайной цѣлью потопить ихъ въ лучезарномъ блескѣ великаго сюзерена, обратить ихъ, въ

глазахъ ихъ собственныхъ подданныхъ, въ простыхъ сателлитовъ императора германской имперіи и сдѣлать изъ нихъ мало помалу, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даймiосовъ, группированныхъ вокругъ Тайкуна-Микада.

Вслѣдствіе этого депутаты, по прибытіи во Франкфуртъ, вмѣсто того, чтобы видѣть себя принужденными, по примѣру своихъ государей, надѣть австрійскую ливрею, почувствовали себя почти ничѣмъ несвязанными. Однакожъ, такъ какъ положеніе ихъ все еще было очень щекотливо, то они не пускались въ опасныя пренія, и послѣ двухъ сеансовъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Беннигсена, разошлись, вотировавъ почти единогласно очень умѣренныя резолюціи такого содержанія:

1, То, что лѣтъ десять назадъ считалось государственнымъ преступленіемъ, за которое виновные подвергались ссылкѣ или заключенію въ тюрьму, теперь удостоилось высочайшей санкціи австрійскаго императора. Всѣ наши правители, даже самъ король прусскій, въ настоящее время признаютъ необходимость реформы въ нашей федеральной конституціи.

2. Проэктъ, разсматриваемый теперь на конгрессѣ государей, намъ не слишкомъ нравится. Если онъ будетъ принятъ, то по вопросу о единствѣ Германіи осуществится только устройство германской полиціи въ пользу императора австрійскаго. Въ сущности, этимъ проэктомъ намъ даются только парламентъ, безъ народнаго представительства, директорія, служащая маской вѣнскаго двора, и правительство, состоящее изъ всѣхъ правительствъ. Это—гидра, со множествомъ головъ.

3. Вмѣсто этого эксцентрическаго проэкта, мы бы охотно приняли конституцію 1849 года. Но мы не смѣемъ противопоставить право народное праву императорскому; поэтому примемъ видъ, будто соглашаемся съ австрійскимъ проэктомъ, пока непримѣнимость его не сдѣлается очевидною для всѣхъ. Но мы изъявимъ согласіе только съ условіемъ, чтобы государи не назначали делегатовъ, а предоставили бы намъ самимъ избирать депутатовъ, которые составятъ народный парламентъ.

4. Мы не беремся рѣшить вопроса, должны ли Ломбардія, Венеція, Венгрія и Кроація войти въ составъ германской имперіи, но мы объявляемъ, что такъ называемыя польскія провинціи—наша собственность, такъ какъ намъ трудно было бы съ ними разстаться.

Эти рѣшенія, изложенныя слогомъ нѣсколько болѣе дипломатическимъ, встрѣчены были рукоплесканіями со стороны публики, собравшейся на хорахъ, и со стороны народа, толпившагося передъ Saalbau. Виваты, безъ сомнѣнія, проникли во дворецъ Thurn-und-Taxis и ободрили великаго герцога баденскаго, котораго оппозиція доставила побѣду дѣлу господъ Беннигсена, Зибеля, Шульце-Делича, Велка, Беккера, Грюна, Велькера, Гольдера, Леве, Унру и другихъ. Протестуя во имя конституціонныхъ принциповъ, этотъ государь, новобранецъ либерализма, нанесъ дѣлу австрійскаго императора смертельный ударъ, такъ какъ германская демократія не могла выказаться менѣе требовательною, чѣмъ царствующая особа.

Возбудивъ сначала безпредѣльный энтузіазмъ, сцена, разыгранная на большомъ дипломатическомъ театрѣ во Франкфуртѣ, теперь внушаетъ къ себѣ одно только равнодушіе. Болѣе не хочется читать брошюръ, ходившихъ тогда по рукамъ, и въ которыхъ Франца Іосифа упрашивали, чтобъ онъ провозгласилъ себя императоромъ Германіи. «Это было бы для него очень легко, говорили тогда саксенгаузенскіе буржуа:—мы бы не стали ему мѣшать, лишь бы только онъ прекратилъ свои сношенія съ іезуитами». Но дѣйствительно ли этотъ ультра-либеральный императоръ готовъ чистосердечно прервать свою связь съ монахами? Timeo Danaos! Недавно еще добродушные люди восклицали: «Не знаемъ, что хотятъ намъ октроировать наши государи, но во всякомъ случаѣ это должно быть вещь великая и прекрасная, такъ какъ подарокъ, исходящій отъ царей, можетъ быть только истинно царскимъ! Теперь эти честные германцы вспоминаютъ раздачу золотыхъ табакерокъ, произведенную папою дипломатамъ, собравшимся, кажется, въ Веронѣ,—табакерокъ, которыя впослѣдствіи оказались сдѣланными изъ принцметалла! Недавно еще простодушные люди вѣрили, что совершится Meisterstreich, дѣло мастерское; но теперь они разочарованы, и этотъ Meisterstreich оказывается простымъ Studentenstreich, продѣлкою, достойною студента: такъ этотъ знаменитый проэктъ охарактеризованъ кучеромъ его апостольскаго величества, имѣвшимъ нѣкогда честь возить Меттерниха.

Отчего такое разочарованіе?

Оттого что императоръ Францъ Іосифъ не рѣшался дѣйствовать просто. Ему бы слѣдовало что называется, откровенно медіатизировать всю толпу несоединенныхъ между собою германскихъ государей разнаго калибра. Не только онъ не могъ возвеличиться иначе, какъ

на ихъ счётъ, но ему пришлось бы также раздѣлить отнятую у нихъ добычу съ ихъ подданными. Онъ не осмѣлился дать Германіи истинно національный парламентъ съ тѣмъ, чтобы получить отъ нея истинно національную корону. Ужъ конечно, діадема Гогенштауфеновъ стоила того, чтобъ ее купили цѣною дѣйствительныхъ пожертвованій. Неловко было торговать ее и предлагать за нее *конвенціонную монету* и такъ называемыя Scheinzettel, бумаги оскудѣлаго вѣнскаго казначейства. Кто хочетъ дѣйствовать на фуфу, тотъ иногда подвергается непріятностямъ.

Короче, молодой Францъ Іосифъ явился въ Römer, гдѣ сіяла драгоцѣнная корона германской имперіи. Онъ протянулъ къ ней руку и даже надѣлъ діадему на свою голову; уже народъ рукоплескалъ: но корона оказалась слишкомъ большою. Она упала на плечи государя, закрывъ его лицо, какъ маской.

Разочарованіе было такъ велико, что Францъ Іосифъ уже не рѣшался прочесть торжественную прокламацію, которую онъ привезъ съ собой изъ Вѣны: «Манифестъ всѣмъ народамъ, обитающимъ на земляхъ Германіи». Стараясь скрыть свою досаду, онъ прекратилъ засѣданія конгресса. По его приглашенію, подошли изумленные государи съ тѣмъ, чтобы, согласно древнему феодальному обычаю, положить каждый свою правую руку въ руку сюзерена и дать присягу всѣми силами содѣйствовать осуществленію дѣла, которое каждый изъ нихъ въ душѣ уже признавалъ неисполнимымъ. Только тѣ изъ нихъ, которые составляли оппозицію, воздержались отъ исполненія этой церемоніи. Затѣмъ императоръ, съ высоты своей эстрады, произнесъ, между прочимъ: «Августѣйшіе, дражайшіе братья и кузены, славные наши союзники! Наши пренія кончены... Мы порѣшили вопросы трудные и сложные... Ни въ какомъ случаѣ наши личные интересы не помѣшали намъ дѣйствовать дружно. Мы показали, что готовы принести всевозможныя жертвы!.. Если мы бросимъ взглядъ на столько доказательствъ нашего взаимнаго согласія и нашего самоотверженія, то я имѣю право гордиться, видя, что вполнѣ оправдались мои надежды на сотрудничество, которое я ожидалъ въ этомъ важномъ дѣлѣ отъ августѣйшихъ государей Германіи»...

«Браво! Браво!» громко воскликнули государи. Но ихъ рукоплесканія мало помалу заглохли посреди молчанія, упорно хранимаго германскими народами.

Блистательный Францъ Іосифъ повидимому претерпѣлъ fiasco.

Но король Виллъгельмъ повидимому, считая неудачу своего противника личнымъ для себя успѣхомъ, думаетъ, что настала благопріятная минута для формальнаго распущенія палаты, которой засѣданія были только отложены на неопредѣленное время. Эта мѣра была предвидѣна.

Новые выборы доставятъ палату еще болѣе радикальную, чѣмъ предъидущая, и еще болѣе непріязненную *юнкерамъ* и великому господину Бисмарку. И это также предвидѣно.

Затѣмъ г. Бисмаркъ совершитъ свое столь ожидаемое coup d'état, не смотря на нерѣшительность короля. А потомъ что?..

Созваніе королемъ Пруссіи новой палаты депутатовъ служитъ первымъ результатомъ франкфуртскаго конгресса. Хотя этотъ конгрессъ и не достигъ своей цѣли, но онъ будетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, между которыми, если только распространяемые объ этомъ слухи основательны, разрывъ Франціи съ Англіею и Австріею и образованіе новаго союза французско-русско-прусскаго займутъ не послѣднее мѣсто. Этотъ новый оборотъ, повидимому, принимаемый дѣлами, сильно занимаетъ всѣ умы въ нашихъ политическихъ кружкахъ.

Кажется, французское правительство съ самого начала считало для себя предпріятіе Франца Іосифа опаснымъ. Ему уже представлялось, что Германія соединилась, съ цѣлью предпринять противъ него новую лейпцигскую кампанію. Оно видѣло, какъ сильно интересовался этимъ дѣломъ тайный врагъ тюильрійскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ. Австрія, въ качествѣ солдата Англіи на континентѣ, можетъ увеличить свои владѣнія только для пользы этой державы, и противъ кого захочетъ она, усилившись, направить свои пушки, если не противъ тѣхъ самихъ людей, которые нанесли ей пораженіе при Мадженте и Сольферино?

Публика французская, даже вообще европейская, была сильно взволнована письмомъ, напечатаннымъ въ Courrier du Dimanche и адресованнымъ изъ Карлеруэ, резиденціи великаго герцога баденскаго. Помѣщенный въ этомъ письмѣ разсказъ, по увѣренію автора, содержитъ тайную исторію конгресса. Не знаемъ, справедливъ ли онъ, но всѣ единогласно признаютъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣлъ. Впрочемъ, онъ косвеннымъ образомъ подтверждается офиціознымъ журналомъ господина Друэнъ-де Люиса,

Mémorial Diplomatique, который до сихъ поръ былъ преданъ Австріи. Этотъ журналъ дѣйствительно объявляетъ, что Россія и Пруссія тономъ самого нѣжнаго участія увѣряли Францію, что онѣ въ качествѣ друзей ея считаютъ своимъ долгомъ указать ей на опасности, какія для нея скрываются въ австрійскомъ проэктѣ, и конфиденціально сообщить ей, что вѣнскій кабинетъ въ отношеніи къ ней питаетъ самыя злыя намѣренія. Вотъ что, по увѣренію Courrier du Dimanche, Францъ Іосифъ на тайныхъ конференціяхъ говорилъ германскимъ государямъ:

«Вы знаете, что идея о единствѣ овладѣла германскимъ народомъ. Въ этомъ единствѣ, осуществится ли оно Пруссіей или демократіей, заключается ваша погибель. Одна Австрія—дѣйствительно консервативная держава. Она—ваша естественная союзница противъ Пруссіи и противъ демократіи. Воспользуемся настоящей минутой, когда правительство прусское лишилось народной симпатіи; нанесемъ ударъ его могуществу и сдѣлаемъ разныя обманчивыя уступки демократіи, которыя будутъ слѣдствіемъ ея паденія».

До сихъ поръ все шло хорошо и государи вполнѣ были согласны съ австрійскимъ императоромъ. Но вотъ Францу Іосифу вздумалось имѣть особыя тайныя совѣщанія съ католическими государями, и государи протестантскіе весьма естественно вывели изъ этого заключеніе, что Австрія намѣрена ихъ обмануть такъ же, какъ и демократію. Впрочемъ, Австрія не совсѣмъ успѣла скрыть свои замыслы, требуя въ проэктѣ реформы, чтобы *вопросы религіозные*, по прежнему, рѣшались единогласно Такимъ образомъ, простое большинство голосовъ признавалось (сначала) достаточнымъ для объявленія войны, но не для рѣшенія дѣлъ, касающихся религіи. Австрійскій императоръ увѣрялъ, что Франція не будетъ препятствовать войнѣ противъ Италіи въ пользу папы и даже въ пользу Франциска II, и что поэтому настала благопріятная минута для того, чтобы соединившись подъ знаменемъ германскаго единства, возвратить то, что было утрачено. Если этому воспротивится Пруссія, то ее надо будетъ разбить.

Къ несчастію, извѣстіе о томъ, что происходило на этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ, сообщено было Пруссіи, которая, съ своей стороны, поспѣшила передать его въ Парижъ и Петербургъ. Эта по-

вость возбудила страшное негодованіе въ тюильрійскомъ кабинетѣ и большую радость въ петербургскомъ.

Было бы весьма легко и пріятно разсуждать здѣсь о томъ, какіе виды въ будущемъ открываются этими событіями для Европы, но еще благоразумнѣе отложить подобныя разсужденія до того времени, когда представятся факты болѣе положительные для ихъ подтвержденія.

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пѣтушиный бой двухъ московскихъ редакторовъ.—Полемика нашихъ почвенниковъ съ г. Катковымъ.— Г. Страховъ въ роли крѣпостнаго бурмистра передъ редакторомъ «Русскаго Вѣстника». — Почвенники по недоразумѣнію поражаютъ *своихъ*. — Убѣжденія и любовь славянофиловъ къ народу. — Унисонъ мнѣній г. Аксакова и г. Каткова. — Значеніе журналиста нашего времени. — Измѣнилъ-ли дѣйствительно г. Катковъ своимъ убѣжденіямъ. — Примѣненіе женскаго труда къ типографскому дѣлу и притязанія на славу этого примѣненія редакцій «Сѣвер. Пчелы». Значеніе нашего народнаго труда.—Могутъ-ли быть женщины типографскими наборщиками.—Неудавшіеся опыты въ этомъ родѣ.— Женщины-медики, женщины самодуры.—Шайка воровъ открытая петербургскою полиціей.—Связь воровства какъ общественнаго явленія съ бѣдностью.

Оканчивая свою лѣтопись въ прошломъ мѣсяцѣ, я выразилъ надежду, что настоящій мѣсяцъ представитъ намъ больше интереса во внутреннихъ событіяхъ и тѣмъ оживитъ неблагодарный трудъ лѣтописца. Я думалъ, что по мѣрѣ того, какъ тревожный призракъ войны изчезаетъ передъ нашими глазами, домашняя наша дѣятельность сосредоточится въ себѣ и прибавитъ прыти; я былъ до ребяческой наивности убѣжденъ, что еслибъ хоть десятая доля изъ ходячихъ слуховъ и ожиданій осуществилась въ нашемъ обществѣ, то его можно было бы поздравить съ самымъ лакомымъ блюдомъ, послѣ долговременнаго сухоѣденія. Но увы! и на этотъ разъ ничего великаго не случилось. Даже генеральное сраженіе, данное въ Москвѣ г. Аксаковымъ вкупѣ съ г. Самаринымъ г. Каткову, рѣшительно не удалось, и названо редакторомъ «Дня» *пѣтушинымъ боемъ*. Хотя

г. Аксаковъ и увѣряетъ, что онъ не доставитъ удовольствія нѣкоторой части публики присутствовать съ злорадствомъ на пѣтушиномъ бою между двумя московскими редакторами, но все-таки онъ это удовольствіе доставилъ. Пѣтушиный бой произвелъ свое дѣйствіе и удостоился особенной статьи въ «Библіотекѣ для чтенія». Въ этой статьѣ, озаглавленной «Нѣчто о Русскомъ Вѣстникѣ», повторяется другими словами то же самое, что сказалъ г. Самаринъ въ 36 № «Дня» о томъ же «Рус. Вѣстникѣ», но *нѣкто*, написавшій это *нѣчто*, очевидно старается примирить пѣтушиный бой и успокоить публику. Къ сожалѣнію, поздно; вниманіе зрителей уже раздражено, и мнѣ, какъ его послѣдователю, приходится поискать причины этого достославнаго боя.

От такой куриной литературы, въ которой еще даются пѣтушиные бои, нельзя требовать серьезныхъ мотивовъ литературной полемики. По Сенькѣ—шапка, говоритъ пословица; и если мы отыщемъ хоть крошечныя побужденія, подавшія поводъ къ печальному столкновенію двухъ журнальныхъ близнецовъ, то почтемъ себя совершенно счастливыми. Чтобы быть послѣдовательными и болѣе ясными, намъ необходимо коснуться самого начала дѣла. Извѣстно, что «Роковой вопросъ» далъ случай г. Каткову высказаться насчетъ нашихъ почвенниковъ, и высказаться такъ, какъ по мнѣнію г. Самарина, въ эпоху блаженной памяти крѣпостного права высказывался баринъ передъ своимъ бурмистромъ. «Бывало, говоритъ сотрудникъ «Дня», крѣпостной бурмистръ, не совсѣмъ точно исполнившій барскій приказъ, стоитъ передъ раздраженнымъ помѣщикомъ и оправдывается: «осмѣлюсь доложить вашей милости, я думаю, что такъ будетъ лучше». А баринъ вскакивалъ со стула и кричалъ на него, обращаясь къ своему сосѣду: «прошу покорно, онъ *думалъ!* И онъ туда же—вздумалъ думать! А кто тебѣ велитъ думать? А? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нынче всѣ хотятъ думать и т. д. Бурмистръ, разумѣется, молчалъ и только вздыхалъ». (День № 36), Въ этомъ сравненіи роль подначальнаго бурмистра приходится на долю г. Страхова. Его всепокорнѣйшее письмо, исполненное смиренія и раскаянія, искавшее помилованія и покровительства у журнальнаго барина, послужило поводомъ къ пѣтушиному бою московскихъ редакторовъ. Больнѣе всѣхъ въ этомъ бою досталось самому г. Стра-

хову; во-первыхъ, онъ получилъ вмѣсто великодушнаго отвѣта такое наставленіе, какимъ удостоиваютъ только бурмистровъ; во-вторыхъ, онъ поссорилъ чуть не однокашниковъ, и тѣмъ могъ произвести расколъ въ нашей литературѣ, котораго симптомы уже обнаружились; въ-третьихъ, г. Страховъ, во всемъ этомъ дѣлѣ, оказался лежачимъ и битымъ, даже противъ русской пословицы... Хоть ему и не привыкать стать садиться между двумя стульями, но въ настоящемъ случаѣ онъ сѣлъ такъ неосторожно, что вѣроятно долго не залечитъ своего ушиба. И по дѣломъ ему! Не спросясь броду, не суйся въ воду, гласитъ почвенная философія. Но еслибъ пораженіе ограничилось однимъ г. Страховымъ, то нечего было бы и поднимать пѣтушиный бой. Къ вящему огорченію всѣхъ почвенниковъ, въ лицѣ ихъ отступника г. Катковъ изобидѣлъ всю почву, и ту, на которой пасется г. Ап. Григорьевъ, и ту, которую удобряетъ г. Аксаковъ съ компаніей, и ту, которую воздѣлываетъ г. Дудышкинъ—одинъ, безъ компаніи. Вотъ какъ отставной професссоръ психологіи отнесся ко всѣмъ этимъ почвамъ: «Увы! мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что всѣ эти модные у насъ толки о народности, о коренныхъ началахъ, о почвѣ и т. п., не обращаютъ мысль ни къ народности, ни къ кореннымъ началамъ, не приводятъ ее къ чему нибудь дѣльному, а напротивъ еще пуще уносятъ ее въ туманъ и пустоту». И далѣе: «Народныя начала! Коренныя основы! А что такое эти начала? Что такое эти основы? Гдѣ ихъ взять? Что за звѣрь эти начала и эти основы? Представляется ли вамъ, господа, что нибудь совершенно ясное при этихъ словахъ? Какъ скоро вы, по совѣсти, должны сознаться, что при этихъ и подобныхъ словахъ, въ головѣ вашей не рождается столь же ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, какъ при имени хорошо извѣстнаго вамъ предмета, то бросьте эти слова, не употребляйте ихъ и заткните уши, когда васъ будутъ подчивать ими... Оттого, продолжаетъ баринъ выговаривать своимъ бурмистрамъ:—существующее вокругъ насъ темно, черно, лишено для насъ смысла, а мысли наши пусты, ни къ чему непригодны и бездѣльны. Оттого мы все и тянемся куда-то, чего-то все ищемъ; оттого мы и пророки и благовѣстители, и въ то же время большая дрянь во всѣхъ отношеніяхъ». (Русск. Вѣстн. 1863 г. № 5. По поводу статьи: Роковой вопросъ).

Ну что, господа почвенники, какъ вы чувствуете себя послѣ этого

выговора? Что вы почувствовали себя не хорошо, это видно изъ вашихъ полемическихъ статей, съ разныхъ сторонъ посыпавшихся противъ «Русскаго Вѣстника»; каждый изъ васъ почелъ непремѣннымъ долгомъ обидѣться барскимъ нравоученіемъ и его помѣщичьимъ тономъ. Я не знаю, чѣмъ разразился г. Ап. Григорьевъ, потому что не читаю той обложки, въ которой разсылаются ноты и которую г. Стелловскій даетъ публикѣ подъ именемъ какого-то журнала; думаю только, что если г. Ап. Григорьевъ воздержался отъ брани, то единственно потому, что былъ объятъ въ это время вдохновеніемъ, извѣстнымъ въ медицинѣ подъ названіемъ delirium tremens или потому, что онъ еще не пророкъ и благовѣститель, а просто исправляющій должность чревовѣщателя въ нотномъ магазинѣ г. Стелловскаго. За то гг. Аксаковъ, Самаринъ, Дудышкинъ и — малъ бѣхъ изъ братій, г. Боборыкинъ—подняли единодушное ополченіе противъ г. Каткова. Намъ интересно свести къ общему итогу ихъ обвинительные пункты, потому что, какъ бы ни были мелки результаты пѣтушинаго боя, но они все-таки бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на литературную дѣятельность нашихъ куръ и пѣтуховъ.

Главное обвиненіе, представленное нашими почвенниками, противъ г. Каткова заключается въ томъ, что *убѣжденія* его измѣняются чуть не каждый день, что нынѣшній Катковъ вовсе не походитъ на вчерашняго, что онъ, какъ жаръ-птица, одѣвается въ разныя перья, смотря по вѣтру и погодѣ. «Г. Катковъ, говорятъ «Отечественныя Записки», не могъ не понимать, что онъ въ главныхъ чертахъ ученія перешелъ на сторону г. Аксакова, своего прежняго врага». А между тѣмъ г. Аксаковъ прямо указываетъ на *коренное разномысліе* съ своимъ соперникомъ и обличаетъ его — въ чемъ бы вы думали?—въ «безцеремонномъ искаженіи истины и въ недостойномъ извращеніи своихъ мнѣній». Этого мало; г. Самаринъ выводитъ на свѣжую воду новый взглядъ г. Каткова на конституціонную форму правленія. Этотъ взглядъ выраженъ въ слѣдующемъ видѣ: «Всѣ европейскія государства народились въ конституціи... Откидывая въ сторону всѣ смутныя представленія, всю эту внѣшнюю обстановку, которая соединяется съ значеніемъ этого слова, мы получимъ въ остаткѣ понятіе, на которомъ болѣе или менѣе сходятся разные люди, какъ на самомъ существенномъ смыслѣ его. Это понятіе есть

договоръ или контрактъ между верховною властью страны и народомъ. Въ такомъ договорѣ или контрактѣ, и поклонники и порицатели такъ называемаго конституціоннаго устройства готовы видѣть главное значеніе конституціоннаго порядка, хотя до сихъ поръ не находится нотаріуса, который могъ бы скрѣпить этотъ актъ, и не оказывается судилища, которое могло бы гарантировать его силу... Теорія общественнаго контракта и договорнаго начала въ организаціи государствъ есть одна изъ фикцій, которыми такъ обильно было прошлое столѣтіе... И въ самомъ дѣлѣ, не явное ли безсиліе въ этихъ попыткахъ основать отношеніе между верховною властью и народомъ на договорѣ или кантрактѣ? Не *явная ли ложь* въ этомъ искусственномъ разъединеніи двухъ силъ, которыя въ дѣйствительности неразрывно соединены между собою? Не явное ли зло въ этомъ организованномъ недовѣріи между верховною властью, которая ничего не значитъ безъ народа, и народомъ, который ничего не значитъ безъ верховной власти?» и т. д. Порѣшивъ, что конституціонное правленіе, въ собственномъ его смыслѣ, есть явная ложь, г. Катковъ продолжаетъ: «Страна, призванная къ великой исторической жизни, Россія, имѣетъ свой оригинальный типъ и свойственный ей ритмъ развитія... Основная черта этого типа, который выработанъ Россіею и отъ котораго Россія не можетъ отречься, есть довѣріе между верховною властью и народомъ»... Каковъ бы ни былъ ритмъ нашего развитія, но г. Самарину показалось страннымъ, что та же англійская конституція, которая прежде выглядывала изъ всѣхъ щелей «Русскаго Вѣстника», теперь называется явною ложью; что такое, повидимому, самоотреченіе есть актъ довольно смѣлой воли... Впрочемъ г. Самаринъ, не смотря на коренное разномысліе съ г. Катковымъ, питаетъ надежду, что современемъ они сойдутся на одной тропинкѣ, на одномъ ритмѣ нашего развитія, и потому совѣтуетъ не плевать въ колодезь, изъ котораго рано или поздно придется напиться.

Въ чемъ же, спрашивается, ваше *коренное разномысліе*? Изъ-за чего вы затѣяли пѣтушиный бой, когда ваши воззрѣнія и ваши антипатіи представляютъ такой ритмъ, какого никогда не слыхивала русская публика? Подумайте хорошенько, не увлекайтесь фразами, и вы увидите, что ваша война лучше всякаго мира. Вся разница

между вами, почвенниками, и г. Катковымъ въ томъ, что онъ не любитъ играть въ отвлеченныя жмурки, не лезетъ изъ кожи, чтобы доказывать какую нибудь мысль, въ которой ни одна человѣческая голова не можетъ отыскать ни одной крупинки здраваго смысла. Онъ расходится съ вами вовсе не изъ-за почвы, а изъ-за того, что вы не умѣете говорить простымъ и яснымъ языкомъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ и, не давая себѣ отчета въ вашемъ словоизверженіи, прикидываетесь пророками и чревовѣщателями—нарочно, чтобъ никто васъ не понялъ. Для этого вы придумали какое-то особенное нарѣчіе, съ особенной терминологіей которую употребляли только древніе оракулы да нынѣшнія кликуши... Когда вы заговорите о вашей почвѣ, о гниломъ западѣ, о презрѣнныхъ матеріалистахъ, то вы сами не знаете, что сочится изъ вашихъ устъ и для чего все это сочится. Въ самомъ дѣлѣ, укажите хоть на одну страницу изъ вашихъ писаній, гдѣ бы, напримѣръ, говорилось ясно и убѣдительно о сближеніи съ народомъ и о тѣхъ средствахъ, которыя, по вашему мнѣнію, могутъ привести къ этому сближенію. Вы постоянно повторяете о самобытномъ развитіи, о самобытной цивилизаціи, наукѣ, даже о самобытныхъ розгахъ, но сказали ли вы гдѣ нибудь просто и вразумительно, что же это такое за самобытное развитіе и коренная цивилизація? Вы кстати и не кстати обращаетесь къ исторіи, ссылаетесь на ея мертвые примѣры, ищете тамъ подтвержденія вашимъ призракамъ, но никогда не удалось вамъ разъяснить вашей же собственной почвы. Пріемы вашей школы всякому извѣстны: чтобы прикрыть пустоту мысли и увернуться отъ ясной постановки вопроса, вы начинаете морочить читателя метафорами, антитезами и напускаете на него такую тучу краснорѣчія, что у него поневолѣ затрещитъ въ головѣ, зазвенитъ въ ушахъ и перепутаются послѣднія толковыя понятія. Отчего бы вамъ не говорить просто и удобопонятно, когда вы хорошо знаете, о чемъ вы говорите? Отчего бы вамъ не выяснить ваши *начала*, о которыхъ вы со времени Бурачка твердите всѣмъ и каждому одними общими мѣстами? Если ваше ученіе, — назовите его какъ хотите, — дѣйствительно не мертвичина, не праздная потѣха словъ, то почему же оно не подвигается впередъ и не допускаетъ прогресса въ критическомъ анализѣ? У васъ подъ ногами нѣтъ ничего осязательнаго, ничего такого, что подлежало бы трезвому наблюденію, а вы толкуете о какой-

то почвѣ. Вы сочинили ее въ вашемъ досужемъ воображенiи и носитесь съ нею, какъ дѣти съ любимой куклой. Для васъ формализмъ вашего ученiя имѣетъ гораздо больше значенiя, чѣмъ для тѣхъ цивилизаторовъ, которыхъ повидимому, вы ужасно не любите. Вамъ конечно было бы смѣшно, еслибъ химикъ, желая показать истинность своего знанiя, сталъ бы обвѣшивать себя колбами, ретортами и вмѣсто сапоговъ носилъ бы какiе нибудь стеклянные колпаки. Но развѣ вы не то же дѣлаете, одѣваясь, въ силу вашихъ *убѣжденiй* въ рубашку съ красной подоплекой и въ длиннополый армякъ? Никто не сталъ бы оспаривать у васъ личнаго вкуса и свободнаго выбора въ костюмѣ, еслибъ вы не придавали ему особеннаго значенiя и не рисовались въ немъ въ отличiе отъ другихъ. Эта ребяческая замашка прямо показываетъ, что вы, за неимѣнiемъ дѣльнаго содержанiя въ вашемъ ученiи, набрасываетесь на внѣшнiя формы и считаете ихъ символомъ своеобразности вашихъ нравственныхъ началъ. Такая уловка была простительна египетскимъ жрецамъ и средневѣковымъ филистерамъ, искавшимъ наружнаго отличiя въ глазахъ невѣжественной массы, которую они надували своимъ шарлатанствомъ, а вы передъ кѣмъ рисуетесь въ вашихъ подоплекахъ, среди бѣлаго дня, въ половинѣ XIX вѣка? Еслибъ у васъ были дѣйствительныя убѣжденiя и ясныя цѣли, не стали бы вы упражняться въ одной пустозвонной дiалектикѣ и не уклонялись бы отъ анализа воспѣваемыхъ вами предметовъ. Посмотрите, въ какомъ жалкомъ видѣ возвращаетесь вы съ пѣтушинаго боя — съ ощипанными крыльями и съ помятыми гребешками. А отчего это? Оттого, разумѣется, что вамъ нечѣмъ было защищать себя. Вамъ говорятъ, что вы презираете народъ, что ваши подогрѣтыя симпатiи къ нему хуже всякой искренней ненависти, а вы оправдываетесь тѣмъ, что никто этому не повѣритъ, что всему-де мiру извѣстно, какъ мы въ своихъ подоплекахъ распинаемся за православное крестьянство. Да развѣ такъ полемизируютъ? Развѣ увертываются подъ общими фразами отъ такихъ вопросовъ? Если вы дѣйствительно любите народъ и желаете ему блага, то покажите же намъ, какъ выражается ваша любовь, на чемъ она основывается и что вы доселѣ сдѣлали для народа? И Булгаринъ въ свое время утверждалъ, что онъ пламенно любитъ Россiю, неусыпно радѣетъ о ея благоденствiи, и было не мало простаковъ, которые вѣрили на

слово и помогали ему набивать карманъ во имя этихъ іудиныхъ лобзаній. Нѣтъ, любезные почвенники, вы не отвертитесь на однихъ словахъ отъ строгого допроса, который вамъ готовится въ будущемъ; время раскроетъ, что за вами нѣтъ ни одного дѣла, которое бы доказывало, что вы дѣйствительно любите народъ; болтовня же ваша о почвѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что вы презираете, по крайней мѣрѣ, ту часть публики, которую угощаете вашимъ діалектическимъ вздоромъ.

И противъ той же діалектики вы вооружаетесь на «Русскій Вѣстникъ». Будучи совершенно согласны съ нимъ въ общемъ направленіи, вы согласны и въ его подробностяхъ. Такъ, г. Катковъ не терпитъ нигилистовъ и не можетъ сѣсть за обѣдъ, чтобъ не отплюнуться при одномъ воспоминаніи о нихъ; въ каждомъ № «Московскихъ Вѣдомостей» можно встрѣтить какую нибудь тираду противъ этого злого сѣмени; заговоритъ ли онъ о кабардинскихъ герояхъ или о польскихъ хлопахъ, изъ подъ пера его невольно вырывается желчный плачъ о погибшихъ нигилистахъ. Называя ихъ дрянью, гнилью, мерзостью и тому подобными нѣжно-родительскими именами, онъ однакожъ такъ занятъ этой дрянью и гнилью, что спитъ и видитъ передъ собой нигилистовъ; нота раздраженія его переходитъ въ высокій тонъ, когда онъ коснется этой неотвязчивой темы. Желая какъ можно придать на словахъ вѣса этимъ мальчишкамъ, онъ на самомъ дѣлѣ только и думаетъ о нихъ, какъ будто они отняли у него доброе имя или состояніе. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что ни въ какой литературѣ (какъ въ нашей) не появляется на свѣтъ относительно такъ много всякой мерзости». И слово *мерзость* здѣсь вставлено единственно потому, что строкою выше упоминается о романѣ Чернышевскаго. На такія милыя замѣтки, разумѣется, отвѣчать нечего; отъ нихъ только можно утираться или отмахиваться... Еслибъ въ этомъ мѣщанскомъ негодованіи г. Катковъ хоть на одну минуту могъ забыть свою личность и перейдти къ спору о самихъ мнѣніяхъ, то онъ безъ сомнѣнія давно высказался бы прямо и опредѣленно; но доселѣ онъ не сдѣлалъ ни одного серьезнаго возраженія своимъ противникамъ, не потрудился даже провѣрить ихъ со стороны существующаго факта, а коротко и безъ всякой аппеляціи клеймитъ ихъ всевозможными эпитетами, какіе рѣдко слышутся да-

же на площадяхъ. Наконецъ-то погребли, восклицаетъ онъ, эту падаль; наконецъ-то выкурили эту чуму и очистили лазареты нашего общества отъ этой проказы! — и далѣе въ томъ же родѣ. А между тѣмъ отъ этой проказы у него продолжаютъ разгораться глаза и кувыркаются предметы, какъ попало. Все это понятно впрочемъ въ г. Катковѣ; но мы не понимаемъ, какъ г. Аксаковъ, повидимому недовольный этими галлюцинаціями ученаго мужа, самъ пускается въ трепака отъ молодого поколѣнія. Онъ также открылъ какихъ-то шестнадцати лѣтнихъ «прожектеровъ и реформаторовъ» и сравниваетъ ихъ съ насѣкомыми, отъ которыхъ народъ даже не почешетъ того мѣста, гдѣ они у него сядутъ... Вся разница и въ этомъ случаѣ между г. Катковымъ и г. Аксаковымъ резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: первый говоритъ — я презираю, но побаиваюсь нигилистовъ, а второй — я презираю и не боюсь ихъ. Слѣдовательно сущность взгляда остается та же. Правда, редакторъ «Дня» не одобряетъ вновь явившейся привычки нѣкоторыхъ газетокъ писать разныя донесенія — публикѣ противъ своихъ оппонентовъ, но смотришь — черезъ нѣсколько строкъ это неодобреніе превращается въ фактическое одобреніе. И здѣсь тѣ же голословныя тирады, то же неуваженіе къ мнѣнію, та же полемика кулака, приправленная разными крѣпкими словами. Къ сожалѣнію, брань не убѣждаетъ, а слова ничего не разъясняютъ, и дѣло остается на прежнемъ основаніи. Не уступаетъ И. С. Аксаковъ М. Н. Каткову и въ презрѣніи къ петербургской литературѣ вообще. Этотъ антагонизмъ, конечно, старый, вытекающій изъ традицій Москвы и Петербурга, но г. Катковъ придаетъ ему опять свое личное значеніе. Онъ думаетъ, что вся петербургская журналистика согласилась вести подкопъ подъ его честь, славу и благосостояніе. «Современная Лѣтопись» утверждаетъ, что если заподозрили «Русскій Вѣстникъ» въ измѣненіи убѣжденій, то все это случилось благодаря выдумкамъ петербургскихъ газетъ. Г. Аксаковъ идетъ еще дальше; все, что не носитъ подоплеки и не раздѣляетъ діалектическихъ прелестей «Дня», признается у него нѣмецкою ложью, испоконъ вѣка обреченною гееннѣ. Совѣтуя въ 31 № «Дня» дать «большій просторъ русской мысли и русскому слову, онъ выражается такъ: «это послѣднее обстоятельство мы считаемъ для насъ не менѣе важнымъ, какъ и отстраненіе западной интервенціи въ дѣла Польши, и твердо убѣждены, что

безъ него не разрѣшить намъ отнынѣ никакого вопроса, ни внѣшняго, ни общественнаго внутренняго. И это не потому, *чтобъ слѣдовало ожидать отъ литературы или журналистики непремѣнно полезныхъ указаній или совѣтовъ*, а потому, что законный просторъ, предоставленный и упроченный мысли и слову, будетъ служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ благотворномъ измѣненіи той системы, которой первая поруха учинена великимъ актомъ 19 февраля 1861 года». Кто обратитъ вниманіе на послѣднюю антитезу оратора, тотъ легко догадается, что изъ нея подъ трескомъ словъ совершенно улетучился логическій смыслъ. Переводя ее на простой человѣческій языкъ, мы должны понимать ее такъ: «отъ литературы нечего ждать полезныхъ совѣтовъ; впрочемъ она очень полезна». А ужъ почему замѣшались тутъ эти *не потому*, а *потому* — одинъ Богъ вѣдаетъ. При всемъ томъ мысль г. Аксакова видна: онъ считаетъ всю литературу — этотъ единственный живой органъ общественной мысли — за какую-то нелѣпую болтовню, отъ которой не слѣдуетъ требовать ни полезныхъ совѣтовъ, ни указаній. Само собою разумѣется, что это относится къ петербургской литературѣ, въ которой только одинъ Аскоченскій — и то выродокъ славянофильства — представляетъ собою нѣкоторую нравственную связь съ московскими публицистами. Что же касается до той литературы, которую сочиняетъ самъ И. С. Аксаковъ, то отъ нея можно ожидать всего, чего даже не снилось нашимъ отцамъ. Долго намъ пришлось бы проводить паралель между гг. Катковымъ и Аксаковымъ, но въ концѣ концевъ мы все-таки пришли бы къ тому же результату, что напрасно московскіе редакторы затѣяли пѣтушиный бой; трудно вообразить болѣе стройный унисонъ, какой мы находимъ въ ихъ о ганахъ. Очевидно, что куриное состязаніе произошло отъ недоразумѣнія.

Между тѣмъ это недоразумѣніе повело къ несправедливому обличенію человѣка въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Легко сказать — измѣна убѣжденіямъ! И кто же это говоритъ? — такіе же почвенники, какъ самъ подсудимый. Мы нисколько не были бы удивлены, еслибъ такой жестокій упрекъ былъ сдѣланъ людьми, дѣйствительно далекими по своему образу мыслей отъ г. Каткова, но надѣемся, что эти люди никогда не упрекнутъ его ни въ какомъ измѣненіи, по той

простой причинѣ, что нечему было измѣняться. Когда г. Катковъ говоритъ, что онъ вовсе не думалъ отступаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній, то этому надо вѣрить. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что человѣкъ, ищущій *истины*, не станетъ стѣсняться своими старыми мнѣніями и когда обстоятельства (т. е. попутный вѣтеръ) принесутъ истину съ другой стороны, то онъ пожертвуетъ ей своими прежними убѣжденіями. Если «Рус. Вѣстникъ» допускаетъ въ себѣ такую эластичность умственной дѣятельности, такую чистоту литературной совѣсти, то о какихъ же еще убѣжденіяхъ разглагольствовать нашимъ почвенникамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что можно измѣнять мнѣнія, вкусы, предположенія и гипотезы, но нельзя измѣнять убѣжденій. Убѣжденіе захватываетъ всю нравственную жизнь человѣка, вытекаетъ изъ всѣхъ его намѣреній, побужденій и дѣйствій; оно вырабатывается тяжелыми опытами дѣйствительной жизни и напряженной работой мысли; въ него, какъ въ общую сумму, сливаются всѣ наши наблюденія, изысканія и идеи. Нѣтъ никакой возможности прослѣдить, какъ оно зарождается и зрѣетъ, но если оно такъ или иначе образовалось и проникло въ душу человѣка, тогда съ нимъ уже болѣе не разстаются, и никакой попутный вѣтеръ, никакая заѣзжая истина не могутъ измѣнить его.... Оно также неразрывно съ существованіемъ его обладателя, какъ самая жизнь. Лишенія, препятствія, гоненія, огонь и веревка—ничто не можетъ сломить или разочаровать его; напротивъ, ксякое благопріятное обстоятельство возбуждаетъ его силу и увеличиваетъ энергію, и всякое препятствіе закаляетъ его въ собственномъ его достоинствѣ. Убѣжденіе предполагаетъ такое единство мысли, такую гармонію дѣйствій, что вліяніе его отражается во всѣхъ движеніяхъ человѣческой воли и ума. Оно не имѣетъ надобности отличать себя подоплекой или англійскою кепи, потому что ясно сознаетъ свое внутреннее значеніе. Люди съ убѣжденіемъ, обыкновенно, не гоняются за мнѣніемъ большинства, не доятъ его, какъ корову, а большею частію идутъ въ разрѣзъ съ понятіями своего времени и съ предразсудками общества; они не любятъ рисоваться на эстрадахъ передъ толпой, а стоятъ уединенно и работаютъ съ полнымъ сознаніемъ, что только будущее поколѣніе оцѣнитъ ихъ трудъ и отдастъ имъ справедливость. Такія убѣжденія, конечно, рѣдки, но сильныя умственныя натуры, которымъ свойственны убѣжденія, также встрѣ-

чаются не часто. Къ сожалѣнію, на современномъ языкѣ нашей литературы всякій сбродъ мнѣній принято называть убѣжденіемъ; поэтому мы часто споримъ объ убѣжденіяхъ такихъ людей, у которыхъ никогда ихъ не было и которымъ совершенно легко мѣнять свои заемныя мнѣнія хоть каждый день, хоть каждый часъ. Кто способенъ видѣть дальше словъ и риторическихъ періодовъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что въ дѣятельности г. Каткова никогда не было строгихъ убѣжденій. Если онъ обнаруживалъ особенныя симпатіи къ англійской конституціи, законности, самоуправленію и тому подобнымъ терминамъ, то эти симпатіи останавливались на одной внѣшней или формальной сторонѣ дѣла. Можно собрать цѣлый коробъ такихъ словъ и распоряжаться ими сообразно какимъ угодно обстоятельствамъ. Нынче можно сказать, что *законность* въ обширномъ смыслѣ надо понимать такъ, а завтра въ тѣсномъ смыслѣ можно понимать ее эдакъ; что самоуправленіе въ англійскомъ вкусѣ должно быть такое-то, а въ русскомъ совсѣмъ другое; однимъ словомъ, можно перекидывать карты по всѣмъ правиламъ искуснаго игрока. Мимоходомъ замѣтимъ, что люди нашего времени, остановившіеся въ своемъ развитіи на однѣхъ политическихъ формахъ, не имѣютъ убѣжденій; у нихъ есть тѣ или другія мнѣнія, то или другое стремленіе, тотъ или другой нравственный закалъ, но все это еще далеко отъ убѣжденій. Въ этомъ отношеніи англійскій парламентъ представляетъ намъ прелюбопытные образчики; тамъ часто можно видѣть, что государственный человѣкъ, вчера защищавшій свободу негровъ, сегодня опрокидывается противъ самаго себя и защищаетъ свободу плантаторовъ. Такой почтенный министръ, какъ Пальмерстонъ, мѣняетъ свои мнѣнія гораздо чаще, чѣмъ куафюру, и никто не думаетъ упрекать его въ измѣнѣ убѣжденіямъ. «Русскій Вѣстникъ» никогда не шелъ далѣе политическихъ формъ, и то готовыхъ и уже разработанныхъ опытомъ другого народа; замкнувшись въ эту формальную рутину, онъ самъ наконецъ увидѣлъ, что ходить на одномъ канатѣ долѣе нельзя, иначе перетрется и лопнетъ, и онъ рѣшился свернуть въ ту или другую сторону. А свернуть было не мудрено, потому что мнѣнія его были всегда удоборастяжимы и въ обширномъ смыслѣ также хорошо прилагались къ черному, какъ въ тѣсномъ смыслѣ—къ бѣлому. И вотъ онъ свернулъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго ущерба своему прежнему

profession de foi. Переставлены только пѣшки, а игра продолжается та же самая. Слѣдовательно почвенники, обвиняя г. Каткова въ измѣненіи убѣжденій, попали въ совершенный просакъ и растратили свои боевые патроны рѣшительно даромъ. Кромѣ того, по свойственной имъ сырости ума, они не сообразили еще одного важнаго обстоятельства. Г. Катковъ, какъ человѣкъ практическій, дорожитъ своимъ призваніемъ журналиста. А передъ журналистомъ лежатъ двѣ дороги: — онъ или создаетъ себѣ мнѣніе въ обществѣ силой своего вліянія или, пользуясь готовымъ, какое есть въ наличности, слѣдуетъ за нимъ съ рабской угодливостію. Въ первомъ случаѣ журналистъ становится въ неизбѣжную оппозицію съ тупыми инстинктами массы и реформируетъ ея устарѣвшія понятія; ему нѣтъ надобности до того, что думаетъ большинство, въ какую минуту и какое чувство преобладаетъ въ немъ; онъ не желаетъ льстить ему и не унижается до кувырканія подъ чужую дудку; у него есть своя руководящая идея, которая овладѣваетъ всей его дѣятельностію и всѣми воззрѣніями. Кругъ читателей такого органа ни въ одномъ европейскомъ обществѣ не можетъ быть великъ, потому что хорошее умственное развитіе вездѣ составляетъ самую ничтожную долю сравнительно съ глубокимъ невѣжествомъ. Поэтому лучшіе органы въ европейской журналистикѣ далеко не пользуются той популярностью, которую можно было бы признать за ними соотвѣтственно ихъ внутреннему достоинству. Во второмъ случаѣ, когда журналистъ идетъ вслѣдъ за готовымъ общественнымъ мнѣніемъ, шевелитъ разными страстишками массы, сторожитъ за ея минутными вспышками и капризами, дѣятельность его походитъ на дѣятельность кормчаго, слѣдящаго за направленіемъ вѣтра. Здѣсь главная способность журналиста должна состоять въ умѣньи пользоваться чисто-внѣшними обстоятельствами, примѣняться къ нимъ съ ловкостью акробата и быть постоянно готовымъ измѣнять свои мнѣнія. Убѣжденію здѣсь нѣтъ мѣста; оно было бы несчастіемъ для такого дѣятеля. Всякая новизна и оригинальность идеи, недоступныя пониманію большинства, были бы наказаніемъ для этого органа; напротивъ, чѣмъ лучше онъ потворствуетъ предразсудкамъ и унижается до ихъ уровня, тѣмъ больше вербуетъ себѣ изъ толпы читателей и почитателей. Каждый изъ нихъ остается очень доволенъ тѣмъ, что находитъ въ печатномъ словѣ откликъ на свои собственныя соображенія и инстинкты. «Вотъ и самъ я думалъ такъ,

говоритъ онъ: — вотъ это точь-вточь мои мысли и мои желанія.»

Разумѣется, это льститъ самолюбію читателя, облегчаетъ его пищеварительный снарядъ, и онъ сладкимъ сномъ засыпаетъ надъ страницами любимой газеты. Поэтому весь секретъ успѣха и популярности такого органа, какъ Times, заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше нравиться большинству, хотя бы на сторонѣ его не было ни одной здравой или справедливой идеи. Когда онъ замѣчаетъ, что такъ называемое общественное мнѣніе поворачиваетъ влѣво, а онъ идетъ вправо, тогда направленіе его немедленно измѣняется, и сегоднѣшніе его взгляды на тотъ же предметъ вовсе не походятъ на вчерашніе. Ясно, что такому журналисту убѣжденія не годятся и нравственное достоинство идеи не имѣетъ особенной важности. Но чѣмъ меньше значитъ для него самая мысль, тѣмъ больше онъ дорожитъ наглядными эффектами. Ему необходимы яркіе образы, громкія фразы, торжественные приступы, восклицанія и вопрошенія, удивленія и контрасты. Вся эта схоластическая плѣсень служитъ точно такой же приправой литературнаго органа, какъ лукъ, перецъ и имбирь въ простонародномъ блюдѣ. Все это наркотически дѣйствуетъ на нервы и воображеніе толпы, раздражаетъ ея праздное любопытство, и любители послѣобѣденнаго чтенія охотно услаждаютъ себя этимъ вкуснымъ винигретомъ.

Какъ журналистъ, г. Катковъ превосходно понимаетъ, что значитъ искать истины сообразно обстоятельствамъ. Плавая въ золотой серединѣ, онъ никогда не позволялъ себѣ никакихъ увлеченій; съ тактомъ истаго англомана, онъ крѣпко держится практической сноровки, и въ одно время ведетъ три изданія если не съ одинаковымъ успѣхомъ, то съ одинаковымъ желаніемъ истины, вытекающей изъ обстоятельствъ. Поэтому всѣ эти принципы, убѣжденія и глубокіе взгляды на вещи должны казаться ему до крайности смѣшными. И когда онъ сказалъ почвенникамъ, что онъ и не думалъ измѣняться, то, повторяемъ, сказалъ онъ сущую правду, потому что подобный упрекъ для него рѣшительно не понятенъ. Между тѣмъ его осаждаютъ со всѣхъ сторонъ и тычутъ ему въ глаза какой то измѣной Такъ, между прочимъ, Өеофанъ Прокоповичъ «Отечественныхъ Записокъ» въ своей «Современной Хроникѣ» находитъ, что прежде г. Катковъ всецѣло былъ преданъ дворянству, а теперь поднялся противъ

него же. «Не правда ли, восклицаетъ отецъ Прокоповичъ: —какое удивительное зрѣлище представляетъ намъ своенравная пучина нашего прогресса? Кто могъ ожидать, что эти принципы, давно погруженные въ забвеніе съ помощью «Русскаго Вѣстника», выплывутъ на страницы «Московскихъ Вѣдомостей?» Мы рѣшительно становимся втупикъ отъ слова — *принципъ*, употребленнаго здѣсь. Г. Погодинъ, съ давняго времени одержимый духомъ наистрожайшей дисциплины, совѣтуетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подчинить и народныя гулянья какому нибудь особенному министерству; ну гдѣ же тутъ принципъ, о которомъ толкуетъ хроника «Отечеств. Записокъ?» Что же касается до того. что «Московск. Вѣдомости» говорятъ не то, что говоритъ «Руск. Вѣстникъ», то такой упрекъ ужъ слишкомъ наивенъ. Да развѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» можно указать хоть на двѣ страницы, гдѣ не выплывали бы самыя потѣшныя противорѣчія?—Поймите наконецъ, что того требуетъ истина, обстоятельства и наше общественное мнѣніе. Чему же тутъ удивляться «въ своенравной пучинѣ нашего прогресса»?

Гораздо удивительнѣе въ нашей «своенравной пучинѣ» показался намъ взглядъ петербургскихъ филантроповъ на женскій трудъ. Редакція «Сѣверной Пчелы» недавно объявила, что ей, этой гуманной редакціи, призывающей всѣ небесные громы на нигилистовъ, захотѣлось самой попробовать запретнаго плода и открыть въ своей типографіи особенную наборную для женщинъ. Честь этого открытія она, конечно, приписываетъ себѣ; но нѣкто г. Пушкаревъ, начинающій свою литературную дѣятельность съ отдѣла рекламъ и объявленій, утверждаетъ въ 198 N Петербургскихъ Вѣдомостей, что эта честь столько же принадлежитъ и ему, потому что того же 1-го Іюня открыто женское отдѣленіе для наборщицъ и въ типографіи Кулиша; слѣдовательно если потомство воздвигнетъ памятникъ редакціи «Сѣверной Пчелы», то пусть оно не забудетъ изобразить на немъ и г. Пушкарева, какъ поборника женской эманципаціи.

Но прежде чѣмъ вмѣнять себѣ въ особенную честь такое открытіе, мы посовѣтовали бы взглянуть на дѣло посерьезнѣй и обсудить его похолоднѣй. Мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ всякій новый шагъ въ разрѣшеніи вопроса о женскомъ трудѣ, мы знаемъ,

что всякое удачное предпріятіе въ этомъ родѣ уничтожаетъ множество соціальныхъ золъ, но съ другой стороны мы убѣждены, что не редакціи «Сѣверной Пчелы» будетъ принадлежать дѣйствительная честь этого дѣла... По крайней мѣрѣ, намъ кажется страннымъ, что собралось четыре или пять женщинъ въ типографіи для работы, и мы уже спѣшимъ увѣдомить публику, что вотъ-де какое необыкновенное открытіе сдѣлано у насъ. Это доказываетъ одно, какъ мы уже замѣтили въ прошлой нашей лѣтописи, что мы еще не привыкли серьезно смотрѣть на общественныя предпріятія и любимъ порисоваться въ нихъ ради своего личнаго удовольствія. «И мы пахали» — это какъ будто нарочно для насъ придумано баснописцемъ. Когда зарождалось какое нибудь дѣльное открытіе, обѣщавшее громадные результаты въ будущемъ, оно разработывалось тихо и скромно, о немъ не кричали виновники его и не спорили о чести прежде, чѣмъ не убѣждались въ практической годности его. Такъ было со всѣми великими предпріятіями, облегчившими человѣчеству его страдальческій путь. Но на этотъ разъ открытіе редакціи «Сѣверной Пчелы» не имѣетъ даже своего самобытнаго достоинства. Примѣненіе женскаго труда къ типогравскому дѣлу давно было испробовано въ западной Европѣ; въ 1846 году, въ Лондонѣ, въ типографіи Уальда (гдѣ печатался Illustrated London) было собрано до двухъ сотъ наборщицъ, большею частію дѣвушекъ, и черезъ годъ всѣ онѣ были снова замѣнены мущинами. Во Франціи и въ Германіи были сдѣланы тѣ же опыты, и вездѣ потерпѣли полнѣйшее фіаско. Мы не думаемъ, чтобъ эта отрасль дѣятельности могла привиться и у насъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время она была бы такою роскошью, о которой можно только помечтать. Говоря вообще о состояніи нашего народнаго труда, мы должны замѣтить, что онъ одинаково страдаетъ и для мужчинъ и для женщинъ недостаткомъ промышленной дѣятельности. Мы всѣ болѣе или менѣе нуждается въ примѣненіи своихъ силъ къ какому нибудь производительному дѣлу. Это излишество рукъ, не занятыхъ ничѣмъ или занятыхъпустяками, бросается въ глаза на каждомъ шагу. Гостинные дворы набиты тунеядцами и плутами, въ числѣ которыхъ есть множество здоровыхъ и молодыхъ прикащиковъ, весь день отмѣривающихъ ленточки или кружева. Разнощики апельсиновъ, цвѣтовъ, селедокъ и копѣечные торговцы разнаго тряпья, по большой части здоровенные мужики, которые могли бы пахать

землю или воздѣлывать сады; а на мѣстѣ ихъ съ большимъ удобствомъ и сбереженіемъ силъ могли бы трудиться двѣнадцатилѣтнія дѣвушки, которыя, конечно, не съумѣли бы такъ обманывать, какъ эти кулаки, но которыя дѣлали бы дѣло не хуже ихъ. Если бъ нашъ экономическій складъ представлялъ поменьше нелѣпостей, то безъ сомнѣнія эти аномаліи встрѣчались бы рѣже. Ясно, что у насъ не только женщины, но и мужчины нуждаются въ производительномъ трудѣ. И это конечно не потому, чтобъ не было желанія работать, а вслѣдствіе дурного распредѣленія силъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности и вслѣдствіе недостатка производительныхъ работъ. На 60 мильоновъ народонаселенія наша промышленность даетъ намъ меньше, чѣмъ во Франціи на 36 и въ Англіи на 18 мильоновъ тѣхъ же людей... Поэтому женскій трудъ, въ примѣненіи его къ фабричному производству, устроится у насъ не раньше, какъ когда общій уровень нашего труда поднимется повыше. Кромѣ того всякая общественная дѣятельность обусловливается множествомъ другихъ обстоятельствъ; физіологическія данныя играютъ здѣсь главную роль. Женщина положительно не можетъ быть матросомъ, каменоломщикомъ, рудокопомъ, плотникомъ, потому что въ свойствахъ ея организма нѣтъ тѣхъ условій, какія нужны для отправленія этихъ работъ. Мы думаемъ, что она не можетъ быть и типогравскимъ наборщикомъ. Стоять передъ кассой по 8 и 10 часовъ въ день беременной женщинѣ нѣтъ никакой физической возможности; иначе она погубитъ ребенка въ самомъ зародышѣ. Предположить же, что въ типографіяхъ будутъ работать только однѣ дѣвушки, безъ надежды выйдти когда либо замужъ, было бы крайне неосновательно. Какому бы труду ни отдала свои силы женщина, но дѣторожденіе для нея такой законъ природы, отъ котораго она отказаться ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Чтобы избѣжать этого неудобства, типографія «Сѣверной Пчелы» попробовала устроить кассы, изъ которыхъ можно было бы набирать сидя. Но этотъ способъ не удался, и едва ли когда нибудь удастся.

Между тѣмъ какъ мы открываемъ свои типографіи для женскаго труда, Америка изобрѣтаетъ наборныя машины, которыя должны замѣнить человѣческія руки. Если только это изобрѣтеніе осуществится и примется практически, тогда женщина окажется совершенно не-

нужной работницей въ типографіи. Экономическіе разсчеты разомъ уничтожатъ всѣ филантропическія тенденціи, и женскій трудъ долженъ будетъ искать новыхъ исходовъ.

По поводу того же женскаго вопроса разсказывается въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» слѣдующій фактъ:

«Года четыре назадъ, мѣстное управленіе башкирскаго войска сдѣлало печальное открытіе, что народонаселеніе широкой и удалой Башкиріи въ санитарномъ отношеніи не такъ уже благоденствуетъ, какъ въ тѣ счастливыя времена, когда этотъ непочатый уголокъ азіятской Европы посылалъ на показъ Парижу своихъ «сѣверныхъ амуровъ». Степь не измѣнилась, но народонаселеніе рѣдѣетъ, преждевременно дряхлѣетъ и блекнетъ. Причиною этого печальнаго факта—обширное и неудобоустранимое, а потому и неустранявшееся, распространеніе болѣзней и въ особенности сифилитической. И единственнымъ средствомъ помочь этому горю было устройство больницъ и опредѣленіе врачей, если можно изъ среды самихъ башкиръ. Такъ и сдѣлано, и въ послѣдніе годы получили дипломы нѣсколько природныхъ башкиръ въ Казанскомъ университетѣ и въ Петербургской Медико-хирургической академіи. Но этого средства оказалось недостаточно. Въ больницы могли быть принимаемы только мужчины, между тѣмъ какъ сифилисъ распространялся и поддерживался въ народѣ гораздо больше женщинами, чѣмъ мужчинами; да и не довольно было лѣчить—надобно было еще предохранять отъ заболѣванія, распространеніемъ разумныхъ гигіеническихъ наставленій, которое однакоже гораздо полезнѣе было бы дѣлать между женщинами, чѣмъ между мужчинами, потому что черезъ женщинъ гигіена проникла бы въ самую глубь семействъ, распространилась на женщинъ и дѣтей, а тѣмъ самымъ обезопасила бы на будущее время цѣлую страну.

Положимъ однакожъ, что проведеніе гигіены въ башкирскія степи — слишкомъ смѣлое желаніе: вѣдь гигіены нѣтъ еще въ большинствѣ русскихъ городовъ и рѣшительно ни въ одной деревнѣ (за нѣкоторыми развѣ исключеніями), потому что она по штату тамъ не полагается, такъ уже гдѣ тутъ думать о гигіенѣ степей и вольныхъ кочевій. Положимъ, такъ. Но цѣлыя семейства башкиръ гибнутъ отъ болѣзней и въ буквальномъ смыслѣ гніютъ отъ сифилиса, который поддерживается и распространяется одинъ разъ заразившимися женщинами. Болѣзнь передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и наконецъ грозитъ погубить цѣлый народъ, какъ погубила краснокожихъ индѣйцевъ. Стало быть, дѣло должно идти прежде всего не о роскоши и комфортѣ, а о сохраненіи жизни и поддержаніи здоровья; надобно устранить врага, уже нанесшаго ударъ свой, пока онъ не пересилилъ и не завладѣлъ народомъ окончательно.

Въ этихъ-то видахъ, по представленію главнаго мѣстнаго начальства, состоялось Высочайшее повелѣніе устроить въ Башкиріи особыя женскія больницы, отдѣльныя отъ мужскихъ. Но когда надобно было привести его въ исполненіе, тогда явился вопросъ: кто въ этихъ больницахъ будетъ лѣчить больныхъ башкирскихъ женщинъ? Башкирки, по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, скорѣе рѣшаются гибнуть, чѣмъ прибѣгать къ совѣту медиковъ—мужчинъ, хотя бы эти мужчины были земляки же ихъ, башкиры. Кто же будетъ лѣчить ихъ?

Этотъ-то вопросъ, сначала казавшійся отдаленнымъ, а потомъ простымъ, на самомъ дѣлѣ представился неразрѣшимымъ. Мы говоримъ, что сначала онъ казался простымъ, потому что въ мѣстномъ управленіи предположили было рѣшить его такимъ образомъ: избрать нѣсколько туземныхъ ученыхъ акушерокъ, послать ихъ на войсковыя суммы въ столичныя женскія больницы, для ознакомленія съ сифилитическою болѣзнью и потомъ ввѣрить имъ завѣдываніе женскими больницами: но результатъ не оправдалъ ожиданій. Сами избранныя акушерки, познакомившись въ больницахъ съ распознаваніемъ и лѣченіемъ венерической болѣзни у женщинъ и дѣтей, удостовѣрились, что безъ полнаго изученія медицинскихъ наукъ онѣ будутъ только знахарками и скорѣе навредятъ, чѣмъ принесутъ пользу. И чѣмъ болѣе расширялся кругъ знаній ихъ по одной спеціальности, тѣмъ страшнѣе становилась возможность ошибокъ и неминуемыхъ бѣдствій, долженствующихъ слѣдовать за подобными ошибками. А для устраненія этихъ печальныхъ возможностей оставалось одно только средство — приняться за полное изученіе медицинскихъ наукъ, чрезъ слушаніе правильныхъ курсовъ ихъ. Первая, выразившая эти благородныя опасенія, была акушерка башкирскаго войска, г-жа Варвара Кашеварова, прикомандированная по Высочайшему повелѣнію 13 іюля 1858 года къ Калинкинской больницѣ въ Петербургѣ, для изученія распознаванія и лѣченія сифилитической болѣзни у женщинъ и дѣтей и оказавшая дѣйствительно превосходные успѣхи въ изучаемой ею спеціальности. Она обратилась съ просьбою къ главному начальнику Оренбургскаго края, генералъ-адъютанту А. П. Безаку, объ исходатайствованіи ей разрѣшенія слушать полный курсъ медицинскихъ лекцій въ здѣшней медико-хирургической академіи. Генералъ А. П. Безакъ призналъ основательность ея просьбы и имѣя въ виду вышесказанное Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи женскихъ больницъ въ Башкиріи, а равно невозможность введенія въ нихъ медиковъ-мужчинъ, призналъ весьма полезнымъ имѣть для этихъ больницъ и вообще для лѣченія башкировъ женщинъ съ полнымъ медицинскимъ образованіемъ. Онъ сообщилъ эту мысль военно-медицинскому департаменту, завѣдующему опредѣленіемъ повивальныхъ бабокъ въ округи башкирскаго войска, который отозвался, что онъ не только не находитъ препятствій, но признаетъ даже весьма

полезнымъ, въ видахъ распространенія правильныхъ гигіеническихъ понятій между башкирами, допустить просительницу къ слушанію въ академіи полнаго курса медицинскихъ наукъ. Конференція академіи, съ своей стороны, увѣдомила, что къ допущенію г–жи Варвары Кашеваровой слушать курсы лекцій, преподаваемыхъ въ академіи, тоже не имѣется никакихъ препятствій.

Такимъ образомъ есть вѣроятность, что съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ сентября 1863 года, будетъ въ академіи одной слушательницею больше и вопросъ о женщинахъ–врачахъ, казавшійся теоретически неразрѣшимымъ, очень просто разрѣшится de facto.

Да, вопросу о женщинахъ-медикахъ, по которому ничего путнаго не добилась литература, суждено разрѣшиться de facto, и разрѣшиться по милости генералъ-адъютанта Безака. Не случись этой башкирской исторіи и не доложи генералъ по начальству о необходимости врачей-женщинъ, медицинская академія, обладающая доселѣ изряднымъ количествомъ ученыхъ филистеровъ и мольеровскихъ врачей, вѣроятно еще долго не узаконила бы этого факта... Нѣтъ сомнѣнія, что медицинская дѣятельность гораздо больше отвѣчаетъ силамъ женщины, чѣмъ типографская. Тамъ чисто механическій трудъ прямо зависитъ отъ физическихъ условій организма и тѣсно соединяется съ его развитіемъ, а здѣсь большая доля труда принадлежитъ умственнымъ способностямъ и слѣдовательно будетъ удобнѣе для женщины. Спѣшите же, милыя соотечественницы, въ аудиторіи, медициской академіи, но только не дѣлайтесь врачами-практиками и не отбивайте хлѣбъ у разныхъ старичковъ, которыхъ слава давно упрочена на всѣхъ петербургскихъ кладбищахъ... Радуясь такому прогрессу женскаго труда, пробивающему себѣ новыя стези, мы однакожъ посовѣтуемъ не забывать и старыхъ, уже давно признанныхъ отраслей дѣятельности нашихъ женщинъ. Какъ хорошія матери и воспитательницы своихъ дѣтей, онѣ также могли бы оказать обществу значительныя услуги. Къ сожалѣнію, наши чадолюбивыя матери доселѣ полагаютъ свою главную обязанность въ дѣторожденіи и, на этомъ незамысловатомъ фактѣ, основываютъ всѣ свои права надъ семействомъ. Типъ Простаковой Фонъ-Визина еще сохранился въ неувядаемой прелести, и если поубавилось недорослей, то ужь въ этомъ никакъ нельзя обвинять нашихъ матерей... Между ними доселѣ встрѣчается много такихъ личностей, передъ кото-

рыми Простакова могла бы показаться ангеломъ кротости. Изъ подъ тафты и батиста нашихъ достойиыхъ родительницъ то и дѣло высовываются звѣриныя когти. Вотъ, между прочимъ, что пишетъ одинъ провинціалъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

У насъ въ А. на дняхъ былъ странный случай: у одного отца бѣжала изъ дому 16-ти лѣтняя дочь и бѣжала не вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, отъ которыхъ могутъ бѣгать въ эти годы дѣвушки, а отъ жестокаго обращенія родной своей матери. Да, это справедливо.

Женщина эта ненавидѣла свою родную дочь чуть не съ минуты рожденія; когда эта дѣвочка подросла, она ее отправила къ брату, гдѣ она выросла и училась и когда она опять недавно вернулась къ отцу, то ни за что ни про что начались истязанія этой несчастной дѣвушки: мать ее била безпрестанно, обстригла косу, по двое сутокъ не давала ѣсть, не одѣвала ее прилично, заставляла мыть полы, бѣлье; обѣдала несчастная дочь постоянно въ кухнѣ, наконецъ, мать обрила голову у несчастной дѣвушки и избила ее до такой степени, что у той показалась пѣна изо рта. Прибѣжали сказать отцу, но къ несчастію отецъ даже несмѣлъ вступиться за несчастную дочь, вѣроятно, чтобъ не подвергнуться той же участи. У этой матери есть другія дѣти, другая дочь, и тѣхъ она любитъ, разумѣется, по своему, безъ особой нѣжности, но не слыхать, чтобъ она ихъ била, но гадко то, что она младшей дочери привила свою ненависть къ старшей. Вынужденная жестокостями, несчастная дочь пыталась попасть въ монастырь; нашлась одна добрая женщина, которая обезпечивала ея судьбу въ монастырѣ; но мать и этого не допустила: «Развѣ моя дочь нищая, чтобъ принимать благодѣянія», и только снова избила бѣдную дѣвушку при семъ удобномъ случаѣ. Наконецъ дочь бѣжала; въ первые дни искали несчастную дѣвушку въ прудахъ, въ лѣсу, думали, что она рѣшилась на самоубійство; но послѣ узнали, что ее призрѣла генеральша *** въ 40 верстахъ отсюда. Во имя человѣколюбія просимъ не выдавать матери несчастную дѣвушку; пускай вступится въ это дѣло законъ и накажетъ мать, или какъ преступницу противъ священныхъ правъ матери, или признаетъ ее съумашедшей, если эта жестокость — мономанія, и во всякомъ случаѣ пусть оградитъ дочь отъ дальнѣйшихъ истязаній. Наше же здѣшнее общество чрезвычайно апатично: оно давно знало это обращеніе и ни одна душа не вмѣшалась въ это дѣло; напротивъ, мать вездѣ была принята; не вступалась въ судьбу бѣдной дѣвушки и администрація: съ семействомъ того лица, который, прежде всего скорѣе могъ вступиться въ это по своему положенію, мать была дружнѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь. Мы предаемъ этотъ случай гласности, потому что такія возмутительныя вещи должны быть предаваемы на общее позорище. Будь это за границей,—

объ этомъ давно бы протрубили. Впрочемъ, что же удивляться, что во 100 верстахъ отъ Москвы совершаются такія вещи, у насъ въ отвѣтъ на правдивыя обличенія пишутъ доносы о вредныхъ будто-бы тенденціяхъ нашихъ обличителей и пр., — отчего же матери не дозволить по своему распорядиться родительскою властью. Мы бы желали, чтобъ наша статья серьезно гарантировала въ будущемъ судьбу несчастной молодой дѣвушки отъ жестокостей матери, — вѣдь время Багровыхъ и куралесовыхъ миновало.

Къ сожалѣнію, уважаемый нами провинціалъ, это старое доброе время не миновало, и мы не понимаемъ, почему вы назвали вашу замѣтку: «Странное физіологическое явленіе». Съ такими явленіями нашей общественной жизни физіологіи нечего дѣлать; на нихъ мы натыкаемся повсюду и они объясняются тѣмъ грубымъ, все давящимъ семейнымъ достоинствомъ, который достался намъ по наслѣдству отъ крѣпостнаго права. Извѣстно, что мы обязаны ему происхожденіемъ тѣхъ мелкихъ тирановъ con amore, которые не могли ѣсть лѣнивыхъ щей, не отпоровъ предварительно какую нибудь Феклушку. Притомъ кулачная расправа до того въѣлась въ наши общественные обычаи, что въ большой части случаевъ ими разрѣшаются самые сложные юридическіе процессы. Да оно короче и проще. Представьте, что какая нибудь служанка избита своей барыней (а эти случаи не рѣдки) не могущей заснуть безъ того, чтобы не учинить кому нибудь изъ домашнихъ приличнаго заушенія, — ну куда пойдетъ эта бѣдная служанка жаловаться и искать удовлетворенія? Въ кварталъ; но сюда не ходятъ съ пустыми руками и люди, побывавшіе тамъ, предпочитаютъ лучше быть битыми. Если же начать гражданскій искъ противъ самоуправства, то бѣдному человѣку гораздо разсчетливѣе еще разъ подвергнуться домашней экзекуціи, чѣмъ таскаться нѣсколько лѣтъ по разнымъ мытарствамъ. Слѣдовательно, между кулачнымъ правомъ и нашей юриспруденціей существуетъ круговая порука. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ лучшую гарантію личной безопасности должно давать самое общество. Но общества, въ собственномъ значеніи этого слова, у насъ нѣтъ, а есть куча людей, изъ которыхъ каждый про себя и для себя, а Богъ, говоримъ мы, за всѣхъ. Поэтому историческая иронія, выражаясь словами г. Каткова, еще обязываетъ насъ быть снисходительными къ зуботычинамъ всякаго рода; и у

прекраснаго нашего пола еще долго подъ тафтой будутъ торчать медвѣжьи лапы.

Въ заключеніе окунемся на нѣсколько минутъ въ «своенравную пучину» полицейскаго вѣдомства. Недавно петербургская полиція, пуще всего на свѣтѣ уважающая чужіе карманы, открыла цѣлую шайку воровъ, опустошавшихъ городъ по всѣмъ его закоулкамъ. Шайка эта состояла изъ прежнихъ воровъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы на поруки и бродягъ разнаго сорта. «Образъ жизни этихъ лицъ, пишутъ полицейскія вѣдомости, заслуживаетъ вниманія: проводя большую часть дня на улицахъ и кладбищахъ, они сходились въ портерныхъ лавкахъ, и преимущественно въ той, которая помѣщается въ Средней Подъяческой, въ домѣ Низовцева, гдѣ были у нихъ совѣщанія и условные переговоры. Краденыя вещи они сбывали преимущественно въ лавки, гдѣ производилась торговля старымъ желѣзомъ. При осмотрахъ, которые произведены полиціею въ этихъ желѣзныхъ лавкахъ, найдено, что устройство ихъ приспособлено скорѣе къ торговлѣ ворованными вещами, чѣмъ старымъ желѣзомъ, которое выставляется только па показъ. У всѣхъ этихъ лавокъ есть особые склады самыхъ разнообразныхъ пожитковъ и вещей и задніе ходы, около которыхъ постоянно видны люди, извѣстные подъ именемъ барышниковъ или скупщиковъ краденыхъ вещей» и т. д. Такимъ образомъ, благодаря неусыпному попеченію полиціи о нашихъ карманахъ, публика узнаетъ, что главное гнѣздо петербургскихъ воровъ попрежнему скрывается на толкучкѣ; даже пожаръ не истребилъ этого гнѣзда и, по всей вѣроятности, никакая полицейская сила не вытравитъ его съ безобразнаго Апраксина двора. Говоря о птенцахъ этого гнѣзда, одинъ обыватель приходитъ въ рѣшительное негодованіе отъ нихъ. «Почти не было еще примѣра, говоритъ онъ, чтобы краденыя вещи, проданныя на Аапраксиномъ дворѣ, были отысканы. Искусство купли и продажи краденаго доведено тамъ до совершенства. Искусствомъ этимъ промышляли дѣды и прадѣды торговцевъ; потомки ихъ не хотятъ оставить ремесла своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что предки потомкамъ своимъ отъ такого ремесла оставили изрядные капитальцы (разумѣется, благопріобрѣтенные). Нѣкоторымъ торговцамъ не желательно убраться съ Апраксина двора, потому что они настроили по нѣскольку балагановъ, чтобъ отдавать ихъ въ наемъ; въ настоящее время отдаютъ ихъ мелкимъ торговцамъ и пользуются съ нихъ

до 30$^{\circ}/_{0}$ и болѣе на рубль. Эти господа занимались этою монополіею до пожара и хотятъ заниматься ею послѣ пожара, хотя наше благочестивое и православное купечество ни за что въ среду и въ пятницу не будетъ ѣсть скоромнаго».

Разсматривая воровство, какъ явленіе общественное, мы знаемъ изъ статистическихъ данныхъ, что оно пользуется у насъ значительною популярностью и что оно увеличивается въ связи съ бѣдностію нисшихъ классовъ. Голодъ и нищета обнаруживаютъ прямое вліяніе на возвышеніе или пониженіе его средней цифры. Въ неурожайные годы и во время другихъ случайныхъ кризисовъ число воровъ возрастаетъ быстро, такъ что на каждые 400 человѣкъ приходится по одному вору. Въ обыкновенное же время, эта пропорція видоизмѣняется съ математической точностію соотвѣтственно экономическимъ условіямъ мѣстности и ея населенія. Такъ въ Рязанской губерніи, гдѣ находится лучшая почва, приходится 1 воръ на 5035 человѣкъ; а въ Казанской, гдѣ почва хуже, 1 воръ на 2000 человѣкъ; въ самыхъ бѣдныхъ губерніяхъ доходитъ до 1 вора на 800 человѣкъ. Эта роковая необходимость, вытекающая изъ самого соціальнаго порядка вещей, приводитъ насъ къ тому выводу, что на уничтоженіе воровства самая строгая полиція не можетъ имѣть никакого вліянія, что оно ослабѣваетъ и можетъ совершенно изчезнуть только при общемъ народномъ благосостояніи, котораго перспектива виднѣется только въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому общественная нравственность, доселѣ занимавшая однихъ моралистовъ, въ наше время дѣлается вопросомъ чисто экономическимъ. Мы съ каждымъ днемъ убѣждаемся больше и больше, что преступленія отступаютъ не передъ жестокостію карательной силы, не передъ поученіями праздныхъ болтуновъ, а передъ свѣтомъ знанія и передъ матеріальнымъ улучшеніемъ народной жизни.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Признаки начинающагося «зимняго сезона» въ С. Петербургѣ. — Невская осень съ дождями, съ грязью и съ статьями гг. Раппопорта и Ростислава.— Охота домовладѣльцевъ за жильцами. — Нарожденіе скандаловъ. — В. И. Аскоченскій предъ прахомъ нѣкоего юноши. — Гимнастика охотниковъ, поднимающихъ разные вопросы. — Новый изобрѣтатель — служитель либерализма и полиціи. — Лонгиновъ и Фокинъ — критическая статья московскаго ученаго. — Московскія вѣдомости и ихъ сезонныя шалости. — Сказка о муромскомъ разбойникѣ Мишкѣ Никифоровѣ. — Разныя мелочи сезона. — Поднятіе занавѣса на русской сценѣ. — Фальшивая тревога о театральныхъ реформахъ. — Лирическое втступленіе по поводу прошедшей дѣятельности Александринскаго театра. — Гимнъ Мельпоменѣ отъ Темнаго Человѣка. — Разсужденіе о томъ, что зимній невскій сезонъ можно узнать по запаху. — Всеобщій насморкъ, спасающій петербуржцевъ отъ зловоній. — Новый планъ столичныхъ домовладѣльцевъ съ норовомъ, принимающихъ въ жильцы своихъ домовъ только людей съ высокими чинами. — Сновидѣніе домовладѣльца. — Нѣчто о докторѣ Ханѣ и его новомъ журналѣ. — Русскіе рецензенты: Павелъ Анненковъ и др. — Слово о И. Тургеневѣ заграницей. — Новая картина г. Ге, присланная въ Академію художествъ на ежегодную выставку. — «Мечта и дѣйствительность» — сцена въ вагонѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ.— Тѣнь Козлянинова. — Одинъ изъ типовъ современной провинціальной жизни.

Въ воздухѣ запахло зимнимъ сезономъ!

Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ насъ газетные фельетонисты. Что же касается до меня, то я—каюсь — рѣшительно не понимаю въ Петербургѣ смысла выраженія: «зимній сезонъ». Слово красивое, эффектное, но ничего не выражающее. Чѣмъ ознаменуетъ себя зимній сезонъ на рѣкѣ Невѣ—угадать не трудно и я даже готовъ впередъ

составить полную его программу. Безъ подсказыванія разныхъ услужливыхъ духовъ или медіумовъ, я набросаю общую картину всего этого сезона—и вѣроятно не ошибусь. Хотите слушать?

Подъ ливень отвратительныхъ осеннихъ дождей предъ нами вмѣсто зимняго сезона, явятся г. Ростиславъ и Раппопортъ съ связкой театральныхъ и музыкальныхъ фельетоновъ. Петербургская осень иначе и не заявляетъ себя, какъ дождями, грязью и статьями этихъ двухъ лѣтописцевъ.

Столичные домовладѣльцы начнутъ свое истребленіе жильцовъ посредствомъ контрактовъ, штрафовъ и сырыхъ, холодныхъ квартиръ.

Нѣсколько уличныхъ скандаловъ и обличеній.

Нѣкоторый юноша застрѣлится, а В. И. Аскоченскій напишетъ по этому случаю нравоучительную «блестку».

Будутъ поднимать нѣсколько общественныхъ вопросовъ, но по тяжести послѣднихъ, съ мѣста ихъ не сдвинутъ.

Губернскій секретарь Андреевъ, выдумавшій казенные мундштуки для уличныхъ курильщиковъ, представитъ въ думу новый проэктъ о продажѣ полицейскихъ папиросъ въ пользу охотниковъ курить на улицѣ.

Откроется нѣсколько новыхъ танцклассовъ, М. П. Погодинъ напишетъ по этому поводу статью—критическую паралель подъ названіемъ: *Лонгиновъ и «Фокинъ».*

Въ Главномъ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ вновь неизвѣстно куда пропадетъ милліонъ сер. рублей.

«Московскія Вѣдомости» явятся съ протестомъ противъ тѣхъ журналистовъ, которыхъ фамилія оканчивается на *скій*, какъ-то: Краевскій, Достоевскій, Аскоченскій, Старчевскій, Скавронскій, Стебницкій, Крестовскій и мн. др. Явится рядъ критическихъ статей г. Павла Анненкова и А. Григорьева. Статьи эти будутъ замѣчательны тѣмъ, что ихъ можно одинаково читать и сверху внизъ и снизу вверхъ, отчего смыслъ ихъ нисколько не пострадаетъ.

Общество водопроводовъ выйдетъ сухимъ изъ воды и по случаю наступающихъ холодовъ прекратитъ свои работы.

Московскій стихотворецъ А. Алмазовъ напечатаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сказку о сѣрой медвѣдицѣ и о славномъ муромскомъ азбойникѣ Мишкѣ Никифоровѣ.

Нѣсколько сватьбъ и безконечное множество похоронъ.

Потомъ... потомъ цѣлый рядъ разныхъ мелочей:

Зимняго сезона
Сплетни, шумъ и гамъ,
Новаго фасона
Чепчики у дамъ,
Новые наряды —
Модныхъ львицъ силки,
Танцы, маскарады,
Тройки, пикники,
Вкругъ разгулъ великій;
Нѣсколько брошуръ
Дастъ намъ Вольфъ Маврикій
Иль М-г Дюфуръ,
Тучи объявленій,
Множество рекламъ.
Шепотъ обличеній,
Пять-шесть эпиграммъ,
Рѣчи Эдельсона,
Много звонкихъ фразъ...
Зимняго сезона
Наступаетъ часъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ неожиданныхъ, предстоящихъ намъ развлеченій, у насъ впереди стоитъ еще особый міръ—міръ театральный.

О сцена, сцена! Не поэтъ,
Кто не былъ театраломъ.

Любезный петербургскій читатель! Вы непремѣнно поэтъ въ этомъ случаѣ, потому что вы самый неисправимый театралъ, а потому вы, какъ и я, жадно прислушиваетесь ко всѣмъ толкамъ о театральномъ мірѣ, о всѣхъ его закулисныхъ новостяхъ.

Какъ записной театралъ я самъ очень люблю русскую сцену, но люблю ее «странною любовью». Она дорога мнѣ въ ея настоящемъ видѣ и составѣ, дорога съ ея древнимъ репертуаромъ, съ ея драматургами и артистами и я съ немалымъ ужасомъ и страхомъ прислушиваюсь порой къ разнымъ нападкамъ на русскій театръ, къ разнымъ требованіямъ какихъ-то радикальныхъ перемѣнъ въ театральномъ мірѣ. Но эти страхъ и ужасъ теперь для меня миновали и смѣнились твердымъ убѣжденіемъ, что русская сцена, не боясь никакихъ нападокъ и обвиненій, останется все та же, какъ и была...

И встрѣтимъ мы опять съ приличнымъ жаромъ
Театръ родной съ его репертуаромъ.

Какъ врагъ всякихъ театральныхъ реформъ, я одно время косо посматривалъ на начавшуюся внутреннюю перестройку александринскаго театра, но скоро и тутъ успокоился:

Дома новы — но предразсудки стары.

Театръ нашъ только немножко подкрасили, подмазали, къ старой театральной ливреѣ кое гдѣ только придѣлали новые канты, но до радикальныхъ перемѣнъ дѣло къ счастію не думало доходить. И вотъ невольно передо мной въ первобытной своей чистотѣ раскрывается картина театральнаго міра. Тѣ же старые кулисы, тѣ же старые костюмы, тѣ же артисты...

И вотъ они опять знакомыя мѣста,
Гдѣ я не разъ, раскрывъ свои уста,

*
* *

Не вѣря на слово критической оцѣнкѣ,
Перчатки разрывалъ, все хлопая Дьяченкѣ,

*
* *

И слезы проливалъ въ компаньи нервныхъ дамъ,
Вкушая страшныя развязки мелодрамъ;

*
* *

Гдѣ стѣны потрясалъ, сильнѣе всѣхъ тарановъ,
Своими воплями громовыми Степановъ,

*
* *

Гдѣ дорого мнѣ все: подгнившій рядъ кулисъ,
И заучˉное ломаніе актрисъ,

*
* *

И ихъ величіе въ нарядѣ дамы свѣтской,
И шуткой плоскою смѣшившій Марковецкій...

*
* *

Гдѣ Павелъ Федоровъ въ минувшіе года
Среди кулисъ мнѣ чудился всегда

*
* *

Суровымъ призракомъ сценической руины...
И вотъ онѣ опять, знакомыя картины!

И вотъ они опять знакомые образы нашей александринской сцены! Мы будемъ цѣлую зиму смотрѣть комедіи Чернышева, Погосскаго и Дьяченко. Мы будемъ любоваться нашимъ доровитымъ артистомъ—на всѣ руки Самойловымъ, который съ одинаковымъ рвеніемъ изображаетъ намъ и героевъ Шекспира, и московскихъ мазуриковъ. Мы будемъ слушать г. Сосницкаго, который въ роли Полонія (въ Гамлетѣ) является передъ нами Репетиловымъ, и Репетилова играетъ какъ Полонія. Мы встрѣтимся вновь со всѣми корифеями россійской сцены и намъ остается только просить божественную покровительницу театра—Мельпомену, чтобъ она, не проникаясь новымъ духомъ отрицанія, взяла подъ свою защиту всѣхъ прежнихъ представителей сцены нашей и недопускала на ней никакихъ нововведеній. Будемъ же просить ее объ этомъ:

Передъ театральнымъ сезономъ.
Съ мольбой взывая къ Мельпоменѣ,
Мы просимъ, павши передъ ней:
— О, пусть всегда на русской сценѣ
Живетъ порядокъ старыхъ дней.

***

Пусть въ комитетѣ театральномъ
Судъ будетъ строгъ, какъ судъ небесъ,
И пусть судомъ патріархальнымъ
Тамъ запретятъ пятьсотъ піесъ.

***

Пусть нигилизмъ, какъ даръ бѣсовскій
Въ томъ комитетѣ проклянутъ,

Ип усть и Гоголь и Островский
Передъ Дьяченко ницъ падутъ.

***

Пусть межъ артистами изъ стойловъ
Выводятъ въ роляхъ лошадей,
Пусть съ равной силою Самойловъ
Въ партерѣ тѣшитъ всѣхъ людей:

***

То англичаниномъ въ корсетѣ,
То въ роли «Лира» старика,
То въ Загулявскомъ Гамлетѣ,
То въ ветхомъ платьѣ рыбака.

***

Пусть свой талантъ великій выдавъ,
Въ иной трагедіи теперь
Рычитъ нашъ трагикъ Леонидовъ
Реветъ и мечется, какъ звѣрь.

***

Пусть Нильскій въ позахъ небывалыхъ
Даетъ намъ свѣтскости примѣръ,
Пусть Пронскій въ роляхъ «добрыхъ малыхъ»
Дивитъ развязностью манеръ.

***

Потомъ — (мольбѣ да внемлютъ боги!)
Бурдинъ, поднявъ два кулака,
Пусть отдираетъ монологи
Въ угоду креселъ и райка.

***

Пусть всѣ реформы, перемѣны
Найдутъ на сценѣ вѣчный гробъ.
И пусть, акъ стражъ россійской сцены,
Не дремлетъ Павелъ Губошлепъ.

Вернемся теперь опять къ началу зимняго сезона и къ тѣмъ признакамъ, по которымъ безошибочно можно угадать о его наступленіи. Какъ извѣстно уже всѣмъ — Петербургъ есть городъ, который не имѣетъ понятія о чистомъ, здоровомъ воздухѣ. Въ самые лучшіе лѣтніе мѣсяцы онъ наслаждается благовоніями міазмовъ, поднимающихся изо всѣхъ уголковъ его. Когда же наступаютъ осенніе мѣсяцы т. е. начало зимняго сезона, тогда зловонія эти дѣлаются невыносимы, сказалъ бы я, если бы петербуржцы ихъ дѣйствительно не выносили; но они ихъ выносятъ очень мужественно, и даже быть можетъ вовсе не замѣчаютъ, потому самому, что осенью каждый петербуржецъ запасается хроническимъ насморкомъ, а насморкъ, какъ извѣстно, есть такое орудіе, которое защищаетъ носовые нервы отъ всевозможныхъ зловоній. Я только однимъ этимъ свойствомъ петербургскихъ носовъ и объяснялъ равнодушіе петербургскихъ жителей къ этому отвратительному запаху, который преслѣдуетъ его всюду: на улицахъ, на дворахъ, въ лавкахъ, даже въ собственныхъ квартирахъ. Люди вообще ко всему скоро привыкаютъ; петербуржецъ привыкаетъ къ мѣстнымъ неудобствамъ еще скорѣе. Онъ сжился съ своимъ прелестнымъ климатомъ; онъ привыкъ къ деликатному обращенію петербургской полиціи, онъ привыкъ наконецъ вдыхать въ себя и зловонія. Нашелся было одинъ благодѣтель, открывшій новый способъ, который можетъ дать возможность дышать въ городѣ свѣжимъ воздухомъ; благодѣтель этотъ даже предлагалъ для пробы даромъ пользоваться его открытіемъ, но петербуржецъ и этимъ не соблазнился.

Да ну ихъ, говоритъ...

Средство, уничтожающее зловоніе, состоитъ изъ желѣза, раствореннаго въ прогорѣлой древесно-уксусной кислотѣ, получаемой при сухой перегонкѣ дерева. Чтобъ испытать пользу этого средства, сдѣланъ былъ нынѣшнимъ лѣтомъ опытъ надъ нимъ. Для пробы поручено было отыскать въ Петербургѣ самый зловонный изъ всѣхъ домовъ. Дѣло это не легкое: въ Петербургѣ почти всѣ дома одинаково зловонны. Однакожъ усердіе все превозмогаетъ, и такимъ интереснымъ зданіемъ былъ признанъ семи-этажный домъ въ Апраксинскомъ переулкѣ, домъ, въ которомъ помѣщалось 133 квартиры. (Хорошо имѣть квартирку въ такомъ домѣ!) Затѣмъ послѣдовало

вспрыскиваніе этого дома новой жидкостью — и дурной запахъ тотчасъ прекратился. Послѣ этого опыта, домовладѣльцы получили предложеніе — употреблять эту жидкость какъ очень полезную и ничтожную по цѣнѣ, (годовой расходъ на квартиру составлялъ около 40 к. с.) но изъ всѣхъ домовладѣльцевъ только нѣсколько воспользовались новымъ открытіемъ, а всѣ остальные вѣроятно не сочли нужнымъ очищать воздухъ своихъ домовъ. Привычка-съ!..

Дума отозвалась, что уничтоженія зловоній отданы ею подрядчику по контракту, а потому въ это дѣло она не вступается. (Резонно!)

Лучше всѣхъ отозвались больницы и госпитали. Они отвѣтили, что воздухъ въ нихъ совершенно чистъ (что скажетъ на это авторъ «больничныхъ очерковъ» г. Троицкій?) и никакихъ зловоній вовсе не ощущается (?!) И такъ мы должны понять теперь выраженіе: въ воздухѣ запахло зимнимъ сезономъ...

Никто съ такимъ нетерпѣніемъ не дожидается наступленія зимняго сезона какъ столичные домовладѣльцы, половина домовъ которыхъ стоитъ пустая въ продолженіи цѣлаго лѣта. Лѣтомъ сотни оконъ пустыхъ квартиръ, какъ сотни слезныхъ, умоляющихъ взоровъ глядятъ на улицу и словно говорятъ уличному прохожему:

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!

Но вотъ горожане переѣзжаютъ съ дачи въ городъ и «златые чертоги» мало по малу наполняются разными обывателя. У домовладѣльцевъ наступаетъ пора жатвы.

О домовладѣльцахъ града Петербурга мы всѣ имѣемъ довольно ложное понятіе, подводя ихъ къ общему типу Ворониныхъ и комп. Типъ этотъ очень разнообразенъ и между ними есть очень любопытныя субъекты. Имѣете ли вы, напримѣръ, понятіе о домовладѣльцахъ *съ норовомъ*? Личности весьма милыя. Домовладѣлецъ съ но-

ровомъ готовъ очень часто поступить во вредъ собственнымъ интересамъ, готовъ скорѣе цѣлый годъ не имѣть жильцевъ въ своемъ домѣ, чѣмъ пожертвовать личнымъ своимъ капризомъ. Иной изъ нихъ напримѣръ, имѣетъ антипатію къ дѣтямъ обоего пола и не отдастъ вамъ квартиры единственно только потому, что у васъ есть грудной ребенокъ. Другой имѣетъ такіе нервы, которые не выносятъ никакой музыки, не только маэстро Лазарева, но даже Моцарта и Шопена, а потому поставитъ своему новому жильцу непремѣннымъ условіемъ—не имѣть въ квартирѣ никакого музыкальнаго орудія — отъ скрипки и рояля до муссикійскаго инструмента. Уступитъ жилецъ — хорошо, а не уступитъ — пусть ищетъ себѣ другую квартиру.

Вотъ еще субъектъ въ такомъ родѣ.

На углу Михайловской площади стоитъ домъ Жербина. Одинъ мой знакомый, отыскивая себѣ квартиру, зашелъ и въ этотъ домъ. Его встрѣчаетъ усатый управляющій — нѣчто среднее можду отставнымъ капитаномъ и выслужившимъ срокъ унтеръ-офицеромъ.

— Есть у васъ квартиры?

— Есть, вамъ сколько комнатъ нужно? спрашиваетъ управляющій.

— Комнатъ пять, четыре даже...

— Есть и такія.

— Такъ нельзя ли мнѣ взглянуть?

Управляющій испытующимъ взоромъ окинулъ просителя съ ногъ до головы, и съ мѣста не трогался.

— Такъ покажите же мнѣ пожалуйста квартиру.

— А вы для кого квартиру ищите?

— Для самаго себя.

Управляющій снова сдѣлалъ инспекторскій смотръ всей фигурѣ посѣтителя.

— А какой у васъ чинъ? спросилъ онъ неожиданно.

— Зачѣмъ вамъ это знать?

— Потому, значитъ, что у меня особыя правила для отдачи квартиръ есть: мы только господъ однихъ пускаемъ, важно отвѣчалъ онъ.

— Какъ господъ? допрашивалъ удивленный искатель квартиры.

— Такъ, значитъ — чтобъ былъ генералъ, полковникъ, ну, капитанъ, — а ниже нельзя; потому самому, что мой хозяинъ —

самъ генералъ. У насъ ужь порядки такіе заведены... А вы въ какомъ чинѣ состоите?

— Не въ генеральскомъ, любезнѣйшій! отвѣчалъ смѣясь гость,— но непремѣнно генерала получу... Такъ, что жь вы мнѣ и квартиру показывать не станете?

— Я уже сказалъ вамъ, что только господамъ велѣно отдавать. Ниже капитана никого не пускаютъ, сурово отвѣчалъ управляющій и не находя нужнымъ долѣе разговаривать съ мелкочиновнымъ посѣтителемъ, оставилъ его одного на крыльцѣ генеральскаго дома.

Подобнаго оригинала домовладѣльца едва-ли кто упрекнетъ въ корысти: капризъ его совсѣмъ не корыстный, а скорѣе художественный. Только одинъ художникъ по природѣ можетъ упорно хлопотать о томъ, чтобъ въ его домѣ всѣ жильцы были съ генеральскими или, по крайней мѣрѣ, капитанскими чинами. Какъ хотите, это очень грандіозно!.. Задача такого домовладѣльца — очень не легка, и можетъ быть не разъ изъ за своего художественнаго принципа, онъ видѣлъ свой домъ пустымъ; можетъ быть не разъ его сны были смущаемы тяжелыми призраками въ красныхъ генеральскихъ панталонахъ, которыхъ онъ звалъ, манилъ на свои опустѣвшія квартиры.

Я знаю даже какіе именно сны мучаютъ такого домовладѣльца:

Въ глубокую полночь. лишь съ нами
Уснутъ всѣ печали, страданья,
Терзаемъ ужасными снами
Владѣтель огромнаго зданья;

***

И видитъ во снѣ онъ, что разомъ
Его подновленныя залы,
Квартиры съ паркетомъ и газомъ
Покинули всѣ генералы,

***

И видитъ во снѣ онъ, что въ домѣ
Его, по какимъ-то причинамъ,
Никто не селится ужь, кромѣ
Людей съ очень маленькимъ чиномъ:

***

Какой-то духовный профессоръ,
Какой-то нѣмецкій каретникъ,

Какой-то коллежскій ассесоръ,
Какой-то надворный совѣтникъ.

*
* *

Четыре актера, сидѣлецъ,
Да пара камелій увялыхъ
А пышнаго дома владѣлецъ
Мечталъ объ однихъ генералахъ,

Но, ужасенъ сонъ, да милостивъ богъ; можетъ быть мечты домовладѣльца и сбудутся...

Какъ ни странна причуда петербургскаго домовладѣльца, но мы знаемъ по крайней мѣрѣ къ чему она клонится — и совершенно успокоиваемся. Мы знаемъ теперь, что г. Жербинъ выстроилъ свой домъ спеціально для однихъ *господъ*, ну, и дѣло съ концомъ. Селить всѣхъ генераловъ въ одномъ домѣ — мысль даже остроумная, Кузьмы Пруткова достойная... Но не всѣ предпріятія такъ ясно сознаютъ и выражаютъ свою цѣль. Для примѣра хоть позвольте познакомить васъ, читатель, съ докторомъ М. Ханомъ.

Знакомы вы? О, познакомьтесь съ нимъ!..

Не думайте однако, что докторъ М. Ханъ будетъ предлагать вамъ какой нибудь элексиръ или станетъ дергать вамъ зубы по новому способу. Нѣтъ, докторъ М. Ханъ принялъ на себя другую задачу и уже вотъ пять мѣсяцевъ издаетъ новый *учено-литературный органъ*, подъ названіемъ *«Самообразованіе»*. По заманчивости своей это названіе можетъ только соперничать съ названіемъ растительнаго экстракта для освѣщенія Шандора: *«Американскій свѣтъ! свѣтъ! свѣтъ!..»*

Недогадливый читатель непремѣнно воскликнетъ (вотъ тутъ-то и

вопросъ): съ какою цѣлью докторъ Ханъ издаетъ свой учено-литературный органъ?

Вопросъ этотъ долженъ показаться очень обиднымъ для г. Хана. Дѣло говоритъ само за себя: «Самообразованіе»! Слышите: Са-мо-о-бра-зо-ва-н-іе!.. Чего же вамъ еще нужно?.. Цѣль изданія видна по одной его кличкѣ... И такъ, мой неопытный и непросвѣщенный читатель, если ты хочешь имѣть дешевое комнатное освѣщеніе — то покупай растительный экстрактъ «Американскій свѣтъ! свѣтъ! свѣтъ!» — если же хочешь вдругъ просвѣтиться, то ступай къ доктору Хану и примись за его «Самообразованіе».

Какъ ни простъ и непросвѣщенъ читатель, но онъ на слово мнѣ все-таки не повѣритъ, а попроситъ объясненія методы новаго самообразователя. Вижу, что мнѣ невозможно увернуться отъ подобнаго вопроса, а потому я спѣшу проглотить, чего бы мнѣ это не стоило, всѣ пять вышедшихъ нумеровъ «Самообразованія.» Проглотивъ эту новую микстуру доктора Хана, я прежде всего почувствовалъ, что моя голова до нельзя наполнилась теоріей происхожденія породъ: китайцевъ, тибетцевъ, монголовъ, корейнъ, японцевъ, самоѣдовъ, тунгузовъ, курильцевъ, финновъ, камчадаловъ, юкагировъ, эскимосовъ и проч. и проч. Всѣ эти народы разомъ завалили мой мозгъ и подѣйствовали на меня совершенно обратно методѣ самообразованія. Я почувствовалъ, что если буду заваливать свою голову этими теоретическими кирпичами, что если въ мой черепъ положить еще одного камчадала или эскимоса, то я скоро рѣшительно дойду до самоизступленія. Ужасъ мой даже дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда я узналъ, что и въ слѣдующихъ книжкахъ большая часть ихъ будетъ посвящена малайскимъ и кавказскимъ народамъ. Я бросился искать спасенія въ другомъ отдѣлѣ журнала, называемомъ: *литература или легкое чтеніе*, но и тутъ было не легче. Всѣ статьи, точно вырѣзаны изъ «художественнаго обозрѣнія,» издававшагося лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Двѣ три безцвѣтныя повѣсти, «Мароко и его жители,» «біографія Маргариты Анжуйской» — все это очень мало способствуетъ къ самообразованію. Только статья «Везувій и его новая дѣятельность» въ первую минуту меня заинтересовала. Что это за новый дѣятель—Везувій? долго думалъ я. Кто онъ? философъ, экономистъ, историкъ? Но, увы! и тутъ разочарованіе: докторъ Ханъ подъ дѣятельностью Везувія разумѣетъ только изверженія этого всѣмъ извѣстнаго вулкана. Во всѣхъ пяти вышедшихъ книж-

кахъ «Самообразованія» я не нашелъ ничего болѣе любопытнаго, и только воскликнулъ:

Рано намъ, рано
(Мы не глубоки)
Доктора Хана
Слушать уроки,
Вмѣсто подспорьевъ
Только намъ годенъ
Или Григорьевъ,
Или Погодинъ,
Ихъ безъ обмана
Слушаемъ всѣ мы.
Доктора жъ Хана
Дики намъ темы.

Не знаю, какъ другимъ, но для меня нѣтъ выше удовольствія прислушиваться иногда къ выгодамъ и размышленіямъ русскихъ критиковъ и рецензентовъ. Чаще всего я ихъ вовсе не понимаю, т. е. не понимаю ихъ статей, и удовольствіе мое еще болѣе отъ этого увеличивается. Читаю я напр. разборъ сочиненій г. Кохановской — П. Анненкова й умиленіе мое доходитъ до высшихъ предѣловъ, оттого что я наслаждаюсь настоящей тонкой критикой, до того тонкой, что читатель никакъ не пойметъ, что говоритъ рецензентъ о разбираемомъ сочиненіи — хвалитъ его или бранитъ? Хвалитъ! думаю я сначала. — Бранитъ! рѣшаю черезъ нѣсколько строкъ, а по прочтеніи всей статьи — рѣшительно уже ничего не понимаю.

Вотъ что значитъ писать

Отмѣнно тонко и остро!...

Другіе неосторожные и пылкіе рецензенты не владѣютъ способностью ни до чего не договариваться, а потому договариваются иногда до прелестныхъ вещей. Такъ однажды Всеволодъ Костомаровъ, же-

лая похвалить англійскаго поэта Томаса Гуда, назвалъ его юморъ — *скотскимъ* юморомъ, за одно его стихотвореніе, въ которомъ поэтъ смѣется надъ предателями и доносчиками. А вотъ недавно въ газетѣ г. Корша, явился новый рецензентъ А. Баженовъ явился съ единственною цѣлью высказать слѣдующую честную мысль о поэзіи Гейне. «Страданія Гейне,—докладываетъ онъ— намѣренное увѣчье, легко вызывающее на состраданіе и *обращенное въ выгодный промыселъ.*» Т. е. по мнѣнію г. Баженова (не вы-ли г. Баженовъ въ «Страникѣ» духовные канты пописывали?) Гейне былъ лишь только литературной камеліей.... Господи! гдѣ это русскіе рецензенты такія мысли выуживаютъ!... Часто напр. обвиняютъ европейскую прессу въ томъ, что она совершенно превратно толкуетъ о многихъ русскихъ литературныхъ дѣятеляхъ. Но ихъ невѣжество часто только смѣшно, наше же нерѣдко и смѣшно и отвратительно. Вѣроятно многимъ извѣстно, что нѣкоторыя произведенія Тургенева переведены на французскій языкъ. Такъ еще недавно вышелъ переводъ его Рудина, подъ заглавіемъ «Dmitri Roudin.» Говоря объ этомъ переводѣ, рецензентъ «Revue Germanique,» замѣчаетъ между прочимъ, что Тургеневъ «обращаетъ въ своихъ романахъ преимущественное вниманіе на молодое поколѣніе, стремящееся къ прогрессу и *постоянно обращающее взоры ожиданія на Францію.*»

Подобная замѣтка очень курьезна—но мнѣніе русскаго рецензента о Гейне, я не поставлю съ нимъ рядомъ.... ну, хоть изъ патріотизма.

Черезъ нѣсколько дней въ залахъ Академіи Художествъ откроется годичная выставка художественныхъ произведеній. До открытія выставки мнѣ удалось проникнуть въ залы академіи, но предоставляя себѣ въ будущемъ мѣсяцѣ поговорить о разныхъ тамошнихъ курьезахъ, я хочу теперь сказать нѣсколько словъ объ одной новой замѣчательной картинѣ русскаго художника Ге. Своимъ превосходнымъ произведеніемъ Ге смѣло и прямо завоевалъ себѣ мѣсто рядомъ съ произведеніями Брюлова и Иванова. Самый выборъ сюжета для картины Ге (Тайная вечерь) доказываетъ смѣлость художника, не побоявшагося приняться за тему уже слишкомъ избитую. Кто изъ насъ ни видѣлъ сотни картинъ съ изображеніемъ Тайной вечери, гдѣ за большимъ столомъ засѣдаетъ Христосъ съ своими учениками. Какъ ни стара эта тема, но для сильныхъ серьезныхъ талантовъ не существуетъ вовсе темъ старыхъ; въ ихъ рукахъ каждый сюжетъ мо-

жетъ быть новымъ. Такимъ именно и является Ге въ своей картинѣ. Вы смотрите на картину и видите убогую комнату съ низкимъ потолкомъ и съ маленькимъ подъ рѣшеткой окномъ. Около стола на простомъ ложѣ по римскому обычаю возлежитъ Христосъ, положа голову свою на ладонь руки. Лице Спасителя печально и грустно: онъ видимо страдаетъ и скорбитъ душею. Святая скорбь его совершенно дѣлается понятной при одномъ только взглядѣ на личность Іуды, который только что всталъ съ своего мѣста, взялъ свои одежды и хочетъ оставить бесѣду. Два лица—Христа и Іуды—цѣлая поэма. Въ скорби и святой грусти перваго вы читаете, что отъ него въ лицѣ Іуды оторвалась *сила*, оторвался человѣкъ, которымъ дорожитъ Учитель. Въ мрачной же и суровой фигурѣ Іуды вы въ первый разъ встрѣчаете не мелкаго честолюбца, но неумолимаго фанатика, который видѣлъ въ Учителѣ своего соперника, идущаго противъ его убѣжденій. Въ картинѣ взятъ моментъ разрыва ученика съ своимъ учителемъ. Съ лѣвой стороны около Христа стоитъ юноша Іоаннъ, удивленный, пораженной дерзостью Іуды: на глазахъ его видны слезы. Съ другой стороны поднимается фигура апостола Петра, тоже пораженнаго, но въ то же время гнѣвнаго, безмолвно негодующаго. Далѣе въ тѣни картины видны фигуры другихъ учениковъ, но весь интересъ, вся драма сосредоточивается на этихъ четырехъ фигурахъ, которыя поражаютъ, какъ и вся картина, какой-то простотой и самой неподдѣльной искренностью. Я видѣлъ эту картину одинъ только разъ и то на самое короткое время, а потому не могу теперь припомнить всѣхъ ея подробностей: послѣ нея во мнѣ осталось только одно сильное впечатлѣніе. Будемъ теперь ждать открытія выставки, гдѣ мы встрѣтимся съ однимъ изъ тѣхъ произведеній, какими не часто балуетъ насъ наша Академія Художествъ.

———

По обычаю отправляюсь теперь съ читателемъ на прогулку вонъ изъ Петербурга. Прогулки эти рѣдко обходятся у насъ безъ какихъ нибудь неожиданностей или приключеній, но въ этомъ виноватъ уже никакъ не я, а разныя такъ называемыя непредвидѣнныя обстоятельства.

Обстоятельства эти случаются очень часто тамъ, гдѣ ихъ мы вовс не ожидаемъ. Представьте напримѣръ, что мы для прогулки выбрали день 29 августа. Вѣдь нѣтъ причины не выбрать именно этого дня, какъ и всякаго другаго. И вотъ мы утромъ во 2-мъ часу отправляемся на петербургскую станцію николаевской желѣзной дороги и хотимъ взять билеты на 2-хъ-часовую машину, но тутъ-то насъ и встрѣтило бы неожиданное препятствіе. Случай вышелъ такой. Въ той залѣ, гдѣ продаются билеты, вдругъ громогласно объявляется, что билетовъ III класса больше выдавать не будутъ. Толпа же все прибываетъ и за неимѣніемъ этихъ билетовъ, начинаетъ покупать билеты 2-го класса. Множество сѣрыхъ чуекъ и мужичковъ въ лаптяхъ принуждены были послѣдовать общему примѣру и платили вдвое дороже обыкновенной своей платы. Публика между тѣмъ все прибывала и прибывала и непроходимой массой толпилась около залы. Наконецъ въ половинѣ втораго кассиръ закрылъ книгу съ билетами и порадовалъ публику новымъ извѣстіемъ, что на этотъ поѣздъ нѣтъ билетовъ и на II классъ: неугодно ли обратиться къ начальнику станціи?

Начались шумъ, суматоха. Всѣ требовали начальника станціи, но онъ не являлся. Наконецъ, когда поѣздъ уже тронулся — появился и самъ начальникъ- Выслушивъя общія жалобы и упреки, онъ пожималъ плечами и вѣжливо увѣрялъ, что ничего не можетъ для нихъ сдѣлать. Толпа наконецъ разошлась, кажется, дѣйствительно убѣжденная въ томъ, что начальникъ станціи тутъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ ничего сдѣлать... Виноватые у насъ рѣдко отыскиваются.

И такъ, читатель, если бы мы въ это роковое число попали н Николаевскую желѣзную дорогу, то рисковали бы какъ и другіе не получить билета и возвратиться обратно. На этотъ разъ мы будемъ счастливѣе и непремѣнно завоюемъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь вагонѣ.

Съ билетомъ въ рукахъ, мы посматриваемъ на часы и ждемъ условнаго знака отъѣзда двухчасоваго поѣзда.... Чу!...

Наконецъ раздается послѣдній звонокъ,
И народъ, перепуганный звономъ,
Въ торопяхъ, волоча и мѣшки и узлы,
Размѣститься спѣшитъ по вагонамъ.

Я усѣлся къ окошку въ плебейскій вагонъ
(Всѣ плебеи сидятъ въ третьемъ классѣ),
Потому что я самъ изъ плебейской семьи
И себя причисляю къ ихъ расѣ.

* *
*

Вотъ машина заныла свистя и хрипя,
За вагонами дрогнули цѣпи,
И по рельсамъ, гремя длинный поѣздъ помчалъ
Насъ въ широкія, русскія степи.

* *
*

Вкругъ меня помѣстился по лавкамъ народъ —
Человѣкъ полтораста иль двѣсти;
Скоро запахъ особый мнѣ тамъ показалъ,
Что я ѣду съ славянами вмѣстѣ.

* *
*

Но съ восторгомъ глядѣлъ я на этихъ людей,
Что-то новое было въ ихъ лицахъ,
Словно каждый изъ нихъ пропитался насквозь
Новымъ духомъ въ обѣихъ столицахъ;

* *
*

Самодурства и рѣзкихъ маперъ — ни слѣда,
Каждый принялъ смиренную позу.
Вотъ кондукторъ, явившись со связкой газетъ,
Продаетъ пассажирамъ «Занозу».

* *
*

Рыжій купчикъ съ какимъ-то романомъ въ рукахъ
Увѣряетъ сосѣда, что «Диккенсъ
Пишетъ скучно — не много-съ, по лучше его
Сочинитель родной Бабарыкинъ-съ!.-»

* *
*

И припомнилъ невольно я тѣ времена,
Времена до рожденья прогресса,
Дни, когда не тревожили наши мозги
Свистъ и смѣхъ обличителя бѣса,

* *
*

Не тревожили — гласность нашъ дѣвственный слухъ
И статейки въ карательномъ тонѣ,
И Козляниновъ рыцарь могучей рукой
Билъ проѣзжую нѣмку въ вагонѣ.

***

А теперь — посмотрите какой переломъ!
Позабыты родные скандалы
И у всѣхъ межъ бровей точно надпись видна:
Мы-де всѣ въ наши дни — либералы!»

***

И кругомъ озирая толпу, — признаюсь,
Испыталъ я щемящую скуку,
Словно что-то родное въ то время терялъ,
Словно чувствовалъ съ кровнымъ разлуку.

***

Такъ вернувшись домой одинокій бѣднякъ
Плачетъ горько, какъ послѣ утраты,
Если видитъ на мѣстѣ родимой избы
Возведенныя гордо палаты.

***

Я скорбѣлъ о прошедшемъ и тихо вздыхалъ,
Ужъ слеза по щекѣ проскользнула,
Только вдругъ я случайно приподнялъ глаза —
На меня старой жизнью пахнуло.
Вдругъ...

но здѣсь позвольте ужъ лучше продолжать прозой, для того чтобы мой разсказъ вы не сочли художественной вольностью, и чтобъ самый разсказъ не потерялъ своего настоящаго букета.

Тма низкихъ истинъ мнѣ дороже самой величественной лжи.

Въ томъ самомъ вагонѣ, гдѣ передо мной воплощался въ образы русскій прогрессъ, сидѣлъ одинъ бритый купчикъ (не тотъ, который толковалъ о Диккенсѣ) занявшій два мѣста и всѣмъ объявлявшій, что одно мѣсто занято кѣмъ то другимъ. Когда его не хотѣли слушать—онъ поднялъ шумъ и брань. Vis-a-vis съ этимъ купчикомъ сидѣла одна дѣвица «съ свободными манерами», которая, не обращая вниманія на публику, скоро стала потѣшать его разными соблазни-

тельными позами, кривляньемъ и сальными остротами. Купчикъ блаженствовалъ и ржалъ отъ удовольствія. Около Клинской станціи, съ помощью усердныхъ возліяній Бахусу, онъ расходился не на шутку. Въ то время, какъ одна дама проходила мимо этого безобразника, онъ дерзко схватилъ ее рукой сзади. Обиженная женщина обернулась, дала ему полновѣстную пощечину — и спокойно пошла къ своему мѣсту. Самодуръ вскочилъ съ своего мѣста и съ кулаками бросился къ дамѣ. Мы увидѣли новаго Козлянинова!... Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы одинъ господинъ не удержалъ за руки купчика и не призвалъ оберъ-кондуктора.

Безобразникъ, поднимавшій кулаки на женщину, струсилъ при видѣ оберъ-кондуктора и началъ говорить жалкія слова, но не смотря на это, его вывели изъ вагона и оставили на станціи. (Не правда-ли, какое сильное наказаніе?)

Какъ же отозвалась публика на подвиги новаго Козлянинова? — Большинство ея молчало, и только нѣсколько человѣкъ протестовали. Нашлись даже у кулачнаго героя заступники....

Я чувствую, что перепуганный читатель не захочетъ на этотъ разъ продолжать свою прогулку, которую мы и отложимъ до другаго раза, до минуты болѣе благопріятной.

Въ заключеніе приведу замѣтку одного «провинціала» (С. П. Вѣд. N 198) какъ одинъ изъ перловъ провинціальнаго быта.

— У насъ въ А. на дняхъ былъ странный случай: у одного отца бѣжала изъ дому 16-ти лѣтняя дочь и бѣжала не вслѣдствіе какихъ либо причинъ, отъ которыхъ могутъ бѣгать въ эти годы дѣвушки, а отъ жестокаго обращенія родной своей матери. Да, это справедливо.

Женщина эта ненавидѣла свою родную дочь чуть не съ минуты рожденія; когда эта дѣвочка подросла, она ее отправила къ брату, гдѣ она выросла и училась, и когда она опять недавно вернулась къ отцу, то ни за что, ни про что начались истязанія этой несчастной дѣвушки: мать ее била безпрестанно, обстригла косу, по двое сутокъ не давала ѣсть, не одѣвала ее прилично, заставляла мыть полы, бѣлье; обѣдала несчастная дочь постоянно въ кухнѣ, наконецъ, мать обрила голову у несчастной дѣвушки и избила ее до такой степени, что у той показалась пѣна изъ рта. Прибѣжали сказать отцу, но къ несчастію отецъ даже не смѣлъ вступиться за несчастную дочь, вѣроятно, чтобъ не подвергнуться той же участи.

У этой матери есть другія дѣти, другая дочь, и тѣхъ дѣтей она любитъ, разумѣется по своему, безъ особой нѣжности, но не слыхать, чтобы она ихъ била, но гадко то, что она младшей дочери привила свою ненависть къ старшей. Вынужденная жестокостями, несчастная дочь пыталась попасть въ монастырь; нашлась одна добрая женщина, которая обезпечивала ея судьбу въ монастырѣ, но мать и этого не допустила: «Развѣ моя дочь нищая, чтобъ принимать благодѣянія», и только снова избила бѣдную дѣвушку при семъ удобномъ случаѣ. Наконецъ дочь бѣжала; первые дни искали несчастную дѣвушку въ прудахъ, въ лѣсу, думали, что она рѣшилась на самоубійство; но послѣ узнали, что ее призрѣла г-жа ***, въ сорока верстахъ отсюда. Во имя человѣколюбія просимъ невыдавать матери несчастную дѣвушку; пускай вступится въ это дѣло законъ и накажетъ мать, или какъ преступницу противъ священныхъ правъ матери, или признаетъ ее съумасшедшей, если эта жестокость—мономанія, и во всякомъ случаѣ пусть оградитъ дочь отъ дальнѣйшихъ истязаній. Наше же здѣшнее общество чрезвычайно апатично: оно давно знало это обращеніе и ни одна душа не вмѣшалась въ это дѣло; напротивъ, мать вездѣ была принята; не вступалась въ судьбу бѣдной дѣвушки и администрація: съ семействомъ того лица, который прежде всего скорѣе могъ вступиться въ это по своему положенію, мать была дружнѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь. Мы предаемъ этотъ случай гласности, потому что такія возмутительныя вещи должны быть предаваемы на общее позорище. Будь это за границей,—объ этомъ давно бы протрубили. Впрочемъ, что же удивляться, что во 100 верстахъ отъ Москвы совершаются такія вещи? У насъ въ отвѣтъ на правдивыя обличенія пишутъ доносы о вредныхъ будто-бы тенденціяхъ нашихъ обличителей и пр.,—отчего же матери не дозволить по своему распорядиться родительской властью. Мы бы желали, чтобъ наша статья серьёзно гарантировала въ будущемъ судьбу несчастной молодой дѣвушки отъ жестокостей матери,—вѣдь время Багровыхъ и Куралесовыхъ миновало».

Здѣсь приподнятъ только маленькій уголокъ той завѣсы, за которою скрываются многія страшныя тайны русской семьи. Только одни русскіе романисты имѣютъ способность не замѣчать тѣхъ обыденныхъ, будничныхъ драмъ семейнаго быта, въ школѣ котораго загублены дѣтство и молодость можетъ быть не одного изъ насъ...

тра II.—Анны Іоанновны.—Іоанна III и Елизаветы Петровны). Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Домашній бытъ русскихъ царей. Томъ I, съ портретомъ великаго князя Василія Іоанновича и 9-ю видами и планами дворца въ селѣ Коломенскомъ и Сольвычегодскихъ старинныхъ хоромъ Строгановыхъ. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Дѣло патріарха Никона. Историческое изслѣдованіе по поводу IX т. Исторіи Россіи Соловьева, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Н. Субботина. М. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Земство и расколъ. Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ I. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи (1740 — 1842 г). Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ, съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскаго. Томъ въ 660 стр. СПБ ц. 1 р 75 к. съ пер. 2 р. 50 к.

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованія П. Пекарскаго. Два большіе тома. Спб. 1863 г. Ц. 7 р., съ пер, 8 р. 50 коп.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большіе тома. Великолѣпное изданіе на веленевой гласированной бумагѣ, съ 212 рисунками съ древнихъ рукописей. Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 7 р.. съ пер 8 руб. 50 коп.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ V. М. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Тоже первые четыре выпуска. Ц. по 1 р. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

Исторія французской литературы Юліана Шмидта. Два тома болѣе 50 печатныхъ листовъ, въ 5 выпускахъ Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пересыл. 5 р.

Всеобщая исторія литературы I. Шерра, перев. А. Пыпина. Въ 3 выпускахъ около 50 печатныхъ листовъ Спб. 1862 г. Ц. за полное изданіе 3 р. съ перес. 3 р. 75 к.

Обзоръ современныхъ конституцій. Часть 1, сост. А. Лохвицкій. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Часть II Ц. 60 к., съ перес. 90 к.

Исторія войны 1813 года за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ; сост. по Высочайшему повелѣнію М. Богдановичемъ. Два большіе тома съ картами и планами. Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 7 руб. 50 коп., съ перес. 13 руб.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

«РУССКАГО СЛОВА».

Въ *Верхнеднѣпровскъ, г. Мельникову.* — Неполученный вами 6-й № «РУССКАГО СЛОВА», по увѣдомленію отъ почтамта, отправленъ 27 іюля.

Въ *Малоархангельскъ орловской губ., г-ну Масоніусу.* — № 3 «РУССКАГО СЛОВА», недоставленный вамъ, былъ сданъ въ почтамтъ въ свое время, вмѣстѣ съ другими; а какъ и до сихъ поръ вы еще не получили его, равнымъ образомъ и отъ почтамта получаются одни только *отношенія* да *увѣдомленія,* а не книжка, которая давнымъ давно должна бы прійти по мѣсту своего назначенія, то контора препровождаетъ къ вамъ вторично недоставленный №.

Въ *Владикавказъ, г-ну Гейдеману,* — Недоставленный вамъ 2-й т. соч. Мея, сданный на почту для отправленія еще въ прошедшемъ году, 14 ноября, теперь посланъ вторично.

Въ *Павловскъ Зем. Дон. В., г. Черевкову.* — По вашей жалобѣ о недоставкѣ мартавской, апрѣльской и майской книжекъ «РУССКАГО СЛОВА», сообщенной въ почтамтъ *двадцать шестого іюля* и потомъ повторенной 29 августа, почтамтъ отъ *четырнадцатаго сентября,* увѣдомляетъ своимъ *отношеніемъ* въ редакцію, что книжки эти посылаемы были въ Варшаву, по первому адресу, и что теперь о пересылкѣ журнала изъ Варшавы въ Павловскъ сообщено имъ въ варшавскій почтамтъ.

Въ *Вильковишки, г-ну Крампу.* — Жалоба ваша о недоставкѣ №№ 2 и 6-го «РУССКАГО СЛОВА» передана въ почтамтъ 10 сентября, такъ какъ самыя книжки редакціею были сданы своевременно. О распоряженіи же которое почтамтъ обязанъ сдѣлать, равно какъ и доставить самыя книжки по назначенію, редакція пока еще не получила извѣстія.

Въ *Усть-Сысольскъ, г-ну Шт. См. уѣздныхъ училищъ.* — Деньги 5 р. съ учителя г. Демьянова, за вторую треть, редакціею получены.

Въ *Александровскъ, гг. Сокальскому и Кореонову.* — Деньги 10 р. за 2 экз., за вторую треть, получены.

Въ *Одессу, гг. Ленцу, Левскому и Стамати.* — Деньги 42 р., за три экз. «РУССКАГО СЛОВА», получены.

Въ *Бузулукъ, г. Шт. См. уѣздныхъ училищъ.* — Деньги 7 р., за второе полугодіе, получены.

Въ *Гайсинъ, въ биб. Александрійскаго Гусарскаго ст. полка.* — Доплоченныя библіотекою деньги 4 р. редакціею получены.

Въ *Вологду, въ канц. вологодскаго губернскаго Прокурора.* — Деньги 5 р., посланные отъ 2 сентября, редакціею получены.

Въ *Хволынскъ, Н, И. Логвинову.* — Касательно недоставленныхъ вамъ январской и февральской книжекъ „Русскаго Слова", редакція еще *19 іюня* относилась въ С.-Петербургскую Газетную Экспедицію, такъ какъ самыя книжки сданы были въ почтамтъ своевременно; но оказывается, по вашему увѣдомленію отъ 8 сентября, что и до сихъ поръ книжки эти недоставлены. Видя не однократную безполезность подобнаго рода обращаться къ почтамту, *принимающему книжжи* и недоставляющему ихъ своевременно по принадлежности, по причинамъ ему одному вѣдуемымъ, редакція въ избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и безполезной траты времени, препровождаетъ къ вамъ 18 сентяаря означенныя книжки вновь. Авось хоть эти дойдутъ.

Въ *Вознесенскъ Херсонской губ. г. Прейсу.* — Распоряженіе о доставкѣ неполученныхъ вами 3-хъ №№ „Русскаго Слова„ редакція сдѣлаетъ не позже двухъ дней.

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Манфредъ. (Драматическая поэма Байрона). Пер. Д. Д. Минаевъ.

Убыточность незнанія. (Статья первая). Н. В. Шелгуновъ.

Міръ. (Стихотв. Гейне) Д. М.

Афонъ. (Путевыя впечатлѣнія. Статья вторая). Н. А. Благовѣщенскій.

Характеръ специфическихъ женскихъ преступленій и наказаній. М. А. Филипповъ.

Золотой телецъ. Романъ Чарльза Левера. Часть первая. (Продолженіе).

Изъ записокъ неудавшагося чиновника. (Разсказъ). Окончаніе). С. Терпигоревъ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Перлы и адаманты нашей журналистики. (Очеркъ первый).

Бѣда отъ Бездѣлья. — Биржа, биржевые посредники и биржевыя операціи. А. Дмитріева. Спб. 1863. — Н. В. Соколова.

Думы и пѣсни. Д. Д. Минаева и Юмористическія стихотворенія Обличительнаго поэта (Темнаго человѣка). Спб. 1863.

Библіографическій листокъ.

Послѣдніе дни жини и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Соч. Амосова. 1863. С. П-бургъ. — *Біографическіе раскаы: Пушкинъ, Суворовъ, Ломоносовъ и Сперанскій.* Соч. Новаковскаго. 1863. С. П-бургъ. — *Счастье — несчастье,* романъ Вельтмана. 1863. С. П.-бургъ. — *Записки палача или политическія и историческія тайны Франціи;* соч. бывшаго исполнителя верховныхъ приговоровъ парижскаго уголовнаго суда — Сансона. Перев. съ франц. Н. А. Л. — берга. 1863. С. П-бургъ. — *Будьте здоровы!* Соч. доктора Бока. Перев. съ нѣм. 1863. С. П-бургъ. — *Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи.* Соч. Рамазанова. 1863. М.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефрень.

Франція: Продолженіе выборовъ во Франціи. — Недовѣріе императорскаго правительства къ свободнымъ выборамъ націи. — Взглядъ буржуазіи на современное состояніе дѣлъ. — Нѣтъ свободы, но много порядка. — Мнѣніе г. Геру, выражающее мнѣніе большинства французскаго общества.— Австрія: Послѣднія реформы ея. — Признаніе голштинскаго герцогства независимымъ, и отношеніе Даніи къ Германіи. — Пруссія: Закрытіе парламента и дальнѣйшее поведеніе правительства въ отношеніи народа. — Друзья короля — первые его недруги. — Воинственный азартъ консервативной прусской партіи. — Англія: Смерть военнаго секретаря Корнваля Льюиса. — Поведеніе англійской аристократіи въ американскомъ вопросѣ.

Домашняя лѣтопись.

Нѣсколько словъ по поводу указа 17-го апрѣля.—Урокъ любителямъ розогъ и тѣлесныхъ истязаній вообще. — Услуги современной филантропіи. — Ея лицемѣріе и несостоятельность.— Она можетъ только развить нищету, а не искоренить ее. — Примѣръ Англіи, гдѣ филантропія достигла крайняго предѣла безсилія и поощряетъ одно лишь преступленіе. — Число преступленій въ Россіи. — Воровство — слѣдствіе нищеты. — Нелѣпости экономистовъ-англомановъ. — Непростительная шалость г. Бабста —Зловоніе Петербурга и вновь открытый способъ уничтожать его. - Настоящая причина зловонія— наше невѣжество. — Послѣднія новости.

Дневникъ темнаго человѣка.

Бѣлыя финскія ночи и ихъ пѣвцы.— Итальянскія ночи, созданныя для любовниковъ, а невскія—для городовыхъ.— Афоризмъ М. Бурбонова.—Петербургъ лѣтомъ.—Лѣса, выросшіе на улицахъ.—Разрушенныя улицы.— Участь бѣдныхъ городскихъ дѣтей. — Городъ, построенный для однихъ подагрическихъ старцевъ.— Городскіе сады.— Проэктъ г. Альварда объ устройствѣ публичныхъ садовъ, и Дума, отвергающая этотъ проэктъ.— Русская жизнь и судьба русскихъ женщинъ.— Прогулка съ моими читательницами —Общество въ вагонѣ царскосельской желѣзной дороги. — Отголоски общественнаго мнѣнія — Нѣчто о *павловскомъ* журналѣ и *павловскомъ* воксалѣ.— Публика *слушающая* и *подслушивающая* Іоганна Страуса.—*Преданіе объ И. И. Излеръ*. лѣтняя пѣсня. —«Минеральныя Воды» и ихъ увеселительные вечера.—Прежняя *Ассамблея*—теперешній *Хуторокъ*.—Гулянья на островѣ *Тиволи*.— Безопасныя прогулки по Невѣ.— *Сватьба*, сцена въ стихахъ (съ натуры)— Петербургскія сомнамбулистки.— Мой первый визитъ къ ясновидящей.— Сеансъ первый.—Провинціальныя извѣстія — Цѣломудренный педагогъ въ юбкѣ— *Библія*, какъ безнравственная книга для дѣтей.— Безгрѣшная классная дама —Городской голова въ училищѣ. — Псковское уѣздное училище и его обстановка — Тамбовскій помѣщикъ и итальянка.—Сибирскій голодъ.— Для чего существуетъ въ Самарѣ общественный банкъ?— Самарскіе славянофилы обоего пола.— Мундиръ, дающій самостоятельность.—Госпиталь на Кавказѣ.— Поголовное свидѣтельство женщинъ.— Взятка новаго рода.

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Родительская суббота. (Нравоописательные очерки). Н. А. Потѣхинъ.

Убыточность незнанія. Благотворительность. Заключеніе. (Окончаніе). Н. В. Шелгуновъ.

Два мгновенія. (Разсказъ). П. А. Гайдебуровъ.

Мировой Судъ. М. А. Филипповъ.

Студенческія воспоминанія. (Друзьямъ минувшаго). Н. М. Соколовскій.

*** Стихотвореніе изъ В. Гюго. Н. С-м-к-в-ъ.

Сатиры Ювенала. Д. Д. Минаевъ.

Золотой Телецъ. (Романъ Чарльза Левера). Окончаніе первой части.

Питтъ и его время. В. П. Поповъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Москва и Новгородъ. Сѣверорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада, соч. Н. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома. 1863. Г. Е. Благосвѣтловъ.

Торговыя преступленія. Н. В. Соколовъ.

Библіографическій листокъ.

Естественная исторія мірозданія, съ нѣмецкаго переводъ *Карла Фогта.* Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А Пальховскій. Москва. Изданіе А. Черенина и А. Ушакова. 1863 года. — *Физіологическія картины Людовика Бюхнера*, автора Kraft und Stoff, перевелъ съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Москва. Изданіе А. И. Глазунова. 1862 года. — *Физіологическія письма Карла Фогта* перевели съ третьяго нѣмецкаго изданія (1861) Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Выпускъ первый СПб. 1863. Изданіе Бакста. — *Вліяніе целлюлярной патологіи на врачебную практику.* Соч. д-ра Рихтера, перев. Н. Розанова и В. Ельницкаго. Москва. 1863. — *Природа. Книга для чтенія дома и въ школь, по шведскому сочиненію профессора* П. И. Берлина. Передѣлана для русскаго юношества П. Евстафіевымъ Санктпетербургъ. Изданіе М. О. Вольфа 1863. — *Приготовительный курсъ ботаники*, составленъ по Любену Н. Раевскимъ. СПб. 1863 — *Физическое землевѣдѣніе*, составлено Я. Печорннымъ. Выпускъ I, СПб. 1863 — *Вѣчная жизнь. Публичныя Чтенія Эрнеста Павиля, бывшаго профессора философіи въ Женевѣ.* Переведено Свящ. П. Сергіевскимъ, профессоромъ богословія въ московскомъ университетѣ. Москва 1863. — *Этнографическіе этюды.* Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи. С. Ешевскаго СПб. 1862.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефренъ.

Плачевный и въ то же время радостный финалъ французскихъ выборовъ. — *Національный историкъ* Тьеръ отвергнутъ, какъ императорскій присяжный.— Государственная мудрость г. Персиньи въ этомъ дѣлѣ. — Вмѣшательство полиціи въ назначеніе кандидатовъ. — Подлоги именъ въ спискахъ выборныхъ. — Чего желаетъ французское правительство и чего хочетъ парижская публика? — Назидательный выводъ изъ настоящихъ выборовъ Франціи. — Процессъ Фаусти въ Римѣ. — Католическіе ирландцы передъ судомъ протестантскихъ англичанъ. — Обвиненіе епископа Каленсо за неумѣстное толкованіе библіи. — Кризисъ Пруссіи и послѣдніе симптомы американской войны.

Домашняя лѣтопись.

Проектъ новаго устава о книгопечатаніи.—Необходимость возможно-большаго простора для литературной дѣятельности.—Мнѣніе коммиссіи объ административныхъ взысканіяхъ за проступки противъ печати.—Можно ли закономъ опредѣлить всѣ случаи преступленій по книгопечатанью?—Залоги по періодическимъ изданіямъ.—Какъ способно отнестись общество къ новому уставу?—Старая пѣсня о нашей самодѣятельности.—Пермское юридическое общество.—Необходимость подобныхъ обществъ и въ другихъ случаяхъ.—Басня «лебедя, рака и щуки» въ нашихъ общественныхъ предпріятіяхъ.—Таже басня въ примѣненіи къ литературному фонду.—Близкая кончина его.

Дневникъ темнаго человѣка.

Роковое вліяніе лѣтнихъ мѣсяцовъ на русскую журналистику. — Рядъ весьма любопытныхъ явленій. — Самобичеваніе А. Григорьева, истерика Е. Туръ и бѣгство Г. И. Кори. — Существовалъ ли когда нибудь Громека или являлось намъ одно привидѣніе въ его образѣ?—Галлюцинація Отечественныхъ Записокъ. — «Таинственное видѣніе А А Краевскаго» — Сцена въ стихахъ.—Крѣпостная муза г. Фета въ новомъ нарядѣ.—Разсужденіе о томъ, что его прежнія лирическія пѣсни были рядъ восторженныхъ гимновъ крѣпостному праву.—Его новыя пѣсни въ прозѣ и плачъ о пропавшихъ одинадцати цѣлковыхъ.—Шесть гусенятъ, вооружившихъ г. Фета противъ русской литературы —Выдуманные имъ штрафы.—Пѣсни во вкусѣ *новаго* Фета.— Греческій поэтъ Щербина въ обществѣ Бурачка и Аскоченскаго. — Брошюра г. Щербины о томъ, что наставниками народа должны быть пономари и дьячки, и о томъ, что наставники должны непремѣнно постомъ ѣсть постное и рицать мясо. — Игривыя засѣданія въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности и остроумное сближеніе М. П. Погодина—нигилистовъ съ Кирилломъ и Мефодіемъ.—Вновь открытый секретъ безъ всякаго труда сдѣлаться литераторомъ или сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія».— Нѣкто г. П. Родіоновъ, выдающій чужія произведенія за свои собственныя.— Новые благодѣтели рода человѣческаго гг. Блокъ и Быстротоковъ.—Каковы бываютъ у насъ мировые посредники!

СОДЕРЖАНІЕ ІЮНЬСКОЙ КНИЖКИ

ОТДѢЛЪ I.

Два мгновенія. Разсказъ. (Окончаніе). П. А. Гайдебурова.

Съ береговъ Волги. (Очеркъ). Грицко.

Памяти самоубійцы. Стихотвореніе.

Отцамъ. Стихотвореніе Ив. Г—М.

Условія прогресса.—Отживающія слова. Н. В. Шелгуновъ.

Шесть недѣль въ отдѣленіи умалишенныхъ. I. Ш.

Неудавшаяся жизнь. (Изъ посмертныхъ записокъ Бубликова). М. З—овъ.

Золотой телецъ. (Романъ Чарльза Левера). Часть вторая.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. I. СПБ. 1863. Л. П—скій.

Торговыя преступленія. (Окончаніе). Н. В. Соколовъ.

Библіографическій листокъ.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ 2 т. Санктпетербургъ. изданіе А. И. Глазунова. 1863. — Стихотворенія К Павловой. Москва 1863. — Курсъ исторіи русской литературы (съ библіографическими указаніями). Сочиненіе К. Петрова. СПБ. 1863. — Исторія всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера. Томъ 1 (Англійская литература). Изданіе Н. Тиблена СПБ. 1863. — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Періодъ первый отъ паденія западной римской имперіи до Карла В. 476—771. СПБ. 1863. — Руководство къ изученію всеобщей исторіи для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, Т. Б. Вельтера. Исторія среднихъ вѣковъ; переводъ съ нѣмецкаго 19-го изданія Л. Левенстерна и А. Карлова. Изданіе Д-ра Хана, СПБ. — Крестовый походъ императора Фридриха второго, разсужденіе В. Бильбасова, СПБ. 1863.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика.

Теченіе французской исторіи уподобляется теченію рѣки Роны. — Что такое всеобщая подача голосовъ второй имперіи? — Старое и новое поколѣніе Франціи. — Выборы депутатовъ и зависимость ихъ отъ правительства. — Невозможность оппозиціи въ французской палатѣ. — Пять независимыхъ депутатовъ еще не составляютъ дѣйствительной оппозиціи. — Политика Наполеона III; внѣшняя и внутренняя сторона ея или соединеніе въ одномъ лицѣ Макіавелли и Наполеона I. — Спекуляція дижонскихъ монаховъ чудесами. — Замѣненіе вольтеровскаго кресла въ французской академіи господиномъ Карне вмѣсто г. Литре.

Домашняя лѣтопись.

Застой въ производительности нашего народнаго труда.—Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1863 годъ.—Относительная льготность или обременительность народныхъ податей, по сравненію русскаго государственнаго бюджета съ англійскимъ. Статья нѣкоего моряка, перепечатанная во «Времени» подъ заглавіемъ: «Нуженъ ли намъ флотъ?»—Курьезныя доказательства, приведенныя г. морякомъ въ подтвержденіе необходимости флота.—Что нужно для нормальнаго развитія морскихъ силъ, и чего недостаетъ у насъ для этого развитія?—Проектъ объ устройствѣ «Учительскихъ Институтовъ.»—Мнѣнія нашихъ педагоговъ о народномъ образованіи по поводу этого проекта.—Спартанскій коммунизмъ костромского епископа Платона.—Могутъ ли «Учительскіе Институты» приготовить учителей для народа?»—И есть ли дѣйствительная потребность въ этихъ институтахъ? — Кто долженъ оплачивать народное образованіе—государство или общество?

Дневникъ темнаго человѣка.

Наступленіе петербургской весны. — Контрабанда или невское солнце. — Наша флора и русскіе пѣвцы, ей измѣнившіе. — Слухъ о новой весенней серенадѣ г. Щербины. — «Русскій Вѣстникъ», какъ богадѣльня для престарѣлыхъ вдовъ и литературныхъ содержанокъ. — «Мрачная элегія», посвященная русскимъ поэтамъ. — Нѣчто о шляпкахъ и о женской эмансипаціи.—Моя весенняя пѣсня о дѣйствіяхъ правленія Общества царскосельской желѣзной дороги. — Система «глазомѣра», введенная правленіемъ общества. — Годовое собраніе общества и польза протестовъ. — Г. Очкинъ, уступающій свое директорское кресло дамѣ. — «Два хора» — акціонерная пѣсня. — Родословная русскаго прогресса. — Сюжеты изъ міра фантазіи. — Дмит. Бенардаки и его управляющій. — Весенніе пророческіе сны. — «Голосъ» и его мнѣніе о личномъ оскорбленіи. — Пензенскіе жандармы. — Нѣсколько экземпляровъ изъ міра педагоговъ. — Г. Дмитрій Соболевскій начинаетъ исправляться. — Симбирская полиція. — Канцелярская разсѣянность. — Революція почтоваго

СОДЕРЖАНІЕ ПОЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Наша университетская наука. (I—XVI). Д. И. Писаревъ.

Дифирамбъ Ивану Петровичу. (Разсказъ). П. Горскій.

Естествознаніе и юстиція. В. А. Зайцевъ.

Сербскіе мотивы. (Стихотворенія). В—евъ.

Женитьба отъ скуки. (Повѣсть). Г. Лунинъ.

Шесть недѣль въ отдѣленіи умалишенныхъ. (Оконч.) I. Ш.

Золотой телецъ. (Романъ Чарльза Левера). Окончаніе второй части.

Два преступника. (Стихотвореніе). П. И. Вейнбергъ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Исторія XIX вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Выпуски 5-й и 6-й. Спб. 1863 г. Л. П—скій.

Сѣверо-американскіе штаты въ 1863 году. В. П. Поповъ.

Библіографическій листокъ.

Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Томъ I. (Выпуски 1 и 2.) Изданіе II. Тиблена. СПБ. 1863.—Общая Исторія Италіи съ 1846—50 года. Сочиненіе Діэго Соріа, профессора публичнаго права въ Италіи. Переводъ П. Кончаловскаго. Изданіе В. Висковатова. Томъ I. (Выпускъ 1.) СПБ. 1863.—Общая естественная исторія насѣкомыхъ. Сочиненіе Кэрби и Спэнса. Перевелъ съ англійскаго седьмаго изданія Андрей Минъ. Изданіе А. И. Глазунова. М. 1863.—Зоологія и Зоологическая Хрестоматія въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Анатолій Богдановъ. Изданіе литографіи Безпечнаго и К°. 1862.—Міръ растеній. Опытъ космической ботаники. Сочиненіе Карла Мюллера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею К. Резенера, съ 300 рисунками въ текстѣ. СПБ. Изданіе Вольфа. 1863.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика Жакъ Лефренъ.

Комическая и серьезная сторона послѣднихъ выборовъ во Франціи. — Народная воля, сочиненная въ циркулярѣ г. Персиньи, и дѣйствительное значеніе этой воли.—Перемѣна министерства есть не болѣе, какъ перемѣна именъ.—Умилительная жалоба французскаго правительства на централизацію власти, стѣсняющую частную и общественную дѣятельность.—Наконецъ фран-

цузскому юношеству дозволено изучать философію.—Взятіе Пуэблы и дальнѣйшіе марши генерала Форе.—Планы Людовика Бонапарта относительно Мексики.—Дикая революція на дикомъ Мадагаскарѣ.—Конституція Мадекассовъ и присяга ей новой королевы, супруги Радамы II.—Намѣреніе императрицы Евгеніи отправиться къ святымъ мѣстамъ и помолиться у гроба Игнатія Лойолы за благоденствіе своего супруга.—Политика Англіи въ отношеніи къ Польшѣ и къ Бразиліи.—Продолженіе сѣверо-американской войны.—Съѣздъ нѣмецкихъ правителей во Франкфуртѣ.—Борьба буржуазіи и юнкеровъ въ Пруссіи.

Домашняя лѣтопись.

Надежды на миръ.—Условія внутренняго европейскаго мира.—Утонченность современной войны.—Вліяніе экономическихъ вопросовъ на внутреннее спокойствіе народовъ.—Право труда—капитальная задача нашего времени.—Практическое разрѣшеніе этой задачи.—Ассоціація пока служитъ единственнымъ средствомъ этого разрѣшенія.—Рошдальская ассоціація и Нью-Лонаркъ Раберта Оуэна.—Примѣненіе этого принципа къ русскому обществу.—Плачевная судьба нашихъ частныхъ компаній.—Причины несостоятельности нашихъ ассоціацій.—Постройка московско-севастопольской желѣзной дороги, ввѣренная компаніи англійскихъ капиталистовъ.—Практичность этой мѣры и соціальное значеніе этого сооруженія.—Проявленіе отношеній общества къ частной дѣятельности въ *вызовѣ* самарскимъ дворянствомъ русскихъ, путешествующихъ за границей.—Полемическая схватка по этому поводу между двумя родственными газетами—"Днемъ" и "Современною Лѣтописью".—При какихъ условіяхъ мы перестанемъ ѣздить за границу, и почему мы теперь предпочитаемъ ѣхать въ Западную Европу, а не въ Китай и Турцію?—Скудость общественныхъ явленій прошлаго мѣсяца.

Дневникъ темнаго человѣка.

Приближеніе осени. — Пустота въ саду россійской словесности. — Прогулка по этому саду. — Два древа, въ которыхъ нельзя разсмотрѣть, гдѣ начинается одно и гдѣ оканчивается другое. — Озеро съ бенедиктовскимъ лебедемъ. — Гусенята и г. Фетъ. — Мои подражанія новымъ пѣснямъ г. Фета. — Ржаніе публициста.—Плачъ редактора о г. Громекѣ.—Профессоръ "отъ розогъ и философіи" подъ тѣнью березы.—"Взбаломученное болото" въ саду россійской словесности.—Меланхолическая пѣсня.—Мои "лѣтнія замѣтки".—Характеристика главныхъ загородныхъ пунктовъ.—Сцены на пароходѣ.—Новая деревня.—Характеристика ея обитателей.— Новодеревенская *ящерица*. — Руины Рейнскаго замка, перенесенныя въ Кушелевскій садъ.—Полюстровская Деревня.—Прелести загородныхъ дилижансовъ.—Лѣсной Институтъ. — Быстрота полученія въ немъ газетъ. — Барышня и странникъ. — Коробочка Лѣснаго института. — Патріархальность Парголова. — Ода послѣ купанья въ Парголовскомъ озерѣ.—Размышленія о нашихъ поэтахъ—лирикахъ. — Сочиненіе Юма "Révélations sur ma vie" и свѣдѣнія о чудесахъ, разсказанныхъ въ ней. — Петербургъ принаряжается къ зимнему сезону. — Опыты поѣздовъ по желѣзноконной дорогѣ. — Остроумное изобрѣтеніе г. губернскаго секретаря Андреева.—Г. Писемскій, превосходящій цинизмомъ г. Всеволода Крестовскаго. — Новыя свѣдѣнія о дѣятельности извѣстной читателямъ содержательницы пансіона.—Путешествіе по женскому пансіону.—Нравственные совѣты его наставницы.—Докторъ "Экой какой" и его совѣты во вкусѣ г. Юркевича.—Гуманность воткинскаго волостнаго правленія. — "Привольное житье" — фантастическій эпизодъ моего сочиненія. — Письмо изъ Москвы.—Кіевскія новости и новый подвигъ "Вѣстника Югозападной Россіи".

Домашняя лѣтопись.

Пѣтушиный бой двухъ московскихъ редакторовъ.—Полемика нашихъ почвенниковъ съ г Катковымъ. — Г. Страховъ въ роли крѣпостнаго бурмистра передъ редакторомъ «Русскаго Вѣстника».—Почвеники по недоразумѣнію поражаютъ *своихъ*.—Убѣжденія и любовь славянофиловъ къ народу.—Унисонъ мнѣній г. Аксакова и г. Каткова. — Значеніе журналиста нашего времени. — Измѣнилъ-ли дѣйствительно г. Катковъ своимъ убѣжденіямъ? — Примѣненіе женскаго труда къ типографскому дѣлу и притязанія на славу этого примѣненія редакціи «Сѣвер. Пчелы». — Значеніе нашего народнаго труда. — Могутъ-ли быть женщины типографскими наборщиками?—Неудавшіеся опыты въ этомъ родѣ —Женщины-медики; женщины—самодуры.—Шайка воровъ открытая петербургскою полиціей.—Связь воровства, какъ общественнаго явленія, съ бѣдностью.

Дневникъ темнаго человѣка.

Признаки начинающагося «зимняго сезона» въ С. Петербургѣ — Невская осень съ дождями, съ грязью и съ статьями гг. Раппопорта и Ростислава.— Охота домовладѣльцевъ за жильцами. — Нарожденіе скандаловъ. — В. И. Аскоченскій предъ прахомъ нѣкоего юноши. — Гимнастика охотниковъ, поднимающихъ разные вопросы. — Новый изобрѣтатель — служитель либерализма и полиціи. — Лонгиновъ и Фокинъ — критическая статья московскаго ученаго. — Московскія вѣдомости и ихъ сезонныя шалости. — Сказка о муромскомъ разбойникѣ Мишкѣ Никифоровѣ. — Разныя мелочи сезона. — Поднятіе занавѣса на русской сценѣ. — Фальшивая тревога о театральныхъ реформахъ. — Лирическое вступленіе по поводу прошедшей дѣятельности Александринскаго театра. — Гимнъ Мельпоменѣ отъ Темнаго Человѣка. — Разсужденіе о томъ, что зимній невскій сезонъ можно узнать по запаху. — Всеобщій насморкъ, спасающій петербуржцевъ отъ зловоній. — Новый планъ столичныхъ домовладѣльцевъ съ норовомъ, принимающихъ въ жильцы своихъ домовъ только людей съ высокими чинами. — Сновидѣніе домовладѣльца. — Нѣчто о докторѣ Ханѣ и его новомъ журналѣ. — Русскіе рецензенты: Тавелъ Анненковъ и др. — Слово о И. Тургеневѣ заграницей. — Новая картина г. Ге, присланная въ Академію художествъ на ежегодную выставку. — «Мечта и дѣйствительность» — сцена въ вагонѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ.— Тѣнь Козлянинова — Одинъ изъ типовъ современной провинціальной жизни.

РУССКОЕ СЛОВО

въ 1863 году

будетъ выходить каждый мѣсяцъ, книжками отъ 25 до 30 листовъ.

цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки . . . . 12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой . . . . 14 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова», въ Колокольной улицѣ, въ домѣ Миллера N 3, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова» и въ книжныхъ магазинахъ (въ С.-Петербургѣ—А. Н. Серно-Соловьевича и въ Москвѣ—А. Ф. Черенина), продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Кушелева-Безбородко:

Сочиненія А. Островскаго, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р; съ пересылкой 3 р. 75 к.

Сочиненія А. Майкова, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 75 к.

Сочиненія Л. Мея, Спб. 1862 г. 3 т. цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Сочиненія И. Панаева. Спб. 1863 г. 4 т. 3 р; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова: Спб. 1862 г. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Памятники старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р., а съ пересылкой 3 р. 75 к.

Рисунки Боклевскаго, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 50 к., а за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес., и 6 р 50 к., съ перес.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору Русскаго Слова, въ С.-Петербургъ.